

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

АНАНЬЕВ ДЕНИС АНАТОЛЬЕВИЧ

**АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ИСТОРИИ СИБИРИ, ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И РУССКОЙ АМЕРИКИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.**

Специальность 5.6.5 – Историография, источниковедение, методы исторического
исследования

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Новосибирск

2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. Изучение истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки англо- и немецкоязычными исследователями в конце XIX – начале XXI в.....	96
1.1. Организация сибиреведческих исследований в зарубежных научных центрах.....	96
1.2. Источниковая база англо- и немецкоязычного сибиреведения.....	129
1.3. Основные теоретико-методологические подходы англо- и немецкоязычных историков-сибиреведов.....	145
ГЛАВА 2. Власть и общество в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): проблемы управления, общественно-политического и социокультурного развития региона в освещении англо- и немецкоязычной историографии.....	179
2.1. Проблемы управления и общественно-политического развития.....	179
2.2. Проблемы социокультурного развития.....	245
ГЛАВА 3. Социально-экономическое развитие Сибири во второй половине XIX – начале XX в. в освещении англо- и немецкоязычной историографии.....	274
3.1. Проблемы аграрного развития Сибири.....	274
3.2. Проблемы развития промышленности и транспортной инфраструктуры.....	334
ГЛАВА 4. История Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. в освещении англо- и немецкоязычной историографии	356
4.1. Присоединение Приамурья и Приморья	356
4.2. Дальневосточная политика России на рубеже XIX – XX вв.....	397
4.3. Проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока.	443
ГЛАВА 5. История Русской Америки второй половины XIX в. в освещении англоязычной историографии.....	478
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	520
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	529

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и научная значимость темы исследования. По оценке исследователей, современная историографическая ситуация отмечена «методологической революцией», скептическим отношением к историческому «метанарративу», универсальным схемам исторического процесса и одновременно – расширением предметного поля исторической науки, появлением множества новых областей исследования, что актуализирует историографические исследования, позволяющие оценить накопленный историками опыт и оценить перспективы и направление дальнейшего развития науки.

В последние несколько десятилетий существенным фактором, влиявшим на развитие историографии, послужили процессы глобализации и радикальные изменения на политической карте мира, расширение международной научной коммуникации (во многом – благодаря компьютерным технологиям), в которой английский язык является “*lingua franca*”.¹ Одним из следствий указанных процессов явилось постепенное отступление парадигмы национальной истории с доминирующих позиций (хотя, по выражению Г. Иггера и Э. Вана, в большинстве стран история «продолжает писаться на национальных языках и для национальной аудитории»²), что сопровождается актуализацией региональной истории, испытавшей влияние «культурного поворота» и использующей теоретический инструментарий различных научных дисциплин, например, концепции «ментального пространства» и «воображаемых сообществ».³

¹ Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008; Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 2009; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Камынин В.Д. Историографические исследования в эпоху постмодерна // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2015. Вып. 17. Ч.2.: История и историк в ситуации интердисциплинарности. С. 68-81; Алеврас Н.Н. Предмет историографии: версии современной науки // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI – XX вв. Серия Интеллектуальная история. Вып. 4. Екатеринбург, 2010. С.173-190; Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источникововедения летописных текстов. Москва, 2004.

² Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.420; Меньковский В.И. Современная британская россика и советика Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1. Мінск: БДУ, 2006. С. 243–255; Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.А. Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013.

³ Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008. С.22-24.

Региональная история изучается зарубежными специалистами в рамках регионоведческих исследований (area studies, regional studies, Regionalstudien), в том числе – сибиреведческих. На протяжении нескольких столетий существенный вклад в развитие историко-сибиреведческих исследований вносили представители англо- и немецкоязычной историографии (прежде всего, исторической науки США, Канады, Великобритании и Германии), которые отмечали колоссальный экономический потенциал региона, во многом способствовавший превращению России в сверхдержаву. Не меньший интерес вызывала история освоения русскими Дальнего Востока, Тихоокеанского Севера и Северной Америки, что способствовало упрочению позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Одна из актуальных задач историографии заключается в освещении истории распространения знаний (в том числе - научных) о Сибири и объяснение истоков бытующих о ней представлений, учитывая тот факт, что отечественные и зарубежные авторы зачастую высказывают диаметрально противоположные взгляды на различные проблемы сибирской истории. Многие представители англо- и немецкоязычной историографии описывают продвижение русских за Урал исключительно как череду жестоких военных кампаний, повествуют о непрерывном "угнетении покоренных народов", о неэффективной системе управления, превратившей Сибирь в "край каторги и ссылки"; о том, что освоение региона стало для российской казны непосильным бременем, что делает маловероятным его успешное развитие в будущем.

Все эти темы являлись предметом не только научных, но и общественно-политических дискуссий, нередко – довольно острых. Соответственно, актуальной задачей представлялось объяснение исторических причин успешности освоения восточных окраин России и прочности российского присутствия за Уралом. Следует также принять во внимание тот факт, что выводы и оценки, сделанные ведущими англо- и немецкоязычными исследователями, учитывались при выработке политического курса их стран в отношении России, тем более что многие специалисты по истории «русской восточной экспансии» были тесно связаны с правительственными структурами, совмещая научную деятельность с государственной службой, выступая в качестве консультантов, выполняя дипломатические поручения и т.д.

Перечень англо- и германоязычных исследователей сибирской истории насчитывает не один десяток имен – среди них такие известные как Ф.А. Голдер, Р.Дж. Кернер, Р. Фишер,

Дж. Ланцев, Дж. Ленсен, М. Раев, Д. Тредголд, Б. Дмитришин, Дж. Ленсен, Дж. Стефан, Дж. Уайт, С. Маркс (США); Р.А. Пирс, Дж.Р. Гибсон, Г. Баррэт, Дж.-Л. Блэк (Канада); Дж. Баддели, Т. Армстронг, В. Конноли, Р. Квестид, Д. Коллинз, А. Вуд (Великобритания); К. Менерт, Э. Винтер, В. Хинцше, Д. Дальман, Л. Томас, Э.-М. Столберг (Германия) и др. В текущем столетии на авансцену выдвинулось новое поколение историков, в их числе – Э. Гентес, Д. Рэйнбоу, Д. Бир, С. Бэдкок, Ш. Коррадо, Э. Фризен и др.

Западными сибиреоведами велся самостоятельный поиск решения научных проблем, однако результаты их исследований не были в должной мере востребованы отечественной историографией, что объяснялось, прежде всего, влиянием политических и идеологических факторов, отсутствием должного уровня международного научного сотрудничества, невозможностью для зарубежных исследователей получить свободный доступ к российским и советским архивам в течение большей части XX века. Соответственно, в адрес западных авторов нередко звучали обвинения в слабом знании достижений российской историографии, использовании очень ограниченного круга источников, предвзятости и тенденциозности. Важно выяснить, в какой мере эти утверждения соответствуют действительности.

Очевидно, что объяснение различий в выводах и оценках предполагает изучение теоретико-методологических оснований зарубежного сибиреведения, истории формирования его источниковой базы, деятельности основных исследовательских центров и научных школ, научного наследия наиболее ярких представителей англо- и немецкоязычной историографии Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, без чего трудно объективно судить об итогах и перспективах собственного развития. Актуальность восполнения существующего пробела в отечественной исторической науке несомненна.

В целом, научная значимость темы настоящего исследования обусловлена общей ситуацией в современной исторической науке – своего рода "глобализацией историографии", более интенсивным взаимодействием историков разных стран и насущной потребностью в переосмыслении накопленного историографического материала, что необходимо для определения задач нового этапа в развитии сибиреведческих исследований.

Степень изученности темы. Англо- и немецкоязычная историография, посвященная истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX - начала XX вв., еще не стала предметом комплексного историографического анализа. Отдельные работы отечественных и зарубежных авторов, затрагивающие различные аспекты темы, можно разделить на несколько групп или блоков. **Первый тематический блок** включает в себя труды, содержащие **общую характеристику западного сибиреведения, его основных этапов, анализ его организационного и институционального развития, схоларной проблематики.** Специальные исследования, посвященные зарубежной (в первую очередь, американской) историографии Сибири, появились в советской исторической науке в середине XX в., что объяснялось, прежде всего, изменением геополитической роли СССР и США в ходе Второй мировой войны⁴ и необходимостью переосмысления исторического прошлого двух сверхдержав, в том числе, истории формирования и освоения их обширных территорий.

В статьях В.К. Яцунского и В.В. Покшишевского, опубликованных в середине 1940-х гг., в центре внимания оказалась деятельность американских историков, сотрудников Калифорнийского университета в Беркли – Р.Дж. Кернера, Р. Фишера и Дж. Ланцева, поставивших задачу «систематического построения» истории России с историко-географической точки зрения⁵. Итогом деятельности представителей Калифорнийской школы в 1930-х – 1940-х гг. стало появление научных произведений, объединенных, по выражению В.К.Яцунского, «общностью тематики и единством руководящей идеи» и представляющих собой «добросовестную сводку всех тех данных, которые авторы, каждый по своей теме, могли извлечь из опубликованных исторических документов и научной литературы, дореволюционной и советской: при этом руководящую роль для них играли работы современных советских историков, в особенности труды С.В. Бахрушина»⁶.

Вместе с тем они обвинили основателя Калифорнийской школы, Р.Дж. Кернера, в географическом детерминизме, поскольку тот касался «субъекта» истории – людей, носителей определенной классовой структуры общества – почти всегда вскользь, едва затрагивая осуществляемые ими (в том числе и в ходе территориальной экспансии)

⁴ См., напр.: Яцунский В. К. Развитие исторической науки в США // Историч. журнал. 1944. № 12. С.52-63.

⁵ Яцунский В. К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // ВИ. 1945, № 5-6. С.186-205; Покшишевский В. В. Рец. на кн.: Р. Дж. Кернер. «Стремление к морю» // Изв. ВГО. 1947. Т. 79. Вып. 2. С. 232-236.

⁶ Яцунский В. К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // ВИ. 1945, № 5-6. С. 199.

способы производства, не раскрывая их социальных взаимоотношений»⁷. В полной мере это относилось и к характеристике сибирской колонизации, данной Р.Дж. Кернером: «Выхолащивая социальное содержание истории, Кернер недопустимо схематизирует и процесс освоения природных ресурсов»⁸. При всех отмеченных недостатках труды Р.Дж.Кернера и его учеников все же получили довольно высокую оценку отечественных исследователей.

В дальнейшем, по мере обострения идеологического противостояния капиталистической и социалистической систем в условиях «холодной войны», отношение к западным исследователям сибирской истории было не столь благожелательным. Об этом, в частности, свидетельствовало выступление академика Е.М. Жуков в марте 1960 г. на конференции по истории Сибири, созванной Отделением исторических наук и Сибирским отделением АН СССР. Указывая на повышенный интерес «буржуазной историографии» к истории Сибири и Дальнего Востока, советский историк охарактеризовал основное ее направление как «глубоко враждебное нам, лживое истолкование исторических событий». Признавая, что в политике царизма было немало «колониаторского» (экспроприация местного населения, насилие в отношении «инородцев», хищническое использование природных богатств, превращение Сибири в место каторги и ссылки), Е.М.Жуков называл важнейшим фактором исторического развития Сибири «прямой контакт местного населения с трудовыми слоями русского народа, распространение более современных трудовых и общекультурных навыков и повышение производительности труда местного населения, благотворное влияние политических ссыльных, контакт с российским пролетариатом».

В.И. Шунков также отмечал давность возникновения среди зарубежных исследователей интереса к Сибири. После 1917 г. наибольшую активность проявляли историки США, Франции, Англии, Италии, ФРГ, Финляндии, Бельгии, Японии. Безусловными лидерами являлись американские ученые, прежде всего, сотрудники Гарвардского, Калифорнийского и Принстонского университетов, создавшие коллекции литературы и опубликованных источников⁹. Указывая на определенные достижения

⁷ Покшишевский В. В. Рец. на кн.: Р. Дж. Кернер. «Стремление к морю» // Изв. ВГО. 1947. Т. 79. Вып. 2. С. 236.

⁸ Покшишевский В. В. Рец. на кн.: Р. Дж. Кернер. «Стремление к морю» // Изв. ВГО. 1947. Т. 79. Вып. 2. С. 233. По-видимому, в дальнейшем сам В.В.Покшишевский в определенной степени противопоставил исследованию Р.Дж. Кернера свою собственную монографию «Заселение Сибири (историко-географические очерки)», опубликованную в Иркутске в 1951 г.

⁹ Шунков В. И. Разработка вопросов истории Сибири за рубежом // Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 36.

западных историков-сибиреведов, Е.М. Жуков и В.И. Шунков обратились к участникам конференции с призывом написать обобщающий историографический труд по данной теме, однако в советской исторической литературе такого рода исследование так и не появилось. Впрочем, отдельные аспекты темы затрагивались в статьях и монографиях, посвященных зарубежной историографии в целом, смежным историографическим проблемам, отдельным представителям западной исторической науки, а также в рецензиях на наиболее заметные зарубежные исследования по истории Сибири.

Так, в сборнике «Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма», вышедшем в 1962 г., в ряде статей содержались замечания относительно концепций продвижения России на восток, выработанных западными историками. Г.А. Некрасов критиковал английских историков за тезис об исконной агрессивности внешней политики России, в том числе на востоке¹⁰; Л.В. Данилова писала о подчинении американской историографии «пропагандистской задаче противопоставления абсолютистских монархий Западной Европы и «восточной деспотии» в России, отражающих якобы исконную противоположность «Запада» и «Востока»¹¹. В статье А.А. Преображенского «Сибирь в кривом зеркале господина Э. Хельцле» западногерманский историк подвергся критике за вывод о «военном и кочевом типе сибирской колонизации», а также за противопоставление процессов колонизации Северной Америки, где переселенцами была создана «страна свободы» и колонизации Сибири, где, как и везде в России, господствовали «деспотизм, царская автократия, гнет центральной власти и несвобода»¹².

В 1970-80-х гг. традиция критического подхода к анализу трудов англо – и немецкоязычных исследователей, изучавших историю начального освоения Сибири, нашел отражение, например, в рецензиях и статьях Н.И.Горловой, М.И.Чемериской, Л.В.Соколовой, Н.Н.Болховитинова,¹³ Несмотря на характерную для советских

¹⁰ Некрасов Г. А. Основные тенденции новейшей английской науки в изучении истории СССР эпохи феодализма // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 22 – 25.

¹¹ Проблеме противопоставления России и Запада в зарубежной историографии уделяется преимущественное внимание также в статьях В.Т. Пашуто, В.Д. Кузминой, А.Л. Хорошкевич и др. См.: Данилова Л. В. Русское централизованное государство в освещении буржуазных историков США // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 279; Кузьмина В. Д, Хорошкевич А. Л. Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записках» // История СССР. 1958, №1. С.202-213; Пашуто В. Т. Профессор Г. Штёкль размышляет об уроках истории // ВИ. 1968. № 8. С. 30—48.

¹² Преображенский А. А. Сибирь в кривом зеркале господина Э.Хельцле // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С. 293 – 301.

¹³ Соколова Л. В. Г.В.Ланцев, Р.А.Пирс. Исследование и освоение земель на русской открытой границе до 1750 г. – Монреаль, Лондон, 1973 // Рефер. журн: обществ. науки за рубежом. Сер. 5. М., 1976, № 1. С. 72 – 77; Чемериская

историков обстоятельность в критике буквально каждого тезиса западных авторов, их историографические исследования были фрагментарны и обычно содержали разбор очень небольшого числа историографических источников, на основании чего как автору, так и читателю трудно было составить объективное представление об общем уровне историко-сибиреведческих исследований на Западе. В свою очередь, в работах обобщающего характера, посвященных истории исторической науки отдельных стран (напр., работы В.И. Салова, А.Е. Куниной и др.¹⁴), основное внимание уделялось изучению историографии конкретных проблем. Как заметил по этому поводу В.В. Согрин, «ограниченность либо изъядны подобного анализа для полной характеристики какого-то историографического направления или даже историка доказать нетрудно: одни и те же исторические школы или историки придерживаются подчас глубоко противоположных взглядов и концепций в отношении разных периодов и проблем»¹⁵.

Первые историографические исследования отечественных авторов, более обстоятельно анализировавших итоги и перспективы развития западного сибиреведения, появились в 1990-х – начале 2000-х гг.¹⁶ Так, в серии статей В.Н. Чернавская рассмотрела методологические основания англоязычной историографии «русской восточной экспансии»; историю возникновения на Западе особого историографического

М. И. Дж.Р.Гибсон. Взаимоотношения между русскими и коренными жителями в Русской Америке. – Вашингтон, 1980 // Рефер. журн: обществ. науки за рубежом. Серия 5. М., 1981, № 2. С. 56 – 57; Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о С.Дежнев и В.Беринге // Изв. АН СССР. Сер. географии, 1983. № 4. С. 96 – 104; Горлова Н.И. Жуай Е.Ф. Транзитный путь из Москвы в Даурию: проблемы транспорта и передвижения в Сибири в XVII в. – Кельн, 1981 // Рефер. журн: общественные науки за рубежом. Сер. 5. М., 1983, № 2. С. 35 – 37; Резун Д. Я. Колонизация Сибири и ее специфика // Фронтир в истории Сибири и Северной Америке в XVII-XX вв. Общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск, 2003. С. 13 – 32.

¹⁴ Салов В.И. Антинаучный характер западногерманского «остфоршунга» // Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966. С.72-90; Салов В.И. Современная западногерманская буржуазная историография. М., 1968; Согрин В. В. Критические направления немарксистской историографии США XX в. М., 1987; Кунина А. Е. США: методологические проблемы историографии. М., 1988.

¹⁵ Согрин В. В. Критические направления немарксистской историографии США XX в. М., 1987. С. 3.

¹⁶ Алексеева Е.В. Русская Америка: новые концепции в англоязычной историографии // Изв. СО РАН. История, филология и философия. 1993. Вып. 1. С.59 – 63; Алексеева Е.В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998; Воробьева Т. В. Теория «передовой подвижной границы» (“frontier”) и народы Камчатки и Аляски//Вестн. Камчатск. регион. ассоциации «Учебно-научный центр» (КРАУНЦ). Гум. науки. Петропавловск-Камчатский, 2005. № 1 С. 1 – 8; Воробьева Т. В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства: монография. Петропавловск-Камч., 2012; Корчагин Ю. В. Политика российского самодержавия и традиционные общества народов севера в зарубежной историографии // Докл. межвуз. науч.-теор. конф. Ч. 2. Петропавловск-Камчатский, 1995. С. 3-25; Чернавская В. Н. Великие русские географические открытия на Северо-востоке Азии в XVI-XVIII вв. в освещении англо-американской историографии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. Истор.-археол. иссл.. Владивосток, 1994. С.143-164; Чернавская В. Н. Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии. К методологии вопроса // Краеведч. бюл. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. № 4. Южно-Сахалинск, 1995. С. 3 – 21; Чернавская В.Н. «Восточный фронтир» России XVII – начала XVIII века: историко-историографические очерки. – Владивосток, 2003.

направления, связанного с изучением истории освоения русскими Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Особое внимание в ее работах уделяется деятельности историков Калифорнийского университета; в меньшей степени освещалась эволюция британской историографии.

По мнению исследовательницы, англоязычное сибиреведение развивалось в рамках концепции «русской восточной экспансии»¹⁷, в отношении которой американские и британские историки изложили две основные позиции. Первая из них рассматривает «русскую восточную экспансию» как процесс, положивший начало важным географическим открытиям в регионе. Вторая позиция, оформившаяся после 1861 г. в работах Т. Аткинсона, Дж. Керзона, А.Краузе, определяла экспансию как процесс «поглощения русскими «чужих территорий»». По мнению В.Н.Чернавской, единственное существенное различие между работами по истории Сибири, опубликованными англоязычными авторами во 2-й половине XIX в. и в 1940-х - 1970-х гг., заключалось в концепции географического детерминизма, разработанной Р.Дж. Кернером. Новый шаг в разработке концепции «русской восточной экспансии» исследовательница усматривала в появлении статьи американского историка Б.Дмитришина «Русская экспансия к Тихому океану, 1580-1700: историографический обзор» (1980).¹⁸ Развивая идеи Б.Дмитришина, В.Н. Чернавская поясняла, что под «русской восточной экспансией» в англоязычной историографии понимается вообще движение русского народа на восток, от Урала до Тихого океана, и его влияние на последующее развитие Сибири и русского Дальнего Востока¹⁹.

Анализируя эволюцию содержания концепции «русской восточной экспансии», В.Н. Чернавская выделила три основных периода в истории западного сибиреведения. Начальный, по ее мнению, охватывал вторую половину XIX в., второй пришелся на 1920-1930-е гг., третий включал в себя 1940-1970-е гг.²⁰ Принимая схему, предложенную В.Н. Чернавской за основу, все же внесем в нее ряд уточнений. В конце XIX в. сложная политическая ситуация на Дальнем Востоке действительно придавала особую актуальность

¹⁷ Чернавская В. Н. Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории Дальнего Востока России (XVII-XVIII вв.) // Вест. ДВО РАН, 5-6 (56 – 57), 1994. С. 194 - 200.

¹⁸ Чернавская В. Н. Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории Дальнего Востока России (XVII-XVIII вв.) // Вест. ДВО РАН, 5-6 (56 – 57), 1994. С. 199.

¹⁹ Чернавская В.Н. Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии. К методологии вопроса // Краеведч. бюлл. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. № 4. Южно-Сахалинск, 1995. С. 10.

²⁰ Чернавская В.Н. Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории Дальнего Востока России (XVII-XVIII вв.) // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1994. С. 195-201.

вопросу о направлениях и целях «русской восточной экспансии», однако, как справедливо отмечает сама исследовательница, подозрения, высказанные Т. Аткинсоном, Дж. Керзоном, А. Краузе относительно колонизаторских и имперских планов России, были отвергнуты рядом авторов (например, Дж.Ф. Райтом²¹, Дж. Линчем), что уже ставит под сомнение существование стройной концепции²².

Тогда же, на рубеже XIX-XX вв., в англо-американской исторической литературе были сформулированы основные причины продвижения русских на восток – «алчность колонизаторов», приведшая к непрерывной охоте за пушниной (данный фактор впервые в американской историографии был отмечен Г. Бэнкрофтом и впоследствии рассматривался в работах Ф.А. Голдера, Дж.Ф. Райта и др.), поиск выхода к морю, а также стремление к обретению личной свободы²³. Признавая роль указанных факторов, западные историки вместе с тем понимали, что содержание процесса «русской восточной экспансии» этими факторами отнюдь не исчерпывалось, и предлагали более сложное видение движущих сил и «инструментов» «русской восточной экспансии», о чем, свидетельствовало, например, диссертационное исследование Э.М. Хикс (1916).²⁴

Анализ социально-экономических и политических факторов сибирской колонизации, сопряженный с выработкой общих схем русской истории, а также общеметодологических основ ее изучения В.Н. Чернавская относит к более позднему времени – 1920-1930-м гг. По мнению исследовательницы, в этот период особое развитие получила «евразийская концепция» истории России, нашедшая отражение в работах Г.В. Вернадского и впитавшая в себя ряд положений русской дореволюционной историографии о важном значении географического фактора, колонизационного движения, «борьбы леса со

²¹ По замечанию В.Н. Чернавской, труд Дж. Райта был одним из последних образцов описательной литературы, в котором большое внимание уделено физической географии региона, являвшейся непосредственной специальностью автора, а также описанию многих сторон жизни русского Дальнего Востока второй половины XIX в. Однако в его работе не содержалось подробного рассмотрения вопросов сибирской истории.

²² Atkinson T. W. *Travels in the regions of the upper and lower Amoor and the Russian acquisitions on the confines of India and China*. London, 1860; Curzon G. N. *Problems of the Far East. Japan – Korea - China*. New York, London, 1894; Krausse A. *Russia in Asia. A Record and a Study. 1558-1899*. London, 1900; Lynch G. *The Path of Empire*. London, 1903; Wright G.F. *Asiatic Russia*. London, New York, 1903.

²³ Bancroft H. H. *History of Alaska. 1730-1885*. Darien, 1970; Golder F.A. *Russian expansion on the Pacific, 1641-1850*. Cleveland, 1914.

²⁴ Hicks E.M. *The Territorial Expansion of Russia*. M.A. Thesis Presented to the Department of Histor. – Los Angeles: University of Southern California, 1916.

степью» и т.п.²⁵ Влияние этих идей В.Н. Чернавская считает определяющим для ученых Калифорнийской школы, в первую очередь, Р.Дж. Кернера²⁶.

Действительно, американский историк высоко отзывался о работах Г.В. Вернадского, но при этом своими предшественниками называл З. Ходаковского, С.М. Соловьева и В.О. Ключевского.²⁷ Уловив тенденцию поиска фундаментальных причин русской колонизации, Р.Дж. Кернер обобщил накопленный историографический опыт и предложил новую «формулу» исторического процесса, поручив ее проверку на сибирском материале своим ученикам. На наш взгляд, второй этап следует связать с деятельностью именно Р.Дж. Кернера и его последователей, соответственно, хронологически он охватывает 1930-1970-е гг. В свою очередь, внутри данного этапа можно выделить период 1960-1970-х гг., когда ведущую роль играли представители младшего поколения исследователей Калифорнийской школы — Р. Пирс, Дж. Гибсон, Э. Доннели, Дж. Харрисон.

Представления историков "Калифорнийской школы" о территориальном расширении Российского государства послужили предметом исследований Т.В. Воробьевой, также поддержавшей вывод отечественных специалистов о выраженном "географическом детерминизме" Р. Дж. Кернера, влияние которого "оказалось настолько мощным, что оно отразилось не только на всех последующих работах участников семинаров профессора, но и на современной англоязычной литературе, посвященной проблеме расширения территории России. По наблюдениям Т.В. Воробьевой, лишь некоторым представителям Калифорнийской исторической школы (в их числе - Дж. Ланцев, Р. Пирс, Дж. Харрисон, Дж. Гибсон) удалось глубже и объективней понять причины того, что они называли «русской экспансией».²⁸

Первой англоязычной публикацией, анализировавшей основные направления зарубежной, а также русской и советской историографии Сибири, явилась статья профессора Портлендского университета Б. Дмитришина «Русская экспансия к Тихому океану, 1580-1700: историографический обзор», первоначально увидевшая свет на

²⁵ Vernadsky G. A History of Russia. New Haven, 1954.

²⁶ Чернавская В.Н. Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории Дальнего Востока России (XVII-XVIII вв.) // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 1994. С. 196.

²⁷ Примечательно, что в своей более поздней работе В.Н. Чернавская определила в качестве методологической основы работы Р.Дж. Кернера уже не труды Г.В. Вернадского, а работы С.М. Соловьева и В.О. Ключевского. См.: Чернавская В.Н. Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии. К методологии вопроса // Краевед. бюл. Пробл. истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. № 4. Южно-Сахалинск, 1995. С. 3 – 21.

²⁸ Воробьева Т.В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства. Петропавловск-Камч., 2012.

страницах журнала “Slavic Studies” в 1980 г. Автор ограничился обзором лишь англоязычных трудов, поскольку, по его мнению, они превосходят прочие и количеством, и качеством. Предложив классификацию основных подходов к оценке сущности «русской восточной экспансии», историк ни один из этих подходов не считал единственно верным, полагая, что «как и все великие исторические события, русский “Drang nach Osten” нельзя определить одной формулой».²⁹

Вместе с тем он заметил, что по числу работ западная историография Сибири значительно уступает советской, и причиной тому являлся не только языковой барьер, но и невозможность для иностранцев получить доступ к русским архивам. Использование зарубежными историками преимущественно опубликованных материалов сказалось на качестве исследований. Б.Дмитришин полагает, что до 1930-х гг. основными фигурами в изучаемом историографическом направлении являлись англичанин Дж. Баддели и американец Ф.А. Голдер. С 1930 по 1956 гг. наиболее заметную роль играл Р.Дж. Кернер, учредивший семинар по истории Северо-восточной Азии. Итоги работы семинара Б. Дмитришин расценил как успешные, а созданные в его рамках труды Р. Фишера и Дж. Ланцева определил как классические.

В отличие от Б. Дмитришина, его соотечественник, сотрудник Принстонского университета Стивен Коткин, в специальной статье, посвященной основателю Калифорнийской школы³⁰, высказал в адрес Р.Дж. Кернера ряд критических замечаний - куда более резких, чем это делали советские и российские историки. С точки зрения С. Коткина, Р.Дж. Кернер надеялся, что его концепция «русской восточной экспансии» по своей значимости встанет в один ряд с теорией "фронта", но в отличие от ее создателя, Ф.Дж. Тернера, писавшего о внутренних процессах формирования американской нации и государства, Р.Дж. Кернер предпочел изучать причины и факторы, обусловившие формирование театра геополитического соперничества крупнейших азиатских держав. Данная тема не могла вызвать столь же сильный резонанс в американском обществе, как это было в случае с теорией Ф.Дж. Тернера. В целом, по мнению С. Коткина, «карьерные и институциональные амбиции Р.Дж. Кернера не имели под собой реалистичной основы».

²⁹ Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1580–1700: A Historiographical Review // *Siberica. A Journal of the North Pacific Studies Center*. Portland, 1990. Vol. 1, № 1. P. 31–34.

³⁰ Kotkin S. Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar // *Acta Slavica Iaponica*. Vol.15. 1997. P.93-113. Текст статьи первоначально был представлен в качестве доклада на конференции, посвященной российскому Дальнему Востоку и организованной в Хабаровске в августе 1995 г. Дэвидом Вулфом при финансовой поддержке "Глобального партнерства Запад-Восток".

Следует все же заметить, что даже если не все начинания Р.Дж. Кернера увенчались успехом, его вклад в становление не только Калифорнийской школы, но и западного сибиреведения в целом трудно переоценить.

Биография другого основоположника американского сибиреведения, Фрэнка Алфреда Голдера, освещалась в работах А. Дьюби, Т. Эммонса и Б.Патэнода, биографических статьях Х. Фишера, Л. Хатчинсона, Р.Х. Лутца³¹. Как замечают современные исследователи, работы Ф.А. Голдера, посвященные истории России, Сибири и Русской Америке немногочисленны,³² но по-прежнему высоко ценятся в научном сообществе. Подчеркивая актуальность изучения научного наследия Ф.А. Голдера, Т. Эммонс и Б. Патэнод также указывают на выдающуюся роль исследователя в формировании коллекции документальных материалов по истории России, хранящейся в Институте Гувера при Стэнфордском университете.

Проблемы организационного развития западного сибиреведения и роль отдельных историков рассматриваются в трудах Дж.Стоуна, М.Пиртона, И.У.Робертса, П.Спики, Р.Бирнса, Д.Дальмана, С.Коткина и др.³³. Так, общий очерк деятельности ведущих центров американского сибиреведения содержится в работе С.Коткина, увидевшей свет в 1995 г.³⁴ Наиболее обстоятельно автор освещает развитие историко-сибиреведческих исследований в США; рассматривая деятельность основных научных центров: Стэнфорд

³¹ Dubie A. Frank A. Golder: An Adventure of a Historian in Quest of Russian History. N.Y., 1989; War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927. Stanford, 1992; Patenaude B. M. Frank A. Golder: Collector Extraordinaire and Cultural Liaison in Revolutionary Russia / B. M. Patenaude // *Literature of the Americas*. 2017. No. 3. P. 8-29; Fisher H.H. Frank Alfred Golder, 1877-1929 // *Journal of Modern History* I. 1929. No.2. P. 253-255; Hutchinson L. Frank A. Golder // *A.R.A. Association Review* 4. 1929. No. 1. P. 49; Lutz R.H. Professor Frank Alfred Golder // *Stanford Illustrated Review*. 1929. P. 249-250.

³² Т. Эммонс и Б. Патэнод объясняют немногочисленность публикаций Ф.А. Голдера прежде всего тем фактом, что историк несколько раз лишался доступа к российским архивам из-за событий, происходивших в самой России. Впервые Ф.А. Голдер посетил Россию в 1914 г., когда страна вступила в Первую мировую войну; следующая поездка состоялась в 1917 г., когда Февральская революция положила конец трехсотлетнему правлению династии Романовых. Историк также находился в Советской России в 1921-1923 гг. в качестве сотрудника организации по борьбе с голодом, одновременно занимаясь сбором книг и рукописей. Сосредоточиться на решении сугубо научных задач американский Ф.Голдер смог только во время своих последних поездок в СССР в 1925 и 1927 гг.

³³ Stone, G. *Slavonic Studies at Oxford: a brief history* // *Beitraege zur Geschichte der Slavistik in nichtslavischen Laendern*. Vienna, 1985. S.361-398; Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2009; Pearton, M. *History of SSEES: The Political Dimension* // *The Slavonic and East European Review*. 1993. Vol.71. No.2. P.287-294; Roberts I.W. *The School of Slavonic and East European Studies, 1915-1990*. London, 1991; Speak P. Terence Edward Armstrong, 1920–1996 // *Geographers Biobibliographical Studies* Vol. 18. Mansell 1998. P.1-9; Byrnes R.F. *Archibald Gary Coolidge: A Founder of Russian and East European Studies in the United States* // *Slavic Review*. Vol.38. 1978. P.651-657; Byrnes R.F. *Awakening American Education to the World: The Role of Archibald Gary Coolidge, 1866-1928*. Notre Dame, 1982; Byrnes R.F. *A History of Russian East European Studies in the United States. Selected Essays*. New York, 1994; Thomas J. *The Institute of Pacific Relations, Asian Scholars and American Politics*. Seattle, 1974; Рибер А. Изучение истории России в США // *Исторические записки*. № 3 (121). М.: Наука, 2000. С.65-104.

³⁴ *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. Ed. by S. Kotkin, D.A. Wolff. – New York; London, 1995.

(Ф. Голдер, А. Мазур, У. Вучинич), Беркли (Р. Кернер, Дж. Ланцев), Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (А. Лобанов-Ростовский, Р. Фишер), Гавайский университет (К. Менерт, Дж. Стефан, Дж. Уайт), Университет штата Вашингтон (Д.Тредголд), Орегонский университет (Б. Дмитришин), Университет шт. Флорида в г. Талахасси (Дж. Ленсен). По мнению С. Коткина, научные центры (особенно университеты в Гонолулу и Беркли) обеспечили диалог и взаимодействие американских историков не только между собой, но и с коллегами из Китая, Японии, России; заложили традицию изучения оригинальных источников на европейских и восточных языках. В Великобритании аналогичную роль играл Британский семинар сибирских исследований, основанный в начале 1980-х гг. сотрудником Ланкастерского университета А. Вудом.

В начале XXI в. Н.Н. Болховитинов опубликовал ряд работ, посвященных русским историкам-эмигрантам и их роли в становлении американской русистики, в том числе в подготовке кадров для изучения сибирской истории.³⁵ История формирования источниковой базы западного сибиреведения освещается в публикациях П. Полански, И.А. Половниковой, Е.Г. Пивоварова, В.Л. Белобородько, В.А. Самсоновой, Н.Н. Болховитинова, Е.В. Петрова, И.А. Попова, Г.В. Ибнеевой.³⁶ Теоретико-методологические подходы, существующие в современном западном сибиреведении, анализируют в своих публикациях М. Ауст, Х.-Х. Нольте, Э.М. Столберг, Я. Кусбер³⁷

³⁵ Болховитинов Н.Н. Роль русских историков в становлении русистики в США // Вопросы истории. – 2001. – № 4. С.3-20; Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005. 142 с.

³⁶ Белобородько В.Л. Архив русской церкви на Аляске в Библиотеке конгресса США // ВИ. 1969. № 8. С. 189–192; Самсонова В. А. Михаил Винокуров и его коллекция якутских изданий в США // Вестник Дальневосточной гос. науч. библиотеки. 2002. № 2 (15). С.51-57; Половникова И.А. Молодые годы Юдина. М., 1996; Половникова И.А. Сибирский библиофил и заводчик Юдин. Красноярск, 2003; Пивоваров Е.Г. У истоков американской архивной "россии": А.В. Бабин (1866-1930) и Ф.А. Голдер (1877-1929) // Россия в США: Сб. ст. Вып. 7. М., 2001. С. 249-268; Петров Е.В. Фонды "русско-американских историков в архивах США // Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы возвращения. Мат-лы межд. науч.-практ. конф., 16-17 ноября 2000 г. М., 2000. С 43 -56; Пивоваров Е.Г. Формирование коллекции славянских материалов Конгресса США (К истории русско-американских культурных контактов: 1765 - середина 1950-х гг.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2007; Болховитинов Н.Н. Россия и США: архивные материалы и исторические исследования. М., 1984. С.6-48; Ибнеева Г.В., Попов И.А. Зарубежные источники по истории русской колонизации в трудах современных англо-американских исследователей // Былые годы. 2015. Т. 4, №. 38. С. 834-841; Полански П. Библиотекведение на побережье Тихого океана: собиратели русских материалов о Дальнем Востоке // Власть книги: библиотека, издательство, вуз. Науч.-информ. альманах. 2002. № 3. С.60-72; Polansky P. Pacific Rim Librarianship: Collectors of Russian Materials on the Far East // Indiana Slavic Studies. 2006. Vol. 16. P.159-181; Polansky P. Who created us? Faculty, book dealers and Russian libraries that shaped the UN Russian Collection. [Эл. ресурс] URL: http://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/handle/10125/1527/HARRYSEEIR_r.pdf?sequence=1 (дата обращения 25.12.2012).

³⁷ Aust M. *Rossia Siberica: Russisch-sibirische Geschichte im Vergleich zu mittel-alterlichen Landesausbau und neuzeitlichem Kolonialismus* // Zeitschrift fuer Weltgeschichte. 2000. Jahrgang I. H.1. S.39-64; Nolte H.-H. *Weltsystem und Area-Studies: Das Beispiel Russland* // Zeitschrift fuer Weltgeschichte. 2000. Jahrgang 1. H.1. S.75-98; Stolberg E.-V. *The Siberian Frontier and Russia's Position in World History: A Reply to Aust and Nolte* // Review (Fernand Braudel Center).

Во **второй тематический блок** входят работы, посвященные англо- и немецкоязычной историографии конкретных **проблем дореволюционной истории Сибири**. Отдельные публикации западных историков, изучавших **проблемы управления Сибири** позднеимперского периода, рассматриваются в историографических исследованиях С.В.Любичанковского, Л.М.Дамешека, О.В. Большаковой³⁸ и др. Стремясь вписать работы по истории Сибири в общий контекст американской историографии, О.В. Большакова использовала «генерационный подход», сопоставляя результаты научных исследований, полученные различными поколениями американских историков.

Исследовательница опирается на схему, предложенную М. Дэвид-Фоксом, согласно которой в истории развития американской русистики можно выделить три периода, связанные с деятельностью трех поколений историков и сменой господствующих исследовательских парадигм.³⁹ Для первого (конец 1940-х – 1960-е гг.) характерно преобладание подхода, унаследованного от историографии XIX – начала XX вв., т.е. главенство традиционной политической истории, с акцентом на изучении «высокой» политики и деятельности выдающихся личностей (взгляд «сверху»). В условиях начавшейся «холодной войны» значительное влияние на развитие историографии также оказывала политология с ее теорией «тоталитаризма». Следующее поколение американских историков, вышедшее на авансцену в 1960-х гг., отличалось более левыми взглядами. Правительственный аппарат Российской империи изучался ими в рамках «новой политической и институциональной истории», основывавшейся на постулатах структурно-функциональной социологии, теории модернизации и подходах социальной истории («взгляд снизу»).⁴⁰

По мнению О.В. Большаковой, среди западных специалистов, изучавших историю России в годы холодной войны, преобладали сторонники либерально-универсалистских

2004. Vol. 27. No. 3. P.243-267; Kusber J. Mastering the imperial space: The case of Siberia. Theoretic al app roaches and recent directions of research // *Ab Imperio*. 2008. No.4. С. 52-74.

³⁸Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитич. обзор. М., 2003; Большакова О. В. Власть и политика в России XIX — начала XX века: американская историография. М., 2008; Большакова О.В. Аграрные реформы П.А. Столыпина в современной англоязычной историографии // *Российская история*. 2012. № 2. С.164-172; Большакова О.В. Закон и порядок в дореволюционной России: новые интерпретации американских историков // *Российская история*. 2016. № 6. С.145-157; Большакова О.В. Долгое возвращение в Европу: изучение Первой мировой войны и американская русистика // *Российская история*. 2014. № 5. С.26-35; Большакова О.В. Кризис Российской империи. 1890-1914 гг. в зарубежной историографии // *Российская история*. М., 2019. № 2. С. 158-171.

³⁹ Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология*. Самара, 2000. С.5-47.

⁴⁰ Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитич. Обзор. М., 2003. С.6-7.

ценностей, для которых революция являлась несомненной трагедией, нарушившей нормальный ход развития государства. Концептуальную рамку для рассмотрения истории предреволюционного периода в категориях нормативности и закономерности предоставила теория модернизации, позволявшая поставить царскую Россию в один ряд с европейскими державами. В отличие от консерваторов, указывавших на преемственность дореволюционной и «тоталитарной» системы, поколение «либеральных историков» считало революцию фактически неизбежным следствием «запоздалой» модернизации, недостатки которой были обусловлены «догоняющим» развитием.

В соответствии с оценкой степени успешности российской модернизации западных историков часто делят на «оптимистов», не считавших революцию неизбежной, и «пессимистов», настаивавших на обреченности царизма. В полной мере такое деление просматривается в работах, освещающих причины кризиса системы управления в позднеимперский период⁴¹. При всех различиях в указанных подходах, исследования англо-американских историков по "бюрократической тематике" составляют методологически единое научное направление, основанное на признании принципиально важного места госаппарата в поздней Российской империи.

По мнению С.В. Любичанковского, англо-американские историки (Д. Орловски, В.К. Роуни, Дж. Яни, П. Пирсон, Н. Вайсман, Р.Дж. Роббинс, М. Раев, У. Пинтнер и др.), изучавшие российскую бюрократию позднеимперского периода, выявили ряд ее общих характеристик: масштабность (бюрократический аппарат был одним из самых больших в мире) и одновременно – недостаток в адекватных ресурсах ("недоуправляемость", *undergovernment*); зависимость более подготовленных и образованных лиц на высших должностях и в центральных учреждениях от менее подготовленного персонала; низкое качество управленцев и вместе с тем - постепенная профессионализация государственной службы; фаворитизм при назначении губернаторов; дезинтеграция местной администрации в связи с укреплением министерской системы управления; ведомственные войны; анахроничный в условиях модернизации "самодержавный" (единоличный) стиль управления; несоответствие состава бюрократии и состава элиты

⁴¹ Так, современный российский историк С.В. Любичанковский называет Р. Маккина крупнейшим представителем направления «пессимистов», а Л. Хеймсона – направления «оптимистов». См.: Любичанковский С.В. Состояние власти позднеимперской России в оценке англо-американской историографии 2-й половины XX - начала XXI в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.9. 2007. № 2. С.342-347.

общества и др.⁴² Вместе с тем, С.В. Любичанковский справедливо заключает, что «о каком бы подходе к изучению вопроса ни шла речь, только через изучение регионального материала возможно выйти на новые выводы».⁴³

Специальные исследования, посвященные управлению восточными окраинами Российской империи (работы А.Каппелера, Дж.Яни, М. Раева, А.Рибера, Дж.Стефана, С.Беккера, Дж.Ледонна, Р.Джераси и др.), рассмотрены в учебном пособии, опубликованном иркутскими историками в 2017 г. Отмечая традиционный интерес западных русистов к вопросам управления дореволюционной России, авторы приходят к выводу, что на рубеже 1980-х-1990-х гг. наряду с изучением институтов власти и бюрократии зарубежные историки все больше фокусировали внимание на «имперской сущности» России, многонациональном и полирегиональном характере Российской государства.⁴⁴

В работах последних полутора десятилетий проблемы управления империей рассматриваются «через призму народов, населявших окраины и подвергшихся активной интеграции в единое имперское административное пространство». Подчеркивается, что именно в регионализме заключается причина устойчивости империи в прошлом и залог процветания России в будущем. Достоинством новейшей западной историографии, по мнению иркутских историков, является большая свобода от идеологических штампов, сделавшая возможным активное международное сотрудничество. В числе недостатков - узость источниковой базы, вследствие чего обобщающие монографии, посвященные имперской политике на окраинах страны, представляют собой систематизацию уже известного материала; очерковый характер многих работ; фактическое отсутствие компаративных исследований. В дополнительной разработке нуждаются вопросы о корреляции имперских принципов и регионализма в имперской политике, о вариантах последней, а также об определении ее места в имперских мероприятиях самодержавия.⁴⁵

Англо- и немецкоязычные исследования, посвященные анализу **пенитенциарной политики царского правительства, эволюции системы каторги и ссылки в Сибири,**

⁴² Любичанковский С.В. Состояние власти позднеимперской России в оценке англо-американской историографии 2-й половины XX - начала XXI в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.9. 2007. № 2. С.342-347.

⁴³ Любичанковский С.В. Состояние власти позднеимперской России в оценке англо-американской историографии 2-й половины XX - начала XXI в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.9. 2007. № 2. С.342-347.

⁴⁴ Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начала XX в.). Иркутск, 2017.

⁴⁵ Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начала XX в.) / Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Шахеров В.П., Маджаров А.С., Перцева Т.А. Иркутск: Издательство ИГУ, 2017. С.65.

анализируются в публикациях Л.М.Горюшкина, А.Ю. Дергачева, С.В. Передерия, Д.А. Бакшта, М. Камиссека.⁴⁶ Советские историки критиковали западных авторов (А. Вуда, Д. Уолкина, А.Б. Улама и др.) за ограниченный круг использованных источников, замалчивание или отрицание фактов революционной борьбы политических ссыльных, неверные представления о положении революционеров в ссылке и косвенное оправдание, а порой даже апологию карательной политики царизма. Л.М. Горюшкин и А.Ю. Дергачев выделили два направления в изучении истории ссылки в Сибири в XIX – начале XX в.: либерально-объективистское (Т. Армстронг, Д. Салливан, А. Мазур и др.) и консервативное (напр., Р. Хингли, Д. Уолкин). Представители первого направления указывают на неэффективность штрафной колонизации, хотя признают большой вклад ссыльных в развитие культуры. Вторые – более тенденциозны, склонны представлять ссылку как постоянную меру борьбы с преступлениями, существовавшую во все времена, и преуменьшать суровость ее условий. В историографических обзорах и рецензиях, опубликованных С.Бэдкок, М.Камиссеком и др., подчеркивается, что современные англо- и немецкоязычные историки, следующие в парадигме «новой социальной и культурной истории», призывают для более объективной оценки положения дел в пенитенциарной системе Сибири «услышать голос» основной массы рядовых уголовных и административных ссыльных («история ссыльных»); пристальное внимание уделяют гендерной проблематике, применяя теоретико-методологический аппарат таких научных направлений, как «история женщин» и «история семьи».⁴⁷

Работы по истории **аборигенной политики** в дореволюционной Сибири, рассматриваются в статьях и рецензиях О.Л. Миловой, И.А. Грачева, П.О. Рыкина, А.В. Гринева, П. Верта, А. Знаменского, А. Моррисона. Одна из дискуссионных тем –

⁴⁶ Горюшкин Л.М., Дергачев А.Ю. Современные буржуазные англо-американские историки о политической ссылке в Сибири в XIX – начале XX в. // Политическая ссылка в Сибири XIX – начало XX в. Историография и источники. Новосибирск, 1987. С.74-86; Передерий С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984; Передерий С.В. Политическая ссылка в Сибири в оценке современных англо-американских буржуазных историков // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 1985. С.203 – 210; Бакшт Д.А. "Тюрьма без стен". О методологии в монографии Sarah Badcock (A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford University Press, 2017) // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 4. С.60-63; Kamissek Ch. Rec ad op: Ackeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitstrafe fuer politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). Muenchen: Osteuropa-Institut Muenchen, 2007. 166 s. [Электронный ресурс] // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. (February, 2008). Режим доступа: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=22242> (дата обращения: 1.06.2019).

⁴⁷ Подробнее см.: Ананьев Д.А. Ссылка и каторга в Сибири и на Дальнем Востоке (2-я пол. XIX – начало XX вв.) в освещении англо- и немецкоязычных исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С.145-156

правомерность взгляда некоторых историков (напр., Дж. Форсайта, В. Сандерленда) на правительственную политику на восточных окраинах как, по сути, колониальную.⁴⁸ А.Знаменский замечает, что интерес к теме возрос с подъемом сибирского регионализма в конце XX в., а перспективность ее разработки обусловлена применением междисциплинарного подхода. Так, У.Б. Линкольн опирался на теорию о роли «фронтира», выявляя сходство между русскими и американскими поселениями. Дж. Форсайт совмещал этноисторический подход с концепцией «внутреннего колониализма», делая упор на столкновениях русских с коренным населением и на эксплуатации природных ресурсов региона (впрочем, по мысли А. Знаменского, такое смешение только повредило исследованию).⁴⁹ Ю. Слезкин выступил, по мнению А.Знаменского, в качестве сторонника максимально взвешенного похода к изучению темы, отказываясь описывать отношения между пришлым и коренным населением как основанные на одном лишь принципе подчинения и используя в своем исследовании ряд концепций, разработанных в исторических трудах по истории коренного населения Америки.

История изучения на Западе **социально-экономического развития** пореформенной России и ее окраин, освещается в обобщающих трудах Е.Б. Шашиной, Н.С. Бичеровой, О.В. Большаковой, а также специальных исследованиях, затрагивающих более узкие темы (М.Д. Карпачев, А.Г. Дорожкин и др.). Так, работы по дореволюционной истории русского крестьянства анализируются в статьях С.И.Жука, А.В.Карагодина, Дж.Брукса, Б.Эклофа, Дж.Чэннона. Англо-американскую историографию столыпинской аграрной реформы изучали П.Н.Зырянов, И.Д.Ковальченко, Н.Б.Селунская, О.В.Ефимов и др.⁵⁰

⁴⁸ Милова О.Л. Рец. на кн.: Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. – Cambridge, 1992 // ВИ. 1993. № 11–12. С. 167–169; Верт П. «Арктические зеркала» в западной русистике // Слезкин Ю. Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008; Grachev I., Rykin P. A European's view of Asiatic History: Willard Sunderland. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca, NY, and London: Cornell University Press, 2004. 239 p. // Forum for Anthropology and Culture. Vol. 4. 2007. P. 89; Morrison A. The Russian Empire and the Steppe. An Exchange of Views // Forum for Anthropology and Culture. Vol. 4. 2007. P.402–415; Znamenski A. Siberian History in Russian and Native Dimensions // Russian Review. 1995. Vol. 54. № 2. P.270–273; Гринев А.В. Рец. на кн.: Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917 // Этнографическое обозрение. 2001. № 5.С. 159–164.

⁴⁹ Критический взгляд на работу Дж. Форсайта разделяет О.Л. Милова, которая пришла к выводу, что британский историк ошибочно подходил к освоению Сибири русскими как к единому процессу, тогда как необходимо различать «государственную» и «народную» колонизацию, а также учитывать, что «в государственной политике России всегда присутствовало и достаточно вдумчивое, охранительное отношение к народам Сибири и Дальнего Востока». См.: Милова О.Л. Рецензия на кн.: Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. – Cambridge, 1992 // ВИ.1993. № 11–12. С. 167–169.

⁵⁰ Шашина Е.Б. Основные направления развития русистике в США, 1960- начало 1990-х годов. Дисс... канд.ист.наук. М., 1993; Большакова О.В. Власть и политика в России XIX - начала XX века. Американская историография. М., 2008; Бичерова Н.С. История России второй половины XIX - начала XX в. в современной американской русистике. Автореф. дисс...канд.ист.наук. Рязань, 2009; Карпачев М.Д. Буржуазные реформы 1860-1880-х гг. в оценке английской и американской буржуазной историографии // Буржуазные реформы в России второй

В историографии отмечается, что зарубежные исследователи аграрной истории Сибири XIX - начала XX в. использовали теоретический инструментарий различных теорий и подходов (концепции «русской восточной экспансии», «фронтира», «колониационной», «модернизационной», «имперской» парадигм). Смена этих концепций отражала общие тенденции развития англо- и германоязычной историографии Сибири. Если в начале XX в. для западных сибиреведов был характерен «объективистский подход», поиск универсальных схем исторического развития, то многие современные исследователи основное внимание уделяют субъекту исторического процесса, этнокультурным аспектам колонизации, специфике развития имперских окраин.⁵¹

Анализируя концепции аграрного развития дореволюционной России, авторы историографических работ также относили западных исследователей к «оптимистическому» и «пессимистическому» направлениям. Представители первого направления (Дж.Яни, С.Хок, Д.Рэнселл, Я.Коцонис, К.Годин, Ч.Стейнведел, Дж.Бербэнк, Дж.Пэллот, Э.Кингстон-Манн) придерживались мнения об успешности модернизационных процессов в дореволюционной России и вполне эффективной адаптации крестьянства к новым реалиям. «Пессимисты» (Г.Робинсон, Д.Аткинсон, К.Воробек, У.Вучинич, Т.Эммонс, Н.Рязановский и др.) полагают, что модернизация почти не затронула деревню и крестьянскую общину как наиболее архаичный инструмент, являвшийся одним из главных препятствий на пути прогресса.

половины XIX в. Воронеж, 1998; Дорожкин А.Г. Экономическое и социальное развитие России второй половины XIX - начала XX вв. в германоязычной историографии XX в. Дисс... докт. ист. наук. М., 2005; Жук С.И., Брукс, Дж. Современная американская историография о крестьянстве пореформенной России//ВИ. 2001. № 1. С.151-159; Eklof V. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas. 1988. Bd.36. H.1. S.57-79; Channon, J. From muzhik to kolkhoznik: some recent Western and Soviet Studies of Peasant in Late Imperial and early Soviet Russia // Slavic and East Slavonic Review. Vol.70. 1992. P. 127-139; Зырянов П.Н. Современная англо-американская историография столыпинской аграрной реформы // История СССР. 1973. № 6. С.186-195; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б. Американские историки о русском крестьянстве XIX в. // История СССР. 1971. № 5. С.195-213; Селунская Н.Б. Современная англо-американская буржуазная историография аграрного строя России эпохи капитализма // История СССР. 1979. № 4. С. 229-240; Селунская Н.Б. Критика буржуазных концепций аграрного строя России накануне Октября (К проблеме предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1980; Селунская Н.Б., Шашина Е.Б. Страницы аграрной истории России в прочтении западных ученых // ОИ. 1992. №3. С.191-194; Ефимов О.В. Англо-американская историография реформ П.А. Столыпина. Дисс. ... к.и.н. СПб., 1995; Карагодин А.В. Аграрный кризис конца XIX - начала XX в. и материальное положение русского пореформенного крестьянства в освещении современного западного россиеведения: новые подходы и текущие дискуссии // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». Итоги 5-летней деятельности. №12, декабрь 2001 года. М., 2001. С. 65-74; Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном россиеведении: основные концепции, подходы и перспективы. Автореф. дисс. к.и.н. М., 2001; Большакова О.В. Аграрные реформы П.А.Столыпина в современной англоязычной историографии // Российская история. 2012. № 2. С. 164-172.

⁵¹ Ананьев Д.А. Проблемы аграрной истории Сибири XIX – начала XX вв. в оценках англо- и германоязычной историографии // Вестник Томского государственного университета. № 383. 2014. С.91-98.

Промежуточное положение занимают историки, указывавшие как на позитивные, так и на негативные аспекты развития пореформенной деревни, но в целом признающие постепенное улучшение условий жизни на селе и активное участие в этом процессе самих крестьян. В немецкоязычной историографии, по наблюдениям А.Г. Дорожкина, к «пессимистам» были близки представители «восточного» или «балтийского» направления (П.Рорбах, Г.Бернхард и др.) писавшие о кризисных явлениях в сельском хозяйстве России. Им противопоставляются исследователи «консервативно-реформаторского» направления (напр., О.Хетцш), а в конце XX в. – «ревизионистского» (А.Бонвеч, А.Морич и др.), пересмотревшие «пессимистичные» оценки предшественников.

Отдельные работы западных историков-сибиреведов анализировали Г.Я. Дубовский, Л.М. Горюшкин, А.Н. Сагайдачный, С.В. Передерий, А.Г. Дорожкин.⁵² В частности, в трудах Л.М. Горюшкина излагается критический взгляд на работы западных историков – сторонников теории модернизации, писавших о достижениях сибирской экономики на рубеже XIX – XX в. Наибольшее внимание уделяется американскому историку Д. Тредголду, специалисту по истории крестьянских переселений в Сибирь. По замечанию Л.М. Горюшкина, Д. Тредголд фактически замалчивал земельное ослабление старожилов и аборигенов в процессе землеустройства и создания колониационного фонда, тяжелое положение новоселов в Сибири, безземелье неприписанных крестьян, жестокую эксплуатацию переселенцев кулаками и произвол чиновничества, массовое возвращение переселенцев из Сибири.⁵³

Вслед за В.А. Федоровым,⁵⁴ Л.М. Горюшкин опроверг вывод Д. Тредголда о том, что в Сибири никогда не было капиталистического сельского хозяйства, и что столыпинская

⁵² Дубовский Г.Я. Критика буржуазной фальсификации истории сибирской деревни кануна Великой Октябрьской революции // Бахрушинские чтения – 1973: сб. науч. трудов. Новосибирск, 1973. Вып. 1. С.162-168; Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Англо-американская историография о роли иностранного капитала в сельском хозяйстве Сибири (1900-1917) // Революция 1905-1907 гг. на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983; Передерий С.В. К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в.: сб. статей. Томск, 1980. С. 164–178; Передерий С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г.: дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984; Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX - начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. мат. регионал. науч. конф. Новосибирск, 2007. С.41-49.

⁵³ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1967; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.

⁵⁴ Федоров В.А. История заселения Сибири в интерпретации реакционного американского историка // История СССР. 1959. № 4. С. 200–203;

аграрная реформа произвела настоящую «социальную революцию», обеспечившую процветание «трудового сибирского крестьянства» (тезис об «устойчивости трудового крестьянства» был позаимствован американским историком из работ Н.П. Огановского). Л.М. Горюшкин справедливо указал на сходство между умозаключениями Д. Тредголда и взглядами А.А. Кауфмана, который называл в качестве причин массовых переселений в Сибирь не малоземелье (в условиях сохранения помещичьих хозяйств) и разорение крестьян в Европейской России, а отсталость агротехники и рост народонаселения. Вместе с тем, Л.М. Горюшкин не отрицал известной специфики социально-экономического развития Сибири, особенностей социального облика сибирского крестьянства, некоторого сходства с колонистами США. Более того, советский историк писал о преобладании в Сибири «фермерского» (американского) пути развития сельского хозяйства в Сибири, что вполне созвучно с рядом положений монографии Д. Тредголда.

В третий блок включены историографические исследования, затрагивающие **проблемы истории Дальнего Востока позднеимперского периода**. Внимание к данной теме на Западе не ослабевает с середины XIX в., когда, по определению А.В. Ремнева, после поражения в Крымской войне началась новая «евразийская» фаза российской истории, включившая в себя мощный прорыв империи на Дальний Восток и в Центральную Азию и закончившаяся поражением в войне с Японией.⁵⁵ В числе событий и проблем, связанных с историей этого полувекового периода, наиболее актуальными для англо- и немецкоязычных исследователей представлялись: присоединение к России Приамурья и Приморья; экономическое развитие Дальневосточного региона во второй половине XIX – начале XX вв.; окончательное закрепление Россией прав на Сахалин и штрафная колонизация острова; дальневосточная политика Российской империи на рубеже XIX – XX в.; ситуация на Дальнем Востоке в период Русской-японской войны 1904-1905 гг. и Первой русской революции.

В США один из первых историографических обзоров по данной теме содержится в монографии историка-эмигранта А. Малоземова, опубликованной в конце 1950-х гг.⁵⁶ Автор, не имевший доступа к советским архивам, опирался в своем исследовании преимущественно на опубликованные (в первую очередь, внешнеполитическими ведомствами США, Японии и России) сборники дипломатических документов,

⁵⁵ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С.29.

⁵⁶ Malozemoff A. Russian Far Eastern policy: 1881-1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958. P.318.

нарративные источники, труды историков. Работая над книгой, А. Малоземов также активно пользовался библиографическими исследованиями Р.Дж. Кернера, В.И. Межова, П.Е. Скачкова.

Историк выделил две основные концепции, призванные объяснить причины Русско-японской войны и получившие наибольшее распространение в историографии. Первую концепцию А. Малоземов назвал **«традиционной»** и связал ее появление с работами японских авторов начала XX в. Сторонники «традиционной» концепции обвиняли в развязывании войны «ненасытный русский империализм», который, не довольствуясь незаконной оккупацией Маньчжурии, планировал проникновение в Корею под видом частного предприятия (в районе концессии на р. Ялу), во главе которого стоял наиболее влиятельный приближенный царя А.М. Безобразов. В целом же коллективная ответственность за катастрофические последствия таких действий возлагалась на все политическое руководство империи. Сторонники противоположной концепции (в терминологии А. Малоземова — **«традиционной российской»**) возлагали всю ответственность исключительно на членов «безобразовской шайки» и пытались оправдать царских министров (прежде всего, С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина), якобы руководствовавшихся исключительно благими побуждениями, действовавших осторожно и поддерживавших политический курс, направленный на ослабление влияния России и даже частичный уход с Дальнего Востока. По мнению А. Малоземова, серьезный удар по этой концепции нанесли работы советского историка Б.А. Романова, стремившегося возложить всю ответственность за начало войны в равной степени на С.Ю. Витте и других министров.

Характеризуя работы западных исследователей темы, увидевшие свет в 1930-1940-х гг., А. Малоземов полагает, что в сравнении с трудами Б.А. Романова они отбросили историографию на несколько десятилетий назад — к исходным концепциям, сформулированным в начале XX в. Так, в изобилующей ошибками монографии Д. Даллина «Возвышение России в Азии» (1949), по сути, восстанавливается «традиционная российская» интерпретация событий с обвинениями исключительно в адрес группы А.М. Безобразова. По мнению А. Малоземова, к «традиционной» концепции, подвергающей критике, в первую очередь, внешнеполитический курс российского самодержавия, также вернулся известный американский историк У.Л. Лэнгер, автор монографии по истории международных отношений на Дальнем Востоке на рубеже XIX-

XX вв.⁵⁷ При этом У.Лэнгер, по заключению А. Малоземова, не дал четкой картины российской политики, игнорируя важные дипломатические документы и неверно их интерпретируя (по-видимому, вследствие ошибок перевода).

В 1994 г. немецкий историк Я. Кусбер опубликовал статью, содержащую обзор работ, опубликованных на русском, английском и немецком языках и посвященных истории Русско-японской войны 1904-1905 гг. Наряду со специальными исследованиями по военной истории, автор рассматривает публикации, в которых давалась общая оценка дальневосточной политики, осуществлявшейся Российской империей на рубеже XIX - XX в. По мнению немецкого историка, ряд проблем, обозначенных в западной историографии, требуют более обстоятельного изучения. Так, необходимо выяснить, насколько справедливы утверждения Д. Гайера⁵⁸, П. Ниште⁵⁹ и других авторов о том, что политика России на Дальнем Востоке отражала "самую суть русского империализма", финансировалась в основном за счет внешних займов и неизменно отличалась агрессивностью, несмотря на попытки имитации "мирного проникновения".

Другая проблема связана с объяснением причин, по которым в конфликт с Россией в итоге оказалась вовлечена Япония. Я. Кусбер поддержал вывод У. Бизли о том, что основным движущим фактором японской политики было чувство досады на то, что европейская дипломатия не считалась с Японией в период Тройственной интервенции и «боксерского» восстания. Кроме того, Я. Кусбер подчеркнул, что в Маньчжурии у Японии экономические интересы стояли не на первом месте, а решение о подготовке к войне было принято в Токио только осенью 1903 г., после того как часть царских сановников, задававших тон при дворе и в правительстве, поддержала «безобразовскую клику» и концессию на Ялу – вопреки намерениям С.Ю. Витте, получившего тем временем отставку. С конца 1903 г. будущее российской политики на Дальнем Востоке выглядело туманным.

По замечанию немецкого историка, с тех пор в историографии непрерывно искали главного виновника войны в «конкурирующих лагерях», состав которых никогда не был четко определен. Так, в ряде работ отмечалось, что В.К. Плеве поддерживал А.М. Безобразова в борьбе с С.Ю. Витте, но возражал против расширения активности России

⁵⁷ Langer W. L. The Diplomacy of Imperialism, 1890–1902. 2 vols. New York, 1935.

⁵⁸ Geyer D. Der russische Imperialismus. Studies ueber den Zusammenhang von innerer und aeusserer Politik 1860-1914. (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Band 27). Goettingen, 1977.

⁵⁹ Nitsche P. Der Bau einer Grossmacht. Russische Kolonisation in Ostasien // Staatenbildung in Uebersee-Historische Mitteilungen der Ranke-Gesellschaft. Beiheft 2. Stuttgart, 1992. S.149-165.

на Дальнем Востоке; А.Н. Куропаткин, со своей стороны, выступал за оккупацию Маньчжурии, но был против концессии в Ялу.⁶⁰ В 1931 г. о дальновидной политике А.М. Безобразова писал Ф. Штайнманн (по мнению Я. Кусбера, не вполне убедительно).⁶¹ Действия С.Ю. Витте подверглись критике Дж. Каткова, М. Фатрелла,⁶² Г. Шрамма,⁶³ назвавшего ошибочной идею, которую отстаивал в своих мемуарах бывший министр финансов, и которая заключалась в том, что реализации успешной экономической экспансии помешала «клика» А.М. Безобразова. По оценке Г. Шрамма, дальневосточная политика, проводившаяся С.Ю. Витте в 1897-1903 гг., поглотила столько же денег, сколько государство израсходовало за этот период на все вооруженные силы империи. Объем торговли с Китаем едва ли существенно увеличился, тогда как расходы на строительство КВЖД, гаваней в Дальнем и Порт-Артуре были колоссальны. Примечательно, что Я. Кусбер призывает также не идеализировать политический курс С.Ю. Витте, который «умело рисовал хотя и убедительную, но все же сильно приукрашенную картину».

К числу образцовых исследований, вышедших на английском языке, Я. Кусбер отнес монографии А. Малоземова и И. Ниша,⁶⁴ однако при этом признал, что большинство западных исследователей темы в XX в. слабо использовали материалы из российских и японских архивов, опираясь в основном на опубликованные повествовательные источники и работы историков. Соглашаясь с выводом о том, что англо-американские авторы, как правило, описывали события с "японской" или "российской" точек зрения, Я. Кусбер выразил надежду, что с получением доступа к российским архивам после 1991 г. перед западными специалистами открывалась возможность для более объективного и взвешенного изучения темы, объединяющего элементы различных подходов.

В 1995 г. известный американский историк С. Коткин написал вводный историографический раздел для сборника материалов конференции, состоявшейся двумя годами ранее в Принстонском университете и посвященной проблемам истории Сибири и Дальнего Востока.⁶⁵ Анализируя работы западных исследователей, С. Коткин помещает

⁶⁰ См.: Judge E.H. *Reform and Repression in Imperial Russia*. Syracuse, 1983. P.153-154; 173-174.

⁶¹ Steinmann F. *Russlands Politik im Fernen Osten und der Staatssekretar Bezobrazov. Ein Beitrag zur Vorgeschichte des russisch-japanischen Krieges*. Phil. Diss. Teildruck Leipzig, 1931.

⁶² Katkov G., Futrell M. *Russische Aussenpolitik 1880-1914 // Oberlaender E. (Hrsg.) Russlands Aufbruch ins 20. Jahrhundert. Politik-Gesellschaft-Kultur, 1894-1917*. Freiburg, 1970. S.11-37.

⁶³ Schramm G. *Das Zarenreich - ein Beispielfall fuer den Imperialismus. Folgerungen aus einem Buch von Dietrich Geyer // Geschichte und Gesellschaft*. 1981. 7. Jahrgang. H.2. S.297-310.

⁶⁴ Nish I. *The origins of the Russo-Japanese War*. London, New York, 1985.

⁶⁵ *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York, 1995.

историографический процесс в общественно-политический и идеологический контекст, вслед за Ф. Нансеном отмечая, что к концу XIX в. весь мир увидел, как расширение владений России в Северной Азии затрагивало интересы других стран и вело к росту ее могущества.⁶⁶ Участие России в событиях на севере Китая, а также интервенция Японии в Корею создали атмосферу недоверия в возникавшем треугольнике соперничества между Российской, Японской и Цинской империями. Вместе с тем, как заключает С. Коткин, более всего усиление России в Азии беспокоило англичан. Увязнув в противостоянии с Россией за господство на всем Азиатском континенте, Британия воспринимала возвышение России в Азии как прямую угрозу своим интересам.

По словам американского историка, русско-британское соперничество выкристаллизовалось в годы Крымской войны, одним из театров которой стал Дальний Восток (об этих событиях в середине XIX в., писал Э. Равенштейн, а в XX в. - Дж. Стефан⁶⁷), а также во время неожиданного продвижения России в Приамурье. В дальнейшем Британию обеспокоило строительство Транссибирской магистрали. На рубеже XIX – XX в. британские публицисты и историки много писали о русской экспансии и о «дальневосточном вопросе» (в дополнение к «ближневосточному» или просто «восточному»), при этом русские отныне вызывали такое же негативное отношение, какое ранее вызывали «азиаты». По наблюдениям С. Коткина, некоторые британские авторы намекали на возможность российско-китайского союза, или российско-японского, или даже германо-российско-китайско-японского.⁶⁸ Тогда же Г. Макиндер выдвинул гипотезу о том, что континентальная держава имеет превосходство перед морской, а значит Российская империя сильнее Британской.⁶⁹

Как замечает С. Коткин, немецкие исследователи также проявляли большой интерес к той роли, которую Россия играла в Азии; во многом по той же причине, что и британцы, учитывая амбициозные планы Германии в Китае. Но если в конце XIX в. продвижение русских в Азию вызвало беспокойство, то к 1920-м годам оно сменилось восхищением некоторых немецких ученых «советским экспериментом», развивавшимся в условиях огромного «жизненного пространства» на Востоке.⁷⁰ Некоторые немецкие специалисты,

⁶⁶ Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. New York, 1995. P.7.

⁶⁷ Stephan J.J. The Crimean War in the Far East // *Modern Asian Studies*. 1969. No.3 (3). P. 257-277.

⁶⁸ Krausse A. *Russia in Asia: A Record and a Study, 1588-1899*. London, 1899; Vladimир (Zenone Volpicelli). *Russia on the Pacific and the Siberian Railway*. London, 1899; Skrine F.H. *The Expansion of Russia, 1815-1900*. Cambridge, 1903.

⁶⁹ Mackinder H. *The Geographical Pivot of History* // *The Geographical Journal*. 1904. No. 23 (4). P.421-44.

⁷⁰ Danckwortt P.W. *Sibirien und seine wirtschaftliche Zukunft; ein Rueckblick und Ausblick auf Handel und Industrie Sibiriens*. Leipzig, 1921; Asmis R. *Als Wirtschaftspionier in Russisch-Asien*. Berlin, 1924; Cleinow G. *Neu-Sibirien*

например, Отто Хетцш, стремились объединить исследование восточных регионов России с изучением стран Азии, чтобы воспользоваться «мостом», который протянула Россия между культурами Запада и Востока.⁷¹ По признанию С.Коткина, «холодная война» привела к политическому размежеванию в Северо-Восточной Азии, а это, в свою очередь, обусловило спад интереса к общему историческому прошлому стран, расположенных в данном регионе. Все это затруднило научные контакты и поездки. В 1960-80-х гг. тема исторического прошлого Северо-Восточной Азии, отношений между Россией, Китаем и Японией в дореволюционный период уступила место советологическим исследованиям, изучению вопросов военной безопасности.

В 2010 г. американская исследовательница Шерил Коррадо, выпускница Иллинойского университета в Урбане-Шампейне, защитила диссертацию, в которой попыталась определить место Сахалина в "русском имперском воображении". В диссертации, охватывающей хронологический период с 1849 по 1906 гг. и написанной преимущественно в парадигме "новой культурной истории", история Сахалина рассмотрена в более широком историческом контексте "русского империализма" и "модерна". Ориентируясь на подходы, предложенные в работах М. Бассина⁷² по истории освоения Приамурья, а также статья и монографии Ю. Слезкина о взаимоотношениях русских и коренных народов Крайнего Севера, американская исследовательница стремилась показать, каким образом в истории освоения Сахалина отразилась эволюция представлений русских о собственной идентичности. В историографическом разделе диссертации дается оценка современному состоянию западной историографии, затрагивающей различные аспекты заявленной темы. Ш. Коррадо полагает, что для западных исследователей характерен отказ от тезиса об имманентно присущей России культурной и экономической отсталости, с которой периодически пытались бороться реформаторы (Петр I, Александр II, В.И. Ленин). Основная проблема, интересующая современных западных исследователей – трансформация подданных российского самодержавия в граждан современного государства, «интернализация» власти, широко

(Sibkrai): eine Studie zum Aufmarsch der Sowjetmacht in Asien. Berlin, 1928; Rosenberg M. Die Schwerindustrie in Russisch-Asien: eine Studie ueber das Ural-Kuznezker-Kombinat. Berlin, 1938.

⁷¹ Hoetzsch O. Russland in Asien: Geschichte einer Expansion. Stuttgart: Deutsche Verlags-Austatt, 1966; Burleigh M. Germany turns Eastward: A Study of Ostforschung in the Third Reich. Cambridge, 1988.

⁷² Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865. New York and Cambridge, 1999.

признанная в качестве компонента «модерна» во всем мире (Я. Коцонис, Д. Брауер и др.).⁷³

Другая проблема, которая, по наблюдениям Ш. Коррадо, находится в центре внимания зарубежных историков – характерное для позднеимперского периода стремление российских властей обладать знаниями о различных явлениях и процессах, классифицировать, обозначать и контролировать эти процессы, что проявилось, в частности, в организации научных экспедиций, действовавших в Азиатской России; появлении таких областей знания как антропология и краеведение (об этом писали К. Вайсс, С. Кан и др.).⁷⁴ Многие специалисты сфокусировались на проблеме переосмысления «идентичностей», полагая, что в период «модерна» возникли такие понятия как «собственное «Я», «индивидуализм», «приватность», «порядочность» и т.д.

Как отмечает Ш. Коррадо, в работах, посвященных истории колонизации российских окраин, указывается на взаимовлияние колонистов и колонизируемой среды, отмечается разнообразие типов приграничных поселений. Впрочем, западные историки нередко исключали Россию из темы «европейского колониализма», поскольку она осуществляла экспансию не на море, а на суше, что интерпретировалось как естественный процесс переселений. Другие авторы (как, например, Э.-М. Столберг) сравнивали «русскую экспансию» на востоке с заселением североамериканского «фронта». ⁷⁵

В новейших «постколониальных» исследованиях подчеркивается, что политика и «идентичность» многонациональной Российской империи в значительной мере определялись взаимодействием колонизаторов и колонизируемых, одним из направлений этой политики было обозначение этносов и этничности (Р. Джераси,⁷⁶ Д. Брауэр и др.). Первой работой, посвященной дискурсивной роли североазиатских территорий как колониального "Другого" для России, по мнению Ш. Коррадо, является опубликованный в 1993 г. под редакцией Г. Даймент и Ю. Слезкина сборник статей "Между раем и адом".⁷⁷ Сопоставляя концепции разных исследователей, Ш. Коррадо занимает компромиссную позицию и резюмирует, что в разное время Сахалин воспринимался и как безлюдная

⁷³ Russian Modernity: Politics, Knowledge, Practices. New York, 2000; Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700-1917. Bloomington, 1997.

⁷⁴ Weiss C. Wie Sibirien unser wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und Ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert. Goettingen, 2007; Kan S.A. Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln, NE, 2009.

⁷⁵ Stolberg E.-M. Sibirien – Russlands „Wilder Osten“. Mythos und soziale Realität im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2009.

⁷⁶ Geraci R. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca, 2001.

⁷⁷ Between Heaven and Hell. Myth of Siberia in Russian Culture. Ed. by G. Diment, Y. Slezkine. New York, 1993.

российская территория, требующая заселения; и как населенная часть Азии; и как олицетворение "Другого", что повлияло сначала на создание каторги, а затем на ее упразднение.

В последние десятилетия англо- и немецкоязычную историографию, посвященную дореволюционной истории Дальнего Востока России, анализировали отечественные историки: В.Г. Дацышен⁷⁸, П.С. Пименов⁷⁹, И.В. Лукоянов⁸⁰, А.К. Дятлова⁸¹ и др. Изучая работы западных специалистов по истории русско-китайских отношений 1880-х — начала 1900-х гг., В.Г. Дацышен пришел к выводу, что «жесткие оценки, акцент на критике российской политики, обличительный характер формулировок» изначально не были присущи западным авторам (в числе которых — Г. Гоуэн, Г.Б. Морзе и др.), а появился позднее, в силу политических причин. К 1950-м гг. сложилась общая концепция агрессивной дальневосточной политики России, которой придерживался, в частности, Д. Даллин (напомним, что А. Малоземов в свое время также обозначил Д. Даллина как сторонника «традиционной» (антироссийской) концепции). По заключению В.Г. Дацышена, А. Малоземов, а позже — С. Маркс подчеркивали, что строительство Транссибирской магистрали диктовалось необходимостью защиты дальневосточных рубежей, безопасности которых угрожали не только японцы или англичане, но и китайцы (на угрозу со стороны Китая в своей известной монографии также указывает С. Маркс)⁸².

Высокую оценку В.Г. Дацышен дает исследованиям Дж. Ленсена⁸³ и Р. Квестид⁸⁴, изучавших политику России в Манчжурии. По мнению российского историка, работы Дж. Ленсена отразили общественные настроения, преобладавшие на Западе в 1960-х гг., когда Россию вновь начали воспринимать как силу, способную «спасти мир от желтой опасности». Р. Квестид также отводила России роль «буфера» для Запада в его отношениях с Востоком. При всех достоинствах монографии Р. Квестид, по мнению В.Г. Дацышена, британская исследовательница в меньшей степени анализировала объективные процессы, не столько искала корни проблем и противоречий, сколько

⁷⁸ Дацышен В.Г. Российско-китайские отношения в 1881-1903 гг. Дисс... докт. ист. наук. Иркутск, 2001.

⁷⁹ Пименов П.С. Внешняя политика России на Дальнем Востоке 1895-1905 гг. Дисс... канд. ист. наук. Тольятти, 2006.

⁸⁰ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008.

⁸¹ Дятлова А.К. Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии. М., 2017.

⁸² Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. New York, 1991. P.26-29.

⁸³ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884-1899. Gainesville, 1982. 2 vols.

⁸⁴ Quested R.K. "Matey" Imperialists? The Tsarist Russians in Manchuria, 1895–1917. Hong Kong, 1982.

рассматривала психологические и культурологические аспекты, этническую специфику русских и китайцев.

По заключению О.А. Тимофеева, западные историки часто обращались к темам, по идеологическим причинам, закрытым для советских исследователей: например, к дискуссии о «желтой опасности» на российском Дальнем Востоке (П. Клайд, А. Малоземов, Дж. Стефан) и др. Вместе с тем, им не удалось избежать некоторых конъюнктурных подходов в оценке многих явлений и событий. Так, в западной историографии Россия часто рассматривается как главный агрессор на Дальнем Востоке; игнорируется тот факт, что она объективно имела более значительные интересы в Маньчжурии по сравнению с другими державами.⁸⁵

П.С. Пименов, посвятивший диссертационное исследование изучению внешней политики России на Дальнем Востоке в 1895-1905 гг., анализировал работы англо-американских историков — У. Лэнгера⁸⁶, А. Малоземова, А. Рибера (США), И. Ниша⁸⁷ (Великобритания). В отличие от А. Малоземова, П.С. Пименов считает У. Лэнгера сторонником концепции Б.А. Романова, поскольку американский исследователь возлагал на С.Ю. Витте такую же ответственность за развитие событий на Дальнем Востоке, как и на военных, и на группу А.М. Безобразова. Более того, по мнению В.С. Пименова, выводы У. Лэнгера во многом разделял и сам А. Малоземов, не считавший А.М. Безобразова единственным виновником обострения отношений с Японией. Сторонников концепции Б.А. Романова, по мнению В.С. Пименова, можно найти и среди современных исследователей (в их числе — А. Рибер⁸⁸ и И. Ниш, полагающий, что политика «мирного проникновения» в Манчжурию, проводимая С.Ю. Витте, в действительности мало чем отличалась от политики «военной партии»).

В монографии И.В. Лукоянова отмечается, что работы западных историков (А. Малоземова, Дж. Ленсена, С. Пэйн⁸⁹, Д. Вулфа⁹⁰ (США), И. Ниша, Д. Схиммельпенника

⁸⁵ Тимофеев О.А. Отношения между сопредельными территориями России и Китая на Амуре во второй половине XIX - начале XX вв. Дисс. ...канд. ист. наук. Владивосток, 2002.

⁸⁶ Langer W. L. The origins of the Russo-Japanese war. Ed. by C.E. and E. Schorske // *Exploration in Crisis: Papers on International History*. Cambridge, Mass., 1969. P. 43-45.

⁸⁷ Nish I. The origins of the Russo-Japanese war. London-New York, 1985. P. 250-253.

⁸⁸ Rieber A.J. The historiography of Imperial Russian foreign policy: a critical survey // *Imperial Russian foreign policy*. Washington, D.C., 1993.

⁸⁹ Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858-1924*. New York, 1996.

⁹⁰ Wolff D. *To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898-1914*. Stanford, 1999.

ван дер Ойе⁹¹ (Канада) и др.) базировались в основном на британских дипломатических документах и разделяли содержащиеся в них оценки и суждения. Ограниченность источниковой базы была обусловлена недоступностью советских архивов, а во многих случаях — языковым барьером. Среди англоязычных работ, написанных в первой половине XX в., И.В. Лукоянов выделяет уже упомянутую выше монографию А. Малоземова, который первым из историков указал на важные аспекты рассматриваемой темы, в частности, увязал интерес российских правящих кругов к Дальнему Востоку с «агрессивной идеологией «восточников» (Н.М. Пржевальского, Э.Э. Ухтомского); уделил значительное внимание деятельности группы А.М. Безобразова, противостоявшей С.Ю. Витте.

По мнению И.В. Лукоянова, «традиционного» подхода придерживались в своих монографиях Сара Пэйн и Иэн Ниш. Работа американской исследовательницы, посвященная истории русско-китайских отношений в 1854-1924 гг., написана на широком круге источников — российский, китайских, японских. В ней проводится основная мысль о неизменной агрессивности политики России и о вынужденном стремлении Японии обеспечить собственную безопасность. Точно так же И. Ниш представляет политику Японии в высшей степени миролюбивой, а нападение на Россию — вынужденным. Более лестных отзывов российского историка удостоилась монография Д. Вулфа, в которой прослеживается история формирования уникальной мультиэтнической общности в Харбине, а также опирающееся на широкий круг источников исследование Д. Схиммельпенника ван дер Ойе. В монографии канадского историка анализируется влияние идеологии на внешнюю политику России, в частности, идей представителей «восточничества», о чем в свое время писал А. Малоземов.

Наиболее высоко И.В. Лукоянов оценил уже упоминавшуюся монографию Дж. Ленсена, отметив колоссальную фактическую базу исследования, включающую данные источников из российских, английских и японских архивов. Дж. Ленсен первым указал на противоречия в политике Петербурга и разногласия между министрами, не сумевшими выработать единый и последовательный курс, но при этом отказался от традиционных представлений об исключительно агрессивной политике России в регионе. Соответственно, причины Русско-японской войны американский историк усматривал не

⁹¹ Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, 2001.

в природе общественно-политического строя или базовых принципах проводившейся политики, а в конкретных политических решениях.⁹² В целом же, по заключению И.В. Лукоянова, зарубежным историкам не удалось дать окончательный ответ на вопрос о том, была ли война неизбежна, и что именно привело к вооруженному конфликту.

Диссертация, а также опубликованная на ее основе монография А.К. Дятловой, целиком посвящены анализу современной англо-американской историографии внешней политики России, осуществлявшейся на Дальнем Востоке на рубеже XIX – XX вв.⁹³ В центре внимания исследовательницы — работы профессиональных историков (в их числе — С.Г. Маркс⁹⁴, Д. Маккензи⁹⁵, С. Пэйн⁹⁶, Ф. Патрикеев⁹⁷, Г. Шукман, Ч.Й. Хсу (Сюй)⁹⁸, А. Маршалл⁹⁹ и др.). А.К. Дятлова отмечает многообразие и обширность источниковой базы исследований, авторы которых получили возможность работать в российских архивах. Наряду с архивными документами зарубежные исследователи темы продолжают активно использовать опубликованные источники (мемуары, дневники различных деятелей эпохи; сборники документов) и труды отечественных исследователей (Е.В. Тарле, Б.А. Романова и др.).

По мнению исследовательницы, современным западным историкам присуще стремление отойти от подходов времен «холодной войны»; рассматривать историю России в контексте западной и общемировой истории; уделять больше внимания истории отдельных регионов. Особенностью современной англо-американской историографии А.К. Дятлова считает появление работ, в которых подробно рассматривается развитие общественно-политической мысли как фактора, прямо или косвенно влиявшего на выработку дипломатического курса на Дальнем Востоке. Так, исследовательница противопоставляет выводы Д. Маккензи, который писал о существовании единой

⁹² Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С.59.

⁹³ Дятлова А.К. Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии. М., 2017.

⁹⁴ Маркс С. «Браво, храбрый тигр Востока!»: русско-японская война и подъем национализма в Британском Египте и Индии // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. IV. М., 2007. С. 89–107; Marks S. Conquering the Great East. Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Armonk, New York, London, 1995. P. 23–39; Marks S. The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906–1916 // Sibirica: the Journal of Siberian Studies. 1993/94. № 1. P. 9–28.

⁹⁵ Mackenzie D. Imperial Dreams/Harsh Realities: Tsarist Russian Foreign Policy, 1815–1917. New York, 1994.

⁹⁶ Paine, S. C. M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power and primacy. Cambridge, N.Y., 2003.

⁹⁷ Patrikeeff F., Shukman H. Railways and the Russo-Japanese war: Transporting war. London, New York, 2007.

⁹⁸ Hsu C.Y. A Tale of two railroads: «Yellow Labor», agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s – 1910s // Ab Imperio. 2006. № 3. P. 217–253.

⁹⁹ Marshall A. The Russian General Staff and Asia, 1800–1917. London, New York, 2006.

империалистической идеологии, основанной на идее «бремени белого человека», суждениям Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе, полагающего, что в разное время происходила смена концепций и подходов к пониманию роли и места империи в мире, и что смена таких концепций приводила к изменениям политического курса.

Один из параграфов диссертации посвящен анализу работ (С. Маркса, Ч.Й. Хсу, Ф. Патрикеева и Г. Шукмана), в которых обсуждаются проблемы развития железнодорожной сети на Дальнем Востоке, как фактора, имевшего большое внешнеполитическое и международное значение. Так, в монографии Ф. Патрикеева и Г. Шукмана утверждается, что экспансия России на Восток с ее масштабным железнодорожным строительством стала представлять реальную угрозу для Японии. По мнению авторов, если бы железнодорожное строительство не приняло такой размах и не вышло за границы собственно Российской империи, войны вообще можно было избежать.

В целом, по мнению авторов историографических работ, в англо- и немецкоязычных публикациях по истории Дальнего Востока позднеимперского периода, наиболее заметно влияние идеологических и политических факторов. К середине XX в. на Западе возобладала концепция об агрессивной империалистической политике Российской империи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более объективная оценка действий России в регионе содержится в работах, увидевших свет во второй половине XX – начале XXI вв. (А. Малоземов, Р. Квестид, Дж. Ленсен, Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе и др.). К положительным тенденциям в развитии новейшей англо- и немецкоязычной историографии исследователи справедливо относят интенсификацию международного научного обмена, более свободный доступ в российские архивы для иностранных специалистов, стремление последних занять взвешенную позицию, в полной мере учитывающую опыт историографии других стран.

Наконец, **четвертый тематический блок** объединяет в себе работы, анализирующие англо- и немецкоязычную **историографию Русской Америки и, прежде всего, завершающий этап ее истории (1850-е – 1867 г.)**. На Западе истории Аляски посвящена обширная историография, о чем свидетельствуют многочисленные библиографические исследования, публиковавшиеся с 1920-х гг.¹⁰⁰ Разнообразие концепций и оценок «русского периода» в истории Аляски столь велико, что они сами послужили

¹⁰⁰ A Bibliography of Alaskan Literature, 1724-1924. Cordova, 1927; Alaska: A Bibliography, 1570-1970. Boston, 1974; Alaska Bibliography: An Introductory Guide to Alaskan Historical Literature. Portland, 1977; The Arctic Bibliography. Washington, D.C., 1953-1963; Hussey J. Notes Toward a Bibliography of Sources Relating to Fort Ross. Sacramento, 1979.

предметом многочисленных историографических исследований - статей и разделов в монографиях, опубликованных как в России (Н.Н. Болховитинов, Г.А. Агранат, Е.В. Алексеева, А.В. Гринев и др.), так и за рубежом (С. Хэйкокс,¹⁰¹ Л. Блэк, К.-М. Наске, Г.Е. Слотник, И. Виньковецкий и др.).¹⁰²

Периодизацию зарубежной (преимущественно англоязычной) историографии Русской Америки предложил А.Н. Ермолаев. Первый этап историк отнес к рубежу XIX- XX вв., когда ведущую роль в развитии данного историографического направления играл Г. Бэнкрофт. В течение следующего периода (1920-1930- е гг.) наиболее заметными фигурами являлись К.Л. Эндрюс и Г. Шевиньи. В послевоенной историографии Русской Америки (работы Дж. Гибсона, М. Уилер, Р. Пирса, Р. Дженсена, Г. Кушнера и др.) сформировались более узкие направления: историко-географическое, историко-этнографическое (антропологическое), историко-дипломатическое. Для указанного периода характерен заметный рост исследовательского интереса к истории Аляски, получившей в 1959 г. статус штата; обращение к малоизученным темам – например, деятельности Русской православной церкви.¹⁰³

В целом в западной историографии выделяют два основных подхода к оценке характера и итогов русской колонизации Северной Америки. Сторонники первого (напр., Г.Х. Бэнкрофт, У.Х. Долл, Ф.А. Голдер) подчеркивали преимущественно негативные

¹⁰¹ Отдельного рассмотрения заслуживает обстоятельный историографический обзор С. Хэйкокка, посвященный не только работам английских, американских и канадских историков, но всей литературе на английском языке, включая переводы работ советских исследователей – С.Б. Окуня, С.Г. Федоровой, Р.В. Макаровой, Б.П. Полевого и др. Попутно в статье дается характеристика процесса освоения русскими Северо-Тихоокеанского региона. Особое внимание уделяется научной дискуссии, начатой Р. Фишером и направленной против концепций Ф. Голдера, Г. Бэнкрофта и Р. Кернера о целях русской экспансии в Северо-Тихоокеанском регионе. С. Хэйкокк целиком поддержал Р. Фишера в стремлении пересмотреть устаревшие и ошибочные взгляды в историографии. Общий вывод статьи сводится к требованию дальнейшего всестороннего изучения истории Русской Америки. См. тж: Fisher R. Rec. ad op.: *The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution*. Ed. by A. Wood. London, 1991 // *Russian History=Histoire Russe*. 1991. Vol. 18. Pt. 3. P. 361 – 371.

¹⁰² Агранат Г.А. Новые американские работы о Русской Америке // *Летопись Севера*. М., 1957. Т.2. С.247-255; Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // *США. Экономика, политика, идеология*. 1985. № 4. С.87-95; Алексеева Е.В. Русская Америка: новые концепции в англоязычной историографии // *Известия СО РАН. Серия: История, филология и философия*. 1993. Вып. 1. С. 59–63; Гринев А.В. Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии // *Клио*. 2000. № 2. С.17-26; *История Русской Америки (1732-1867): В 3-х тт.: Т. 1. Основание Русской Америки (1732-1799)*. М., 1997; Haycox S. *Russian America: Studies in the English language* // *Pacific Historical Review*. 1990. Vol. 59. № 2. P. 231-252; Black L.S. *Russians in Alaska, 1732–1867*. Fairbanks, 2004; Naske С.-М., Slotnick Н.Е. *Alaska: A History of the 49th State*. University of Oklahoma Press, 2nd Ed. 1994; Виньковецкий И. *Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804 - 1867*. М., 2015.

¹⁰³ Kovach M. *The Russian Orthodox Church in Russian America*. University of Pittsburg. 1957; Bishop Gregory (Afonsky). *A History of the Orthodox Church in Alaska (1794-1917)*. Kodiak, Alaska, 1977; Garrett P. *Saint Innocent. Apostle to America*. Saint Vladimir's Seminary Press; Crestwood New York, 1979; Oleksa M. *Orthodox Alaska. A Theology of Mission*. SVS Press, Crestwood. New York, 1992; Зарубежные исследования по истории Русской Америки (конец XVIII - XIX в.). Реф. сб. М., 1987; Алексеева Е.В. *История Русской Америки в англоязычной историографии 1950-1980 гг.* Екатеринбург, 1992.

последствия присутствия русских на Аляске. Спустя десятилетия, в период холодной войны, данный вывод получил распространение в работах К. Халли, Б. Адамса, Х. и Х. Хиллер, Х. Маккэннона и др.¹⁰⁴ Вместе с тем, начиная с 1920-х гг., благодаря работам К.Л. Эндрюса, Г. Шевиньи и их последователей, на Западе появились сторонники противоположного взгляда (напр., Л.Блэк, С.Муссалимас, М.Олекса, А. и Е. Энгстромы)¹⁰⁵, полагавших, что русские колонисты сыграли, скорее, прогрессивную роль в освоении региона. В свою очередь, таких историков подвергли критике Б.Дмитришин и И.Виньковецкий, обвинивший своих оппонентов в «романтическом ревизионизме».¹⁰⁶

Отмечая продуктивность развития западной историографии Русской Америки в 1940-1970-е гг., Е.В.Алексеева предложила искать объяснение этому в «идеологической нейтральности данной темы, в то же время позволявшей позитивно характеризовать русское освоение Дальнего Востока и Америки»¹⁰⁷. Кроме того, по заключению исследовательницы, успешности научных изысканий способствовало и обилие разнообразных источников, в значительном количестве отложившихся в архивах. Заметным фактом в развитии данного историографического направления Е.В. Алексеева называет конференцию, посвященную 250-летней годовщине Второй Камчатской экспедиции, а публикацию ее материалов¹⁰⁸ расценивает как «серьезный шаг вперед в изучении американскими историками географических вопросов русского освоения севера Тихого океана». По наблюдениям исследовательницы, подъем интереса американских историков к Русской Америке, во многом связанный с общим интересом к России на рубеже 1980-х-1990-х гг.,¹⁰⁹ вскоре сменился заметным спадом, о преодолении которого

¹⁰⁴ Hulley C.C. *Alaska, 1741-1953*. Portland, 1953; Adams B. *Alaska. The Big Land*. New York, 1959; Hilsher H., Hilsher M. *Alaska, USA*. Boston, 1950; McCracken H. *Hunters of the Stormy Sea*. London, 1957; Алексеева Е.В. *История Русской Америки в англоязычной историографии 1950-1980*. Екатеринбург, 1992.

¹⁰⁵ Moussalimas S.A. *The Transition from Shamanism to Russian Orthodoxy in Alaska*. Oxford, 1994; Oleksa M. *Orthodox Alaska: A Theology of Mission*. Crestwood, 1992; *Russian America: The Forgotten Frontier*. Washington, 1990; Engstrom A., Engstrom E. *Alexander Baranov and Pacific Empire*. Juneau, 2004; Гринев А.В. Некоторые тенденции в отечественной историографии российской колонизации Аляски // ВИ. 1994. № 11. С.163-167.

¹⁰⁶ Dmytryshyn B. *Rec. ad op.: Black L. Russians in Alaska: 1732-1867*. Fairbanks, University of Alaska Press, 2004. XXX + 328 p. // *Pacific Historical Review*. 2005. Vol. 74. No. 2. P.283-284; Виньковецкий И. *Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804 - 1867*. М., 2015.

¹⁰⁷ Алексеева Е.В. *Русская Америка. Американская Россия?* Екатеринбург, 1998. С. 100.

¹⁰⁸ Bering and Chirikov. *The American Voyages and Their Impact*. Anchorage, 1992.

¹⁰⁹ В указанный период свидетельством возросшего интереса западных исследователей к истории Русской Америки явилась также публикация трехтомника «В Сибирь и Русскую Америку: три тома русской восточной экспансии, 1558-1867 гг.», заключительная часть которого посвящена колонизации Аляски. См.: *Russian American Colonies, 1798-1867: To Siberia and Russian America Three Centuries of Russian Eastward Expansion: A Documentary Record*. Vol 3. Portland, 1986- 1989.

в 2000-х гг. свидетельствовала публикация работ У.Борнемана, А. и И. Энгстромов, Л. Блэк и И. Виньковецкого.¹¹⁰

При всей широте тематического и хронологического охвата работ по истории Русской Америки западные историки наибольший интерес проявляли к вопросам, связанным с продажей Аляски в 1867 г. В первую очередь выяснялись причины, которые побудили Россию продать, а США – купить Аляску; изучались обстоятельства заключения сделки и последовавшая реакция общественности; оценивалось международное значение договора 1867 г. В историографии выделяют два основных подхода к объяснению причин уступки Аляски Северо-Американским Штатам. Сторонники традиционного («консесусного») подхода (В.Фэррар, Д.Миллер, Т.Бэйли, Р.Дженсен, П.Холбо и др.)¹¹¹ считали продажу Аляски следствием, прежде всего, дружественного характера взаимоотношений России и США.

Им противопоставляют приверженцев «радикального» или «ревизионистского» подхода (У.Уильямс, У.Лафибер, Ч.Вевиер, Г.Паолино, Г.Кушнер)¹¹², которые рассматривали договор 1867 г. как проявление не столько дружбы, сколько соперничества двух стран и, прежде всего, экспансионистских устремлений американских политических и деловых кругов. Иными словами, представления западных исследователей о причинах, обстоятельствах и последствиях подписания договора 1867 г. определялись, в первую очередь, их общим пониманием характера российско-американских отношений в рассматриваемый исторический период; тем, как интерпретировались эти отношения: в терминах сотрудничества или соперничества.

Таким образом, авторы историографических работ осветили отдельные аспекты темы: деятельность ряда научных центров и организацию исследовательской работы, концепции отдельных историков-сибиреведов и их вклад в развитие рассматриваемого историографического направления, проблематику англо- и немецкоязычных трудов по

¹¹⁰ Borneman W.R. *Alaska. Saga of a Bold Land*. New York, 2003; Engstrom A., Engstrom E. *Alexander Baranov and Pacific Empire*. Juneau, 2004; Black L.S. *Russians in Alaska, 1732–1867*. Fairbanks, 2004.

¹¹¹ См.: Болховитинов Н.Н. *Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология*. 1985. № 4. С.87-95.

¹¹² Williams W. *The Roots of the Modern American Empire: A Study of the Growth and Shaping of Social Consciousness in a Marketplace Society*. New York, 1969; Vevier Ch. *The Collins Overland Line of American Continentalism // Pacific Historical Review*. 1959. Vol.27. P.237-253; *Siberian Journey Down the Amur to the Pacific, 1856-1857*. Madison, 1962; Paolino E. *The Foundations of American Empire: William Henry Seward and U.S. Foreign Policy*. Ithaca, 1973; Kushner H. *Conflict on the Northwest Coast: American Russian Rivalry in the Pacific North West, 1790-1867*. Westport, 1975. См. тж.: Болховитинов Н.Н. *Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология*. 1985. № 4. С.87-95.

дореволюционной истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Вместе с тем, нельзя не признать, что разрозненные обзоры, статьи и рецензии не дают целостной картины развития западного сибиреведения в конце XIX – начале XXI в. Более полное и объективное понимание историографического процесса, всесторонний анализ англо- и немецкоязычной историографии истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX вв. требует осуществления комплексного исследования.

Предмет, объект. В современных условиях историография как научная дисциплина переживает своего рода переходный период, сопровождающийся переосмыслением ее базовых понятий и категорий, появлением новых трактовок ее объекта, предмета, задач и методов. По наблюдениям В.Д. Камынина, в современном историографическом пространстве исследователи выделяют два основных направления: **наукоедческое** (понимающие историографию, прежде всего, как историю исторической науки) и **социокультурное**, сформировавшееся в условиях «антропологического поворота» и идей «новой интеллектуальной истории», акцентирующей внимание на «личностном» аспекте, самом процессе научного творчества в социокультурной среде. Придерживаясь наукоедческого подхода, В.Д. Камынин полагает, что в проблемной историографии объектом исследования является совокупность историографических источников по изучаемой проблеме.¹¹³

Сторонники социокультурного подхода (напр., представители Омской историографической школы) проявляют интерес не только к результату научной деятельности (трудам ученых), но и к истории самой этой деятельности, межличностным связям, миру научных сообществ и активных творческих личностей; к изучению жизни концепции и исторического труда в культуре. Такой подход позволяет репрезентировать историографию как интеллектуальную историю, предполагающую «осознание неразрывной связи между историей самих идей и идейных комплексов, с одной стороны, и историей условий и форм интеллектуальной деятельности, с другой».¹¹⁴

¹¹³ Вместе с тем историк убедительно полемизирует с теми учеными, кто утверждает, что у историографии не может быть собственного предмета изучения, поскольку ее главной функцией является обеспечение информацией об истории изучения той или иной исторической проблемы (как аспекта объективной реальности). См.: Камынин В.Д. Историографические исследования в эпоху постмодерна // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2015. Вып. 17. Ч.2.: История и историк в ситуации интердисциплинарности. С. 68-81.

¹¹⁴ Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 2009; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. - М.: Кругъ, 2011. С.325-347.

Объединяя элементы науковедческого и социокультурного подходов, рассматриваем в качестве **объекта диссертационного исследования** историографическое направление, развивавшееся со второй половины XIX в. в исторической науке англо- и немецкоязычных стран и связанное с изучением истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Выбор объекта исследования обусловлен безусловным лидерством в западном сибиреведении историков США, Канады, Великобритании и Германии, о чем свидетельствует как общее количество написанных ими научных работ, так и разнообразие предложенных теоретико-методологических подходов и концепций.¹¹⁵

Признавая, что современная академическая историография является глобальным феноменом¹¹⁶ и указывая на невозможность провести четкую грань между англо- и немецкоязычными учеными в стремлении определить их национальные корни, современные исследователи все же различают «западный» и «не-западный стиль исторического мышления».¹¹⁷ Последний присущ, в частности, представителям исторической науки азиатских стран (напр., Китая или Японии) и требует отдельного изучения.

В свою очередь, «западный стиль» и связанные с ним историографические традиции объединяют, в частности, страны Западной и Центральной Европы, США, Канаду, Австралию, что позволяет говорить о высокой степени взаимовлияния национальных историографий, а также общих тенденциях развитии историко-сибиреведческих исследований в указанных странах и рассматривать англо- и немецкоязычное сибиреведение в качестве объекта комплексного исследования.

Предмет исследования – организационные и теоретико-методологические основания «исторического сибиреведения» в англо- и немецкоязычных странах (в первую очередь, в США, Канаде, Великобритании и Германии), а также концепции истории Сибири,

¹¹⁵ По оценке британского историка А. Вуда, история Сибири в целом лучше изучена американцами, которых всегда интересовал ее «тихоокеанский аспект», а также канадцами, находившими значительное сходство между своей страной и Сибирью. (См.: Wood A. Introduction: the Role of Siberia in Russian History // *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London, 1991. P. 1–15). Для периода 1949-1990 гг. мы ограничились рассмотрением публикаций западногерманских историков, развивавших историографическую традицию немецкой русистики, заложенную в трудах О. Хеттша и К.Менерта.

¹¹⁶ Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М.а. Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013.

¹¹⁷ Кукарцева М.А., Коломоец Е.Н. Западное и не-западное историческое мышление: сходства и отличия // Вестник МГУ. Сер. "Философия". М., 2003. С.323-348; Burke P. *Western Historical Thinking in a Global Perspective // Western Historical Thinking: An Intercultural Debate*. New York, Oxford: Berghahn Books, 2001. P.15-30.

Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX вв., изложенные в англо- и немецкоязычной историографии.

В англо- и немецкоязычном сибиреведении преобладало представление о единстве процесса, общности целей и методов освоения русскими Северной Азии и Северной Америки, что соответствовало представлениям о Сибири, существовавшим в XVII – XIX вв., как всей территории от Урала до Тихого океана. Таким образом, **территориальные рамки исследования** охватывают Сибирь, российский Дальний Восток и северную часть Тихоокеанского региона, где находились территориальные владения России, включая «Русскую Америку»; при этом необходимо учитывать, что административное деление зачастую не совпадало с географическими границами указанных регионов. Так, изучавший административную систему Азиатской России позднеимперского периода А.В. Ремнев придерживался территориальных рамок, включавших в состав Сибири применительно к рубежу XIX-XX вв. Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области, а также г. Омск, где до 1882 г. находилась резиденция генерал-губернатора Западной Сибири. С 1868 г. Омск также являлся административным центром Акмолинской области, которая в 1882 г. вошла в состав Степного генерал-губернаторства.¹¹⁸ Соответственно, в предмет исследования частично входит территория Северного Казахстана.

В 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство, что свидетельствовало об административном обособлении Дальнего Востока и позволяет обозначить данный регион в названии темы. Следует также учитывать, что любые изменения в системе управления, общественно-политического и социально-экономического развития Дальневосточного региона рассматривались исследователями (как отечественными, так и зарубежными) в контексте международной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, межгосударственных дипломатических контактов и военных конфликтов. Такой подход позволяет расширить территориальные рамки исследования и включить в них наряду с российским Дальним Востоком также территории, оказавшиеся в сфере российского влияния (в частности, «Русскую Маньчжурию»).

¹¹⁸ Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков: монография. Омск, 2015. С.28-27.

Хронологические рамки историографического исследования охватывают вторую половину XIX - начало XXI вв., когда на смену описательной литературе пришли профессиональные научные исследования, создавались специализированные научные центры, целенаправленно расширялась источниковая база западного сибиреведения, вырабатывались новые теоретические подходы к изучению истории восточных окраин России.

Хронологические рамки периода, которому посвящены труды англо- и немецкоязычных исследователей, включают в себя вторую половину XIX – начало XX вв. **Нижняя граница** обусловлена представлением современной историографии о 1850-х гг. как важной вехе в истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. По справедливому замечанию А.В. Ремнева, «данный период ознаменовался новым всплеском правительственного и общественного внимания к Азиатскому региону империи», о чем свидетельствовала деятельность восточно-сибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского, ревизия Западной Сибири Н.Н. Анненкова, учреждение в 1852 г. II Сибирского комитета и попытка создания комплексной государственной программы освоения Сибири.¹¹⁹ Важнейшими событиями данного периода стали присоединение Приамурья и Приморья, а также упрочение позиций России на Сахалине, что способствовало изменению вектора дальневосточной политики России с северо-восточного направления на юго-восточное. Кроме того, во второй половине 1850-х гг. царским правительством фактически было принято решение о продаже российских владений в Северной Америке, реализованное в 1867 г. **Верхняя граница** – февраль 1917 г., послуживший отправной точкой для радикальных изменений во всех сферах жизни Российского государства и его окраин.

Цель исследования – реконструкция условий, этапов и закономерностей развития историко-сибиреведческих исследований в англо- и немецкоязычной историографии; определение итогов изучения англо- и немецкоязычными исследователями истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX вв.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) выявление институциональных основ историко-сибиреведческих исследований в англо- и немецкоязычной историографии; характеристика

¹¹⁹ Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков: монография. Омск, 2015. С.28-27.

- основных форм деятельности специализированных исследовательских центров и научных школ, связанных с изучением истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки;
- 2) установление источниковой базы англо- и немецкоязычного сибиреведения, выяснение вклада отдельных исследователей в ее формирование;
 - 3) характеристика основных теоретико-методологических принципов, проблем и подходов, присущих англо- и немецкоязычному сибиреведению на разных этапах его развития;
 - 4) выявление англо- и немецкоязычных публикаций по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в., определение проблематики исследований;
 - 5) характеристика концепций англо- и немецкоязычных историков-сибиреведов, оценка их представлений об основных этапах, факторах, тенденциях, проблемах общественно-политического, социально-экономического, социокультурного развития Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки во второй половине XIX – начале XX в.;
 - 6) сопоставление результатов исследований, полученных отечественными и зарубежными историками-сибироведами;
 - 7) оценка итогов и перспектив дальнейшего развития данного направления в англо- и немецкоязычной историографии.

Методология. Понимая под «методологией истории» не только учение о методах исторического исследования, но и теоретические основы исторического познания в целом¹²⁰, для определения методологических оснований историографического исследования рассмотрим современные представления об этапах эволюции исторического познания,¹²¹ а также об изменениях «культурного контекста» научного познания в предшествующие эпохи.

¹²⁰ Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М., 2008. С.3-4.

¹²¹ А.В. Лубский определяет «историческое познание» как когнитивную деятельность субъекта, включающую: а) интериоризацию исторической информации о предмете познания; б) превращение информации в историческое знание; в) экстериоризацию исторического познания в социокультурных коммуникациях. Эл.ресурс: https://w.histrf.ru/articles/article/show/istorichieskoie_poznaniie. См. тж: Кузеванов Л.И. Академизм исторического познания. М., 2010; Останина О.А. Проблема субъективного в историческом познании. М., 1997; Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. М., 1982; Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. СПб.-М., 2008.

В условиях процесса глобализации и вызванных ею социальных трансформаций в современной историографии активно обсуждается вопрос о роли и статусе исторической науки, структуре и формах презентации исторического знания,¹²² его значении для решения насущных проблем, с которыми сталкивается человечество.¹²³ Одновременно под влиянием постмодернизма и постструктурализма, подорвавших «веру в научный и общественный прогресс», в гуманитарном знании утвердился «радикальный исторический и эпистемологический релятивизм»¹²⁴. Признавая историчность самого понятия «науки» и существование различных концепций «научности»¹²⁵, историки дискутируют о возможности объективного научного познания и реконструкции исторической реальности, множественности и субъективности ее интерпретаций, указывают на неизбежность отказа от «гносеологического оптимизма» и невозможность восстановления картины прошлого во всей ее полноте.¹²⁶

«Антропологический поворот», характерный для исторической науки рубежа тысячелетий и обусловивший преимущественное внимание историков к проблемам индивидуального и коллективного сознания, к человеческому измерению исторического процесса¹²⁷, соответствует общим тенденциям развития современной науки, которая утверждает «факт имманентной и неустранимой включенности антропологической составляющей в естественнонаучную картину мира» и определяет феномен сознания как центральную философскую проблему¹²⁸. В целом соотношение знаний об объекте познания с ценностно-целевыми структурами и особенностями познавательной деятельности субъекта характерны для современной — «постнеклассической» — стадии в развитии науки.¹²⁹

В современных исследованиях, посвященных гносеологической проблематики, к наиболее влиятельным теоретико-познавательным программам последнего столетия

¹²² По определению А.А. Линченко, «историческое знание» есть совокупность представлений о прошлом в его соотношении с горизонтом настоящего. См.: Линченко А.А. Историческое познание и целостность исторического знания // Вестник ТГУ. Вып.2 (70). 2009. С.61-78.

¹²³ Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., С.6-7; Историки в поисках новых перспектив. М., 2019. С.6.

¹²⁴ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.337.

¹²⁵ Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008.

¹²⁶ Могильницкий Б. Г. Историческая наука и проблемы гносеологии // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 711; Гуревич А.Я. Территория историка // Одиссей: Человек в истории, 1996. М., 1996. С. 81-109; Биск И.Я. Методология истории: курс лекций. Иваново, 2007; Бессмертный Ю.Л. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // ВИ. 2000. № 9. С.152-158.

¹²⁷ Зайцева, Т.И. Зарубежная историография: Историческая наука в XX – начале XXI века. М., 2011. С.130.

¹²⁸ Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. М., 2005.

¹²⁹ См., напр.: Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999.

относят «праксеологический реализм» (в качестве примера праксеологической теории можно привести марксизм) и «трансцендентализм» (так обозначают различные «конструктивистские» доктрины, например, феноменологию или неокантианство). Анализ как «реалистических», так и «конструктивистских» доктрин показывает, что любые результаты «отражения» объективного мира в сознании человека являются проекцией вовне его собственных «образов мира», тогда как познавательная деятельность человека является, с одной стороны, производной от языка и «культурных смыслов», с другой — порождением «непрозрачных для рациональной рефлексии базовых структур субъективности».¹³⁰

В рамках такого взгляда на когнитивный процесс грань между «объективным научным знанием» и «субъективными культурными смыслами» размывается, а термин «культура» получает крайне широкое толкование и включает в себя все формы познания, в том числе научную. Расширительная интерпретация понятия «культура», столь востребованное в современной историографии, используется не только для анализа современной гносеологической ситуации, но и для характеристики познавательной деятельности человека в различные периоды истории.¹³¹ Так, в доисторическую эпоху, по мере усложнения форм живого, все возрастающую роль в организации поведения начинала играть информация, полученная и фиксируемая не генетически, а через научение, благодаря памяти и собственному опыту и заимствованию опыта у себе подобных.¹³² Все формы поведения, основанные на такого рода информации, а также их результаты (вещественные и идеальные) также обозначают общим понятием «культура».¹³³

По мнению исследователей, именно такое поведение обеспечило человеку наиболее радикальное средство автономизации от внешней среды и наиболее эффективный способ

¹³⁰ Миронов В.В., Иванов А.В. *Онтология и теория познания*. М., 2005.

¹³¹ В работах, посвященных анализу познавательной деятельности первобытных людей, выявляются последовательные этапы формирования простейших логических структур; делается вывод об исключительном значении в первобытном мышлении бинарных и тернарных оппозиций; дифференциация мира предметов на субъект действия, объект, к которому адресуется субъект действия, и все остальные объекты. В.П. Алексеев связывал возникновение тернарных оппозиций с категориями лица, постепенной персонификацией личности, осознанием самостоятельности того лица, с которым ведется диалог или обмен информацией, т.е. фактически о субъект-субъектном взаимодействии. На более поздних стадиях развития мышления сама связь между элементами (субъектом и объектом) может осознаваться как равноценный им самостоятельный элемент и не противопоставляется им обоим по принципу уже сформировавшейся бинарной оппозиции. См.: Алексеев В.П. *Становление человечества*. М.: Политиздат, 1984. С.250-260.

¹³² По замечанию В.П. Алексеева, при превышении определенного уровня сложности внешней среды для адекватного реагирования на внешние вызовы человек должен не просто воспроизводить прежний опыт, но и начать предугадывать ход будущих событий. См.: Алексеев В.П. *Становление человечества*. М., 1984.

¹³³ Вишняцкий Л.Б. *Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры*. Курс лекций. Кишинёв, 2005.

самосохранения, а также становление сознания, а затем и мышления, разума, интеллекта, что составляет основное содержание антропогенеза. В данной интерпретации социальная эволюция предстает не самодовлеющим, автономным процессом, имеющим причину в себе самом; она — лишь составляющая эволюции культуры, ставшей для человека главным и необходимым средством приспособления к естественной среде.¹³⁴

Такое значение культурной информации объяснялось тем, что выживание человеческих популяций в условиях периодических и часто непредсказуемых колебаний ресурсов во многом зависело от коллективной памяти¹³⁵ о прошлых кризисных ситуациях и о возможных стратегиях приспособления к ним.¹³⁶ Со временем культура усложнялась настолько, что возникала потребность в выработке специальных вспомогательных способов хранения и передачи информации, преодоления естественного барьера памяти путем создания средств памяти искусственной. Очевидно, что и на современном этапе, в условиях огромного прироста численности населения и «катастрофического характера увеличения объема информации», человечество также нуждается в новых средствах хранения информации и трансляции культурной памяти.¹³⁷

В донаучную эпоху одним из главных средств хранения и передачи информации о прошлом являлись различные формы словесного творчества, в частности, мифы, которые могут рассматриваться как архаическая форма исторического знания.¹³⁸ Наряду с мифологическим, сохранившим свое значение и в позднейшие эпохи, развивались другие

¹³⁴ Вишняцкий Л.Б. Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры. Курс лекций. Кишинёв, 2005.

¹³⁵ Исследователи называют память одним из главных компонентов в развитии культуры. Под «исторической памятью» понимают совокупность ценностных ориентаций и действий, предпринимаемых социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем. См.: Потемкина М.Н. Теория и методология истории: учеб.пособие. М., 2015. С.52. См. тж: Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; Рикер П. Память, история, забвение. М., 2004; Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., Пюимех Ж., Винок М. Франция – память. СПб., 1999; Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.

¹³⁶ Американский историк А.Мегилл обращает внимание на современное понимание феномена "памяти", которая рассматривается как объект, имеющий самостоятельную ценность, а не только как способ получения знания о прошлом. Ориентированную на память "аффирмативную историографию" (направленную на утверждение и превознесение определенной традиции или группы, чью историю и опыт она изучает) является версией "обыденного" или "вульгарного" понимания истории, поскольку она не только не критична по отношению к избранным воспоминаниям и традициям, но фактически имеет тенденцию к их мифологизации. С учетом такого понимания "памяти", ее следует, скорее, противопоставить "истории", хотя А.Мегилл признает, что четкую грань здесь провести трудно. См.: Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: Канон+, 2007. 480 с. С.93-100.

¹³⁷ Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. – 462 с. С.454.

¹³⁸ Миф также рассматривают как разновидность культурной памяти, которую следует различать с памятью исторической, упорядоченной во времени и пространстве. В мифе историческое не отделено, не отчуждено от личностного. Мифологическому мышлению присуща слитность с эмоциональной сферой, неотчетливое разделение субъекта и объекта, фантастическое отражение реальности, генетизм, анимизм. См.: Герасимов О.В. Феномен исторической памяти // Вестник Университета Российской академии образования. 2013. № 5. С.133-137 Кохановский В.П. Философия и методология науки. Ростов н/Д., 1999).

формы познания – религиозное, художественно-образное. С появлением письменности историческое повествование приобрело литературную форму. Вплоть до Нового времени исторические нарративы считались одним из видов литературных сочинений,¹³⁹ хотя уже в античную эпоху история по своему содержанию строго противопоставлялась другим видам литературы¹⁴⁰.

Полемизируя о времени зарождения истории как науки, исследователи выделяют два противоположных понимания истории, сложившихся в древности. Первое, возникшее на Востоке, основывалось на религиозно-философском восприятии прошлого и настоящего и на линейном понимании исторического времени.¹⁴¹ Другой взгляд, связанный, прежде всего, с античной эпохой, основывался на рационалистическом объяснении истории и соответствующем ему циклическом понимании исторического времени.¹⁴²

По мнению ряда исследователей, уже труды античных историков свидетельствовали о развитии критического метода и критического отношения к источникам, однако уровень развития исторического познания в донаучный период оказался недостаточным для постановки вопроса о соотношении объекта и субъекта познания, формирования представления о позиции историка как результате влияния окружающей его среды.¹⁴³ Процесс превращения исторических знаний в науку (с присущей научному познанию рациональностью, стремлением к постижению истины, открытию объективных законов, приведению полученных знаний в целостную систему) завершился в Новое время.

В эпоху Просвещения под влиянием успехов в области естественных наук, законы общества зачастую механистически уподоблялись законам природы. Социум как объект

¹³⁹ В дальнейшем именно описательно-повествовательная форма исторических произведений служила основанием для сомнений в их «научности». Дискуссии о сходстве и различиях между литературой и историей продолжаются и в наши дни, чему во многом способствовал «лингвистический поворот» в историографии.

¹⁴⁰ Так, Аристотель в «Поэтике» подчеркивал, что история есть изложение чего-либо истинного и реально происходившего. Подробнее см.: Теория и методология истории: учебник и практикум для академического бакалавриата. М., 2016; Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С.157-173; Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.44.

¹⁴¹ Строецкий В.М. Проблемы становления истории как науки в Античности // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С.351-362; Теория и методология истории: учебник для вузов. Отв. Ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград, 2015. С.6

¹⁴² В рамках линейной или циклической модели исторического развития по-разному интерпретируется соотношение объективных и субъективных факторов. Если история – линейный процесс, то определяющее значение имеют внешние, объективные условия (идеальные или материальные), детерминирующие ход истории и задающие социуму направление развития. В циклической модели центральная роль принадлежит человеку (антропоцентризм) – субъекту истории, предстающему в роли ее подлинного творца, способного менять объективные условия для достижения собственных целей.

¹⁴³ Строецкий В.М. Проблемы становления истории как науки в Античности // Античный мир и археология. Вып. 12. Саратов, 2006. С.351-362; Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М., 2008. С. 167.

исследования надлежало изучать с помощью тех же методов, что использовались в естественно-научном познании. По мере развития гуманитарного знания углублялось понимание особенностей предмета и методов исторического познания, все отчетливее осознавалось значение «культурного контекста»¹⁴⁴. Так, по замечанию Г. Иггерса и Э. Вана, в европейской (прежде всего, немецкой) историографии Нового времени развивалась герменевтическая традиция, предусматривавшая «изучение авторов исторических текстов в контексте их культурного бытования», с учетом разнообразия человеческих культур, требующих соответствующих этому разнообразию методологии.¹⁴⁵

В XIX в. в процессе профессионализации исторического знания, теоретической рефлексии подвергся сам познавательный процесс и его структурные элементы (субъект, объект, цели, методы и результат познания), что способствовало развитию исторической эпистемологии¹⁴⁶, изучению проблемы объективности исторического знания, критериев истинности и достоверности исторического исследования. Историки пришли к пониманию того, что объект исторического познания включает в себя другие субъекты; что при этом субъект и объект познания принадлежат единому целому – истории, а познавательный процесс является формой самопознания общества.¹⁴⁷

Фундаментальное значение в западной исторической науке приобрел принцип историзма, соединивший в себе идею развития, характерную для просветительской историографии, с представлениями историков эпохи «романтизма» об уникальности исторических явлений, качественном своеобразии культур и эпох. (И. Гердер, Л. Ранке, Ф. Савиньи, Ф. Мейнеке). К началу XX в. методологические споры, обусловленные, «активной экспансией идеологии естественно-научного подхода» способствовали развитию такого направления как «критика исторического разума», привели к поиску

¹⁴⁴ В 1725 г. Дж. Вико подчеркивал принципиальное различие между природой и историей: природа нерукотворна и по этой причине не может быть понята, в то время как история создана людьми и доступна их пониманию. См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.48.

¹⁴⁵ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.48.

¹⁴⁶ По определению М.Н. Кукарцевой, «историческая эпистемология» (термин введен М. Вартовски) исследует то, как в ходе истории знание конструируется обществом, и как это знание исторически меняется. См.: Кукарцева М.Н. Предисловие переводчика // Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С.11-68.

¹⁴⁷ Смоленский Н.И. Теория и методология истории. М., 2008. С.30; Парамонова М.Ю., Репина Л.П., Зверева В.В. История исторического знания. М., 2006. С.4-6

специфических методов «наук о духе» (В. Дильтей), противопоставлению номотетики и идиографии (В. Виндельбандт, Г. Риккерт).¹⁴⁸

Таким образом, «западный» стиль исторического мышления сложился в ходе длительного процесса эволюции исторического познания, под влиянием не только специфических методов гуманитарных наук, но и естественно-научной методологии; менявшихся представлений о соотношении и роли структурных элементов познавательного процесса.¹⁴⁹ В этом развитии можно выделить определенные циклы и закономерности: периоды «гносеологического оптимизма» сменялись кризисами, утратой веры в познаваемость прошлого; переосмыслением значения субъективных и объективных факторов в истории, предпочтением генерализирующего либо индивидуализирующего метода, чередованием базовых типов объяснения истории – через мотивы человеческой деятельности («антропологический подход»), либо через природные факторы или социальные структуры, обуславливающие эту деятельность («социологический подход»).¹⁵⁰

Так, «просветительской» историографии был присущ акцент на субъекте исторического действия, представление о разуме как главной движущей силе человеческой истории, с помощью которой можно открыть законы поступательного, «прогрессивного» развития общества. Кризис просветительской идеологии на рубеже XVIII – XIX вв. не привел все же к полному отказу от веры в возможность познания законов общественного развития¹⁵¹, но основное внимание отныне уделялось не «универсальному», а «специфическому»; постепенно акцент смещался на изучение культурного и социального контекста, «внешних», объективных факторов исторического

¹⁴⁸ Розов Н.С. Основы методологии социального и исторического познания // Теория и методология истории: учебник для вузов. Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2015. С. 358-360.

¹⁴⁹ Анализ основных этапов развития исторической науки в Новое и Новейшее время позволил английскому историку П. Бёрку определить ряд основных черт западной историографии: «линейное представление о прошлом», повышенный интерес к идеям «развития» и «прогресса», «исторической перспективе»; признание исключительного своеобразия ушедших эпох; приверженность принципам «историзма» и «объективности», интерес к «индивидуальному» и, в не меньшей степени, к «коллективному»; пристальное внимание к вопросам эпистемологии; поиск каузальных объяснений; квантитативный подход к истории; влияние на историографию литературных жанров; повышенное внимание к проблемам исторической географии. См.: Burke P. *Western Historical Thinking in a Global Perspective // Western Historical Thinking: An Intercultural Debate*. New York, 2002. P.15-30; Кукарцева М.А., Коломоец Е.Н. Западное и не западное историческое мышление: сходства и отличия. Аналитический обзор // Способы постижения прошлого. М., 2011. С. 232-349; Иггерс Г., Ван Э. *Глобальная история современной историографии*. М., 2012. С. 42.

¹⁵⁰ Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 2009. С.305-306.

¹⁵¹ «Классический историзм» XIX века характеризуется представлением о совпадении объекта и результата научного исследования; линейной временной последовательности исторических событий; принятием идеи прогресса и рациональности мира, имеющего определенную структуру.

развития. Позитивисты сфокусировали внимание уже на проблеме взаимодействия субъекта и объекта познания, т.е. на самом научном методе, в то время как историки рубежа XIX – XX вв. (Б. Крочче, Р.Дж. Коллингвуд, К. Беккер, Ч. Бирд) сосредоточились на проблеме «субъективности» исследователя, ставя под сомнение или доказывая невозможность объективного познания прошлого.¹⁵²

В начале XX в., в условиях глобальных социальных и политических потрясений, а также радикального изменения научной картины мира, методологические дискуссии представителей исторической науки в историографии завершились ее глубоким кризисом и пересмотром основополагающих принципов исторического познания. Противопоставляя естественнонаучное познание, в процессе которого познающий субъект непосредственно взаимодействует с объектом исследования, историческому, в котором такое взаимодействие невозможно, приверженцы субъективистского подхода к изучению истории полагали, что познание прошлого возможно только как постижение («понимание» (И.Г.Дройзен, В. Дильтей), «интерпретация» (П. Риккер), «проигрывание в уме» (Р.Дж. Коллингвуд) и пр.) внутреннего мира и опыта людей, принадлежавших ушедшей реальности. Поиск объективных закономерностей исторического развития продолжали сторонники позитивистской, марксистской, цивилизационной и модернизационной парадигм.

Представители школы «Анналов», отстаивавшие идею междисциплинарного синтеза, использовали элементы различных исследовательских подходов. Пренебрегая «индивидуальным», они рассматривали человека на фоне социальных групп, анализировали структуры, объединяющие человека и социум, в том числе – ментальные структуры, коллективные представления, общепринятые интеллектуальные категории.¹⁵³ Во второй половине XX в. под влиянием структурализма и междисциплинарной парадигмы школы «Анналов» развивались «новая социальная история», историческая антропология. По заключению Н.Д. Потаповой, исследователей "социальной истории" объединял интерес к не элитарным группам - бесписьменному безмолвному

¹⁵² Примечательно, что Г. Риккерт, проводивший различие между науками о природе и науками о культуре, связывал все продукты культуры с ценностями и считал, что для понимания культурных ценностей идеально подходил только исторический метод, однако, по его признанию, в качестве мировоззрения этот метод представлял собой «ведущий к нигилизму абсурд». См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.193.

¹⁵³ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.213-216; Парамонова М.Ю., Решина Л.П., Зверева В.В. История исторического знания. М., 2006. С.227.

большинству, рабочим и крестьянам, трудящимся, "зрителям исторического процесса", чье прошлое было отчуждено и присвоено правящими элитами.¹⁵⁴

С 1980-х гг. развивается направление «новой культурной истории»,¹⁵⁵ свидетельствуя о смещении исследовательского интереса от социальных структур, статичных норм и институтов к изучению социальных и культурных практик, коммуникативных процессов.¹⁵⁶ Как утверждают Г. Иггерс и Э. Ван, среди представителей нового направления распространилось убеждение, что «культура определенной группы и даже воля отдельного индивида, по крайней мере, потенциально, являются такими же важными факторами изменения, как безличные силы материального производства и демографического роста... Этот интерес к конкретным людям как историческим актерам возвестил о возвращении нарративной истории», с той разницей, что новые нарративы сосредотачивались не на выдающихся политических деятелях, а имели дело с обычными людьми. Главным недостатком "культурных исследований" указанные авторы считают полное пренебрежение политико-экономическими структурами культуры.¹⁵⁷

Вместе с тем историческую науку последней трети XX в. охватил новый эпистемологический кризис, связанный с «постмодернистским вызовом» и «лингвистическим поворотом» в гуманитарном знании. Применение методов лингвистики и литературной критики позволило рассматривать феномены культуры, истории и историографии как своеобразные тексты («семиотический подход»),¹⁵⁸

¹⁵⁴ "Социальная история" оказывала влияние и на другие направления, в том числе - историю идей, историю искусства. Биография творческой личности рассматривалась с учетом влияния социальной среды, к которой он или она принадлежали; анализировалась роль властных структур, значение материальной поддержки, экономического принуждения, политического и социального контроля, осуществляемого при помощи физического материального воздействия. См.: Потапова, Н. Д. Лингвистический поворот в историографии: учебное пособие. СПб., 2015. С.194-198.

¹⁵⁵ «Новую культурную историю» противопоставляют «старой», рассматривавшей культурные объекты и практики как имеющие некоторую эстетическую, моральную или интеллектуальную ценность, превосходящую социально-исторические условия, при которых они возникли. См.: Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С.343.

¹⁵⁶ По замечанию Н.Д. Потаповой, в рамках "поворота к культуре" (термин Ф. Джеймисона) прежняя уверенность в реальности и естественности общества и социальных отношений сменяется повышенным вниманием к конструированию социального мира - воображаемого, условного мира репрезентаций... Для анализа трудовых, производственных, властных отношений в рамках "культуральных исследований" предполагалось проводить не количественные, а качественные исследования: изучать идентичность, ценностные позиции, представления о норме и т.п. См.: Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии: учеб. пособие. СПб., 2015. С.194, 201-205, 221.

¹⁵⁷ См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.303, 395.

¹⁵⁸ А.А. Линченко отмечает, что значение текстуальности человеческой культуры получило серьезное осмысление лишь в современную эпоху. Итогом стало более широкое понимание понятия «текст». В современных условиях данным понятием принято обозначать любую знаковую систему, которая способна быть (или в действительности есть) носителем смысловой информации и имеет языковую природу. Тексты как семиотические объекты являются «тканью» культуры, главными элементами коммуникативной системы, организующей

«нарративы», «дискурсы», что вновь актуализировало проблему «субъективности» исследователя.¹⁵⁹ Акцентируя внимание на позиции историка, «конструирующего» объект своего исследования, «постмодернисты» вновь отвергли возможность объективного познания прошлого и существования эффективных критериев для определения исторической истины.

Анализ основных этапов эволюции исторического познания позволяет заключить, что в фокусе внимания историков последовательно оказывались различные элементы структуры познавательного процесса: субъект познания (субъективистский подход); объект познания (объективистский подход); субъективные и объективные факторы исторического развития (соответственно – «антропологический» и «социологический» подходы); связи (или структуры), объединяющие эти элементы (структуралистский подход). Кризисы исторического познания, обусловленные «разрывом» взаимосвязи субъекта и объекта, разрешаются, прежде всего, в ходе переосмысления категории «субъекта» (как «субъекта исторического познания», так и «субъекта истории»), что обусловлено спецификой самого предмета исторической науки.

Выход из современного эпистемологического кризиса предлагают сторонники так называемой «средней» или «умеренной» позиции, убежденные в существовании исторической реальности вне дискурса, но признающие активную роль языка, текста и нарративных структур в ее созидании и описании.¹⁶⁰ Данная позиция предполагает переосмысление и синтез методов социальной и культурной истории, в результате которого социальные науки вышли за пределы узкой заинтересованности макро- и микроисторическими структурами и процессами, обратившись к изучению культуры с помощью методов интерпретации.¹⁶¹

социальное пространство. См.: Линченко А.А. Историческое познание и целостность исторического знания // Вестник ТГУ. 2009. Вып.2 (70). С.62.

¹⁵⁹ По мнению Е.Б. Волосовой, сегодня считается неоспоримым факт субъективизации исторического познания, его диалогического характера, влияния когнитивных и не когнитивных факторов (к последним относятся финансы, политика, идеология, национальные и религиозные интересы, которые опосредованно формируют цели и ценности познания). Когнитивные факторы – стили мышления, парадигмы, картины мира, объясняющие концепции, принципы и допущения. См.: Волосова Е.Б. История становления и развития методологии гуманитарного познания (на примере исторического познания) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4(38). С.85-89.

¹⁶⁰ Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 2009. С.245.

¹⁶¹ По замечанию Г. Иггерса и Э. Вана, интерпретация не означает интуитивного «насыщенного описания» в манере К. Гирца, а предполагает логическое исследование с четко поставленными вопросами, при помощи которых имеющий социокультурный характер объект подвергается анализу. Она также подразумевает, что вытекающие из этого исследования теории выносятся на суд научного сообщества, разделяющего представления о том, что есть научное рассуждение. См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.406-411.

Из этого следует новое понимание категории «субъекта». По словам Л.П. Репиной, уже на рубеже 1980-х-1990-х гг. складывается новая парадигма социальной истории, ориентированная на исследование всех сфер жизни людей прошлого в их структурном единстве и в фокусе пересечения социальных связей и культурно-исторических традиций.¹⁶² Историческое общество воспроизводится как динамическая система, в центре которой должен стоять «деятель», «агент», «субъект исторического действия» - человек или коллектив (социальная группа), выступающий в неискоренимом дуализме своей социальности: с одной стороны, как итог культурной истории, всего прошлого развития (культурно-исторический субъект), а с другой – как персонификация общественных отношений данной эпохи и данного социума (социально-исторический субъект).¹⁶³

Синтез методов социальной и культурной истории сказался и на переосмыслении предметного поля и методологии интеллектуальной истории¹⁶⁴, что представляет особый интерес для решения задач историографического исследования. По определению Л.П. Репиной, для современной интеллектуальной истории характерно сосредоточение внимания на феномене самого исторического текста (исторического нарратива),¹⁶⁵ на проблеме репрезентации авторского текста и восприятия его читателем; осознание неразрывной связи между историей идей и историей условий и форм интеллектуальной деятельности.¹⁶⁶

Соответственно, данное направление включает в себя разнородные элементы, испытывавшие влияние, с одной стороны, традиционной философски ориентированной истории идей и

¹⁶² Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 2009. С.307-310.

¹⁶³ Развивая вывод Л.П. Репиной, можно предположить, что в трехмерной модели такой системы «субъект» является точкой пересечения трех «осей» (соответствующих трем «ипостасям» субъекта) - субъект-субъектного, субъект-объектного и объект-объектного взаимодействия.

¹⁶⁴ Л.П. Репина относит зарождение направления "интеллектуальной истории" к первой половине XX в., связывая его с "историей идей" А.О. Лавджоя (его подход заключался в изолировании и изучении сохраняющихся во времени универсальных "идей-блоков"). На рубеже 1980-1990-х гг. начался новый этап в развитии "интеллектуальной истории", испытавшей влияние "лингвистического поворота". Признавая "родовую общность истории и литературы как письма", "новые интеллектуальные историки" (в их числе – Р. Шартъе, Л. Хант, К. Гинзбург, Д. Холлингер, П. Новик, Л. Минк и др.) отстаивают максимальное расширение исследовательского пространства, интенсификацию междисциплинарного взаимодействия, предельный методологический плюрализм, объединяющий всех, кто изучает все виды творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты. См.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. - М.: Кругъ, 2011. С.325-347.

¹⁶⁵ Отвечая на вопрос, почему «нарратив» постоянно возвращается, и почему он столь «естествен» для людей, А. Мегилл предполагает, что нарратив глубоко связан с теми процессами, с помощью которых индивидуумы и их группы придают смысл самим себе и даже определяют себя – в частности, с процессами памяти. См.: Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С.188.

¹⁶⁶ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.325-347.

идейных систем, с другой стороны – социально-интеллектуальной истории, сосредоточенной на социологическом и организационном аспектах познавательной деятельности; наконец – со стороны «новой культурной истории», предполагающей изучение всех форм, средств, институтов интеллектуального общения, а также их все усложняющихся взаимоотношений с «внешним» миром культуры.¹⁶⁷

В такой перспективе развивается проект «новой культурно-интеллектуальной истории», направленный на исследование всех интеллектуальных процессов прошлого в их конкретно-историческом социокультурном контексте. Неотъемлемой составляющей новой культурно-интеллектуальной истории является история знания, история науки и так называемая дисциплинарная история, в том числе история исторической науки, которая неизмеримо расширила свою проблематику и отвела центральное место изучению дискурсивной практики историка.¹⁶⁸

Под влиянием «социокультурного подхода» данная область исторического знания все чаще определяется как «интеллектуальная история истории», ассоциируемая с «некой пограничной линией между историей науки и анализом коллективных представлений, отраженных в разнородных текстах – сохранившихся фрагментах гипертекста утраченной реальности».¹⁶⁹ В рамках такого подхода история во всех формах ее репрезентации (в виде мифологического, религиозного, художественно-эстетического, научно-рационального знания) рассматривается как атрибут культуры, как способ самосознания и самопознания общества, определяющего через осмысление прошлого свою идентичность.

По замечанию Л.П. Репиной, в рамках «новой культурно-интеллектуальной истории» предпринимается попытка преодолеть оппозицию между содержанием идей и контекстом. Исследователи, изучающие историю исторической науки, фокусируют внимание не столько на теориях и концепциях, сколько на актуальных проблемах,

¹⁶⁷ Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 2009. С.256.

¹⁶⁸ Л.П. Репина указывает на трудности в определении предмета истории исторической науки, различая «историю историографии» (изучающую исторические произведения не только современной, но и отдаленных эпох – Античности, Средневековья, Возрождения и Просвещения) и «дисциплинарную историю», имеющую отношение к периоду, начавшемуся в 1820-е гг. и отмеченному «профессионализацией» исторического знания, когда историописание было подчинено строгой системе процедур, поставлено под контроль правил профессиональной исследовательской практики и специальных исторических методов. См.: Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.388-394; Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 2009. С. 263.

¹⁶⁹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.388-394.

возникавших перед социумом; способах их осмысления и предлагаемых стратегиях решения. Для этого необходимо восстановить более общий интеллектуальный контекст эпохи, изучить инфраструктуру производства и распространения исторического знания, организационные структуры (институты) исторического образования и историческую науку, «архитектуру» ее коммуникативного пространства и формы межличностных коммуникаций, не забывая о самих идеях и текстах – как исторических исследований, так и популярных, справочных и учебных изданий.¹⁷⁰

Опираясь на принципы культурно-исторической антропологии и новой культурной истории, современные исследователи уделяют основное внимание изучению качественных перемен в области исследовательской психологии и практики, в целом – изучению культуры творчества историков, принимая во внимание, что историк погружен не только в современную ему общекультурную среду, но и в более узкую профессиональную культуру, которая имеет собственную традицию.¹⁷¹

Как представляется, указанные подходы могут применяться и в проблемно-тематической историографии (как истории изучения отдельных тем – например, зарубежной историографии дореволюционной истории Сибири). Соответственно, настоящее исследование опирается на теоретический инструментарий «культурно-интеллектуальной истории», а труды и концепции англо- и немецкоязычных авторов анализируются в контексте основных тенденций развития западной исторической науки, системы подготовки специалистов по истории России в западных вузах, деятельности научных центров изучения истории Сибири и Дальнего Востока (в их числе – Школа славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета,

¹⁷⁰ Аналогичного подхода придерживаются Г. Иггерс и Э. Ван, призывающие рассматривать труды историков «в более широком институциональном, политическом и интеллектуальном контексте». Они также указывают на необходимость «в компаративном и интеллектуальном ключе исследовать организационную структуру исторической науки и преподавание истории..., например, разработку дисциплин университетского цикла для профессиональных историков, правительственную поддержку этих инноваций, место исторической науки в формировании политической позиции среднего класса и влияние на историописание научно-популярных идей». См.: Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.25.

¹⁷¹ В современных историографических исследованиях большое значение также приобретают историко-антропологические исследования, анализирующие профессиональную субкультуру, «историографический быт» или «историографическую повседневность» историков; микроанализ (конкретных текстов или отношений в интеллектуальной среде); использование персонализированного или биографического подхода. По заключению Л.П. Репиной, в современной отечественной историографии ведущую роль в этом направлении играет школа, созданная В.П. Корзун в Омском государственном университете. Представители данной школы своей главной задачей называют возвращение в историю исторической науки «человека» - ученого, творца, мыслителя; отображение истории науки как процессы, деятельности живых людей. См.: Мир историка. Вып.1-7. Омск, 2005-2011; Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX - XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.398; Репина Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история. М., 2009. С.263-267.

Калифорнийский университет Беркли, Гавайский университет, Центр полярных исследований им. Р.Ф. Скотта в Кембриджском университете, Арктический институт Северной Америки и др.), усилий отдельных историков по созданию научных школ, разработке университетских курсов, формированию источниковой базы (в ряду таких исследователей – А.К. Кулидж, Б. Пэрс, Ф. Голдер, Р.Дж. Кернер, О. Хетцш, К. Менерт, Дж.А. Уайт, М. Карпович, А. Вуд, Дж. Стефан и др.).

Изучение «культурно-интеллектуального» контекста позволяет более полно осветить историю данного историографического направления: проанализировать особенности развития национальных историографий в различные исторические эпохи, проследить влияние историографических традиций; объяснить изменение проблематики научных исследований, смену теоретических и методологических подходов, охарактеризовать доступную для исследователей источниковую базу; выявить связи и взаимовлияния историков, принадлежавших к различным научным школам и направлениям.

При всех различиях оценок и представлений о возможностях объективного научного познания прошлого можно выявить общие для большинства исследователей принципы, установки и методы познания. Исследователи фактически выделяют три уровня анализа – общенаучный, общеисторический и специально-исторический. Общенаучный уровень предполагает объяснение и анализ историографического процесса на основе общих диалектических законов развития, принципов научности и объективности, системности и целостности, требует применения методов анализа и синтеза исторического и логического методов.¹⁷²

На общеисторическом уровне выявляются теоретико-методологические принципы, конкретные направления и концепции, существующие в исторической науке. Основополагающим здесь является принцип историзма, требующий смотреть на каждое явление с точки зрения его развития, объяснения причин и условий его зарождения, определения основных стадий и характера его становления.¹⁷³ На специально-историческом уровне выполняется анализ конкретных историографических источников, применяются специальные исследовательские методы, т.е. способы, приемы обработки историографического материала и основные элементы методологической теории.¹⁷⁴

¹⁷² Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. С.142.

¹⁷³ Трельч Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. С.528.

¹⁷⁴ Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М.: Высш. шк., 1987. С.96.

Изложение истории развития западного сибиреведения, а также содержания работ зарубежных историков предполагает использование **описательно-повествовательного (нарративного) метода**, который является исходным среди других научных методов и позволяет систематизировать и группировать историографический материал для его более глубокого анализа.¹⁷⁵ В целом, познавательная функция нарративной формы, по выражению Л. Минка, заключается в том, чтобы «придавать тело ансамблю взаимосвязей как единому целому».¹⁷⁶

С описательным методом тесно связан **историко-генетический**, используемый для выявления причинно-следственных связей и закономерностей исторического развития, определения своеобразия исторических событий и личностей.¹⁷⁷ Данный метод позволяет проследить историю возникновения и развития историографического направления, связанного с изучением на Западе истории освоения русскими Северной Азии и Северной Америки, вклад отдельных исследователей в изучение темы.

Критики «нарратива» утверждают, что установка на познание как воспроизводство прошлого посредством традиционных повествовательных жанров не заставляет организовать исследовательскую мысль как проблематизацию сложившихся трактовок, выдвижение гипотез, обоснование и доказательность тех или иных положений, выстраивание логики изложения, использование эмпирического материала как аргументов и т.д.¹⁷⁸ Такой подход предполагает использование **конкретно-проблемного и проблемно-хронологического методов**¹⁷⁹, позволяющих систематизировать факты как индикаторы различных проявлений исторического процесса; более тщательно изучить отдельные элементы в структуре историографического направления, выделить в историографии отдельные исторические проблемы (например, проблему присоединения Сибири, взаимоотношений пришлого и коренного населения и пр.) и проследить историю их изучения в хронологической последовательности.¹⁸⁰

¹⁷⁵ Потемкина М.Н. Теория и методология истории. М., 2015. С.80.

¹⁷⁶ Цит по.: Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007. С.170.

¹⁷⁷ Потемкина М.Н. Теория и методология истории. М., 2015. С.80.

¹⁷⁸ Так, по мнению В.Н. Сырова, научный текст должен конституироваться коммуникативным отношением (т.е. все компоненты создаваемого текста должны строиться в расчете на отклик подразумеваемого читателя). Интенция автора должна заключаться в стремлении убедить читателя в правомерности выдвигаемых им идей, соответственно, убеждение должно строиться на ресурсах логики, а не риторики. См.: Сыров В.Н. Коммуникация и историческое познание // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.7. Философия. 2015. № 3(29). С.84-91.

¹⁷⁹ Теория и методология истории. М., 2016. С.93.

¹⁸⁰ Впрочем, по мнению ряда исследователей (А.В.Зевелева, В.Г.Варшавчика, В.В.Тихонова), в данном случае речь идет не столько о методе, сколько о способах структурирования материала, его изложения. См.: Тихонов В.В. Методы историографии: современное состояние и перспективы. [Электронный ресурс]: Режим доступа:

Систематизация материала также связана с использованием **историко-системного метода**, позволяющего понять внутренние механизмы функционирования идеальных объектов, состоящих из множества элементов.¹⁸¹ В частности, с помощью данного метода можно анализировать организационные основы западного россиеведения, в первую очередь, специализированных научных центров, изучающих историю Сибири.

Изучить историографические факты в тесной связи с той исторической обстановкой, в которой они возникли, а с другой – показать их качественные изменения на различных этапах развития позволяет **сравнительно-исторический метод**. По справедливому утверждению М.М.Крома, «сравнение является неотъемлемой частью любого познания, как на обыденном, так и на научном уровне».¹⁸² Условием продуктивного применения сравнительно-исторического метода исследователи называют анализ однородных, повторяющихся, сопоставимых явлений, что позволяет выявить общие и особенные черты рассматриваемых объектов. В историографическом исследовании сопоставляются не только отдельные концепции, предложенные западными историками-сибироведами, но и общие тенденции развития сибиреведения в различных странах; устанавливается общее и особенно в исследовательских подходах, формировавшихся в контексте развития россиеведческих и сибиреведческих исследований на Западе в различные периоды истории.

Анализ сходств и различий, единичного и особенного предполагает использование **историко-типологического метода**, позволяющего выделить «идеальные типы» или модели явлений и процессов. В историографическом исследовании данный метод позволяет конструировать «идеальные модели» научных школ и направлений, «историографических дискурсов», теоретико-методологических подходов, использовавшихся западными сибироведами. При этом необходимо учитывать, что конкретные концепции (системы взглядов) тех или иных историков могут объединять в себе элементы различных подходов.

Метод ретроспективного анализа позволяет на основе анализа современного состояния историографии проследить процесс оформления и развития научной мысли, принимая во внимание уровень развития исторической науки в тот или иной период,

http://www.clio-hvit.ru/view_post.php?id=41 (дата обращения: 11.02.2022); Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 35.

¹⁸¹ Потемкина М.Н. Теория и методология истории: учеб. пособие. М., 2015. С.80.

¹⁸² Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб., 2015. С.29.

объективные условия, в которых работали исследователи, и не предъявляя к работам прошлого требований, которые не могли быть выполнены по объективным и субъективным причинам. **Метод перспективного анализа** используется для определения направления, тем и проблем будущего развития историографии.

Источниковая база историографического исследования. Обращаясь к теоретическим проблемам, связанным с определением и классификацией историографических источников, необходимо учитывать, что в современных условиях внимание к тексту очень часто ориентировано постмодернистской логикой лингвистического поворота в методологии истории, придающей историческому тексту черты художественного повествования, что ставит под сомнение его научность и истинность.¹⁸³ Труд историка, создающего текст, в этом случае фактически отождествляется с литературным творчеством, а его содержательная сторона уступает место рассмотрению формальных особенностей языка и стиля изложения. Вместе с тем, признается, что исторический нарратив является формой существования научного дискурса (если понимать под последним научный текст в его неразрывной связи с ситуативным контекстом), а особенностью научного дискурса наряду с набором переменных является присутствие постоянных элементов, таких как упоминание об ученых, их гипотезах, теориях, исследованиях, экспериментах, данных, доказательствах, результатах и т.п.¹⁸⁴

Одновременно в историографии последней трети XX в. появилось новое отношение к документам, «в том смысле, что последние не отражают, а интерпретируют прошлую реальность, и поскольку реконструкция прошлого в таких условиях – цель недостижимая, задача историографии – конструируя искомое прошлое, помочь индивидам и социальным группам (особенно маргинальным) в обретении ими собственной идентичности».¹⁸⁵ Как замечает Д.В.Лукьянов, «диссипация (*рассеяние*) существующего историографического дискурса» в различиях интерпретаций прошлого, заставляет искать ответы на вопросы о том, есть ли в целом потребность в знании о прошлом у современного человека; являются ли когерентными истине высказывания и интерпретации относительно прошлого,

¹⁸³ Стризов А.Л. Исторический текст как научный нарратив // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. 2012. № 2 (22). С. 172-178.

¹⁸⁴ Шевцова Н. В. Научный дискурс и его лингвистическая прагматика // Педагогический университетский вестник Алтая. 2003. № 4. С. 113-116.

¹⁸⁵ Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003. С.6.

предлагаемые в рамках различных конструктивистских подходов?¹⁸⁶ Возможно ли в таком случае строгое научное историческое знание, и вообще история как наука, основанная на строгой доказательности, точности мышления, построении теорий, нацеленная на выяснение закономерностей, установление законов исторического развития и исторического познания?

Своеобразным ответом на поставленные вопросы, по мнению исследователей, явилась актуализация неоклассической модели исторической науки, пытающейся преодолеть «постмодернистскую эпистемологическую анархию».¹⁸⁷ Она критикует неупорядоченность исторического знания, стремится прояснить многообразие реальности, а на вызов постмодерна социальному статусу исторической науки отвечает защитой профессиональной составляющей исторического знания.¹⁸⁸ Неоклассическая модель науки ведет поиск строгих научных оснований профессиональной деятельности историков и рефлексивует о поиске новых познавательных возможностей истории.

В полной мере указанные процессы затронули историографические исследования. В частности, по наблюдениям В.Д. Камынина, историография, как неотъемлемая часть исторической науки, испытала воздействие произошедшей в ней «методологической революции», вследствие чего наряду с классическим пониманием предмета, задач и основных категорий историографических исследований, появилась новая их трактовка, основанная на использовании методологии интеллектуальной истории.¹⁸⁹ Одним из следствий актуализации интеллектуальной истории явилось развитие **источниковедения историографии**.

С.О. Шмидт, предложивший данное понятие в 1970-х гг.,¹⁹⁰ давал ему следующее определение: «Источниковедение историографии как отрасль исторического источниковедения – это наука об историографических источниках (следовательно, и о закономерностях их происхождения и развития), а также о приемах их выявления, изучения и использования в работе историографа».¹⁹¹ Современные исследователи

¹⁸⁶ Лукьянов Д.В. Когнитивизм и историческое познание // Диалог со временем. 2013. № 44. С.34-43;

¹⁸⁷ Маловичко С.И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С.36-44.

¹⁸⁸ Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М., 2005. С.256-339.

¹⁸⁹ Камынин В.Д. Историографические исследования в эпоху постмодерна // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2015. Вып. 17. Ч.2.: История и историк в ситуации интердисциплинарности. С. 68-81.

¹⁹⁰ Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию акад. М.В. Нечкиной. М., 1976. С.119-129.

¹⁹¹ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.177-203.

(представители Научно-педагогической школы источниковедения, основанной О.М. Медушевской) под источниковедением историографии понимают «предметное поле актуального исторического знания, востребующее метод источниковедения для изучения истории исторического знания в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории».¹⁹²

Историки отмечают, что «парадигмальные изменения, сопровождающие сегодня историческую науку в целом и историографию в частности, ведут к необходимости выработки в науках актуального языка описания, что вынуждает проводить своеобразную ревизию наличного понятийно-категориального аппарата исследований», прежде всего стержневых понятий, сконструированных для реализации определенных моделей научного знания. В условиях теоретико-методологической неопределенности, сопровождающей «тектонические» сдвиги в науке, историки должны выяснить, как эти понятия будут «работать» в новой среде.¹⁹³

Одним из таких «стержневых понятий» является понятие **«историографический источник»**, содержание которого служило предметом многолетних и довольно острых споров в отечественной исторической науке. Неоднозначность понятия «историографический источник» во многом обусловлена многозначностью самого термина «историография». Как писал С.О. Шмидт: «В начале XX вв. термин «историография» употребляли для обозначения и самой исторической науки ... К середине XX в. утвердились уже иные представления о смысле слова «историография»: это – совокупность трудов либо по определенной исторической тематике (например, историография истории крестьянства, истории эпохи Петра Великого, изучения декретов советской власти и т.д.) или обладающих единством в национальном, общественно-политическом, теоретико-методологическом отношении (английская, дворянская, марксистская и т.д.), либо отрасль исторической науки, исторической мысли».¹⁹⁴

Термин «историографический источник», предложенный С.О. Шмидтом в 1965 г.,¹⁹⁵ оказался чрезвычайно востребованным в отечественной историографии, что, вероятно,

¹⁹² Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов // 150 лет на службе науки и просвещения: сб. мат-лов Юбилейной межд. науч. конф. Москва, 5-6 дек., 2013 г. М., 2014. С.421-430.

¹⁹³ Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое – The New Past. 2019. № 2. С.98-114.

¹⁹⁴ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.177-203

¹⁹⁵ Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды Моск. гос. ист.-арх. инт-та. М., 1965. Т.22. С.3-49

объясняется в первую очередь стремлением историков подчеркнуть специфику историографического исследования, особенности его источниковой базы, в целом - разграничить понятия «историческое исследование» и «историографическое исследование», принимая во внимание, что изучением историографии занимаются не только специалисты-историографы.

Действительно, научное историческое исследование в обязательном порядке предполагает изучение «историографии вопроса», и для любого исследователя труды предшественников – важный источник информации. Таким образом, история научного изучения исторического явления сама по себе может быть предметом специального исследования – «историографического», в ходе которого выявляются, анализируются и интерпретируются определенные научные факты – «историографические факты». По определению С.О. Шмидта, именно «историографические факты» являются объектом историографического исследования, а **научные исторические труды** - «собственно историографическими источниками», при этом историк замечал, что «историографический источник прежде всего является историческим источником».¹⁹⁶ Развивая данный тезис, С.О. Шмидт писал: «Если придерживаться обосновываемого мною понимания и уточнить **понятие «исторический источник» в плане собственно историографии**, то историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений (фактов)».¹⁹⁷

Тот факт, что историографический источник – это, в первую очередь, исторический источник, подчеркивал Л.Н. Пушкарев, писавший, что «исследование – это одна из разновидностей повествовательного источника, однако настолько своеобразная и особая, настолько отличающаяся от всех других разновидностей источников, что, определяя источниковедческую ценность исследования, историк должен обратить внимание на **выявление и анализ его первоисточников**».¹⁹⁸ По мнению С.П. Бычкова и В.П. Корзун, наиболее трудным аспектом историографического анализа является выявление **скрытой**

¹⁹⁶ Прямо противоположной точки зрения придерживается, например, В.Д. Камынин, который вслед за С.И. Маловичко полагает, что исследовательские задачи, стоящие перед историографом, не позволяют отнести произведения историков к понятию «исторический источник». См.: Камынин В.Д. Современные подходы к определению содержания понятия «историографический источник» и идеи А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. № 46. С.120-128; Камынин В.Д. Историографические исследования в эпоху постмодерна // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. Екатеринбург, 2015. Вып. 17. Ч.2.: История и историк в ситуации интердисциплинарности. С. 68-81.

¹⁹⁷ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.182-186.

¹⁹⁸ Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 74.

методики интерпретации автором выявленного исторического материала.¹⁹⁹ Таким образом, от других исторических источников научные труды отличаются прежде всего тем, что содержащаяся в них информация уже подверглась обработке и интерпретации в соответствии с принципами и процедурами научного исследования.

По замечанию С.О. Шмидта, другой важной особенностью историографических явлений следует признать те случаи, когда дошедшее до нас историческое сочинение (т.е. историографический факт) является основным или даже единственным источником сведений о сочинителе. В таких случаях происходит своего рода смешение объектов исследования и основных источников их познания.²⁰⁰ Неопределенность понятий «историографический факт» и «историографический источник» послужила предметом дискуссии среди советских историков (в их числе – М.В. Нечкина, А.М. Сахаров, К.Н. Тарновский, Л.Н. Пушкарев, Е.Н. Городецкий и др.). Анализ содержания этих дискуссий посвящены работы А.И. Зевелева и В.П. Наумова,²⁰¹ О.Б. Вовк,²⁰² Г.М. Ипполитова,²⁰³ Д.П. Исаева²⁰⁴, В.Д. Камынина.²⁰⁵

По заключению О.Б.Вовк, становление понятийного аппарата историографии как специальной исторической дисциплины состоялось относительно недавно, поэтому неудивительно, что уточнения и систематизации требуют даже такие основополагающие понятия как «историографический факт» и «историографический источник». Множественность трактовок такого понятия как «историографический факт» исследовательница объясняет, в первую очередь, многоаспектностью его сущности. Каждый историк, давая свое определение историографического факта, стремился подчеркнуть наиболее важную, на его взгляд, особенность, некую отличительную черту

¹⁹⁹ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в отечественную историографию XX века. Омск, 2001. С.15

²⁰⁰ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.177-203.

²⁰¹ Зевелев А.И., Наумов В.П. Историографический факт: критерии оценки и анализа // Вопросы истории. 1980. № 5. С.32-41.

²⁰² Вовк О.Б. Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник // Категоріальний апарат історичної науки. Харківський історіографічний збірник. Харків, 2000. Вып. 4. С. 48-55.

²⁰³ Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.13. № 3 (2). 2011. С.501-509; Ипполитов Г.М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.15. 2013. № 1. С.184-195.

²⁰⁴ Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое – The New Past. 2019. № 2. С.98-114.

²⁰⁵ Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Проблема историографического источника в отечественной литературе // Запад, Восток и Россия: проблема исторического и историографического источника. Екатеринбург, 2005. Вып. 7. Проблемы всеобщей истории. С.28-39

данного понятия. Так, К.Н. Тарновский называл историографическим фактом авторскую концепцию;²⁰⁶ М.В. Нечкина — те исторические труды, которые вносят новое слово в историю исторической науки на том или иной этапе²⁰⁷; А.М. Сахаров — творческую лабораторию ученого. В конце 1980-х гг. А.И. Зевелев писал о преодолении советскими историками мнения о том, что историографические факты одновременно выступают и историографическими источниками, поскольку понятие факта шире понятия источника: не всякий историографический факт материализуется в историографический источник, доступный для широкого изучения; установление факта осуществляется на базе комплекса источников и т.д.²⁰⁸

В отличие от О.Б. Вовк, акцентировавшей внимание на различии подходов к интерпретации понятия «историографический факт», Г.М. Ипполитов, рассмотревший взгляды крупнейших советских историков, отметил, что у них было примерно однозначное понимание следующих теоретико-методологических положений: 1) историографический факт базируется на историческом факте; причем исторический факт — более широкое понятие, так как эта категория составляет фундамент всего здания исторической науки; она существует объективно, независимо от того, познан он или нет; 2) историографический факт — исходный материал для историографического творчества; он — продукт творчества субъекта, находится в процессе его работы на «стыке» единства субъекта с объектом; 3) историографический факт часто определяется как объект исследования историографии и факт исторической науки, несущий информацию об исторических знаниях.

Изучение и уточнение категории «историографический факт» повлияло на выработку подходов к определению источниковой базы историографических исследований. В исторической литературе сформировалось два основных подхода к историографическим источникам и их классификации: «узкий» и «расширительный».

К сторонникам «узкой интерпретации» принято относить тех исследователей, кто ограничивает круг историографических источников научной продукцией профессиональных историков. Так, А.М. Сахаров считал историографическими

²⁰⁶ Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России, нач. XX в.: Советская историография середины 50-х - 60-х гг. М., 1990. С.7-13.

²⁰⁷ Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки // История и историки. М., 1965

²⁰⁸ Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 118, 120, 123; Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое – The New Past. 2019. № 2. С.98-114.

источниками труды историков в любой их форме: монографии, статьи, заметки, выступления в дискуссии, а также черновики, отброшенные варианты текстов и т.п.²⁰⁹ Н.Н. Маслов определял историографический источник исключительно как труд ученого-историка, воплощенный в статье, монографии, диссертации, рукописи, стенограмме или магнитофонной записи.²¹⁰ Современные исследователи В.И. Усанов и В.А. Лабузов также полагают, что «источником для историографа служат, в первую очередь, изыскания в области истории – монографии, диссертации, статьи, научные доклады, тезисы, рецензии», хотя допускают, что в качестве историографического источника также могут быть использованы материалы личных фондов историков, их переписка, воспоминания».²¹¹

По мнению Д.П. Исаева, актуализация в современности подобной узкой трактовки историографического источника опирается на существующую научную традицию, также связанную с именем С.О. Шмидта, который в поздний период своего творчества не только выступал за всемерное расширение источниковой базы историографической науки, но и проводил определенную градацию источников, исходя из критерия их предназначения. Соответственно, он предложил рассматривать «собственно историографические источники» (научная продукция) и иные, которые по своему происхождению и направленности не являются таковыми, хотя и широко используются в историографическом исследовании.

Следуя в русле данного подхода Г.М. Ипполитов в статье, опубликованной в 2011 г. и посвященной проблеме классификации источников в проблемно-тематических историографических исследованиях, признает, что по мере развития историографии круг источников все более расширяется.²¹² Вместе с тем, в предложенном им варианте классификации источников в проблемно-тематических историографических исследованиях он четко разграничивает два основных блока:

Первый блок включает в себя **историографические источники** – широкий круг общих и специальных исследований, а также научно-справочных изданий, характеризующих

²⁰⁹ Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.

²¹⁰ Маслов Н. Н. Методология исторического исследования. (Введение в методологию историко-партийной науки). М., 1979; Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С.119.

²¹¹ Камынин В.Д. Современные подходы к определению содержания понятия «историографический источник» и идеи А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. № 46. С.120-128.

²¹² Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.13. № 3 (2). 2011. С.501-509

проблему, которая избрана для историографического исследования (например, западная историография дореволюционной истории Сибири). Второй блок содержит **исторические источники** – комплекс документов и материалов, отражающих период истории, который входит в проблему, подвергаемую историографическому исследованию.

В историографических исследованиях историк выделяет две группы. Первая группа включает в себя **исследования обобщающего характера**²¹³, **вторая группа – специальные исследования**, т.е. специальные монографические исследования по анализируемой теме; специальные диссертационные исследования; научные статьи; материалы научных конференций и прочих научных форумов; обзоры литературы, рецензии; научно-библиографические публикации. В **блоке исторических источников** Г.М. Ипполитов выделяет три группы: архивные и опубликованные документы; эгоисточники; периодическая печать.

Д.П. Исаев резонно замечает, что в предложенной классификации историографических источников Г.М. Ипполитов воспроизвел достаточно «узкую» интерпретацию понятия, ограничивая историографические источники кругом научных исследований, «характеризующих проблему, которая избрана для историографического исследования». Такая классификация воспроизводит типично интерналистскую стратегию научного познания: если историографическими источниками выступают лишь научные произведения, то и предметом такого исследования является внутренняя логика научного процесса. В то же время в самом понимании историографического источника Г.М. Ипполитов идет вслед за В.П. Корзун, предлагая рассматривать его в трех аспектах: научном, индивидуальном и социальном, т.е. фактически предполагает дальнейшее расширение источниковой базы.

В следующей своей работе Г.М. Ипполитов развивает эту логику и вслед за И.С. Волиным и О.Б. Вовк предлагает отнести к историографическим источникам разнотипные исторические источники,²¹⁴ содержащие информацию о творчестве и жизни

²¹³ К исследованиям обобщающего характера историк относит общие фундаментальные труды по истории периода, который подвергается историографическому осмыслению и переосмыслению, а также обобщающие работы по его отдельным аспектам; общие фундаментальные труды по истории исторической науки, источниковедению, а также обобщающие труды по их отдельным аспектам; (труды о западном сибиреведении); учебные издания, в которых до предела в обобщенном виде освещаются основные вехи истории периода, который подвергается историографическому осмыслению.

²¹⁴ И.С. Волин предлагал выделить такие типы как: научные работы; учебная литература; источники, содержащие информацию о жизни и творчестве историков и др.; См.: Волин И.С. О разнотипности историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С.122-136.

известных историка, о возникновении и развитии исторического образования и науки, о характерном для каждой данной эпохи политическом и научном мышлении. Более того, в порядке дискуссии Г.М. Ипполитов предлагает в проблемно-тематической историографии отнести к историографическим источникам **вообще все публикации и рукописные труды, имеющие отношение к теме**, которая стала объектом и предметом проблемно-тематического историографического исследования, а не только указанные выше разнотипные исторические источники. По справедливому заключению С.И. Маловичко, такой подход основан на расширительном толковании за счет включения в понятие «историографический источник» исторических источников иных видов (например, документации, научно-исследовательский организаций, источников личного происхождения и т.д.).²¹⁵

В учебном пособии по источниковедению, подготовленном в 2015 г. представителями Научно-педагогической школы источниковедения (наряду с С.И. Маловичко к ним принадлежат М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков, И.Н. Данилевский и др.), один из разделов посвящен источниковедению историографии.²¹⁶ Авторы пособия дают собственное определение **историографических источников: это группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного.**

В этом определении предложена оригинальная классификация историографических источников, в основу которой положена феноменологическая концепция источниковедения, что позволяет выделять виды историографических источников и группировать их по признаку первичной социальной функции. **Историографические источники научной истории** представлены такими видами как монографии, статьи, рецензии и отзывы, диссертации и авторефераты диссертаций, доклады и тезисы выступлений на конференциях, материалы историографических дискуссий, исторические очерки, учебная литература и публикации исторических источников. **Социально ориентированное историописание** представлено такими видами историографических источников, как национально-государственные нарративы, учебная литература по национальной (отечественной) истории и историческое краеведение.

²¹⁵ Маловичко С.И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С.36-44.

²¹⁶ Источниковедение: учебное пособие. М., 2015.

Феноменологический подход связан с когнитивной историей,²¹⁷ рассматривающей в качестве эмпирического объекта все интеллектуальные продукты, созданные людьми осознанно, т.е. целенаправленно, и выполняющие определенную функцию, «структурированные в соответствии с теми функциями, для которых они предназначены». Интеллектуальные продукты имеют системное качество и, следовательно, «способны фиксировать такой информационный ресурс, который говорит не только о них самих, но и той системе, в рамках которой оказалось возможным их возникновение».²¹⁸

Как замечает И.Н. Данилевский, в связи с изменением задач, которые призвана решать историческая наука, углублением понимания исторического источника как специфического носителя информации о прошлом, а также – начиная с работ А.С. Лаппо-Данилевского и И.И. Лапшина, развивших идеи В. Дильтея о «чужой одушевленности», - признанием существования в исторической науке проблемы «Другого», или «чужого Я», внимание исследователей рано или поздно (но неизбежно) должно было переместиться на изучение истории духовной жизни. Причем, оно предполагало не столько объяснение процессов, происходивших в истории культуры, сколько понимание чужой культуры.²¹⁹

Данный подход актуален и для историографических исследований, поскольку историографу зачастую приходится иметь дело с текстами, порожденными иной культурно-исторической средой, связанными с историографическими традициями других стран и эпох. Как писал М.А. Барг, «историк, изучающий более или менее отдаленное прошлое, оказывается перед проблемой «языка культуры». Как индивид, включенный в систему культуры своего времени, он мыслит и выражает осмысленное в категориях,

²¹⁷ О.М. Медушевская (1922–2007), являвшаяся признанной главой Научно-педагогической школы источниковедения и отстаивавшая научный статус истории, развивала теоретико-методологические основания «когнитивной истории», предметом которой является процесс мышления как важнейшая отличительная особенность человека и основа культуры. Системный объект когнитивной парадигмы истории «мыслится как адекватный человечеству», в частности, представляет собою универсальную систему человеческого мышления и деятельности, которая «ограничена» возможными пределами времени и места протекания исторического процесса. Историческая наука, выступая в качестве когнитивной «подсистемы» наблюдает единство исторического процесса как эпифеномен (побочное явление) деятельности мышления индивидов, который представляет собою «воплощенный в материальный объект набор идей» и предстает как «информационный ресурс реальных продуктов целенаправленной человеческой деятельности». (См.: Лукьянов Д.В. Когнитивизм и историческое познание // Диалог со временем. 2013. № 44. С.34-43.).

²¹⁸ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. – М., 2008. С.258.

²¹⁹ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С.7.

принципиально иных в сравнении с «языком культуры» изучаемого исторического прошлого»²²⁰

Задача «толкования» смысла источника (в нашем случае – историографического) предполагает использование теоретического багажа герменевтики – учения о принципах интерпретации текстов, требующего, по выражению Х.-Г. Гадамера, «учета исторической дистанции между интерпретатором и текстом, всех исторических обстоятельств, непосредственно или опосредованно связывающих их, взаимодействия прошлой и сегодняшней духовной атмосферы».²²¹ Касаясь проблемы субъективности интерпретаций, О.М. Медушевская признавала, что «переход от интерпретаций к пониманию возможен только при наличии общей картины мира двух индивидов, позволяющей осмыслить выбор одного из них в категориях, понятных другому»²²² Если же пытаться воссоздать логику мышления другого индивида по аналогии с собственной, то возникает так называемый «герменевтический круг», выход из которого возможен только через соотнесение фонового знания (общего для участников коммуникативного акта. – Д. А.) с выраженным путем использования сравнимых категорий.

По мнению представителей Научно-педагогической школы источниковедения, один из важнейших принципов феноменологической концепции источниковедения – рефлексия о чужой одушевленности – позволяет за основу процедуры выделения видовой структуры историографических источников принять **принцип целеполагания его автора** (Другого), а значит, и классифицировать их не по цели современного исследователя (что предлагал Л.Н. Пушкарев) или произволу библиографа, а по целеполаганию историка прошлого и культуры его времени. При этом авторы не выстраивают иерархию исторических работ по их значимости – научные, не совсем научные, ненаучные и т.д., поскольку принцип целеполагания позволяет рассматривать группы или виды историографических источников как рядоположенные.²²³

Таким образом, представители Научно-педагогической школы источниковедения выделяют два подхода к историографическому источнику, жестко коррелирующие с двумя парадигмально разными подходами к определению понятия «исторический источник». Согласно первому подходу (с их точки зрения, не проясняющему природу

²²⁰ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С.92.

²²¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С.14.

²²² Медушевская О.М. Теория исторического познания: Избранные произведения. СПб., 2010. С.27-46.

²²³ Маловичко С.И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С.36-44.

историографического источника), историографический источник – это то, откуда извлекают информацию, пригодную для конструирования историографического процесса. Второй подход, основанный на феноменологической концепции источниковедения, дает возможность прояснить многообразие типов презентуемого исторического знания, позволяет смотреть на историографический источник как на произведение творческой активности человека, продукт культуры, ориентирует современного исследователя выявлять целеполагание автора исторического труда, сознательно осуществлявшего акт историописания, выполнявшего определенную функцию в социуме.²²⁴

Актуальность построения классификации историографических источников в соотношении с принципами типо-видовой источниковедческой классификации остается чрезвычайно важной хотя бы потому, что историки актуализируют варианты типо-видовых классификаций исторических источников, которые соответствуют парадигмам классической науки, исчерпавшей эпистемологический потенциал в конце XX в. Впрочем, последователи О.М. Медушевской признают, что предложенная ими видовая классификация ориентирована в большой степени на репертуар историографических источников, существующих в исследовательских практиках российской исторической науки с середины XIX в. вплоть до первых десятилетий XXI в. При этом необходимо учитывать, что совокупность видов историографических источников имеет историю своей эволюции: к примеру, историческая наука XVIII в. не знает монографий; историческая наука XXI в. не практикует трактатов, а диссертация как вид историографических источников кардинально меняется от XVI к XXI в., становясь в российской историографической традиции XXI в. все более формализованным научным сочинением, чаще всего не опубликованным.²²⁵

Анализируя концепцию С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой и их коллег, современные исследователи расценивают ее как «оригинальную», «этапную» и «рубежную». По мнению Д.П.Исаева, авторы концепции, «отталкиваясь от теоретического представления об историческом источнике как «объективированном результате творческой

²²⁴ Маловичко С.И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С.36-44.

²²⁵ Авторы учебного пособия предполагают, что, вероятно, в будущем видовую классификацию историографических источников целесообразно строить с учетом эволюции видового состава всего корпуса письменных источников. См.: Румянцева М.Ф., Маловичко С.И., Казаков Р.Б. Источниковедение историографии в актуальных университетских практиках // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации. Мат-лы всерос. науч. конф. Казань, 2014. С.377-380.

деятельности человека/продукте культуры», предлагают рассматривать историографический источник в этом же ключе». Источник из просто исходного материала сам превращается в объект исследования; с анализа содержания источника историографы переходят на анализ его природы. Историографический источник как интеллектуальный продукт становится в первую очередь источником информации о его творце и исторической (шире — научной) культуре его времени.²²⁶ В то же время историк считает подход представителей научной школы логическим развитием «узкой трактовки» понятия «историографический источник».

На наш взгляд, предложенная ими трактовка является своего рода «компромиссом» между «расширительной» и «узкой» интерпретацией. Классифицируя и систематизируя историографические источники, представители Научно-педагогической школы источниковедения используют вполне традиционный жанровый подход, но при этом делают важную оговорку: жанр или вид зависит не от схемы современного исследователя, а от культуры времени, в котором он функционировал.²²⁷ Соответственно, исследователь не должен навязывать не присущие конкретному историческому времени виды письма истории. Но в таком случае возникает вопрос, в какой мере виды историописания, характерные для прежних эпох, соответствуют предложенной классификации, и возможно ли четкое разграничение историографических источников научного и социально ориентированного знания, например, для эпохи раннего Нового времени? По мере уточнения классификационной схемы историографических источников с учетом особенностей различных культур и исторических эпох, в ней, вероятно, появятся разного рода «промежуточные» виды и жанры.

В современной отечественной историографии преобладающим остается «расширительный подход» к определению понятия «историографический источник», сформулированный С.О. Шмидтом: «Историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений».²²⁸ Несмотря на то, что такое понимание историографического источника разделяется не всеми исследователями²²⁹,

²²⁶ Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое – The New Past. 2019. № 2. С.98-114.

²²⁷ Маловичко С.И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С.36-44.

²²⁸ Шмидт С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С.112.

²²⁹ Так, С.И. Маловичко связывает данное определение с подходом в источниковедении, согласно которому «исторический источник» - это все, откуда можно почерпнуть историческую информацию, что соответствует парадигмам классической науки, исчерпавшей эпистемологический потенциал в конце XIX в. См.: Маловичко С.И.

существуют вполне резонные основания для его сохранения. Сторонниками данного подхода выступили многие советские историки: М.В.Нечкина, Л.Н.Пушкарев, Е.Н.Городецкий, А.И. Зевелев.²³⁰

По известному и часто используемому в научной литературе определению **А.И.Зевелева, историографические источники – это те исторические источники, которые, «определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и в условиях ее функционирования. Они используются наряду с историографическим фактом для установления закономерностей возникновения и развития историографии»**²³¹ Требованием к историографическому источнику должно быть наличие в нем элементов историографической информации; возможность его использования с целью установления закономерностей историографии. Соответственно, А.И. Зевелев предлагал включать в состав историографических источников наряду с монографиями и учебниками публицистику, памфлеты и полемические работы, поскольку «они больше других видов творчества историка отражают общественную жизнь, устремления классов и социальных групп».²³²

По замечанию В.Д. Камынина, «широкое» понимание содержания историографического источника, вызвало у советских авторов желание провести их систематизацию, выделив группу «первоисточников», к которым относились прежде всего труды историков. Так, по мнению М.В. Нечкиной, труды историков могут иметь форму не только крупных монографий, отдельных книг, статей, сообщений, печатных заметок, но и форму устных докладов, выступлений в прениях, в дискуссиях, «черновиков, пробных набросков, отброшенных вариантов текста, использованных

Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С.36-44.

²³⁰ Нечкина М.В. Послесловие // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин: Калининский гос. университет, 1980. С. 132-140; Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 118; Камынин В.Д. Современные подходы к определению содержания понятия «историографический источник» и идеи А.С. Лапшо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. № 46. С.120-128.

²³¹ Зевелев А. И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 118.

²³² Данный подход сохраняется и в современной историографии. В отличие от Н.Н. Алеврас, которая в одной из работ указала на то, что под историографическими источниками «подразумеваются любые источники, содержащие данные по истории исторической науки», О.Б. Вовк сочла возможным отнести к историографическим источникам и те исторические источники, которые не имеют прямого отношения к истории науки, но позволяют определить так называемые «веяния времени», ту социально-политическую атмосферу или тот «климат и микроклимат» общества и науки, которые сложились в каждый конкретный исторический период.

карточек и всего прочего, что составляет лабораторию историка и позже становится его архивом».²³³

С.О. Шмидт соглашался, что историографу иногда попросту необходимо помимо собственно историографических источников привлекать и иные, которые по своему происхождению и основной направленности не являлись таковыми. Среди них – акты государственной власти, оказывавшие воздействие на развитие исторической науки и распространением исторических знаний, но созданные не только для того или даже вовсе с другой целью. Особое внимание С.О. Шмидт уделял архивным документам, позволяющим расширить наши представления об историке в системе научных и иных коммуникаций, об историке в глазах исторической науки и ее социокультурного контекста, в восприятии и современников, и потомков.²³⁴

А.В. Клименко, называющий главными историографическими источниками труды историков в любой их форме, выделяет и другую группу историографических источников, которая включает в себя документацию научно-исследовательских организаций: протоколы съездов, конференций и круглых столов историков, стенограммы их дискуссий, тексты постановлений, материалы о формировании кадров исторической науки. По мнению историка, «особый вид историографических источников представляют рецензии на исторические исследования, которые не только отражают процесс утверждения концепции в научной среде, но и содержат новые гипотезы и позитивные решения».²³⁵

В.П. Корзун выделяет главные историографические источники (научную продукцию), или так называемую «опорную группу» источников, и группу вспомогательных, т. е. традиционных исторических источников, воссоздающих атмосферу творчества, вехи жизни автора, его общественно-политические взгляды, ценностные ориентиры, особенности его натуры. Она подчеркивает, что среди источников, воссоздающих

²³³ Корзун В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии на рубеже XIX – XX вв.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002; Камынин В.Д. Современные подходы к определению содержания понятия «историографический источник» и идеи А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. № 46. С.120-128.

²³⁴К таким источникам историк относил документы и личных фондов, и учреждений, и общественных организаций, документы, которые можно систематизировать и по признаку авторского происхождения, и по видовым критериям, и в зависимости от времени создания, первичности или повторности содержащейся в них информации и т.п. Причем многообразие разновидностей документов, так же как и многообразие возможных путей извлечения из них полезных историографу данных характерно для фондов и личных, и иных. См.: Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.177-203.

²³⁵ Камынин В.Д. Современные подходы к определению содержания понятия «историографический источник» и идеи А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. № 46. С.120-128.

атмосферу творчества, особенности жизни и натуры историков, доминируют источники личного происхождения: мемуары и переписка.²³⁶

Болгарская исследовательница А.Запрянова предложила сгруппировать историографические источники по двум основным типам. Первые – это источники, предоставляющие некоторые фрагменты ушедшей действительности, и вторые – неисторические источники, заключающие в себе определенного рода историческую информацию. К первому типу исследовательница относит источники согласно традиционному пониманию понятия «исторический источник» как документ (письменный, вещественный, устный, личного и официального происхождения), который несет на себе печать своего времени, выраженного через призму социально-экономических, политических, эстетических и других представлений людей, его создавших. Эту группу источников можно условно разделить на три подгруппы: научные работы, опубликованные материалы в средствах массовой информации и архивные материалы.²³⁷

Предельно широкую трактовку понятия «историографический источник» дает В.С. Антипов.²³⁸ В предложенной им классификации историографические источники разбиты на несколько групп: 1) вещественные; 2) изобразительные; 3) документальные (в том числе – акты, делопроизводственные, статистические); 4) нарративные тексты об историках; 5) тексты самих историков (в том числе – сочинения историка; источники личного происхождения (дневники, эпистолярное наследие, мемуары); источники публикации, где историк являлся составителем или комментатором; черновики; материалы редакторской работы).²³⁹

С.О. Шмидт подчеркивал, что круг историографических источников расширяется не только от выявления ранее неизвестных сочинений историков, но и от расширения понимания самого предмета историографии. С данным утверждением согласился современный исследователь П.Д.Исаев, по мнению которого, дифференцирующим

²³⁶ Корзун В.П. Образы исторической науки в отечественной историографии на рубеже XIX – XX вв.: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2002.

²³⁷ Запрянова А. Типология источников историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вип. 10. С.41-51.

²³⁸ Антипов В.С. Наследие историка в курсе историографии Нового времени // Метаморфозы истории. 2002. № 2. С. 273-285.

²³⁹ Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.177-203.

фактором в предложенных расширительных трактовках историографического источника выступало отношение исследователей к самому предмету историографии.

Н.Н. Алеврас полагает, что предмет историографии можно представить в качестве многоярусной конструкции, ядро которой составляет профессиональная историческая культура, которая вписывается в контекстные «круги» общего научного знания, социальных, политических, экономических, общекультурных, повседневно-бытовых и других процессов жизни социума. Исследовательница выделяет несколько основных подходов к определению содержания и структуры предметного поля историографии. В рамках этих подходов («концептуального» и «контекстуального») историография может восприниматься как «история исторической мысли», «история исторической науки», либо как «история исторического знания».

Соответственно, по мнению Н.Н. Алеврас, в современной историографии просматривается четыре тенденции, связанные с изменениями в восприятии «образа историографии». Первую тенденцию историк обозначает как «традиционную», апеллирующую к формуле «история исторической науки», тем самым, в значительной мере сохраняющей позиции, близкие к пониманию предмета историографии, сформулированному в 60-е - начале 80-х гг. XX в. Данная тенденция связана с концептуальным подходом, в рамках которого главным элементом предметного пространства историографии провозглашается концепция историка. Под влиянием концептуального подхода развивалась проблемная историография.

Вторая тенденция - «социокультурная», нацеленная на существенную корректировку традиционного понятия «история исторической науки» с учетом инновационных, социокультурных по смыслу, подходов к процессу получения и осмысления исторического знания. Наиболее выразительно данная тенденция представлена идеями и трудами ученых Омской историографической школы под руководством В.П. Корзун. Объединяя элементы «концептуального» и «контекстуального» подходов, ученые Омской школы подчеркивают, что «историографа интересует не только та или иная историческая концепция на «выходе», но индивидуально-личностная ее компонента, процесс ее создания, распространения, влияния и судьбы».²⁴⁰ Соответственно, сохраняя верность взгляду на историографию как историю исторической науки, они предлагают рассматривать процесс развития науки в социокультурном контексте.

²⁴⁰ Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в отечественную историографию XX века. Омск, 2001. С.8-9.

В рамках третьей, «контекстуальной», предметом изучения историографии является историческое знание, которое определяется как ценностная категория синтетической природы; как результат взаимодействия научной мысли и культурных потребностей общества. Наиболее выразительно данная тенденция воплотилась в учебном пособии под редакцией Л.П. Репиной, В.В. Зверевой и М.Ю. Парамоновой. Авторы представляют историю как процесс познания прошлого на основе потенциала всей человеческой культуры в ее исторической протяженности и всего многообразия инструментов восприятия и выражения его человеком; функция познания прошлого определяется в качестве органического элемента движения истории, а предметное поле историографии существенно расширяется за счет «втягивания» в свои границы безбрежного опыта исторической жизни.

Наконец, четвертая, «трансформационная», тенденция, также связанная с контекстуальным подходом, демонстрирует радикальный отказ от опоры на понятие «история исторической науки», как уже не выражающего смысла предметного поля современной историографии. По мнению представителей данной тенденции (А.В. Антощенко и др.) предметом историографии является «изменением отношения к прошлому в процессе исторического познания, выражающееся в смене видов и типов исторических нарративов».²⁴¹ Ведущее место в историографических исследованиях, таким образом, принадлежит не понятию «концепция», а понятию «историческая память».

Принимая во внимание специфику задач и предметной области проблемно-тематической историографии, настоящее исследование соединяет в себе элементы «концептуального» и «контекстуального» подходов, а основу его источниковой базы составляют работы англо- и немецкоязычных исследователей, посвященные дореволюционной истории Сибири – как научные, так и научно-популярные, рассчитанные на массового читателя и отражающие наиболее распространенные в западной историографии концепции. К числу научных работ относятся монографии,

²⁴¹ Такое определение, по мнению А.В. Антощенко, включает в себя все этапы (в том числе - донаучный) и формы (в том числе - ненаучные) исторического знания; оно учитывает «изменение эталона научности», происходящее со сменой парадигмальных поворотов. Соответственно, предметное пространство историографии предлагается располагать на пограничье знаний – научных и ненаучных (обыденных), исторических и неисторических. По справедливому замечанию Н.Н. Алеврас, сосредоточение внимания на характере исторического нарратива, как узловой компоненты предмета историографии, отвлекает от некоторых других аспектов историографии, составляющих ее предметное пространство. См.: Антощенко А.В. К новому пониманию предмета историографии // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001. Вып.20. С.8.

статьи, диссертации, многотомные обобщающие труды, материалы конференций и дискуссий, обзоры и рецензии, написанные профессиональными историками и отмеченные основательностью разработки исторической проблематики, глубоким знанием и использованием достижений историографии, применением научных методов исследования, позволяющих решать конкретные исследовательские задачи, теоретически и практически обосновать полученные выводы.

Данный вид историографических источников характеризуется научным стилем изложения исторического материала, использованием научной терминологии. Их авторы стремятся сформулировать новые идеи и предложить новые подходы, способствующие получению объективного и целостного представления об историческом процессе. По определению А.М. Сахарова,²⁴² главным критерием отнесения тех или иных трудов к научным является глубина научного осмысления исторического явления и процесса, при этом необходимо учитывать, что для каждого времени существует и свой критерий научной глубины.

Среди научных работ особого внимания заслуживают **монографии** – самостоятельные исследования, которые основываются на источниках, часто впервые вводимых в оборот, и, по определению М.В. Нечкиной²⁴³, содержат новые, оригинальные идеи, продвигающие науку вперед. В их число входят работы обобщающего характера – таковы, например, монографии Ф.А. Голдера «Русская экспансия на Тихий океан, 1641–1850...»²⁴⁴, Р.Дж. Кернера «Стремление к морю: курс русской истории»,²⁴⁵ Дж. Ланцева и Р. Пирса «На восток – к империи»,²⁴⁶ Дж. Форсайта «История народов Сибири»,²⁴⁷ Дж. Стефана «Российский Дальний Восток: история»,²⁴⁸ А. Вуда «Замерзший фронт России: история Сибири и российского Дальнего Востока, 1581–1991»,²⁴⁹ Д. Дальмана «Сибирь с 16 века до современности»²⁵⁰ и др.

²⁴² Сахаров А.М. Методология истории. М., 1981.

²⁴³ Нечкина М.В. Монография и ее место в науке и в издательских планах // Коммунист. 1965. № 9. С. 77–83.

²⁴⁴ Golder F. Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, 1914

²⁴⁵ Kerner R.J. The Urge to the Sea. Berkeley, 1942.

²⁴⁶ Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. Montreal; London, 1973.

²⁴⁷ Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge, 1992.

²⁴⁸ Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994.

²⁴⁹ Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011.

²⁵⁰ Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn, 2009.

Специальные монографические исследования, посвященные анализу отдельных исторических проблем, представлены, например, работами Дж. Гибсона («Продовольственное обеспечение русской торговли мехами: снабжение Охотского побережья и Камчатского полуострова, 1639–1856»),²⁵¹ М. Раева («Сибирь и реформы 1822 г.»²⁵²), С. Маркса («Дорога к могуществу: Транс-Сибирская магистраль и колонизация Азиатской России»),²⁵³ Ю. Слезкина («Россия и малые народы Севера: Арктические зеркала»),²⁵⁴ М. Бассина («Имперское видение: националистическое воображение и географическая экспансия на российском Дальнем Востоке, 1840–1865»),²⁵⁵ А. Знаменского («Шаманизм и христианство...»),²⁵⁶ Л. Блэк («Русские на Аляске, 1732–1867»)²⁵⁷ и других авторов.

Источниками историографического исследования являются **научные статьи**, в которых также могут предлагаться новые, оригинальные подходы к решению различных научных проблем. К примеру, в истории западного сибиреведения большой резонанс вызвала работа Д. Тредголда «Русская экспансия в свете учения Ф.Дж. Тернера об «американском фронтире»»,²⁵⁸ большое значение для развития англоязычного сибиреведения имели, например, исследования А. Вуда, посвященные истории сибирской ссылки; серия статей М. Бассина по истории освоения Дальнего Востока²⁵⁹ и др.

Не меньший интерес для историографа представляют **рецензии** (например, отклик Р. Фишера на книгу «История Сибири от русского завоевания до революции»²⁶⁰ и **материалы научных дискуссий**, которые, по замечанию И.Я. Биска,²⁶¹ позволяют

²⁵¹ Gibson J.R. Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856. Madison; Wisconsin, 1969.

²⁵² Raeff M. Siberia and the Reforms of 1822. Seattle, 1956.

²⁵³ Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. New York, 1991.

²⁵⁴ Slezkine Y. Russia and Small Peoples of the North: Arctic Mirrors. Ithaka; London, 1994.

²⁵⁵ Bassin M. Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840–1865. New York; Cambridge, 1999.

²⁵⁶ Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport; London, 1999.

²⁵⁷ Black L.S. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks, 2004.

²⁵⁸ Treadgold D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. 1952. Vol. 26, № 4. P.147-152.

²⁵⁹ Bassin M. The Russian Geographical Society, the «Amur Epoch» and the Great Siberian Expedition 1855–1863 // Annals of the Association of American Geographers. 1983. Vol. 73, № 2. P.240-256; Bassin M. Expansion and colonialism in the East: Views of Siberia and Far East in Pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography. 1988. Vol. 14, № 1. P.3-21; Bassin M. Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century // American Historical Review. 1991. Vol. 96. P.763-794.

²⁶⁰ Fisher R.H. The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution / ed. by A. Wood. London, 1991 // Russian History – Histoire Russe. 1991. Vol. 18, Pt. 3. P. 361–371.

²⁶¹ Биск И.Я. Методология истории: Курс лекций. Иваново, 2007.

установить отношение научной общественности к вышедшему труду, борьбу мнений вокруг последнего, а также могут содержать варианты решения выдвинутых проблем. Иногда в рецензиях дается квалифицированная критика методики и техники анализа источников, которые применялись тем или иным исследователем.

Другую группу историографических источников составили **источниковедческие, методологические и историографические исследования**, позволяющие, в частности, получить представление об организационном и институциональных основаниях западного сибиреведения: деятельности исследовательских центров и научных школ, связанных с изучением сибирской истории. Особое внимание в рамках настоящего исследования уделяется специальным историографическим работам, а также соответствующим обзорам и разделам в монографиях и диссертациях западных сибиреведов. Таковы, например, статьи Б. Дмитришина, С. Хэйкокса, С. Коткина. Значительный интерес представляют историографические обзоры в монографиях Р. Дж. Кернера; Дж. Ланцева и Р. Пирса, Дж. Харрисона, Л. Блэк и др. Данный вид источников позволяет увидеть историю становления англо- и германоязычной историографии Сибири в XX в. глазами самих зарубежных историков, учесть их мнение в оценке достижений и перспектив развития рассматриваемого историографического направления.

Решение задач историографического исследования потребовало привлечения **справочных и энциклопедических изданий**. По справедливому заключению Д.Я. Резуна, значение данного типа историографических источников велико, поскольку они дают представление об общем уровне изучения сибирской истории на Западе. К тому же, благодаря энциклопедиям результаты научных исследований становятся доступными не только узкому кругу специалистов, но и широким слоям населения.²⁶² В сжатом виде общая характеристика сибирской истории дается, например, в таких энциклопедиях как «Британика», «Американа», «Брокгауз». В настоящем исследовании использовались издания разных лет, позволяющие судить об основных тенденциях развития западной историографии Сибири.²⁶³

Комплексное изучение историографического процесса невозможно без опоры на **справочно-библиографические издания**. Сведения об англоязычной научной

²⁶² Резун Д.Я. Современные энциклопедии Франции как источники зарубежных представлений об истории Сибири XVI–XVII вв. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Археология и источниковедение Сибири. Вып. 11. Новосибирск, 1987. С. 168–174.

²⁶³ См., напр.: Der Grosse Brockhaus. Leipzig, 1928–1935; The Encyclopedia Americana, 1943, 1962; The Encyclopedia Britannica, 1946, 1994.

литературе по истории Сибири содержатся, в частности, в библиографических трудах Р. Дж. Кернера,²⁶⁴ Д. М. Шапиро.²⁶⁵ В 1991 г. британский историк-сибиревед Д. Н. Коллинз, сотрудник Университета Лидса, опубликовал специальное библиографическое исследование, содержащее перечень научных трудов, посвященных Сибири и изданных в XVIII–XX вв. на английском языке.²⁶⁶ Издание содержит несколько тематических разделов, включающих в себя в общей сложности более 700 изданий (общее количество статей – 735, но зачастую в одной статье помещены сведения о нескольких публикациях). Д. Н. Коллинз использовал литературу из книжных и архивных хранилищ Великобритании (фонды Центральной справочной библиотеки Лидса, Британской библиотеки в Лондоне и Йоркшире, Института полярных исследований им. Р. Скотта в Кембридже, Бодлианской библиотеки в Оксфорде и др.) и Канады (Арктический институт Северной Америки в Университете Калгари). Сведения о работах, вышедших в 1991–1999 гг., можно обнаружить в библиографических исследованиях Д. Коллинза, помещенных в нескольких номерах журнала «Сибирика» за 2002–2003 гг.²⁶⁷

Наряду с тем, что С. О. Шмидт определял как «собственно историографические источники» (научные труды), в диссертации использовались также исторические источники других видов, прежде всего, опубликованные на Западе **документальные и нарративные источники**, изучение которых позволяет полнее охарактеризовать состояние источниковой базы англо- и немецкоязычного сибиреведения.²⁶⁸ Так, западными историками широко использовались повествовательные источники (напр., записки путешественников, журналистов, предпринимателей),²⁶⁹ в которых содержатся не только разнообразные сведения о прошлом и настоящем Сибири, но и личные наблюдения авторов, побывавших в регионе. Анализ публицистики (как одного из видов

²⁶⁴ Kerner R.J. Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations. New York, 1931; Kerner R.J. Northeastern Asia. A Selected Bibliography. 2 vols. Berkeley, 1939.

²⁶⁵ Shapiro D.M. A Select Bibliography of Works in English on Russian History: 1801–1917. – Oxford: University Press, 1962. – 106 p.;

²⁶⁶ Collins D.N. Siberia and the Soviet Far East (World Bibliographical Series). Vol. 127. Santa Barbara, CA, 1991.

²⁶⁷ Collins D.N. Bibliography. English language publications related to Siberia and the Russian Far East, 1991–1993 // Sibirica. 2002. Vol. 2. № 1. P. 120–124; Collins D.N. Bibliography. English language publications related to Siberia and the Russian Far East, 1993–1995 // Sibirica. 2002. Vol. 2. № 2. P. 222–226; Collins D.N. Bibliography. English language publications related to Siberia and the Russian Far East, 1996–1999 // Sibirica. 2003. Vol. 3. № 1. P. 117–128.

²⁶⁸ Подробнее об источниковой базе западного сибиреведения см. в соответствующем разделе первой главы.

²⁶⁹ См., напр.: Atkinson T. W. Travels in the regions of the upper and lower Amoor and the Russian acquisitions on the confines of India and China. London, 1860; Fraser J.F. The Real Siberia. London, 1902; Jefferson R. Roughing it in Siberia with the same account of the Transsiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia. London, 1897; Lethbride A. The New Russia. From the White Sea to the Siberian Steppe. New York, 1915; Price M.Ph. Siberia. London, 1912; Siberian Journey Down the Amur to the Pacific, 1856–1857. Madison, 1962; Simpson J.Y. Side-Lights on Siberia: Some Account of the Great Siberian Railroad, the Prisons and Exile System». Edinburgh & London, 1898.

повествовательных источников) позволяет получить представление о степени и характере распространения исторических знаний, а также показать социокультурный контекст развития исторической науки, в том числе – влияние идеологических формул, социальных и культурных стереотипов, часто негативно сказывавшихся на развитии историографического процесса.²⁷⁰

Большой интерес для историографов представляют источники личного происхождения, которые, по словам В.П. Корзун, «воссоздают атмосферу творчества, особенности жизни и натуры историков». В частности, переписка и дневники, выполняющие функции межличностной коммуникации и автокоммуникации, раскрывают ценностные ориентации ученого, свидетельствуют о его самоидентификации с определенными научными школами и историографическими традициями, содержат информацию о внешних и внутренних факторах развития историографии. Отмечая ценность данного вида источников, нельзя не признать, что несмотря на усилия отдельных исследователей (напр., Р. Бирнса, Т. Эммонса, С. Коткина), направленные на выявление, анализ и публикацию архивных источников по истории западного сибиреведения (материалов из личных фондов историков, документации научных и общественных организаций и др.), полноценное решение указанных задач еще ждет своих исследователей.

К источникам историографического исследования можно отнести современные **Интернет-ресурсы**, содержащие сведения об институциональном развитии западного сибиреведения: таковы сайты зарубежных архивов, вузов и научных учреждений. К примеру, на сайте Школы славянских и восточно-европейских исследований (www.ssees.ucl.ac.uk) излагается история возникновения и развития школы, приводится информация о Центре российских исследований и работающих под его эгидой семинарах, списки научных сотрудников. Наибольший интерес представляет описание архивных материалов, в том числе по истории Сибири, собранных первым директором школы Б. Пэрсом и хранящихся в библиотеке. В целом, сетевые ресурсы позволяют получить новейшие данные о работе зарубежных исследователей. В то же время необходимо учитывать слабую сохранность данного вида источников, отсутствие надежных инструментов их архивирования.

²⁷⁰ К публицистике можно отнести, например, сочинения Дж.Кеннана.

На разных этапах развития англо- и немецкоязычного сибиреведения изменялось соотношение различных видов историографических источников, что объяснялось прежде всего уровнем профессионализации исследований. Современный исследователь А.Г. Дорожкин, анализирувавший развитие немецкого остфоршунга в XX в., предложил хронологически разделить работы германоязычных авторов на три группы. Первая группа включает в себя публикации, появившиеся в первые два десятилетия XX в.; во второй группе – работы 1920-1940-х гг.; в третьей – труды немецких историков, увидевшие свет в 1950-1990-х гг.²⁷¹ Принимая схему А.Г. Дорожкина за основу, внесем в нее изменения с учетом хронологических рамок диссертационного исследования, а также особенностей развития сибиреведческих исследований в англо- и немецкоязычных странах. Всю совокупность анализируемых историографических источников можно распределить по следующим хронологическим периодам: 1) вторая половина XIX – первые два десятилетия XX в.; 2) 1920-е – 1950-е гг.; 3) 1960-е – 1980-е гг.; 4) 1990-е – начало XXI в.

Период, охватывающий вторую половину XIX – начало XX в., можно обозначить как начальный этап развития исторического сибиреведения в англо- и немецкоязычных странах. Обращение западных авторов к проблемам истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, как правило, было обусловлено актуальными событиями современности, в числе которых: присоединение к России Приамурья и Приморья, продажа Аляски, строительство Транссибирской магистрали, Русско-японская война 1904-1905 гг. и др. В условиях не завершившегося процесса профессионализации исторической науки авторами исследований, посвященных проблемам сибирской истории, являлись не только специалисты-историки (Г. Бэнкрофт, Ф.А. Голдер, Э.М. Хикс, Дж. Каллаган и др.), но и дипломаты (К. Виденфельд), военные (К. фон Цепелин), журналисты (Дж. Шиллинглюу, Дж. Кеннан), демографы (Э. Равенштейн), лингвисты (З. Вольпичелли (Владимир)) и др.

Несмотря на то, что, в историографии XIX века постепенно складывалась система жанров исторических сочинений, в целом сохранившаяся до наших дней,²⁷² границы

²⁷¹ Дорожкин А.Г. Экономическое и социальное развитие России второй половины XIX – начала XX вв. в германоязычной историографии XX в. Дисс...д.и.н. М., 2005.

²⁷² По отношению к отдельным видам исторических сочинений В.С. Антипов употребляет понятие «жанр», которому дает следующее определение: «разновидность исторического сочинения, обладающая устойчивыми особенностями в композиции и структуре текста, объеме охвата материала, стилистических признаках». В XIX в. в корпусе жанров исторических сочинений ведущее место переходит к монографии, научной статье, рецензии, лекции,

между жанрами оставались размытыми. Соответственно, многие труды, вышедшие из-под пера указанных авторов, трудно отнести к тому или иному жанру в «чистом виде». Современным представлениям о научном исследовании в наибольшей степени соответствуют, напр., **монографии и статьи** Г. Бэнкрофта, Дж. Каллагана, Ф.А. Голдера; **диссертации** В. Клумберга и Э.М. Хикс, тогда как исследования Э.Г. Равенштейна, Г. Крамера, К. фон Цепелина тяготеют к научно-популярному жанру. Черты **исторической публицистики и научно-популярной литературы** сочетали в себе труды А. Краузе, К. Виденфельда, Дж. Шиллинглюу.

В целом для работ по истории «русской восточной экспансии», опубликованных в указанный период, характерно отсутствие слишком жестких оценок российской политики; напротив, многие авторы стремились признать и отдать должное достижениям русских. Проявления негативистского подхода присущи, скорее, выходцам из Российской империи, напр., американскому историку Ф.А. Голдеру или В. Клумбергу, которого можно отнести к представителям так называемого «балтийского» направления немецкоязычной историографии.

Второй период (1920-е – 1950-е гг.) характеризуется резким ростом публикаций по истории Сибири, что было обусловлено повышенным интересом западных авторов к процессам, происходившим в Советской России, а затем в СССР. Особенностью данного периода является крайняя затрудненность или полное отсутствие доступа западных исследователей к советским архивам (ситуация начала постепенно меняться только на рубеже 1950-х-1960-х гг.). В своих исследованиях англо- и немецкоязычные сибиреведы опирались в основном на опубликованные источники, материалы периодики, труды дореволюционных и советских историков. Особое значение в этой связи приобрели библиографические исследования, содержащие сведения о печатных изданиях, представленные в систематизированном виде (см. библиографические исследования Р.Дж. Кернером, «Арктическую библиографию»; библиографические издания, посвященные истории Аляски и др.)

Заметную роль в развитии англо- и немецкоязычного сибиреведения внесли представители эмигрантских кругов и те исследователи, кто был связан с Россией своим происхождением (А.В. Байкалов, Д.Ю. Далин (Даллин), К.Г. Молодецкий (К. Криптон),

Ю.Н. Семенов, М.Н. Павловский, Т.А. Таракузио, В.А. Яхонтов), в том числе – профессиональные историки, выпускники российских и зарубежных университетов: Г.В. Ланцев, А.А. Лобанов-Ростовский, А.А. Малоземов, М.Ю. Раев, А.Г. Мазур, Н.В. Рязановский, И.И. Гапанович и др. Указанные авторы, соединявшие в своем творчестве традиции западной и русской дореволюционной историографии, способствовали концептуальному развитию англо- и немецкоязычного сибиреведения, способствовали расширению его источниковой базы, вводя в научный оборот обширный массив русскоязычных публикаций.

В общей совокупности работ по дореволюционной истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, опубликованных в рассматриваемый период, преобладают научные исследования – **монографии и статьи** таких авторов как Э. Карр, В. Фаррар, М. Мэнколл, А. Мазур, У. Лэнгер, Т. Армстронг, М. Раев, Д. Тредголд; историки Калифорнийской школы (Р.Дж. Кернер, Г. Ланцев, А. Малоземов, Т. Лин и др.), **диссертации** (Х.-Ю. Серафим), **рецензии** (напр., О. Бекер, Д. Хехт, Д. Тредголд). В научно-популярном жанре написаны труды К.Л. Эндрюса, Г. Шевиньи, Ю.Н. Семенова; в жанре исторической публицистики – напр., работы М.Н. Павловского, М. Хиндуса и Э. Хёльцле.

Для англо- и немецкоязычного сибиреведения 1920-1930-х гг. характерно расширение проблематики исследований: наряду с вопросами политической, дипломатической, военной истории в центре внимания исследователей (прежде всего, немецких и американских) оказываются вопросы социально-экономического развития Сибири, поиск объективных причин, обусловивших продвижение и закрепление русских за Уралом. Вместе с тем, данный период отмечен усилением влияния на историографический процесс идеологических и политических факторов (в Германии оно достигло максимума после 1933 г., в Великобритании и США – с началом «холодной войны»), что, наряду с узостью источниковой базы, снижало научную ценность многих исследований. Среди публикаций 1920-1950-х гг. заметно преобладали работы по истории Дальнего Востока и Русской Америки, в сравнении с предыдущим периодом заметно выросла доля работ по истории Арктики.

Следующий **период, охватывающий 1960-е-1980-е гг.**, характеризуется на Западе дальнейшей профессионализацией историко-сибиреведческих исследований, абсолютным преобладанием среди их авторов профессиональных историков. Во многом этому способствовала деятельность специализированных центров русистики, постепенно

расширявших свою географию. В указанные десятилетия проблемам истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки посвятили свои **диссертационные исследования, монографии и статьи** дипломированные специалисты из США (Дж. Стефан, Дж. Ленсен, Р. Пирс, Р. Дженсен, М. Бассин), Канады (У. Барр, Дж. Гибсон), Великобритании (Т. Армстронг, Р. Квестид, А. Вуд), ФРГ (В. Фауст, Д. Ландграф), Швейцарии (К.Шписс), Австрии (А.Морич). В 1980-е гг. в Великобритании появляется первое специализированное периодическое издание – «Сибирика», публикующее результаты научных исследований по сибирской истории.

Постепенное расширение международных научных связей, начавшееся в период «оттепели» в СССР, открыло доступ ряду западных исследователей (в их числе – А.Вуд, Дж.Стефан, Дж.Ленсен и др.) к фондам советских архивов и библиотек. Многие ученые также осуществляли поиск документов, связанных с сибирской историей в архивах Северной Америки, азиатских и европейских стран. Как следствие, источниковая база западного сибиреведения обогатилось **научными документальными изданиями**, научными редакторами которых являлись Р.Пирс, Т.Армстронг, Б.Дмитришин и другие историки. Наряду с научными трудами выходили работы научно-популярного характера (Г.Шевиньи, Г.Хукхэм, Х.Таппер). К публицистике, по сути, близки сочинения Э.Хёльцле, У.Сэлисбери, сборники статей под редакцией М.Рывкина и Т.Гунчака, на которые наложило свой отпечаток идеологическое и политическое противостояние Запада и СССР периода «холодной войны».

В трудах зарубежных сибиреведов, опубликованных в последней трети XX в., все больше внимания уделялось изучению проблем социально-экономического и социокультурного развития Сибири; выходили работы, посвященные теме сибирского регионализма (В.Фауст, С.Уотрус, Н.Перейра, Д. фон Мореншильд), общественно-политическим процессам начала XX в., истории каторги и ссылки (А.Вуд), проблемам конфессионального развития (О.Кобцев, Д.Коллинз). В работах, посвященных Дальнему Востоку, в фокусе исследовательского внимания теперь все больше оказывалась история русско-китайских отношений (Р.Квестид, Э. Клабб, Г.Салисберри, М.Мэнколл). Демонстрируя критическое отношение к работам советских историков, многие западные авторы отдавали предпочтение концептуальным наработкам западной историографии, использовали методологический инструментарий теорий «модернизации» и «фронта», «новой социальной и культурной истории».

Среди анализируемых в диссертации историографических источников наибольший удельный вес занимают публикации, относящиеся к последнему периоду, который охватывает **1990-е гг. – первые десятилетия XXI в.** Неуклонный рост общего количество научных трудов, наблюдаемый на всем протяжении развития англо- и немецкоязычного сибиреведения, можно расценивать как одно из свидетельств его поступательного развития. С окончанием холодной войны повышению уровня научных исследований способствовала активизация международных научных контактов, более свободный доступ зарубежных исследователей в российские архивы. Все чаще работы западных авторов (напр., Д.Дальмана, Ю.Слезкина, А.Каппелера, И.Виньковецкого, Д. Схиммельпенника ван дер Ойе) переводятся и публикуются на русском языке.

За последние три десятилетия увидело свет значительное количество **специальных монографий**, написанных англо- и немецкоязычными историками-сибироведами (в их числе – С. Маркс, Дж. Форсайт, А. Каппелер, М. Меланкон, В. Моут, М. Бассин, Д. Андерсон, М. Балцер, Д. Бир, С. Бэдкок, Э. Гентес, А. Фризен, К. Вайсс, А. Знаменский, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, Ю. Слезкин, Дж. Грейнджер, С. Пэйн, Л. Блэк, И. Виньковецкий, С. Урбанский и др.). На Западе продолжают выходить **документальные издания, тематические сборники статей**, защищаются диссертации (М. Акерет, Д. Рэйнбоу, Ш.Коррадо, М.Сокольский, Э.-М.Столберг (Штольберг) и др.), посвященные различным вопросам истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки поздней имперского периода. Современные западные сибиреведы все чаще обращаются к обсуждению теоретических и методологических проблем историографии. **Рецензии** на работы коллег нередко представляют собой пространные публикации, сопоставимые по объему и степени аналитичности с полноценными научными статьями (см., напр., рецензии А.Знаменского, Э.-М.Столберг).

В современном англо- и немецкоязычном сибиреведении продолжает расширяться проблематика исследований, многие из которых носят междисциплинарный характер; освещаются вопросы социокультурного развития Сибири, различные аспекты аборигенной, пенитенциарной, конфессиональной политики; публикуются работы, написанные в русле таких новых направлений как «гендерная», «экологическая история» и т.д. Необходимость осмысления опыта, накопленного западной историографией, способствовала появлению **трудов обобщающего характера**, охватывающих несколько веков сибирской истории, от похода Ермака до наших дней (таковы сочинения

У.Б.Линкольна, Б.Бобрика, А.Вуда, Д.Дальмана, Дж.Хартли и др.). Наряду с научными трудами появляются и научно-популярные, и публицистические работы. Как правило, для большинства исследований, написанных в самых разных жанрах, характерен достаточно взвешенный подход к оценке исторического прошлого Сибири, хотя некоторые публикации не лишены тенденциозности и ангажированности.

В целом собранный и использованный нами историографический материал достаточно репрезентативен и позволяет проанализировать организационные и теоретико-методологические основания англо- и немецкоязычного сибиреведения, источниковую базу и проблематику работ зарубежных историков, в целом – решить поставленные нами задачи историографического исследования.

Понятийный аппарат. В диссертационном исследовании используется понятие «**историографическое направление**», которым обозначается совокупность авторов исторических трудов, объединенных проблематикой исследований, общностью методологических принципов и научных взглядов. Англо- и немецкоязычные историки-сибиреведы могут быть охарактеризованы как представители особого «историографического направления», не только благодаря взаимосвязанности тематики и проблематики их работ, сходству теоретико-методологических подходов и общественно-политических взглядов.

Важным критерием также является устойчивость их коммуникативных связей и разнообразие форм профессиональной кооперации, что обеспечивалось, в первую очередь, деятельностью научных центров, выполнявших руководящую и координирующую роль в организации сибиреведческих исследований. В разное время такую роль играли, например, Калифорнийский университет в Беркли, Школа славянских и восточноевропейских исследований в Лондоне. Институт полярных исследований им. Р. Ф. Скотта в Кембридже, Гавайский университет, Институт социальной антропологии в Галле и др.

Преемственность теоретико-методологических установок выразилась в использовании несколькими поколениями историков-сибиреведов, в частности, концепции «русской восточной экспансии», теорий «фронта», «колонизации», «модернизации», концептуальных положений «новой имперской истории», развивавших и дополнявших идеи, сформулированные предшественниками.

В диссертации также используется термин **«научная школа»**, под которой понимается более узкая группа ученых. Представителей «школы», которые могут быть последователями одного ученого или представителями какого-либо научного центра, объединяют не только общие методические приемы, но и ценности, представления о целях и задачах научной деятельности. Термин «школа» не случаен, поскольку деятельность данного научного сообщества, как правило, тесно связана с образовательным процессом, подготовкой научных кадров. Вместе с тем, несмотря на признание безусловного авторитета основателя «школы», во взаимоотношениях ее представителей преобладают неформальные горизонтальные связи. В зарубежном руссиеведении и сибирееведении черты «научных школ» присущи коллективам учеников и последователей таких известных ученых как А.К.Кулидж, Р.Дж.Кернер, М.М.Карпович, О.Хетцш, Т.Армстронг Э.Винтер и др.

Научная новизна диссертации. Впервые в указанных хронологических и территориальных рамках осуществлен комплексный анализ развития англо- и немецкоязычной историографии Сибири во второй половине XIX – начале XXI вв.; изучена история создания и деятельности основных научных центров западного сибирееведения, формирования его источниковой базы; выявлены и проанализированы основные теоретико-методологические подходы, концепции и проблематика англо- и немецкоязычных исследований по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в.; научные результаты, полученные зарубежными историками, сопоставленные с достижениями отечественных исследователей темы. Выводы диссертационного исследования получены на основе анализа широкого круга историографических источников, значительная часть которых впервые послужила предметом специального изучения в отечественной историографии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Во второй половине XIX – начале XXI в. в исторической науке англо- и немецкоязычных стран (в первую очередь, в США, Великобритании, Канаде и Германии) развивалось особое направление, связанное с изучением истории присоединения и освоения русскими Северной Азии и Северной Америки. Данное направление прошло в своем развитии несколько закономерных этапов, обусловленных общими тенденциями развития западной историографии. Большую роль в развитии историко-сибиреведческих исследований на Западе играли специализированные научные центры, способствовавшие

поступательному развитию западного сибиреведения даже в периоды относительного спада общественного интереса к прошлому и настоящему Сибири и российского Дальнего Востока. На всех этапах развития данного историографического направления разработке сибиреведческой проблематики на Западе активно способствовали историки, связанные своим происхождением с Россией (Ф.Голдер, К.Менерт, М.Раев, А.Лобанов-Ростовский и др.) и содействовавшие взаимовлиянию и взаимному обогащению различных историографических традиций и исследовательских подходов.

2. Для западных исследователей-сибиреведов, не имевших свободного доступа к российским и советским архивам, известная ограниченность источниковой базы отчасти компенсировалась привлечением опубликованных источников, переводом исторических документов на английский и немецкий языки. Значительное внимание зарубежные специалисты уделяли формированию архивных и книжных собраний «россики» и «сибирики» в собственных странах (наиболее крупные собрания материалов по истории России и Сибири находятся в США). В большинстве случаев появление указанных коллекций также являлось итогом деятельности исследователей – выходцев из России: Ф.А. Голдера, М.З. Винокурова, Б.А. Бахметьева, Дж. Ленсена, А.Я. Гутмана-Гана, В. Ладо-Моцарского, А.С. Лукашкина и др.

3. В англо- и немецкоязычной историографии использовался аналитический инструментарий различных теоретико-методологических подходов (напр., «колониационной», «модернизационной», «имперской» парадигм, концепции «русской восточной экспансии», теории «фронтала» и др.). Смена этих парадигм и концепций отражала общие тенденции развития западной историографии. Работам первой половины XX в. присущ объективизм, поиск всеобщих законов исторического развития в сочетании с использованием «универсальных теорий» (напр., колонизации, модернизации). В последние десятилетия в рамках рассматриваемого историографического направления, испытывавшего на себе влияние «новой социальной истории», «культурного» и «лингвистического поворотов», активно развивались междисциплинарные исследования. Вместе с тем, на всех этапах развития для западного сибиреведения был характерен компаративистский подход, позволяющий рассматривать историю восточных окраин России в общеевропейском, евразийском и глобальном контексте.

4. В англо- и немецкоязычной историографии неизменно подчеркивается роль государства и его институтов в установлении контроля и закреплении за Россией

огромных пространств Северной Азии. Сопоставляя «инструменты экспансии» и «колониальные практики» Российской империи с историческим опытом других стран, западные авторы критически оценивали итоги «цивилизаторской миссии» России в Северной Азии, подчеркивая, в частности, негативные аспекты аборигенной и пенитенциарной политики. Вместе с тем, по мнению большинства исследователей, созданная за Уралом административная система способствовала в целом успешной интеграции региона в общеимперское пространство. Политические и социально-экономические факторы, обусловившие специфику системы управления Сибирью, изучались прежде всего англо-американскими историками (М. Раев, Т. Армстронг и др.), социокультурные – немецкими (К. Вайсс, С. Франк и др.).

5. В современном западном сибиреведении, испытавшем влияние «культурного» поворота в историографии, значительное внимание уделяется проблемам самосознания индивидов и социальных групп, их самовосприятия, изучению духовной культуры сибирского населения (в частности, такой фундаментальной категории культуры как «пространство»). В отличие от отечественных исследователей, западные историки-сибиреведы редко используют обобщающий термин «сибирская идентичность», изучая «идентичность» различных групп сибирского населения (пришлого и коренного), развитие «регионального сознания» и «сибирского регионализма» (В.Фауст, С.Штух и др.).

6. В представлении многих зарубежных авторов, Сибирская реформа М.М. Сперанского (1822 г.) положила начало новому этапу в истории взаимоотношений пришлого и аборигенного населения Сибири. Наибольшее внимание англо- и немецкоязычные исследователи уделяли изучению процессов взаимной адаптации, аккультурации и ассимиляции пришлого и коренного населения Сибири и Дальнего Востока; проблем идентификации и самоидентификации аборигенных этносов, их участия в общественно-политической жизни региона. В работах западных историков-сибиреведов преобладает вывод о негативном воздействии русской колонизации на жизнь аборигенов Сибири, но если раньше исследователи склонны были видеть главную причину бедственного положения коренного населения в разнонаправленности действий центральных и местных властей (М.Раев, Т.Армстронг), то в новейших исследованиях ответственным за выработку политики в отношении "инородцев" предстает, прежде всего, правительство. В ряде работ (А.Знаменский, Дж.Форсайт, Э.-М.Столберг)

подчеркивается активная роль самих аборигенных этносов во взаимодействии с русскими.

7. В англо- и германоязычной историографии, посвященной социально-экономическому развитию Сибири, в числе важнейших факторов, обусловивших прочность позиций России на Азиатском континенте, называются крестьянская колонизация и успехи сельскохозяйственного развития региона. Признавая неудачи в реализации отдельных мероприятий правительства и специфику ситуации в Южной и Восточной Сибири или на Дальнем Востоке, современные исследователи в целом склонны писать о благотворном влиянии переселений на социально-экономическое развитие Азиатской России. В исследованиях по истории индустриального развития Сибири второй половины XIX – начала XX в. основное внимание уделяется вопросам, связанным со строительством Транссибирской магистрали и тому всеобъемлющему воздействию, которое она оказала на социально-экономические и социокультурные процессы в регионе, а также выяснению ее военно-стратегического и геополитического значения. Наряду с этим западными исследователями крайне слабо освещены проблемы урбанизации региона, развития торговли, промыслов и промышленности, финансово-кредитной сферы в пореформенный период.

8. Со времени публикации первых работ, посвященных присоединению к России Приамурья и Приморья, в центре внимания англо- и немецкоязычных авторов находились не только внешнеполитические и военные аспекты "русской восточной экспансии", но и географические, демографические, социально-экономические факторы, определившие ход и итоги освоения Дальнего Востока. Для большинства работ характерен акцент на геополитическом контексте, экспансионистских устремлениях России как одной из империалистических держав, участвовавших в разделе "сфер влияния" в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем, во многих исследованиях подчеркивается объективная потребность России в упрочении своих позиций на тихоокеанских рубежах, защите дальневосточных территорий, их заселении и хозяйственном освоении.

9. В англоязычной историографии, посвященной заключительному этапу истории Русской Америки, определен широкий круг факторов, обусловивших заключение договора 1867 г.: географических; политических, экономических. Большое значение придавалось военно-стратегическим факторам, в частности, анализировалась сложная международная обстановка в регионе, отмечалась незащищенность Русской Америки

перед лицом возможной военной агрессии. В целом оценки западных исследователей, прежде всего, зависели от общего понимания ими характера российско-американских отношений в период, предшествовавший продаже Аляски, от того, как интерпретировались эти отношения — в терминах сотрудничества или соперничества.

Теоретическая значимость исследования. В диссертации в широких территориальных и хронологических рамках на основе изучения обширного массива историографических источников осуществлен комплексный анализ истории изучения англо- и немецкоязычными исследователями истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX – начала XX в., при этом характеристика развития данного историографического направления соотносится с этапами и особенностями длительного процесса эволюции исторического познания, испытавшего влияние не только специфических методов гуманитарных наук, но и естественно-научной методологии; менявшихся представлений о соотношении и роли структурных элементов познавательного процесса.

Процесс эволюции исторического познания характеризуется наличием определенных циклов и закономерностей: чередованием периодов «гносеологического оптимизма» с кризисами, обусловленными утратой веры в познаваемость прошлого; переосмыслением значения субъективных и объективных факторов в истории, сменой базовых типов объяснения истории – через мотивы человеческой деятельности («антропологический подход»), либо через природные факторы или социальные структуры, обуславливающие эту деятельность («социологический подход»).

Показано, что в зависимости от представлений о взаимосвязи объекта познания с ценностно-целевыми структурами и понимания особенностей познавательной деятельности субъекта в фокусе внимания историков-сибиреведов последовательно оказывались различные элементы познавательного процесса: субъект познания (субъективистский подход); объект познания (объективистский подход); субъективные и объективные факторы исторического развития (соответственно – «антропологический» и «социологический» подходы); связи (или структуры), объединяющие эти элементы (структуралистский подход). Установлено, что кризисы исторического познания, обусловленные «разрывом» взаимосвязи субъекта и объекта, разрешались, прежде всего, через переосмысление категории «субъекта» (как «субъекта исторического познания»,

так и «субъекта истории»), что обусловлено спецификой самого предмета исторической науки.

Вместе с тем, закономерности исторического познания, обусловившие преобладание на том или ином этапе различных теоретических подходов, сопоставляются с общей логикой исторического процесса, а развитие исторической науки предстает как часть исторической реальности. Исследователи рассматриваются как субъекты истории, в процессе своей деятельности преобразующие окружающий мир и одновременно испытывающие на себе воздействие разнообразных внешних (социальных, экономических, политических, культурных) факторов, при этом учитывается имманентная включенность антропологической составляющей в научную картину мира, когда любые результаты «отражения» объективного мира в сознании человека рассматриваются как проекция вовне его собственных «образов мира».

В рамках такого взгляда на когнитивный процесс и на проблему взаимосвязи между «объективным научным знанием» и «субъективными культурными смыслами» термин «культура» получает крайне широкое толкование и включает в себя все формы познания, в том числе научную, что дает основания для использования в диссертационном исследовании теоретического инструментария культурно-интеллектуальной истории, нацеленной на изучение всех интеллектуальных процессов прошлого в их конкретно-исторического социокультурном контексте.

Изучение «культурно-интеллектуального» контекста способствует более полной и всесторонней характеристике историографического процесса, позволяет сопоставить развитие национальных историографий в различные исторические эпохи, определить влияние конкретных историографических традиций; объяснить изменения проблематики научных исследований, смену теоретических и методологических подходов, выявить степень и характера взаимовлияния историков, принадлежавших к различным научным школам и направлениям.

Соответственно, в диссертации развитие англо- и немецкоязычного сибиреведения исследовано в контексте истории создания и функционирования ведущих научных центров, деятельности наиболее выдающихся историков, связанной с созданием научных школ, университетских курсов, формированием и расширением источниковой базы, разработкой оригинальных концепций истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, зачастую объединяющих в себе элементы различных теорий (в частности,

«колониционной», «модернизационной», «имперской» парадигм, теории «фронта»). В целом сопоставление результатов развития историографии различных стран также способствует решению общих теоретических и методологических проблем исторической науки, выявлению закономерностей и оценке перспектив ее развития.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов для дальнейшей научной разработки проблем истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки XIX – начала XX в., сопоставления результатов, полученных отечественными и зарубежными исследователями темы, а также для подготовки лекционных курсов по истории России, Северной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона. В целом диссертационное исследование не только обобщает историографический опыт, накопленный отечественными и зарубежными историками, но и позволяет определить перспективы дальнейшего развития историко-сибиреведческих исследований.

Достоверность результатов исследования обеспечивается привлечением широкого круга историографических источников, их изучением с опорой на современные подходы и методы историографических исследований; сопоставлением полученных результатов с выводами, сделанными другими исследователями; комплексному подходу к рассмотрению заявленной темы.

Апробация работы. Результаты, полученные в ходе многолетней работы над диссертационным исследованием, отражены в 50 научных публикациях, среди которых: авторская монография объемом 15,5 п.л. (награждена Грамотой Международного отраслевого конкурса изданий для вузов «Университетская книга: социально-гуманитарные науки-2014» (27 сентября 2014 г., Казань) в номинации «Лучшее издание по истории и археологии»); 23 статьи из списка ВАК (общий объем – 20 п.л.), в том числе 4 статьи в журналах, входящих в базы данных Scopus и WoS (общий объем – 4,5 п.л.); 5 статей в прочих научных журналах (общий объем – 5 п.л.); 10 докладов в сборниках материалов международных, всероссийский и региональных конференций, 10 публикаций в сборниках научных статей. Высокая степень владения историографическим материалом позволила автору в качестве ответственного секретаря редколлегии координировать работу по подготовке 3-го тома академического издания «История Сибири» («Сибирь в Новое время, 1581 – февраль 1917 г.»), подготовить раздел тома, посвященный англо- и немецкоязычной историографии Сибири. Материалы

диссертационного исследования использовались для публичных лекций, с которыми автор выступал в Новосибирске.

Автор выступил с докладами по теме диссертации на 16 международных, 10 всероссийских и 1 региональной конференции.

Международные: Международный научный семинар «Россия в Азии: взгляд на партнерство и сообщества в Евразии и оценка роли Сибири» (Индия, г. Калькутта, 13-15 февраля 2008 г.); Международный научный семинар «Перспективы Евразии: в поисках альтернатив» (Индия, г. Калькутта, 2-6 февраля, 2009 г.); Международный научный семинар «Азиатская Россия, Центральная Азия и Индия: миграции, регионы, регионализм в исторической динамике» (г. Улан-Удэ, 19-21 июля 2009 г.); Международный научный семинар «Сообщества, институты и «переходный период» в Евразии после 1991 г.» (г. Калькутта, 22-24 февраля 2010 г.); Международный научный семинар «Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего» (г. Новосибирск, 18-21 сентября 2010 г.); Международный научный семинар «Евразия: двадцать лет после 1991 г. в ретроспекции» (г. Калькутта, 15-17 февраля 2011 г.); Международная научная конференция «VII Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского» (г. Новокузнецк, 12-13 ноября 2011 г.); Международная научная конференция «Окраины Московского государства и Российской империи: инновационные подходы в изучении имперской стратегии России» (г. Казань, 29-30 ноября 2012 г.); IX Международные научные Чтения памяти Р.Л.Яворского (г. Новокузнецк, 22-23 апреля 2013 г.), 11-я Международная Центрально-Азиатская научная конференция «Культурные и экономические измерения Шелкового Пути: прошлое, настоящее и будущее» (г. Сангджу, Республика Корея, 11-12 июня 2013 г.); 1-я Международная научная конференция «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (г. Новосибирск, 21-23 августа 2014 г.), 14-я Ежегодная международная научная конференция по истории и археологии «От Античности до Нового времени» (г. Афины, Греция, 27-30 июня 2016 г.); Международная научная конференция «Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII – XXI вв.)» (г. Новосибирск, 28-29 ноября 2016 г.); Международная научно-практическая конференция с элементами научной школы «Историческая наука и образование в XXI веке» (Новосибирск, 23–27 марта 2021 г.); Международная научная конференция "Глобальная история Арктики: трансграничные сети, альтернативные пространства и переключение

масштаба" (Тюмень, Санкт-Петербург, 20-21 марта 2021 г.); Международный научный симпозиум "На плечах гигантов". Петр Великий и имперский опыт России в контексте мировой истории" (г. Казань, 26-28 сентября 2022 г.);

Всероссийские: Всероссийская научно-практическая конференция «Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах» (Новосибирск, 17-18 ноября, 2008 г.); Всероссийская научная конференция «Проблемы истории государственного и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI вв.» (г. Новосибирск, 6-8 июня 2011 г.); Первая Всероссийская молодежная научная конференция «Проблемы и перспективы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (г. Новосибирск, 25-27 августа 2011 г.), Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященная памяти академика РАН Н.Н. Покровского (г. Новосибирск, 19-20 июня 2014 г.), Всероссийская научная конференция «Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX века)» (г. Новосибирск, 25-26 августа 2014 г.), Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященная 85-летию со дня рождения академика РАН Н.Н.Покровского (г. Новосибирск, 18-20 июня 2020 г.); III Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» памяти академика РАН Н.Н. Покровского (г. Новосибирск, 13-14 октября 2017 г.); Всероссийская научная конференция с международным участием «Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого)» (г. Томск, 3-4 октября 2019 г.); IV Всероссийская конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии», посвященная 90-летию академика РАН Н.Н.Покровского (г. Новосибирск, 9-11 ноября 2020 г.); Всероссийская молодежная научная школа-конференция с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (г. Новосибирск, 9-11 сентября 2022 г.)

Региональные: III Региональная молодежная научная конференция «Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы» (Новосибирск, 19-21 августа 2009 г.);

Структура работы обусловлена задачами исследования и включает введение, пять глав, заключение, список использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. Изучение истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки англо- и немецкоязычными исследователями в конце XIX – начале XXI в.

1.1. Организация сибиреведческих исследований в зарубежных научных центрах

В начале XX в. в Европе появляются специализированные центры изучения истории России, в рамках которых исследовались и проблемы колонизации Сибири и Дальнего Востока. Наибольшую активность в этой области проявляли англо-американские и германские исследователи, сопоставлявшие исторический опыт России с «колониальной» и «колониационной» историей своих стран. У истоков британской славистики стояли Оксфордский (с 1869)²⁷³ и Кембриджский (с 1889) университеты, предоставившие своим студентам возможность изучать русский язык и получить более основательные знания по истории и культуре России. На базе именно этих вузов впоследствии возникли общественные организации, призванные содействовать развитию культурных связей Великобритании и России. В 1909 г. по инициативе кн. Ф.Ф. Юсупова появилось Русское общество Оксфордского университета, а в начале 1920-х гг. при активном участии В.В. Набокова образовано Славянское и Восточно-европейское общество Кембриджского университета. На рубеже XIX – XX вв. под патронажем Имперского Института в Лондоне активно действовало Англо-русское литературное общество, основанное в 1893 г.²⁷⁴

Параллельно в Великобритании создавались специализированные научные центры славистики, прежде всего, благодаря усилиям Р.У. Сетон-Уотсона (1879-1951) и Б. Пэрс (1867-1949).²⁷⁵ В 1907 г. Б. Пэрс создал Школу русских исследований в Ливерпульском университете (где в 1908 г. было открыто Отделение изучения России), а в 1915 г. совместно с Р.У. Сетон-Уотсоном основал Школу славянских и восточноевропейских исследований (The School of Slavonic and East European Studies) как отделение Королевского Колледжа в составе федерального Лондонского университета²⁷⁶. В 1922 г. Б.

²⁷³ По данным Дж. Стоуна, первая попытка создания кафедры славистики в Оксфорде была предпринята еще в 1840-х гг. См.: Stone, G. Slavonic Studies at Oxford: a brief history // *Beitraege zur Geschichte der Slavistik in nichtslavischen Laendern*. Vienna, 1985. S.361-398.

²⁷⁴ URL: www.ssees.ac.uk/archives/newarch.htm (дата обращения: 8.07.2006)

²⁷⁵ В 1898/1899 г. Б.Пэрс в качестве вольного слушателя в Московской университет присутствовал на лекциях В.О. Ключевского, которого впоследствии считал одним из своих учителей и главных ориентиров в науке. См.: Рукавишников А.В. Британская историография средневековой России первой половины XX в. (Методологические подходы). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/rukav.htm> (дата обращения: 15.11.2022)

²⁷⁶ Pearton, M. History of SSEES: The Political Dimension // *The Slavonic and East European Review*. 1993. Vol.71. No.2. P.287-294; Roberts I.W. *The School of Slavonic and East European Studies, 1915-1990*. London, 1991.; Некрасов Г.А. Основные тенденции новейшей английской науки в изучении истории СССР эпохи феодализма // *Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма*. М., 1962. С.7 – 12.

Пэрс стал директором Школы и одновременно — секретарем Англо-русского литературного общества, включенного в состав Школы и просуществовавшего в таком качестве до 1936 г.

По определению Й. Робертса, основание Школы славянских и восточноевропейских исследований в годы Первой мировой войны являлось "классическим примером объединения научной и политической сфер деятельности".²⁷⁷ Наряду с проведением научных исследований, Школа должна была содействовать решению ряда политических и стратегических задач, стоявших перед правительствами стран Антанты.²⁷⁸ Так, Р.У. Сетон-Уотсон «приложил руку» к созданию новых независимых государств в Восточной Европе, а Б. Пэрс не только руководил кафедрой русской истории, литературы и русского языка (в 1917-1936 гг.), но одновременно выполнял разнообразные правительственные поручения. В годы Первой мировой войны он выступал в роли военного наблюдателя на Восточном фронте, а в январе 1919 г. был направлен в Сибирь, фактически оказавшись представителем британского правительства в ставке А. Колчака (хотя официальной целью его поездки было чтение лекций).²⁷⁹

С 1932 г. Школа славянских и восточноевропейских исследований стала самостоятельной структурой, наряду со многими другими колледжами, школами и институтами, из которых состоит Лондонский университет. В круг ее задач по-прежнему входило обучение и содействие изучению языков, литературы, культуры и истории стран Центральной и Восточной Европы, в том числе истории СССР. В 1999 г. Школа вошла в состав Университетского колледжа Лондона, но сохранила свое привычное название и направление деятельности. С момента своего основания она стала крупным научным и учебным центром, который располагает обширной библиотекой (к настоящему времени содержит ок. 400 тыс. томов),²⁸⁰ проводит семинары и конференции, а также выпускает серию монографий "Russian and East European Studies" и периодическое издание "The Slavonic and East European Review" (с 1922 г.) и междисциплинарный журнал «Slovo». На

²⁷⁷ Roberts I.W. The School of Slavonic and East European Studies, 1915-1990. London, 1991.

²⁷⁸ В период Второй мировой войны правительство также привлекало Б. Пэрса и Р. Сетон-Уотсона в качестве консультантов по самому широкому кругу вопросов.

²⁷⁹ На родине высоко оценили заслуги Б. Пэрса, наградив его Орденом Британской империи. В свою очередь, советское правительство запрещало историку въезд в СССР вплоть до 1935 г. Вновь побывав в Советской России после столь длительного перерыва, Б.Пэрс опубликовал книгу «Москва принимает критику», где он высказал ряд критических замечаний в адрес большевиков, но все же высоко оценил их достижения. Подробнее см.: Казнина О. А. Русские в Англии: из переписки Е. В. Саблина // Россия в США: Сб. ст. М., 2001. С. 161-185.

²⁸⁰ Меньковский В.И. Современная британская руссика и советика Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1. Мінск, 2006. С. 243–255.

страницах этих изданий появляются статьи по истории России, рецензии на работы советских и российских исследователей, а также публикации, посвященные различным вопросам истории «русской восточной экспансии» – статьи Г. Баррэта, А. Сокола, А. Байкалова, Е. Карра, У. Кирхнера, Р. Дрю и др.²⁸¹

Вместе с тем, усилий одного специализированного центра было явно недостаточно, и в течение долгого времени успехи британских исследователей в деле изучения российской истории оставались сравнительно скромными. По наблюдениям А.Ф. Ротштейна, даже незначительное число окончивших университеты по русскому циклу не могли найти работу по специальности, а объем исследований в этой области в Великобритании был крайне невелик²⁸². Отношение британского научного сообщества к российской тематике изменилось в период Второй мировой войны. В 1944 г. при Министерстве иностранных дел создается Комитет по изучению вопроса о преподавании русского языка, культуры и истории, в отчете которого говорилось: «Советский Союз вышел из войны как одна из крупнейших политических и экономических единиц мира. Поэтому было бы нелепостью примириться с наличием лишь весьма скудного числа англичан, обладающих основательными знаниями об этой стране, и тем более с дальнейшим уменьшением числа таких людей»²⁸³. Однако, в отличие от США, где в первое послевоенное десятилетие произошел резкий рост исследований по русской истории, британские студенты и аспиранты в данном отношении проявляли куда меньшую активность.²⁸⁴ До середины 1950-х гг. история СССР как отдельный предмет преподавалась только в Лондонском университете, а в остальных вузах – лишь в рамках специальных и всеобщих курсов истории.

«Оттепель», начавшаяся в СССР в середине 1950-х гг., способствовала росту интереса

²⁸¹ Сибирская проблематика входила в круг исследовательских интересов сотрудников Школы уже на раннем этапе ее деятельности. В частности, Б. Пэрс за время своих продолжительных поездок в Россию сумел собрать большое количество документальных материалов, в том числе по истории гражданской войны в Сибири. В 1926 г. Б. Пэрс издал книгу «История России», в которой немало страниц уделено сибирской истории (См.: Pares B. A History of Russia. Washington, 1945). В дальнейшем выпускники и сотрудники Школы нередко обращались в своих работах к различным проблемам настоящего и прошлого Сибири, в числе таких исследователей — Розмари Квестид, Джон Чэннон, Анна Рейд и др.

²⁸² Ротштейн А. Ф. Преподавание и изучение истории СССР в британских университетах // ВИ. 1957. № 5. С. 207 – 214.

²⁸³ Ротштейн А. Ф. Преподавание и изучение истории СССР в британских университетах // ВИ. 1957. № 5. С. 207 – 214.

²⁸⁴ Во второй половине 1940-х гг. крупными центрами британской русистики являлись Университет Ноттингема и Университет Глазго, где в 1949 г. был основан Институт центрально-европейских и восточноевропейских исследований; в 1999 г. его преемницей стала Школа славянских, центрально-европейских и восточноевропейских исследований. См.: Меньковский В.И. Современная британская руссика и советика Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1. Мінск, 2006. С. 243–255.

британской общественности к истории и культуре народов, населявших республики Советского Союза и страны «Восточного блока». В 1950-х гг. возникли новые общественные организации — Ассоциация славистов Британских университетов и Национальная ассоциация советологических и восточно-европейских исследований (обе организации объединились в 1992 г. в Британскую ассоциацию славянских и восточно-европейских исследований). В 1953 г. в Оксфордском университете (Колледж Св. Антония) учреждается Центр России и Восточной Европы (с 2009 г. — Центр российских и евразийских исследований). В 1961 г. в Великобритании был опубликован так называемый «Отчет Хэйтера», в котором ставилась задача активизации и расширения «региональных» или «страноведческих» исследований, в том числе посвященных России. В результате появились новые центры русистики — в Бирмингемском университете (Центр российских и восточно-европейских исследований) и Университете Суонси.

Другим важным шагом стало создание в 1959 г. Ассоциации «Великобритания-СССР». Целью данной организации провозглашалось оказание содействия культурным контактам двух стран на нейтральной в политическом отношении основе. Ассоциация работала при поддержке правительства²⁸⁵, а в ее руководящие органы входили представители многочисленных организаций, охватывавших практически все сферы общественной жизни, в том числе учреждений науки и образования. Ассоциация оказывала помощь в исследовательской работе, способствовала созданию департамента русского языка в Университете Лидса, Института полярных исследований им. Р. Скотта в Кембриджском Университете, Института советских и восточноевропейских исследований в Университете Глазго.

В начале 1980-х гг. при содействии Ассоциации «Великобритания-СССР», Школы славянских и восточноевропейских исследований, Британской Академии был организован Семинар сибирских исследований британских университетов. Инициатором его проведения и фактическим руководителем стал историк Алан Вуд, глава департамента русистики и советологии в Ланкастерском университете. В 1982 г. А. Вуд основал журнал «Сибирика», на страницах которого публиковались материалы проходивших в рамках семинара научных конференций. В своем начинании А. Вуд получил финансовую поддержку Британского Совета, Фонда Форда и Фонда Наффилда. Участники семинара

²⁸⁵ В 1991 г. с исчезновением СССР с политической карты мира Ассоциация была переименована в «Центр Британия–Россия – Центр Восток-Запад». На смену правительственному финансированию пришла помощь частных и общественных организаций.

также платили членские взносы, призванные окупить почтовые, организационные и издательские расходы. До конца 1980-х гг. в рамках семинара были изданы 4 выпуска журнала «Сибирика»²⁸⁶, который не только стал единственным в англоязычной историографии специализированным периодическим изданием по истории Сибири и Дальнего Востока, но и объединил усилия многих исследователей из разных стран.

В 1981 г. в Ланкастерском университете состоялась первая конференция, на которой с докладами выступили такие известные исследователи как Т. Армстронг, В. Коннели, С. Кирби и др. В дальнейшем местами проведения конференций становились Институт полярных исследований Кембриджского университета (1983 и 1984 гг.), Школа славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета (1986 г.), Институт советских и восточноевропейских исследований Университета Глазго (1988 и 1989 гг.). В работе семинара принимали участие как британские ученые (Д. Коллинз, Дж. Стюарт, А. Вуд и др.), так и специалисты из Канады (Дж.-Л. Блэк, Дж. Гибсон), США (О. Кобцев, Б. Дмитришин), ФРГ (В. Фауст), СССР (Л.М. Горюшкин), КНР, Финляндии и других стран. На основе материалов конференций к печати были подготовлены три сборника научных статей под общей редакцией А. Вуда²⁸⁷.

К началу 1990-х гг. деятельность Семинара приобрела действительно международный характер, способствуя более активному сотрудничеству и взаимодействию зарубежных и российских сибиреведов. В 1990 г. состоялась очередная конференция, местом ее проведения по предложению Л.М. Горюшкина стал г. Кемерово. Вместе с тем, финансовые и организационные трудности, приводившие к задержкам с выходом в свет очередных номеров «Сибирики», заставили редакционный совет принять предложение руководства Орегонского исторического общества (г. Портленд, шт. Орегон) о переносе редакции журнала в США. В 1990 г. вышел первый выпуск американской версии «Сибирики»²⁸⁸, его редакторами стали директор Орегонского исторического общества Т. Воон и директор Центра исследований Северо-Тихоокеанского региона Э. Краунхарт-

²⁸⁶ *Sibirica: Report of the Second Meeting of the British Universities Siberian Studies Seminar Held at the Scott Polar Research Institute University of Cambridge 15-16 April 1983; Sibirica III: Report of the Conference on "The Development of Siberia: Peoples and Human Resources": School of Slavonic & East European Studies, University of London, 7-10 April 1986. British Universities Siberian Studies Seminar, 1987; Sibirica IV. British Universities Siberian Studies Seminar. Sibirica IV: British Universities Siberian Studies Seminar: Report of the 5th Meeting Held at the University of Glasgow 8-10 April 1988. University of Lancaster, 1989.*

²⁸⁷ Wood A. *Siberia: Problems and Prospects for Regional Development*. London, 1987; Wood A., French R., ed. *The Development of Siberia: People and Resources*. London, 1989; Wood A. *Introduction: the Role of Siberia in Russian History // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London, 1991.

²⁸⁸ *Sibirica: A Journal of North Pacific Studies*. Summer 1990. Vol. 1. № 1. Portland, 1990.

Воон. Европейским отделением редакции продолжали руководить А. Вуд и У. Джойс (Университет Глазго).

Американское издание «Сибирики» (как печатного органа Центра Северо-Тихоокеанских исследований) ограничилось двумя выпусками и не имело продолжения. Седьмая конференция вновь состоялась в Великобритании (Лондонский университет, 1993 г.). В 1993-1995 гг. возобновилось издание исторического журнала под новым названием «Sibirica: the Journal of Siberian Studies»²⁸⁹, после чего последовал еще более продолжительный перерыв — до 2002 г. Спад интереса британских исследователей к сибирской проблематике совпал с общим ослаблением интереса к российской тематике в Великобритании, что было характерно для 1990-х гг.²⁹⁰

Только в начале XXI в. работа семинара приобрела должный размах, вновь стали проводиться конференции²⁹¹. С 2002 г. возобновилось регулярное издание «Сибирики». До 2012 гг. вышли 11 томов журнала (до 2005 г. - в издательстве «Taylor & Francis», затем — в «Berghahn Books»), сначала по два номера в год, с 2009 г. — по три номера. С 2008 г. в журнале разрешена публикация отдельных статей на русском языке²⁹². В 2004 г. А. Вуд и К. Бреннан сложили с себя обязанности по руководству журналом; должность главного редактора занял антрополог Александр Кинг (Университет Абердина), в группу ответственных редакторов вошли Д. Андерсон, Т. Аргунова-Лоу, К. Бреннан, П.А. Грэй, И.О. Хабек.

В 2006 г. в связи со сменой издателя главный редактор «Сибирики» А. Кинг опубликовал «Манифест сибирских исследований»²⁹³, в котором подчеркнул, что журнал сохраняет свой междисциплинарный характер, что означает публикацию результатов исследований в самых разных областях науки, при условии, что эти научные результаты имеют непосредственное отношение к Сибирскому региону или могут представлять практический интерес для его жителей.²⁹⁴ Изложенных А.Кингом принципов

²⁸⁹ Sibirica: The Journal of Siberian Studies; Number 1, Vol. 1. Keele, 1993; Sibirica: The Journal of Siberian Studies Vol. 1 No 2. Keele, 1995.

²⁹⁰ См.: Hutchings S. Russian Studies in UK universities. URL: <https://web-archive.southampton.ac.uk/www.llas.ac.uk/resources/gpg/386.html> (дата обращения: 11.07.2022)

²⁹¹ В 2002 г. состоялась 9-я конференция в г. Лиде, Великобритания; в 2004 г. - 10-я конференция в г. Хьюстон, США). Местом проведения 11 (на сегодняшний день — последней) конференции стал Владивосток (сентябрь, 2006).

²⁹² URL: <https://www.berghahnjournals.com/view/journals/sibirica/sibirica-overview.xml> (дата обращения: 11.07.2022)

²⁹³ King A.D. The Siberian Studies Manifesto // Sibirica, 2006. Vol. 5. No. 1. P. V-XV.

²⁹⁴ Главная цель, которую преследуют издатели и редакторы «Сибирики», заключается в том, чтобы вызвать дискуссии с участием самого широкого круга специалистов, а также получить обратную связь от читателей. В числе наиболее актуальных тем, обозначенных А. Кингом: миграции населения Сибири в первобытную эпоху; проблема

редакционной политики придерживались и его преемники в должности главного редактора (с 2013 г. – Дж. Зикер, с 2018 г. – М. Романиелло, с 2020 г. – Дж. Фергюсон).

Особого внимания заслуживают созданные на Западе специализированные центры изучения Арктики, прежде всего, Институт полярных исследований им. Р.Ф. Скотта, основанный в Кембридже в 1920 г. В 1930-х гг. Институт послужил базой для организации научных экспедиций в Арктику и Антарктику. В течение многих десятилетий его сотрудники изучали самый широкий круг исторических, социально-экономических, естественнонаучных проблем, связанных с жизнью в полярных широтах²⁹⁵. С 1960-х гг. при Институте действует Шеклтонская мемориальная библиотека, фонды которой представляют большой интерес для специалистов, изучающих Арктику. Из числа сотрудников Института наиболее заметный вклад в изучение Арктической зоны России внес Теренс Эдвард Армстронг (1920-1996) – британский лингвист, географ, экономист, историк²⁹⁶. Наряду с Г. Кингом, Б. Робертсом и Г. Робинсом он входил в группу исследователей, которые, по выражению П. Спика, создали Институту «репутацию превосходного научного центра».²⁹⁷

По признанию самого Т. Армстронга, в юности он не мечтал быть полярным исследователем и в конце жизни свою научную карьеру охарактеризовал во многом как результат стечения случайных обстоятельств. Будущий ученый родился 7 апреля 1920 г. в Окстедде (пригороде Лондона), в семье бывших фермеров, выходцев из Северной Англии. В 1937 г., во время учебы в Винчестерском колледже, он посещал лекции Б. Пэrsa, основателя и директора Школы славянских и восточноевропейских исследований, который обратился к ученикам с призывом изучать русский язык. Последовав данному призыву и в короткий срок добившись заметных успехов, в 1938 г. Т. Армстронг поступил на филологический факультет Колледжа Магдалины в Кембриджском университете, где на него обратила внимание известный лингвист Элизабет Хилл (1900-1996). Зная о его хорошей языковой подготовке, Э. Хилл убедила подающего надежды студента перейти на небольшое отделение славистики, чтобы учиться под ее руководством.

заселения Северной Америки, прошлое и настоящее такого явления как шаманизм, проблемы аборигенных этносов; конкретно-исторические формы колониализма и империй, рассмотренные через призму исторического опыта Азиатской России; история нефтегазовой и других отраслей добывающей промышленности в Сибири.

²⁹⁵ Примечательно, что в первой половине 1940-х гг. Институт им. Р. Скотта оказывал правительству помощь в создании оружия, одежды и оборудования, необходимых для ведения войны в условиях холодного климата.

²⁹⁶ См.: Speak P. Terence Edward Armstrong, 1920–1996 // *Geographers Biobibliographical Studies* Vol. 18. Mansell, 1998. P.1-9.

²⁹⁷ Speak P. Terence Edward Armstrong, 1920–1996 // *Geographers Biobibliographical Studies* Vol. 18. Mansell, 1998. P.1-9.

Обучение в университете прервалось из-за начавшейся войны, во время которой Т. Армстронг служил в Корпусе разведки сухопутных войск, участвовал в операциях в Северной Африке, Италии, Норвегии, Голландии, получив ранение во время рейда в тылу противника. В 1946 г. он вернулся в Кембридж, где по совету Э. Хилл ходатайствовал о зачислении в штат Института полярных исследований им. Скотта, директор которого Г. Робин объявил о наборе специалистов со знанием русского языка. В 1951 г. молодой специалист получил ученую степень доктора философии, защитив диссертацию по истории освоения Северного морского пути (далее – СМП) – первое научное исследование по данной теме в британской историографии²⁹⁸. В 1950-х гг. начинающий исследователь обратил на себя внимание советских специалистов и оказался в числе немногих западных ученых, получивших возможность регулярно посещать СССР.²⁹⁹ Во время своих многочисленных поездок Т. Армстронг активно содействовал международному научному обмену и установил дружеские связи со многими исследователями Арктики, которые высоко отзывались о британском коллеге, отмечая его стремление к научной объективности.³⁰⁰

В последующие десятилетия деятельность ученого была не менее плодотворной. Как замечает Н.Б. Вахтин, именно Т. Армстронг заложил фундамент библиотеки Института полярных исследований, ставшей «лучшей в мире тематической библиотекой по североведению».³⁰¹ С 1970 г. британский ученый участвовал в программе "Человек и Арктика" Национального научного фонда США, организовав в Университете Аляски в Фэрбенксе семинар по проблемам системы образования коренных народов Севера. Не менее активно он способствовал развитию образовательной программы Кембриджского

²⁹⁸ Материалы диссертации Т. Армстронга легли в основу первой монографии ученого, опубликованной в 1952 г. В последующие годы при поддержке Программы научных исследований ВМС Великобритании Т. Армстронг занялся изучением проблемы влияния ледовой обстановки на судоходство, публиковал статьи о навигации по СМП в научном журнале Института им. Скотта "Polar Records", а в 1958 г. составил и издал «Атлас по морскому льду к северу от СССР». Сотрудничество с Канадским Советом Обороны позволило британскому ученому в 1954 г. принять участие в плавании ледокола «Лабрадор» по Северо-западному проходу. О признании его научных достижений свидетельствовали награды Королевского географического общества: премия им. Катберта Пика (1954) и медаль Виктории (1978). См.: Armstrong T. The Northern Sea Route: Soviet Exploration of the North East Passage. Cambridge, 1952.

²⁹⁹ Летопись Севера. М., 1957. Т. 2.

³⁰⁰ Т. Армстронг сотрудничал, в частности, с академиком А.Ф. Трёшниковым (начальником одной из первых дрейфующих станций, а впоследствии – директором Арктического и Антарктического научно-исследовательского института в Ленинграде); известным географом Г.А. Агранатом; начальником Главсевморпути, контр-адмиралом В.Ф. Бурхановым; директорами Института географии СССР – И.П. Герасимовым и В.М. Котляковым; выдающимся советским полярником, метеорологом Б.А. Кремером и др.

³⁰¹ Вахтин Н. Б. К истории изучения Сибири и Севера в социальном аспекте: Материалы к учебнику. СПб., 2020. С.43.

университета. Благодаря его усилиям Т.Армстронга, начиная с 1975 г. студенты получили возможность прослушать годичный курс «Полярные исследования», по итогам которого получали дипломы специалистов; в 1980 г. в Институте им. Скотта появилась соответствующая магистерская программа. В течение многих лет Т. Армстронг также вел семинары, посвященные проблемам Арктической зоны России.³⁰²

После отставки Т.Армстронга в 1983 г. его дело продолжил Пирс Витебски – первый западный антрополог, получивший возможность проводить длительную полевую работу в Якутии (в 1986-1988 гг.). Под руководством П.Витебски Институт полярных исследований открыл программу PhD по арктической антропологии (прежде всего по социальным исследованиям российской Арктики), действовавшую до отставки П. Витебски в 2016 г.³⁰³ Диссертации, посвященные сибиреведческой и североведческой проблематике, в рамках данной программы защитили десятки исследователей, в том числе – О. Хабек (2003), Р. Виллерслев (2003) и многие другие. Один из учеников П.Витебски, Дэвид Андерсон, является профессором департамента антропологии в университете Абердина,³⁰⁴ где руководит исследовательской группой «Антропология Севера».³⁰⁵

* * *

В США основоположником руссиеведения признан гарвардский профессор А.К. Кулидж (1866-1928).³⁰⁶ Уроженец Бостона, А.К. Кулидж принадлежал к

³⁰² В начале 1990-х гг., в условиях растущего интереса западных стран к возможности использования СМП, Т. Армстронг вошел в состав Международного консультативного комитета по СМП, где должен был содействовать сбору данных и организации научных исследований по данной проблеме. Безвременная кончина выдающегося ученого в 1996 г. помешала осуществлению этих планов.

³⁰³ Вахтин Н. Б. К истории изучения Сибири и Севера в социальном аспекте: Материалы к учебнику. СПб., 2020. С.44.

³⁰⁴ В 1989 г. в Абердинском университете открылся Центр советских (позднее - российских) и восточноевропейских исследований, ставший, благодаря усилиями его создателя и первого директора П.Дьюкса, одним из ведущих центров русистики в Великобритании.

³⁰⁵ Как сообщает Н.Б. Вахтин, участники группы изучают самый широкий круг тем: «от антропологии движения до нефтепроводов, от якутских нарративов и устной истории до северных дорог и транспорта, от использования интернета канадскими инуитами до ритуальных практик». Наряду с научными исследованиями участники группы занимаются преподавательской деятельностью, в том числе на уровне аспирантуры (PhD). См.: Вахтин Н. Б. К истории изучения Сибири и Севера в социальном аспекте: Материалы к учебнику. СПб., 2020. С.44.

³⁰⁶ А.К. Кулиджу посвятил серию своих исследований один из крупнейших историков-славистов, профессор Индианского университета Роберт Ф. Бирнс, впервые выступивший на эту тему на годовом собрании Американской исторической ассоциации в 1976 г., и издавший переработанный текст доклада на страницах "Slavic Review". Позднее Бирнс опубликовал несколько других исследований и, в частности, специальную монографию о А.К. Кулидже, а также книгу очерков, посвященных истории американской славистики. См.: Byrnes R.F. Archibald Gary Coolidge: A Founder of Russian and East European Studies in the United States//Slavic Review. Vol.38. 1978. P.651-657; Byrnes R.F. Awakening American Education to the World: The Role of Archibald Gary Coolidge, 1866-1928. Notre Dame, 1982; Byrnes R.F. A History of Russian East European Studies in the United States. Selected Essays. New York, 1994). См. подробнее: Болховитинов Н.Н. Роль русских историков в становлении русистики в США//ВИ. 2001, № 4. С.3-20.

состоятельному аристократическому семейству, которое щедро финансировало его многочисленные поездки по миру (в том числе – в Россию) и позволяло на протяжении всей научной карьеры платить стипендии перспективным студентам, пополнять библиотечные фонды, а также делать регулярные пожертвования университету. С помощью таких взносов историк поощрял руководство Гарварда приглашать специалистов, изучающих российскую историю и другие предметные области, которым, по его мнению, не уделялось должного внимания. Ф.Дж. Тернер, получивший должность в Гарварде в 1909 г. по рекомендации А.К. Кулиджа, полагал, что именно Кулидж обеспечил «интеллектуальную трансформацию» университета в тот период.³⁰⁷

По данным Р.Ф. Бирнса, в 1893 г. в Гарварде наряду с лекциями по истории США читались только два курса лекций, в которых затрагивалась история западноевропейских стран. В течение первого года своей работы в университете А.К. Кулидж получил разрешение читать курс по истории Северо-Восточной Европы (Дании, Швеции, Польши, России), охватывающий период с 1453 до 1795 гг. Впервые новый курс был прочитан в 1894 г., в течение одного семестра; с 1909 г. он стал называться «История России», охватывал два семестра и в течение долгого времени оставался базовым курсом русской истории в Гарварде.³⁰⁸

В декабре 1894 г. на ежегодной встрече Американской исторической ассоциации А.К. Кулидж представил первый доклад, в котором затрагивались вопросы русской истории. Исследователь обратился к аудитории с призывом больше внимания уделять Европе и России, «поскольку все, что связано с развитием и состоянием столь могущественной империи, безусловно, заслуживает внимания», а люди, живущие в России – «талантливы и предназначены судьбой играть все более заметную роль в истории человечества»³⁰⁹.

Доклад А.К. Кулиджа привлек к себе значительное внимание. Текст его под названием «Призыв к изучению истории» был опубликован во 2-м томе «*American Historical Review*»

³⁰⁷ Byrnes R.F. Archibald Gary Coolidge: A Founder of Russian and East European Studies in the United States//*Slavic Review*. Vol.38. 1978. P.658.

³⁰⁸ В 1896 г. А.К. Кулидж предложил курс по истории «Восточного вопроса», который он чередовал с курсом русской истории; в 1897 г. начал читать курс по дипломатической истории Европы, в 1904 г. - курс по истории «европейской экспансии»; в 1909 г. – лекции по истории Дальнего Востока в XIX веке, а в 1920 г. - годовой курс по истории Европы, охватывающий период с 1871 по 1914 гг. Таким образом, по заключению Р.Ф. Бирнса, А.К. Кулидж ввел историю России и Восточной Европы в рамки более широкой программы лекций, затрагивающей историю Европы и мира, и в целом помог изменить характер университетской программы.

³⁰⁹ Byrnes R.F. Archibald Gary Coolidge: A Founder of Russian and East European Studies in the United States // *Slavic Review*. Vol.38. 1978. P.663.

в апреле 1896 г.³¹⁰ и воспроизведен в ежегодном отчете Ассоциации. С 1897 по 1910 гг. историк сотрудничал с журналом «American Historical Review» в качестве ведущего специалиста по русской и восточноевропейской истории. За время пребывания А.К. Кулиджа в составе редколлегии (1920-1924), журнал опубликовал четыре статьи, посвященных России — столько же, сколько было опубликовано в течение двух предшествующих десятилетий. В 1910 г. А.К. Кулидж стал первым директором университетской библиотеки и за время пребывания в должности (до 1928 г.) собрал большую коллекцию материалов, связанных с дореволюционной историей России.³¹¹

В течение всей своей профессиональной карьеры А.К. Кулидж сохранял тесные связи с Государственным департаментом США, для которого фактически готовил дипломатические кадры под эгидой университета.³¹² В 1890 - 1893 гг. А.К. Кулидж работал в составе американских миссий в Санкт-Петербурге, Вене и Париже, а в 1900 г. добился назначения посланником в Константинополь, рассчитывая, что во время пребывания на этом посту сможет глубже изучить историю Османской империи.³¹³ Президенты США У. Тафт и В. Вильсон рассматривали возможность назначения А.К. Кулиджа государственным секретарем, однако историк, полагавший, что ученые должны сохранять известную степень независимости правительственных структур, согласился лишь помочь сформировать группу «Исследование» (The Inquiry), в которой проработал с октября 1917 г. по 1 мая 1918 г.³¹⁴

³¹⁰ Coolidge A.C. A Plea for the Study of the History of Northern Europe // The American Historical Review. Vol. 2. Issue 1. October, 1896. P. 34–39.

³¹¹ Curtiss J. Sh. Russian History in the U.S.: Vistas and Perspectives // Canadian-Slavonic Papers. 1970. Vol. XVII. № 1. P. 23; Чернавская В. Н. Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии. К методологии вопроса // Краевед бюлл. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. № 4. Южно-Сахалинск, 1995. С.7.

³¹² Одним из наиболее видных учеников А.К. Кулиджа был Роберт Ф. Келли, возглавлявший с октября 1925 г. по июль 1937 г. отдел восточноевропейских стран, в компетенцию которого входили также отношения с Россией. По мнению Р.Ф. Бирнса, амбиции Р.Ф. Келли были во многом сходны с устремлениями его учителя, поскольку он стремился превратить Госдепартамент в «наиболее информированное внешнеполитическое ведомство в мире», имеющее самое полное представление о процессах, происходящих в Советском Союзе, отношениях СССР с другими странами, а также о деятельности коммунистических партий. Именно Р.Ф. Келли в 1928 г. принял решение о том, что Госдепартамент должен обеспечить интенсивное преподавание русского языка и курсов, посвященных России, для некоторых молодых дипломатов, что позволило привлечь на работу во внешнеполитическое ведомство специалистов-русистов, в которых правительство испытывало столь острую нужду в предыдущие годы.

³¹³ Byrnes R.F. Archibald Gary Coolidge: A Founder of Russian and East European Studies in the United States // Slavic Review. Vol.38. 1978. P. 654.

³¹⁴ Созданная по предложению полковника Э.М. Хауса группа «Исследование» должна была обеспечить президента В. Вильсона более точной и полной информацией к началу мирной конференции в Европе по итогам Первой мировой войны. Р.Ф. Бирнс называет группу «Исследование» почти исключительно «гарвардским проектом», поскольку большинство ее членов составляли профессора или выпускники университета. В их числе — ученики А.К. Кулиджа Р.Дж. Кернер и Ф.А. Голдер, а также Роберт Говард Лорд, специалист по истории России, Восточной Европы и Германии. В дальнейшем Р.Г. Лорд сыграл большую роль в определении границ нового Польского государства, во время своего пребывания в Париже в 1919 г. в качестве члена Американской комиссии по мирным переговорам.

В мае 1918 г. в качестве помощника государственного секретаря и члена War Trade Board (Совета военной торговли) А.К. Кулидж совершил поездку в Скандинавию, Мурманск и Архангельск для сбора информации о состоянии экономики и торговли в России. Затем он отправился в Париж в качестве члена Американской комиссии по мирным переговорам и в Вену как глава специальной дипломатической миссии (с января по 22 мая 1919 г.) С 27 октября 1921 до 1 марта 1927 гг. А.К. Кулидж находился в СССР в качестве руководителя отдела по связям с государственными органами или политического советника Американской администрации помощи голодающим, получив назначение лично от Герберта Гувера. Собирая сведения о ситуации в России, А.К. Кулидж пришел к выводу, что хотя советское правительство и сталкивается с невероятным количеством проблем, оно, скорее всего, устоит, сумев сохранить контроль над армией и правоохранительной системой. Весной 1919 г. А.К. Кулидж содействовал учреждению Совета по международным делам, а в 1922 г. стал первым редактором печатного органа Совета — журнала «Foreign Affairs». В течение шести следующих лет историк превратил «Foreign Affairs» в одно из ведущих изданий, которое выходило ежеквартально и содержало материалы по международным отношениям.³¹⁵

Несмотря на активную деятельность на дипломатическом поприще, американский историк находил время для подготовки научных кадров. Докторские диссертации под его руководством защитили примерно 20 чел.; трое из них — Сидни Б. Фэй, Уильям Л. Лангер и Декстер Перкинс — впоследствии стали президентами Американской исторической ассоциации.³¹⁶ Ученики А.К. Кулиджа преподавали историю России, Восточной Европы, Ближнего Востока и Северной Африки, дипломатическую историю Европы в колледжах и университетах по всей стране.

В декабре 1924 г. вместе со своими учениками А.К. Кулидж организовал первую встречу американских исследователей, изучавших историю России и восточноевропейских стран. Научное мероприятие состоялось в рамках конференции, организованной Ассоциацией американских историков в Ричмонде, шт. Виргиния. В заседании приняло участие примерно 150 чел. из 29 университетов, школ, а также

³¹⁵ А.К. Кулидж публиковал в журнале статьи Б.А. Бахметева, В.М. Чернова, Х.Г. Раковского, пытался привлечь к сотрудничеству К.Б. Радека и Л.Б. Красина, с которым встречался в 1921-1922 гг. Среди читателей журнала был и В.И. Ленин, который отозвался на статью «Russia after Genoa and the Hague», опубликованную в сентябре 1922 г. См.: Byrnes R.F. Archibald Gary Coolidge: A Founder of Russian and East European Studies in the United States // Slavic Review. Vol.38. 1978. P. 665.

³¹⁶ Byrnes R.F. Archibald Gary Coolidge: A Founder of Russian and East European Studies in the United States // Slavic Review. Vol.38. 1978. P.653.

нескольких посольств и правительственных учреждений в Вашингтоне. Участники встречи (среди них – М.Я. Ростовцев, С. Харпер, Дж.Т. Робинсон, Ф.А. Голдер, Р.Дж. Кернер, Б. Пэрс, Р.У. Сетон-Уотсон и др), определяя направления дальнейшей работы, подчеркивали необходимость сотрудничества с учеными из других стран, особенно из СССР и Великобритании. По оценке Р.Ф. Бирнса, программа и состав участников мероприятия свидетельствовали о том, что историей России и Восточной Европы занимались представители самых разных штатов, и притом не только специалисты. Американские и британские ученые тесно сотрудничали друг с другом, проявляли интерес ко всем славянским странам и стремились установить контакты с советскими исследователями.³¹⁷

Гарвардский университет оставался крупнейшим в США центром русистики и после смерти А.К. Кулиджа, во многом благодаря важнейшему назначению, которое историк успел сделать незадолго до своей смерти. При его активной поддержке, с 1927 г. в Гарварде началась преподавательская карьера М.М. Карповича, который, по определению Р.Ф. Бирнса, в течение следующих трех десятилетий сумел подготовить большее количество специалистов по русской истории, чем любой другой американский профессор. В то же время в Калифорнии плодотворная деятельность учеников А.К. Кулиджа – Ф.А. Голдера (1877-1929) и Р.Дж. Кернера (1888-1956) – привела к возникновению и развитию научных центров русистике и сибиреведения в Стэнфорде и Беркли.

Исследователи жизни и творчества Ф.А. Голдера указывают на скудость сведений о его происхождении и раннем этапе жизни.³¹⁸ Как сообщал сам историк, он родился на территории Российской империи, недалеко от Одессы, хотя ни его отец, ни дед (уроженец Германии) не были российскими подданными. Семья Ф.А. Голдера уехала из России, когда ему исполнилось 8 лет, а в 1890 или 1891 гг. он получил американское

³¹⁷ В 1924 г., отчасти благодаря переписке, возникшей в ходе подготовки научного форума, в состав редколлегии лондонского журнала «*Slavonic Review*» были включены три американца — С. Харпер, Р.Дж. Кернер и Р.Г. Лорд, демонстрируя тем самым готовность журнала учитывать интересы научных сообществ обеих стран, а также призывая американских и британских ученых к сотрудничеству. Впрочем, как замечает Р.Ф. Бирнс, уверенность А.К. Кулиджа в том, что все зависит от энтузиастов-одиночек, и умелое противодействие попыткам Р.Дж. Кернера и других историков создать в 1924 г. научную организацию, действующую в общенациональном масштабе, серьезно повредило развитию русистике в США в тот период, имевший критическое значение. См.: Byrnes R.F. Archibald Gary Coolidge: A Founder of Russian and East European Studies in the United States // *Slavic Review*. Vol. 38. 1978. P.664.

³¹⁸ War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927 / ed. by Terence Emmons and Bertrand M. Patenaude. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1992; Dubie A. Frank A. Golder: An Adventure of a Historian in Quest of Russian History. New York, 1989.

гражданство.³¹⁹

В 1898 г. Ф.А. Голдер получил степень бакалавра философии в Бакнеллском университете; с 1900 по 1902 г. преподавал в государственной школе на Аляске, обучая английскому языку детей алеутов. По его признанию, именно тогда у него пробудился интерес к истории Русской Америки: «Открытие Аляски, которое я считал начальной главой американской истории, оказалось последней главой истории русской экспансии». В 1903 г. молодой исследователь получил степень бакалавра искусств в Гарварде, там же приступил к работе над докторской диссертацией, которую защитил в 1909 г. и опубликовал в 1914 г. под названием «Русская экспансия на Тихий океан». Работа Ф.А. Голдера, по определению Р.Ф. Бирнса, представляла собой «первое профессиональное исследование по русской истории, опубликованное американцем».³²⁰ В разное время Ф.А. Голдер преподавал в Аризонском педагогическом колледже в Темпе, Университете Миссури, Бостонском университете и Университете Чикаго; с 1910 по 1920 гг. – на факультете экономики и истории в Колледже штата Вашингтон в Пульмене, где стал профессором.

Как и его учитель А.К. Кулидж, Ф.А. Голдер (1877-1929) считал одной из главных задач своей жизни создание специализированных центров изучения русской истории. По свидетельству современников, Фрэнк Альфред Голдер был скромным, старавшимся держаться в тени человеком, который, впрочем, умел расположить к себе самых разных людей и с легкостью заводил знакомства – как среди представителей официальных кругов и интеллигенции в царской России, так и среди деятелей нового Советского государства. Во время своей первой поездки в Россию в 1914 г. американский исследователь встречался с А.С. Лаппо-Данилевским, вместе с которым планировал организовать работу по написанию и изданию 4-томной «Истории России». В условиях начавшейся Первой мировой войны и последовавших за ней внутрисполитических потрясений замысел двух выдающихся историков так и не был осуществлен. Многие из предполагаемых авторов научного издания (включая А.А. Шахматова, М.А. Дьяконова, а также самого А.С. Лаппо-

³¹⁹ По предположению биографов, причиной эмиграции из России могли стать еврейские погромы 1881 года. Перебравшись в США, родители Ф.А. Голдера первоначально поселились в Нью-Джерси, где им пришлось столкнуться с серьезными финансовыми трудностями. В дальнейшей судьбе будущего историка большую роль сыграло знакомство с баптистским священником, который помог одаренному ученику получить хорошее образование. Обращение в приверженца унитарной церкви означало для Ф.А. Голдера разрыв с семьей; теплые отношения сохранились только с братом Бенджаменом, впоследствии ставшим успешным юристом и конгрессменом от Филадельфии.

³²⁰ Byrnes R.F. Archibald Gary Coolidge: A Founder of Russian and East European Studies in the United States//Slavic Review. Vol.38. 1978. P.651-657

Данилевского) умерли в годы Гражданской войны, что произвело на их американского коллегу тягостное впечатление.

В 1917 г. Ф.А. Голдер вновь побывал в России, зафиксировав в своем дневнике, как оптимизм первых дней революции к концу года сменился мрачным пессимизмом, особенно после того, как стало ясно, что свержение царизма не прервало череду поражений на фронте.³²¹ Опыт, приобретенный Ф.А. Голдером во время его поездок в Россию, позволил ему стать членом группы (или комитета) «Исследование» для подготовки к мирной конференции в Европе. Ф.А. Голдер был прикреплен к ее Восточно-Европейскому отделу, работавшему под председательством профессора А.К. Кулиджа на базе Гарвардского университета. По мнению Т. Эммонса и Б.М. Патенода, большой личной и профессиональной неудачей Ф.А. Голдера стал тот факт, что он, в отличие от некоторых других членов Комитета, не был включен в делегацию, направившуюся в Париж для участия в мирной конференции.

Историк вернулся на преподавательскую работу в Вашингтонском университете, а с 1920 г. являлся приглашенным преподавателем в Стэнфордском университете, где ему вскоре предложили возглавить Архив документов по военной истории, созданный Гувером для изучения причин и хода «Великой войны» (позднее переименованный в Библиотеку Гувера). В 1921 г. Ф.А. Голдер стал адъюнкт-профессором Стэнфордского университета, с 1924 г. – профессором русской истории и директором библиотеки. В том же 1921 году состоялась очередная поездка Ф.А. Голдера в Россию, после того как Американская организация помощи (American Relief organization - ARA) подписала советским правительством договор об оказании помощи в борьбе с последствиями эпидемии голода. Находясь в России в течение 21 месяца, американский исследователь

³²¹ Дневник Ф.А. Голдера, впервые опубликованный в 1992 г. под редакцией Т. Эммонса и Б.М. Патенода, содержит интересные наблюдения и суждения историка о процессах, разворачивавшихся в России. Так, в 1914 г. Ф.А. Голдер отмечал раскол в структуре имперского общества, для которого единственным объединительным началом служило лишь «циничное отношение» к царскому правительству, а в середине июня 1917 г. в письме Р.Дж. Кернеру, с которым он был знаком со времен учебы в аспирантуре Гарварда, историк описывал ситуацию в России следующим образом: «Положение дел здесь самое прискорбное и разрывающее сердце, поскольку этот народ в течение столь долгого времени держали в рабстве и страхе; но как только он сбросил с себя эти оковы, все рассыпалось на мелкие кусочки. Люди (по крайней мере, очень многие из них) здесь не имеют никакого представления о свободе. Германские агенты с карманами, полными денег, вели работу среди солдат с целью дезорганизации армии, и в этом они добились большого успеха. Под мантией социализма они проповедуют все безбожные доктрины – побуждая к беззаконию, грабежам, забастовкам; пока непонятно, что нас может ожидать завтра. Никто не знает, есть ли у нас армия или это всего лишь банда разбойников. Здесь в Петрограде у нас нет армии, но лишь множество ленивых, никчемных солдат, которые исполняют приказы только тогда, когда им того захочется. Продовольственный вопрос очень серьезен, и кое-кто из наших американцев страдает». См.: War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927. Stanford, 1992. P.74.

сначала действовал преимущественно как сотрудник Библиотеки Гувера, а в конце своего пребывания – как сотрудник АРА, посещая регионы, пострадавшие от голода, и составляя подробные отчеты о своих поездках по личной просьбе Герберта Гувера.

В период, когда у США и СССР не было дипломатических отношений, Ф.А. Голдер оказывал содействие Джеймсу Гудриху (бывшему губернатору Индианы и личному другу президента У. Гардинга), прибывшему на несколько недель в Москву в 1922 г. в качестве неофициального посланника Вашингтона. Советское правительство надеялось использовать деятельность АРА в качестве одного из каналов для установления официальных дипломатических отношений с США. В то же время, по замечанию Т. Эммонса и Б.М. Патенода, американское правительство оказывало продовольственную помощь отнюдь не для того, чтобы укрепить советский режим. Напротив, оно втайне надеялось, что в итоге народ России воспрянет и свергнет большевистское правительство. К 1922 г. стало ясно, что положение советского правительства достаточно устойчиво, после чего идея установления официальных или полуофициальных дипломатических отношений приобрела новых сторонников. В их числе был и Ф.А. Голдер, полагавший, что дипломатическое признание «сделает большевиков респектабельными, а респектабельность их убьет». Как показывают источники, Ф.А. Голдер играл заметную роль в обеспечении этих закулисных переговоров и тайных контактов между правительствами двух стран; наиболее частыми были его встречи с К.Б. Радеком и Л.Б. Красиным.³²²

Осенью 1923 г. Ф.А. Голдер вознамерился предпринять серию исследований по истории революции в России: «Пришло время историкам изучить ее объективно, с точки зрения движущих ею общественных сил, а не только с точки зрения психологии ее участников, которых воспринимают лишь как людей, жаждущих крови». По мнению историка, «Русская революция является величайшим событием Новейшей истории; таким же великим, как Французская революция, влекущим за собой не меньшие последствия...». В сложившейся ситуации особую роль должны были сыграть

³²² Из его дневниковых записей видно, что Ф.А. Голдер был не только внимательным и проницательным наблюдателем, но и хорошо информированным человеком, получавшим важные сведения из самых разных источников. Так, 15 марта 1923 г., в письме К. Гертеру Ф.А. Голдер сообщал: «Вчера у меня был разговор с Радеком, и мы обсуждали болезнь Ленина. Он считает, что если Ленин умрет, то лидером партии станет Сталин. Он очень высокого мнения об этом грузине. Возможно также, что Троцкий в будущем (в случае смерти Ленина) станет играть более заметную роль в международных отношениях. Также могут произойти и другие изменения. В некоторых кругах сетуют на то, что у Троцкого не тот склад ума, который взвешивает все за и против. Он очень энергичен и если ему что-то поручают, то он выполняет задание изо всех своих сил, но его работа никогда не бывает доведена до конца». См.: War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927. Stanford, 1992. P.286.

американские историки, поскольку их российские коллеги, по оценке Ф.А. Голдера, были «больны духом и телом» и не могли объективно оценивать происходящее. Ф.А. Голдер призвал учредить новый институт, который будет заниматься историей Русской революции. В 1925 г. Фонд Лоры Шпельман Рокфеллер (Laura Spelman Rockefeller Memorial Fund) предоставил Стэнфордскому университету грант на создание Русского Института. В том же году Ф.А. Голдер на два месяца вернулся в СССР, надеясь привлечь к сотрудничеству советских исследователей. Формальным поводом для визита стало приглашение посетить торжественные мероприятия, приуроченные к 200-летию Российской Академии наук. Во время своей поездки американский исследователь, как представитель Стэнфордского университета, заключил соглашение с Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей, а также с одним из отделов Наркоминдела. Данное соглашение предусматривало создание Института Русской революции, организацию совместной научно-исследовательской деятельности и издание трудов советских и американских историков.

В 1927 г. состоялся последний визит Ф.А. Голдера в СССР, во время которого историк рассчитывал добиться разрешения на публикацию работы экономиста Л.Н. Литошенко (1886-1943), проходившего стажировку в Стэнфорде, а также на разработку дальнейшей программы сотрудничества с советскими учеными. Впрочем, все попытки Ф.А. Голдера осуществить задуманное оказались тщетными, поскольку представители правительственных учреждений боялись проявить инициативу, а ученые из вузов и исследовательских институтов страшились самой мысли о возможной поездке за границу. Спустя всего несколько лет многие из исследователей, которых Ф.А. Голдер намеревался пригласить для работы в своем институте, были арестованы, однако американский историк об этом уже не узнал, поскольку умер от скоротечного рака легких в январе 1929 г. В некрологе, написанном Л.Н. Литошенко, отмечалось, что в лице Ф.А. Голдера США и СССР лишились человека, обеспечивавшего «удивительные и ценные культурные связи между двумя совершенно разными мирами».³²³

Значительный вклад в становление американской славистики внесли русские историки-эмигранты. В Йельском университете (г. Нью-Хейвен) преподавали М.И. Ростовцев (с 1925 г.) и Г.В. Вернадский (с 1927 г.). С 1936 г. А.А. Лобанов-Ростовский (1892-1979) преподавал в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, с 1945 г. - в Мичиганском

³²³ War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914-1927. Stanford, 1992

университете.³²⁴ К младшему поколению историков-эмигрантов принадлежал А. Мазур (1900-1982), специалист по русской историографии и истории декабристского движения.³²⁵ В 1938-1941 гг. он готовил американских специалистов по русской истории в Университете Невады, после 1947 г. - в Стэнфордском университете в Калифорнии.

Наиболее заметную роль в привлечении американских исследователей к разработке вопросов русской истории сыграл М.М. Карпович (1888-1959), выпускник историко-филологического факультета Московского университета. В 1917 г. М.М. Карпович перебрался в США вместе с новым русским послом в Вашингтоне Б.А. Бахметьевым. После закрытия российского посольства в 1924 г. М.М. Карпович переехал в Нью-Йорк, где в 1927 г. по рекомендации М.И. Ростовцева и при активном содействии А.К. Кулиджа получил должность преподавателя в Гарвардском университете. В 1940-х гг. историк много способствовал созданию двух известных периодических изданий: "Russian Review" и "Нового журнала". В Гарварде М.М. Карпович стал основателем школы "интеллектуальной истории", осуществляя руководство диссертационными исследованиями Ричарда Пайпса, Николая (Николаса) Рязановского, Мартина Малиа, Дональда Тредголда, Марка Раева и многих других специалистов по русской истории.

Наряду с Гарвардом ведущими центрами русистики в США стали университет Иллинойса, Висконсинский университет Мадисона, Колумбийский и Йельский университеты. С 1945 г. в Колумбийском университете действовал Русский институт, основанный профессором Дж. Робинсоном.³²⁶ В начале 1950-х гг. университет выпустил более сотни специалистов по русской и советской истории, работавших в правительственных учреждениях и преподававших в вузах.³²⁷ Всего в 1940-1950-х гг. в

³²⁴ А.А. Лобанов-Ростовский (1892-1979) – сын царского дипломата, выполнявшего дипломатические поручения в Пекине и Йокогаме, в 1933 г. опубликовал курс лекций, который, по свидетельству С.Коткина, долгое время оставался основным американским учебником по истории российского присутствия в Азии. В 1942 г. историк покинул Лос-Анджелес ввиду неминуемого, как ему представлялось, вторжения японцев, и перебрался вглубь страны, в Вайоминг, а в 1944 г. – в Университет Мичигана. См.: Lobanov-Rostovsky A. *Russia in Asia*. New York, 1933; Kotkin St. *Introduction: Rediscovering Russia in Asia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York, 1995. P.3-17.

³²⁵ До 1917 г. А. Мазур учился в лицее в Киеве, а историческое образование получил уже в США: в 1920-х гг. посещал лекции в Колумбийском университете, Университете штата Небраска, в 1931 г. получил степень бакалавра в Йельском университете, а в 1934 защитил докторскую диссертацию в Беркли.

³²⁶ Burnes R. Geroid T. Robinson: *Founder of Columbia University's Russian Institute // A History of Russian and East European Studies in the United States*. New York, 1994. P.199-216.

³²⁷ В 1961 -1988 гг. в Колумбийском университете преподавал Марк Раев (1923–2008), подготовивший множество специалистов по истории России. М. Раев родился в Москве, во второй половине 1920-х гг. сего семья переехала в Берлин; в середине 1930-х гг. в – Париж, а в начале 1940-х – в США. Во время Второй мировой войны М. Раев был призван в американскую армию, являлся переводчиком. После демобилизации поступил в аспирантуру Гарварда, занимался в семинаре М.М. Карповича. В 1950 г. защитил диссертацию, посвященную анализу представлений русских либеральных публицистов о крестьянской общине в царствование Александра II. В Колумбийском университете в течение пятнадцати

Колумбийском университете была подготовлена 21 диссертация по русской истории; тогда как в Беркли -10 диссертаций; в Йельском университете — 9.³²⁸ В 1955-1960 гг. Колумбийский университет курировал программу Межуниверситетского комитета по предоставлению грантов на научные поездки.³²⁹

В годы «маккартизма» повышенный интерес к СССР мог вызвать и подозрения со стороны американских властей. Так был ликвидирован Институт Тихоокеанских исследований, организованный группой либеральных интеллектуалов в Гонолулу в 1925 г. и закрытый в 1951 г., после того как в его деятельности усмотрели следы «заговора», организованного из Москвы³³⁰. Несмотря на перепады внутривнутриполитического курса США времен «холодной войны», в американских университетах только в 1950-е гг. наблюдалось более чем пятикратное увеличение количества диссертационных работ по истории России и СССР.³³¹ Исследователи российской и сибирской истории работали при поддержке многочисленных государственных и частных фондов (Родса, Рокфеллера, Форда, Фулбрайта, Национального фонда поддержки гуманитарных наук и др.), научных и общественных организаций.³³²

В 1958 г. Программа Межуниверситетского комитета по предоставлению грантов на научные поездки была подкреплена советско-американским соглашением об обменах, позволившее американским студентам и аспирантам стажироваться в университетах Москвы и Ленинграда в течение одного или двух семестров.³³³ Так, в числе немногих молодых

лет в звании профессора проработал на кафедре им. Б.А. Бахметева. С 1978 г. и вплоть до своей отставки также возглавлял Административный комитет Бахметевского архива. См.: Полотовская И.Л. Марк Раев - Bakhmeteff Professor Emeritus of Russian Studies // Россия в США: Сборник статей (Мат-лы к истории русской политической эмиграции; вып. 7) М., 2001. С. 65-79.

³²⁸ Болховитинов Н.Н. Роль русских историков в становлении русистики в США // Вопросы истории. 2001, № 4. С.7.

³²⁹ С 1960 г. в качестве куратора Программы его сменил Университет Индианы. Межуниверситетский комитет по предоставлению грантов на поездки был основан в 1955 г. несколькими американскими учеными, полагавшими, что в ближайшее время их соотечественники смогут получить возможность посетить Советский Союз. По данным Р.Ф. Бирнса, Комитет, поддержанный значительными финансовыми средствами от Корпорации Карнеги и Фонда Форда, в период между с 1955 г. до конца 1958 гг. дал возможность примерно двумстам исследователя из 75 различных научных организаций, посетить СССР в качестве туристов, как правило, сроком на 30 дней (максимальный срок, разрешенный советской стороной). См.: Byrnes R.F. Academic Exchange with the Soviet Union // Russian Review. 1962. Vol.21. No.3. P. 213-225.

³³⁰ Thomas J. The Institute of Pacific Relations, Asian Scholars and American Politics. Seattle, 1974; Троякова Т.Г. Американские исследования Дальнего Востока России // Вестник ДВО РАН. 2006. № 2. С.125-134.

³³¹ Чернавская В.Н. Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии. К методологии вопроса // Краевед. бюлл. Пробл. истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. № 4. Южно-Сахалинск, 1995. С. 9.

³³² Например, М. Рывкин состоял в рядах Американской ассоциации содействия славянским исследованиям; У. Вучинич и Б. Дмитришин — Американской исторической ассоциации; последний также был членом Канадской ассоциации славистов; Дж. Ленсен — Американского общества истории русского военно-морского флота и Ассоциации азиатских исследований и т.д.

³³³ Byrnes R.F. Academic Exchange with the Soviet Union // Russian Review. 1962. Vol.21. No.3. P. 213-225.

специалистов, начавших стажироваться в СССР в конце 1950-х - начале 1960-х гг, оказались и исследователи истории русского «продвижения на восток»: Э. Доннели, Дж. Ленсен, У.Б. Линкольн и др. В 1968 г. Межуниверситетский комитет был преобразован в Совет по международным исследованиям и обмену (IREX). К середине 1970-х гг. участие в программе приняли около тысячи исследователей.³³⁴ Американские ученые-историки получили возможность читать лекции, работать в архивах и проводить совместные исследования с коллегами из СССР³³⁵. По данным В.А. Тишкова, в 1960-х-1970-х гг. в американских университетах ученые степени получили около 200 специалистов в области истории СССР.³³⁶

С 1930-х гг. главным центром изучения истории «русской восточной экспансии» в США становится Калифорнийский университет (Беркли), что было связано с деятельностью Роберта Дж. Кернера (1887-1956). Выпускник Чикагского и Гарвардского университетов, Р.Дж. Кернер, наряду с Ф.А. Голдером, способствовал превращению Северной Калифорнии в один из мировых центров славистики³³⁷. Уделяя внимание истории Северной Азии, Р.Дж. Кернер стремился объединить исследования, посвященные истории России, с изучением истории азиатских стран.

Потомок богемских эмигрантов, Р.Дж. Кернер в начале своей карьеры приобрел известность как специалист по истории Центральной Европы (в первую очередь, территорий, входивших в состав империи Габсбургов).³³⁸ В конце 1920-х гг. историк занялся изучением проблем русско-турецких отношений, а после переезда в Беркли (в 1928 г.) заинтересовался темой "русской восточной экспансии", в том числе ранних контактов России с Китаем и Японией.³³⁹ В 1930 г. лишь немногие американские ученые разделяли убежденность Р.Дж. Кернера в актуальности данной проблематики, но скептическое отношение коллег не остановило исследователя. В 1932 г. журнал "Pacific Affairs" опубликовал заметку о том, что в феврале 1931 г. в Беркли был организован Семинар по Северо-Восточной Азии, главной задачей которого провозглашалось

³³⁴ Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. № 3 (121). М.: Наука, 2000. С.65-104.

³³⁵ Троякова Т.Г. Американские исследования Дальнего Востока России // Вестник ДВО РАН. 2006. № 2. С.125-134.

³³⁶ Тишков В.А. История и историки в США. М., 1985. С.79-80.

³³⁷ Kotkin S. Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar // Acta Slavica Iaponica. 1997. Vol. 15. P. 93-115.

³³⁸ Kerner R. Austro-Hungarian War Aims in the Winter of 1915-16 as Revealed by Secret Documents // Journal of International Relations. 1920. Vol. 10. No. 4. P.444-470; Kerner R. Austrian Plans for a Balkan Settlement (1915-1916). // The New Europe. 1920. Vol. 16. No. 30. P. 280-284; Kerner R. The Social Beginnings of the Czechoslovak Republic // The Survey [Prague], 29 November 1919. No. 43 (6). P. 169-172.

³³⁹ См.: Kotkin S. Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar // Acta Slavica Iaponica. 1997. Vol. 15. P. 94-95.

изучение исторических, политических, экономических и культурных факторов, определявших взаимоотношения России, Китая и Японии. Летом 1932 г. попытка инициировать аналогичные исследования была предпринята и в Гарварде, но успехом она не увенчалась из-за недостатка соответствующих специалистов.

Р.Дж. Кернер разработал пятилетний план исследований. На первое место историк поставил изучение "истории экспансии России в восточном направлении - с самого начала и до наших дней, а также анализ современного положения России в Тихоокеанском регионе". Далее – проблемы взаимоотношений Китая с Монголией и Манчжурией", "политика Японии в Северо-Восточной Азии" и, наконец, значение Северо-Восточной Азии для решения проблем Тихоокеанского региона.

Первая встреча участников семинара состоялась в марте 1931 г. во время банкета в Международном Доме Калифорнийского университета в Беркли. Р.Дж. Кернер выступил с докладом по теме "Русские источники по истории Северо-Восточной Азии". До конца года состоялось еще два заседания, посвященных источниковедческим проблемам. Учитывая, что Р. Кернер уделял большое внимание первоисточникам, необходимым условием для участников семинара было знание русского, китайского и японского языков.³⁴⁰ К тому же предполагалось, что американские исследователи будут тесно сотрудничать с учеными из России и других стран. С целью организации такого сотрудничества Р.Дж. Кернер совершил в том же 1931 г. поездку по Дальнему Востоку.³⁴¹

С самого начала Р.Дж. Кернер объявил о необходимости подготовки многотомного библиографического исследования, содержащего сведения о монографиях и статьях, опубликованных на трех упомянутых языках, а также разделы, посвященные описанию имевшейся источниковой базы и научных учреждений, действовавших на тот момент в России, Китае и Японии. По мысли Р.Дж. Кернера, такое библиографическое исследование должно было предшествовать написанию монографий, связанных с

³⁴⁰ Из тринадцати профессоров Калифорнийского университета, первоначально включенных Р.Дж. Кернером в число участников семинара, пятеро владели китайским языком, только двое - русским, один - японским (и китайским), но никто, включая самого Р.Дж. Кернера, не владел одновременно всеми тремя языками.

³⁴¹ Во время поездки Р.Дж. Кернер отметил, что одним из основных направлений деятельности семинара может стать объективное изучение исследований, выполненных историками Японии, Китая и СССР. Но поручить решение данной задачи местным научным кадрам он не решался, поскольку "роль марксистской теории в их работах слишком велика". Р. Кернер также заметил, что "дипломные работы и свободные исследования находятся на самом низком уровне, в зачаточной стадии – в Японии, и подчиненные коммунистическим целям – в Советском Союзе". Тем не менее, Р.Дж. Кернер настаивал, что "Калифорнийский университет должен играть ведущую роль в процессе, направленном на то, чтобы помочь исследователям из разных стран лучше узнать друг друга". См.: Kotkin S. Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar // *Acta Slavica Iaponica*. 1997. Vol. 15. P. 94-95.

тематикой семинара.

В сентябре 1931 г. группа японских офицеров устроила взрыв на одном из участков Южно-Маньчжурской железной дороги, что послужило «основанием» для оккупации японскими войсками всей Маньчжурии. Все это положило начало череде таких событий и процессов в Азии, которые полностью оправдали и подтвердили актуальность темы семинара, организованного Р. Кернером. В 1935 г. исследователь получил средства на поездку в Россию (с января по июль). В 1939 г. увидело свет обещанное им библиографическое исследование, содержащее ок. 14 тыс. названий на семи языках.³⁴²

Спустя десятилетие, в сентябре 1941 г. Р. Кернер составил последний отчет о работе семинара, в котором упоминалось о подготовке двух докторских диссертаций — Дж. Ланцева и Р. Фишера (их монографии увидели свет в 1943 г.³⁴³). В 1942 г. сам Р. Кернер опубликовал свою известную работу «Стремление к морю...» - краткую версию запланированного труда по истории "русской восточной экспансии"³⁴⁴, но к этому времени семинар в общем и целом прекратил свое существование. Позднее под руководством Р. Кернера защитилось более 30 аспирантов, в том числе такие специалисты по истории Сибири и Дальнего Востока как Р. Фишер, Дж. Ланцев, Дж. Харрисон, А. Малоземов³⁴⁵. Представители «Калифорнийской школы» стремились пересмотреть устаревшие концепции, обобщить достижения историографии, расширить круг источников, привлечь дополнительные исследовательские кадры, выработать новые теоретические подходы к изучению темы. Особое внимание уделялось объективным географическим и социально-экономическим условиям колонизации Сибири, обеспечившим прочность российского присутствия в регионе.

Успешной работе семинара препятствовало множество обстоятельств: языковой барьер, отсутствие единых методологических оснований, нехватка времени для подготовки фундаментальных научных исследований, а также политическая обстановка в Азии, затруднявшая взаимодействие ученых из разных стран. Следует упомянуть и о неровных отношениях Р. Кернера со своими коллегами, а также о нехватке достаточного

³⁴² Kerner R.J. *Northeastern Asia: a selected bibliography. Contributions to the bibliography of the relations of China, Russia and Japan, with special reference to Korea, Manchuria, Mongolia and Eastern Siberia, in oriental and European languages.* Berkeley: Univ. of California Press, 1939. 2 vols.

³⁴³ Lantzeff G.V. *Siberia in the Seventeenth Century.* Berkeley, 1943; Fisher R.H. *The Russian Fur Trade 1550-1700.* Berkeley, 1943.

³⁴⁴ Kerner R.J: *The Urge to the Sea.* Berkeley, 1942.

³⁴⁵ Harrison J. *Japan's Northern Frontier: A Preliminary Study in Colonization and Expansion with Special Reference to the Relations of Japan and Russia.* Gainesville, 1953; Malozemoff A. *Russian Far Eastern Policy, 1881-1904, with Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War.* Berkeley, 1958.

числа студентов, отвечавших высоким требованиям взыскательного научного руководителя. Однако, по справедливому замечанию С. Коткина, тема, выбранная Кернером, не утратила актуальности по сей день: Северо-Восточная Азия, действительно, начинает определять судьбы не только континента, но и всего мира, только роль ведущего игрока теперь принадлежит не России и Японии, а Китаю.³⁴⁶

В 1948 г. Р.Дж. Кернер основал Институт славистики Калифорнийского университета и стал его первым директором.³⁴⁷ Кроме того, историк входил в комиссию экспертов в Институте Восточно-Азиатских исследований, созданном при его активном участии в Беркли в 1949 г. В области сибиреведческих исследований дело Р.Дж. Кернера продолжил его ученик, профессор Калифорнийского университета Дж. Ланцев (1892-1955), который во второй половине 1940-х гг. читал спецкурс по истории Сибири. В историографии приводятся свидетельства того, что, отношения между Дж. Ланцевым и Р. Кернером были очень непростыми³⁴⁸, что, впрочем, не помешало Дж. Ланцеву подготовить ряд специалистов по истории Сибири, в их числе - Р. Пирс, Э. Доннели, Дж. Хариссон и др.

Вплоть до 1970-х гг. курс Дж. Ланцева оставался единственным спецкурсом по истории Сибири, читавшимся в американских университетах³⁴⁹. Став ординарным профессором только в 1955 г., Дж. Ланцев, не отличавшийся крепким здоровьем, вскоре умер от инфаркта. Его место в Беркли занял Н.В. Рязановский, ученик М.М. Карповича. В 1956 г. не стало и Р.Дж. Кернера, которого сменил М. Малиа. Следует отметить, что традиции изучения сибирской истории в Калифорнийском университете сохранились и после ухода Р.Дж. Кернера и Дж. Ланцева. Подтверждением тому служили, например, статьи М. Бассина³⁵⁰, сотрудника департамента географии, или работы Ю. Слезкина, профессора

³⁴⁶ Kotkin S. Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar // *Acta Slavica Iaponica*. 1997. Vol. 15. P. 93-115.

³⁴⁷ В связи с созданием Института Калифорнийский университет пригласил на работу Уэйна Вучинича, одного из учеников Р.Кернера, но тот отказался от должности, получив приглашение в Стэнфорд.

³⁴⁸ По свидетельству Р.Фишера, другого ученика Р.Дж. Кернера, Дж. Ланцев в частных беседах критиковал своего учителя, утверждая, что издательский комитет Калифорнийского университета поначалу хотел отказать Р.Дж. Кернеру в публикации "Стремления к морю...", но тот заставил членов комитета все же утвердить монографию к печати. Имя Дж. Ланцева, как соавтора, должно было появиться на титульной странице, однако Дж. Ланцев, увидев конечный результат, якобы не захотел нести за него какую-либо ответственность, ограничившись упоминанием своего имени в предисловии. См.: Kotkin S. Robert Kerner and the Northeast Asia Seminar // *Acta Slavica Iaponica*. 1997. Vol.15. P. 93-115.

³⁴⁹ Harrison J. *The Founding of the Russian Empire in Asia and America*. Coral Gables, Florida, 1971. P. 10.

³⁵⁰ Исследовательский интерес М. Бассина к сибирской проблематике проявился еще в период его работы в Университет Висконсина и послужил основанием для принятия ученого в число сотрудников Калифорнийского университета. Та же схема действовала и раньше – в 1940-х гг. профессор Университета Оклахомы С. Томпкинс был приглашен на исторический факультет Калифорнийского университета после выхода в свет его монографии «Аляска. Промышленник и первый поселенец» (Норманн, Оклахома, 1945 г.), написанной при финансовой поддержке Фонда Рокфеллера.

департамента истории, опубликованные в 1980-1990-х гг.³⁵¹

Наряду с Беркли крупным центром сибиреведческих исследований в США являлся Гавайский университет, руководство которого уже в конце 1920-х гг. проявило интерес к проблемам, связанными с историей «русской восточной экспансии». В 1928 г. в университете выступил с докладом Ф.А. Голдер, в 1935 г. лекции читал Р.Дж. Кернер³⁵². В разное время лекции по истории России и Сибири здесь читали А.Дж. Мардер³⁵³, М.М. Карпович³⁵⁴, Б. Дмитришин, Дж.П. Марч³⁵⁵, Д.У. Тредголд.

Летом 1932 г. в университете открылась Школа Тихоокеанских и Азиатских исследований, частично финансируемая Корпорацией Карнеги. С 1937/1938 гг. занятия по истории России и Дальнего Востока читали новые сотрудники Школы - Дензел Карр и Клаус Менерт³⁵⁶; их курсы лекций были включены в Программу дальневосточных исследований. В 1941 г. К. Менерт покинул Гонолулу, с 1947 г. его место в Гавайском университете занял Джон Алберт Уайт (1910-2011), специалист по истории Гражданской войны и иностранной интервенции в Сибири.³⁵⁷ В Гавайском университете Дж.А. Уайт с 1949 г. читал курс «Россия в Азии» (основные сюжеты — «экспансия Российской империи и Советского Союза на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке»); в 1951-1956 гг. также вел семинар по русской истории для аспирантов.

В мае 1967 г. по инициативе Дж.А. Уайта создается Комитет русистов

³⁵¹ Во второй половине XX-XXI в. Беркли сохранял статус одного из крупнейших центров русистоведения, благодаря деятельности Центра славянских и восточноевропейских исследований (с 1957 г.), а затем – Института славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (с 2000 г.). В 1980-х гг. усилиями таких ученых как Л.Хант, В.Боннел в университете активно развивались исследования в области «новой культурной истории», что, как представляется, повлияло на проблематику работ М.Бассина и Ю.Слезкина.

³⁵² Р. Дж. Кернер читал два курса в течение летнего семестра 1935 г.: "Центральная Европа после 1867 г." (исторический факультет) и "Новейшая история России" (Школа Тихоокеанских и Азиатских исследований). Концепцию Р. Дж. Кернера в дальнейшем в своих курсах развивали К. Менерт, Дж. Уайт и Дж. Стефан.

³⁵³ А.Дж. Мардер (1910-1980) - выпускник Гарвардского университета, сын евреев-эмигрантов, переехавших в США из России. В 1946-1948 А.Дж. Мардер читал в Гавайском университете курс "Россия в Азии".

³⁵⁴ Летом 1955 г. М.М. Карпович читал в Гавайском университете два курса: "История Советской России" и "Интеллектуальной истории современной России".

³⁵⁵ Дж.П. Марч (1924-2009) - учился в Школе военно-морской разведки, Джорджтаунском и Гавайском университетах. Автор книги: March G. "Eastern destiny: Russia in Asia and the North Pacific". Westport, Conn.: Praeger, 1996.

³⁵⁶ К. Менерт (1906-1984) — немец, родившийся в России, затем долгое время живший и работавший в Германии, а в 1930-х гг. переехавший в США. В течение 1928/29 учебного года К. Менерт слушал лекции в качестве студента по обмену в Университете Беркли, где много общался с Р.Дж. Кернером. В Гавайском Университете К. Менерт читал лекции в Школе Тихоокеанских и Азиатских исследований и в Институте востоковедения, руководил семинаром, посвященным России и Дальнему Востоку. В лекциях К.Менерта освещались такие темы как завоевание и колонизация Сибири и Центральной Азии, ранние контакты России с Китаем, соперничество с Великобританией; освоение русскими Тихоокеанского побережья; действия русских на Аляске, в Калифорнии и на Гавайских островах; современные отношения России, Китая и Японии

³⁵⁷ White J.A. The Siberian Intervention. Princeton, 1950; White J.A. The Diplomacy of the Russo-Japanese War. Princeton, 1964; White J.A. Transition to Global Rivalry: Alliance Diplomacy and the Quadruple Entente, 1895-1907. Cambridge and New York, 1995.

исследований (Russian Area Studies Committee), под председательством Р. Уэйда. Благодаря деятельности сотрудников нового научного центра студенты могли прослушать соответствующие курсы по истории, географии, политологии, религии, философии, русскому языку и литературе. В 1970 г. таких курсов было уже 27, читали их восемь профессоров на пяти факультетах. По итогам обучения выдавались сертификаты (к середине 2000-х гг. их было выдано ок. 30).³⁵⁸

В 1984 г. Джон Стефан (р.1941) возродил курс Дж.А. Уайта по истории освоения русскими Восточной Азии и Тихоокеанского региона. В феврале 1986 г. Дж. Стефан возглавил вновь созданный Центр "Советский Союз в Азиатско-Тихоокеанском регионе" (Center for Soviet Union in the Asia Pacific Region - SUPAR), являвшийся структурным подразделением Школы Азиатских и Тихоокеанских исследований. В 1996 г. историк организовал семинар по истории Сибири. К 2001 г. общее число студентов, посещавших курсы Дж. Стефана, превысило 400 чел., представлявших более двух десятков стран, в том числе СССР и Россию.³⁵⁹

После исчезновения СССР количество американских студентов, интересующихся российской и советской историей, резко сократилось. Крупными центрами изучения сибирской и дальневосточной проблематики остаются Вашингтонский университет и Университет Аляски (здесь в 1993 г. был создан Американо-Российский Центр, специализированная исследовательская структура, ориентированная на изучение российского Дальнего Востока). По наблюдениям Т.Г. Трояковой, лидером в области изучения экономической и социальной истории российского Дальнего Востока следует признать Центр изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии им. Г. Эллисона, существующий как структурное подразделение Школы международных отношений им. Г. Джексона в Вашингтонском Университете (Сиэтл). В ноябре 2004 г. здесь проходила конференция, на которой директор Центра С. Хансон и директор Института Карнеги Б. Рубл выступили с докладом, в котором предложили «заняться восстановлением исследований по России в Соединенных Штатах».³⁶⁰ В Индианском университете в Блумингтоне действует Группа сибирских исследований (К. Грэбер, Т.А. Сабурова, Б. Эклоф, Р. Валентино, Э.

³⁵⁸ Polansky P. Who created us? Faculty, book dealers and Russian libraries that shaped the UH Russian Collection // Slavic & East European Information Resources. 2008. Vol. 9. No. 2. P. 174-225.

³⁵⁹ Polansky P. Who created us? Faculty, book dealers and Russian libraries that shaped the UH Russian Collection // Slavic & East European Information Resources. 2008. Vol. 9. No. 2. P. 174-225.

³⁶⁰ Троякова Т.Г. Американские исследования Дальнего Востока России // Вестник ДВО РАН. 2006. № 2. С.127-128.

Лаззерины), занимающаяся междисциплинарными проектами, созданием исследовательских и образовательных ресурсов о Сибири, развитием международных связей исследователей-сибиреведов.³⁶¹

Заметный вклад в англоязычную историографию Сибири и Дальнего Востока внесли сотрудники научных учреждений других стран: Канады (Л.-Дж. Блэк³⁶², Центр изучения канадско-российских отношений, Карлтонский университет в Оттаве), Австралии (Д. Локвуд³⁶³ (Университет Мельбурна); Индии (Х. Васудеван, С. Чаттерджи (Институт азиатских исследований им. М.А.К. Азада, Калькутта)³⁶⁴; А. Патнаик, К. Варико (Университет им. Дж.Неру, Нью-Дели)).

К числу научных центров, занимающихся проблемами освоения Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки, относятся и специальные исследовательские институты, созданные по инициативе самих историков. В их числе — Вениаминовский исследовательский институт, открывшийся в 1985 г. при Духовной семинарии св. Германа на Аляске. Одним из основателей и первым директором института (в 1985-1988) стал американский историк О. Кобцев. Институт располагает архивными материалами, включающими в себя документы Русской православной церкви на Аляске (1820-х - 1940-х гг.), музейную коллекцию артефактов культуры аборигенного населения и пр.³⁶⁵ Сфера научных интересов сотрудников института включала в себя этнографию народов Аляски, историю христианства в Сибири, Русской Америке и других северных регионах Российской империи.

С конца 1970-х гг. активной разработкой вопросов сибирской истории занялось Орегонское историческое общество (г. Портленд), расширившее свои библиотечные и архивные фонды, издательскую деятельность, в результате которой свет увидел сборник

³⁶¹ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rsw.indiana.edu/promoting-collaboration/siberian-studies-working-group.html>; <https://siberiancontext.ru/> (дата обращения: 25.06.2022)

³⁶² Black J. L. G.F. Müller and the Imperail Russian Academy, Kingston, Montreal, 1986; Black J. L. J. - G. Gmelin and G. - F. Müller in Sibiria 1733 -43: A Comparison of their Reports // Wood, A., French, R. A., ed. The Development of Siberia. People and Resources, New York 1989, S. 35 – 49.

³⁶³ Lockwood D. Europe in the Asia-Pacific: the Russian Far East faces its future // Europe in the Asia-Pacific: culture, identity and representations of region. Richmond, 2003.

³⁶⁴ В 2007-2013 гг. Институт азиатских исследований (МАКАIAS) совместно с ИИ СО РАН (Новосибирск) и ИМБТ СО РАН (Улан-Удэ) проводили международный научный семинар, по итогам работы которого публиковались результаты научных исследований, посвященных различным регионам Евразии, в том числе Сибири и Дальнему Востоку. См., напр.: Asiatic Russia: Partnerships and Communities in Russia. New Dehli, 2009.

³⁶⁵ Sibirica II. British Universities Siberian Studies Seminar. Lancaster University, 1986. P. 5.

документов «В Сибирь и Русскую Америку»³⁶⁶. Наряду с этим в 1970-1980-х гг. Орегонское историческое общество содействовало переводу на английский язык и изданию русских источников в серии «North Pacific Studies Series» (под редакцией Т. Воона). В 1988 г. при содействии американского правительства Орегонское историческое общество учредило Центр исследований Северо-Тихоокеанского региона, который проводил ежегодные конференции с участием крупнейших исследователей со всего мира. Среди наиболее активных деятелей центра – историки-сибиреведы Б. Дмитришин (США) и Дж. Гибсон (Канада), продолжатели традиций Калифорнийской школы.

В 1945 г. американские и канадские ученые создали Арктический институт Северной Америки, с отделениями в Нью-Йорке и Монреале; в 1975 г. Институт стал структурным подразделением Университета Калгари. С 1948 г. под эгидой Института издавался журнал «Арктика», до 1951 г. выходивший трижды в год, а затем – ежеквартально; на протяжении многих лет его сотрудниками велась работа по составлению «Арктической библиографии» (Arctic bibliography), предназначенная для Министерства обороны США и служившая ценным справочником для исследователей. Ее составители достаточно полно и оперативно вели учет публикациям, увидевшим свет на Западе и в СССР и посвященным арктической проблематике.

В 1947 г. с идеей составления общей аннотированной и индексируемой библиографии научных публикаций, имеющих отношение к Арктике в Управление Военно-морских исследований США (US Office of Naval Research) обратился директор института А.Л. Уошборн.³⁶⁷ По свидетельству М. Тремэн, необходимость обобщения материалов, опубликованных в разных странах и связанных с освоением полярных широт, возникла еще в годы Второй мировой войны, когда собственные научные исследования и планирование в американской и канадской Арктических зонах были затруднены из-за нехватки средств. А.Л. Уошборн предложил организовать работу под руководством опытного библиографа, который получил в свое распоряжение команду квалифицированных помощников. Общее руководство проектом осуществлял Комитет директоров (во главе с Г.Б. Коллинзом), в состав которого помимо сотрудников

³⁶⁶ To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion (1558-1867). 3 Vols. Portland, 1985-89. Vol.1. Russia's Conquest of Siberia, 1558-1700. Portland, 1985; Vol.2. Russian Penetration of the North Pacific Ocean, 1700-1797. Portland, 1988; Vol.3. Russian American Colonies, 1798-1867. Portland, 1989.

³⁶⁷ Collins H. B. Arctic Bibliography // Science. Vol. 119. No. 3019. 1954, March, 26. P. 3A.

Арктического института вошли представители Дартмутского колледжа³⁶⁸, Смитсоновского института, Библиотеки Конгресса, Управления военно-морских исследований, Военно-воздушного министерства и Министерства армии США.

Фактическое руководство проектом осуществляла его директор и редактор Мари Тремэн (1902-1984), до этого работавшая библиографом в Публичной библиотеке Торонто. Работа по составлению «Арктической библиографии» началась в июле 1947 г. в соответствии с договором, заключенным с Управлением военно-морских исследований.³⁶⁹ Участники проекта использовали главным фонды Библиотеки Конгресса, Нью-Йоркской публичной библиотеки, библиотек Гарвардского университета и Смитсоновского института, а также около 60 других крупных библиотек США и Канады. Всего в проекте было занято менее двух десятков человек, из них пятеро владели русским, еще четверо – скандинавскими языками. При необходимости к работе привлекались специалисты из других научных центров Северной Америки, Великобритании, Норвегии, Франции.³⁷⁰ С 1947 по 1975 гг. вышло 16 томов «Арктической библиографии» в которых содержатся сведения в общей сложности о 108 тыс. публикациях.³⁷¹

По наблюдениям С.И. Бояковой, с конца 1980-х гг. начался новый этап в изучении полярной проблематики, обусловленный демилитаризацией Арктики, открытием Северного морского пути для свободного плавания, расширением международного сотрудничества и интеграционных процессов.³⁷² На рубеже XX – XXI вв. проблемы российского Крайнего Севера оказались в сфере внимания сотрудников Центра Арктических исследований Смитсоновского института. С 2001 г. Центр издает серию "Contributions to Circumpolar Anthropology", где, среди прочего, публиковались работы,

³⁶⁸ Во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг. в Дартмутском колледже (г. Гановер, шт. Нью-Гемпшир) осуществлялась собственная программа арктических исследований, которую курировал знаменитый полярный исследователь В. Стефанссон. Одновременно с 1946 г. он готовил к изданию многотомную «Арктическую энциклопедию», к работе над которой привлек многих ученых из разных областей науки. В 1949 г. с прекращением правительственной финансовой поддержки В. Стефанссон отказался от продолжения проекта, передав колледжу свою огромную арктическую библиотеку (25 тыс. томов и 45 тыс. брошюр и рукописей) и подготовительные материалы энциклопедии.

³⁶⁹ Финансовую помощь проекту оказывали американское правительство, Совет по оборонным исследованиям Канады, Национальный совет по научным исследованиям Канады, Национальный фонд науки (США), Национальный институт здравоохранения (США) и Комиссия по атомной энергии (США), а также некоторые частные организации, например – Национальное Географическое Общество.

³⁷⁰ Collins H. V. Arctic Bibliography // Science. Vol. 119. No. 3019. 1954, March 26. P. 3A.

³⁷¹ В «Арктической библиографии» приводятся сведения не только о монографиях, но и о материалах, опубликованных в более чем 1400 научных журналах и серийных изданиях, выходящих в разных странах мира. Около 70% рецензируемой литературы было опубликовано за пределами Северной Америки, 46% - на русском языке, 38% - на английском. См.: Arctic Bibliography. Vol. I-XI. Washington, 1953-1963; Vol. XII-XVII. Montreal, 1965-1976.

³⁷² Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX - 30-е годы XX в.). Автореф. дисс. ... д.и.н. Якутск, 2004.

посвященные Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции 1897-1902 гг.³⁷³.

* * *

«Исходным пунктом» немецкой славистики по праву считается г. Галле (Халле), где на рубеже XVII-XVIII вв. жил и работал А.Г.Франке (1663-1727), сторонник пиетизма, разработавший собственную систему образования и воспитания и основавший в Галле школьный городок³⁷⁴. В 1698 г. Петр I поручил одному из своих приближенных, П. Постникову, посетить Галле и ознакомиться с существовавшей там системой образования. Все это положило начало масштабной программе студенческих обменов между Галле и Россией – при самом активном участии Университета Галле, где наряду с А.Г. Франке преподавал К. Вольф, продолжатель дела Г.В. Лейбница, ратовавшего за модернизацию России и превращение ее в истинно европейскую страну.³⁷⁵ Несмотря на то, что К. Вольф отклонил предложение о работе в Санкт-Петербургской Академии наук, основанной в 1724/25 гг., он в дальнейшем оказывал помощь в поиске и отправке в Петербург молодых студентов, в основном из германоязычных стран.

С Университетом Галле были связаны многие немецкие ученые, работавшие в России: первый президент Петербургской академии Л. Блюментрост; руководитель Академической гимназии Г.З. Байер, ставший одним из первых исследователей истории и языков народов Юго-Восточной Сибири; организатор первой научной экспедиции в Сибирь Д.Г. Мессершмидт; участник Второй Камчатской экспедиции Г.В. Стеллер и др.

В XVIII в. список немецких ученых — исследователей Сибири дополнили И.Г. Гмелин, Г.Ф. Миллер, П.С. Паллас, К.Г. Мерки др.; в XIX в. — А. фон Шамиссо, А. фон Гумбольдт,

³⁷³ Contributions to Circumpolar Anthropology. No. 1: Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902. Washington, 2001; Contributions to Circumpolar Anthropology. No. 4: Constructing Cultures Then and Now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition. Washington, 2003.

³⁷⁴ Подробнее см.: Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert / Eduard Winter. Autor: Winter, Eduard (1896-1982). Akademie-Verlag, 1953; Hintzsche W. German Scholars and the Exploration of Siberia and Alaska // Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728-1867. Cook Inlet Historical Society Symposium. Anchorage, Alaska. October 13-14, 2000.

³⁷⁵ В эпоху, когда русские только начали осваивать Сибирь, западноевропейская общественность охотно читала сообщения о малоизвестных уголках Московского царства. Среди тех, кто живо интересовался владениями России в Азии, был Г.В. Лейбниц, мечтавший проложить через Сибирь торговые маршруты в Китай, тем самым приблизив высоко ценимую им китайскую культуру к европейцам. В конце XVII в. Лейбниц разработал программу модернизации России, превращения ее в неотъемлемую часть Европы. Важной составляющей этой программы было создание в России современной системы образования и науки, в том числе учреждение Академии. В период между 1711-1716 гг. Лейбниц трижды встречался с Петром I, дав тому несколько ценных советов, которыми русский царь, по-видимому, воспользовался. Подробнее см.: Hintzsche W. German Scholars and the Exploration of Siberia and Alaska // Science under Sail: Russian Exploration in the North Pacific, 1728-1867. Cook Inlet Historical Society Symposium. Anchorage, Alaska. October 13-14, 2000.

Г.Х. фон Лангсдорфф, А.Т. фон Миддендорф, А. Эрман, Г. Радде, К.Э. фон Баер, О. Финш, А. Брем. Как заметил современный немецкий исследователь Д. Дальман, почти все они находились на службе русского правительства или, подобно А. Гумбольдту, путешествовали по приглашению монархов и высокопоставленных вельмож, что, безусловно, не умаляло значимость их научных достижений.³⁷⁶

В самой Германии XIX век был отмечен новым всплеском интереса к Сибири. Во второй половине столетия немецкие авторы все отчетливее осознавали действительный экономический потенциал региона. В работах К. фон Цепелина, Г. Крамера, К. Виденфельда, опубликованных на рубеже XIX - XX вв., затрагивались проблемы истории Сибири, рассматривались перспективы хозяйственного освоения региона, роль Транссибирской магистрали, экономическая и военная политика русского правительства в Азии.³⁷⁷

В начале XX в. в Берлине создаются специальные исследовательские структуры, ориентированные на изучение истории восточноевропейских государств, включая Россию. В 1902 г. в Университете Фридриха Вильгельма (ныне Университет им. Гумбольдта) начал работу Семинар по истории Восточной Европы³⁷⁸. В 1913 г. в столице Германии по инициативе проф. Отто Хетцша (1876 - 1946) учреждается Немецкое общество по изучению Восточной Европы, объединившее специалистов высших учебных заведений, редакторов и журналистов (с 1925 по 1939 гг. под его эгидой издавался журнал "Osteuropa"). С июля 1918 г. до 1945 г. в Бреслау действовал Институт Восточной Европы, по образцу которого в межвоенный период создавались и другие центры «остфоршунга» (в Кенигсберге, Берлине и Лейпциге).³⁷⁹

В ряду проблем, привлекавших внимание представителей «остфоршунга», оказались и вопросы освоения русскими Северной Азии. В 1920-е гг. Сибирь привлекала внимание немецких исследователей как пример успешного освоения огромного «жизненного пространства» на востоке Евразии. Как отмечает американский исследователь С.Коткин, некоторые немецкие специалисты, в том числе и «пионер остфоршунга» О. Хетцш,

³⁷⁶ Dahlmann D. Sibirien. Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Schöningh, 2009.

³⁷⁷ Kraemer G. Sibirien und die grosse sibirische Eisenbahn. Leipzig, 1897; Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung. Berlin, 1900; Zepelin, C. von. Der Ferne Osten; seine Geschichte, seine Entwicklung in der neuesten Zeit und seine Lage nach dem russisch-japanischen Kriege. Berlin, 1907-1911.

³⁷⁸ В 2002 г. в Гумбольдтовском университете состоялась конференция, посвященная 100-летию Семинара по истории Восточной Европы. Ее участники проанализировали опыт изучения истории восточно-европейских стран немецкими учеными в XX веке и оценили перспективы развития данного историографического направления.

³⁷⁹ Spiru B. Ostforscher- Ostfaelscher - Ostfahrer // Jahrbuch Fuer Geschichte der UdSSR und Der Volksdemokraetischen Laender Europas. Band 3. S.34-79.

стремились объединить исследование восточных регионов СССР с изучением стран Азии, полагая, что Россия протянула через Сибирь своего рода «мост между культурами Европы и Азии».

Разработка вопросов сибирской истории могла быть более плодотворной, если бы немецкие исследователи не оказались жертвами политической ситуации в нацистской Германии. В числе тех, кто пострадал от нацистов, был и О. Хетцш, лишившийся своей университетской должности в 1935 г. после того, как согласился стать научным руководителем аспиранта — польского еврея.³⁸⁰ В итоге, его работа, посвященная истории Азиатской России, долгое время оставалась неопубликованной и вышла в свет уже после смерти автора³⁸¹.

В 1930-1940-х гг. одним из наиболее известных представителей «остфоршунга» был ученик О. Хетцша — Клаус Менерт, сыгравший заметную роль в истории не только немецкой, но и американской исторической науки. В начале 1930-х гг. К. Менерт являлся сторонником «Черного фронта» О. Штрассера, но в 1932 г. подвергся нападкам со стороны «коричневорубашечников», а в 1936 г. отказался от должности корреспондента нацистских изданий. Данное обстоятельство позволило К. Менерту получить работу в Беркли, а затем в Гавайском университете, где он предложил собственную программу изучения истории «русской восточной экспансии».

Однако и в Гонолулу К. Менерт столкнулся с множеством трудностей, поскольку не захотел отказаться от немецкого гражданства и публично осудить нацистов. В итоге, он был вынужден подать в отставку и покинуть университет в июне 1941 г., после чего совершил многочисленные поездки по Азии в качестве журналиста и вернулся в Западную Германию после войны. В 1946 г. К. Менерт был полностью оправдан американским трибуналом в Германии. В 1950-х гг. историк являлся советником канцлера ФРГ К. Аденауэра, в 1970-х гг. - канцлера Г. Шмидта. В то время К. Менерт вновь неоднократно посещал Гавайские острова, выступал с лекциями в университете, несмотря на обвинения, продолжавшие звучать в его адрес.³⁸² Оставляя в стороне политические

³⁸⁰ Burleigh M. *Germany Turns Eastward: A Study of Ostforschung in the Third Reich*. Cambridge, 1988.

³⁸¹ Hoetzsch O. *Russland in Asien: Geschichte einer Expansion*. Stuttgart, 1966.

³⁸² В США К. Менерта обвиняли в нелояльности, шпионаже, антисемитизме и даже в том, что именно он подал японцам идею атаковать Пирл-Харбор (в августе 1949 г. об этом писал журнал «TIME»). Историки ГДР именовали К. Менерта «нацистским шпионом». Так, Б.Шпиру сообщает, что в 1941-1945 гг. К. Менерт по заданию Риббентропа издавал в Шанхае газету "The XX Century", считавшуюся рупором нацистской пропаганды, а также читал лекции в немецкой Медицинской Академии в Шанхае, после чего в 1947 г. был выслан из Китая. Подробнее об этом см.: Spiri V. *Ostforscher- Ostfaelscher - Ostfahrer // Jahrbuch Fuer Geschichte der UdSSR und Der Volksdemokraetischen Laender*

взгляды К. Менерта, отметим, что применительно к сибирской проблематике он разделял мнение своего учителя, О. Хеца, об актуальности сопоставления исторического опыта различных регионов Европы и Азии, а также отдавал должное усилиям русских по созданию континентальной державы.

В послевоенное время в ФРГ сложилась разветвленная сеть учреждений, занимавшихся изучением истории СССР (и в том числе, историей Сибири). В ноябре 1949 г. в Штутгарте воссоздается Немецкое общество по изучению Восточной Европы. В 1951 г. начал работу Институт Восточной Европы при Свободном университете в Западном Берлине, деятельность которого финансировалась различными промышленными фирмами и официальными органами ФРГ, США и Западного Берлина³⁸³. В 1952 г. в Мюнхене открылся Институт Восточной Европы (в 2007 г. переехал в Регенсбург, в 2012 г. объединился с Зюдост-Институтом в Институт изучения Восточной и Южной Европы). Помимо федеральных структур финансирование исследований осуществлялось через благотворительные фонды – Круппа, Тиссена, Фольксвагенверк, фонды политических партий ФРГ (фонд Аденауэра — ХДС, фонд Ханса Зиделя — ХСС).

Среди немецких авторов, затрагивавших в своих работах различные вопросы истории Сибири и Дальнего Востока, представителями научных учреждений были Г. Штёкл, В. Фауст, Г. Штадтмюллер³⁸⁴ (Кельнский университет), Д. Гайер (директор Института восточноевропейской истории и страноведения в Тюбингенском университете)³⁸⁵, Д. Дальман (заведующий кафедрой восточноевропейской истории в Рейнском университете им. Фридриха Вильгельма, Бонн) и др.³⁸⁶

Специальных периодических изданий, посвященных истории Сибири и Дальнего Востока в ФРГ не издавалось, но ряд статей по теме публиковался в журналах, посвященных истории Восточной Европы и России: «Труды Института Восточной Европы. Серия «История» (Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts: Reihe Geschichte), «Ежегодники истории Восточной Европы» (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas),

Europas. Band 3. S.56-57; Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Ed. by Kotkin S., Wolff D. Armonk, 1995.

³⁸³ Восленский М. С. Организация «остфоршунга» и его место в системе боннской психологической войны // Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966. С. 91 – 98.

³⁸⁴ В 1960-1963 гг. Г. Штадтмюллер являлся директором Мюнхенского института Восточной Европы.

³⁸⁵ Stoeckl G. Die Entstehung des Kosakentums, München 1953; Joyeux F. Der Transitweg von Moskau nach Daurien : sibirische Transport- und Verkehrsprobleme im 17. Jahrhundert. Koeln, 1981; Stadtmüller G. Geschichtliche Ostkunde. München; Stuttgart, 1963; Geyer D. Die Geschichte Russlands in der historischen Forschung der Bundesrepublik Deutschland und Westberlins // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1976. Bd. 27. S.273-296.

³⁸⁶ Д. Дальман в 1996 и 2005 гг. проводил в Рейнском университете семинары по истории Сибири.

издаваемых с 1953 г. Мюнхенским Институтом Восточной Европы, а также в «Ежегоднике всемирной истории», «Берлинском ежегоднике восточноевропейской истории» (в 1990-х гг.) и др. В отличие от своих коллег в США, Канаде и Великобритании западногерманские исследователи не проявляли инициативы в деле создания специализированных сибиреведческих центров.

В то же время в Восточной Германии сформировалась группа специалистов (Э. Винтер³⁸⁷, Г. Мюльпфордт³⁸⁸, П. Хоффман³⁸⁹), изучавших историю научных экспедиций в Сибири в XVIII в. Во главе группы стоял Эдуард Винтер (1896-1982), австрийский историк, после Второй мировой войны переехавший в ГДР, где сначала работал в Галле, затем — в Берлине. В течение послевоенного периода история российско-немецких научных контактов и академических экспедиций в XVIII в. послужила предметом многочисленных исследований У. Германа, Э. Матеса, Э. Доннерта, У. Грабоша и др.³⁹⁰ В мюнхенском Институте Восточной Европы аналогичную проблематику разрабатывал Г. Робель.³⁹¹

После 1990 г. в объединенной Германии ведущим центром сибиреведческих исследований вновь становится Галле, где в рамках сотрудничества между Фондом Франке, Архивом Российской Академии наук (Санкт-Петербург) и Институтом истории СО РАН (Новосибирск) публикуется серия «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» (документы, научные отчеты и описания путешествий участников Второй Камчатской экспедиции - Г.В. Стеллера, И.Г. Гмелина, Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова и др.); проводятся многочисленные конференции и выставки.³⁹² По

³⁸⁷ Daniel Gottlieb Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien, 1720-1727. 5 Bde. Berlin, 1962-1977.

³⁸⁸ Mühlpfordt, G. Halle-Leipziger Aufklärung. Kernstück der Mitteldeutsche Aufklärung. Halle (Saale), 2001.

³⁸⁹ Hoffmann P. Gerhard Friedrich Mueller (1705-1783). Frankfurt am Main, 2005.

³⁹⁰ Donnert E. Russische Forschungsreisen und Expeditionen im 18. Jahrhundert // Gesellschaft und Kultur in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts. Teil 2; Literatur, Wissenschaft und Bildung, Halle 1983, S. 70 – 98; Gehrman U. Казачество восточных регионов России в освещении немецких источников XVIII века // Australian Slavic and East European Studies. 1993. Vol. 7. № 1. P.91-100; Grabosch U. Studien zur deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert, Halle 1985; Matthes E. Das veränderte Rußland. Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725 und 1762. Frankfurt-am- M., 1981.

³⁹¹ Robel G. Die Sibiriexpeditionen und das deutsche Rußlandbild im 18. Jahrhundert. Bemerkungen zur Rezeption von Forschungsergebnissen // Wissenschaftspolitik in Mittel- und Osteuropa. Hrsg. v. E. Amburger, M. Ciésła, L. Sziklay. (Studien zur Geschichte der Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa, 3). Berlin: Camen, 1976. S. 271–294; Robel G. Der Wandel des deutschen Sibiriensbildes im 18. Jahrhundert // Canadian - American Slavic Studies, 1980. No.14. P. 406-426.

³⁹² Международные конференции, посвященные Г.В.Стеллеру, проводились в 1994 г. и 1996 гг., Г.Ф.Миллеру и И.Г. Гмелину – в 2005. В 1999 г. в рамках дней культуры Германии в Новосибирске, Тюмени, Санкт-Петербурге работала передвижная выставка «Тerra Incognita Sibirien». В сентябре 2005 г. состоялся научный симпозиум «Три столетия академических исследований Югры – от Миллера до Штейница». В 2006-2012 гг. в Галле при участии Фонда Франке и Международного общества Г.В. Стеллера ежегодно проводились российско-немецкие научные

признанию участников проекта плодотворное сотрудничество между немецкими и российскими учеными стало возможным после того, как в 1992 г. Фонд Франке вновь обрел утраченную в 1946 г. самостоятельность.

Сибиреведской и арктической проблематикой также занимается Институт Макса Планка по этнологии (Институт по социальной антропологии), основанный в Галле в мае 1999 г. Сотрудники Центра (в 2003-2014 гг. его координатором являлся И.О. Хабек) занимаются изучением проблем коренных малочисленных народов Крайнего Севера, в целом — процесса социокультурной трансформации в Западной Сибири, Якутии, Эвенкии, на Чукотке и Камчатке. Культурно-антропологическую проблематику, связанную с Сибирью и Крайним Севером, также изучают сотрудники Австрийского полярного научно-исследовательского института (осн. в 1993 г.) и Венского университета (П. Швайцер и др.)³⁹³.

В целом роль специализированных исследовательских структур, созданных на Западе с целью изучения сибирской проблематики, трудно переоценить. Такие научные центры позволили объединить усилия самого широкого круга специалистов для решения масштабных задач (например, создания архивных и книжных коллекций, перевода и публикации источников, проведения международных научных форумов и пр.), способствовали сохранению и передаче накопленного научного опыта новым поколениям исследователей, сделали возможным поступательное развитие рассматриваемого историографического направления даже в периоды относительного спада общественного интереса к прошлому и настоящему Сибири.

1.2. Источниковая база историко-сибиреведческих исследований

Фундаментальные научные исследования по истории Сибири требовали привлечения широкого круга источников, однако для зарубежных специалистов работа в архивах и библиотеках Российской империи, а затем СССР, была, как правило, сопряжена с множеством трудностей, зачастую непреодолимых (хотя некоторые советские ученые —

форумы, посвященные различным проблемам и персоналиям, связанным с историей академических экспедиций в Сибири в XVIII в.

³⁹³ В 1997 г. группа студентов Венского университета, изучающих культурную антропологию и интересующихся проблемами Крайнего Севера, основала рабочую группу «Арктика и Субарктика». Участники группы проводили тематические конференции и оказывали содействие в публикации научных работ, связанных с арктической проблематикой. См. тж: URL: <https://core.univie.ac.at/>; <https://www.polarresearch.at/about/> (дата обращения: 25.06.2022)

такие, как П.А.Зайончковский,³⁹⁴ пытались по возможности облегчить положение своих зарубежных коллег). В таких условиях особое значение приобретали усилия англо- и немецкоязычных исследователей, направленные на создание книжных и архивных коллекций «россики» в их собственных странах. На Западе наиболее крупными собраниями таких материалов располагают научные и образовательные центры США. Первые, совсем небольшие библиотеки славянской литературы появились в Новом Свете уже в XVIII в., благодаря стараниям членов Американского философского общества в Филадельфии (с 1743 г.) и Американской академии искусств и наук в Бостоне (с 1780 г.). В XIX в. книги, изданные в России, регулярно пополняли фонды Библиотеки Конгресса, Йельского, Гарвардского и Корнельского университетов, Нью-Йоркской публичной библиотеки. С 1880-х гг. обмен книжными изданиями между США и Россией осуществлялся на основе официального межгосударственного соглашения³⁹⁵.

В 1906 г. Библиотека Конгресса приобрела коллекцию книг и рукописей (в том числе – многочисленных материалов по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки),³⁹⁶ собранных сибирским купцом и библиофилом Г.В. Юдиным (1840-1912)³⁹⁷. В 1904 г. Г. В. Юдин впервые разместил в иностранных газетах объявление о продаже коллекции, насчитывавшей к тому времени ок. 80 000 томов. Отклик поступил лишь из Библиотеки Конгресса США, администрация которой направила в Красноярск своего представителя. По итогам экспертизы американцы согласились приобрести книги за 100 000 руб. (40 000 долл.). Предложенная цена поначалу не устроила Г.В. Юдина, однако следующий, 1905 год, с его бурными революционными событиями, заставил владельца библиотеки всерьез задуматься о ее будущем и поспешить с заключением сделки.

Большую роль в судьбе юдинского книжного собрания сыграл выходец из России, сотрудник Библиотеки Конгресса А.В. Бабин,³⁹⁸ который не только перевозил книги в

³⁹⁴ Петр Андреевич Зайончковский : сб. ст. и воспоминаний к столетию историка. М., 2008.

³⁹⁵ Пивоваров Е.Г. Формирование коллекции славянских материалов Конгресса США (К истории русско-американских культурных контактов: 1765 - середина 1950-х гг.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2007.

³⁹⁶ См., напр.: <https://www.loc.gov/tr/rarebook/coll/268.html> [Электронный ресурс]. (дата обращения: 30.05.2022)

³⁹⁷ Подробнее см.: Преображенский А. А. Из истории библиотеки Г. В. Юдина в Красноярске // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; Штейн Э. Об утрате книг Г.В. Юдина в Библиотеке Конгресса // Знамя, 1991. № 3. С. 237 – 240; Еще раз о библиотеке Г.В. Юдина (отклики И.А. Половниковой и Д.Х. Биллингтона на статью Э.Штейна «Книги Г.В. Юдина в Библиотеке Конгресса») // Знамя. 1992. № 7. С. 234–240; Половникова И.А. Молодые годы Юдина. М., 1996; Половникова И.А. Сибирский библиофил и заводчик Юдин. Красноярск, 2003; Пивоваров Е.Г. У истоков американской архивной "россики": А.В. Бабин (1866-1930) и Ф.А. Голдер (1877-1929) // Россия в США: Сб. ст. (Мат-лы к истории русской политической эмиграции; вып. 7). М., 2001. С. 249-268

³⁹⁸ А.В. Бабин род. в 1866 г. в семье мещан Элатьмы, в Рязанской губ. В 1885-1887 гг. учился в Имп. Санкт-Петербургском историко-филологическом институте, в 1889 г. переехал в США, получил степени бакалавра и магистра истории в Университете Корнелла (Итака, шт. Нью-Йорк). В 1896-1910 гг. - сотрудник Университета

Вашингтон, но и опубликовал описание коллекции на английском и русском языках. По оценкам А.В. Бабина, действительная стоимость книжного собрания в три раза превышала сумму, выплаченную бывшему владельцу. Президент США Т. Рузвельт в письме к Г. Патнему, директору Библиотеки Конгресса, по достоинству оценил приобретение юдинского собрания: «Этим поступком Вы обеспечили Библиотеке Конгресса ведущее место в славянской библиографии не только в США, но, насколько я могу судить, и где бы то ни было за пределами России». Обработкой материалов коллекции занимались А.В. Бабин, М.З. Винокуров, Г.К. Дерман, сотрудники Славянской секции Библиотеки Конгресса, созданной в 1917 г. на волне возросшего интереса американцев к России и Восточной Европе.

Впрочем, как отмечает современный исследователь Е.Г. Пивоваров, при всем значении коллекции Г.В. Юдина, с самого начала ее приобретение не привело к качественным изменениям в американских славистических (и, добавим, сибиреведческих) исследованиях. Ввиду отсутствия достаточного количества квалифицированных специалистов, способных хотя бы частично обработать, классифицировать и каталогизировать приобретенные издания, юдинское собрание в течение долгого времени оставалось недоступным для американских читателей.

Библиотека Конгресса располагает и другими материалами, имеющими отношение к Сибири и Русской Америке. В Рукописном отделе хранятся документы, собранные Ф.А. Голдером в Петрограде в 1914 г.³⁹⁹ (в частности, рукописи, относящиеся к деятельности РАК и продаже Аляски в 1867 г.), материалы «Исследовательского проекта по истории Аляски», участники которого в 1936-1938 гг. собрали 15 томов машинописных копий документов, относящихся к деятельности РАК; собрание документальных источников

Индианы в Блумингтоне, Стэнфордского университета, Библиотеки Конгресса, агентства "Associated Press". В 1910 г. вернулся в Россию, где получил должность инспектора народных училищ в Харьковской губ. В 1912 г. в Санкт-Петербурге увидела свет написанная А.В. Бабиным научно-популярная "История Северо-Американских Соединенных Штатов", которая, по заключению Е.Г. Пивоварова, явилась первым специальным исследованием по истории США, оказав значительное влияние на развитие отечественной американистики. С 1916 г. А.В. Бабин занимал должность инспектора народных училищ в Вологде, в 1921 г. вернулся в родной город Элатму, работал в качестве переводчика при "American Relief Administration" (ARA). В конце 1922 г., благодаря содействию сотрудников ARA, вернулся в США, с 1927 г. и до своей смерти в 1930 г. руководил Славянской секцией в Библиотеке Конгресса.

³⁹⁹ Dubie A. Frank A. Golder: An Adventure of a Historian in Quest of Russian History. New York, 1989; Zalewski W. Collectors and Collections of Slavica at Stanford University. Stanford, 1985; Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. М., 1990. С. 344; Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991. С. 278; Петров Е.В. Фонды "русско-американских историков в архивах США // Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы возвращения. Мат-лы Межд. науч.-практ. конф., 16-17 ноября 2000 г. М., 2000. С 43-56.

«Россия — Москва».⁴⁰⁰

Наиболее крупной коллекцией, хранящейся в Рукописном отделе, являются архивы Русской православной церкви на Аляске, полученные М.З. Винокуровым в 1927-1940 гг.⁴⁰¹ В их числе – весь архив Аляскинского духовного правления и духовной консистории, переданный Библиотеке Конгресса в 1928 и 1940 гг. Архивы РПЦ на Аляске включают в себя примерно 150 тыс. ед. хр. В основном это документы церковных учреждений, связанные с управлением 17 приходами и 36 домовыми церквями, располагавшимися в пределах епархии; материалы Российско-Американской Компании, связанные с взаимоотношениями с РПЦ; источники личного происхождения (дневники и путевые журналы) и др.⁴⁰² В соответствии с заключенным соглашением, обязанность Библиотеки Конгресса заключалась не только в том, чтобы сохранить архивы, но и в том, чтобы сделать их доступными для использования представителями православной церкви.

До своей смерти в 1983 г. М.З. Винокуров проделал огромную работу по приведению архива в порядок. Начатое им дело продолжила сотрудница Библиотеки Конгресса А. Шэлкоп. Благодаря ее усилиям значительная часть систематизированных материалов (микрофиши с копиями книг, рукописей, журналов, фотографий и других документов, касающихся Восточной Сибири и Русской Америки) была передана Исторической библиотеке штата Аляска, где осуществлялась дальнейшая систематизация материалов при участии профессора антропологии Лидии Блэк (Университет штата Аляска, г. Фэрбэнкс) и специалиста по истории Русской Америки Ричарда Пирса⁴⁰³. Среди прочего, в коллекции М.З. Винокурова имеются различные периодические издания Сибири и Дальнего Востока с 1909 по 1919 г. («Енисейское слово», «Иркутская незабудка», «Камчатский вестник», «Камчатский листок» и др.). В 1996 г. небольшая часть коллекции микрофиш была передана научной библиотеке Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова, но в целом, по замечанию В.А. Самсоновой, материалы, собранные М.З. Винокуровым, требуют

⁴⁰⁰ Пивоваров Е.Г. Формирование коллекции славянских материалов Конгресса США (К истории русско-американских культурных контактов: 1765 - середина 1950-х гг.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2007.

⁴⁰¹ Белобородько В.Л. Архив русской церкви на Аляске в Библиотеке конгресса США // ВИ. 1969. № 8. С. 189–192.

⁴⁰² В архиве находится более двух десятков дневников и путевых журналов (в частности - журналы протоиерея Иакова (Нецветова), преподобного Лаврентия (Саламатова) из Атки, иеромонаха Иллариона из Квипахы, дневники С.Н.Ушина - служащего Ситкинского отделения Северо-Западной Торговой Компании и др.), охватывающих период с 1828 по 1897 гг. и содержащих множество сведений о жизни и обычаях аборигенов, экономической ситуации в Русской Америке, конфликтах с миссионерами - представителями других религиозных конфессий и пр.

⁴⁰³ Pierce R.A. M.Z. Vinokourov: Profile of a Russian Emigre Scholar and Bibliophile // Michail Z. Vinokourov: A Profile and Inventory of His Papers (Ms 81) and photographs (PSA 243) in the Alaska Historical Library. Juneau, Alaska, 1986. P.6-12.

более обстоятельного изучения отечественными историками.⁴⁰⁴

В 1983 г., после смерти М.З. Винокурова, Историческая библиотека штата Аляска приобрела коллекцию микрофиш с копиями собранных им книг, рукописей, журналов, фотографий и других документов, касающихся Восточной Сибири и Русской Америки. Обработку материалов осуществила сотрудница Библиотеки Конгресса А. Шэлкоп, при участии профессора антропологии Л. Блэк (Университет штата Аляска, г. Фэрбэнкс) и специалиста по истории Русской Америки Р.А. Пирса.⁴⁰⁵

В конце XX в. доступ к библиотечным фондам был облегчен благодаря активно развивавшимся информационными технологиями и сети Интернет. Программа Национальной цифровой библиотеки, осуществлявшаяся с 1995 г., обеспечила распространение во Всемирной сети высококачественных копий рукописей, карт, аудио- и видеозаписей, фотографий и печатных изданий, включая материалы, имевшие отношение к истории России и Сибири. В 1997-1998 гг. на волне дискуссии между сенатором Т. Стивенсом и директором библиотеки Дж. Биллингтоном возник проект «Встреча на границах» (Meeting of Frontiers), нацеленный на создание цифровой коллекции материалов, повествующих об освоении и заселении Сибири и российской Дальнего Востока, о встрече русских и американцев на Аляске и северо-западном побережье Америки⁴⁰⁶. Повышенный интерес западной общественности к истории русско-американских контактов, как и в начале XX века, был обусловлен радикальными изменениями, происходившими в политической и экономической жизни России в конце 1980-х – 1990-х гг.

В результате реализации проекта в декабре 1999 г. открылся сайт "Встреча на границах", материалы для которого предоставили РГБ (Москва) и РНБ (Санкт-Петербург), Институт «Открытое общество», Библиотека Расмусона (Университет штата Аляска в Фэрбенксе), Институт истории СО РАН и Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН (Новосибирск), Томский и Иркутский государственные университеты, музеи Омска, Томска, Барнаула, Кемерово, Красноярска, Улан-Удэ. В 2001-2002 гг. сканировались материалы в Новосибирске и Иркутске. Одновременно Библиотека

⁴⁰⁴ Самсонова В. А. Михаил Винокуров и его коллекция якутских изданий в США // Вестник Дальневосточной гос. науч. библиотеки. 2002. № 2 (15). С.51-57.

⁴⁰⁵ Pierce R.A. Michail Z. Vinokouroff: A Profile and Inventory of His Papers (Ms 81) and photographs (PSA 243) in the Alaska Historical Library. Juneau, Alaska, 1986; Самсонова В.А. Михаил Винокуров и его коллекция якутских изданий в США // Вестник ДВГНБ, 2002, № 2. С.51-57.

⁴⁰⁶ [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://international.loc.gov/intldl/mtfhtml/mfhome.html> (дата обращения: 25.12.2012)

Конгресса заключила договор с Государственной библиотекой Геттингенского университета о создании цифровых копий материалов из коллекции Г.Т. фон Аша. На сайте «Встреча на границах» также размещена часть материалов из библиотеки Г.В. Юдина.

Наряду с Библиотекой Конгресса значительными собраниями материалов, связанных с Россией, располагают Гуверовский институт войны, революции и мира (в системе Стэнфордского университета), библиотеки Гарвардского и Колумбийского университетов (Бахметевский архив), Музей русской культуры в Сан-Франциско. В большинстве случаев такие документальные собрания появлялись благодаря усилиям исследователей — выходцев их России.

В США наиболее известным и успешным собирателем русских материалов стал Ф.А. Голдер. В 1903 г. американский исследователь предпринял первую попытку получить средства на поездку в Россию для работы в архивах, но тогда его усилия не увенчались успехом. В 1912 г. Ф.А. Голдер обратился с просьбой о содействии к Дж.Ф. Джеймсону, редактору журнала «American Historical Review» и руководителю департамента исторических исследований в Институте Карнеги в Вашингтоне. Дж.Ф. Джеймсон поддержал инициативу Ф.А. Голдера, надеясь привлечь его к подготовке каталога материалов, хранившихся в российских архивах и имевших отношение к американской истории.

Получив от Дж.Ф. Джеймсона рекомендательные письма к видным российским историкам, А.С. Лаппо-Данилевскому и С.М. Горяинову (директору Архива МИД) Ф.А. Голдер приехал в Россию в феврале 1914 г. В течение нескольких месяцев он работал в архивах Гидрографического департамента, Академии наук, Военного министерства и др. ведомств. Плодотворной работе помешала начавшаяся война и финансовые трудности, и в ноябре 1914 г. Ф.А. Голдер был вынужден вернуться в США.⁴⁰⁷ Итогом его работы явилась публикация в 1917 г. «Указателя материалов по американской истории в русских архивах», содержавшего перечень документов по истории дипломатических отношений между Россией и США⁴⁰⁸.

В 1916 г. в связи с приближавшейся 50-летней годовщиной продажи Аляски Американское географическое общество обратилось к Ф.А. Голдеру с просьбой вновь

⁴⁰⁷ На обратном пути Ф. Голдер пересек всю Сибирь и Тихий океан. Позже он вспоминал, что прибыл в Сиэтл, имея в кармане лишь счет от врача и 50 центов, взятые в долг.

⁴⁰⁸ Golder F. A Guide to Materials for American History in Russian Archives. Washington, 1917.

совершить поездку в Петроград, чтобы найти в архивах и перевести на английский язык журнал Г.В. Стеллера, участника Второй Камчатской экспедиции. В феврале 1917 г. Ф.А. Голдер отбыл на пароходе из Сиэтла во Владивосток, а уже 4 марта (по новому стилю) прибыл в российскую столицу. Несмотря на бурные политические события, происходившие в Петрограде, историк не прерывал свои архивные изыскания. По его собственному признанию, об отречении Николая II он узнал, направляясь в библиотеку.⁴⁰⁹

По условиям контракта с Вашингтонским университетом в Пуллмане (Washington State College, Pullman) Ф.А. Голдер должен был вернуться в США к началу учебного года, и уже в августе он покинул Петроград. За считанные месяцы, проведенные в революционной России, американский исследователь все же успел собрать необходимый материал (лоцманские книги, официальные рапорты, журнал Г.В. Стеллера), впоследствии включенный в его двухтомный труд «Плавания Беринга...»⁴¹⁰. Кроме того, ему удалось вывезти в США коллекцию разнообразных материалов (книг, газет, листовок, прокламаций и т.п.), связанных с революционными событиями в России.

В 1920 г. историк отправился в трехлетнюю поездку по Восточной Европе и Ближнему Востоку с целью сбора книг и рукописей для фондов Библиотеки Гувера, куратором которой он являлся. В Советской России, при содействии А.В. Луначарского и М.Н. Покровского, ему удалось собрать, по разным оценкам, ок. 60 тыс. документов и 25 тыс. книг.⁴¹¹ Коллекция Ф.А. Голдера, хранящаяся в Гуверовском институте, включает в себя письма, дневники, копии архивных документов по истории России XIX – начала XX вв., в том числе источники по истории освоения Аляски и деятельности Российско-Американской компании⁴¹². Меньшая по объему коллекция документов, собранных Ф.А. Голдером, находится в другом книжном хранилище Стэнфордского университета — Библиотеке Сесила Х. Грина⁴¹³.

⁴⁰⁹ В то же время историк находил время и для расширения круга полезных знакомств. По просьбе американского посла Ф.А. Голдер сопровождал Президентскую комиссию железнодорожных инженеров, направлявшихся из Сибири в Петроград, а затем совершивших поездку по городам Европейской России. Во время одной из поездок Ф.А. Голдер познакомился с П.Н. Милюковым, который еще летом 1914 г. переправил в Финляндию свою богатую коллекцию русских книг. Американский историк заручился согласием П.Н. Милюкова об отправке книг в США (сейчас они хранятся в Калифорнийском университете).

⁴¹⁰ Golder F. Bering's Voyages: An Account of the Efforts of the Russians to Determine the Relations of Asia and Asia. New York, 1922-1925. 2 Vols. См. также: URL: <http://archive.org/details/beringsvoyagesac02gold> (дата обращения: 25.07.2022).

⁴¹¹ В частности, среди приобретений Ф. Голдера оказались дневники петроградского архивиста Г.А. Князева и московского историка Ю.В. Готье.

⁴¹² URL: <http://www.oac.cdlib.org/findaid/ark:/13030/tf0w10010v/admin/> (дата обращения: 30.05.2022)

⁴¹³ <http://cdn.calisphere.org/data/13030/33/tf2t1n9933/files/tf2t1n9933.pdf>

В Библиотеке Гуверовского института также хранятся материалы по истории Сибири и Дальнего Востока, принадлежавшие А.Я. Гутману-Гану (1873 - после 1933).⁴¹⁴ Библиотека Йельского университета располагает коллекцией материалов, собранных В. Ладом-Моцарским и связанных с Россией и Русской Америкой⁴¹⁵ (часть его коллекции хранится в библиотеке Университета штата Аляска в Фэрбэнксе). Среди русских эмигрантов крупным коллекционером был А.С. Лукашкин (1902-1988), сын сотрудника КВЖД, создатель "Дальневосточного архивного фонда", насчитывающего 101 наименование дореволюционных периодических изданий. Фонд хранится в Музее русской культуры в Сан-Франциско, которым долгое время руководил А.С. Лукашкин; копии изданий в виде микрофильмов – в Беркли и Стэнфорде.

В Национальном архиве США (Вашингтон) находится архив г. Ново-Архангельска (1802-1867), переданный США по условиям договора о продаже Аляски.⁴¹⁶ В Государственном департаменте США также хранятся документы, связанные с историей продажи Аляски и деятельностью РАК⁴¹⁷ Часть материалов, находящихся в Вашингтоне, представляют собой копии документов из российских архивов, в том числе тех, что были переданы американской стороне в 1936 г. НКВД СССР. Материалы по истории Русской Америки, собранные Г.Г. Бэнкрофтом в процессе работы над «Историей Аляски», имеются в Бэнкрофтской библиотеке Калифорнийского университета в Беркли, как и коллекция материалов Р.Дж. Кернера, подаренная библиотеке в 1957 г. вдовой историка и включающая в себя микрофильмы, более тысячи книг и брошюр, а также несколько сотен экземпляров периодических изданий.

Источниками по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки располагают научные центры, расположенные в "тихоокеанских" штатах - Вашингтоне (в Центре

⁴¹⁴ Полански П. Библиотекосведение на побережье Тихого океана: собиратели русских материалов о Дальнем Востоке // Власть книги: библиотека, издательство, вуз. Науч.-информ. альманах. 2002. № 3. С.60-72; Polansky P. Pacific Rim Librarianship: Collectors of Russian Materials on the Far East // Indiana Slavic Studies 2006. Vol. 16. P.159-181.

⁴¹⁵ Валериан Ладом-Моцарский (1898-1971), - финансист, сын царского генерала, эмигрировал из России накануне революции, учился в Колумбийском университете.

⁴¹⁶ В 1971 г. Р. Фишер совместно со студентами Калифорнийского университета подготовил к печати перечень документов первых шести томов "входящей переписки (за 1802, 1817-1829 гг.). Первый том увидел свет в 1984 г. См.: Fisher R. Records of the Russian-American Company, 1802, 1817-1867. Wash., 1971. The Russian-American Company. Correspondence of the Governors. Communications sent, 1818. Kingston, 1984; Болховитинов Н.Н. Россия и США: архивные материалы и исторические исследования. М., 1984. С.6-48; Documenting Alaskan History: Guide to Federal Archives Relating to Alaska. 1982; Guide to Smithsonian Archives. 1978.

⁴¹⁷ Caswell J.E. Materials for the history of Arctic America // Pacific Historical Review. 1951. Vol. 20, No. 3. P. 219-226; Агранат Г.А. Новые американские работы о Русской Америке // Летопись Севера. М., 1957. Т.2. С.247-255; Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология. 1985. № 4. С.87-95.

Исследований Тихоокеанского Северо-Запада в Университете Западного Вашингтона (Беллингхем) - коллекция материалов по истории Аляски, переданная А.У. Шилзом), Орегоне (Орегонское историческое общество в Портленде), на Аляске (в Музеях Вениаминова и Баранова, Библиотеке штата Аляски и др.⁴¹⁸ Обширное собрание книг по истории Сибири имеется в библиотеке Гавайского Университета.⁴¹⁹ Начало коллекции положил К. Менерт, его дело продолжили библиограф Патрисия Полански и историк Джон Стефан, который приобретал книги во время своих многочисленных поездок в СССР, а впоследствии организовывал регулярный книжный обмен с советскими библиотеками. В начале XXI в., завершив преподавательскую деятельность, Дж. Стефан передал университетской библиотеке собственную коллекцию материалов по истории российского Дальнего Востока, Китая и Японии.

В Великобритании собрания «россики», включающие в себя источники по истории Сибири, можно обнаружить в Национальном архиве Соединенного Королевства (в 2003 г. под этим названием объединились Публичный архив и Комиссия по историческим рукописям)⁴²⁰ и Британском музее (Лондон)⁴²¹, библиотеках Оксфорда и Университета Глазго. В Школе славянских и восточноевропейских исследований хранится коллекция документальных источников по истории Сибири и Дальнего Востока, собранных Б. Пэрсом. Для специалистов, занимающихся арктической проблематикой, большой интерес представляют фонды Шеклтонской мемориальной библиотеки, действующей при Институте полярных исследований им. Р.Ф. Скотта в Кембриджском университете. Библиотека Байе Университета Мельбурна располагает крупнейшим в Австралии собранием материалов о России, принадлежащим К.М. Хотимскому (1915 - 1990), русскому эмигранту, уроженцу Томска. При участии К.М. Хотимского формировались коллекции «россики» в Библиотеке Фишера Сиднейского университета и Русском эмигрантском архиве Австралийского национального университета (г. Канберра).

⁴¹⁸ Подробнее о книжных и архивных коллекциях, имеющихся на Аляске см. электронный ресурс: <http://vilda.alaska.edu/> (дата доступа 30.05.2022).

⁴¹⁹ Среди исследователей, пользовавшихся материалами библиотеки, был американский политолог А.С. Уайтинг (1926-2018) выпускник Колумбийского университета, автор известной на Западе книги "Siberian development and East Asia: threat or promise?" (Stanford Un-ty Press, 1981).

⁴²⁰ Организованные в конце XVI в. на деньги торговой Московской компании плавания Х.Уиллоуби и Р.Ченслера, А.Пита и Ч.Джекмена в Северном Ледовитом океане – самостоятельная и очень важная страница европейской колонизации Северной Азии, неизменно привлекавшая внимание зарубежных исследователей. См.: The Encyclopedia Britannica. Chicago, 1946. Vol.2. P.291; Armstrong T. In Search of a Sea Route, 1553-1619 // Arctic. 1984. Vol.37. № 4. P. 429; Stewart J.M. Britain's Siberian Connection // Stewart J., Wood A. Siberia. Two Historical Perspectives. London, 1984. P.429-440.

⁴²¹ Болдырева Н.Д. Документальная «Россика» в архивах Англии // История СССР. 1960. № 5. С. 214 – 218.

Американский историк русского происхождения Дж.А. Ленсен после стажировки в СССР в начале 1960-х гг. привез коллекцию микрофильмов с редкими архивными документами. В 1981 г., уже после смерти Дж.А. Ленсена, собранные им разнообразные материалы по истории Азиатской России (кроме микрофильмов и ксерокопий коллекция включает в себя ок. 4000 томов печатных изданий) приобрел Центр славистики в Университете Хоккайдо (Саппоро). Вообще, западные авторы, изучавшие историю стран Азиатско-Тихоокеанского региона и владевшие восточными языками, широко использовали источники из архивов азиатских стран, в первую очередь – Китая и Японии. В числе указанных авторов – Т. Лин, Р. Квестид, Дж. Стефан, Дж. Ленсен, С. Пэйн, Э.-М. Столберг, С. Урбанский.

Изучение имеющихся на Западе документальных и книжных коллекций «россики»,⁴²² зарубежные сибиреведы стремились дополнить работой в российских (советских) архивах и библиотеках⁴²³. Такая возможность представилась в середине 1950-х гг., в условиях относительного улучшения отношений между Западом и СССР периода «оттепели». В числе немногих молодых специалистов, получивших разрешение на стажировку в столичных вузах, оказались и исследователи истории русского «продвижения на восток». Так, в ЛГУ стажировались Э. Доннели (в 1958-1959) и Дж. Ленсен (1961). В Москве в качестве сотрудников дипломатических ведомств работали Р. Квестид и Г. Хаттенбах. В последующие десятилетия СССР в научных целях посетили Р. Пирс, Дж. Гибсон, А. Вуд, Г. Баррэт, Дж. Стефан, С. Маркс и др. В частности, канадский историк Дж. Гибсон работал в Архиве Географического общества СССР, ЦГАДА (ныне - РГАДА), ЦГИА (РГИА). Его соотечественник Г. Баррэт получил доступ к фондам ЦГИА ЭССР (Тарту) и архива Эстонского Государственного Исторического Музея (Таллинн). Британский историк А. Вуд, побывавший в СССР в 1978 г., изучал материалы архивов г. Иркутска. В 1980-х гг. С. Маркс работал с фондами ЦГАОР (ныне ГАРФ).

В результате договоренности между Министерством высшего образования СССР, Академией наук СССР и Немецким исследовательским обществом (г. Бад-Годесберг) в

⁴²² Старостин Е.В. История России в зарубежных архивах. М., 1994; *The Russian Empire and Soviet Union: a guide to manuscripts and archival materials in the United States*. Boston, 1981; *The Library of the Hoover Institution on War, Revolution, and Peace*. Stanford, 1985.; *Guide to the Collections in the Hoover Institute Archives Relating to Imperial Russia, the Russian Revolution and Civil War, and First Emigration*. Comp. by Leadenham. Stanford, 1986.

⁴²³ Примечательно, что некоторые западные исследователи высказывали сомнения в плодотворности архивных изысканий в СССР. Так. По словам Дж. Харрисона: «Архивная работа в Советском Союзе не всегда плодотворна, хотя бы по той причине, что многие архивы со временем были уничтожены. В ряде случаев архивы, особенно провинциальные, закрыты для использования. См.: Harrison J. *The Founding of the Russian Empire in Asia and America*. Coral Gables, 1971. P. 128.

1958 г. западногерманским историкам также была предоставлена возможность посещать СССР, однако воспользовались этой возможностью немногие. Большинство исследователей работали с фондами немецких архивных и книжных хранилищ, например, Баварской государственной библиотеки в Геттингене или библиотеки Института восточно-европейской истории при Свободном университете в Западном Берлине⁴²⁴.

Завершение холодной войны и активизация международных научных контактов в конце 1980-х – 1990-х гг. сделали российские архивы более доступными. Наибольший интерес западные историки-сибиреведы проявляют к документальным источникам, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (далее - ГАРФ) и Российском государственном историческом архиве (далее - РГИА). В частности, материалы из фондов ГАРФ и РГИА широко использовали Э. Гентес, С. Бэджок, Д. Бир, К. Тертон, Э.-М. Столберг, М. Меланкон, М. Сокольский, Э. Фризен, Ф.Б. Шенк, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, К. Тертон, Э. Шредер, К. Вайсс.

Зарубежные исследователи также привлекают материалы из других государственных архивов федерального уровня, в числе которых – Российский государственный архив социально-политической истории (С. Бэджок, К. Тертон, Э.-М. Столберг), Российский государственный военно-исторический архив (Д. Бир, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, Э.-М. Столберг, С. Пэйн), Российский государственный архив Дальнего Востока (Э. Гентес, Э.-М. Столберг, М. Сокольский)). Документальные источники, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (ведомственном архиве МИД РФ), изучали Д. Схиммельпенник ван дер Ойе и С. Пэйн; материалы из Научного архива Русского географического общества использовала К. Вайсс; с фондами Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук работал Д. Бир.

Активно привлекаются материалы из фондов региональных архивов: Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (Э. Гентес), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (Д. Бир, Ст. Штух, Ф.Б. Шенк), Государственного архива в г. Тобольске (Д. Бир), Исторического архива Омской области (Э. Фризен, Д. Рэйнбоу), Государственного архива Томской области (Ст. Штух), Государственного архива Иркутской области (Д. Рэйнбоу, Э. Гентес, Д. Бир, К. Вайсс), Государственного архива Читинской области (с 2008 - Забайкальского

⁴²⁴ Geyer D. Die Geschichte Russlands in der historischen Forschung der BRD und Westberlins // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1976. Jg. 27. H. 5. S. 276-277.

края) (Э.-М. Столберг), Государственного архива Приморского края (Э. Гентес). Западные специалисты-сибиреведы также работают в фондах столичных и региональных библиотек и музеев: Российской государственной библиотеки и Российской национальной библиотеки (напр., Ф.Б. Шенк, М. Бассин, Э. Фризен). Ф.Б. Шенк также использовал материалы из фондов Библиотеки Российской академии наук и Библиотеки Петербургского государственного университета путей сообщения, а Э. Фризен – материалы Омского государственного историко-краеведческого музея и др.

Документальные источники, которые изучались западными историками-сибиреведами, включают в себя, в первую очередь, разнообразные делопроизводственные материалы центральных (напр., Переселенческого и Главного Тюремного управлений; Азиатского департамента и Департамента духовных дел иностранных исповеданий МИД; канцелярии Святейшего Синода и канцелярии обер-прокурора Синода; Министерства путей сообщения, Комитета Сибирской железной дороги и Комиссии для исследования на месте дела сооружения Сибирской железной дороги и др.) и местных учреждений (в том числе – ежегодные отчеты сибирских губернаторов, документальные источники из фондов генерал-губернаторов Восточной Сибири и Приамурья, военных губернаторов Приморской области, органов военного управления, документы крестьянских и инородческих начальников и пр.).

В западной историографии (особенно в новейших исследованиях с их повышенным вниманием к «субъекту истории» и «антропологической проблематике») все большее значение придается анализу нарративов, прежде всего, эго-текстов. В числе повествовательных источников, вызывающих интерес западных сибиреведов: записки путешественников (Т.У. Аткинсона, А.Н. Миддендорфа, П.М. Коллинза), дневники (напр., архимандрита Палладия), эпистолярные источники (напр., письма М.А. Бакунина или Э.А. фон Стёкля); мемуаристика и автобиографии (напр., воспоминания современников и непосредственных участников «амурской эпопеи» середины XIX в. (Н.П. Игнатьева, Г.И. Невельского, А.Е. Баранова, Б.В. Струве, М.И. Венюкова, И.В. Ефимова и др.) или записки ссыльных революционеров (З.П. Невзоровой, Е.Д. Стасовой и др.)).

Большое место в ряду использованных источников занимает журнальная и газетная периодика, как дореволюционная («Журнал министерства народного просвещения», «Тюремный вестник», «Морской сборник», «Сельский вестник», «Миссионерское обозрение», «Русская старина», «Русские вестник», «Восточное обозрение»), так и

советская (напр., «Красный архив», «Каторга и ссылка»). Особое значение специалисты-сибиреведы придают региональной прессе, в частности, таким изданиям как «Алтай», «Алтайское дело», «Амур», «Вестник Западной Сибири», «Енисейская мысль», «Жизнь Алтая», «Забайкальская новь», «Иркутские губернские ведомости», «Омские епархиальные ведомости», «Омский вестник», «Сибирская жизнь», «Сибирь», «Тобольские епархиальные ведомости» и др.

В своих исследованиях западные сибиреведы широко привлекают материалы, опубликованные в многотомных документальных и периодических изданиях XIX - начала XX вв.: «Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.» (Собрание 2-е в 55 тт. СПб, 1830-1885 гг.; Собрание 3-е в 33 тт. СПб, 1885-1916 гг.), сборники Императорского Русского исторического общества; «Вестник» и «Записки Императорского Русского географического общества», «Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете», «Журналы Комитета министров» и др.

Многие источники по истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки были переведены и изданы на английском и немецком языках, что делало их доступными для самой широкой читательской аудитории. В этой связи необходимо отметить заслуги таких исследователей как Р. Пирс, Р. Фишер, Т. Армстронг, Т. Воон и Э. Краунхарт-Воон, Б. Дмитришин, П. Полански, Д. Коллинз и др.

В ряде изданий содержатся источники по истории Сибири XIX – начала XX вв. Так, в 2000 г. увидела свет серия репринтов "Сибирские открытия", подготовленная к печати британским историком Д.Н. Коллинзом⁴²⁵. В рамках серии Д. Коллинз переиздал на английском языке источники повествовательного характера: записки и воспоминания ученых и инженеров (С. Бергман, Ч.Г. Хоуз, А. Нобл), путешественников (Ф. Нансен), предпринимателей (М. Прайс, С. Тернер), журналистов (И. Стадлинг, Р.Л. Райт, Б. Дигби), политических и общественных деятелей (И.В. Шкловский, В.М. Зензинов), в разное время побывавших в Сибири⁴²⁶. С 1972 г. в издательстве Р. Пирса в г. Кингстон (Канада) публиковались труды по истории Аляски и северной части Тихоокеанского региона, в том числе записки Г.И. Давыдова, Е.Е. Врангеля, Я. Е.Нецветова, атлас М.Д. Тебенькова в 30-томном издании "Alaska History Series"⁴²⁷. Совместно с Э. Доннели Р. Пирс опубликовал

⁴²⁵ Collins D.N. *Siberia and the Soviet Far East*. Oxford – Santa Barbara – Denver, 1991.

⁴²⁶ Collins, D. (ed.). *Siberian Discovery*. 12 vols. Curzon Press, Richmond, 2000.

⁴²⁷ Davydov G. *Two Voyages to Russian America, 1802-1807*. Kingston, 1977; Wrangell F.P. *Russian America: Statistical and Ethnographic Information*. Kingston, 1980; *The Journals of Iakov Netsvetov: The Atkha Years, 1821-1844*.

«Историческое обозрение образования Российско-американской компании»
П.А. Тихменева⁴²⁸.

В 1970-1980-х гг. сотрудники Центра исследований Северо-Тихоокеанского региона (г. Портленд (США)) Т. Воон и Э. Краунхарт-Воон перевели на английский язык и опубликовали труды К.Т. Хлебникова, П.Н. Головина и др.⁴²⁹ Во второй половине 1980-х гг. супруги Воон издали сборник документов «В Сибирь и Русскую Америку», подготовленный к печати в сотрудничестве с Б. Дмитришиным⁴³⁰. Трехтомное документальное издание снабжено иллюстрациями, картами, примечаниями, указателями. Каждый том предваряет вступительная статья, посвященная соответствующему периоду в истории Сибири, а также предисловие с изложением принципов издания, разъяснением терминов, устаревших слов и т. п. В сборник включены некоторые редкие, ранее не публиковавшиеся документы из коллекции Г.В. Юдина, фондов Национального архива США, рукописного отдела Библиотеки Конгресса в Вашингтоне и Бэнкрофтской библиотеки в Беркли. Сборник вызвал положительные отклики не только западных, но и отечественных специалистов, по мнению которых, опубликованные в нем источники дают в целом объективную картину колонизации русскими Сибири и северо-западной части Американского континента.⁴³¹

Западные историки используют богатый фактический материал, содержащийся не только в документальных изданиях, но и в работах отечественных исследователей, прежде всего дореволюционных. Наиболее часто в зарубежной историографии цитируются труды представителей сибирского «областничества», идейно близких к ним современников, а также биографов (Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова, П.А. Словцова, А.П. Щапова, В.И. Вагина, А.Н. Пыпина, Н.А. Абрамова, Н.А. Аристова, И.А. Якушева,

Kingston, 1980; Shelikhov G. A Voyage to America, 1783-1786. Kingston, 1981; Tebenkov M. Atlas of the North-West Coasts of America. Kingston, 1981.

⁴²⁸ Berkh V. A Chronological History of the Discovery of the Aleutian Islands or the Exploits of the Russian Merchants. D. Krenov. Kingston, 1974; Tikhmenev P.A. A History of the Russian-American Company. Seattle, 1978.

⁴²⁹ Explorations of Kamchatka: North Scimitar. By Stepan P. Krashennnikov. Portland, 1972; Colonial Russian America: Kyryll T. Khlebnikov's Reports, 1817-1832. Portland, 1976; The End of Russian America: Captain P. Golovin's Last Report, 1862. Portland, 1979; Golovnin P. Civil and Savage Encounters: The Worldly Travel Letters of an Imperial Russian Navy Officer, 1860-61. Portland, 1983; The Wreck of the Sv. Nikolai: Two Narratives of the First Russian Expedition to the Oregon Country, 1808-1810. Portland, 1985; Soft Gold: The Fur Trade and Cultural Exchange on the Northwest Coast of America. Portland, 1985.

⁴³⁰ To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion, 1558-1867. 3 vols. Portland, 1985-1988.

⁴³¹ Болховитинов Н.Н. Рец. на кн.: To Siberia and Russian America. Three Centuries of Russian Expansion. Vol. I-II. Ed. by Basil Dmytryshyn, EAP. Crownhart-Vaughan and Thomas Vaughan. Oregon Historical Society. Portland. 1985-1989.) // ВИ. 1991. № 1. С.254.

Н.Н. Козьмина, М.К. Лемке, В.А. Обручева, И.И. Попова и др.). В публикациях по истории экономического развития дореволюционной Сибири анализируются данные из работ ученых-экономистов А.А. Кауфмана, П.П. Маслова, Н.П. Огановского, А.И. Чупрова; известного труда по истории Транссиба, изданного в 1903 г. С.В. Саблером и С.В. Сосновским.⁴³² Зарубежные исследования по истории сибирской каторги и ссылки во многом опираются на труды С.В. Максимова, Е.Н. Анучина, А.П. Саломона, Н.М. Ядринцева, Г.С. Фельдштейна, И.Я. Фойницкого, В.И. Семевского, Д.А. Дриля. В работах по истории Дальневосточного региона приводятся сведения из сочинений А.С. Сгибнева⁴³³, Н.В. Буссе, М.С. Мицуля, А.П. Кеппена, Я.Н. Бутковского, А.А. Панова, Н.Я. Новомбергского, И.П. Барсукова, А.К. Корсака, П.В. Шумахера и др. В работах англо- и германоязычных авторов, посвященных истории взаимоотношений пришлого и коренного населения Сибири и Дальнего Востока, активно использовался этнографический материал, собранный В.Г. Богоразом, Б.Э. Петри, С.К. Паткановым.

Из числа советских историков-сибиреведов одним из наиболее авторитетных для западных исследователей остается С.В. Бахрушин⁴³⁴, в разное время подвергавшийся в отечественной историографии критике за лестные отзывы о Г.Ф. Миллере; преувеличение роли купцов и «промышленников» в освоении Сибири; недооценку правительственной и крестьянской колонизации и той пользы, которую принесли русские переселенцы сибирским «инородцам». В свою очередь, западные историки разделяли многие выводы С.В. Бахрушина, о чем свидетельствуют частые ссылки на его работы.

Об интересе западных историков к работам источниковедческого характера свидетельствует активное изучение за рубежом научного наследия другого советского историка-сибироведа – А.И. Андреева, подготовившего совместно с С.В. Бахрушиным публикацию «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, а позднее издавшего серию работ по источниковедению Сибири и сборник документов «Русские открытия в Тихом океане - Северной Америке в XVIII в.» (М., 1944 г.). В 1952 г. данный сборник был переведен и издан на английском языке.⁴³⁵ К числу наиболее часто цитируемых зарубежными

⁴³² Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб., 1903.

⁴³³ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн.1-2. СПб., 1839-1844; Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 4. С.65-93; № 6. С.36-69.

⁴³⁴ Пожалуй, наибольшей популярностью пользуется монография С.В. Бахрушина «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» (М., 1927).

⁴³⁵ Andreev A. Russian Discoveries in the Pacific and in North America in the XVIIIth and XIXth centuries. Ann Arbor, 1952; Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1580–1700: A Historiographical Review // *Siberica. A Journal of the North Pacific Studies Center*. 1980. Vol. 25. P. 28.

авторами советских историков относится и В.И. Шунков, концепция которого о ключевой роли крестьянства в колонизации Сибири вполне соответствовала не только официальной точке зрения советской науки, но и выводам некоторых западных исследователей, например, представителям Калифорнийской школы. В зарубежной историографии высокую оценку получила 5-томная «Историю Сибири» под редакцией А.П. Окладникова.

В работах по истории Сибири XIX – начала XXI вв. цитируются работы многих советских и современных российских исследователей: А.М. Адаменко, А.И. Алексеева, Н.Н. Болховитинова, П.Д. Быкова, Л.И. Галлямовой, Л.М. Горюшкина, Ю.М. Гончарова, М.В. Гридяевой, М.М. Громыко, Л.М. Дамешека, Н.М. Дружинина, В.А. Дьякова, В.А. Есиповой, В.П. Зиновьева, А.А. Иванова, М.И. Ищенко, В.А. Ламина, Л.П. Роцевской, А.Н. Рыжкова, А.Ю. Конева, П.Л. Казаряна, П.И. Кабанова, Н.П. Матхановой, А.И. Костанова, К.К. Кораблина, В.А. Липинской, М.Ш. Мавлютовой, А.Д. Марголиса, Н.А. Миненко, Н.П. Митиной, А.Л. Нарочницкого, Т.Н. Оглезневой, С.Б. Окуня, И.М. Разгона, Б.А. Романова, А.В. Ремнева, Н.И. Рябова, О.И. Сергеева, М.Р. Сигалова, М.Г. Сесюниной, П.Е. Скачкова, В.А. Скубневского, М.И. Сладковского, Н.Г. Суворовой, Н.Ф. Федорова, А.А. Хисамутдинова, М.К. Чуркина, В.П. Шахерова, М.В. Шиловского, М.Г. Штейна и др.

Отдавая должное достижениям отечественной историографии, западные авторы все же уделяют преимущественное внимание работам своих соотечественников. К числу наиболее цитируемых западных исследователей относятся Э.Г. Равенштейн, Дж. Кеннан, Ф.А. Голдер, Дж. Баддели, представители Калифорнийской школы – Р.Дж. Кернер, Дж. Ланцев, Р. Фишер, А. Малоземов, Дж. Харрисон. Современные сибиреведы часто ссылаются на работы Т. Армстронга, М. Бассина, Л. Блэк, Н.Б. Брейфогла, С. Бэдкок, П. Верта, А. Вуда, П. Гатрелла, Э. Гентеса, Дж. Гибсона, Д. Дальмана, Р.Джераси, Б. Дмитришина, А. Каппелера, Р. Квестид, Д. Коллинза, Н. Колман Дж. Ленсена, С. Маркса, Д. Муна, Р. Норта, М. Раева, В. Сандерленда, Л.Х. Сигелбаума, Ю. Слезкина, Ч.Стейнведела, Дж. Стефана, Э.-М. Столберг, Д. Схиммельпеннинка ван дер Ойе, Х. Таппера, Д. Тредголда, Дж. Форсайта, М. Ходарковского, Э. Шредер.

Ценность работ указанных авторов определялась хорошим знанием первоисточников. В свою очередь, дальнейшее расширение истониковой базы позволило следующим поколениям исследователей уточнить выводы предшественников и пересмотреть предложенные ими концепции. Так, более внимательное изучение документальных

источников позволило Р.Дж. Кернеру опровергнуть некоторые выводы Ф.А. Голдера, тогда как концепцию самого Р. Дж. Кернера отчасти пересмотрели Дж. Ланцев, Р. Пирс и Р. Фишер. В то же время Дж. Гибсон на основе изучения соответствующих источников обосновал ряд предположений Р.Дж. Кернера о причинах колонизации русскими Дальнего Востока и Северной Америки. В целом перед западными историками по-прежнему стоят задачи расширения круга доступных источников, более активной работы в российских архивах и изучения достижений отечественного сибиреведения.

1.3. Основные теоретико-методологические подходы в исследованиях англо- и немецкоязычных историков-сибиреведов

Направление западной историографии, связанное с изучением сибирской истории, начало складываться во второй половине XIX – начале XX в., в условиях ускоренного организационного развития и существенного повышения социального статуса исторической науки. В трудах историков той эпохи вера в прогресс соединялась с культом науки, а главным критерием профессиональных исторических исследований провозглашался критический анализ первоисточников и следование установленным исследовательским процедурам. Формирование «модели профессиональной науки» принято связывать, прежде всего, с немецкой исторической школой Л. Ранке, его требованием объективности и призывом показывать прошлое, «каким оно было». ⁴³⁶

Другой особенностью указанного исторического периода следует признать все более заметную зависимость европейской историографии от общественно-политического контекста, ее тесную связь с набиравшим силу национализмом. ⁴³⁷ Сочетая «националистическую направленность» (что выражалось в распространенном представлении о нации как основном субъекте истории) с унаследованной от эпохи Просвещения идеей прогрессивного развития истории, историография XIX века представляла главными носителями прогресса западные нации, которые, в силу своего

⁴³⁶ Впрочем, по справедливому замечанию Г. Иггера, данное требование, основывавшееся «на в высшей степени метафизических допущениях немецкой идеалистической философии», истолковывалось соотечественниками Л. Ранке как желание понять, что случилось «по существу», тогда как во французской и англо-американской историографии Л. Ранке (в 1885 г. провозглашенного Американской исторической ассоциацией «отцом исторической науки») рассматривался почти как позитивист, но не потому, что он искал обобщений, подобно О. Конту и Г. Боклю, а потому, что ограничивал свое исследование объективной реконструкцией событий. См.: Iggers G.G. The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century // *Syracuse Scholar* (1979-1991). 1988. Vol. 9. Issue 1. Article 7. P.43-49.

⁴³⁷ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.92.

превосходства над остальным миром, должны были нести цивилизацию другим народам, в том числе силой оружия.

Отождествляя «нацию» с «государством», Л. Ранке (вслед за Гегелем) рассматривал последнее как воплощение «исторического разума», полагая, что мировая история не являлась хаосом; что в ней существуют «действительно животворящие, творческие моральные силы, которые открываются нам, как только мы погружаемся в источники». Государство провозглашалось главной моральной силой, скрепляющей общество и подчиняющей себе устремления и нужды индивидов. Соответственно, в «национальных историях», созданных в соответствии с ранкеанской парадигмой, основное внимание уделялось государственным деятелям, политической элите, событиям военно-дипломатической истории, которые изучались с опорой преимущественно на официальные письменные источники.⁴³⁸

Во многом в русле такого подхода были написаны первые англо- и немецкоязычные исследования по истории территориальной экспансии России на Дальнем Востоке (Э.Г. Равенштейн, А. Краузе, К. фон Цепелин и др.)⁴³⁹ и Северной Америке (Г. Бэнкрофт)⁴⁴⁰, явившиеся, по сути, окликом на активные действия России в Азиатско-Тихоокеанском регионе во второй половине XIX в. – начале XX в. Анализируя содержание законодательных актов и международных договоров, указанные авторы, как правило, давали общую оценку целей и результатов правительственной политики за Уралом.

На рубеже XIX – XX в. на Западе все чаще раздавались призывы к пересмотру традиционных подходов к написанию истории. По наблюдениям Г. Иггерса, за пределами Германии преобладающие тенденции в развитии историографии были, возможно, лучше всего выражены в выступлениях участников Конгресса искусств и наук, проходившего в сентябре 1904 г. в связи со Всемирной выставкой в Сент-Луисе.⁴⁴¹ Научный форум был

⁴³⁸ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.98-180.

⁴³⁹ Ravenstein E. Russians on the Amur: its Discovery, Conquer and Colonization. London, 1861; Atkinson T. W. Travels in the regions of the upper and lower Amoor and the Russian acquisitions on the confines of India and China. London, 1860; Curzon G. N. Problems of the Far East. Japan – Korea - China. New York, London, 1894; Krausse A. The Far East. Its History and Its Question. London, 1899; Krausse A. Russia in Asia. A Record and a Study. 1558-1899. London, 1900; Zepelin C., von. Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege // Russland in Asien Bd. VIII, IX, XI. Berlin, 1907–1911.

⁴⁴⁰ Bancroft H. H. History of Alaska. 1730-1885. Darien, 1970; Golder F.A. Russian expansion on the Pacific, 1641-1850. Cleveland, 1914.

⁴⁴¹ Iggers G.G. The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century // Syracuse Scholar (1979-1991). 1988. Vol. 9. Issue 1. Article 7. P.43-49.

созван с целью определения статуса наук, в том числе исторической науки, в начале нового столетия. Участники Конгресса (в их числе – В. Вильсон, Ф.Дж. Тернер, Дж. Х. Робинсон, К. Лапрехт, У.М. Слоан, Дж. Бьюри и др.) сошлись во мнении, что в исторических исследованиях «изучение частных случаев» должно быть дополнено «широким синтезом»; нарратив – анализом; изложение событий – их интерпретацией; политическая история – социальной. На смену истории элит должна прийти «демократическая история»; необходимо изучать не только действия «героев», но деятельность всего народа, во всем ее многообразии, с учетом всех возможных аспектов.⁴⁴² В частности, Ф. Дж. Тернер указывал на необходимость написания «истории американского общества, живущего в условиях необжитых пространств», т.е. принимать во внимание роль географического фактора.

Вместе с тем, призыв учитывать многообразие внешних факторов, не означал, по замечанию Г. Иггера, разрыва с традиционными методами критики или нарративом. Выступая за более тесное «сотрудничество» истории с социальными науками, Ф. Дж. Тернер и Дж. Х. Робинсон считали необходимым также сохранить «традиционный союз истории и литературы». Дж. Х. Робинсон подчеркивал, что «история никогда не может стать наукой в том смысле, в каком ею является физика, химия, физиология или даже антропология». В целом концепция истории как науки, пытающейся сформулировать общие законы в позитивистском смысле, была отвергнута.⁴⁴³

Указанные тенденции в развитии западной историографии повлияли на содержание концепции «русской восточной экспансии», оформившейся в первой половине XIX в. в работах калифорнийских историков, основателей американского сибиреведения – Ф.А. Голдера и Р.Дж. Кернера, а также их последователей. Рассматривая государство как «главное действующее лицо», а территориальную экспансию – как основное содержание его истории, авторы концепции анализировали географические, экономические, социальные, политические, культурные аспекты данного процесса. Главное различие подходов, предложенных Ф.А.Голдером и Р.Дж.Кернером, заключалось в той роли,

⁴⁴² Противоположенной точки зрения придерживались британские историки, сторонники так называемой «виговской интерпретации истории», испытавшей влияние идей позитивизма. Для историков-«вигов» (к числу которых относят и «пионера» британского руссиеведения Б.Пэкса) идеи и действия «героев» служили катализатором прогресса, проявлявшегося в неизбежной победе «свободы и демократии» во всем мире. См.: Рукавишников А.В. Британская историография средневековой России первой половины XX в. (Методологические подходы). [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/Iomweb01/rukav.htm> (дата обращения: 15.11.22)

⁴⁴³ Iggers G.G. The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century // Syracuse Scholar (1979-1991). 1988. Vol. 9. Issue 1. Article 7. P. 48.

которую они отводили политическим факторам – правительственной политике, планам имперской экспансии, роли центральных и местных властей в колонизации Сибири, Дальнего Востока и Северотихоокеанского региона. Р.Дж. Кернер, стремившийся объяснить прочность позиций России в Северной Азии, основное внимание уделял социально-экономическим и географическим факторам, способствовавшим процессу колонизации. Признавая злоупотребления местных властей, историк все же расценивал правительственную политику в отношении колоний как вполне разумную и эффективную, а прочность позиций России в Северной Азии объяснял, прежде всего, влиянием экономических и географических факторов, способствовавших процессу колонизации.

С точки зрения Ф.А. Голдера, торговые интересы России за Уралом всегда подкреплялись силой оружия, местная администрация действовала практически бесконтрольно, и, в целом, процесс колонизации имел для коренного и пришлого населения Сибири гораздо больше негативных последствий, чем позитивных. Необходимо также учитывать, что на рубеже XIX – XX вв., когда были опубликованы работы Г. Бэнкрофта и Ф.А.Голдера, специальное изучение вопросов сибирской истории на Западе только началось, а тема «русской экспансии» имела явное политическое звучание, поскольку интересы России на востоке входили в противоречие с устремлениями других колониальных держав, присутствовавших в Тихоокеанском регионе.

В первые десятилетия XX в.. история Сибири и Дальнего Востока оказалась в центре внимания западных исследователей благодаря именно Ф.А. Голдеру, впервые предложившему целостный взгляд на процесс «русской восточной экспансии»⁴⁴⁴. В отличие от А.С. Краузе, вполне искренно восторжавшегося успехами русских на пути создания «колониальной империи», Ф.А. Голдер, наблюдавший резкие изменения в мире и в самой России в первые десятилетия XX в., был достаточно осторожен в оценках результатов «колониального строительства» в северной части Тихоокеанского региона.

⁴⁴⁴ В предисловии к своей работе автор заявлял, что не намерен уделять слишком большого внимания отдельным персоналиям – участникам историческим событиям, поскольку они были лишь частицами общего процесса, подчинившего себе этих отчаянных, смелых, но, в сущности, обыкновенных людей, в действиях которых, по мнению историка, не было ничего героического. Вместе с тем, монография Ф.А. Голдера почти полностью посвящена описанию деятельности конкретных землепроходцев и мореплавателей, достижения которых автор далеко не всегда был готов признать. См.: Golder F. Russian Expansion on the Pacific, 1641-1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, 1914. P.14.

При этом он не предлагал какой-либо стройной концепции и не подкреплял свои спорные и разрозненные умозаключения основательной разработкой источников.

По верному замечанию современного исследователя С. Хэйкокса, в течение многих десятилетий западные историки были вынуждены опираться лишь на работы своих соотечественников, выразивших преимущественно негативное отношение к действиям русских на Дальнем Востоке, Тихом океане и в Русской Америке – предприятию, якобы с самого начала обреченному на провал⁴⁴⁵. Начало данной историографической традиции положили историк Аляски Г. Бэнкрофт⁴⁴⁶ и его последователь в XX в. – Ф.А. Голдер.

В годы «холодной войны» западные историки часто писали об агрессивном, военном характере колонизации Сибири и Дальнего Востока, сходстве методов русских и западноевропейских колонизаторов. Идеи Ф.А. Голдера об имперских целях «русской восточной экспансии» получили развитие в работах Дж.Ланцева⁴⁴⁷, А.Сокола⁴⁴⁸, Э.Хельцле⁴⁴⁹. По мнению В. Конноли, Россия была активным проводником интересов «колониального империализма», хотя отсутствие естественных барьеров между метрополией и колониями значительно облегчало их экономическую интеграцию и ускорило процесс колонизации⁴⁵⁰. В. Коларц и Л. Тилетт считали представления о «мирном вхождении» Сибири в состав России историографическим мифом, созданным советскими историками. По мнению В. Коларца, российский колониализм был даже более агрессивным, чем колониальная политика других стран⁴⁵¹.

В монографии Дж. Ленсена «Русский натиск на Японию: русско-японские отношения в 1697-1875 гг.» одна из глав посвящена общей характеристике «русской восточной

⁴⁴⁵ Haycox S. Russian America: Studies in the English Language//Pacific Historical Review. Berkeley, 1990. Vol. 59. № 2. P. 233.

⁴⁴⁶ Bancroft H. History of Alaska. San Francisco, 1886.

⁴⁴⁷ Lantzeff G. V. Russian Expansion Eastward Before the Mongol Invasion // The American Slavic and East European Review. 1947. Vol. 6. № 18,19. P. 1-10.

⁴⁴⁸ Sokol A. Russian Expansion and Exploration in the Pacific//The American Slavic and East European Review. 1952 № 2. P.85-105.

⁴⁴⁹ Hölzle E. Das Land der Freiheit. Zur Geschichte der Russischen Freiheitsidee // Saeculum. 1954. Jg. 5. H. 4. S.429-439; Преображенский А. А. Сибирь в кривом зеркале господина Э.Хельцле // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962. С.293-301.

⁴⁵⁰ Корчагин Ю.В. Политика российского самодержавия и традиционные общества народов севера в зарубежной историографии // Докл. Межвуз. научн.-теор. конф. Ч. II. Петропавловск-Камчатский, 1995. С. 3 – 25; Connolly V. Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia. London, 1967. P. 8; Connolly V. Siberia today and tomorrow. A study of economic resources. Problems and achievements. New York, 1975. P. 31.

⁴⁵¹ Kolarz W. Russia and her colonies. London, 1953. P.V, 1; Tillet L. The great friendship. Soviet historians on the non-Russian nationalities. Chapel Hill, 1969. P.3-4, 7-8, 15-16; Корчагин Ю.В. Политика российского самодержавия и традиционные общества народов севера в зарубежной историографии // Докл. Межвуз. научн.-теор. конф. Ч. II. Петропавловск-Камчатский, 1995. С. 5.

экспансии»⁴⁵². Указав на различные факторы процесса, Дж. Ленсен пришел к выводу, что именно погоня за пушниной привела не только к «освоению, покорению и колонизации региона», но и к подчинению коренного населения и созданию жестокой и коррумпированной системы управления. Откровенно негативистский подход автор подкреплял цитатами из монографии Ф.А. Голдера.

В 1967 г. в Стэнфорде прошла конференция по истории Азиатской России, сборник материалов которой под редакцией профессора У. Вучинича⁴⁵³ увидел свет под названием «Россия и Азия: Очерки влияния России на азиатские народы»⁴⁵⁴. Авторы статей, включенных в сборник, описывали освоение русскими Сибири и Дальнего Востока исключительно в терминах империализма и колониализма. Проблеме «русского империализма» посвятили свои работы составители сборника «Русский империализм от Ивана Великого до революции» (под редакцией Т. Гунчака)⁴⁵⁵. В частности, западногерманский историк Э. Саркисьянц⁴⁵⁶ в статье «Осмысление русского империализма» утверждал, что в отличие от европейской колонизации русская экспансия на восток не была спонтанным процессом, ей предшествовала многовековая история поглощения русскими евразийских племен лесных охотников и степных кочевников⁴⁵⁷. Рассматривая сибирскую колонизацию как процесс подчинения пришлым русским населением коренных народностей Сибири, Э. Саркисьянц пришел к выводу, что Российская империя руководствовалась (и продолжает руководствоваться), в первую очередь, идеологическими, а не биологическими критериями идентичности. Американский историк Г. Хаттенбах (Университет Нью-Йорка) увязывал освоение Сибири с решением внешнеполитических задач Российского государства⁴⁵⁸.

В 1976 г. в Лондоне открылся Институт проблем мусульманских меньшинств, сотрудники которого занимаются сбором информации об условиях жизни мусульман в

⁴⁵² Lensen G. The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1697-1875. Princeton, 1959.

⁴⁵³ Ученик Р.Дж. Кернера, У. Вучинич в годы Второй мировой войны и некоторое время после ее завершения сотрудничал с рядом внешнеполитических ведомств США в качестве консультанта по ситуации в Восточной Европе.

⁴⁵⁴ Russia and Asia: Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples. Ed. by W.S. Vicinich. Stanford, 1972.

⁴⁵⁵ Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. Ed. by T. Hunszak. New Brunswick, New Jersey, 1974.

⁴⁵⁶ Э. Саркисьянц (р. 1923), почетный профессор Гейдельбергского университета, в 1950-х гг. – сотрудник Внешнеполитической ассоциации ФРГ.

⁴⁵⁷ Sarkisyantz E. Russian Imperialism Reconsidered // Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, New Jersey, 1974. P. 67-68.

⁴⁵⁸ Huttenbach H. The Origins of Russian Imperialism // Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, New Jersey, 1974. P. 18. Так, проникновение русских в Приамурье в XVII в. Г. Хаттенбах напрямую увязывал с прекращением войны с Польшей.

различных странах мира. Объединение усилий института и Американской ассоциации изучения народов Советского Союза и Восточной Европы привело к изданию в 1988 г. в Нью-Йорке сборника статей «Русская колониальная экспансия до 1917 г.»⁴⁵⁹. Один из авторов проекта – директор Института проблем мусульманских меньшинств С. Абедин признавал, что отнюдь не всегда русские колонизаторы сталкивались на своем пути с народами, исповедующими ислам, однако русская экспансия до последнего времени осуществлялась преимущественно за счет территорий, населенных мусульманами⁴⁶⁰.

Редактором сборника выступил американский историк М. Рывкин, профессор Нью-Йоркского университета и сотрудник Государственного департамента США. М. Рывкин рассматривал Россию как единственную сохранившуюся до наших дней континентальную империю, чьи владения многими ошибочно не воспринимаются как колониальные. Актуальность сборника М. Рывкин обосновывал необходимостью опровержения выводов советских историков, изображающих Россию носительницей прогресса и цивилизации и представляющих колониальную экспансию как мирный процесс, а покорение некоторых народов, оправдывающих соображениями безопасности границ Русского государства⁴⁶¹. В терминах «колониальной экспансии» и «империализма» политику России в Северной Азии и Северной Америке характеризуют и другие западные исследователи: Р.Норт, Д.Коллинз, Д.Гайер, Ф.Б.Шенк, Э.Глатфельт,⁴⁶² С.Урбанский,⁴⁶³ Ф.Патрикеев, Г.Шукман, С.Пэйн, И.Ниш, Ш.Коррадо, И.Виньковецкий, М.Сокольский.

Вместе с тем, уже к концу 1920-х гг. для самого Ф.А. Голера стало очевидно, что его ранние работы по истории «русской восточной экспансии» устарели. В отличие от многих своих последователей, занимавшихся изучением сибирской истории, Ф.А. Голдер считал необходимым объединить усилия западных и советских исследователей с целью написания обобщающих трудов по истории России. Осуществление данного проекта должно было способствовать пересмотру традиционных для западной историографии представлений о причинах и последствиях «русской экспансии», ее завоевательном, неизменно агрессивном, «колонизаторском» характере.

⁴⁵⁹Russian Colonial Expansion to 1917. London, New York, 1988.

⁴⁶⁰ Russian Colonial Expansion to 1917. London, New York, 1988. P.VII.

⁴⁶¹ Russian Colonial Expansion to 1917. London, New York, 1988. P.XI. Подробнее см.: Ананьев Д.А. и др. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII-XIX вв. Очерки истории и историографии. Новосибирск, 2006.

⁴⁶² Glatfelt E.R. Russia, the Soviet Union, and the Chinese Eastern Railway // Davis C.B., Wilburn K.E. (Ed.). Railway Imperialism. New York, 1991. P.137-154.

⁴⁶³ Urbansky S. Kolonialer Wettstreit. Russland, China, Japan und die Ostchinesische Eisenbahn. Fr.a.M., 2008.

В то же время под влиянием Р.Дж. Кернера американские историки стремились расширить круг исследовательских проблем, глубже понять отдельные аспекты «русской восточной экспансии». В частности, пристальное внимание уделялось действиям русских на западном побережье Северной Америки. В 1931 г. в серии «Записок Американского библиографического общества» Р.Дж. Кернер выпустил свое библиографическое исследование «Русская экспансия в Америке: ее библиографические основания»⁴⁶⁴. В конце 1930 – х гг. историк подготовил к печати двухтомный труд, посвященный обзору письменных источников по истории Северо-Восточной Азии и опубликованный в 1939 г. в Беркли под названием «Северо-Восточная Азия: избранная библиография»⁴⁶⁵.

По признанию автора, в процессе работы над библиографическим исследованием у него возник интерес к вопросу о причинах и сущности продвижения русских на восток. Стремление историка ответить на сугубо теоретические вопросы и выработать новую концепцию, способную хотя бы отчасти объяснить сложные исторические процессы, привело к созданию известного труда «Стремление к морю: курс русской истории...»⁴⁶⁶. Предложенная Р.Дж. Кернером концепция истории русской колонизации, одним из направлений которой было освоение Северной Азии, по сути, основывалась на выводах русских историков С.М. Соловьева и В.О. Ключевского о значении колонизационных процессов в истории России.⁴⁶⁷

⁴⁶⁴ Kerner R. *Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations*. New York, 1931. Научные интересы Р.Дж. Кернера разделяли многие его коллеги по Калифорнийскому Историческому Обществу, которое в 1933 г. выпустило в свет сборник «Русские в Калифорнии», включавший, в частности, статьи профессора Э. Эсига «Русское поселение Форт Росс» и «Библиография, посвященная русским в Калифорнии», а также статью вице-президента Педагогического колледжа г. Сан-Франциско, историка Дж. Дюфура и выпускницы Калифорнийского университета А. Огден, посвященные хозяйственной деятельности жителей Русской Америки и продаже Аляски. См.: *The Russians in California*. San Francisco, 1933.

⁴⁶⁵ Kerner R. *Northeast Asia: A Selected Bibliography; Contributions to the Bibliography of the Relations of China, Russia and Japan, With Special Reference to Korea, Manchuria, Mongolia, and Eastern Siberia, in Oriental and European Languages*. Berkeley, 1939. 2 Vols.

⁴⁶⁶ Kerner R. *The Urge to the Sea: The Course of Russian History. The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs*. Berkeley, Los Angeles, 1942; 2nd ed., 1946.

⁴⁶⁷ Основные принципы своей теории «колонизации» С.М. Соловьев изложил в статье «О влиянии природы русской государственной области (Отечественные записки. 1850. Т.69. № 4. Апрель. Отд. II. С.229-244). Как показал венгерский исследователь Ш. Сили, многие идеи С.М. Соловьев почерпнул из трудов Г.Ф. Миллера, Н.И. Надеждина, З. Доленги-Ходаковского, немецкого географа К. Риттера, представителей западноевропейского позитивизма. Ш. Сили также предположил, что С.М. Соловьев был знаком с трудами создателей «теории колонизации» Э. Уэйкфилда и Г. Меривейла, которые рассматривали «колонизацию» как социально-экономический процесс, в ходе которого приехавшие в колонии для окончательного поселения иммигранты из метрополий занимают и осваивают земли, не вовлеченные в аграрное производство. (Merivale H. *Lectures on Colonization and Colonies, Delivered before the University of Oxford in 1839, 1840, and 1841* (reprinted in 1861 by Herman Merivale). London, 1928; Wakefield E.G. *A View of the Art of Colonization in Present Reference to the British Empire in Letters between the Statesman and a Colonist*. New-York, 1969). Впрочем, по мнению Ш. Сили, в работах С.М. Соловьева семантика слова «колонизация» не несет в себе социально-экономических моментов. Подробнее см.: Сили Ш. Возникновение и источники теории "колонизации" С.М. Соловьева // ВИ, 2002, № 6. С.150-154.

Наиболее важным фактором процесса Р.Дж. Кернер считал «стремление к морю». Как отмечал В.К. Яцунский, ссылки на научные труды, которые Р.Дж. Кернер сделал «при самой постановке проблемы, указывают, что теоретически он стоит в этом вопросе на позициях французской географической школы», представители которой (П. Видаль де ля Блаш, Л. Февр) полагали, что «географическая среда отнюдь не определяет развитие общества – она лишь предоставляет возможности, использование или неиспользование которых определяется...историческими условиями развития того человеческого общества, которое окружено данной географической средой⁴⁶⁸. В советской историографии Р.Дж. Кернер подвергся критике за «географический детерминизм», недооценку народной колонизации, ее сельскохозяйственного характера, а также за преувеличение роли торговли мехами⁴⁶⁹. При всех недостатках предложенной Р.Дж. Кернером концепции, именно он задал теоретическое направление дальнейших исследований темы, подчеркивая значение социально-экономических факторов колонизации.

Теория «колонизации» находила своих сторонников среди западных сибиреведов и до Р.Дж.Кернера – прежде всего, в немецкой исследовательской литературе (К.Виденфельд, Х.-Й.Серафим, В.Клумберг). Так, в начале XX в. К.Виденфельд анализировал различные формы колонизации Сибири: «внутреннюю», «внешнюю», «штрафную», «военную». В.Клумберг сопоставлял колонизацию Северной Азии с аналогичными процессами в других регионах мира. Как отмечали составители сборника «Заселение российских окраин: колонизация приграничных территорий в истории Евразии», во второй половине XX века выходили новые исследования, посвященные русской колонизации, хотя западная историография по данной теме была не столь обширна, как советская⁴⁷⁰. Зарубежные историки, находившиеся под влиянием концепций В.О. Ключевского и его учеников, П.Н. Милюкова и М.К. Любавского, безоговорочно приняли тезис о фундаментальном значении колониационных процессов и сосредоточили основное внимание на том, чтобы донести содержание трудов русских историков до западной аудитории. Одновременно западные исследователи оспорили

⁴⁶⁸ Яцунский В.К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США//ВИ. 1945, № 5-6. С.194.

⁴⁶⁹ Яцунский В. К. Указ.соч.С.195.

⁴⁷⁰ Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History. London and New York, 2007.

утверждения советской историографии, якобы преувеличивавшей «чистоту помыслов» русских землепроходцев и «прозорливость» создателей советской плановой экономики.

Идеи, высказанные в работах основоположников Калифорнийской школы, были усвоены последующей американской историографией. В 1960-х- середине 1970-х гг. наиболее активно историю сибирской колонизации изучали представители младшего поколения историков Калифорнийской школы – Р. Пирс, Дж. Харрисон, Э. Доннели⁴⁷¹. К их числу следует отнести и профессора Йоркского университета (Торонто) Дж. Гибсона. Предметом его исследований служило изучение хозяйственной деятельности русских колонистов на Дальнем Востоке и в Северной Америке, что потребовало привлечения обширного фактического и историографического материала⁴⁷². Дж. Гибсон посвятил ряд статей общей характеристике русской колонизации Сибири и Дальнего Востока, а также эволюции представлений правительства и народа о сибирской колонии⁴⁷³.

В то же время единой концепции или подхода к изучению колонизации Сибири не существовало. «Колониальная» политика царизма в Северной и Центральной Азии подвергалась критике одними исследователями и превозносилась другими. Одновременно в их работах ощущалось влияние тех процессов, которые переживала западная историческая наука в период между 1950-ми - началом 1990-х гг., в частности смещение акцента с изучения общественно-политических процессов на проблемы социальной истории, хотя в течение всего указанного времени не утратили свою актуальность историко-экономические, историко-демографические и историко-географические исследования⁴⁷⁴.

⁴⁷¹ Donnelly A. S. *The Russian Conquest of Bashkiria, 1552-1740: A Case Study in Imperialism*. New Haven, 1968.

⁴⁷² Gibson J. R. *Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639-1856*. Madison, Wisconsin, 1969; Idem. *Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784-1867*. New York, 1976.

⁴⁷³ Gibson J. *Paradoxical Views of Siberia: Images of "Patricians" and "Plebeys" before the mid. of 1800's* // Diment G., Slezkine Y. *Between Heaven and Hell. Myth of Siberia in Russian Culture*. New York, 1993; Gibson J. *Russia on the Pacific: the Role of the Amour* // *Canadian Geographer*. Vol. XVII. № 1, 1968; Gibson J. *The Rush to Meet the Sun: an Essay on Russian Eastward Expansion* // *Siberica*, summer, 1990. Vol. 1. № 1; Gibson J. *The Significance of Siberia to Tsarist Russia* // *Canadian Slavonic Papers*, 1972. Vol. 14. № 3; Gibson J. *Tsarist Russia in Colonial America* // Wood A., ed. *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London, 1991.

⁴⁷⁴ Treadgold D. *The Great Siberian Migration: Government and peasant in Resettlement from emancipation to the First World War*. Princeton, 1957; Goehrke C. *Die Wuestungen in der Moskauer Rus': Studien zur Siedlungs-, Bevoelkerungs- und Sozialgeschichte*. Wiesbaden, 1968; Demko G.J. *The Russian Colonization of Kazakhstan, 1896-1916*. Bloomington, 1969; Coquin F.-X. *La Siberie: peuplement et immigration paysanne au xixeme siecle*. Paris, 1969; Bartlett R.P. *Human Capital: The Settlement of Foreigners in Russia, 1762-1804*. New York, 1979; Anderson B. *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton, 1980; Pallot J. and Shaw D.J.B. *Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613-1917*. Oxford, 1990; Judge E.H. *Peasant Resettlement and Social Control in Late Imperial Russia* // *Modernization and Revolution: Dilemmas of Progress in Late Imperial Russia; Essays in Honour of Arthur P. Mendel*, eds. E.H. Judge and J.Y. Simms, Jr. New York, 75-93.

Составители сборника справедливо отмечают, что большая часть исторических исследований, посвященных проблемам колонизации и вышедших до 1990-х гг., рассматривали преимущественно позднеимперский период, в ущерб более ранним и более поздним эпохам. В результате, "великая сибирская миграция" рубежа XIX – XX вв. выглядела неким исключительным явлением, а не просто одним из этапов долгой колониационной истории. На Западе почти не изучались отдельные категории переселенцев (женщины, представители различных религиозных течений, ссыльные, "репрессированные"), история межкультурных и межэтнических контактов, экологические последствия колонизации.

Даже государственная политика, будучи наиболее тщательно исследованным аспектом колониационного процесса, рассматривалась почти исключительно в контексте анализа отдельных инициатив, выдвигавшихся в различные периоды истории и нацеленных на освоение того или иного региона. При этом основной акцент делался на сопоставлении первоначальных намерений и итоговых результатов, без специального рассмотрения вопросов управления и идеологии. Иными словами, в период "холодной войны" исторические исследования, посвященные российской колонизации, отличались информативной насыщенностью и, вместе с тем, были немногочисленными; столь же ограниченным был их методологический инструментарий. По своему характеру они были скорее эмпирическими, нежели концептуальными, специальными (монообъектными), а не сравнительными.

В ряду таких специальных исследований, посвященных отдельным проблемам сибирской колонизации, можно назвать работы учеников Р. Дж. Кернера – Дж. Ланцева и Р. Фишера.⁴⁷⁵ Монография Дж. Ланцева «Сибирь в XVII в. Исследование колониальной администрации», ставшая первым в западной историографии специальным исследованием по истории местного управления Сибири, написана в основном в русле концепции Р. Дж. Кернера. В отличие от своего учителя Дж. Ланцев отмечал преобладание в XVII в. вольнонародной колонизации над государственной, активное развитие сельского хозяйства в Сибири. Фактически автор поставил задачу всестороннего изучения истории социально-экономического развития Сибири на раннем этапе ее освоения. Однако сам историк в дальнейшем сосредоточился преимущественно на

⁴⁷⁵ См.: Lantzeff G.V. *Siberia in the 17th Century. A Study of the Colonial Administration*. Berkeley, Los Angeles, 1943. Lantzeff G.V., Pierce R. A. *Eastward to Empire. Exploration and Conquest of the Russian Open Frontier to 1750*. Montreal, London, 1973. Fisher R. *The Russian Fur Trade, 1550-1700*. Berkeley, 1943.

изучении политических и идеологических аспектов сибирской колонизации. Ранняя смерть Дж. Ланцева в 1955 г. не позволила ему закончить исследование по истории формирования русской «колониальной империи».

Работу продолжил ученик Дж. Ланцева, канадский историк Ричард Пирс, переработавший и дополнивший рукописные материалы своего учителя, в результате чего в 1973 г. в Монреале вышла в свет монография «На восток – к империи. Освоение и завоевание открытой границы России (до 1750 г.)». В книге продвижение России на восток рассматривается как «огромное торговое предприятие государства», приходившее в упадок по мере истребления сибирского пушного зверя. Авторы признают, что одновременно русское правительство решало и политические задачи, связанные с укреплением восточных рубежей империи и покорением соседей, что, по мнению Дж. Ланцева и Р. Пирса, было обусловлено психологией превосходства, типичной для всех «экспансионистских наций» и начавшей формироваться у русских чуть ли не со времен Владимира Святого и крещения Руси. Вопросам социально-экономической истории Сибири посвящена монография профессора Калифорнийского университета Р. Фишера «Русская пушная торговля, 1550-1700». Рассматривая лишь один из факторов, имевших, по мнению, Р.Дж. Кернера, принципиальное значение для успешной колонизации Сибири, Р. Фишер также отмечал, что помимо торговли пушниной освоение Сибири было обусловлено совокупностью политических, социально-экономических и социально-психологических причин.

По верному наблюдению составителей сборника «Заселение русской окраины», с 1990-х гг. характер исследований по истории колонизации России на Западе радикальным образом изменился, что отражало существенные перемены, происходившие в исторических исследованиях вообще, и в изучении российской истории - в частности.⁴⁷⁶ Историки получили доступ к ранее закрытым для них архивам. С ослаблением идеологического диктата появились основания для изучения преемственности между колонизационными процессами в различные периоды российской истории, а также для признания сходства между русской колонизацией и колонизационными процессами в других регионах мира.⁴⁷⁷

⁴⁷⁶ Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History. London and New York, 2007.

⁴⁷⁷ В новейшей отечественной историографии примером такого сравнительного исследования колонизационных процессов в Сибири и Северной Америке служит монография Ю.Г. Акимова «Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций». (СПб., 2010). Историк отметил, что характер заселения Восточной Сибири в XVII-XVIII вв., определявшийся почти исключительно промысловой колонизацией,

Направление, связанное с историей колонизации, испытало на себе влияние "лингвистического поворота", «новых историй» - социальной, культурной, имперской. Узконаправленное изучение колониальной политики сменилось исследованиями политической культуры, т.е. более глубоких изначальных представлений о территории, населении, его классовой и половой структуре, просвещении и прогрессе, механизмах и содержании власти, тех самых представлений, которые формировали правительственный подход к колонизации как государственному проекту.⁴⁷⁸

В конце XX – начале XXI в. различным проблемам истории сибирской колонизации посвятили свои работы А. Вуд, Б. Дмитришин, К. Шписс, А. Морич, Д. Ландграф, Э.-М. Столберг, Ч. Стейнведел, Ш. Коррадо, М. Сокольский, И. Виньковецкий. Проблеме влияния идеологии на правительственную политику в Сибири посвятил серию статей сотрудник департамента географии Калифорнийского университета М. Бассин⁴⁷⁹. Эволюцию правительственной политике в отношении аборигенного населения Сибири и роль идеологии в колониальном процессе анализировал Ю. Слезкин⁴⁸⁰, также сотрудник Калифорнийского университета.

Сторонником концепции «колонизации» выступил американский историк С. Маркс, который вписал массовые крестьянские переселения за Урал, имевшие место в конце XIX- начале XX вв., в общий процесс европейской колонизации.⁴⁸¹ По признанию исследователя, западные историки часто не уделяют должного внимания роли России в

больше напоминал ситуацию во Французской Канаде, чем в английских колониях. Последние также отличались от французских и русских колониальных владений более высоким уровнем гражданских свобод. См. тж: Воробьев Д.В. Рец. на кн.: Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI - середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010. // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С.173-176.

⁴⁷⁸ Khodarkovsky M. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800*. Bloomington, 2002; Brower D. *Turkestan and the Fate of the Russian Empire*. London, 2003; Marks S.G. *Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. Armonk, 1995; Bassin M. Turner, Solov'ev, and the "Frontier Hypothesis": the nationalist signification of open spaces // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65. No.3. P. 473-511; Moon D. *Peasant Migration and the Settlement of Russia's Frontiers, 1550-1897 // Historical Journal*. 1997. Vol. 40. No.4. P. 859-893; Ремнев А.В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колониальных вопросов XIX - начала XX вв. [Электронный ресурс] // *Сибирская заимка*. 2002. No.3. Режим доступа: www.zaimka.ru/03_2002/remnev_motivation (дата обращения: 5.10.2010) ; Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaka, 2004; Sunderland W. *Empire without imperialism? Ambiguities of colonization in Tsarist Russia // Ab Imperio*. 2003. No.2. P. 101-114.

⁴⁷⁹ Bassin M. *The Russian Geographical Society, the "Amur Epoch" and the Great Siberian Expedition 1855-1863 // Annals of the Association of American Geographers*. 1983. Vol. 73. № 2. P.240-256; Bassin M. *Expansion and colonialism in the East: Views of Siberia and Far East in Pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography*. 1988. Vol. 14. № 1. P.3-21; Bassin M. *Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century // American Historical Review*. 1991. Vol. 96. P.763-794.

⁴⁸⁰ Slezkine Y. *Russia and Small Peoples of the North: Arctic Mirrors*. Ithaka; London, 1994.

⁴⁸¹ Marks S. G. *Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York, London, 1995. P.23-39.

этом глобальном процессе, хотя среди всех примеров колонизации в новейшей истории немногие страны могут сравниться с успешностью освоения Сибири, куда в течение 1891-1914 гг. прибыло примерно 5 миллионов крестьян.

По мнению С. Маркса, европейский империализм, в большинстве случаев, являлся проявлением экономического и военного могущества, тогда как продвижение русских на восток свидетельствовало, скорее, о геополитической слабости России. С самого начала колонизация Сибири характеризовалась «стремлением к однородности, которая противопоставлялась разнообразию элементов, образовавших империю», и лишь усиливала национальные противоречия, требуя перекачки скудных финансовых и интеллектуальных ресурсов на окраины, подальше от центральных территорий. В конечном итоге, столь ошибочная расстановка приоритетов способствовала краху царского режима, а вместе с ним распалась та самая империя, на строительство которой ушло так много сил и средств.

Н.Б. Брейфогл, Э. Шрэдер, В. Сандерленд, подобно С. Марксу отмечали, что хотя западные исследователи истории европейской колонизации обычно забывают упомянуть о роли русского народа, последний следует отнести к числу величайших «колонизаторов» в истории Старого света⁴⁸². Русским удалось заселить огромные пространства Северной Европы и Азии, от побережья Балтики до Тихого океана, от Арктики до Центральной Азии. Перемещение десятков миллионов поселенцев, представителей славянских народов, служило главной составляющей процесса "империостроительства" в России, а также стержнем повседневной жизни многочисленных социальных и этнических групп.

Как отмечают западные исследователи, данный исторический процесс одновременно направлялся государством и получал народную поддержку снизу. Он характеризовался сотрудничеством разных социальных сил и народным энтузиазмом, равно как репрессивными актами со стороны государства и столкновениями между представителями различных социальных групп и сообществ. Колонизационный процесс приобретал различные формы и в то же время оставался некоей удивительной константой, даже по прошествии столетий, отражая устойчивые элементы своеобразной российской географии, социальных и политических структур.⁴⁸³

⁴⁸² Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history. London and New York, 2007.

⁴⁸³ В конце XX в. русская колонизация обернулась "деколонизацией", с неоднозначными и непростыми последствиями. Но причины депопуляции обширных пространств бывшей империи авторы сборника призывают искать в самой истории России: «В действительности, современный постколониальный пейзаж является прямым следствием долгой истории славянских миграций на окраинные земли, что в чистом виде дало смешение и изменение

Выясняя роль «объективных условий» освоения Сибири (прежде всего, социально-демографических и экономических факторов) и их воздействие на «субъект истории» (государство, отдельные социальные группы или индивиды), исследователи также подчеркивали значение природно-климатической среды. Для объяснения уникальных черт колонизируемых окраин многие западные исследователи использовали **теорию «фронтيرا»**, разработанную в конце XIX в. американским историком Ф.Дж. Тернером. По мнению Ф.Дж. Тернера, люди, жившие в условиях пограничья, становились все более и более независимыми, и в то же время «фронтир» способствовал возникновению «смешанной национальности». Историк пришел к выводу, что наиболее значительную роль «фронтир» сыграл в истории становления демократии в США и в Европе, поскольку способствовал развитию индивидуализма - «неприятно контролю, и, в частности, любых форм прямого контроля», когда сборщик налогов рассматривается как «представитель угнетателей»⁴⁸⁴.

Впрочем, Ф.Дж. Тернер был не первым, кто связывал продвижение колонизаторов на запад с созданием уникальных американских демократических институтов. Впервые данная точка зрения была изложена в работах основоположников американского государства Б. Франклином и Т. Джефферсоном. Современные исследователи связывают появление концепции Ф.Дж. Тернера с внутривнутриполитической обстановкой, сложившейся в США на рубеже XIX – XX вв., когда завершилось освоение американского Запада, что

населения и территорий Евразии в подлинно континентальных (а, в действительности, трансконтинентальных) масштабах». См.: Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history. London and New York, 2007. P.15.

⁴⁸⁴ Turner, F.J. The Significance of the Frontier in American History, Report of the American Historical Association for 1893. P. 199-227. Такой взгляд на влияние географической среды был присущ не только американским исследователям. В первой трети XIX в. определенное сходство территориальной протяженности, географического расположения Сибири и американского Запада, одновременность начала освоения этих регионов и оформления их государственных границ отмечали декабристы и А. И. Герцен. Во второй половине XIX в. сибирские областники в поисках причин серьезного отставания развития Сибири от темпов экономического роста американского Запада также сравнивали колонизационные процессы в обеих странах. На рубеже XIX–XX вв. представители либерально-оппозиционных течений (И. Х. Озеров, М. М. Ковалевский, П. Г. Мижув, А. М. Сибиряков и др.) рассматривали переселенческое движение в США как модель для решения земельного вопроса в России. Критикуя российское самодержавие, либералы объясняли быстрое экономическое развитие США такими факторами как свобода частного предпринимательства и беспрепятственный доступ к неосвоенным землям. (См.: Соколов А. С. Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского (Topics dealing with America in the scientific and literary heritage of M.M. Kovalevsky) // Американский ежегодник, 1989. М., 1990. С. 155 -173). По сути, уже в начале XX вв. в российской историографии была сформулирована главная проблема, которую предстояло решить в рамках сравнительных исследований по истории колонизации Америки и Сибири: почему условия пограничья, «фронтيرا» способствовали развитию демократии в США, но не привели к возникновению демократической политической системы в Сибири. Очевидно, что сравнительные исследования должны были выявить специфику американского и сибирского общества, однако в советской историографии, в рамках формационного подхода, изучалось, в первую очередь, типическое, а не специфическое.

свидетельствовало о закрытии «первого фронта». США стремились распространить свое влияние на другие регионы мира, воспринимая их как новый «фронт», что, в свою очередь, требовало нового идеологического обоснования.⁴⁸⁵ Впоследствии президент В. Вильсон сформулировал задачу распространения демократии для поддержания безопасности в мире под эгидой Лиги Наций, что вполне соответствовало представлениям американцев о «сакральном смысле» продвижения «фронта»,⁴⁸⁶ о превосходстве англосаксонских политических институтов и необходимости их продвижения в глобальном масштабе.

Как отмечал М.Я. Пелипась, попытки президента В.Вильсона открыть «новый фронт» в Европе получили свое логическое продолжение в деятельности Ф.Д. Рузвельта и участии США во Второй мировой войне.⁴⁸⁷ В послевоенный период можно говорить о своеобразном американском «пограничье» в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке. Термин «новый фронт» (“New Frontier”) использовался для обозначения программы внутри- и внешнеполитических преобразований, предложенной Дж.Ф. Кеннеди.

В методологическом отношении теорию Ф.Дж. Тернера вписывают в историю противоборства американских историков-«прогрессистов» и неокантианцев, полагавших, что любые общие понятия и закономерности являлись всего лишь продуктом мировоззрения историка. Под их влиянием сформировалось поколение историков-позитивистов, объявивших задачей «научной историографии» не постижение исторических законов, а максимально точное описание и классификацию фактов. В 1904 г. президент Американской исторической ассоциации Г. Смит заявил, что неповторимая индивидуальность исторических событий не оставляет историографии места для теоретизирования и обобщений.

В свою очередь, один из основоположников «прогрессизма» Дж. Робинсон выдвинул требование написания «институциональной» истории, основанной на поиске и изучении «отобранных эволюцией» сквозных тенденций и явлений прошлого. При этом ведущую

⁴⁸⁵ В.П. Румянцев, Е.В. Хахалкина, Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск, 2009. С.117.

⁴⁸⁶ Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтов. М., 2005. С. 137.

⁴⁸⁷ Пелипась М. Я. Проблема сохранения "особых" американо-британских отношений в условиях осложнения после окончания Второй мировой войны международной ситуации в восточном Средиземноморье // Американские исследования в Сибири. Вып. 7: материалы Всероссийской научной конференции "Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности", 14-16 апреля 2003 г. Томск, 2003. Вып. 7. С. 19-59.

роль Дж. Робинсон отводил явлениям в социально-экономической сфере. В известной степени Дж. Робинсон опирался и на концепцию Ф.Дж. Тернера, закрепившего приоритет в определении исторических судеб США за географическим фактором (наличием «свободных» для заселения и освоения земельных массивов).⁴⁸⁸ Ф.Дж. Тернер также задался вопросом, имеет ли его теория ограниченное применение или может быть проверена на материале иной «колониальной среды», с другими политическими и экономическими условиями⁴⁸⁹.

Ряд западных исследователей пытались использовать теорию Ф.Дж. Тернера применительно к истории сибирской колонизации. Б. Самнер, Д. Тредголд, Р. Пирс, Д.Казмер, С.Беккер, Э.Доннели, А.Капшлер признали, что в некоторой степени феномен «фронта» имел место и в Сибири⁴⁹⁰. Основательная разработка теоретических вопросов велась сотрудником департамента истории Вашингтонского университета Д.Тредголдом, автором статьи «Русская экспансия в свете учения Ф.Тернера об американском фронтире», опубликованной в 1952 г.⁴⁹¹ Основания для проведения параллелей между американским продвижением на запад и движением русских на восток автор находил не только в работах Ф.Дж. Тернера, но и в трудах В.О. Ключевского и П.Н. Милюкова⁴⁹².

⁴⁸⁸ Согрин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX в. Moscow, 1987, p. 16. Впрочем, с концепцией Ф.Дж. Тернера согласны далеко не все. В западной историографии ее противниками в разное время выступили С.Маркс и А.Лобанов-Ростовский (См.: Lobanov-Rostovsky A. Russian expansion in the Far East in the light of the Turner hypothesis // *The frontier in perspective*. Madison, 1965. P.79-94). По мнению отечественной исследовательницы И.М. Супоницкой, Ф.Дж. Тернер придавал слишком большое значение влиянию среды, утверждая, что американская демократия «вышла из американского леса». В действительности, природная среда оказалась вторичной для американской цивилизации, поскольку английские переселенцы приехали в Новый Свет с уже сформированным сознанием раннебуржуазной Западной Европы. Освоение Запада лишь развило традиции самоуправления, самоорганизации, свойственные американскому обществу; переселенцы воспроизводили на новых землях привычный порядок. В сибиреведческих исследованиях со сходных позиций теорию «фронта» подвергла критике, напр., Л.И.Шерстова. См.: Супоницкая И.М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) // *Одиссей: человек в истории*. 2005. № 1. С.219-240; Шерстова Л.И. Характер вхождения Сибири в состав России: обзор концептуальных подходов // *Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX вв.: население, хозяйство, культура*. Мат-лы Всеросс. науч.-практич. конф. посвященной 160-летию С.П. Швецова. Горно-Алтайск, 2018. С.94-107.

⁴⁸⁹ *The Significance of Sections in American History*. By Frederick Jackson Turner. New York, 1932. P.19. Среди тех, кто пытался применить теорию «фронта» к истории России — О.Латтимор, Дж.Вечинский, Дж.Пэллот, Д.Шоу. См.: Lattimore O. *Inner Asian Frontiers: Chinese and Russian Margins of Expansion* // *The Journal of Economic History*. 1947. Vol.7. Issue 1. P. 24-52; Wiczynski J. *The Russian Frontier. The impact of Borderlands upon the Course of Early Russian History*. Univ. Press of Virginia, 1976; Pallot J., Shaw D.B. *Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613-1917*. Oxford, 1990.

⁴⁹⁰ Treadgold D. *Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier* // *Agricultural History*. 1952. Vol. 26. No 4. P. 147-152; Lantzeff G.V., Pierce R.A. *Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750*. Montreal, London, 1973; Sumner B.H. *A Short History of Russia*. New York, 1949.

⁴⁹¹ Treadgold D. *Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier* // *Agricultural History*. 1952. Vol. 26. № 4. P. 147-152.

⁴⁹² *Ibid*. P.147.

Присоединяясь к мнению американского исследователя А. Мазура о том, что уровень изученности сибирской истории в американской историографии оставляет желать лучшего, Д. Тредголд опровергал достаточно распространенное на Западе мнение о принудительном заселении Сибири – в основном, за счет ссыльных – как одном из инструментов решения внешнеполитических задач, в частности, связанных с присоединением китайских территорий. Д. Тредголд утверждал, что принудительное переселение не могло решить задачу заселения огромных пространств Сибири, и что основную массу сибирского населения уже в начальные века освоения региона составляли вольные крестьяне-переселенцы.

Путешественники, чиновники, политические ссыльные отмечали, что сибирские крестьяне отличались от крестьянского населения Европейской России, в первую очередь, тем, что меньше полагались на начальство. Протестантская идеология, принесенная в Северную Америку, в определенной мере соответствовала идеологии старообрядцев, поселившихся в Сибири. В Северной Азии также возникла «смешанная национальность», поскольку русские смешались с аборигенным населением, а также переселенцами, прибывшими из других уголков Российской империи.

Сибирь также играла роль «предохранительного клапана», привлекая все новых поселенцев и уменьшая тем самым социальное напряжение в центральных районах Европейской России, о чем писали Дж.А. Харрисон⁴⁹³ и Х.Р. Хаттенбах⁴⁹⁴. Впрочем, с этой точкой зрения соглашались не все. Так, К. Уайт отнюдь не считал, что в Азиатской России социальные условия были менее «замороженными», чем в Европейской России. В отличие от Америки, где «фронтир» осваивался свободными поселенцами, в Сибири процесс колонизации был под постоянным контролем со стороны центрального правительства⁴⁹⁵. Несогласие с идеями Ф.Дж.Тернера и Д.Тредголда в разное время

⁴⁹³ Harrison J.A. *The Founding of the Russian Empire in Asia and America*. Coral Gables, Florida: University of Miami Press, 1971. P. 63.

⁴⁹⁴ Huttenbach H. *Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrachan, 1552-1556. The Conquest of the Volga: Prelude to Empire // Russian Colonial Expansion to 1917*. London, New York, 1988. P.60.

⁴⁹⁵ White C. *Russia and America: the Roots of Economic Divergence*. London, 1987. P.24. По определению К. Уайта, теория «фронтира» – классический пример ситуации, когда «хвост виляет собакой», поскольку ее приверженцы недооценивают степень влияния институтов, существовавших в центре, на скорость и характер освоения окраин. В Америке «фронтир» осваивался преимущественно свободными переселенцами, действовавшими в условиях экономической системы, которая быстро становилась рыночной. В России постепенное усиление правительственного регулирования – ставшее реальностью уже к концу XVI в. – позволило государству, в конечном счете, полностью контролировать и процессы освоения новых территорий. Впрочем, в Америке была и обратная тенденция, связанная с нехваткой рабочей силы и обусловившая развитие института рабства – прежде всего, в районах производства хлопка, спрос на который был не меньше, чем на рабочую силу.

высказывали А. Лобанов-Ростовский⁴⁹⁶ и С. Маркс⁴⁹⁷. Так, С. Маркс называл «тщетными» попытки применить к Сибири теорию «фронттира» и предпочел использовать более традиционную концепцию «колонизации», предложенную русскими историками еще в XIX в. В свою очередь, о возможностях применения теории «фронттира» на сибирском историческом материале пишет современная немецкая исследовательница Э.-М. Столберг.⁴⁹⁸ В современной историографии примеру Э.-М.Столберг следуют Э.Фризен, Д.Вулф, С.Урбанский.

Как представляется, критическое переосмысление теории «фронттира» в современной историографии во многом обусловлено влиянием постструктуралистских подходов, «культурного» и «пространственного поворотов». Связанных с конструктивистским подходом к изучению исторической реальности. В отличие от Ф.Дж. Тернера, многие современные исследователи переносят акцент с анализа «объективных и универсальных факторов исторического процесса» на изучение проблем субъективного восприятия, «ментального конструирования», репрезентаций, образов и дискурсов. Вместе с тем, критика в адрес Ф.Дж. Тернера не всегда справедлива. Призывая историков широко использовать данные социальных и естественных наук, Ф.Дж.Тернер все же считал историю особой дисциплиной, в не меньшей мере опирающейся на материал литературы и искусства, и сомневался в возможности сформулировать непреложные и универсальные исторические законы.⁴⁹⁹

В связи с этим представляется необходимым поддержать вывод В.П. Румянцева и Е.В. Хахалкиной, о том, что на современном этапе феномен «пограничных обществ» может быть раскрыт только посредством междисциплинарных исследований, с привлечением данных социальной антропологии, этнологии, социологии, истории, психологии, языкознания и других дисциплин и субдисциплин.⁵⁰⁰ Приложение теории фронттира предполагает также анализ проблем идентичности и мультикультурализма, в частности,

⁴⁹⁶ Lobanov-Rostovsky A. Russian Expansion in the Far East in the light of the Turner hypothesis // *The frontier in perspective* / ed. by W.D. Wyman, C.B. Kroeger. – Madison, Wisconsin, 1965. P. 79–94.

⁴⁹⁷ Marks S.G. *Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia* // *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East* / ed. by S. Kotkin and D.A. Wolff. New York; London, 1995. P. 23–39.

⁴⁹⁸ Stolberg E.-V. The Siberian Frontier and Russia's Position in World History: A Reply to Aust and Nolte" // *Review (Fernand Braudel Center)*. 2004. Vol. 27. No. 3. P.243-267.

⁴⁹⁹ Iggers G.G. *The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century* // *Syracuse Scholar* (1979-1991). Vol. 9. Issue 1. (1988) Article 7. P.48.

⁵⁰⁰ Во многом решению данной задачи способствует сетевое издание «Журнал фронттирных исследований», созданное в 2016 г. См. эл. ресурс: <https://jfs.today/index.php/jfs/about> (дата обращения: 12.05.2022)

определения «сибирской идентичности», самобытности, специфики сибирского социума, что во многом обусловлено соседством русскоязычного населения с множеством народов, населяющих Евразию.

Следующий уровень теоретико-методологических дискуссий предполагает анализ соотношения специфики конкретного «объекта» исследования и общих закономерностей исторического процесса. Стремление выстроить единые схемы исторического развития, общие для разных стран и эпох (при всех особенностях и уникальности отдельных исторических явлений) присуще сторонникам «формационной» (например, представителям исторической науки ГДР) и «модернизационной» парадигм. В современной историографии под «модернизацией» подразумевается переход от традиционного общества к современному, от аграрного к индустриальному, при этом отмечается, что на Западе модернизация осуществлялась на внутренней основе, как результат имманентного развития, и была комплексной, охватывая все стороны жизни общества (экономическую, социальную, политическую, правовую, культурную). В то же время в России, по мнению многих исследователей, модернизация была «вторичной», стимулированной извне, под давлением более развитого окружения, и не имела комплексного характера.⁵⁰¹

Последовательным сторонником концепции «модернизации» выступал М.М. Карпович (1889-1959), выводы которого были усвоены многими западными исследователями российской истории.⁵⁰² Согласно М.М. Карповичу, революция в России не была "абсолютно неизбежной", так как мирная эволюция в экономической, политической, культурной областях накануне войны свидетельствовала об успехах модернизации.⁵⁰³ По мере экономического и культурного прогресса "опасность

⁵⁰¹ Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы "круглого стола") // Вопросы философии, 1993. № 7. С.3-39; Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Селунская Н.В. Россия на рубеже XIX - XX вв.: взгляд зарубежных историков. М., 1996; Проскуракова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // ВИ. 2005. № 7. С.153-165.

⁵⁰² По словам Н.Н. Болховитинова, отличительная черта печатных работ и лекций М.М. Карповича заключалась в том, что русская история всегда рассматривалась им как неразрывная часть истории Европы. Соответственно, российская модернизация вполне вписывалась в общий контекст развития европейской цивилизации, а «модернизационный» подход парадоксальным образом может быть совместим с «цивилизационным», подчеркивающим своеобразие того или иного социума. См.: Болховитинов Н.Н. Роль русских историков в становлении русистики в США // ВИ. 2001. № 4; Bowden W., Karpovich M., Usher A.P. An Economic History of Europe. Since 1750. New York, 1937).

⁵⁰³ О роли М.М. Карповича в становлении американской русистики существует обширная историография. См., напр.: Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и

насильственного взрыва становилась более отдаленной", но война «сделала революцию весьма возможной, а человеческая ошибка сделала ее неизбежной».

Точку зрения М.М. Карповича разделяли и многие сибиреведы. Об успехах капиталистического развития Сибири в пореформенный период писали В. Конолли, В. Моут, К. Криптон, А. Колз, Б.Грэйсон, Н.Саул, Дж.Стюарт, Д.Дальман⁵⁰⁴. По их мнению, отсталость социально-политических институтов самодержавного государства не служила серьезным препятствием на пути социально-экономического развития региона. Весьма четко данная мысль выражена в работе В. Конолли: "Нет оснований сомневаться в намерении царского самодержавия разрабатывать находящиеся за Уралом природные ресурсы, особенно в том время, когда оно направлялось более либеральным правительством. Ярko выраженная тенденция в этом направлении имела место, но ее преждевременно подорвала Первая мировая война"⁵⁰⁵. Примечательно, что в еще в начале 1930-х гг. суждения сторонников «оптимистического» взгляда на модернизацию Сибири фактически предвосхитил исследователь-эмигрант А. Байкалов⁵⁰⁶. В противовес указанным авторам успешность модернизации в своих работах поставили под сомнение современные исследователи Дж. Чэннон и С. Маркс.

Во многих случаях западные авторы объединяли элементы теорий «модернизации», «колонизации» и «фронттира» (Э. Фризен, Д. Тредголд, Э.-М. Столберг, Ч. Стейнвелл). В целом в историографии отмечают широкие возможности применения модернизационного подхода, поскольку историки усматривают в нем «многомерную и

становление русистики в США. М., 2005; Mosely P., Malia M., Chamberlin W.H., Mohrenschildt D. von. Michael Karpovich, 1888–1959 // *Russian Review*. 1960. Vol. 19. № 1. P. 56-76; М.М. Карпович и «Новый Журнал» // ОИ. 1999. № 5. С. 124-134; № 6. С. 112-116; Раев М. М. М. Карпович и его «Комментарии» в «Новом Журнале» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. Реферативный журнал. Москва, 2001. № 4. С. 8-18; Зейде А.М. Карпович и русская историография в Америке // *Новый журнал*. 2008. Кн. 253. С.123-139.

⁵⁰⁴ Krypton C. The Northern Sea Route. Its Place in Russian Economic History before 1917. New York, 1953; Connolly V. Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia. London, 1967. P.17; Mote V. The Cheliabinsk Grain Tariff and the Rise of the Siberian Butter Industry // *Slavic Review*. 1976. Vol. 35. № 2. P.304-317; Kolz A. British Economic Interests in Siberia during the Russian Civil War, 1918-1920 // *Journal of Modern History*. 1976. Vol.37. No.3. P.483-491; Grayson B. Lost Opportunity: the Alaska-Siberia Tunnel // *Asian Affairs*. 1977. Vol. 8, No. 1. P. 63-69; Saul N. An American's Siberian Dream // *Russian Review*, 1978. Vol. 37. No. 4. P.405-420; Stewart J. M. Siberia's Lake Baikal: Aspects of its History, Economy and Ecology // *Asian Affairs*. 1976. Vol. 7. Issue 2. P. 161-167; Stewart J. M. The British in Siberia: 1581–1978 // *Asian Affairs*. 1979. Vol. 10. Issue 2. P. 132–143.

⁵⁰⁵ Connolly V. Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia. London: Oxford University Press, 1967. P.33; Передерий С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. - февраль 1917 г.: дисс. канд. ист. наук. Томск, 1984. С. 43.

⁵⁰⁶ Baikalov A. Siberia since 1894 // *The Slavonic and East European Review*. 1933. Vol. XI. No.32. P.328-340;

эластичную - по отношению к эмпирической реальности, познавательную программу».⁵⁰⁷ Как замечает немецкий историк Ф.Б. Шенк, в то время как модернизационная теория все еще понимает социально-экономический порядок идеально-типического «Запада» целью всякого исторического процесса, в современной историографии все чаще пишут о «многообразии модерна/модернов» и множестве возможных путей движения к модерну. В отличие от исследователей, ранее писавших об «отсталости» Российской империи на сравнительном фоне идеально-типического «западного» развития,⁵⁰⁸ современные авторы оперируют более нейтральным понятием «модерна», относящимся к эпохе с неопределенными временными границами от середины XIX до второй половины XX в. Соответственно, изучая особенности политической, социальной, культурной трансформации Российской империи, историки используют понятие «русского модерна» (К. Шлегель, Д. Хоффман, Я. Коцонис и др.).⁵⁰⁹ Так, в диссертации американской исследовательницы Ш. Коррадо, посвященной колонизации Сахалина в дореволюционный период, анализируются особенности «русского модерна» и степень его соответствия идеям Европейского Просвещения.

Специфику, уникальные особенности «объекта» исследования (прежде всего, с точки зрения его географических характеристик) также подчеркивали сторонники **геополитической теории «хартленда»**, которую сформулировал в начале XX в. английский географ Х.Дж. Макиндер⁵¹⁰. Согласно его теории, геополитическое положение государства определяется не столько его морским могуществом, сколько размерами подконтрольной ему части суши. В своем труде «Географическая ось истории», опубликованном в 1904 г., Х. Макиндер отводил ключевую роль так называемому «хартленду» - центральной части Евразии, вокруг которой расположены

⁵⁰⁷ См.: Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение. Вып.8. М., 2002. С.11-14; Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте текущей модернизации и имперской эволюции" // ОИ. 2003. № 5. С. 3-19.

⁵⁰⁸ Hildermeier M. Das Privileg der Rückständigkeit. Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte // Historische Zeitschrift. Bd. 244. 1987. S. 557-603.

⁵⁰⁹ Schloegel K. Jenseits des Grossen Oktober. Das Laboratorium der Moderne, Petersburg, 1909-1921. Berlin, 1988; Engelstein I. The Keys to Happiness. Sex and the Search for Modernity in Fin de Siecle Russia. Ithaca, 1992; Russian Modernity. Politics, Knowledge, Practices. New York, 2000.

⁵¹⁰ Хэлфорд Джон Макиндер (1861-1947) - преподаватель Оксфордского университета, с 1903-1908 гг. - директор Лондонской школы экономики и политических наук. В 1910-1922 — член палаты общин, в 1919-1920 — британский Верховный комиссар на юге России. В 1920-1945 — глава Имперского комитета судоходства, в 1926-1931 — председатель Имперского экономического комитета.

внутренняя дуга (Европа — Аравия — Индокитай) и периферийная дуга (Америка — Африка — Океания).

По мнению Х. Макиндера, тот, кто контролирует «хартленд» - контролирует мир. В начале XX в. большая часть этой территории находилась под контролем Российской империи, но насколько прочным было российское присутствие в регионе? В свое время Ф.А. Голдер пришел к выводу, что Россия установила контроль над Северной Азией в результате агрессивной империалистической политики. Главным стимулом проникновения русских за Урал была добыча пушнины, а стратегической целью — политическое господство в регионе, при этом ставка делалась на насильственные методы и эксплуатацию коренного населения. Соответственно, ослабление контроля со стороны метрополии вполне могло привести к утрате Россией колониальных владений

Несмотря на Гражданскую войну, разразившуюся после революции 1917 г. и охватившую, в том числе, большую часть Сибири и российского Дальнего Востока, оба региона удалось, в конечном счете, сохранить в составе нового Советского государства. При этом Советская Россия на долгое время утратила свое влияние в Восточной Европе, опровергнув тем самым формулу Х. Макиндера: тот, кто «контролирует Восточную Европу, командует Хартлендом».

После Второй мировой войны США взяли на себя роль противовеса растущему военному и политическому могуществу СССР. Наблюдая за фундаментальными геополитическими изменениями, происходившими в годы войны, Х.Дж. Макиндер ввел в свою теорию новую геополитическую ось — США, обосновал идею геополитических блоков и предсказал появление биполярного мира, в котором США будут противостоять Советскому Союзу, контролирующему Хартленд. В 1944 г. Н. Спайкмен опубликовал работу, в которой отводил ключевую роль в мировой геополитике так называемому Римленду— прибрежной зоне Азиатского континента, который должен быть подконтролен США.

Своеобразная «реабилитация» морских держав и повышенный интерес к Тихоокеанскому региону отразились и на проблематике работ западных сибиреведов. Во второй половине XX века появляются многочисленные исследования, посвященные истории освоения Дальнего Востока, северной части Тихого океана и Русской Америки (работы Дж. Гибсона, Дж. Ленсена, Дж. Стефана, Г. Баррэта и др.). Соответственно, был возрожден тезис о контроле над Северной Азией и Тихоокеанским побережьем как одним

из важнейших условий политического могущества Российской империи и Советского Союза.

В 1990-х гг. Россия утратила прежнее влияние в Восточной Европе и, в значительной мере, в Центральной Азии, но сумела сохранить территориальные владения в Сибири и на Дальнем Востоке. Однако в условиях затяжного экономического кризиса контроль над значительной частью территории Хартленда сам по себе мало способствовал усилению позиций России на мировой политической и экономической арене.

Американские историки М. Хаунер и Дж. Ледонн предприняли новые попытки истолкования теории «хартленда».⁵¹¹ Объединив теорию «фронтира» Ф.Дж. Тернера с концепцией Х. Макиндера о “стержневой территории” (иначе – «осевом ареале»), включающей в себя континентальные и арктические водные системы и являющейся основой будущей евразийской империи, Дж. Ледонн рассмотрел историю русской территориальной экспансии на фоне медленных, но необратимых изменений в балансе сил в пределах этой “стержневой территории”.⁵¹² В его работе история освоения Северной Азии предстает как история борьбы между возвышающейся Россией и слабеющими геополитическими центрами за контроль над разделяющими их приграничными территориями («фронтирами»); как история постоянного стремления дестабилизировать, расчленивать и даже аннексировать территории соседей с целью конечной оккупации всей “стержневой территории”, а также как череда попыток германских народов и морских держав Запада и Востока помешать России достичь окраин «стержневой территории»⁵¹³.

В этом отношении характерна оценка, данная Дж. Ледонном дипломатической истории России в XX в.: «Вряд ли необходимо добавлять, что история внешней политики Российской империи повторилась в советский период, тогда как США после 1945 г. приняли на себя миссию и бремя германских и морских держав, блокировавших советскую экспансию на пути к периферии “стержневой территории”. Вполне можно задаться вопросом, не будет ли современная Россия, сжатая до границ 1650 г. на большей

⁵¹¹ Hauner M. What is Asia to us? Russia's Asian Heartland Yesterday and Today. Boston, 1990; LeDonne J. The Russian Empire and the World, 1700-1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. New York, Oxford, 1997.

⁵¹² LeDonne J. The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. New York; Oxford, 1997.

⁵¹³ LeDonne J. The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. New York; Oxford, 1997.. P.183.

части трех своих границ, пытаться вновь восстановить гегемонию на “стержневой территории”, к чему она привыкла в советский и имперский периоды»⁵¹⁴.

Отчасти предположения Дж. Ледонна подтвердились в начале XX в., когда мировой спрос на сибирские природные ресурсы способствовал улучшению экономической ситуации в России и усилению ее политического влияния. Однако за специфической терминологией и традиционным для историков внешней политики понятием «баланса сил» скрывается очередная модификация концепции «географического детерминизма». Осознавая необходимость выявления объективных и фундаментальных причин возникновения континентальной Российской империи, Дж. Ледонн полагает, что именно географические условия определили набор возможностей, альтернатив которым у амбициозной политической элиты России было немного. Как следствие, политическая роль, которую Россия играла в мире в различные периоды истории, вновь ставилась исследователем в зависимость от масштабов территории и ее географических особенностей, т. е. специфических характеристик «объекта» исследования.

Уникальные особенности исторических явлений исследуются в рамках **«цивилизационного» подхода**. В западном россиеведении одним из его проявлений стала «евразийская теория» Г.В. Вернадского, по мнению которого, «географические особенности Евразии во многом определили ход исторического развития русского народа»⁵¹⁵. Идеи Г.В. Вернадского получили одобрение Р.Дж. Кернера, однако не нашли большого числа последователей среди западных сибиреведов⁵¹⁶. К тому же, несмотря на стремление подчеркнуть уникальность «русско-евразийской» цивилизации, в своей многотомной «Истории России» (1943-1969) Г.В. Вернадский вновь вписал «географические, исторические, культурные и политические особенности истории страны как Евразии в... контекст западной науки», вернувшись к истории «колонизации» в духе В.О. Ключевского.⁵¹⁷

⁵¹⁴ LeDonne J. The Russian Empire and the World, 1700–1917. The Geopolitics of Expansion and Containment. New York; Oxford, 1997. P. XVII.

⁵¹⁵ Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Прага, 1927. С.8-9; Сутормин С.О., Худолеев А.Н. Циклические закономерности исторического развития Евразийского материка в воззрениях «евразийцев» // Исторический бюллетень. 2022. Т.5. № 4. С. 34-38.

⁵¹⁶ Болховитинов Н.Н. Роль русских историков в становлении русистики в США // ВИ. 2001, № 4. С.7.

⁵¹⁷ Ионов И. Н. Имперский и постколониальный дискурсы в формировании образа России на Западе // История и современность. 2008. № 2. С.146. В отечественном сибиреведении устойчивые черты «евразийской идентичности» анализирует Л.И.Шерстова. См., напр.: Шерстова Л.И. Цивилизационные константы евразийской идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 191-196.

С точки зрения соотношения «субъекта» (исследователя) и «объекта» исторического познания, сторонники концепций «русской восточной экспансии», «колонизации» и «модернизации», «фронтира» и «хартленда», как правило, не заостряли внимания на гносеологической проблематике, при этом много дискутировали о роли «субъекта истории» в противовес «объективным условиям» (природно-климатической среде, социально-демографическим и экономическим факторам). Своеобразие культурных, социальных и политических оснований российской истории более последовательно изучается в рамках **«имперской» парадигмы**. Специфическим «объектом» исследования в данном случае служит «империя»⁵¹⁸ - сложная система, придающая включенным в нее элементам новые качества; «особая форма политической организации поликонфессионального и полиэтничного пространства», как «ситуация неопределенных границ и взаимных каналов влияния»⁵¹⁹ и взаимодействия между имперским центром и периферией.

В отличие от теории «хартленда» и «евразийства», в рамках «имперской парадигмы» географические характеристики, как правило, не являются определяющими, соответственно, отдельные регионы, входящие в состав империи, при всей их специфике, мыслятся как неотъемлемые части единого пространства, отражающие в себе его фундаментальные характеристики. Изучение истории окраин позволяет, в первую очередь, глубже понять особенности имперского общества и общенациональной культуры, формирующейся в рамках империи.⁵²⁰ В полной мере такой взгляд может распространяться и на Сибирь, о чем свидетельствуют работы Я. Кусбера, К. Вайсс, С. Франк и др.⁵²¹

⁵¹⁸ О различных значениях понятия "империя" и концепциях имперской истории см.: Lieven D. *The Russian Empire and its Rivals*. London, 2000.

⁵¹⁹ Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004. С.17.

⁵²⁰ В последние годы проблематика «новой имперской истории» разрабатывается и в отечественном сибиреведении. См., напр.: Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Зиновьев В.П., Ремнев А.В., Суворова Н.Г., Шахеров В.П., Шиловский М.В. *Сибирь в составе Российской империи*. М., 2007.

⁵²¹ Kusber J. *Mastering the Imperial Space: the Case of Siberia. Theoretical Approaches and Recent Directions of Research // Ab Imperio. Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space*. 2008. № 8. С.52-74; Weiss C. "Nash", Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Nationalities Papers*. 2007. Vol.35. No.3. P.141-155; Weiss C. *Representing the Empire: The Meaning of Siberia for Russian Imperial Identity // Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35. No. 3. P.439-455; Frank S. *Sibirien: Peripherie und anderes der russischen Kultur // "Mein Russland": Literarische Konzeptualisierungen und kulturelle Projektionen. Beitrage der gleichnamigen Tagung vom 4.-6. Maerz, 1996 in Muenchen*. Wien, 1997. S. 357-381; Frank S. *Reisen nach Sibirien: Zwischen Heteropie und Topographie // KEA*. 1999. H.12. S.113-136.

По мнению А. Кинга⁵²², применение «имперского подхода» к изучению сибирской истории вполне оправданно, поскольку Сибирь, несмотря на статус «окраины» и удаленность от столиц, играла ключевую роль в формировании Российской империи и являлась ее «сердцевиной»⁵²³. К тому же, вслед за многими российскими историками, А. Кинг не считает Сибирь колонией, учитывая, что регион полностью интегрировался в единое пространство Российского государства. Использование «имперской» терминологии, таким образом, позволяет отказаться от «колониального» и «постколониального» дискурсов, а также от понятия «внутренней колонии».⁵²⁴

До конца 1980-х гг. в западной историографии имперская политика России в отношении национальных окраин довольно редко становилась предметом специального исследования. Ситуация кардинально изменилась на рубеже 1980- 1990-х гг., в условиях радикальных общественно-политических трансформаций, приведших к распаду СССР. Рассматривая Советский Союз как последнюю многонациональную империю мира, западные авторы сосредоточились на изучении самого феномена империи, а также на выработке соответствующего концептуального аппарата.⁵²⁵ Так, уже в ноябре 1991 г. необходимость осмысления имперского характера государственности России подчеркивали участники симпозиума (Дж. Бербанк и др.), состоявшегося в Университете Айовы.

В течение следующих десятилетий в историографии сформировалось целое направление – «новая имперская история», представляющая собой, согласно одному из определений, «способ описания исторической реальности принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного общества»⁵²⁶ Новое поколение исследователей

⁵²² Александр Кинг — американский антрополог, бывший редактор журнала "Sibirica", в разное время сотрудничал с Университетом Абердина, Институтом социальной антропологии Макса Планка в Галле, а также Университетом штата Калифорния (Чико).

⁵²³ King A. The Siberian Studies Manifesto // Sibirica, 2006. Vol.5, No.1. P. IX.

⁵²⁴ В свою очередь, критика «имперского подхода» ведется в рамках антиколониального и постколониального дискурсов (хотя, по верному замечанию И.Н. Ионова, зачастую все эти подходы переплетаются, создавая сложную познавательную и коммуникативную ситуацию, не всегда поддающуюся четкому анализу. См.: Ионов И.Н. Имперский и постколониальный дискурсы в формировании образа России на Западе // История и современность. 2008. №.2. С.128-154.

⁵²⁵ По заключению И.В. Герасимова и др., «об «исчерпании ресурса концептуального аппарата модерности», применявшегося для анализа национальных государств, свидетельствовало происходившее в конце XX в. переосмысление процессов национального самоопределения и нациестроительства, сопровождавшихся многочисленными этническими конфликтами, а также выработка конструктивистского подхода к изучению нации не как онтологически существующей политической и социальной реальности, а как системе практик, определяющих ее восприятие. См.: Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004. С.7-16.

⁵²⁶ Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. 2007. № 1 (58). С.219-238. С.227.

использовало в своей работе подходы «новой культурной истории», придавая особое значение анализу национальной политики самодержавия и понятию «национальной идентичности». Выходя за рамки противоборства «тоталитарной» и «модернизационной» парадигм, они отстаивали новый взгляд на Россию как многонациональную и поликультурную империю, сложное Евразийское пространство, населенное многочисленными народами. Предметом их исследований становились политическая культура правящих элит, ритуалы, «ментальные конструкты», «образы», репрезентации и дискурсы, культурные программы, практики и микротехнологии власти.

По словам немецкой исследовательницы У. фон Хиршхаузен, «новая имперская история» мыслит категориями больших пространств и сетей, объединивших гетерогенные этноконфессиональные группы; изучает взаимоотношения «между мультиэтничностью и имперским господством, чтобы объяснить длительность функционирования данной формы государственного устройства и относительность его элементов с помощью этнического и социального многообразия»; показывает относительность понятия «власть» и потенциал колонизируемых групп, выдвигающих на имперскую арену собственную повестку; уделяет внимание акторам – как местным элитам, так и тем группам, которые посылались из центра.⁵²⁷

Такой взгляды соответствует конструктивистскому подходу, сторонники которого предлагают рассматривать империю не как «реальный объект», а как «систему отношений»; «изучать не структуры, а практики и дискурсы, которые переплетаются в динамичную открытую систему «имперской ситуации»». ⁵²⁸ Указывая на невозможность создания «универсальной теории империи», описывающей устойчивые признаки и циклы развития, такие авторы все же называют ряд свойств, имманентно присущих всем империям: дискретность, гетерогенность, полиэтичность и поликультурность.

Представители противоположной точки зрения (А. Рибер обозначает их понятием «сравнительное направление») ведут поиск общих классификаций и всеобъемлющих дефиниций империи (в ряду таких исследователей – Р. Суни, С. Беккер, Д. Ливен, А. Рибер и др.). Используя сравнительно-исторический метод наряду с понятийно-категориальным аппаратом теорий «колонизации» и «модернизации», указанные авторы

⁵²⁷ Hirschhausen, von, U. A New Imperial History? Programm. Potenzial, Perspektiven // Geschichte und Gesellschaft. 2015. 41. Jahrg. N.4. Entwicklungsarbeit und globale Modernisierungsexpertise. S. 718-757.

⁵²⁸ Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос. 2007. № 1 (58). С.223; Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004. С.224-228.

противопоставляют универсальную имперскую идеологию этноцентризму национальных государств; определяют механизмы устойчивости империй; указывают на единый процесс консолидации территорий, гомогенизации населения и управления, концентрации власти и суверенитета, с которыми связано движение от империй к национальным государствам.⁵²⁹

В схеме А. Рибера в рамках «новой имперской истории» также выделяется «географическое направление», для представителей которого характерно повышенное внимание в геополитической проблематике, истории освоения «фронта» и «пограничных областей», представление об определяющем влиянии внешней среды на ход и итоги колонизации. В частности, А. Каппелер признавал наличие общих черт в процесс «русской колонизации» Сибири и «западноевропейской колонизации» Северной Америки (по его мнению, в обоих случаях имели место жестокость в отношении коренных этносов и хищническая эксплуатация природных ресурсов), но считал, что не следует игнорировать географические различия, а также исторические традиции взаимоотношения русских с другими народами, поскольку Россия всегда была полиэтничной страной. На этом основании А. Каппелер выступил против некритического использования в отношении России таких понятий как «колониализм» и «империализм»⁵³⁰ Для объяснения уникальных черт колонизируемых окраин А. Каппелер, вслед за Д. Тредголдом, использовал теорию «фронта».

В условиях «культурного и пространственного поворотов» в историографии исследователи «имперской истории» обращаются к проблематике «воображаемой географии», «ментальных карт» и пространственного мышления», анализируют модели «пространственных порядков», способы их формирования и их значение для социальных процессов.⁵³¹ В США у истоков данного историографического направления на рубеже

⁵²⁹ Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004.

⁵³⁰ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С.7, 35.

⁵³¹ Bassin M. *Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century* // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. No.3. P. 763-794; Sunderland W. *The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia* // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 2000. Neue Folge. Bd. 48. H. 2. S. 210–232; Weiss C. *Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert*. Goettingen, 2007; Frank S.K. *Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur*. Habilitationsschrift, University von Konstanz, 2003; Kivelson V. *Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries* // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007. P. 21–40; 7. Kusber J. *Mastering the imperial space: The case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research* // *Ab Imperio*. 2008. Vol. 4. P. 52–74; Stolberg E.-M. *Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert*. Stuttgart 2009; Шенк, Ф.Б. *Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог*. М., 2016.

XX–XXI вв. стоял Марк Бассин⁵³², в Германии – Карл Шлегель и Мартина Лёв, которая полагает, что «все пространства являются пространствами социальными, поэтому не существует пространств, которые не конституировались бы синтезирующими людьми». В представлении исследовательницы, пространство как «понятийная абстракция» не имеет «материальности в значении физического субстрата».⁵³³ Американский историк М.Бассин также рассматривает «географическое пространство» как эмоционально нагруженный ментальный конструкт и «геоидеологический» концепт, отражающий самовосприятие социума.⁵³⁴ Авторы работ (К.Вайсс, С.Франк, Ф.Б.Шенк и др.), посвященных истории «пространственного конструирования» Сибири, показывают, что восприятие пространства – динамичный процесс, который определяется социальными и культурными условиями, изменяется во времени и оказывает непосредственное воздействие на социальный ландшафт.⁵³⁵ По заключению Ф.Б. Шенка, в основу описаний пространство как конструкта человеческого мышления положены работы Г.Зиммеля, П.Бурдьё, А.Лефевра, Э.Гидденса.

Третье направление в рамках «новой имперской истории» А. Рибер определяет, как «культурное», формировавшееся под влиянием «культурного поворота» в историографии. Представители данного направления (Д. Брауер, К. Клэй, Н. Найт и др.) сосредоточились на изучении культурных практик, «культурной специфичности русских восприятий в разных контекстах и в разные эпохи», в частности, образов нерусских регионов и народов в русской культуре.⁵³⁶ Отталкиваясь от работ теоретиков

⁵³² Bassin M. *Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century* // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. Во время учебы в Беркли М. Бассин специализировался по двум научным дисциплинам — истории и географии. В 1995 г. переехал в Великобританию, на момент публикации книги в 1999 г. являлся сотрудником Университетского колледжа Лондона.

⁵³³ Loew M. *Raumsoziologie*. Frankfurt a.M., 2001. S.228. См.тж: Шенк, Ф.Б. *Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог*. М., 2016.

⁵³⁴ Bassin M. *Imperialier Raum / Nationaler Raum: Sibirien auf der kognitiven Landkarte Russlands im 19. Jahrhundert* // *Geschichte und Gesellschaft*. 2002. 28. Jahrg., N. 3. Mental Maps. S.378-403.

⁵³⁵ Так, если в XVII в. жители западноевропейских стран воспринимали Россию как «северную» страну, а продвижение русских в Сибирь – как проникновение в глубь северных территорий, то вслед за В.Н. Татищевым и И. Страленбергом. Урал стали воспринимать как границу между Европой и Азией, а Сибирь стала воплощением «Другой земли». В самой России получение ясака с «кинородцев» интересовало правительство поначалу куда больше, нежели картографическое описание Сибири. Новый, научный подход к пространственному представлению Сибири принес век Просвещения. См.: Kusber J. *Mastering the imperial space: The case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research* // *Ab Imperio*. 2008. Vol. 4. P. 52–74; Weiss C. *Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert*. Goettingen, 2007; Frank S.K. *Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur*. München, 2007; *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007.

⁵³⁶ *Some paradoxes of the «new imperial history»* [From the editors] // *Kritika*. Bloomington, 2000. Vol.1, N 4. P.623–625; Большакова О.В. *Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография)*. Аналитич. обзор. М., 2003.

«постколониализма»,⁵³⁷ которые парадоксальным образом воспроизводят «концептуальные границы господствующего дискурса» с четким противопоставлением «центра» и «периферии», представители направления «новой имперской истории» делают акцент на каналах влияния и взаимодействия основных элементов, образующих поликонфессиональное и полиэтничное пространство.⁵³⁸ Вслед за С. Беккером историки (Н. Найт, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе) выясняют особенности «русского ориентализма», разницу между европейским и российским пониманием цивилизаторской миссии в Азии.⁵³⁹ С точки зрения некоторых «постколониальных критиков», в России имел место еще более сложный процесс — «внутренняя колонизация», в процессе которой элита навязывала или предписывала народу тот образ его идентичности, который позволил бы преодолеть существовавший между ними культурный разрыв.⁵⁴⁰

В целом сторонники **«постколониального подхода»**, в отличие от приверженцев геополитических концепций или теории «фронта», фокусируют внимание не на особенностях объекта исторического исследования, но на переосмыслении позиции самого исследователя – субъекта исторического познания. Многие сближают постколониальные исследования с постмодернизмом, в рамках которого историческое познание рассматривается как «диалог культур» или «игра». Историк-постмодернист вступает в диалог с другими культурами, позволяя им быть «услышанными» (в терминологии постколониализма – предоставляет слово «угнетенным или подчиненным народам», лишенным права голоса).

Общеметодологической основой указанных подходов является постструктурализм, отрицающий попытки рационального обоснования феноменов действительности, критикующий принципы «причинности», «идентичности», «истины», идеи «роста» и «прогресса»; вместо проблемы познания в центре внимания оказывается проблема

⁵³⁷ Одним из основоположников постколониального подхода считается Э. Саид, автор книги «Ориентализм», опубликованной в 1979 г. Пользуясь терминологией М. Фуко, для которого знание не может быть нейтральным или объективным, поскольку всегда является «продуктом властных отношений», Э. Саид рассматривал дискурс ориентализма как сложный комплекс «знания-власти», в рамках которого страны Запада сумели навязать «Востоку» такой образ его идентичности, в котором ему изначально отводилось зависимое и подчиненное положение.

⁵³⁸ Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань: “Центр Исследований Национализма и Империи”, 2004. С.16-21.

⁵³⁹ См., напр.: Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // Kritika. 2000. Vol.1. No.4. P.691-699; Night N. On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid // Kritika. 2000. Vol.1. No. 4. P. 701-715

⁵⁴⁰ Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 3. С. 50-73.

языка.⁵⁴¹ Соответственно, представители направления определяют «новую имперскую историю» как «археологию знания об империи», которая понимается в духе «постструктуралистской фуколдианской парадигмы, подвергающей деконструкции базовые и нормативные идеи социальных наук», и направлена на дешифровку культурных значений; выявление заложенных в них механизмов власти; анализ, в первую очередь, культурных практик, а не структур (в том числе - государственных).⁵⁴²

В современном западном сибиреведении идеи, предложенные постструктуралистами, разделяют не только представители направления «новой имперской истории». Так, американский историк Э. Гентес, автор серии монографий по истории сибирской каторги и ссылки, подверг критике историков, высоко оценивающих сибирскую реформу М.М. Сперанского. По мнению Э. Гентеса, реальный эффект реформы был невелик, а превозносят ее те, кто по сей день остается в плену позитивистского подхода (служащего основой, с точки зрения историка, и для марксизма, и для либерализма) и игнорируют новейшие философские концепции.⁵⁴³

В представлении историка, позитивисты ищут закономерности, ключевые факторы и «вехи» в истории, знаменующие поступательное и линейное развитие исторического процесса в целом, и национального государства в частности. Э. Гентес ставит под сомнение идею общественного прогресса, но считает более реалистичным путь, ориентированный на самосовершенствование каждого индивида. При этом историк апеллирует к теоретическому наследию М. Фуко и призывает анализировать не только роль высших органов власти, но также «эпистемологию» тех, кто принимал решения на местах, равно как и «контр-поведение» со стороны отдельных людей и социальных групп.

По мысли Э. Гентеса, предложенное М. Фуко понятие «контр-поведения» следует применить для анализа реального механизма функционирования государства, а также, в еще большей степени, для анализа его недееспособности. В рамках данного методологического подхода основной является идея о том, что государство следует воспринимать не как монолит (образ, поддерживаемый с помощью «политического

⁵⁴¹ Формально в постструктуралистских исследованиях акцент делается на механизме взаимодействия субъекта и объекта исторического познания через «дискурс», «коммуникацию», «интерпретацию». Вместе с тем можно говорить о фактическом исчезновении субъекта познания, его растворении в «историческом бессознательном», в «великом интертексте».

⁵⁴² Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004. С. 16- 27; Чуркин М.К. Сибирь в имперской географии власти: паттерн общественно-политического дискурса XVI – XX вв. // Филологический вестник Сургутского гос.пед.ун-та. 2021. № 4. С.147-159.

⁵⁴³ Подробнее см.: Gentes A. Exile to Siberia, 1590–1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia. New York, 2008. P. 204.

театра» и маскирующий невежество и беспомощность властей предрержащих), но как «беспорядочное нагромождение процессов и взаимоотношений».

Безусловно, необходимо поддержать историка в его стремлении исследовать реальный механизм функционирования государственных структур в противовес декларированным целям правительственной политики. Однако с таким же успехом можно утверждать, что, отвергая стройные схемы и закономерности «позитивистской» историографии, исследователь оставляет субъект исторического процесса во власти неких невидимых, неосознаваемых структур, создающих внешне «беспорядочное нагромождение процессов и взаимоотношений». В целом концепция Э. Гентеса соответствует преобладающим тенденциям в развитии современной историографии, связанным с повышенным интересом к субъективным эпистемологическим установкам исследователя.

Как уже отмечалось, в условиях «антропологического поворота», характерного для исторической науки второй половины XX – начала XXI вв., интерес исследователей постепенно смещался от изучения явлений «объективной реальности, от анализа» (в том числе – с использованием статистических и математических методов) массовых и типических социальных структур и процессов к изучению «реальности субъективной». В центре внимания историков оказывается понятие «культура», прежде всего, в его антропологическом значении, т.е. «субъективные ментальные миры», структуры человеческого сознания, восприятия и представлений; системы идей, понятий и символов; обычаи и ценности; психические установки и модели поведения человека.

Соответственно, историко-сибиреведческие исследования последних десятилетий, как правило, носят **междисциплинарный характер**, объединяя методы новой социальной истории, культурной антропологии, имагологии и других научных направлений. Анализируя проблемы самовосприятия, идентификации и самоидентификации различных групп сибирского населения, западные историки оперируют понятием «идентичности» (заимствованным из методологического арсенала «психоистории») – «национальной» (М.Бассин, Ч.Стейнвелл, К.Вайсс, Ш.Коррадо, М.Сокольский), «имперской» (Ч.Стейнвелл, Ш.Коррадо), «региональной» (Ст.Штух, Ш.Коррадо), «сибирской» (Ст.Штух, Э.-М.Столберг), «этнической» (М.Балцер, Д.Андерсон). Феномен «множественных идентичностей» анализировала С.Бэдкок. В

работах западных сибиреведов также активно используются методы и понятия «исторической имагологии», изучающей вопросы формирования «стереотипов» и «автостереотипов» сознания, восприятия национальных и географических «образов», зачастую противопоставленных по принципу «свой-чужой» или в соответствии с дихотомией «Я - Другой».

Противоречивые представления о Сибири, существовавшие в восприятии различных слоев российского и сибирского общества, причины трансформации этих «образов» в те или иные периоды истории анализируют многие западные историки: Ст. Штух (образ Сибири как «колонии»), Э.-М. Столберг (образы Сибири как «внутренней или штрафной колонии», «пространства свободы» или «царства насилия»), К. Вайсс (Сибирь как «колония» и «ключ к имперскому могуществу»), М. Бассин (Сибирь как «колония», «ничейная земля», наследие русского завоевания», «дикая местность», «пространство свободы»), Д. Бир (Сибирь как «средоточие тьмы» и «пространство новых возможностей и процветания»). Американская исследовательница Ш. Коррадо описывает трансформацию образов Сахалина как «края изобилия» и «края земли», а также прослеживает изменения восприятия острова русскими как «колониального Другого» (как это делает М. Бассин для Сибири). Проблеме «символического присвоения» и «ментальной интеграции» Сибири и Дальнего Востока в общеимперское пространство посвящены исследования К. Вайсс, С. Франк, Ф.Б. Шенк и М. Бассин.

В целом западными историками-сибироведами задействован широкий арсенал разнообразных методологических подходов, которые подвергаются в их работах творческому переосмыслению и обогащаются новым содержанием. Так, концепты и методы «трансрегиональных и транскультурных исследований» применяют Э.М. Столберг, Д. Вулф и С. Урбанский; теорию регионализма всесторонне анализируют С. Уотрус, В. Фауст, Ст. Штуха Э.-М. Столберг, М. Бассин, Д. Вулф; направление «экологической истории» развивает М. Сокольский, «истории эмоций» - С. Бэдкок. В современных работах по дореволюционной истории сибирской каторги и ссылки (Э.Гентес, С. Бэдкок, Д. Бир, Э. Шредер и др.) применяется теоретический инструментарий «исторической пенологии», развивающейся на стыке культурно-интеллектуальной и новой социальной истории, в том числе – таких ее направлений как «история женщин», «история семьи», гендерная история. На вооружение исследователями берутся разнообразные теории и концепции, предложенные

специалистами в других научных дисциплинах – политологии, социологии, этнологии. Так, американский историк Д. Рэйнбоу в своей диссертации по истории сибирского областничества демонстрирует возможности использования концепции «партиципаторной автократии»; А. Знаменский – концепции «культурной и политической срединности» Р. Уайта; Э.-М. Столберг обращается к классификации «культурных кодов», предложенной Р. Познером, а Ф.Б. Шенк – к категории и моделям «социального пространства», описанным социологами.

ГЛАВА 2. Власть и общество в Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): проблемы управления, общественно-политического и социокультурного развития региона в освещении англо- и немецкоязычной историографии

2.1. Проблемы управления и общественно-политического развития

В западной историографии (во многом усвоившей идеи российских историков – представителей «государственной школы») неизменно подчеркивается роль государства и его институтов в установлении контроля и закреплении за Россией огромных пространств в Северной Азии. Особое внимание уделялось периоду, охватывающему вторую половину XIX – начало XX в., когда, по мнению многих исследователей, политика Российской империи, основанная на принципах регионализма, постепенно уступала место более жесткому централизму, стандартизации и унификации системы управления.⁵⁴⁴

В начале XX в. одними из первых к изучению темы обратились американские историки, развивавшие концепцию «русской восточной экспансии». Начальный этап формирования концепции нашел отражение, в частности, в магистерской диссертации выпускницы Университета Южной Калифорнии (г. Лос-Анджелес) Э.М. Хикс. В исследовании, посвященном территориальной экспансии России,⁵⁴⁵ одна из глав описывает основные этапы продвижения русских за Урал. Объединяя теорию

⁵⁴⁴ Дамешек И.Л. Современная отечественная историография об управлении Сибирью в 1822-1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т.26. № 3. С.5-11.

⁵⁴⁵ Hicks E.M. The Territorial Expansion of Russia. M.A. Thesis Presented to the Department of History, University of Southern California, 1916.

колонизации, разработанную в русской дореволюционной историографии, с западными геополитическими теориями рубежа XIX – XX вв., Э.М. Хикс называет экспансию России, крупнейшей континентальной империи мира, одним из наиболее поразительных процессов в мировой истории. Начавшись в Московском государстве, процесс экспансии не прекращался на протяжении всего последующего времени, а его главной движущей силой, по мнению исследовательницы, было «стремление к морю», обусловленное потребностью России в получении доступа к незамерзающим портам.⁵⁴⁶

Другими факторами, способствовавшими непрерывному процессу колонизации, исследовательница называет экстенсивное сельское хозяйство, низкий уровень агрикультуры и одновременно – наличие свободных земель («открытых пространств»); разветвленную речную систему и гомогенность территории, а также социально-психологические факторы, связанные с наличием у русского народа «инстинктов» как колонистов, так и кочевников», развившихся в ходе длительных контактов с азиатскими народами; в целом – высокую активность русских переселенцев, их способность приспосабливаться к любым условиям и выстраивать отношения с другими этносами, отсутствие у них стойких расовых и этнических предрассудков.

Опираясь на работы преимущественно западных авторов (Ф.А. Голдера, А. Краузе, Э. Равенштейна, Р. Бизли и др.⁵⁴⁷), Э.М. Хикс рассматривает продвижение русских в Сибирь и на Дальний Восток в XVI-XVII вв. как часть Великих географических открытий. Важнейшую роль в присоединении Сибири, по мнению исследовательницы, сыграло казачество (а Ермак был подлинным основателем «Российской империи в Азии»), но вслед за А. Краузе подчеркивает, что за Уралом русские действовали преимущественно мирным, «дипломатическим» путем.

В представлении Э.М. Хикс, одним из главных инструментов «русской экспансии» являлась **система ссылки**, хотя исследовательница признала, что в конечном счете штрафная колонизация доказала свою неэффективность, и что основную массу сибирского населения составляли не ссыльные, а свободные переселенцы. Эффективным

⁵⁴⁶ Отмечая распространенное в англоязычной литературе представление о том, что Россия в течение нескольких столетий неизменно стремилась найти выход к «портам в теплых водах», современный американский исследователь У.С. Грин усматривает истоки этих представлений в тексте так называемого «Завещания Петра I», служившего оправданием для политики «сдерживания России» со времен наполеоновских войн. См.: Green W.C. The Historic Russian Drive for a Warm Water Port: Anatomy of a Geopolitical Myth // Naval War College Review. 1993. Vol. 46, No. 2. P. 80-102.

⁵⁴⁷ Beazley R.C. The Russian Expansion Towards Asia and the Arctic in the Middle Ages (to 1500) // The American Historical Review. 1908, Vol. 13, No. 4. P. 731-741.

инструментом экспансии также являлась **Русская православная церковь**, с ее достаточно толерантным отношением к другим конфессиям и этносам, а также **система управления**, созданная русскими.

По мнению исследовательницы, отсутствие демократических институтов, ответственного перед народом парламента, а также несменяемость верховной власти имели свои положительные стороны, в частности, обеспечивали преемственность российской политики в Азии, позволяя мобилизовать для достижения поставленных целей все необходимые ресурсы, включая регулярные войска. Автор также подчеркнула, что армия играла большую роль не только в приобретении и удержании русскими новых территорий. Военные занимали заметное место во всей системе управления, возглавляя административные органы, контролируя систему коммуникаций, в том числе железные дороги, которые на рубеже XIX-XX вв. также превратились в инструмент «имперской экспансии».

В последующие десятилетия, несмотря на повышенный интерес западных русистов к роли государства и его институтов, специальные работы, посвященные проблемам управления дореволюционной Сибирью, были крайне немногочисленны. Отчасти это объяснялось сравнительно медленным институциональным оформлением русистических исследований в странах Запада (данный процесс активизировался только в 1940-х гг.), а также тем фактом, что события, происходившие в центральных регионах Российской империи, интересовали зарубежных исследователей значительно больше, нежели история имперских окраин.

Рассматривая государство и его аппарат в качестве реальной силы, способной осуществлять модернизацию в развивающихся странах (к которым относилась и пореформенная Россия), американские историки 1950-1980-х гг. (в их числе – Т. Эммонс, Д. Мейси, М. Раев, Ф. Старр, Дж. Йени, Ф. Вчисло, Р. Уортман, Т. Пирсон, А. Рибер, У.Б. Линкольн и др.⁵⁴⁸) признавали, что в Российской империи бюрократия способствовала экономической модернизации, но не справилась с реформированием общественно-политической сферы.⁵⁴⁹ Анализ системы взглядов и установок, правовой и

⁵⁴⁸ Многие из них являлись учениками П.А.Зайончковского, которого справедливо считали инициатором изучения американцами социальной истории русской бюрократии. Подробнее см.: Большакова, О. В. П. А. Зайончковский и его американские ученики / О. В. Большакова // Отечественная история: 2004. № 4 С.92-107.

⁵⁴⁹ Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитич. Обзор. М., 2003. С.6-8.

политической культуры российского чиновничества позволил объяснить неудачи политических реформ противоборством «консервативной» и «либеральной» частей бюрократии, сторонниками моделей «полицейского государства» (Polizeistaat) и «правового государства» (Reichstaat) (Р. Уортман, Ф. Вчисло, М. Раев).

Сочетая теоретический инструментарий политической социологии М. Вебера с использованием количественных методов, американские исследователи (У. Пинтер, Д.К. Роуни и др.) рассмотрели демографические и социальные параметры различных групп российского чиновничества, указав на устойчивость и относительную однородность данного социального слоя, резкий количественный рост бюрократии к середине XIX в., более строгое разграничение военной и гражданской службы на высшем уровне, рост значения такого критерия как образование и формирование к концу столетия консолидированной группы профессиональных управленцев, с присущим им сознанием собственной профессиональной принадлежности.⁵⁵⁰

Полученные данные также подтвердили вывод о существенных различиях (в том же числе мировоззренческих) между чиновниками центральных и местных учреждений. Сторонником идеи противопоставления трех уровней российской бюрократии (верхнего, среднего и низшего) выступал, в частности, известный американский историк, ученик М.М. Карповича Марк Раев. Называя главной проблемой административной системы дореволюционной России противоречие между личными (харизматическими) и рациональными (бюрократическими) нормами политического действия, историк полагал, что идеальному типу бюрократии в наибольшей степени соответствовал средний уровень администрации, тогда как на высшем (самодержавный абсолютизм) и низшем уровнях царили произвол и беззаконие.

По мнению М. Раева, реформы 1860-1870-х гг. дополнили бюрократическую систему новыми институтами, что способствовало постепенному сближению концепций «полицейского» и «правового государств», однако отсутствие принципиальных изменений на уровне высшей власти привело к тому, что «власть закона» все больше означала для русского чиновничества не автономную юридическую систему или

⁵⁵⁰ Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитич. Обзор. М., 2003. С.9-11.

конституционную форму правления, а только лишь правительство, действующее через институты, процедуры и законы.⁵⁵¹

Критикуя своих западных коллег-историков за недостаточное внимание к проблемам регионального и местного управления, особенностям административных систем в национальных окраинах империи⁵⁵², М. Раев одним из первых среди западных русистов обратился к изучению истории управления Сибирью в XIX в.⁵⁵³ В 1956 г. он опубликовал свою первую монографию, посвященную Сибирской реформе М.М. Сперанского и получившую довольно высокую оценку зарубежных и отечественных исследователей.⁵⁵⁴ Автор использовал ограниченный круг источников – в основном документы, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи, «Архиве Государственного Совета», «Журнале Комитета министров», периодических изданий Императорского общества истории и древностей Российской и Русского исторического общества. М. Раев также широко привлекал сведения из работ дореволюционных и советских авторов (В.И. Вагина, Н.М. Ядринцева, Н.М. Дружинина и др.), мемуарной литературы.

Главной задачей своего исследования М. Раев считал объяснение тех изменений, которые произошли в правительственной политике, проводившейся в Сибири в течение первых веков ее освоения. По мнению историка, первоначально слабый интерес

⁵⁵¹ Raeff M. The bureaucratic phenomena of imperial Russia, 1700–1905 // *American Historical Review*. 1979. Vol. 84, No. 2. P.399–411; Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитич. обзор. М., 2003. С.13.

⁵⁵² Историк объяснял это преобладанием в зарубежной и отечественной историографии централистской и телеологической перспективы, связанной с представлением о конечной цели исторической эволюции России как построении «унитарного, в то или иной степени централизованного национального государства с культурой европейского типа. См.: Raeff M. *Toward a new paradigm?* // *Historiography of imperial Russia: The profession and writing of history in a multinational state*. New York, 1999. P.481–486; Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитич. обзор. М., 2003. С. 24

⁵⁵³ О недостатке внимания к "территориальным элитам управления" писал также Дж. Армстронг. В 1980-х исследования, посвященные местному управлению в Российской империи, опубликовали Н. Вайсман и Т. Пирсон. По оценке С.В. Любичанковского, в целом за прошедшие десятилетия западная русистика (как и отечественная историография) пришла к пониманию концептуальной важности изучения местного уровня власти как объекта, который вобрал в себя основные противоречия эпохи. См.: Armstrong J.A. *Tsarist and Soviet Elite Administrators* // *Slavic Review*. 1972. Vol.31. № 1. P.1-28; Weissman N.B. *Reform in Tsarist Russia. The State Bureaucracy and Local Government, 1900-1914*. New Brunswick, 1981; Pearson T.S. *Russian Officialdom in Crisis. Autocracy and Local Self-Government, 1861-1900*. Cambridge, 1989; Любичанковский С.В. Состояние власти позднеимперской России в оценке англо-американской историографии 2-й половины XX - начала XXI в. // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. Т.9. 2007. № 2. С.342-347.

⁵⁵⁴ Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle, 1956.; Shimkin D.B. *Rec. ad op.: Marc Raeff. Siberia and the Reforms of 1822* (University of Washington Publications on Asia, The Far-Eastern and Russian Institute. Seattle: University of Washington Press, 1956. XVII, 210 pp., appendices) // *American Anthropologist*. 1958. Vol. 60. № 1. P. 190; Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017.

правительства к отдаленной окраине⁵⁵⁵ со временем сменился представлением о Сибири как самом ценном приобретении империи. Наибольшее внимание историк уделил анализу эволюции отношения правительства к экономическому потенциалу Сибири в конце XVIII – начале XIX в., отмечая, что по мере «европеизации» России и распространения идей Просвещения, прежде всего, под влиянием учения физиократов была пересмотрена оценка сельскохозяйственного и торгового потенциала края, и одновременно все более остро ощущалась потребность в реорганизации погрязшей в злоупотреблениях и волоките сибирской администрации.

Проведение реформ стало возможным лишь в первой четверти XIX в., хотя и в этот период власть не решилась на радикальное переустройство сословного общества, ограничившись частными мерами по преобразованию административных органов. По словам М. Раева, отличительной чертой всей системы управления, созданной в ходе реформы, был ее бюрократический характер, тогда как участие общества в этой системе было крайне ограниченным. С одной стороны, автор реформы следовал давней бюрократической патерналистской традиции российской власти, с другой – в «Сибирском учреждении» проявился скептицизм М.М. Сперанского в отношении способности местного общества содействовать управлению регионом. Роль, которую реформатор отводил бюрократии, соответствовала его представлениям о роли государства как «духовном пастыре народа».⁵⁵⁶

М. Раев с сожалением признает, что созданная М.М. Сперанским система управления «была на руку правительству, паталогически боявшемуся вмешательства народа в государственное управление».⁵⁵⁷ Тем не менее, историк определяет реформу как важный шаг к правовому государству, основанному на верховенстве закона. Вслед за С.М. Прутченко⁵⁵⁸ М. Раев также усматривал в реформе 1822 г. «первый случай регионального подхода к управлению на местах». Признание центральной властью необходимости учета региональной специфики должно было предупредить возможные центробежные тенденции.

⁵⁵⁵ Характеризуя развитие сибирской «колониальной администрации» в XVII в., М. Раев ограничился отсылкой читателя к монографии Дж. Ланцева, во многом противопоставившего действия центральных и местных властей. См.: Lantzeff G.V. *Siberia in the Seventeenth Century. A Study of the Colonial Administration*. Berkeley, 1943.

⁵⁵⁶ Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle, 1956. P.84.

⁵⁵⁷ Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*. – Seattle, 1956. P.85.

⁵⁵⁸ См.: Прутченко С.М. *Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления Русского государства: историко-юридические очерки*. СПб, 1899.

Анализ преобразований в социально-экономической сфере позволил М. Раеву сделать вывод о том, что законодательство М.М. Сперанского способствовало расширению свободы торговли и предпринимательства, благодаря чему впоследствии Сибирь превратилась в сельскохозяйственный и промышленный «аванпост» России. Делая ставку на поощрение частной инициативы и предпринимательства, М.М. Сперанский содействовал также «нравственному развитию» населения Сибири, формированию нового типа человека, «сибиряка», отличавшегося чувством собственного достоинства.⁵⁵⁹ В целом, по заключению американского историка, либеральные устремления, проявившиеся в деятельности М.М. Сперанского, были залогом прогрессивного развития региона, поскольку оказали благотворное влияние на умы.

М. Раеву, безусловно, удалось описание широкой картины политических и социально-экономических процессов, обусловивших необходимость реформирования сибирской системы управления, однако его вывод об исторической победе либерализма трудно признать вполне обоснованным, тем более что сам историк называл «подлинной трагедией» нежелание и неспособность преемников М.М. Сперанского проводить политику» в заданном им направлении.⁵⁶⁰ В сущности, М. Раев распространил на более поздний исторический период и вывод Дж. Ланцева о противоречиях между взвешенной и разумной политикой правительства и хаотичностью действий местных сибирских властей.

Американские историки (Т. Пирсон, Р. Роббинс, Т. Фоллоуз, К. Фраерсон, Д. Мейси и др.), изучавшие местное управление Российской империи второй половины XIX – начала XX в., пришли к выводам, во многом созвучным умозаключениям М. Раева. Полагая, что реальные успехи процесса «модернизации» зависели не от правительства, а от конкретных условий той или иной губернии, указанные авторы писали об относительной самостоятельности губернской администрации, слабом правительственном контроле над исполнением принятых решений на местах, отсутствии на губернском уровне политического разделения между «либеральными» земствами и «консервативной» бюрократией.⁵⁶¹

⁵⁵⁹ Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle, 1956. P.131-132. В данном случае М.Раев поддержал точку зрения, изложенную в статье Д. Тредголда о сходстве американского и сибирского «фронтиров».

⁵⁶⁰ Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle, 1956. P.132.

⁵⁶¹ Большакова О.В. *Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография)*. Аналитич. обзор. М., 2003. С.18-23.

Противопоставление «реформ» Александра II «контрреформам» его преемника многие западные авторы не считали оправданным, полагая, что целью последних было улучшение качества управления при ограниченном количестве административного персонала. Именно этими соображениями объяснялось введение института земских начальников, воплощавших в себе личную, патерналистскую природу самодержавной власти.⁵⁶² Одновременно реформирование судебной системы способствовало тому, что к концу XIX в. в крестьянской и городской среде постепенно сформировалась новая правовая культура, свидетельствующая о прогрессе на пути построения гражданского общества.⁵⁶³

О.В.Большакова отмечает возрастающий интерес к теме регионального разнообразия Российской империи в работах американских русистов, опубликованных в 1970-х – 1980-х гг.⁵⁶⁴ Следует заметить, что, как и в начале XX в., западные исследователи во многом сопоставляли имперскую политику в отношении национальных окраин с действиями правительств колониальных держав, по сути, воспроизводя оценки сторонников концепции «русской восточной экспансии». Истории подчинения нерусских народов были посвящены сборники статей, изданные в США под редакцией Т. Гунчака⁵⁶⁵ и М. Рывкина⁵⁶⁶; в немецкой историографии – монографии Д. Гайера⁵⁶⁷ и Г.-Г. Нольте⁵⁶⁸, показавшего, как имперские притязания правительства привели в итоге к превращению России в «полупериферию» мировой экономической системы.

Ф. Старр считал Российскую империю «типичным колонизатором», полагая, что о «колониальном» характере ее правления свидетельствовали: 1) ведущая роль государства в управлении и освоении новых территорий; 2) первостепенная роль армии и

⁵⁶² Pearson T. Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // *Jahrbuecher fur Geschichte Osteuropas*. 1984. Bd. 32. S.52–71; Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитич. обзор. М., 2003. С.18.

⁵⁶³ Frierson C.A. «I must always answer to the law...»: Rules and responses in the reformed volost' court // *Slavonic and East European Review*. London, 1997. Vol.75. Vol. No. 2. P.308–334; Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитич. обзор. М., 2003. С.23.

⁵⁶⁴ Большакова О.В. Российская империя: Система управления (Современная зарубежная историография). Аналитич. обзор. М., 2003. С.24.

⁵⁶⁵ *Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution*. New Brunswick, 1974.

⁵⁶⁶ *Russian Colonial Expansion to 1917*. London, 1988; См. тж: Семенов А. М. Англо-американские исследования по истории Российской империи и СССР // *Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004*. С.613.

⁵⁶⁷ Geyer D. *Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860-1914*. Göttingen, 1977.

⁵⁶⁸ Nolte H.-H. Zur Stellung Osteuropas im internationalen System der frühen Neuzeit. Aussenhandel und Sozialgeschichte bei der Bestimmung der Regionen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1980. Н. 28. S. 161-197; Ауст М. Новая история Российской империи в германской русистике // *Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004*. С. 602.

последующая милитаризация системы управления; 3) выдающаяся роль, которая принадлежала в «колониальной администрации» могущественным и энергичным личностям; 4) использование церкви в качестве инструмента колониальной политики.⁵⁶⁹ Более сложное видение моделей имперской политики России предложил М. Раев. В одной из своих статей, опубликованных в начале 1970-х гг., основными этапами осуществления такой политики историк назвал, во-первых, завоевание или присоединение новых земель; во-вторых, инкорпорацию территорий и народов в состав Российской империи; в-третьих, процесс ассимиляции населения.

На рубеже 1960-х-1970-х гг. к изучению России как империи обратился американский историк Сеймур Беккер. В известной монографии, опубликованной в 1968 г. и посвященной российским протекторатам в Центральной Азии, автор, следовавший в русле модернизационной парадигмы, пришел к выводу, что Россия сама являлась объектом западной экспансии (оставаясь лишь частично вестернизированной страной) и одновременно осуществляла экспансию в отношении «колонизуемых» соседей, пользуясь собственным технологическим и организационным превосходством.⁵⁷⁰ Взгляд на Россию как субъект и одновременно объект мирового империализма впоследствии позволил С. Беккеру поставить вопрос о возможности применения теории ориентализма Э. Саида к историческому опыту Российской империи, об особенностях российского ориентализма, а также о различиях понимания русскими и европейцами собственной цивилизаторской миссии в Азии.⁵⁷¹

В конце XX в. проблемы управления дореволюционной Сибирью актуализировала «новая имперская история», важной вехой в развитии которой явилась монография немецкого ученого А. Каппелера, изучавшего историю становления России как многонациональной империи на протяжении четырех веков.⁵⁷² Автор, в частности, рассмотрел функционирование механизмов власти, взаимоотношения между империей и

⁵⁶⁹ Starr F. Tsarist government: the imperial dimension // Soviet nationality policies and practices. New York, 1978. P.3-38.

⁵⁷⁰ Bekker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge, 1968.

⁵⁷¹ Герасимов И.В. Написание истории России как истории империи: опыт Сеймура Беккера // Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004. С.41-46.

⁵⁷² Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich: Entstehung-Geschichte-Zerfall. Munich, 1992. Признавая основополагающий характер работы А. Каппелера, исследователи имперской истории, все же замечают, что автор скорее делал акцент на сумме национальных опытов, нежели на проблеме имперского пространства, и редуцировал «сложные конфигурации национальных, сословных и конфессиональных взаимоотношений до бинарных противопоставлений «русифицирующего центра» национальным окраинам» См.: Новая имперская история постсоветского пространства: Сб. ст. Казань, 2004. С.16-21.

формирующимися нациями, изменения национальной политики и формирование имперского курса в различные периоды истории; выясняются причины, по которым империя в итоге распалась. По признанию самого А. Каппелера, стремление создать модель полиэтнической империи в теоретическом отношении соответствовало происходившей в историографии тех лет смене политической и социологической парадигмы на этнологическую. В дальнейшем историк предложил региональный подход в качестве альтернативы этноцентричному.⁵⁷³

В классификациях, разработанных сторонниками «имперского подхода», Россию относят к территориально-протяженным континентальным империям (наряду с Габсбургской и Османской), в противовес западноевропейским империям с заморскими колониями. Сопоставление траекторий развития «континентальных» и «морских» империй актуализирует вопрос о сходстве и различиях процессов колонизации, практик «колониального управления», т.е. о том, можно ли ставить Россию в один ряд с другими «колониальными империями»?

Утвердительный ответ на этот вопрос дает американский историк В. Сандерленд. В монографии, посвященной истории присоединения и освоения русскими окраинного пространства от Центральной Украины до Урала и сочетающей в себе методы административной, энвайронменталистской и интеллектуальной истории, исследователь показал, как степной регион трансформировался в район сельскохозяйственного освоения, и как эта трансформация отражалась в официальном политическом дискурсе и литературе.⁵⁷⁴ Автор характеризует политику, проводившуюся в отношении этих окраин, как «империалистическую», ничем не отличавшуюся от политики западных держав, создавших колониальные империи на других континентах. Под «империализмом» историк вслед за М. Дойлом понимает процесс «установления или поддержания империи», а под «империей» - эффективный контроль, который осуществляет над подчиненным обществом имперское общество.⁵⁷⁵

⁵⁷³ Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. No 1. С.15-32; См. тж: Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // *Новая имперская история постсоветского пространства*: Сб. ст. Казань, 2004. С.427-459. В новейших публикациях сторонником регионального подхода выступил также В. Сандерленд. См.: *Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение*. М, 2011.

⁵⁷⁴ Grachev I., Rykin P. *A European's view of Asiatic History: Willard Sunderland. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, NY, and London: Cornell University Press, 2004. 239 p. // *Forum for Anthropology and Culture*. Vol. 4. 2007. P.395–401; Morrison A. *The Russian Empire and the Steppe. An Exchange of Views* // *Forum for Anthropology and Culture*. Vol. 4. 2007. P.402-415.

⁵⁷⁵ Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca; London, 2004. P.3.

Не соглашаясь с использованием терминов «освоение» и «внутренняя колонизация», американский историк возражает против попыток рассматривать колонизацию степи как процесс, который осуществлялся народными массами, носил естественный и преимущественно мирный характер и разворачивался в пределах империи, но сам по себе не был империалистским. По его мнению, такой взгляд является порождением мифа, стремления выдать желаемое за действительное; он обусловлен сложной имперско-национальной идентичностью российской элиты.⁵⁷⁶ Вместе с тем, автор признает, что в российском «империализме» тесно переплетались патерналистское отношение к инородцам, империостроительство, построение социума и нации.

Российские исследователи И.А. Грачев и П.О. Рыкин указали на противоречивость подхода, заявленного В. Сандерлендом, поскольку американский историк, с одной стороны, подчеркивает, что российское правительство не рассматривало поглощение степных районов как колонизацию в обычном смысле, и степь никогда не называлась колонией, с другой – не сомневается, что «приписывание ей колониального статуса выглядит очевидным». По мнению рецензентов, автору следовало рассмотреть колонизацию с точки зрения тех, кто являлся ее объектом, и в этом случае вести речь о взаимодействии различных акторов, описывая социальный процесс как столкновение различных символических стратегий, ищущих возможность компромисса или «общего языка».⁵⁷⁷ В защиту В. Сандерленда выступил А. Моррисон, полагающий, что политика России была по сути колониальной, т.к. была обусловлена идеями расового и культурного превосходства над «инородцами» и нацелена на их «переделку». Наличие у Российской империи существенных особенностей (она действительно была континентальной, расширялась на прилегающие территории и не имела четких различий между метрополией и окраинами) указывает на «различие в степени, а не в качестве».⁵⁷⁸

В одной из статей В. Сандерленд исследует различия во взглядах на колонизацию окраин, которые существовали в правительственных кругах и в среде самих «колонистов» (что, впрочем, можно было наблюдать и в других странах, осуществлявших колонизацию огромных пространств – например, в США и Австралии). Особенностью России

⁵⁷⁶ Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca; London, 2004. P.227.

⁵⁷⁷ Grachev I., Rykin P. *A European's view of Asiatic History: Willard Sunderland. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, NY, and London: Cornell University Press, 2004. 239 p. // *Forum for Anthropology and Culture*. Vol. 4. 2007. P. 89.

⁵⁷⁸ Morrison A. *The Russian Empire and the Steppe. An Exchange of Views* // *Forum for Anthropology and Culture*. Vol. 4. 2007. P.402-415.

американский историк считает более амбивалентное отношение образованной общественности к проблеме колонизации, что проявилось и в восприятии опыта западных колониальных держав, и во взгляде на роль русского крестьянства.⁵⁷⁹

По заключению исследователя, в позднеимперский период значительная часть российского чиновничества и более широкие слои просвещенной общественности воспринимали колониационный процесс с энтузиазмом, связывая его с исторически предопределенным и триумфальным маршем прогресса, «русскости» и укрепления имперского единства. Согласно такому оптимистичному восприятию, волна имперской колонизации превращала «безлюдные» пространства в плодородные пашни и пастбища, «инородческие» регионы – в неотъемлемую часть России.

Многими представителями образованной общественности Россия идентифицировалась как европейское государство, соответственно, «восточные территории» воспринимались ими как колонии, находившиеся за пределами Европы, которые предстояло заселить и освоить с помощью более развито российской метрополии как воплощения европейского прогресса и цивилизации. Другой взгляд на колонизацию был менее позитивным. В то время как на русского крестьянина возлагалась задача ассимиляции аборигенов и покорения «фронтиров», даже беглого взгляда на районы заселения на востоке империи было достаточно, чтобы увидеть, что крестьяне не всегда были успешными и хорошо адаптировавшимися колонистами; не всегда они справлялись с предписанной им ролью культуртрегеров и влияли на «восточный фронт» в той же мере, в какой «фронт» влиял на них.

Утверждая, что Россия следовала общемировым колониальным практикам, В. Сандерленд в одной из своих работ задался вопросом о том, почему в России так и не было учреждено Министерство по делам колоний, аналогичное тем, что существовали в других империях.⁵⁸⁰ Среди причин автор называет характерное для континентальной империи отсутствие четкого разделения между «метрополией» и «колониями»; общий тренд имперского управления, направленный на создание гомогенного государственного пространства; нежелание военных, игравших большую роль в управлении окраинами, допустить появление специализированного гражданского министерства; опасения

⁵⁷⁹ Sunderland W. The 'Colonization Question': Visions of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas Neue Folge*, 2000. Bd. 48. H. 2. P. 210-232.

⁵⁸⁰ Sunderland W. The Ministry of Asiatic Russia: The Colonial Office That Never Was but Might Have Been // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69. No. 1. P. 120-150.

властей, связанные с возможным появлением сепаратистских движений, и вызванное этим стремление «избегать явных структурных параллелей с западными колониальными империями». К тому же, по замечанию историка, Россия вплоть до конца существования монархии позиционировала себя как «династическая», а не «колониальная» империя; как «российская», а не «русская».

Вместе с тем, процессы «русификации» и «модернизации» сопровождались процессом колонизации (прежде всего в Азиатской России), усиливая дифференциацию между центром и окраинами, русскими и «иностранцами». Американский историк убежден, что в условиях такой «модернизационной колонизации» появление в России «колониального» министерства было делом времени, и оно обязательно бы возникло, если бы не революционные события 1917 г. Пробразамии такого министерства, по мнению В. Сандерленда, являлись Министерство государственных имуществ и Переселенческое управление.

В работах западных историков, посвященных анализу имперской **политики в отношении аборигенного населения** Сибири, особое внимание уделяется «Уставу об управлении иностранцев», разработанному М.М. Сперанским и Г.С. Батеньковым. По мнению западных авторов, принятие Устава в 1822 г. положило начало новому этапу в истории взаимоотношений пришлого и аборигенного населения Сибири. Содержание данного этапа характеризовалось в зависимости от общего понимания целей имперской политики и приверженности исследователей определенным теоретико-методологическим установкам. В частности, историки 1950-х-1970-х гг., следовавшие в русле модернизационной парадигмы, разделяли мнение, что авторы Устава 1822 г. намеревались гарантировать «иностранцам» широкое самоуправление, дополнив традиционные элементы родоплеменного устройства новой системой учреждений («родовых управлений», «иностранных управ» и «степных дум»). Позиция царского правительства в отношении сибирских иностранцев расценивается большинством таких авторов, скорее, как «политика невмешательства», имевшая свои положительные и отрицательные стороны.

Так, в монографии М. Раева, который вслед за Дж. Ланцевым противопоставил патернализм правительственного курса в отношении «иностранцев» действиям коррумпированного сибирского чиновничества, политика М.М. Сперанского в отношении аборигенных этносов определена как «органичная русификация»,

способствовавшая культурной и социально-экономической унификации населения Сибири и упрочению основ унитарного государства.⁵⁸¹ Идеям М. Раева во многом созвучны выводы британского исследователя Т. Армстронга, полагающего, что несмотря на довольно мягкое и гуманное отношение к коренным народам Севера со стороны царского правительства, аборигены часто страдали от бесконтрольных действий отдельных чиновников и «эксплуататоров» на местах.⁵⁸² Присоединяя северные земли, русские нередко встречали сопротивление со стороны коренного населения: так, в источниках зафиксированы случаи столкновений с ненцами, эвенками, якутами, кетами. Затем, как правило, наступал период мирного сосуществования (редким исключением из данного правила исследователь называет покорение Чукотки), поскольку русские, в сущности, ограничивались сбором ясака и не вмешивались в жизнь северных народов, сохраняя у них самоуправление.

По заключению Т. Армстронга, разрыв между либеральным отношением правительства и злоупотреблениями отдельных чиновников на местах вызывал обеспокоенность М.М. Сперанского, реформы которого, воплощенные в Уставе 1822 г., имели целью улучшение участи коренного населения и уменьшение возможностей для его эксплуатации. Автор реформы стремился к «органичному», не навязанному сверху включению инородцев в русское общество, без какого-либо принуждения. И цель, и способы ее достижения британский исследователь счел похвальными, подтверждением чему служил тот факт, что Устав 1822 г. оставался в силе на протяжении почти целого века.

Т. Армстронг отмечал и некоторые положительные последствия русской колонизации для аборигенного населения. В частности, присутствие русских способствовало уменьшению количества межплеменных конфликтов, а также экономическому развитию территорий, их сельскохозяйственному освоению. В свою очередь, пришлое население перенимало у коренных жителей методы адаптации и выживания в экстремальных условиях Арктики. В целом, несмотря на свидетельства современников о распространении болезней и тяжелых условиях жизни «инородцев», их эксплуатации русскими торговцами, утрате некоторыми народами (например, ительменами,

⁵⁸¹ Raeff M. *Siberia and the Reforms of 1822*. Seattle, 1956. P.129-136.

⁵⁸² Armstrong T. *Russian Settlement in the North*. Cambridge, 1965. P.117.

камчадалами) признаков этнической группы, общая численность аборигенного населения Севера продолжала расти.⁵⁸³

На рубеже XX-XXI вв., во многом под влиянием подходов «новой культурной и социальной истории», в центре внимания исследователей оказалась проблема правового статуса «инородцев». Западной историографией был воспринят вывод советского историка М.М. Федорова⁵⁸⁴, полагавшего, что образцом для законодательства М.М. Сперанского послужил «Проект устава о сибирских инородцах», составленный в 1798 г. Документ предусматривал замену существующего беспорядка в юридической терминологии («иноземцы», «иноверцы», «ясачные люди») на единую категорию - «инородцы», а также имел своей конечной целью превращение «не-оседлых» народов в «полноценных» (т. е. перешедших на оседлый образ жизни) граждан государства.⁵⁸⁵ Как заметил американский исследователь Дж.У. Слокум, в итоге «образ жизни» (оседлый или кочевой) начал оттеснять религию в качестве «существенного критерия различий» между русскими и нерусскими на восточных окраинах империи.⁵⁸⁶

По мнению А. Каппелера, Устав 1822 г. сочетал в себе традиции прагматической политики Московского государства по отношению к национальным меньшинствам с просветительскими целями и цивилизаторской миссией.⁵⁸⁷ Замысел М.М.Сперанского немецкий исследователь, однако, подверг критике, поскольку вновь созданная правовая категория «инородцев», по его мнению, превращала часть нерусского населения империи в «граждан второго сорта». Американский историк Ю. Слезкин также усматривает истоки противопоставления пришлого и аборигенного населения в сохранявших свое влияние теориях и идеях эпохи Просвещения. Следуя представлениям о трех возрастах человечества, М.М. Сперанский полагал, что каждое общество проходит через стадии детства, зрелости и старости, и что «законодатель не может и не должен менять этот

⁵⁸³ Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965. P.115-117.

⁵⁸⁴ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000; Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2017.; Слокум Дж. У. Кто и когда были "инородцами"? Эволюция категории "чужие" в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С.502-531; Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII- начало XIX вв.). Якутск, 1978.

⁵⁸⁵ Опровергая выводы М.М. Федорова, современный российский исследователь А.Ю. Конев доказывает, что именно в «Уставе» М.М. Сперанского впервые было дано правовое определение новой социальной категории «инородцы». См.: Конев А.Ю. О первоначальном проекте Устава об управлении инородцев: история создания и основные положения // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С.47-52; Конев А.Ю. «Иногородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117-120.

⁵⁸⁶ Слокум Дж.У. Кто и когда были "инородцами"? Эволюция категории "чужие" в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С.502-531.

⁵⁸⁷ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С.126.

возраст, но он должен знать его точно и управлять каждым в соответствии с его собственным характером».⁵⁸⁸

Вслед за советскими историками Ю. Слезкин подчеркивает роль, которую в подготовке Устава 1822 г. сыграл соратник М.М. Сперанского — декабрист Г.С. Батеньков, определивший соответствие трех основных географических зон Сибири («северной, средней и южной») трем типам экономического развития («возрастам»). В соответствии с типом хозяйства народы Сибири были отнесены им к категориям «оседлых», «кочевых» и «бродячих». Все сибирские аборигены были формально объявлены «иностранцами». Оседлые в правовом отношении приравнивались к русским тех же сословий (как правило, к купцам и государственным крестьянам); кочевники и «бродячие» продолжали платить ясак.

Предполагалось, что «иностранцы» будут постепенно, без принуждения со стороны властей, переходить из одной категории в другую («прогрессировать»), хотя, по мнению Ю. Слезкина, авторами реформы не предусматривалось окончательного превращения «иностранцев» в русских: даже «оседлые» имели особый статус, поскольку освобождались от рекрутской повинности — «без указания на то, как эту черту перейти, и можно ли перейти ее вообще».⁵⁸⁹ У. Дж. Слокум уточняет, что после введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. правительство постепенно начало урезать данную официальную привилегию (так, оседлые «иностранцы» более не освобождались от военной службы). Вместе с тем, на рубеже XIX – XX вв. «само понятие «русскость» все более и более осмыслялось в этнических категориях, затрудняя для любого «чужака» возможность стать русским».⁵⁹⁰

Опираясь на работы отечественных авторов⁵⁹¹, западные историки пишут о многочисленных трудностях, связанных с практической реализацией положений Устава 1822 г. По словам Ю. Слезкина, «роды» не могли функционировать как постоянные административные единицы; новые крестьяне оказались не в состоянии платить налоги, кочевники отказывались платить ясак деньгами, надеясь избежать включения в

⁵⁸⁸ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2017. С.102.

⁵⁸⁹ Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2017. С.105.

⁵⁹⁰ Слокум Дж.У. Кто и когда были "иностранцами"? Эволюция категории "чужие" в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С.509.

⁵⁹¹ Шашков С.С. Исторические этюды. СПб, 1872; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб, 1882; Конев А.Ю. Коренные народы северо-западной Сибири в административной системе Российской империи (XVII- начало XX вв.). М., 1995.

категорию «оседлых».⁵⁹² В то же время попытки формального уравнивания статуса оседлых инородцев со статусом русских крестьян встретили «жестокое бюрократическое сопротивление».⁵⁹³

Наиболее последовательно политику самодержавия в отношении сибирских аборигенов критикует современный британский исследователь Дж. Форсайт, цитируя, в частности, труды «областников» и советских историков-марксистов, писавших о колониальной политике царизма.⁵⁹⁴ Дж. Форсайт приводит свидетельства современников о том, что в XIX в. все сибирские аборигены, за исключением бурят, якутов и полунезависимых чукчей, достигли состояния «деморализации и полунищенского состояния», страдая от эпидемий болезней, злоупотребления алкоголем, а также эксплуатации и ограбления со стороны русских торговцев и крестьян. Одним из наиболее вопиющих положений «конституции» 1822 г. исследователь называет объявление всей земли собственностью Российского государства, «которое великодушно позволило аборигенам использовать ее в соответствии со своими собственными правилами».⁵⁹⁵ Общая же тенденция и направленность реформы 1822 г., по мнению британского исследователя, заключалась в том, чтобы побудить, а при необходимости - заставить кочевые народы отказаться от своего традиционного образа жизни и осесть на земле в качестве крестьян. Итогом такого ограничения и, в конечном счете, запрета на номадизм (с целью высвобождения пахотной земли) стало разорение бывших кочевников.

Британский историк А. Вуд в своем обобщающем исследовании по истории Сибири, опубликованном в 2011 г., также подверг критике имперскую политику в отношении сибирских «инородцев».⁵⁹⁶ Движимый благими намерениями реформатор, по мнению А. Вуда, в итоге сумел лишь создать наполненную бюрократическими идеями и основанную на административном произволе колониальную систему управления, которая всецело ориентировалась на интересы имперского государства и игнорировала нужды, обычаи и практики аборигенного населения.⁵⁹⁷

⁵⁹² Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2017. С.109.

⁵⁹³ Слокум Дж.У. Кто и когда были "инородцами"? Эволюция категории "чужие" в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С.510-511.

⁵⁹⁴ Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge, 1992.

⁵⁹⁵ Forsyth J. The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990. Cambridge, 1992. P.154-160

⁵⁹⁶ Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011.

⁵⁹⁷ Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011. P.110-117. Современные отечественные исследователи (А.Е. Шапаров, А.И. Прохоров и др.), анализирующие

Современный немецкий историк Д. Дальман признает, что замысел реформаторов не был в полной мере воплощен в жизнь (хотя, в отличие от А. Вуда и Дж. Форсайта, полагает, что податное бремя для аборигенов в итоге существенно уменьшилось), и что Устав 1822 г. можно рассматривать как «проявление европейского чувства превосходства». Вместе с тем, по мнению исследователя, реформа все же коренным образом изменила положение аборигенного населения, признав за сибирскими народами право на собственную систему управления, юрисдикцию и социальное устройство, что для начала XIX в. было совершенно беспрецедентным явлением. Де юре сибирские этносы получили большую самостоятельность и больше прав, чем крепостные крестьяне в Европейской России.⁵⁹⁸

На негативные аспекты правительственной политики в отношении аборигенов указывает Э.- М. Столберг, полагая, что на рубеже XIX – XX вв. самоуправление инородцев, предусмотренное реформой М.М. Сперанского, было подорвано притоком колонистов, начавшимся после крестьянской реформы 1861 г.⁵⁹⁹ Местная администрация в лице губернаторов способствовала объединению систем управления русским и аборигенным населением, что было равнозначно русификации. По мнению исследовательницы, то обстоятельство, что крестьяне-инородцы, занятые земледелием, должны были управляться на основе принципов, действовавших в русской общине, не свидетельствовало о гибкости российского законодательства. Включение некогда кочевых народов в состав крестьянского сословия Э. - М. Столберг также связывает с идеей привлечения инородцев к военной службе, что, с точки зрения правительства, имело особое значение для восточных окраин, учитывая их слабую заселенность.⁶⁰⁰

государственную национальную политику, также дают негативную оценку такому «государственно-патерналистскому» подходу (равно как и «либеральному»), противопоставляя его «неотрадиционалистскому». См.: Шапаров А.Е. Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 98–117; Пика А.И., Прохоров Б.Б. Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). М, 1994.; Михайлицина Е.А. Основные сюжеты региональной истории Сибири в англо-американской научной периодике // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 135-143.

⁵⁹⁸ Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn 2009. S.150-169.

⁵⁹⁹ Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart, 2009. S.283.

⁶⁰⁰ Влияние всеобщей воинской повинности на процессы, связанные с формированием российской нации, анализируется в монографии Д. Санборна. По утверждению автора, военный призыв воспринимался самодержавием как важный инструмент постепенной ассимиляции меньшинств посредством милитаризации. Последняя также подразумевала выработку чувств "участия, принадлежности и лояльности" для создания нового типа "солдата и гражданина". В период войны стремление властей максимально расширить круг призывников нередко провоцировало недовольство и даже восстания (например, Туркестанское восстание 1916 г.), тем не менее призыв оказался сферой, способствовавшей превращению подданных в политически активных граждан. См.: Sanborn J. Drafting the Russian nation: Military conscription, total war and mass politics, 1905-1925. DeKalb, 2003; Макаров Н.В.

Одним из важнейшим инструментом управления дореволюционной Сибирью западные историки традиционно считают **пенитенциарную политику**⁶⁰¹ царского правительства в Сибири, прежде всего – в позднеимперский период, когда, по мнению ряда исследователей, система каторги и ссылки переживала кризис, заставивший царское правительство реорганизовать всю систему уголовных наказаний.

На рубеже XIX – XX вв. за пределами России в массовом сознании (как и в сознании образованной части общества в Европейской России)⁶⁰² утвердился взгляд на Сибирь как регион, населенный преимущественно ссыльными и каторжными и колонизованный, прежде всего, их усилиями. Несмотря на существовавший в странах Запада общественный и научный интерес к вопросам, связанным с историей сибирской каторги и ссылки, специальные работы, написанные по данной теме профессиональными историками, появлялись редко.

По заключению немецкого историка Д. Дальмана⁶⁰³, в конце XIX в. «печальной славе» Сибири как места каторги и ссылки способствовали воспоминания бывших политических ссыльных, труды представителей «либеральной общественности», а также, в немалой степени, работы американского журналиста Дж. Кеннана (1845-1924). Парадоксально, но в начале своей карьеры Дж. Кеннан искренне восхищался Россией и Сибирью, где ему удалось побывать еще в молодости в качестве сотрудника российско-американской телеграфной компании. Наряду с Г. Лансдэллом и П.М. Коллинзом в своих ранних статьях он выступал в поддержку царского правительства и системы ссылки. Так, в одной из публикаций, увидевшей свет в 1882 г., Дж. Кеннан, используя статистические материалы Е.Н. Анучина, опровергал преобладающее на Западе представление о том, что основную массу ссыльных в Сибири составляли осужденные за политические преступления (народники или, в его терминологии, «нигилисты», а также поляки и прочие «заговорщики»).

Российская империя в Первой мировой войне: современная англо-американская историография // Российская история. 2014. № 5. С.36-49.

⁶⁰¹ Согласно определению В.И. Алексева, пенитенциарная политика – это установленные государством и закрепленные нормативно-правовых актах порядок и условия отбывания уголовного наказания, совокупность мер и средств пенитенциарного воздействия на арестантов, направленные на их исправление и предупреждение рецидивной преступности. См.: Алексеев В.И. Формирование российской пенитенциарной политики и ее источников (1878-1917) // Журнал российского права. 2010. № 7. С.92-97.

⁶⁰² Подробнее см.: Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX - начала XX века: монография / Н. Н. Родигина. - Новосибирск: Изд. НГПУ, 2006.

⁶⁰³Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn: Schöningh, 2009.

Дж. Кеннан также доказывал, что вопреки другому распространенному заблуждению, ссыльнокаторжные не составляли большинства ссыльного населения Сибири (в 1867-1872 гг. их доля не превышала 8%); что этапирование ссыльных производилось не только пешим порядком; и в Сибири им не так уж сложно было найти работу, а статистика побегов, ежегодно совершавшихся ссыльными, свидетельствовала об очень слабом надзоре со стороны местных властей. Впрочем, американский журналист признавал, что по мере роста благосостояния сибирского населения система ссылки все чаще подвергалась острой критике, поскольку создавала региону дурную репутацию и сдерживала приток переселенцев, и допускал, что в будущем она может быть упразднена.

Описания наиболее мрачных сторон жизни заключенных и ссыльных в Сибири, приведенные, например, трудах С.В. Максимова или британского журналиста Ю.К. Гренвилла Мюррэя, по утверждению Дж. Кеннана, имели свои аналоги в истории американских тюрем, не говоря уже о ссылке в Австралию или на Землю Ван-Димена (Тасманию). Как писал Дж. Кеннан: «Если мы по этой причине не называем американское или британское правительство варварским или жестоким, то не следует этого говорить и о России»⁶⁰⁴. Такого рода высказывания вызывали многочисленные критические отзывы в западной прессе, заставившие журналиста уделить данному вопросу более пристальное внимание. По возвращении из очередной поездки в Россию, совершенной в середине 1880-х гг., Дж. Кеннан превратился в одного из наиболее непримиримых критиков системы каторги и ссылки (как, напр., Дж. Бьюэл, Дж.Я. Симпсон, Л.Ф. Гоуинг), перестав проводить сравнения с ситуацией в американских тюрьмах.

После 1917 г. Дж. Кеннан и его сторонники вновь подверглись критике за необъективность — теперь уже со стороны тех исследователей, кто сравнивал карательную политику царской и Советской России и считал последнюю значительно более суровой⁶⁰⁵. В конце 1950-х гг. бывший посол США в СССР Дж.Ф. Кеннан в предисловии к очередному переизданию двухтомника «Сибирь и ссылка», написанного его знаменитым родственником, признавал, что «автор не смог в полной мере принять во внимание чудовищность террористических актов, за которые были сосланы в Сибирь

⁶⁰⁴ Kennan G. *Siberia. The Exiles' Abode* // *Journal of the American Geographical Society of New York*. Vol. 14. 1882. P. 58. Примечательно, что доводы в защиту системы ссылки, высказанные американским журналистом в более ранних публикациях, отчасти напоминают аргументацию тех современных историков (Б. Адамс, Дж. Дэли, Д. Дальман, С. Бэдкок и др.), кто призывает не преувеличивать меру суровости карательной политики самодержавия.

⁶⁰⁵ Hecht D. *Rec. ad op.*: Kennan G. *Siberia and the Exile System*. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. // *The Russian Review*. 1958. Vol. 17. No. 3. P.223-224. В современной историографии к такому выводу приходят, напр., Э. Гентес, С. Бэдкок, Д. Дальман, Д. Бир.

многие герои его книги»⁶⁰⁶. Известный американский историк Д. Тредголд назвал книгу Дж. Кеннана публицистической, направленной на искоренение конкретного зла, но не дающей сбалансированной картины фактического состояния пенитенциарной системы России и Сибири. Вместе с тем, инициаторы переиздания полагали, что работа Дж. Кеннана позволяет не только лучше понять истоки политико-правовой системы Советского государства, но и провести обескураживающие параллели с американским правосудием, которое опиралось, в том числе, на принципы «вины по ассоциации», «вины по отказу донести на других», «наказания как предупредительной меры за еще не совершенное деяние» и др.⁶⁰⁷

До конца 1970-х гг. в англоязычной историографии отдельные вопросы истории сибирской каторги и ссылки «позднеимперского периода», как правило, затрагивались в работах обобщающего характера (Т. Армстронг⁶⁰⁸), либо в биографических исследованиях, посвященных известным деятелям революционного движения. (Э. Карр⁶⁰⁹, Ф.Б. Рэндалл⁶¹⁰ и др.) Одна из немногих специальных работ по теме — опубликованная в 1937 г. статья известного английского историка Эдварда Карра, посвященная сибирской ссылке М.А. Бакунина и истории его побега в 1861 г. В качестве источников автор, консультировавшийся с сотрудниками Русского заграничного исторического архива в Праге, использовал письма М.А. Бакунина, изданные в 1896 г. в Женеве М.П. Драгомановым, а также документальные материалы к его биографии, опубликованные в СССР в 1923-1933 гг.

В своем исследовании Э.Х. Карр стремился выяснить степень виновности отдельных представителей местной администрации, не сумевших предотвратить побег революционера. В итоге историк отверг версию о том, что к организации побега могло быть причастно царское правительство. Признавая, что генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков и иркутский гражданский губернатор П.А. Извольский благосклонно относились к М.А. Бакунину, исследователь пришел к выводу, что обвинить их можно лишь в том, что они не приняли достаточных мер предосторожности. В качестве наиболее вероятных сообщников М.А. Бакунина, действовавших из идейных

⁶⁰⁶ Treadgold D.W. Rec. ad op.: Kennan G. *Siberia and the Exile System*. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. // *The Slavonic and East European Journal*. 1959. Vol. 3. No.1. P.84.

⁶⁰⁷ Treadgold D.W. Rec. ad op.: Kennan G. *Siberia and the Exile System*. Chicago, University of Chicago Press, 1958. 244 p. // *The Slavonic and East European Journal*. 1959. Vol. 3. No.1. P. 84-85.

⁶⁰⁸ Armstrong T. *Russian Settlement in the North*. Cambridge, 1965.

⁶⁰⁹ Carr E.H. *Bakunin's Escape from Siberia* // *The Slavonic Review*. 1936-1937. Vol. XV. P. 377-388.

⁶¹⁰ Randall F.B. N.G. Chernyshevsky. New York, 1967.

соображений, и пособников, которых тот мог подкупить, Э. Карр назвал ряд офицеров и чиновников более низкого ранга.

В 1980-х — начале 1990-х гг. единственным представителем англоязычной историографии, посвятившим сибирской ссылке ряд специальных исследований, оказался британский историк Алан Вуд⁶¹¹. Не имея свободного доступа к архивным материалам, хранившимся в СССР, А. Вуд активно использовал сведения из дореволюционных изданий (в том числе — «Тюремного вестника», трудов А.П. Саломона, С.В. Максимова, Н.М. Ядринцева и др.) и работ советских историков.

В отличие от Д. Дальмана, А. Вуд убежден, что мрачная репутация Сибири как места каторги и ссылки вполне оправдана, будучи «прочно укорененной в суровой исторической реальности и зачастую невыразимых страданиях ссыльного населения»⁶¹². Как замечает историк, еще в начале 1820-х гг. М.М. Сперанский, назначенный на должность сибирского генерал-губернатора, воспринимал ситуацию в сфере исполнения наказаний как требующую срочного вмешательства. Анализируя нормативно-правовую основу системы сибирской ссылки, созданную М.М. Сперанским в 1822 г., А. Вуд называет одним из существенных изъянов «Устава о ссыльных» и «Устава об этапах» недостаток внимания к вопросам, связанным с организацией каторжных работ. Вслед за российскими специалистами британский исследователь признает, что разработанная реформатором классификация ссыльных на практике в полной мере никогда не применялась. А. Вуд приходит к выводу, что М.М. Сперанский, в деятельности которого сочетались проявления гуманности и сострадания — с одной стороны, и бюрократические, системные управленческие решения — с другой, лишь заложил основы более разумной системы управления, но принципиально ситуацию не изменил⁶¹³.

А. Вуд выразил недоумение по поводу того, что западные историки в течение столь длительного времени не пытались проверить свидетельства о сибирской каторге и ссылке, оставленные современниками (в первую очередь, Дж. Кеннаном). По заключению

⁶¹¹ Wood A. Siberian exile in tsarist Russia // *History today*. 1980. Vol. 30. P. 19–24; Wood A. The Use and Abuse of Administrative Exile to Siberia // *Irish Slavonic Studies*. 1985. No. 6. P.65-81; Wood A. The Siberian Criminals' Commune // *Sibirica IV*. 1989. P.40-44; Wood A. Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia // *Land Commune and Peasant and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet*. New York, 1990. P.395-414; Wood A. Russian «Wild East»: Exile, Vagrancy, Crime in Siberia, XIX c. // *The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London, 1991. P.117-137.

⁶¹² Wood A. Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia // *Land Commune and Peasant and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet*. New York, 1990. P.395.

⁶¹³ Wood A. *Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. London; New York, 2011. P.123.

автора, один из наиболее заметных пробелов в историографии связан с отсутствием специальных работ, исследующих «общинные формы организации» в системе каторги и ссылки. Восполняя данный пробел, британский историк посвятил одну из статей рассмотрению роли крестьянских общин в системе административной ссылки, а также феномена тюремных, ссыльных и бродяжеских общин в Сибири⁶¹⁴.

По заключению автора, несмотря на ряд законодательных актов, принятых в XVIII – начале XIX вв., административная ссылка не знала четко установленных законом процедур и регулировалась разнообразными обычно-правовыми нормами. Вместе с тем, можно выделить два главных основания для высылки членов крестьянских общин в Сибирь: 1) за «порочное поведение» и 2) «по неприятии» общиной после отбытия наказания. Историк подчеркивает, что какой бы ни была действительная причина ссылки, власти не делали большого различия между ссыльными ни в процессе этапирования, ни в местах приписки. Таким образом, административно-ссыльные «обрекались на такую же ужасную судьбу, что и закоренелые преступники». В 1861 г. право на административную ссылку крестьян перешло от помещиков к крестьянским обществам. Для того чтобы оценить реальный объем полномочий, переданных общинам в сфере поддержания правопорядка, А. Вуд напоминает, что каторга и ссылка на поселение составляли самые верхние «ступени» в официальной «лестнице наказаний».

В начале 1860-х гг. расширение полномочий крестьянских обществ вызвало бурные дискуссии в правительственных кругах.⁶¹⁵ Несмотря на непрерывно звучавшую критику и мнение большинства членов Государственного совета, Александр III своим указом от 14 июня 1888 г. занял сторону меньшинства, полагавшего, что все права и прерогативы

⁶¹⁴ Анализируя функции и значение тюремных и бродяжеских общин в жизни ссыльного населения Сибири (в том числе рассматривая их внутреннюю иерархию, взаимоотношения с тюремной администрацией и местным населением и т.п.), А. Вуд подчеркивает, что в отличие от других форм общинной организации в России, артели ссыльных в Сибири не только не разрушились под влиянием институциональной и экономической модернизации, происходившей в стране на рубеже XIX - XX вв., но и сохранились вплоть до окончательного упразднения ссылки в 1917 г. См.: Wood A. Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia // Land Commune and Peasant and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet. New York, 1990. P.395-414.

⁶¹⁵ Резкой критике подвергалось право на ссылку «по неприятии» общиной, поскольку в данном случае полностью игнорировались концепции реабилитации и исправления; не принималась возможность уплаты осужденным «долга обществу» и, главное, отвергался правовой принцип, согласно которому, никто не мог быть наказан за одно преступление дважды. Ко всему прочему, система административной ссылки были связана с разнообразными злоупотреблениями. Современники приводили многочисленные примеры того, как членов крестьянских обществ с безупречной репутацией высылали лишь потому, что кто-то претендовал на их земельный надел; как богатые крестьяне («кулаки») избавлялись от бедняков, а местные чиновники потворствовали им за взятки; как на приговорах мирских сходов, принимавших решения о высылке, стояли подписи, не участвовавших в них крестьян. Нередкими были случаи, когда общины избавлялась таким образом от неподкупных выборных должностных лиц, входивших в противоречие с нелегальными (хотя и традиционными для общин) практиками.

крестьянских и мещанских обществ, связанные с поддержанием правопорядка на местном уровне, должны сохраниться в силе. В итоге, согласно статистическим данным Главного тюремного управления, к концу XIX в. административно-ссылные составили почти половину от всего ссыльного населения Сибири,⁶¹⁶ при этом, доля осужденных по приговорам обществ достигла 98%. По мнению А. Вуда, непрерывно растущее число административно-ссылных заронило в Сибири семена опасного «брожения умов» и повлияло на рост преступности. В 1900 г. реформа системы ссылки привела к некоторому сокращению числа ссыльных по приговорам общин, которое, впрочем, вскоре компенсировалось притоком тех, кого высылали по решениям органов полиции в условиях социального, экономического и политического кризиса начала XX в.

На рубеже XX-XXI вв. история сибирской каторги и ссылки активно изучается на Западе в рамках такого исследовательского направления как «историческая пенология», развивающаяся на стыке интеллектуальной истории и новой социальной истории и позволяющая рассмотреть проблемы функционирования уголовно-исполнительной системы в различные исторические периоды с учетом сопутствующего политико-экономического и социокультурного контекста, перенося фокус с рассмотрения истории законов, норм, санкций на повседневную жизнь исторических акторов.⁶¹⁷ С конца 1990-х гг. проблемами «исторической пенологии» на материале Сибири и Дальнего Востока занимается американский историк Эндрю Гентес, защитивший в 2001 г. диссертацию в Университете Брауна (шт. Род-Айленд) и опубликовавший на ее основе серию статей и монографий⁶¹⁸. Диссертация Э. Гентеса — первое в англоязычной историографии

⁶¹⁶ См. тж: Сальникова Е.С. Периодическая печать об уголовной ссылке в Восточную Сибирь 80-90-х гг. XIX в. // Сибирская ссылка. Сб. науч. ст. Вып. 5 (17). Иркутск, 2009. С. 51-58.

⁶¹⁷ Васильев С.А., Эрлихсон И.М. «Новая культурная история» (о перспективах методологии «Интеллектуальная история» и «История социальных практик» в междисциплинарных историко-пенологических исследованиях // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 3 (56). С. 48-56; Михайлицина Е. А. Историческая пенология в изучении сибирской ссылки в современной англо-американской научной периодике / Е. А. Михайлицина // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемое прошлое, неопределенное будущее: сб. мат. XVI Всероссийской (с междунар. уч.) науч. гонф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 21-23 апреля 2021 г.). Томск, 2021. Вып. 16. С. 243-249.

⁶¹⁸ Gentes, A. Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593-1917. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, Rhode Island. 2002; Gentes A. The Institution of Russia's Sakhalin Policy, from 1868 to 1875 // Journal of Asian History. 2002. Vol.36. No.1. P.1-31; Gentes A. Siberian Exile and the 1863 Polish Insurrectionists According to Russian Sources // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 2003. Bd.51. H.2. S.197-217; Gentes A. Sakhalin's Women: The Convergence of Sexuality and penology in Late Imperial Russia // Ab Imperio. 2003. No. 2. P.115-37; Gentes A. Katorga: Penal Labor and Tsarist Siberia // The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East. Frankfurt am Main, 2005. P. 73-85; Gentes A.A. No Kind of Liberal: Alexander II and the Sakhalin Penal Colony // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. 2008. Neue Folge. Bd.54. H.3. S.321-344; Gentes A. Exile to Siberia, 1590-1822: Corporeal Commodification and Administrative Systematization in Russia. New York, 2008; Gentes A. Exile, Murder and

исследование, охватывающее всю дореволюционную историю сибирской ссылки, т.е. с конца XVI в. до 1917 г.

В своей работе историк опирался на обширный документальный материал из фондов российских центральных (ГАРФ, ЦГАЛИ) и региональных (ГАИО, ГАПК, РГИА ДВ) архивов; материалы периодической печати; публикации отечественных и зарубежных специалистов. Высоко оценивая достижения советской историографии (например, Л.М. Горюшкина, Н.П. Митиной, Л.П. Рощевской и др.), Э. Гентес все же считает наиболее значимыми для своего исследования труды дореволюционных авторов (С.В. Максимова, Е.Н. Анучина, Н.М. Ядринцева, Г.С. Фельдштейна, И.Я. Фойницкого, В.И. Семевского, Д.А. Дриля и др.). Значительное внимание в диссертации уделяется нарративам политических ссыльных и побывавших в Сибири иностранцев: Дж. Кеннана, Ч. Хауса, Дж. Кокрейна, Р. Джефферсона, Т.У. Нокса и др.

В центре внимания американского историка — система управления сибирской ссылкой и состав ссыльного населения. Опровергая расхожий на Западе тезис о Сибири как «стране ссыльных», Э. Гентес напоминает, что даже в начале XX в., когда правительство активно боролось с революционным движением, доля ссыльных в Сибири не превышала 10% от общей численности населения региона. По мнению историка, в России система ссылки возникла и развивалась постольку, поскольку это было необходимо государству. Деятельность М.М. Сперанского способствовала «систематизации» и упорядочению пенитенциарной системы, хотя уже в царствование Николая I некоторые влиятельные сановники признавали, что институт ссылки себя не оправдал и подлежал упразднению.

В течение всего XIX в., несмотря на попытки правительства реформировать империю по европейским образцам, поток ссыльных в Сибирь непрерывно увеличивался. После подавления Январского восстания (1863-1864 гг.) в сибирскую ссылку отправились тысячи поляков, что привело к коллапсу всей системы наказаний⁶¹⁹. По данным Э. Гентеса, в период между 1863 и 1868 гг. в Сибирь было сослано от 18 до 24 тыс. чел.⁶²⁰ В

Madness in Siberia, 1823–61. New York, 2010; Gentes A. Sakhalin as Cause Celebre: Re-Signification of Tsarist Russia's Penal Colony // *Acta Slavica Iaponica*. 2012. Vol. 32. P.55-72.

⁶¹⁹ Gentes A. Katorga: Penal Labor and Tsarist Siberia // *The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East*. Frankfurt am Main, 2005. P. 73–85.

⁶²⁰ Gentes A. Siberian Exile and the 1863 Polish Insurrectionists According to Russian Sources // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 2003. Neue Folge. Bd.51. H.2. S.197-217. Вместе с тем, по данным польских исследовательниц Э. Качиньской и Б. Грушинской, в 1860- х гг. в Сибирь прибыли более 12 тыс. участников Январского польского восстания (См.: Gruszczynska B., Kaczynska E. Poles in the Russian Penal System and Siberia as a Penal Colony (1815-1914): A Quantitative Examination // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 1990. Vol.15, No. 4 (56). P. 95-120). Как справедливо заметил Д. Дальман, такой диапазон указывает на проблему точности статистических

1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков уведомил главу МВД о невозможности задействовать на каторжных работах всех «ссыльнорабочих» и предложил перевести часть из них (по крайней мере, поляков) в Алтайский горный округ. Из-за тяжелых условий на Нерчинской и Карийской каторге возникали беспорядки, в основном с участием политических заключенных, и местные власти опасались, что это приведет к еще большим волнениям. В итоге Александр II признал положение дел в данной сфере неудовлетворительным.

Причиной официально признанного «коллапса каторги» Э. Гентес называет нехватку средств, административный хаос, неуважение к существующим законам и «институционализированную жестокость». В том же 1868 году по указу царя создается Комитет об устройстве каторжных работ, одним из результатов деятельности которого стало учреждение Сахалинской каторги⁶²¹. В дальнейшем правительство демонстрировало двойственное отношение к ссыльным, воспринимая их и как рабочую силу (для выполнения каторжных работ), и как колонистов (для аграрного освоения восточных окраин), что, по определению Э. Гентеса, отражало растущий разрыв между «анахроничным государством и медленно модернизовавшимся обществом».

Американский историк выделяет завершающий этап в истории сибирской ссылки, охватывающий период с 1900 по 1917 гг.⁶²² Важнейшим событием в указанный период стало упразднение некоторых видов ссылки по закону от 12 июня 1900 г., что явилось итогом деятельности комиссии под руководством министра юстиции Н.В. Муравьева. В числе факторов, способствовавших реформе, Э. Гентес называет: 1) рост числа тюрем; 2) стремление властей уменьшить количество арестов и обвинительных приговоров и 3) разгрузить пенитенциарную систему (примечательно, что контроль над ссыльными был настолько слабым, что в 1898 г. не менее трети ссыльных находились «в безвестной отлучке»); 4) протесты сибирской общественности; 5) намерение правительства

данных, поскольку остается неясным, идет ли речь только о ссыльных или также о членах семей (так называемых «добровольных»); не уточняется, как они распределялись по различным категориям, и какая часть из них в течение следующих лет попала под амнистию и смогла вернуться в домой. (Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2009. S.154] Следует заметить, что в работах отечественных специалистов данные о количестве ссыльных участников восстания 1863 г. существенно различаются (См.: Иванов А.А., Кузнецов С.И. К определению количества сосланных в Сибирь участников Январского восстания 1863 года // *Baikal Research Journal*. 2016. Vol. 7. No.6. [Электронный науч. журнал Байкальского государственного университета]).

⁶²¹ Gentes A. *Siberian Exile and the 1863 Polish Insurrectionists According to Russian Sources* // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 2003. Neue Folge. Bd.51. H.2. 2003. S.197-217.

⁶²² Gentes, A. *Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593-1917*. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, Rhode Island. 2002. 591 p.

стабилизировать обстановку на «восточном фронтире» для реализации своих геополитических замыслов; б) развитие торговых связей с соседними державами, обострение международных противоречий в Азии и необходимость повышения обороноспособности восточных окраин империи.

Реформе предшествовала передача Главного тюремного управления (далее – ГТУ) из МВД в Министерство юстиции в декабре 1895 г., а также инспекционная поездка в Сибирь нового начальника ГТУ А.П. Саломона, интересовавшегося, среди прочего, влиянием ссылки на уровень преступности в регионе. Приняв во внимание результаты инспекции, комиссия Н.В. Муравьева приняла решение об отмене ссылки на жительство и многих видов ссылки на поселение (сохранив ее в качестве наказания за религиозные и государственные преступления); бродяг отныне ссылали только на Сахалин. Кроме того, отменялась административная ссылка по приговорам мещанских обществ. За крестьянскими общинами такое право сохранили, по-прежнему усматривая в этом действенный инструмент поддержания правопорядка в сельской местности.

По заключению Э. Гентеса, реформа 1900 г. привела к сокращению ссыльного населения на 85%. В то же время сохраняло свою силу чрезвычайное законодательство 1881 г., позволявшее административным органам ссылать всех заподозренных в «крамоле», что привело к резкому росту количества политических ссыльных после 1905 г. Сопоставляя данные из работ отечественных и зарубежных авторов, Э. Гентес подытоживает, что доля «политических» составляла не более 2% от всего ссыльного населения до 1905 г., и примерно 10% - после 1905 г.

Указывая на путаницу в источниках и исторических трудах, связанную с использованием терминов «государственные преступники» и «политические ссыльные», Э. Гентес уточняет, что в официальных документах термином «государственные преступники» обозначались этнические русские, обвиненные в «оскорблении величества», тогда как термин «политические ссыльные» (возникший в конце XVIII в.) почти всегда относился к полякам и иногда к представителям других национальностей, сосланных за фактическое или предполагаемое участие в восстаниях и заговорах⁶²³.

⁶²³ Для сравнения, современная российская исследовательница З.В. Мошкина также полагает, что термины «государственные преступники» и «политические ссыльные» были, по сути, синонимичны и обозначали всех, кто вел политическую борьбу с самодержавием, но в документах второй половины XIX в. термин «политические ссыльные», действительно, применялся преимущественно в отношении поляков, во избежание смешения двух групп ссыльных - народовольцев и участников Январского восстания. См.: Мошкина З.В. Применение к ссыльнокаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т.13. № 6. С. С.48.

По мнению американского историка, отмена некоторых видов ссылки в 1900 г. не была проявлением прогрессивности царского правительства. Скорее, она соответствовала общему вектору его политики, направленной на усиление репрессивных функций полиции, которые оказались наиболее востребованными после подавления революции 1905 г. Развивая идеи М. Фуко о том, что власть возникает как результат переговоров и взаимодействия между индивидами, а не в результате воздействия более сильной группы на более слабую, Э. Гентес подчеркивает, что ссыльные в Сибири никогда не были совершенно беспомощными. Само существование их субкультуры доказывает, что они не могут рассматриваться лишь как жертвы режима. При необходимости они сами могли осуществлять насилие. По заключению историка, используя ссылку в таких огромных масштабах, царизм сеял семена своего собственного разрушения, «разжигая в сердцах ссыльных жажду мести», и одновременно допуская такую степень самоорганизации революционеров, что тем, в итоге, удалось отправить «на свалку истории» сам царский режим.

В 2016 г. британская исследовательница Сара Бэдкок (Университет Ноттингема) опубликовала монографию, посвященную истории ссылки в Восточную Сибирь в 1905–1917 гг. Следуя в русле новых научных направлений – «истории эмоций, наказания, боли и болезней», автор видит главной своей задачей изучение субъективного «живого опыта» и анализ «личностных, человеческих и эмпатических аспектов», связанных с пребыванием в ссылке. Анализируя обширную историографию, посвященную системе наказаний, миграциям и принудительным перемещениям (работы Л.Х. Сигельбаума, Н.Б. Брейфогла, П. Гатрелла, Дж. Санборна и др.), С. Бэдкок делает акцент на жизни низших классов, «бесправных жителей имперских окраин».

Работа над книгой потребовала архивных изысканий, осуществленных автором в 2006–2008 гг. в Москве (ГАРФ, РГАСПИ), Сибири и на Дальнем Востоке. Наряду с делопроизводственными материалами полицейских и тюремных учреждений, документацией общественных и благотворительных организаций автор изучала источники личного происхождения: мемуары, письма и дневники политических заключенных (в основном, опубликованные в журнале «Каторга и ссылка» в 1918–1932 гг.). По замечанию исследовательницы, несмотря на элемент идеологической заданности, некоторые мемуарные материалы представляют собой глубоко личные, субъективные свидетельства.

В отличие от новейшей российской историографии, где, по мнению С.Бэдкок, сохранился нарратив о героических политических ссыльных и репрессивной политике самодержавия, западные историки (Б. Адамс, Э. Шредер, Дж. Дэли, А. Гайфман и др.) предприняли пересмотр устоявшихся концепций, но уделяли основное внимание анализу центральной политики и реформ, а не на личного опыта ссыльных и «локальной перспективы». Объединив методологические подходы социальной и культурной истории, С. Бэдкок сфокусировалась на проблеме «множественных идентичностей» у лиц, подвергшихся наказанию, а также значение и опыт насильственного перемещения. В монографии подчеркивается, что о каждом ссыльном, политическом или уголовном, мужчине или женщине, взрослом и ребенке, можно сказать, что его личность сильно изменилась после испытаний, связанных с пребыванием в ссылке. Главная задача исследования заключалась в том, чтобы показать, как обычные заключенные тюрем и ссыльные, не связанные с революционным движением, реально проживали свою повседневную жизнь⁶²⁴. Решению данной задачи во многом способствовало изучение разнообразной ведомственной документации, в которой содержатся письменные обращения ссыльных к представителям местной администрации с просьбами о помиловании, содействии в поиске работы, оказании помощи детям и другим членам семей и пр.

Как и другие западные историки-сибиреведы (напр., Ю.Л. Слезкин, В. Кивельсон, Э. Гентес, Э. Шредер, Э.-М. Столберг), С. Бэдкок указывает на противоречивость образа Сибири в восприятии жителей Европейской России: Сибирь одновременно представала и как «совершенный образец русскости», и как самая отдаленная местность. Вслед за А.В. Ремневым британская исследовательница полагает, что к концу XIX в. царские сановники все меньше рассматривали Сибирь как колонию⁶²⁵. Соответственно, взгляд на Сибирь как неотъемлемую часть России делал проблематичным использование региона в качестве места ссылки (об этом же в свое время писал Дж. Кеннан).

Размыванию границ между европейской и азиатской частями Российской империи в сознании ее подданных, по мнению С. Бэдкок, способствовало развитие транспортных коммуникаций (в первую очередь, строительство Транссибирской магистрали),

⁶²⁴ Badcock S. A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 54-59.

⁶²⁵ Remnev A.V. Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power // Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930. Bloomington, 2007. P. 425-474.

распространение идей панславистов, а также массовый приток крестьян-переселенцев. Вместе с тем, сохранялись фундаментальные факторы, позволявшие использовать Сибирь как место ссылки: труднодоступность и малонаселенность многих ее районов, суровый климат и неразвитая инфраструктура. К тому же, в представлении властей, ссыльные наряду с крестьянами-переселенцами являлись, пользуясь терминологией А.В. Ремнева, «важным инструментом российского имперского проекта»⁶²⁶ и должны были «цивилизовать» сибирское пространство и коренное население.

Все это создавало, по определению С. Бэдкок, «глубинный конфликт» между «ипостасями» Сибири как места ссылки и региона, где складывался русский социум. Опираясь на архивные документы, исследовательница приводит примеры того, как сибирские губернаторы «выносили этот конфликт в свой дискурс» с вышестоящим начальством, добиваясь уменьшения или полного прекращения ссылки в регион. Так, в 1910 -1911 гг. военный губернатор Забайкальской области В.И. Косов писал, что успешное экономическое развитие региона и строительство Амурской железной дороги обеспечили достаточный приток свободной рабочей силы, делая труд ссыльных не востребовавшимся. В свою очередь, губернатор Якутской области Р.Э. Витте писал о невозможности найти применение ссыльным в Якутске из-за слабости экономики, почти полного отсутствия промышленности и нехватки пахотных земель. По замечанию отечественного историка Д.А. Бакшта, внимание С. Бэдкок к конфликтам между различными агентами государственных интересов приближает ее монографию к тенденциям современной российской историографии.⁶²⁷

Свой интерес к периоду 1905-1917 гг. исследовательница объясняет тем, что указанный хронологический отрезок был отмечен беспрецедентным ростом числа политических ссыльных. С началом Первой русской революции преследованиям подверглись бунтовщики в армии, деревне и городе; к каторге и ссылке приговаривались за множество преступлений — от терроризма до участия в революционной пропаганде и членства в нелегальных организациях.⁶²⁸ В 1905 — 1915 гг. количество каторжан выросло в 5 раз; тех, кого считали политически неблагонадежными, но не могли обвинить в серьезных

⁶²⁶ Remnev A.V. *Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power // Russian Empire: Space, People, Power, 1700-1930.* Bloomington, 2007. P.442.

⁶²⁷ Бакшт Д.А. "Тюрьма без стен". О методологии в монографии Sarah Badcock (*A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism.* Oxford University Press, 2017) // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 4. С.61.

⁶²⁸ Следует, впрочем, принять во внимание амнистию за политические преступления, объявленную 21 октября (3 ноября) 1905 г.

преступлениях, сослали в административном порядке. В начале XX в. к «политическим» можно было отнести основную массу административно-ссыльных; доля «политических» среди тех, кого сослали по приговорам судов, была существенно ниже.

В отличие от более раннего периода власти обращались с политическими ссыльными не менее сурово, чем с уголовными. Вместе с тем, исследовательница подчеркивает, что и государство, и сами ссыльные четко различали «уголовных» и «политических». Социальный облик последних существенно изменился после 1905 г., что способствовало дальнейшему ухудшению их положения в Сибири. С. Бэдкок приводит результаты обследования 15 тыс. ссыльных, которое в 1908 г. провел журналист В. Комков. Согласно полученным им данным, если до 1905 г. основную массу «политических» составляли представители привилегированных классов, то после 1905 г. — рабочие и военные. В 1905-1908 гг. 40% политических ссыльных были из рабочих, 24% - из крестьян, 34% принадлежали к интеллигенции⁶²⁹.

Характеризуя основные категории ссыльного населения и сопоставляя имеющиеся данные о его численности, исследовательница не предлагает собственной детальной классификации ссыльных⁶³⁰, отсылая читателей к соответствующему параграфу в диссертации Э. Гентеса, где речь фактически идет о 6 категориях ссыльнопоселенцев, определенных Уставом 1822 г. С. Бэдкок не приводит достоверных сведений о соотношении политических и уголовных ссыльных в масштабах восточносибирского региона в течение рассматриваемого периода. По ее мнению, отсутствие точных цифр объясняется безразличием государства к судьбам ссыльных. В монографии приводятся сводные данные, взятые автором из разных источников, в основном, работ Н.Н. Быковой и отчетов ГТУ. Так, по данным ГТУ, в 1910 г. более 60% осужденных сослали в Сибирь за тяжкие уголовные преступления, и около 30% - за «политические преступления» различного рода.

Британская исследовательница пишет о преимущественно негативных последствиях ссылки для региона, и призывает, в частности, не преувеличивать вклад ссыльных в культурное развитие Сибири. Несмотря на то, что резкий рост ссыльного населения в

⁶²⁹ Badcock S. A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016. P.3

⁶³⁰ В своей рецензии Д.А. Бакшт критикует исследовательницу за игнорирование правовых тонкостей ссылки и в целом за то, что С. Бэдкок не вдается в социологическую характеристику ссыльного населения. См.: Бакшт Д.А. "Тюрьма без стен". О методологии в монографии Sarah Badcock (A Prison without Walls? Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford University Press, 2017) // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 4. С.60-63.

начале XX в. не вызвал новую волну преступности в Восточной Сибири, он создал серьезную нагрузку для ее ресурсов.

Следуя примеру других западных исследователей (Дж.Кеннан, Э. Гентес, Дж. Дэли, Д. Бир, Д. Дальман), С. Бэдкок помещает систему сибирской ссылки в сравнительный контекст, пытаясь установить, насколько обоснованными были распространенные в литературе представления об исключительной жестокости карательной политики самодержавия. По мысли С. Бэдкок, сравнение с другими странами показывает, что Россия не была «страной-изгоем», сбившейся с пути, по которому шла «семья цивилизованных западных стран». Каторжные работы существовали в США, Франции, Великобритании.⁶³¹

В 2016 г. сотрудник Университета Роял Холлоуэй (Лондон) Дэниэл Бир опубликовал монографию по истории сибирской каторги и ссылки XIX - начала XX в. По мнению автора, система ссылки играла центральную роль в колонизации Сибири, принимая во внимание, что только в 1801-1917 гг. за Урал сослали более 1 млн чел. В то же время, непрерывно растущий поток ссыльных создавал все больше проблем и превращался в препятствие на пути эффективного развития региона.⁶³²

Д.Бир присоединяется к выводам современных исследователей (Ю. Слезкин, Г. Даймент, В. Кивельсон), кто полагает, что система ссылки во многом обусловила амбивалентность образа Сибири в восприятии современников. Сибирь одновременно считалась и «средоточием тьмы» для России, и краем новых возможностей и процветания. По мнению многих, мрачное настоящее восточных окраин империи должно было уступить дорогу яркому будущему, и ссыльным предстояло сыграть ключевую роль

⁶³¹ Поддерживая выводы известной американской исследовательницы Ч. Чаттерджи, С. Бэдкок замечает, что британские власти проявляли не меньшую суровость в отношении государственных преступников, но если «сибирская ссылка стала метафорой несправедливого государственного террора и насилия», то ужасы колониального правления Британской империи были ловко скрыты за ширмой публикаций в мировой прессе, писавшей о «гражданском неповиновении, бунтарстве, анархии и измене». Британии, как воплощению «западного прогресса», удалось противопоставить себя «восточному варварству» Российской империи потому, что она сумела создать национальное государство с относительно либеральной системой управления посреди огромной и отнюдь не либеральной империи. Впрочем, С. Бэдкок признает, что с учетом целей и задач исследования сравнение с другими режимами или странами мало что дает. Главная цель ее работы — реконструировать индивидуальный опыт людей, подвергшихся наказанию, а любой субъективный опыт всегда исключителен, и концепция «иерархии страданий» для исследовательницы неприемлема. По определению С. Бэдкок, рассмотренный ею «калейдоскопический» и «пестрый» жизненный опыт людей, прошедших сибирскую ссылку и каторгу, являет собой образец человеческой стойкости, упорства и умения адаптироваться к любым условиям. См.: Badcock S. A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford, 2016. P.18-20, 178.

⁶³² Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. London, 2017. На противоречивую роль ссылки в истории Сибирского региона указывают и отечественные исследователи. См.: Шиловский М.В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века: сб. науч. ст. Новосибирск, 2004. С.165-173.

в этой трансформации.⁶³³ Одновременно в зарубежных периодических изданиях печатались карикатуры на тему «цивилизаторской миссии» России в Азии.

Британский историк пишет не только о сосланных в Сибирь известных деятелях революционного движения, но и о тысячах обычных уголовников, чьи судьбы запечатлены в полицейских отчетах, апелляциях, судебных протоколах и официальной ведомственной переписке. Делопроизводственные материалы Д. Бир изучал в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Тобольска и Иркутска. Наряду с архивными документами исследователь широко привлекал опубликованные источники личного происхождения. Автор демонстрирует хорошее знание историографии по теме, используя работы как зарубежных, так и российских историков (в их числе — А.А. Иванов, А.Д. Марголис, П.Л. Казарян, В.А. Дьяков, К.К. Кораблин и др.).

В 1880 г. МВД постановило всех политзаключенных, приговоренных к каторжным работам в тюрьмах Европейской России, перевести в Сибирь — преимущественно в тюрьмы Нерчинского каторжного комплекса (мужчин - в Нижнекарийскую тюрьму, женщин - в Усть-Карийскую). В дальнейшем Карийская каторга являлась основным местом заключения для государственных преступников в Восточной Сибири. По словам Д. Бира «либеральный» заведующий нерчинскими ссыльнокаторжными полковник В.О. Кононович допустил ослабление режима содержания политкаторжан [за что в 1881 г. был переведен на о. Сахалин - Д.А.], надеясь тем самым предотвратить побег. Тем не менее в 1882 г. 8 заключенных совершили побег, закончившийся неудачей. Тюремный режим был вновь ужесточен, и добиться его смягчения, несмотря на акции протеста, не удалось. По мнению Д. Бира, выступления политкаторжан на Каре в 1882 г. продемонстрировали готовность заключенных защищать свое достоинство и набор прав, не дарованных государством, но общих для всех людей. Об этом же свидетельствовало и восстание в Якутске в марте 1889 г., вызванное произволом вице-губернатора Якутской области П.П. Осташкина.

Одним из действенных способов усмирения недовольных служили телесные наказания, но далеко не всегда, что продемонстрировали события на Карийской каторге в 1889 г. После того как по распоряжению генерал-губернатора Приамурья А.Н. Корфа политзаключенная Н.К. Сигида подверглась наказанию розгами, она и еще почти двадцатка человек покончили с собой. По замечанию Д.Бира, Карийская трагедия вызвала

⁶³³ Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. London, 2017. P.3-4.

волну возмущения не только в России, но и за рубежом, после чего европейские правительства прекратили выдавать России беглых «государственных преступников».

Подходы «исторической пенологии» используются и немецкоязычными исследователями-сибиреоведами. Так, изучению судеб политкаторжан, отбывавших наказание в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, посвящена небольшая работа Маркуса Акерета (выпускника Университета Цюриха), опубликованная в издательстве Института Восточной Европы в Мюнхене в 2007 г.⁶³⁴. В качестве источников автор использовал опубликованные делопроизводственные документы, путевые заметки и записки русских и иностранных наблюдателей, но в основном — воспоминания бывших заключенных.

М. Акерет показывает, как в условиях ссылки проходила проверка на прочность сплоченность революционеров; подробно рассматривает условия содержания и размещения заключенных, чьи контакты с внешним миром или взаимодействие с тюремной администрацией могли приобретать различную форму в зависимости от актуальных политических настроений. В рецензии на работу М. Акерета М. Камиссек справедливо задается вопросом, насколько вообще возможно плодотворное изучение "мира каторги" в позднеимперский период, если автор анализирует лишь источники, созданные немногочисленной группой политических заключенных (на рубеже веков их доля среди ссыльнокаторжных составляла ок. 1,6%)⁶³⁵. Вместе с тем исследование М. Акерета, по мнению М. Камиссека, заставляет задуматься о проблеме сопоставления мемуарной литературы с архивными источниками, позволяющими получить представление о тех аспектах тюремной повседневности (смертность, конфликты между группами заключенных и др.), которые отсутствуют в мемуаристике⁶³⁶.

На работу М. Акерета в своем исследовании ссылается известный немецкий историк, профессор Боннского университета Д. Дальман — автор обобщающего труда по истории Сибири, специальный раздел которого посвящен каторге и ссылке. Критически оценивая

⁶³⁴ Akeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München, 2007.

⁶³⁵ Kamissek Ch. Rec ad op: Akeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitstrafe fuer politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). Muenchen: Osteuropa-Institut Muenchen, 2007. 166 s. [Электронный ресурс] // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. (February, 2008) URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=22242> (дата обращения: 1.06.2019)

⁶³⁶ Kamissek Ch. Rec ad op: Akeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitstrafe fuer politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). Muenchen: Osteuropa-Institut Muenchen, 2007. 166 s. [Электронный ресурс] // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. (February, 2008): Режим доступа: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=22242> (дата обращения: 1.06.2019)

советскую историографию, Д. Дальман опирался преимущественно на работы современных зарубежных специалистов — Дж. Стефана, Э. Качинской, Э. Гентеса, А. Вуда и др. Наряду с Б. Адамсом и Дж. Дэли автор, придерживающийся «модернизационного подхода», доказывает, что в царской России условия жизни для ссыльных и каторжан были не хуже, а порой и лучше, чем в других странах⁶³⁷. Тем не менее, по признанию Д. Дальмана, система ссылки до сих воспринимается как доказательство отсталости царской России и «признак варварства», поскольку она ограничивала права подданных, а также оказывала негативное влияние на местное население Сибири.

Печальную славу сибирской ссылке, по заключению историка, создали, прежде всего, представители оппозиционного лагеря — либералы и социалисты. Во многом их стараниями повсеместно циркулировали сообщения, в которых Сибирь по аналогии с американским Диким Западом представала как «Дикий Восток России», место, где царило беззаконие. По заключению Д. Дальмана, несмотря на то, что одному из главных критиков сибирской ссылки Дж. Кеннану присущ явно односторонний взгляд на проблему, его оценки и выводы воспроизводятся и в современной западной историографии, о чем свидетельствуют работы Б. Бобрика, Б.У. Линкольна, Л. Томас, М. Акерета и др. Впрочем, сам Д. Дальман описывает тяжелые условия этапирования ссыльных в Сибирь, которые, по его признанию, изменились к лучшему только со времени открытия Транссибирской магистрали.

Для определения общей численности ссыльного населения Сибири в начале XX в., немецкий историк использовал данные из работ Р. Мелвилля, Т. Стеффенса, Дж. Дэли, М. Акерета, В. Рабе. По подсчетам исследователей, в 1900-1914 гг. в Сибирь было сослано 50 тыс. чел.; в последующие годы цифры резко уменьшились⁶³⁸. В то же время в 1905-1914 гг. число приговоренных к каторжным работам достигло своего пика. Рост числа ссыльных и каторжных в указанный период автор объясняет, среди прочего, продолжавшейся «модернизацией» уголовно-исполнительной системы и появлением новых тюрем. Одним из проявлений процессов модернизации следует считать и указ от 12 июня 1900 г., которым ограничивалась административная ссылка и в основном

⁶³⁷ Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2009. S.165-166.

⁶³⁸ Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2009. S.165-166. Выводы отечественных исследователей о численности всех категорий ссыльных в Сибири на рубеже XIX – XX вв. существенно разнятся. См.: Иванов А.А. Сорок лет «Сибирской ссылке» // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С.101-104. Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2009. S.165-166.

отменялась уголовная (хотя фактически она сохранялась до конца существования царского режима)⁶³⁹. По мнению Д. Дальмана, «великие реформы» Александра II способствовали постепенной трансформации самодержавного правления к системе, отчасти напоминающей конституционную. Сравнивая системы уголовных наказаний во Франции и Великобритании (где также приговаривали к каторжным работам) — с одной стороны, и в Российской империи — с другой, немецкий исследователь приходит к выводу, что российская система не была более жестокой и не отличалась более высоким процентом вынесенных обвинительных приговоров.

Современные англо-американские исследователи пенитенциарной системы Сибири все чаще обращаются к изучению гендерной проблематики, применяя теоретико-методологический аппарат таких междисциплинарных научных направлений как «история женщин» и «история семьи», что является отражением общих тенденций, характерных для исторической науки последней трети XX – начала XXI в. Так, в период расцвета социальной истории в 1970–1980-х гг. западные историки анализировали широкий круг проблем, связанных с «историей женщин» в дореволюционной России. В центре внимания оказались такие вопросы как угнетение женщин, сущность и истоки патриархальной власти, особенности женского мировоззрения, борьба женщин за свои права и их участие в революционном движении. С конца 1980-х гг. активно разрабатывается направление «гендерной истории», представители которого подчеркивают социальный характер конструирования гендерных норм, ролей и стереотипов.

Призыв «услышать голос» основной массы «рядовых» уголовных и административных ссыльных («история снизу») содержится в работах Э. Гентес, Д. Бир, С. Бэдкок, показавших изменения, происходившие в пенитенциарной системе Сибири, в том числе через повседневную жизнь ссыльных женщин и членов их семей; сопоставили правовой статус и фактическое положение женщин, отправленных в Сибирь как по решениям судов, так и во внесудебном порядке.

Анализируя пенитенциарную политику сибирских властей, Э. Гентес посвятил отдельный параграф своей диссертации подробному рассказу о том, как в 1878 г. по распоряжению МВД женщины, содержащиеся в Александровской центральной

⁶³⁹ Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn: Schöningh, 2009; Иванов А.А. История уголовной ссылки в Иркутскую губернию в XVII–начале XX в. Электронный ресурс: URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1166 (дата обращения 9.03.2019)

каторжной тюрьме, были переведены в Приамурье и на Сахалин, где главной целью властей было создание штрафной колонии. Инициатором данной меры был А.Е. Тимашев – незадолго до того, как покинул должность главы МВД в ноябре 1878 г. В 1880 г. в письме генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину начальник Главного тюремного управления М.Н. Галкин-Враской, контролировавший проведение операции, объяснил, чем было продиктовано данное решение. По его словам, одним из главных препятствий к обустройству ссыльных в качестве колонистов власти считали незначительное количество женщин в сравнении с числом осужденных мужчин.

На этом основании Э. Гентес делает вывод, что давняя практика отправки женщин в Сибирь в качестве "переведенцев" и ссыльных, а также покупки женщин и девушек в качестве жен, прислуги и рабынь, хотя и замалчивалась, но сохранялась до 1917 г. Историк, впрочем, призывает учитывать, что Россия не была уникальна в своих попытках найти осужденным женщинам такое применение. Аналогичные явления имели место, например, в Австралии. Как и в царской России, в викторианской Англии полагали, что само присутствие женщин, независимо от их рода занятий, оказывает облагораживающее влияние на «диких зверей», коими считались каторжники.⁶⁴⁰

В 2007 г. известный американский историк-русист Эбби Шредер (сотрудница Колледжа Франклина и Маршалла в шт. Пенсильвания) опубликовала статью, в которой проанализировала действия столичных и местных властей, направленные на укрепление института семьи и гендерной иерархии, как оплота патриархального государства, и проследила, как менялись гендерные нормы и отношения в условиях сибирской ссылки⁶⁴¹. По мнению исследовательницы, «гендерный фактор» играл ключевую роль в попытках властей использовать ссыльных для заселения и освоения Сибири в XIX в.

Опираясь преимущественно на архивные источники, хранящиеся в РГИА (делопроизводственные материалы, губернаторские отчеты, переписку центральных и

⁶⁴⁰ Американский историк замечает, что даже если «операция», начавшаяся в 1878 г., по сути, не была чем-то новым, она была, по-видимому, самым масштабной с точки зрения количества женщин, которых определили в «невесты» для осужденных. Ее выполнение было возложено на Главное управление Восточной Сибири (далее – ГУВС) и Иркутское общее губернское управление (далее – ИОГУ). Анализ делопроизводственных материалов показывает, что переправка каторжниц на Сахалин осуществлялась с заминками и задержками, и в итоге местные власти оставили большую часть женщин на континенте. Впрочем, Э. Гентес признает, что в целом попытки правительства увеличить численность женского населения Сахалина были довольно успешными. К сентябрю 1883 г. женщины составили около четверти всего каторжного населения острова (1546 чел.), хотя основную их массу доставляли пароходами из Одессы, а не из Восточной Сибири, где каторжанок практически не осталось.

⁶⁴¹ Schrader A. *Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860* // *Slavic Review*. 2007. Vol. 66. No. 2. P. 230–256.

местных учреждений и др.), Э. Шредер показала, что огромное значение в этом процессе столичные и сибирские чиновники придавали женщинам: их воспринимали как «проводников цивилизации» – в той мере, в какой они соответствовали идеализированным представлениям о гендерных ролях в российском социуме и могли путем создания брачных союзов способствовать превращению «непокорных преступников в морально устойчивых, оседлых крестьян».

Используя теоретический инструментарий «культурной истории», Э. Шредер пишет о том, что правительственная политика в Сибири была направлена на изменение или формирование «идентичности» подданных (и, в частности, ссыльного населения). Так, в 1822 г. М.М. Сперанский, усомнившись в том, что «сибирские инородцы» когда-либо смогут стать частью русского народа, даже если будут обращены в православную веру, и одновременно запретив их принудительную христианизацию и перевод на оседлый образ жизни, предписал превращать в колонистов представителей ссыльного населения. Как замечает по этому поводу Э. Шредер, «это лишь одна из глав в долгой истории “русской социальной инженерии”». Главной целью реформатора была реабилитация осужденных и превращение их в производительных земледельцев. Не рассчитывая на приток добровольных переселенцев, М.М. Сперанский сделал ставку на расширение системы ссылки, хотя еще до реформы 1822 г. местные власти просили уменьшить число ссыльных, тем более что многие из них совершали побег, не желали обзаводиться хозяйством и совершали различные преступления.

Проанализировав проекты сибирских администраторов XIX в., Э. Шредер пришла к выводу, что, власти воспринимали женщин как силу, способную примирить «противоположные импульсы, исходившие от системы наказаний»: с одной стороны, ссыльные таили в себе угрозу и заслуживали наказания; с другой – их надлежало реинтегрировать в социум, в соответствии с их социальным статусом. Предписывая женщинам функцию «приобщения мужчин к семейной жизни», власти пытались разрешить или, по крайней мере, завуалировать трения, созданные этими «конфликтующими репрезентациями». В свою очередь, ссыльные мужчины воспринимались как «негативная сила», поскольку, будучи неженатыми и отчужденными от социума, создавали угрозу общественному порядку. Заключая «правильные браки» с «правильными» женщинами, мужчины-преступники становились покорными и, следовательно, полезными с точки зрения реализации масштабного проекта заселения

Сибири, тем самым помогая решать задачи имперской экспансии.⁶⁴² Вместе с тем, как заключает исследовательница, уже в силу своей немногочисленности, женское население Сибири оказалось не способно выполнить «цивилизаторскую миссию» и способствовать заселению региона в той мере, в какой на это рассчитывало государство.

К выводам Э. Гентеса и Э. Шредер присоединилась С. Бэдкок, признав, что имперские власти считали гендерную диспропорцию и отсутствие семей у ссыльных одним из главных препятствий для успешной колонизации и распространение «русской цивилизации» в Сибири. Используя данные из отчетов тюремных инспекторов, а также публикаций А.Д. Марголиса, С. Бэдкок указывает, что в составе ссыльного населения в 1892–1898 гг. доля женщин не превышала 5 %. В 1913 г. среди 6837 чел., содержащихся в иркутских тюрьмах, женщины составляли 2 %. Среди членов семей, добровольно сопровождавших ссыльных в Сибирь, основную массу составляли женщины и дети. В конце XIX в. число таких женщин было достаточно велико, но в начале следующего столетия заметно сократилось, поскольку в 1908 г. государство отказалось возмещать им транспортные расходы⁶⁴³.

Британский историк Д. Бир также подчеркивает, что семьи ссыльных имели большое символическое и практическое значение в Сибири. Они одновременно воплощали в себе моральные добродетели, защиту которых должна была обеспечивать политическая система царской России, и служили аванпостами русской имперской власти. Самодержавие с присущим ему патернализмом санкционировало супружеские и родительские связи, объединявшие между собой все семьи империи. Таким образом, власти видели в семье инструмент реабилитации, залог экономического развития и защиту от социальной нестабильности.

⁶⁴² По мнению Э. Шредер, в российском обществе распространенным было представление о том, что женщины способствуют формированию «мужской идентичности». По этой причине им отводилась центральная роль в деле обустройства ссыльных, и одновременно не принимались во внимание негативные последствия, которые имели браки с ссыльными для самих женщин. Наконец, придавая такое значение способности женщин социализовать ссыльных мужчин, власти снимали с себя значительную долю ответственности и не стремились совершенствовать систему наказаний.

⁶⁴³ В одной из глав С. Бэдкок описывает положение женщин (заключенных и добровольно сопровождавших членов семей) в Александровской пересыльной тюрьме в Иркутской губернии, показывая, что наличие семьи не только не облегчало участь ссыльных, но, скорее, усугубляло их страдания. Условия жизни осужденных женщин и тех, кто прибыл в Сибирь добровольно, были примерно одинаковыми. По свидетельству тюремных инспекторов и сторонних наблюдателей, в бараках царил антисанитария, а материальное положение проживавших в них семей было чрезвычайно тяжелым. Примечательно, что Э. Гентес в одной из своих статей сообщает о том, что дети политических ссыльных, даже находясь с родителями в тюрьмах, оказывались в совершенно иной ситуации. См.: Gentes A. Towards a Demography of Children in the Tsarist Siberian Exile System // *Sibirica*. 2006. Vol.5. № 1. P.1-23.

Ссылаясь на работы М. Фуко, Д. Бир напоминает, что с конца XVIII в. в Европе вызревали идеи реформирования системы наказаний, оспаривая старые религиозные представления о преступлении как несмываемом грехе. В России в начале царствования Александра II реабилитация осужденных была провозглашена в качестве главной, «гуманной» цели системы ссылки. Вслед за Э. Гентесом и Э. Шредер, Д. Бир подчеркивает, что новый акцент на идее реабилитации также соответствовал более широким «колониальным» амбициям государства. Полноценная колонизация требовала не просто дисциплинированных и трудолюбивых каторжников; она нуждалась в создании экономически продуктивных, устоявшихся сообществ, способных обеспечить развитие торговли, промышленности и культуры. Правительственные чиновники понимали, что превращение ссыльных преступников в законопослушных поселенцев сопряжено с явными трудностями, поэтому они обратили свой взор на институт семьи, сочетая идеалистические установки с прагматическими.

Цитируя работу Э. Гентеса, Д. Бир напоминает, что со времени возникновения ссылки в Сибирь государство рассчитывало на то, что именно женщины будут оказывать «одомашнивающее» влияние на «фронтир». Они были необходимы для «умиротворения» мужчин, воспитания детей, сохранения стабильного и трудоспособного населения колонии. Им предстояло превратить непокорных преступников в трудолюбивых хозяев и законопослушных подданных царя. Впрочем, женщины не могли в полной мере выполнить возложенные на них функции, поскольку составляли не более 20 % от общего числа ссыльных, ежегодно отправляемых в Сибирь.⁶⁴⁴

Изучение государственного механизма Российской империи тесно связано с устойчивым стремлением нескольких поколений англо- и немецкоязычных исследователей прояснить вопрос о возможных альтернативах развития России в позднеимперский период, установить причины и факторы, обусловившие «кризис власти» и приведшие в итоге к крушению монархии.

⁶⁴⁴ Определяя удельный вес женщин среди ссыльного населения Сибири, историк приводит сведения из работ Е.Н. Анучина, А.Д. Марголиса, официальных статистических изданий, архивных материалов. Так, по данным Д. Бира, в 1882–1898 гг. в Сибирь для отбывания каторжных работ было прислано 229 тыс. чел. (с членами семей), из них 65 % – мужчины, 10 % – женщины, 25 % – дети. Тяжелые испытания в равной мере выпадали на долю осужденных женщин и тех, кто добровольно следовал в Сибирь за своими мужьями. Правило, предписывавшее женщинам следовать по этапу отдельно от мужчин, продолжало нарушаться, и зачастую женщины должны были круглосуточно находиться среди закоренелых преступников. Многие ссыльные использовали своих жен в качестве живого товара, передавая их уголовникам в обмен на деньги, водку или покровительство. См.: Beer D. *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars*. London, 2017. P.253-255.

Анализ англо-американской историографии второй половины XX в. - начала XXI в. позволил С.В. Любичанковскому заключить, что большинство зарубежных историков признают кризис самодержавной России, приведший ее к революционным событиям.⁶⁴⁵ По вопросу о времени зарождения кризиса западных исследователей часто делят на «оптимистов» (полагающих, что мирную эволюцию России в сторону буржуазной демократии прервала Первая мировая война) и «пессимистов» (по мнению которых, война лишь послужила катализатором для кризисных явлений).⁶⁴⁶ В историографии последних десятилетий, посвященной переоценке всех сторон жизни позднеимперской России, многие выводы сторонников "пессимистического" взгляда были подвергнуты сомнению.

Аналогичные процессы характерны и для современной отечественной историографии. Наличие кризиса власти в позднеимперской России признают сторонники «классического направления», связанного с изучением качества работы конкретных звеньев государственного механизма с помощью микроисторического синтеза, а также концепции «системного кризиса» Российской империи (предполагающей изучение качества работы государственных институтов через выявление отношения к ним населения). Отрицают наличие кризиса те исследователи, кто придерживается «социально-исторической концепции» и изучает качество работы государственного аппарата с помощью анализа уровня должностных преступлений.

Изучая **общественно-политическое развитие** центральных регионов Российской империи, западные историки лишь сравнительно недавно обратились к рассмотрению соответствующих процессов на ее окраинах, в том числе – в Азиатской России. Наибольшее внимание в англо- и немецкоязычной историографии уделялось «сибирскому областничеству» — общественно-политическому и культурному движению, сторонники которого добивались для сибиряков прав, свобод и возможностей, которыми пользовалось население Европейской России и, вместе с тем, отстаивали идею более самостоятельного, автономного развития Сибири, с учетом ее географических, социально-экономических и культурных особенностей.

С деятельностью областников неразрывно связана история сибирской науки и

⁶⁴⁵ Любичанковский С.В. Состояние власти позднеимперской России в оценке англо-американской историографии 2-й половины XX - начала XXI в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т.9. № 2. С.342-347.

⁶⁴⁶ Thatcher I.D. Introduction // Late Imperial Russia. Problems and prospects. Manchester and New York, 2005.

образования, становления периодической печати, формирования элементов гражданского общества и деятельности партийных организаций и политических группировок в Сибири в дореволюционный период.⁶⁴⁷ Значительный интерес для историков представляют взгляды областников на правительственную политику в отношении региона, характер эксплуатации природных ресурсов, проблемы русско-аборигенных отношений, роль каторги и ссылки в жизни региона. На теоретическом уровне исследование данной темы предполагает анализ и уточнение содержания, в частности, таких понятий как «регионализм», «региональное сознание», «региональная идентичность».

В США одним из первых к изучению проблем «сибирского регионализма» обратился С.Д. Уотрус, защитивший в 1970 г. в Университете Вашингтона диссертацию на тему «Российская «страна будущего»: регионализм и пробуждение Сибири, 1819-1894»⁶⁴⁸. Исследование, посвященное истории формирования регионального сознания в Сибири в XIX в.; охватывает период с 1819 г., когда в Сибирь в качестве генерал-губернатора прибыл М.М. Сперанский, и до смерти лидера сибирских областников Н.М. Ядринцева в 1894 г. (что, по замечанию автора, примерно совпало по времени со строительством Транссибирской магистрали и началом массового притока переселенцев в Сибирь).

По признанию С. Уотруса, приступая к работе, он руководствовался давним призывом Ф. Дж. Тернера сравнить методы заселения американского «фронта» с теми методами колонизации, что использовались в России, Германии и британских колониях в Канаде, Австралии и Африке. Однако, по мнению исследователя, такое сравнение необходимо предварить более глубоким изучением местных особенностей и, если речь идет о Сибири, выяснить, как в регионе возник «мыслящий элемент», способный к самоанализу и сравнению сибирского исторического опыта с американским. Убедившись, что сибирские интеллектуалы XIX – начала XX вв. (и в их числе — областники) не только хорошо осознавали известное сходство процессов экспансии и колонизации Северной Азии и Северной Америки, но и прямо называли Сибирь «российской колонией», С. Уотрус пришел к выводу, что деятельность сибирских областников и идея «сибирского регионального сознания» более, чем любой другой фактор, способствовали «пробуждению» сибирского общества и восприятия им ценностей и взглядов эпохи

⁶⁴⁷ Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С.4.

⁶⁴⁸ Watrous S.D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819 – 1894: PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970; Watrous S.D. Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture. New York, 1993. P. 113–132.

«модерна».⁶⁴⁹

Впервые в англоязычной историографии С. Уотрус достаточно подробно представил биографии ведущих представителей движения – Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина. Значительная часть материала, использованного в диссертации, почерпнута автором в биографических трудах Н.А. Абрамова, Н.А. Аристова, И.А. Якушева, Н.Н. Козьмина, М.К. Лемке, В.А. Обручева, И.И. Попова, А.Н. Пыпина и др. Не имея возможности ознакомиться с публикациями областников в сибирской периодике, историк ограничился использованием тех работ, которые увидели свет на страницах столичных изданий.

Исследование разделено на три основных части. В первой дается обзор истории развития сибирского общества до начала 1860-х гг., анализируется влияние «прогрессивных администраторов», политических ссыльных, местной интеллектуальной элиты на сибирское общество в целом; развитие федералистской мысли в России до появления сибирского областнического движения. Во второй части излагается история возникновения и развития движения в царствование Александра II, в биографическом и хронологическом ракурсах. Третья часть посвящена 1880-м – первой половине 1890-х гг., когда областническое движение достигло своего пика; основной акцент делается на рассмотрении деятельности Н.М. Ядринцева.

Называя реформу 1822 г. отправной точкой в «современной» истории региона, исследователь, как и М. Раев, полагает, что именно общественная инициатива и административные реформы М.М. Сперанского заставили Сибирь двигаться в сторону более «прогрессивных» институтов и «продвинутых западных идей» и мыслящего общества, которое занимали вопросы идентичности региона и более подходящего для него места в мире. Следующий этап – 1830-е гг., отмечен пробуждением «местного патриотизма», что нашло воплощение, в частности, в деятельности П.А. Словцова («первого сибирского историка», по определению С. Уотруса). В числе тех, кто оказал влияние на сибирских областников, американский исследователь (вслед за С.Г. Сватиковым⁶⁵⁰) упоминает ссыльных поляков – например, В. Журавского, открыто призывавшего к отделению Сибири от России.

В диссертации С. Уотрус использует термин «сибирский регионализм» и подчеркивает, что в течение большей части XIX в. термин "областничество" не использовался ни

⁶⁴⁹ Watrous S.D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819 – 1894: PhD. thesis. University of Washington. Seattle, 1970. P.IV-IX

⁶⁵⁰ Сватиков Г. С. Россия и Сибирь. (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1929. С.97.

жителями Европейской России, ни сибиряками; как не использовался в Сибири и термин «областность», предложенный в свое время А.П. Щаповым для характеристики общественно-политического устройства русских земель до складывания централизованного государства.⁶⁵¹ До начала 1890-х гг. общеупотребительными являлись понятия «сибирский патриотизм» или «местный патриотизм», и только в 1890-х гг. Н.М. Ядринцев начал использовать термины "областной" и "областник".

Определяя понятие «регионализм» как «осознание и приверженность конкретной субнациональной или сверхнациональной территории, которая обычно характеризуется общей культурой, историей или интересами», С. Уотрус приходит к выводу, что для «сибирского регионализма» был характерен «субнациональный» аспект. Сибиряки не рассматривали себя ни как отдельную национальность (в этническом и языковом аспектах), ни тем более как самостоятельную нацию (в культурном или политическом отношениях), а лишь считали себя региональной разновидностью великороссов, со своими территориальными, социальными и историческими отличиями (как писал Г.Н. Потанин, в основе «сибирской идеи» лежит исключительно территориальный принцип). Соответственно, «сибирский регионализм» нельзя считать разновидностью «национализма», хотя оба явления объединяло стремление пробудить в людях чувство общей идентичности и подтолкнуть к осознанию своего места и судьбы в истории и мире.

Областники считали себя патриотами, отражая основной мотив своей деятельности — любовь к родному краю. Впрочем, С. Уотрус подчеркивает, что сибирское областничество всегда было чем-то большим, нежели просто местным патриотизмом или партикуляризмом. Историк характеризует данное движение как «вестернизирующий феномен», поскольку его представители рассчитывали на прогрессивное культурное и институциональное влияние Европы на Сибирь. Многие областники придавали особое значение тем характеристикам Сибири, которые, по их мнению, делали ее похожей на Северную Америку с точки зрения экспансии и колонизации. Более того, иногда проводились аналогии между Сибирью и Британской Колумбией, Австралией, тринадцатью британскими колониями в XVII-XVIII вв. Вместе с тем, С. Уотрус указывает и на определенную близость «сибирских патриотов» к народникам⁶⁵².

⁶⁵¹ Watrous S.D. Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York, 1993. P.117.

⁶⁵² С. Уотрус полагает, что в отличие от народников областники не могли уповать на некий традиционный сибирский институт (аналог крестьянской общины, «мира» в Европейской России), чтобы связать с ним надежды на возрождение региона. Вместе с тем, по замечанию М.В. Шиловского, в середине 1870-х гг. Г.Н. Потанин, развивая

С. Уотрус перечисляет основные факторы, способствовавшие возникновению и развитию «сибирского регионализма», в их числе: крайняя удаленность Сибири от столиц и обусловленное этим всевластие местных администраторов; наличие относительно свободных земель для колонизации; довольно многочисленное аборигенное население; большая доля ссыльных; эксплуатация природных ресурсов в пользу «метрополии»; отсутствие крепостного права и поместного дворянства; относительно прочное положение купечества; довольно зажиточное, индивидуалистически и «демократически» настроенное крестьянство (в этой связи областниками обсуждался вопрос о «сибиряке» как «региональном типе» великоросса); отсутствие некоторых культурных традиций, характерных для населения Европейской России. Немаловажным фактором историк считает само наличие привычного географического названия региона - «Сибирь», не только выделявшего его в составе России, но и в известном смысле отделявшего от нее. Показательно, что на рубеже XIX-XX вв. власти предписывали использовать термин «Азиатская Россия», понимая, что официальное употребление топонима «Сибирь» косвенно способствует автономистским и даже сепаратистским настроениям за Уралом.

Формулируя свою миссию и собственное видение будущего развития Сибири, областники пытались вызвать в сибирском обществе чувство патриотического и гражданского долга, понимание своих главных интересов, побудить сибиряков к социальному действию. Призывая сбросить с Сибири «кандалы» «колониального» статуса, областники предлагали различные альтернативы. Наиболее радикальное, экстремальное решение заключалось в полном политическом отделении от России, отчасти по образцу североамериканских колоний, хотя историк отмечает, что сепаратистские устремления были характерны для областничества лишь на начальном этапе его существования. Вторая альтернатива (тоже вполне радикальная, особенно в российском контексте) заключалась в установлении автономного (или доминионного) статуса для Сибири в составе Российской империи или, что предпочтительнее, в составе федерации штатов.⁶⁵³

идеи П.Ж. Прудона, пытался связать понятие «область» с генезисом общины, которая будет развиваться вширь, захватывать все новые территории и добьется автономного статуса. (См.: Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С.82) Образцом такой общины Г.Н. Потанин считал Уральское казачье войско. С. Уотрус также признает, что Г.Н. Потанин ближе всех к сибирякам ставил казаков Урала, которых объединяла с великороссами общность языка и веры, а разделяли — исторические традиции, особенности хозяйственного уклада и социальной структуры.

⁶⁵³ В связи с этим С. Уотрус обращает внимание на эволюцию взглядов Г.Н. Потанина на содержание термина «сепаратизм». В середине 1860-х гг. лидер областников разделял понятия «местный патриотизм» и «сепаратизм» -

С. Уотрус приходит к выводу, что после смерти Н.М. Ядринцева в 1894 г. областничество по форме и содержанию уже не было доминирующим интеллектуальным течением среди местной интеллигенции. Тому способствовали многие факторы - строительство Транссиба; приток крестьян-переселенцев и формирование рабочего класса в городах вдоль железной дороги; появление многочисленных ссыльных марксистов, которые принесли с собой первую из идеологических альтернатив областничеству. К тому времени, когда под влиянием этих новых процессов началась трансформация Сибири в экономическом, демографическом и политическом отношениях, сибирское общество уже «пробудилось». К 1900 г. влияние современных идей и институтов, изначально породивших областническое движение, изменило общественную и городскую жизнь Сибири в значительно большей степени, чем это поначалу ожидали лидеры областничества.

В итоге американский историк приходит к выводу, что рассматриваемое течение общественной мысли вызвало надежды на будущее Сибири, которые затем не нашли подтверждения ни в настоящем, ни в будущем. Однако С. Уотрус призывает не воспринимать областников ни как пророков, чьи пророчества не сбылись, ни как утопистов, но лишь как людей, любивших свой край (и страну) и делавших все возможное, чтобы служить его текущим нуждам, а также способствовать улучшению его внешнего облика и развитию его потенциала.

В 1970-х гг. к изучению начального этапа истории областничества обратились американские историки Г. Хэнсон и Д. фон Мореншильдт⁶⁵⁴, по-разному оценивавшие характер взаимоотношений членов сибирского землячества с А.П. Щаповым и революционными народниками. Так, если Г. Хэнсон согласился с гипотезой советского исследователя С.Ф. Коваля о том, что в 1863-1865 гг. сибирские кружки поддерживали тесные контакты с народниками (равно как с ссыльными поляками) и разделяли многие

последний был лишь радикальным проявлением первого. В середине XIX в. Г.Н. Потанин связывал с «сепаратизмом» все те негативные явления (сылку, эксплуатацию природных ресурсов, отсутствие университета и земств, устаревшую судебную систему), которые «отделяли» Сибирь от России вследствие пренебрежительного отношения к региону со стороны правительства. В период Первой русской революции 1905-1907 г. «сепаратизм» трактовался им лишь как синоним понятия «отдельность», как известная степень автономного культурного, экономического и политического развития, хотя такой «сепаратизм» (как элемент областнического движения) следовало отличать от радикального политического сепаратизма.

⁶⁵⁴ Hanson G.A. Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker: PhD Thesis. University of Wisconsin, 1971; Hanson G.A. Siberian Regionalism in the 1860s // *Topic* 1974. No. 27. P. 62– 75; Mohrenschildt D., von. Shchapov: Exponent of Regionalism and the Federal School in Russian History // *The Russian Review*. 1978. Vol. 37. No. 48. P. 387- 404; Mohrenschildt D., von. Towards a United States of Russia: plans and projects of federal reconstruction of Russia in the nineteenth century. Rutherford; London; Toronto, 1981.

их лозунги, то Д. фон Мореншильдт полагал, что действительный характер взаимоотношений между областниками и революционными кружками до сих пор не прояснен.

По мнению Д. фон Мореншильда, необходимо также более тщательно изучить биографию А.П. Щапова, особенно последний период его жизни; более основательно проанализировать эволюцию его общественно-политических взглядов. Вслед за Н.М. Ядринцевым, американский историк готов признать, что влияние А.П. Щапова на областников было первостепенным. Общими для федералистской теории А.П. Щапова и областнической концепции стали детерминистские идеи об определяющем влиянии природно-климатического фактора на формирование социума. С областниками А.П. Щапова объединял повышенный интерес к вопросам научного изучения Сибири и просвещения народных масс; к проблемам взаимоотношений русского и коренного населения, в том числе, вопросу об ассимиляции инородцев и появлении особого антропологического типа сибиряка.

Наибольший отклик среди членов сибирского землячества вызывали идеи регионализма, федерализма, местного самоуправления, которые отстаивал А.П. Щапов. Вместе с тем, американский историк подчеркивает, что, выступая против излишней централизации, нерационального использования природных богатств Сибири, указывая на необходимость решения сибирских проблем в самом регионе, А.П. Щапов никогда не выдвигал лозунг о его отделении от России. К тому же, после 1865 г. в работах А.П. Щапова политика центрального правительства за Уралом оценивалась не столь негативно.

В Германии центром изучения сибирского областничества и связанной с ним исторической проблематики стал Кельнский университет. В 1962 г. диссертацию, посвященную научному наследию А.П. Щапова, здесь защитил Й. Вахендорф⁶⁵⁵. В условиях возросшего интереса европейской общественности к проблемам регионализма другой выпускник университета и ученик Г. Штёкла Вольфганг Фауст защитил в 1980 г. диссертацию под названием «“Золотое дно” России: сибирское областничество во второй половине XIX века».⁶⁵⁶ Ссылаясь на статью Д. Герхарда, опубликованную в начале 1950-

⁶⁵⁵ Wachendorf J. Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A.P. Schchapov. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universität zu Köln. 1964.

⁶⁵⁶ Faust W. Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Hälfte des 19 Jahrhunderts. Köln; Wien, 1980.

х гг.,⁶⁵⁷ В. Фауст оспорил распространенный в западной историографии тезис о том, что основным направлением политики русских царей на протяжении многих веков было подавление местного своеобразия и нивелировка региональных особенностей. Такую интерпретацию русской истории нельзя не признать крайне односторонней, однако она объясняет, почему западные историки столь мало интересовались историческими судьбами российских окраин. Следуя призыву К. Герке, прозвучавшему в конце 1970-х гг., немецкий исследователь предпринял попытку изучить феномен «регионализма» на сибирском историческом материале.⁶⁵⁸

По заключению В. Фауста, не только западные, но и советские историки долгое время не уделяли должного внимания теме сибирского «регионализма», что объяснялось влиянием идеологических факторов, а также стремлением увязать исторический прогресс с централизаторскими тенденциями. По мнению историков-марксистов, областничество второй половины XIX в. служило преградой на пути революционного движения, разворачивавшегося в масштабах всей России, и по этой причине рассматривалось как «реакционная буржуазная идеология». Несмотря на то, что в первые годы советской власти предпринимались попытки пересмотреть роль областничества, в 1930-е гг. отношение к данному общественно-политическому течению оставалось негативным. Новый всплеск интереса к теме последовал лишь в послевоенные десятилетия.

В отличие от Д. Уотруса, не имевшего доступа к западносибирской периодике второй половины XIX в., В. Фауст использовал более широкий круг источников, в т. ч. многочисленные публикации областников (прежде всего Н.М. Ядринцева, Г.Н. Потанина, С.С. Шашкова) в сибирской периодической печати. Анализ отдельных проблем и идей «областников» в диссертации сопровождается обстоятельным изучением их биографий, что позволило лучше понять многие «поворотные моменты» в эволюции их воззрений.

В. Фауст рассматривает историю взаимоотношений «областников» с революционными демократами и народниками, в частности, «идейные соприкосновения» с А.И. Герценом, М.А. Бакуниним, Н.Г. Чернышевским, Н.А. Добролюбовым, Д.И. Писаревым, П.Л. Лавровым; подчеркивает связь между отдельными идеями «областничества» и учениями французских социалистов, американских, английских и немецких экономистов и

⁶⁵⁷ Gerhard D. Regionalismus und staendisches Wesen als ein Grundthema europaeischer Geschichte // Historische Zeitschrift. 1952. Vol. 174. S. 307–337.

⁶⁵⁸ Göhrke C. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Voruberlegungen fuer eine kuenftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropaeischen Geschichte. 1978. Bd. 25. S. 75–107.

историков (что почти не рассматривалось в советской историографии и в работе Д. Уотруса). Идея борьбы за просвещение, вера в силу науки объединяла «областников» не только с учениями радикалов и социалистов, но и с философией позитивизма Г. Спенсера, О. Конта, Г.Т. Бокля.

Истоки областничества В. Фауст вслед за М.А. Рубач (как и Д. фон Мореншильдт) усматривает в трудах А.П. Щапова и федералистских идеях Н.И. Костомарова. Анализируя взгляды областников на крестьянскую общину и процесс индустриализации, историк стремится показать, что данное общественно-политическое движение не уместилось в простую схему, требующую отнести его либо к народнической, либо к буржуазно-либеральной идеологии. Убедительным представляется вывод В. Фауста о том, что областничество нельзя строго разделить на «политическое», «экономическое» и «культурное» направления; все эти элементы сосуществовали в неразрывной связи, и в разное время любой из них мог выйти на первый план.

Немецкий историк не сомневается в сепаратистских устремлениях областников на раннем этапе (1860-е гг.), но видит в них скорее проявления «политической неуверенности и признак нетвердых политических убеждений», нежели серьезную тактику борьбы с царизмом⁶⁵⁹. В целом В. Фауст приходит к справедливому выводу о том, что без изучения истории «областничества» трудно понять историю «модернизации» и «европеизации» (по сути, «колонизации») Сибири. Историк полагает, что именно идея «сибирского патриотизма» сыграла решающую роль в культурной, политической и экономической интеграции региона в общеимперское пространство, поскольку способствовала преодолению «колониального прошлого»; впервые пробудила в сибирской общественности желание во всем сравняться с «метрополией»; создала предпосылки для действительного вступления Сибири в Новое время и заложила основы будущего мирового значения региона. Многие вопросы, поднятые в диссертации В. Фауста, получили куда более обстоятельное освещение в отечественной историографии, однако вклад немецкого историка не следует преуменьшать, поскольку его работа способствовала

⁶⁵⁹ Faust W. Russlands Goldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Haelfte des 19 Jahrhunderts. Koeln; Wien, 1980. S.144. В современной отечественной историографии данный вывод убедительно опровергает М.В. Шиловский, по мнению которого, «сибирский сепаратизм» являлся синонимом дефиниции «сибирский патриотизм» и возник как самоназвание группы молодых сибиряков-разночинцев, решивших посвятить себя делу служения Сибири и в последующем получивших название областников; ... сепаратистская тенденция была приписана ранним областникам отдельными исследователями, так и не понявшими, какое содержание вносили представители движения в это понятие. См.: Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С.40.

привлечению внимания западных исследователей к проблемам общественно-политического развития Сибири в пореформенную эпоху.

Другой выпускник Кёльнского университета Стефан Штух посвятил свою диссертацию следующему по хронологии периоду истории сибирского областничества – началу XX в.⁶⁶⁰ Ст. Штух использовал документы из фондов российских архивов (ЦГИА СПб, ГАТО, ГАРФ), материалы многочисленных периодических изданий ("Алтайское дело" (1912-1916), "Алтай" (1911-1916), "Енисейская мысль" (1912-1915), "Жизнь Алтая" (1910-1916), "Забайкальская новь" (1907-1916), "Омский вестник" (1909-1916), "Сибирская жизнь" (1897-1917), "Сибирский листок" (1891-1917), "Сибирь" (1906-1916), "Восточное обозрение" (1888-1906), "Вестник Западной Сибири" (1910-1915). В значительной мере немецкий исследователь опирался на работы советских и российских историков, прежде всего, М.В. Шиловского, Л.М. Горюшкина, М.Г. Сесюниной, И.М. Разгона.⁶⁶¹

Преимущественное внимание в диссертации уделяется разработке теоретических и терминологических аспектов темы. По мнению Ст. Штуха, до сих пор исследователям не удалось четко отделить "сибирское областничество" от других общественно-политических групп в Сибири (например, кадетов или эсеров), равно как не удалось действительно поставить знак равенства (как это принято в западной науке) между "сибирским областничеством" и "регионализмом/сепаратизмом". В диссертации вместо термина «сибирское областничество» используется термин «регионализм», а понятию "областник" автор предпочитает термин "сибирофил".

Развивая идеи, обусловленные «культурным» и «пространственным поворотом» в историографии, немецкий исследователь замечает, что наряду с понятием «региона» как географической единицы существует понимание региона как социальной категории и «социально-структурированного пространства». Для того чтобы понять действительное

⁶⁶⁰ В качестве научных консультантов Ст. Штуха выступили А. Каппелер и Д. Дальман. См.: Stuch S. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. – Koeln, 2003; Stuch St. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge, 2003. Bd.51. H.4. S. 549-563.

⁶⁶¹ Разгон И.М. Сибирское областничество в 1917 году. Программа и краткое содержание докладов. Томск, 1964; Разгон И.М., Бабилова Е.Н. Об эволюции сибирского областничества в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск, 1976. С. 55–82; Сесюнина М.Г. К вопросу о возникновении сибирского областничества // Труды Томского государственного университета. Томск, 1965. Т. 158. С. 20–36; Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. – Новосибирск, 1989; Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Областники. – Новосибирск, 1995; Горюшкин Л.М. Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия СО АН СССР. 1991. № 1. С. 37–44.

значение областнических настроений в Сибири в начале XX в., Ст. Штух стремится выяснить, в какой степени и для какой части населения Сибирский регион в рассматриваемый исторический период являлся «ментальным пространством» и «пространством деятельности».

Ст. Штух подчеркивает, что областники видели ущемление интересов региона, прежде всего, в нежелании правительства распространить на Сибирь земскую реформу; в проводимой государством переселенческой политике; и, наконец, в сохранявшейся экономической зависимости Сибири от Европейской России. Значение, которое в Сибири придавалось проблемам самоуправления, проявилось, в частности, в общественном движении, которое привело к выработке в течение 1905 г. в общей сложности 18 проектов о сибирском земстве, поданных общественными организациями или городскими думами. Таким образом, в представлении немецкого историка, возможности региональной «идентификации» определялись, в первую очередь, общим стремлением местной интеллигенции уравнивать сибирскую окраину в правах с регионами Европейской России, тогда как географические особенности и культурно-этническое многообразие населения имели меньшее значение.

Канадский исследователь Норман Перейра утверждает, что для областников⁶⁶² был характерен легистский (отождествляющий право и закон) подход к определению автономии, нацеленный на создание Сибирской Областной Думы, в компетенцию которой должно было входить распоряжение всеми землями региона, составляющими часть государственного фонда; решение вопросов, связанных с местным бюджетным правом, народным образованием и здравоохранением, путями сообщения и тарифами, переселенческим движением, промышленностью, сельским хозяйством и др.⁶⁶³

С появлением на рубеже веков в России политических партий вопрос сибирского регионализма подвергся более широкому обсуждению.⁶⁶⁴ Почти всеми силами политического спектра, и правыми, и левыми, акцент делался на роли государства как

⁶⁶² Н. Перейра подчеркивает, что под термином «областники» объединялись люди самых разных взглядов — автономисты, федералисты и даже сепаратисты. См.: Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988. Vol. 30, № 1. P.112–133.

⁶⁶³ Н. Перейра приводит перечень основных требований областников, ссылаясь на статью британского историка А. Вуда: 1) уничтожение системы ссылки; 2) упразднение внутренних таможенных барьеров; 3) развитие местной культуры и высшего образования; 4) организация помощи переселенцам; 5) улучшение условий жизни аборигенного населения. См.: Wood A. Chernyshevskii, Siberian Exile and Oblastnichestvo // Russian Thought and Society, 1800–1917: Essays in Honour of Eugene Lampert. Keele, 1984. P. 42–66.

⁶⁶⁴ Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988. Vol. 30. No. 1. P.116.

двигателе прогресса в российской истории (как замечает канадский историк, «в целом направление русской политической мысли было удивительно однообразным, если не сказать гегельянским»). Таким образом, централизаторская тенденция, характерная для подавляющего большинства политических партий, входила в противоречие с автономистскими устремлениями областников.⁶⁶⁵

Как пишет Н. Перейра, Первая русская революция 1905-1907 гг. естественным образом стимулировала новый подъем областнического движения. В конце августа 1905 г. в Томске состоялся съезд Сибирского областного союза, на котором был принят программный документ («Основные положения Сибирского областного союза»), подчеркивавший право региона на самоуправление.⁶⁶⁶ Многие участники съезда выражали озабоченность по поводу того, что областническое движение не имело широкой поддержки в народе, его главной опорой оставалась местная интеллигенция. Г.Н. Потанин признавал, что идея Сибирской Областной Думы была по-прежнему чужда сибирскому крестьянству, хотя П.М. Головачев настаивал, что почти все сибиряки были областниками по своей сути.

По мнению Н. Перейры, слабость областников была очевидна и правительству; революция не изменила баланс сил в регионе, который даже не был должным образом представлен в Государственной Думе. В период Гражданской войны население Сибири окончательно утратило интерес к идеям областников, отдав предпочтение «милитаризованному этатизму», а само областничество оказалось «разорванным» в водовороте межпартийной борьбы.

Американский историк Д. Рэйнбоу, ученик Я. Коцониса, защитил в 2013 г. в Университете Нью-Йорка диссертацию на тему «Сибирские патриоты: партиципаторная автократия и Российское имперское государство, 1858-1920».⁶⁶⁷ Работа Д. Рэйнбоу стала первым на Западе обобщающим исследованием, посвященным всему периоду существования областнического движения. Научными консультантами и рецензентами исследователя выступили известные историки – Дж. Бербэнк, Б. Грант, Н. Найт,

⁶⁶⁵ В отличие от С. Уотруса, который считал, что эсеры находились под сильным влиянием областников, Н. Перейра полагает, что характерной чертой ПСР было отсутствие устойчивой политики в отношении сибирского областничества. В частности, отстаиваемый эсерами принцип социализации земли не соответствовал как собственническим наклонностям крестьянства, так и автономистским устремлениям части сибирского населения.

⁶⁶⁶ В монографии М.В. Шиловского отмечается, что содержащийся в «Основных положениях...» тезис о Сибири как нераздельной части России фактически нивелировал автономистскую направленность документа. См.: Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С.158.

⁶⁶⁷ Rainbow D. *Siberian Patriots: Participatory Autocracy and the Cohesion of the Russian Imperial State, 1858-1920*. Ph.D. thesis. Department of History, New York University, 2013.

А.В. Ремнев, М. Фон Хаген, М. Бассин, С. Маркс, В. Сандерленд и др. Исследование написано на основе широкого круга источников, в том числе архивных материалов, которые автор изучал в Санкт-Петербурге, Москве, Омске, Иркутске, Нью-Йорке, Стэнфорде.

В диссертации история «сибирского областничества» исследуется в контексте общественно-политического развития Российской империи во второй половине XIX-начале XX в. Автор следует, прежде всего, в русле историографии "новой имперской истории", которая, по его определению, пытается выйти за пределы телеологических рамок, присущих доминировавшему в течение долгого времени национальному подходу к изучению истории эпохи «модерна» («империи порождают нации»). По словам Д. Рэйнбоу, парадигма «новой имперской истории» позволяет лучше понять, как империи управляли сами собой, как люди их воспринимали, и какие имперские практики и опыт сохранялись и развивались с течением времени, даже в советский период.

Д. Рэйнбоу не склонен полагать, что крушение самодержавия было предопределено, солидаризируясь с теми исследователями, кто пишет о вполне успешном развитии российского общества в позднеимперский период. По мнению Д. Рэйнбоу, это происходило не вопреки государству, а во многом благодаря ему, поскольку монархия пыталась заручиться поддержкой населения, конкурируя с революционными группами, частными компаниями, региональными и национальными патриотическими движениями. Изменения в способах управления империей требовали все большего взаимодействия между государством и населением.

Для обозначения совокупности механизмов, с помощью которых самодержавное государство пыталось упрочить связи с населением и тем самым сохранить себя, американский историк использует термин «партиципаторная автократия». Одним из ее проявлений автор считает все большую зависимость самодержавного государства от помощи и участия экспертного сообщества в решении многих вопросов – научных, медицинских, этнографических, статистических, правовых и т.д. В свою очередь, экспертное сообщество делало возможным привлечение более широких слоев населения, хотя в условиях «партиципаторной автократии» монарх не отказывался от суверенной власти, а его легитимность никогда не зависела юридически от согласия его подданных. Д. Рэйнбоу показывает, что государство и социальные акторы могли сотрудничать, действовать совместно, преследуя при этом совершенно различные цели.

Основное внимание в диссертации уделяется проблеме взаимоотношений «областников» (сам Д. Рэйнбоу предпочитает называть их «сибирскими патриотами») с имперской властью в Сибири. Как отмечает автор, областники, отчасти вдохновленные колониальным опытом в обеих Америках, Индии и Австралии, трудились во имя "развития" и "прогресса" в Сибири, стремясь сделать ее более независимой от остальных частей империи. В течение рассматриваемого периода движение претерпело радикальную трансформацию: если в 1860-х гг. областников можно было охарактеризовать как "сепаратистов", то в 1918 г. они превратились в "государственников", борющихся за территориальное единство империи в войне против большевиков.

Пытаясь объяснить эту трансформацию, Д. Рэйнбоу показывает, что критические высказывания «сибирских патриотов» в отношении империи с самого начала имели двоякий смысл: сопротивляясь экспансии имперской власти, они в то же самое время требовали, чтобы империя создала условия, необходимые для сибирской автономии. Областники обращались к государству с просьбой о выработке и реализации "прогрессивной" политики, которая, по их мнению, должна была компенсировать последствия эксплуатации и пренебрежительного отношения к Сибири, демонстрируемого правительством на протяжении столетий.

Вообще, вслед за Ст. Штухом американский историк полагает, что в действительности представления об «особости» Сибири в большей степени явились следствием именно этого безразличия и небрежения со стороны властей, нежели результатом формирования специфической сибирской культуры и этнических процессов, как об этом писали областники⁶⁶⁸. При этом Д. Рэйнбоу считает нецелесообразным характеризовать «сибирских патриотов» в терминах оппозиции и партийной политики, так как это не позволяет объяснить сотрудничество областников с государством и нежелание объединяться с любой из политических партий.

Зарождение такого сотрудничества автор усматривает уже в период следствия по делу «об отделении Сибири от России» (1865), когда «сепаратистов» обстоятельно расспрашивали о том, как, по их мнению, можно улучшить положение дел в Сибири. После ссылки областники сумели увлечь своими идеями местных администраторов; в

668 Специальную главу диссертации Д. Рэйнбоу посвятил рассмотрению взглядов областников на проблемы этничности, национальности и расы. Д. Рэйнбоу полагает, что современным исследователям не следует игнорировать «расовые» концепции областников, поскольку их теоретические построения способствуют не разделению, а объединению разнородного населения региона.

первую очередь, это удалось сделать Н.М. Ядринцеву, которому покровительствовал генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков, поддержавший идею открытия университета в Томске. Далее Д. Рэйнбоу подробно рассматривает другие примеры взаимодействия власти и общества (в лице «сибирских патриотов»): участие областников в работе отделов ИРГО, организации и проведении статистических исследований (в частности, однодневной переписи в г. Омске в 1877 г.), обсуждение насущных проблем региона на страницах местных периодических изданий.

Наряду с «партиципаторной автократией» Д. Рэйнбоу исследует проблему «целостности империи». По словам историка, самодержавное государство преуспело в укреплении связей между имперским центром и населением Сибири, благодаря чему «целостность империи» с ее огромными азиатскими владениями удалось сохранить даже в период революций и Гражданской войны. Д. Рэйнбоу приходит к выводу, что после 1917 г. Российское государство уже не было самодержавным, но, согласно распространенным в западной историографии представлениям, оставалось «имперским».

По заключению западных исследователей (Д.Бира, Д.Дальмана, С.Бэдкок, К.Тертон и др.), наряду с «областниками» заметное влияние на общественно-политические процессы в Сибири конца XIX – начала XX вв. оказывали **политические ссыльные** – деятели революционного движения (народники, эсеры, социал-демократы и др.). По данным Д. Бира, в 1881-1904 гг. в Сибирь было сослано 4100 чел. за «политическую неблагонадежность» и еще ок. 2000 чел. за участие в забастовках.⁶⁶⁹ Если учесть, что, по данным ГТУ, к 1898 г. в Сибири находилось ок. 300 тыс. ссыльных, доля политических выглядит очень незначительной, тем не менее они пользовались несоизмеримо большим влиянием. По мнению историка, политические ссыльные 1870-х-1880-х гг., в отличие от декабристов, не были готовы смириться со своим «изгнанием с политической сцены» и в дальнейшем демонстрировать свои идеологические убеждения исключительно внутри своего сообщества.⁶⁷⁰ Одной из форм борьбы был побег, но для политзаключенных он никогда не был лишь способом обретения личной свободы; это был акт политического сопротивления, коллективно спланированный и подготовленный. В 1881 г. отказ некоторых ссыльных (в том числе В.Г. Короленко) от присяги новому царю задал образец поведения, предполагающего отказ от обращения с какими-либо просьбами к властям.

⁶⁶⁹ Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. London: Penguin Books, 2017. P.299.

⁶⁷⁰ Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. London, 2017. P.299.

Подробно описывая трагические судьбы некоторых ссыльных (напр., Е.Н. Ковальской), тяжелые условия их жизни в Сибири, Д.Бир замечает, что и при таких обстоятельствах многие ссыльные радикалы парадоксальным образом обретали в Сибири большую свободу, чем в Европейской России. Относительная слабость административного надзора, отсутствие необходимых профессиональных навыков у местных чиновников, перегруженных делами, и их довольно снисходительное отношение к ссыльным позволяли последним в той или иной степени заниматься хозяйственной, образовательной или исследовательской деятельностью.

По словам Д. Бира, когда разразилась революция 1905 года, ссыльные радикалы превратили города и села Сибири в очаги отчаянного сопротивления самодержавию. К выступлениям политических ссыльных в городах присоединялись и бастующие рабочие, и возвращавшиеся с Маньчжурского фронта солдаты. Если в начале царствования Николая II Сибирь была, по определению историка, территорией политического «карантина», то к началу Первой мировой войны она превратилась в «гигантскую лабораторию революции». Начавшаяся после революции 1905-1907 гг. политическая реакция, деятельность военных трибуналов и высылка в Азиатскую Россию всех «подозрительных элементов» привели к резкому росту численности тюремного населения Сибири.

В 1906-1907 гг. в сибирские тюрьмы были назначены новые начальники, более жесткие в сравнении с прежними, допустившими смягчение тюремного режима в условиях революционного взрыва. Острое противостояние между заключенными и представителями тюремной администрации сопровождалось побегами и покушениями на представителей тюремной администрации. Так, в 1907 г. в Чите был убит начальник Нерчинской каторги Ю.И. Метус, в том же году эсеры убили начальника Тобольской тюрьмы А.Г. Богоявленского, а в 1909 г. – его преемника И.С. Могилева. По заключению Д. Бира, если в 1880-1890-х гг. революционеры апеллировали к суду общественного мнения, то теперь они выступали в роли исполнителей приговора, вынесенного этим судом.

Немецкий историк Д. Дальман также отмечает, что в 1907-1910 гг. по мере стабилизации ситуации, тюремный режим был восстановлен, однако конфликты заключенных с администрацией продолжали возникать почти повсеместно. По его словам, «политические» использовали любую возможность «для продолжения своей

революционной борьбы, поддерживая связь с внешним миром и донося до общественности информацию обо всех случаях унижения их человеческого достоинства»⁶⁷¹. В целом для западной историографии характерно представление о том, что период «политической реакции», наступивший после поражения революции 1905 г., предопределил судьбу самодержавия. Как пишет Д.Бир, триумф царизма был кратковременным, и в 1917 г. революция разрушила систему ссылки, добившейся столь малого за столь колоссальную цену.

В современной историографии участие политических ссыльных в общественно-политической жизни Сибири анализируется также с позиций «гендерного подхода», таких направлений как «история женщин» и «история семьи». Биографии известных деятельниц революционного движения, оказавшихся в сибирской ссылке, изучали Ф. Десинд⁶⁷² и К. Туртон⁶⁷³. В одном из разделов книги Ф. Десинда, которая, по определению А. Гайфман, «представляет собой попытку публикации источника и исторического повествования под одной обложкой», впервые в англоязычной историографии подробно описывается история жизни сестер Е.А. и А.А. Измайлович – дворянок (из семьи офицера-артиллериста), ставших членами партии эсеров и горячо поддерживавших ее террористическую тактику.

По заключению Ф. Десинда, А.А. Измайлович оказалась в числе тех политических ссыльных, кто встретил в Сибири сравнительно мягкое обращение со стороны местных властей и населения. К ней и ее товарищам хорошо относилась охрана (им, в частности, разрешалось читать книги и курить, что не дозволялось уголовникам); в Акатуе их тепло приветствовали жители и ссыльные, исполнившие при встрече «Марсельезу». Персонал тюрьмы интересовался у женщин, хорошо ли они устроились на месте, и предлагал дополнительную помощь. Впрочем, автор замечает, что не следует преуменьшать суровость наказаний, которые применялись в отношении революционеров в царской России. В конечном счете, их отрывали от семей, работы, родственников, вынуждали жить в непривычных и суровых условиях. К тому же, обращение со стороны полиции и

⁶⁷¹ Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2009. S.164.

⁶⁷² Desind Ph. *Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901-1917*. Lewiston, 1991.

⁶⁷³ Turton K. *Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917* // *Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes*. 2010. Vol. 52. No. 3/4. P. 391–415; Turton K. *The Revolutionary, His Wife, the Party, and the Sympathizer: The Role of Family Members and Party Supporters in the Release of Revolutionary Prisoners* // *The Russian Review*. 2010. Vol. 69. No. 1. P. 73–92.

охраны могло быть совершенно иным, о чем свидетельствовала, например, биография М.А. Спиридоновой, также описанная Ф. Дессиндом.

Британская исследовательница Сара Бэдкок повествует о судьбах видных деятелей революционного движения, заключенных в 1906–1917 гг. Мальцевскую женскую тюрьму в Нерчинском каторжном комплексе (в их числе – М.А. Спиридонова, И.К. Каховская, А.В. Биценко, М.М. Школьник, А.А. Измайлович, Ф.Е. Каплан). Источники свидетельствуют, что тюремная жизнь революционерок была устроена на началах своего рода «коммуны». Всюду подчеркивается их стремление к повышению своего уровня образования, скромность, самоконтроль, последовательный отказ от сотрудничества с властью. По мнению ряда современных исследователей, ссыльные революционерки следовали образцам поведения, заданным В.Н. Фигнер и Е.К. Брешко-Брешковской, а в художественной литературе ориентиром для них служил образ Веры Павловны из романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

В работах британской исследовательницы Кэти Тертон (сотрудницы Университета Квинс в Белфасте) показана роль, которую в жизни ссыльных революционерок (З.П. Кржижановской-Невзоровой, Е.Д. Стасовой, Ц.С. Бобровской, Н.К. Крупской, Ф.И. Рыковой, К.Т. Свердловой-Новгородцевой и др.) играли члены их семей. К. Тертон широко привлекала сведения из работ зарубежных и отечественных историков, использовала архивные материалы, хранящиеся в ГАРФ и РГАСПИ; но, в первую очередь, изучала эго-документы – воспоминания, автобиографии, переписку.⁶⁷⁴

По мнению К. Тертон, во многих ситуациях члены семей революционеров, которые могли действовать открыто и имели некоторые официальные права в глазах представителей власти, оказывали ссыльным куда более существенную помощь, нежели

⁶⁷⁴ К. Тертон отмечает, что в западной историографии авторы обобщающих исследований (например, Дж. Кип, У.Б. Линкольн, А. Гайфман), посвященных революционному движению, обычно указывает на значение семейных связей, полагая, что, во-первых, революционеры на практике реализовывали требование отсечь все семейные узы и всецело посвятить себя революционной борьбе, и, во-вторых, что даже если семейные отношения сохранялись или возникали, они все же имели второстепенное значение. Показательно, что многие революционеры в своих мемуарах не признают роль семей и не дают достаточного материала для исследований. Представители другого историографического направления (Б. Клеменс, А. Хилльяр, Р. Стайтс – авторы биографических и просопографических исследований, посвященных женщинам-революционеркам) признают, что для точного описания жизни партийных «агентов» следует учитывать такой фактор как забота и помощь членов семей – в первую очередь, матерей и жен. Следуя данному призыву, К. Тертон в своих публикациях показывает, с какими вызовами и проблемами сталкивались политические ссыльные, и как их родственники помогали им выстоять и вернуться к революционной борьбе. См.: Turton K. Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917 // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 2010. Vol. 52. No. 3/4. P. 391–415; Turton K. The Revolutionary, His Wife, the Party, and the Sympathizer: The Role of Family Members and Party Supporters in the Release of Revolutionary Prisoners // The Russian Review. 2010. Vol. 69. No. 1. P. 73–92.

представители Политического Красного Креста, революционных организаций или другие ссыльные. Исследовательница приходит к выводу, что семейная поддержка была крайне важна для ссыльных и их товарищей, а также вносила свой вклад в ежедневную работу революционного «подполья». Люди, не являвшиеся членами политических партий и далеко не всегда принимавшие и разделявшие взгляды своих родных, все же рисковали и помогали им, и эта помощь так или иначе способствовала делу политической борьбы.

Общественно-политические процессы в Сибири в годы Первой русской революции и межреволюционный период анализируются в обобщающих исследованиях Э.-М. Столберг⁶⁷⁵, А. Вуда⁶⁷⁶, Д. Дальмана⁶⁷⁷. Называя среди важнейших причин революции 1905-1907 гг. неудачный ход войны с Японией (что имело особое значение для развития ситуации на восточных окраинах империи), Э.-М. Столберг подчеркивает, что начало войны не вызвало в Сибири ни эйфории, ни патриотического подъема, большинство населения рассчитывало на ее скорое завершение. Со временем обстановка в сибирском тылу начала ухудшаться, чему способствовала нехватка продуктов, инфляция, рост преступности; мобилизация и отправка войск из Сибири на Дальний Восток (ввиду предполагаемого нападения японцев на Приморье); агитация, которую вели «политические радикалы» - ссыльные социал-демократы (первые марксистские кружки в Сибири возникли еще в конце 1890-х гг.).

Местное население оказывало заметную поддержку организациям политических партий. В частности, Э. М. Столберг пишет о союзе кадетов и части предпринимательских кругов, разделявших идеи сибирской автономии и учреждения земства; отмечает, что большевики пользовались авторитетом среди железнодорожных рабочих, а меньшевики – среди студенчества, ремесленников и печатников (при этом исследовательница сообщает о малочисленности социал-демократов и их слабом взаимодействии с центральными партийными органами). Постепенно ситуация становилась все более взрывоопасной, на что указывали в своих сообщениях и местные власти, и региональная печать. События 9 января 1905 г. в столице вызвали волну забастовок в регионе (которые автор призывает рассматривать в одном ряду с забастовками строителей Транссиба в

⁶⁷⁵ Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jahrhundert. Stuttgart, 2009; Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581– 1991. London; New York, 2011; Dahlmann D. Sibirien: Vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn, 2009.

⁶⁷⁶ Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011.

⁶⁷⁷ Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn, 2009.

конце XIX в. и Ленскими событиями 1912 г.). В то же время исследовательница замечает, что в отличие от социал-демократов, выступавших с политическими лозунгами прекращения войны и свержения самодержавия, рабочие в основном выступали с экономическими требованиями (повышения зарплат, 8-часового рабочего дня и т.д.).

По определению Э.-М. Столберг, к концу 1905 г. крушение гражданского и военного авторитета самодержавия на «Диком Востоке» России стало очевидным. Местные власти, не получавшие из центра ни внятных инструкций, ни своевременной помощи, были готовы пойти на уступки (как, например, иркутский генерал-губернатор П.И. Кутайсов, после издания Октябрьского манифеста объявивший о свободе слова, прессы и собраний). Однако правительство ответило на действия восставших отправкой карательных экспедиций и расправами, которые, по мнению Э.М. Столберг, «в психологических условиях войны и социального конфликта проявились, скорее, как факторы, стимулировавшие насилие, а не смягчавшие его». В свою очередь, консервативно настроенные городские низы также были заняты поиском виновных, что привело к серии погромов, направленных, прежде всего, против евреев, поляков, выходцев с Кавказа, китайцев.

Главным «горючим материалом» для социального взрыва в Сибири и на Дальнем Востоке немецкая исследовательница считает «солдатскую массу». Самодержавие не смогло использовать измотанных войной солдат для подавления беспорядков – тому препятствовало угнетенное моральное состояние и тяжелое материальное положение фронтовиков, а также неспособность властей организовать их своевременную отправку с Маньчжурского театра военных действий (прежде всего, из-за начавшейся забастовки железнодорожников). Несмотря на то, что в ряде городов военнослужащие поддержали бастующих и отказывались стрелять в гражданское население, это, по мнению исследовательницы, никоим образом не означало, что основная масса солдат солидаризировалась с революционным движением. На «внутреннем фронте» большинство из них демонстрировали явное нежелание занимать чью-либо сторону.⁶⁷⁸

Британский историк А. Вуд полагает, что социальный конфликт в Сибири приобрел более жесткий характер, чем в центральных регионах империи. Негодование народных масс, вызванное «внешнеполитическими авантюрами правительства» и действиями

⁶⁷⁸ По мнению немецкой исследовательницы, действительные настроения «праздных и бахвалящихся» военнослужащих продемонстрировал бунт во Владивостоке 30-31 октября 1905 г. См. главу о Дальнем Востоке.

коррупцированных местных властей, привело к созданию органов самоуправления — советов. Для самодержавия Сибирь оказалась одним из наиболее опасных регионов, который не был умиротворен даже после издания Октябрьского манифеста 1905 г. Подавить беспорядки удалось лишь с помощью лояльных войск и карательных экспедиций И.И. Меллер-Закомельского и П.К. Реннекампа.

Ключевую роль в революционных событиях за Уралом А. Вуд также отводит железнодорожным рабочим, восприимчивым к агитации политических ссыльных, и восставшим солдатам. Вместе с тем, историк (основываясь на данных новосибирских исследователей, опубликованных в сер. 1980-х гг.⁶⁷⁹) полагает, что не следует недооценивать степень недовольства сибирских крестьян, продемонстрировавших свое отрицательное отношение к режиму серий аграрных волнений.

В противоположность А. Вуду немецкий историк Д. Дальман не склонен преувеличивать меру активности сибирских крестьян в период революции, что, по его мнению, отличало Сибирь от большинства регионов Европейской России. За Уралом исключение составляли те регионы, в которых позиции общин были более прочными, а экономическая ситуация — менее благоприятной, как, например, на Алтае, в Забайкалье, в Енисейской губернии.

В отличие от Э.-М. Столберг и А. Вуда, Д. Дальман полагает, что в целом в Сибири беспорядки не достигли той силы, как, например, на Кавказе и в Европейской России, хотя развернувшиеся на рубеже веков процессы индустриализации и модернизации заметно поколебали существующий в регионе социальный, экономический и политический порядок. О нарастающих противоречиях свидетельствовало начавшееся еще в 1890-х гг. забастовочное движение, крестьянские выступления, общий рост оппозиционных настроений.

В представлении Д. Дальмана, особенностью Сибири были более низкие темпы урбанизации и уровень грамотности, более заметные различия между городом и деревней, а также крайне немногочисленный пролетариат. Вместе с тем, именно рабочие (прежде всего, железнодорожники), поддержанные военными, стали ведущей силой в революционном процессе (как и в Европейской России), хотя образованные ими советы рабочих и солдатских депутатов были не столь влиятельны, как в Москве и Санкт-Петербурге. Историк признает, что большую роль в революционных событиях сыграли

⁶⁷⁹ Крестьянское движение в Сибири: 1861-1917 гг. хроника и историография. Новосибирск, 1985.

политические радикалы — эсеры и эсдеки (замечая при этом, что вплоть до революции 1917 г. деление сибирских социал-демократов на большевиков и меньшевиков следует признать достаточно условным).

После издания Октябрьского манифеста по всей стране и, в том числе, в Сибири революционное движение пошло на спад, за исключением ряда городов (Красноярск, Чита, Владивосток), где произошли серьезные беспорядки. Одним из достижений революции Д. Дальман считает возникновение и развитие в России парламентаризма (пусть и в рудиментарной форме), для характеристики которого использует термин «псевдоконституционализм», предложенный в свое время М. Вебером. В Государственной Думе Сибирь представляли депутаты, избранные из рядов буржуазной оппозиции и социалистических партий, что, по мнению Д. Дальмана, лишним раз подчеркивало дистанцию между центром и сибирской окраиной.

Участие железнодорожных рабочих Транссиба и солдат железнодорожных батальонов в революционных событиях за Уралом более обстоятельно рассмотрено в трудах американских историков Г. Райхмана⁶⁸⁰ и Д. Вулфа⁶⁸¹. По мнению Г. Райхмана, своеобразие забастовочного движения на Транссибирской магистрали определялось «полуфронтным» характером и относительно низким уровнем развития региона (чью инфраструктуру исследователь характеризует как «примитивную»), а также ходом мобилизации и демобилизации войск (Г. Райхман замечает, что когда восставшие солдаты начали возвращаться с Дальнего Востока, главной задачей бастующих железнодорожников являлось не прекращение, а продолжение работы магистрали). К концу декабря 1905 г., когда Сибирь находилась под властью железнодорожных рабочих — с одной стороны, и восставших солдат — с другой, нетрудно было предположить, что обе группы начнут сотрудничать друг с другом.

«Катализаторами» или «посредниками» такого сотрудничества стали железнодорожные войска, послужившие объектом специального исследования Д. Вулфа. В отличие от советских историков, которые, по его мнению, недостаточно уделяли внимание той роли, которую играли в революционных событиях железнодорожные бригады и батальоны, и предпочитали изучать более явные примеры «классовой и профессиональной солидарности», Д. Вулф утверждает, что «гибридные» военно-

⁶⁸⁰ Reichman H. The 1905 Revolution on the Siberian Railroad // The Russian Review. 1988. Vol.47. No.1. P.25-48.

⁶⁸¹ Wolff D. Between War and Revolution: Railway Brigades in Siberia, 1905-1907 // Russian History. 1996. Vol.23. No.1/4. Labor, Thought and Society in Russia and the Soviet Union. P. 95-114.

гражданские подразделения представляют не меньший интерес. «Дуалистический» характер железнодорожных войск позволял им обеспечивать «каналы коммуникации» между войсками и восставшими рабочими, а также гражданским населением в целом.⁶⁸²

Вслед за Дж. Бушнеллом⁶⁸³ Д. Вулф готов признать, что «технические подразделения» (например, понтонные, саперные или железнодорожные), по-видимому, были особенно уязвимы для революционной пропаганды, поскольку в годы Первой русской революции на их долю приходилось св. 50% всех волнений в армии. Историк приходит к выводу, что хотя железнодорожные бригады в свое время возникли как «инновационный компромисс» между гражданскими и военными властями, непредвиденные последствия такого организационного решения лишней раз продемонстрировали опасности и риски экспериментов в сфере «социальной инженерии».

Для первых послереволюционных лет западные исследователи отмечают спад забастовочного движения в регионе. Переломным событием стал Ленский расстрел 1912 г. - по мнению западных историков, такой же поворотный момент в русской истории, каким в свое время стало «кровавое воскресенье». События на Ленских приисках послужили предметом специального исследования, предпринятого американским историком М. Меланконом⁶⁸⁴.

Основываясь на широком круге источников (в том числе – архивных материалах из ГАРФ, Института Гувера и др.), автор подробно излагает историю золотодобычи и забастовочного движения на Ленских приисках; характеризует материальное положение рабочих и условия их труда (в частности, приводит данные о том, что на работу в «Лензото» в основном нанимались крестьяне, приехавшие из Европейской России и попадавшие, как и члены их семей, в полную зависимость от руководства компании); реконструирует предысторию и ход Ленских событий 1912 г., выясняет причины и последствия забастовки.

⁶⁸² В то же время исследователь пытается ответить на вопрос, почему одни железнодорожные подразделения поддержали восставших, а другие остались на стороне официальных властей, как, например, военнослужащие Заамурской железнодорожной бригады, части которой были сосредоточены в Маньчжурии. По мнению Д. Вулфа, позиция начальника бригады Д.Л. Хорвата, а также близость фронта в немалой степени способствовали поддержанию воинской дисциплины и лояльного отношения солдат к властям. По мере удаления от фронта дисциплина в войсках падала, о чем свидетельствовали примеры 2-го резервного железнодорожного батальона в Красноярске и 3-го резервного железнодорожного батальона в Чите. Солдаты этих батальонов активно поддерживали революционные организации, возглавившие так называемые Читинскую и Красноярскую республики в конце 1905 г. В январе 1906 г. в волнениях во Владивостоке участвовали солдаты Уссурийской железнодорожной бригады.

⁶⁸³ Bushnell J. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905-1906. Bloomington, 1985.

⁶⁸⁴ Melancon M. The Lena Goldfields Massacre and the Crisis of the Late Tsarist State. College Station, 2006.

М. Меланкон подчеркивает, что забастовка была спонтанной и носила экономический характер, несмотря на попытки руководства «Лензото» назвать ее политической, указав в качестве доказательства на наличие забастовочного комитета (к созданию которого в свое время призывало само руководство компании). Американский историк признает определенное влияние представителей социалистических партий (в первую очередь, эсеров, но не большевиков) на бастующих рабочих, однако приходит к выводу, что это влияние не было слишком значительным, поскольку призывы политических ссыльных прекратить забастовку и предотвратить тем самым трагическую развязку так и не было услышаны.

Главной причиной трагедии историк считает действия руководства компании и представителей власти. Правительство оказалось не в состоянии защитить рабочих, но при этом не позволяло им самим защищать себя, тем более с помощью представителей политических партий. Расправы над ленскими рабочими в 1912 г. (как и над костромскими и иваново-вознесенскими в 1915 г.) разрушили остатки общественного консенсуса, возникшего после 1905 г., и заставили крестьянство и большую часть образованного общества отвернуться от самодержавия и крупной буржуазии, ставших, по словам историка, такими «странными союзниками» в позднеимперский период.

Общественно-политическую ситуацию в Сибири накануне Февральской революции анализировал американский историк Р. Сноу.⁶⁸⁵ В 1978 г. увидела свет его монография, в вступительном разделе которой освещается деятельность сибирских большевиков в предреволюционный период, главным образом, во время Первой мировой войны. Главной своей задачей Р. Сноу полагал опровержение утверждения советской историографии о том, что В.И. Ленин и ЦК РСДРП осуществляли непрерывное руководство действиями большевиков за Уралом. По словам Р. Сноу, сибирские большевики использовали партийную философию и директивы ЦК только тогда, когда это было удобно, сибирские большевики, умело адаптируя свою стратегию и тактику к конкретным ситуациям и обстоятельствам. Многие из них не считали себя «ленинцами», при необходимости сближаясь с меньшевиками и эсерами и подчиняя идеологические различия целям практической революционной работы.

По определению Р. Сноу, к 1914 г. социал-демократы в Сибири бездействовали, но «война оживила русскую социал-демократию и превратила ее в русский коммунизм». В

⁶⁸⁵ Snow R.E. The Bolsheviks in Siberia, 1917-1918. Rutherford, Madison, Teaneck, 1977.

Сибирь вернулась подпольная работа, поскольку призыв политических ссыльных на военную службу облегчил им возможности передвижения по региону и расширила возможности для политической агитации, которая становилась все более действенной по мере ухудшения ситуации. Объединение социал-демократов (большевиков и меньшевиков) происходило на основе принципов «сибирского циммервальдизма», сторонники которого призывали избегать крайностей позиций общественного патриотизма (по сути, оборончества) с одной стороны и пораженчества — с другой; не поддерживать войну и участие в работе военно-промышленных комитетов, и в целом не содействовать интересам буржуазной революции, жертвуя интересами мировой социалистической революции.

На этой основе складывалась широкая антивоенная коалиция социалистов, создавших несколько подпольных организаций - «Союз сибирских рабочих», «Военно-социалистический союз» и др. Дополнительные возможности для пропаганды своих взглядов социалисты получали благодаря работе в легальных организациях — кооперативах, профсоюзах и др. Власти отвечали арестами, разгромами типографий и т. п., но, по признанию Р. Сноу, их реакция была запоздалой, а размах репрессий невелик.

В мемуарах большевиков, опубликованных в советский период, подчеркивалась ведущая роль их авторов в революционной деятельности на местах до 1917 г., при этом ими целенаправленно замалчивался действительный масштаб сотрудничества с меньшевиками и эсерами, которое облегчалось благодаря прочным личным связям, сложившимся в условиях политической ссылки. Вместе с тем, по заключению Р. Сноу, от недолгой деятельности подпольных организаций социалистов более других выиграли именно большевики, установившие контакт с солдатами — вчерашними крестьянами, и заручившись доверием и поддержкой рабочих в городах, что позволило им после Февральской революции оказаться на авансцене общественно-политической жизни.

По мнению западных исследователей, на рубеже XIX – XX вв. процессы модернизации способствовали формированию **регионального и национального самосознания сибирских народов** (в первую очередь, наиболее многочисленных — якутов и бурятов), их активному участию в общественно-политической жизни региона в начале XX в. Дж. Форсайт сообщает о движении среди бурят, которых побудили к политической деятельности преобразования, начатые царским правительством (упразднение степных дум, введение волостной системы, изъятие земли у бурят и перераспределение ее среди

русских переселенцев и др.). На собраниях бурят, состоявшихся в 1903 г. (в частности, в Чите), высказывались требования внутреннего самоуправления и открытия школ с преподаванием на бурят-монгольском языке. По заключению Дж. Форсайта, буряты являлись единственным народом на юге Сибири, достаточно многочисленным, чтобы удержать за собой свои земли и сохранить свою этническую идентичность, тем не менее даже им не удалось сдержать натиск русских.

Интерес западных исследователей вызывает и деятельность «Союза якутов», образованного в январе 1905 г. под руководством В.В. Никифорова. Лидеры движения требовали введения в Якутии земского самоуправления и представительства якутов в Государственной Думе; передачи всей земли якутскому народу; прекращения полицейской опеки и предоставления якутам гражданских прав. Э.-М. Столберг характеризует движение якутов как «антиколониальное», однако вслед за российским историком Е.П. Антоновым замечает, что в случае с "Союзом якутов" речь шла не о националистическом объединении; организация лишь пыталась начать культурный диалог с российским обществом и боролась за равноправие якутов и русских.⁶⁸⁶ По мнению Дж. Форсайта, «события 1905-1906 гг. показали, что у якутов развивалось чувство национальной идентичности, и это процесс продолжался и в дальнейшем».⁶⁸⁷

В движении «бурханистов», развернувшемся на Алтае накануне Русско-японской войны 1904-1905 гг., Дж. Форсайт усматривает организованное выражение «национального самосознания алтайских тюрков». Протестное движение возникло в 1905 г. и на другой стороне Кузнецкого Алатау — среди енисейских тюрков, где основной формой активного протеста против русских властей была неуплата налогов и вырубка деревьев в казенном лесу. По мнению историка, о пробуждении политического сознания народов южной Сибири также свидетельствовал съезд енисейских тюрков, состоявшийся в ноябре 1905 г. в Аскизе. Делегаты съезда приняли законопроект о национальной автономии (аналогичный тому, что был сформулирован на бурятской конференции в том же году), а также обсуждали идею учреждения "Союза сибирских инородцев" для защиты интересов коренного населения. По верному замечанию британского исследователя, хотя «имперскому режиму» и удалось сдержать «спонтанное антиколониальное движение»,

⁶⁸⁶ Stolberg E.-M. *Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert.* Stuttgart, 2009.

⁶⁸⁷ Forsyth J. *The History of the Peoples of Siberia: Russia's North Asian Colony, 1581–1990.* Cambridge, 1992. P.164.

развернувшееся в начале XX века на юге Сибири, последнему суждено было набирать обороты, поскольку породившие его причины не были устранены.

Американский исследователь А. Знаменский замечает, что Дж. Форсайт в своем исследовании отодвинул на второй план культурное взаимодействие между аборигенами и русскими и сосредоточил основное внимание на сопротивлении и колониальном насилии, не выходя, таким образом, за рамки концепции «внутреннего колониализма» (популярной в США в 1960-х- 1970-х гг. и применявшейся для изучения этноистории североамериканских индейцев). Вместе с тем, по мнению А. Знаменского, парадигма «внутреннего колониализма» не улавливала всю сложность межкультурного диалога между коренным и пришлым населением. Аборигены не воспринимали пассивно культурное и экономическое влияние со стороны пришлого населения. Скорее, они выборочно включали элементы чужой экономики и культуры в свой жизненный уклад.⁶⁸⁸

Одной из причин протестного движения среди аборигенных этносов в зарубежной историографии называют постепенное выравнивание правового статуса коренного и пришлого населения, которое сопровождалось перераспределением земель, традиционно находившихся в пользовании аборигенов. А. Каппелер указывает на «остро драматические противоречия между скотоводами-кочевниками и поддержанными российским правительством европейскими переселенцами в их борьбе за плодородные земли» в южных районах Степного края. Одним из итогов этого противостояния явилось среднеазиатское восстание, вспыхнувшее летом 1916 г. и затронувшее, в том числе, территорию юга Западной Сибири. Непосредственным поводом для беспорядков послужило повеление от 25 июня 1916 г. о призыве инородцев на тыловые работы, однако основной причиной восстания историк называет «общую систему российского колониального господства».⁶⁸⁹

2.1. Проблемы социокультурного развития

В работах современных западных историков изучение общественно-политического развития Сибири в позднеимперский период тесно связано с анализом **социокультурных процессов**. Рост регионального самосознания в Сибири, отмечаемый в последние

⁶⁸⁸ Znamenski A. "Vague Sense" of Belonging to the Russian Empire: The Reindeer Chukchi's Status in Nineteenth Century Northeastern Siberia // Arctic Anthropology. 1999. Vol.36. No.1/2. P.19-36.

⁶⁸⁹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С.260.

десятилетия⁶⁹⁰, актуализировал регионалистский дискурс, обусловил интерес исследователей к проблемам самовосприятия сибиряков, феноменам «регионального сознания» и «сибирской идентичности».⁶⁹¹

В немецкой историографии проблему формирования в Сибири «регионального сознания» анализировал Ст. Штух⁶⁹². Следуя в русле конструктивистского подхода, он определяет «регион» как «ментальное пространство», которое является «территориально-социальной структурой», занимающей промежуточное положение между непосредственно ощущаемым жизненным пространством индивида и национально-государственным образованием. Иными словами, «регион» есть ментальный конструкт, которому соответствует вполне конкретное содержание; условная «плоскость», на которую проецируются определенные желания и представления людей, даже если они в итоге так и не будут воплощены в реальность. Таким образом, принципиальное значение имеет осознание хотя бы частью населения своей связи с территорией, на которой оно проживает.

Признание своеобразия и единства региона в сравнении с другими областями или в противопоставление с территориальным образованием, имеющим более высокий статус, С. Штух обозначает понятием "региональное сознание". По мнению историка, если в политическом дискурсе формулируются особые интересы региона (за которыми, в действительности, могут стоять интересы вполне конкретных групп населения), можно говорить о политическом «региональном движении». Чем лучше удастся оттеснить на задний план конкурирующие "возможности идентификации" и превратить "регион" в главную "опорную точку", тем сильнее развернется региональное движение. Успех такого движения во многом будет зависеть от способности его участников освободить население от социальных или частных обязательств, равно как общегосударственных интересов, и повести за собой на основе региональных интересов.

С. Штух доказывает, что «региональное сознание» сформировалось в Сибири к началу XX в., и это, по словам историка, само по себе не может не вызывать удивления, если принять во внимание колоссальность географического пространства, его физическую

⁶⁹⁰ Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012.

⁶⁹¹ Ремнев А.В. Национальность "сибиряк": региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Политика. 2011. № 3. С.109-128.

⁶⁹² Stuch St. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert. Koeln, 2003; Stuch St. Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, neue Folge, 2003. Bd.51. H.4. S. 549-563.

гетерогенность, культурно-этническое многообразие населения, а также слабый уровень взаимодействия между различными социальными группами ввиду низкого уровня грамотности и недостаточно развитой сети коммуникаций. Более развитыми и устойчивыми были связи между образованными кругами сибирского общества (прежде всего, в городах), чему немало способствовала периодическая печать.

Исследователь перечисляет основные факторы, способствовавшие формированию регионального сознания. В их числе — распространение топонима «Сибирь» по мере продвижения русских на значительную часть североазиатских территорий; создание системы управления, представители которой рассматривали присоединенные территории как единое целое вплоть до XIX в.; формирование соответствующих ментальных образов Сибири (в сознании не только жителей региона, но и населения Европейской России — например, образ региона как «колонии»); сложившееся к началу XX в. представление о сибиряках как отдельном этносе с особым характером.

Менее значимым фактором исследователь считает развитие «сибирской культуры», которая в силу своей тесной зависимости от русской культуры мало способствовала осознанию регионального неравенства. Более существенным фактором являлось самосознание сибиряков, хотя оно не могло быть надежной основой для политической мобилизации всех жителей региона, поскольку относилось прежде всего к русскому населению, имевшему сибирские корни. Немецкий историк убежден, что наиболее важной детерминантой регионального сознания к началу XX в. было "дискриминационное сознание", проявившееся в образе Сибири как "колонии" или "падчерицы России" и содержавшее в себе опыт, приобретенный общественной элитой Сибири в условиях автократической системы.

В социальных науках для обозначения способов и характера самоопределения индивидов, осознания ими своей принадлежности, сопричастности к окружающей реальности используется категория «идентичности».⁶⁹³ Соответственно, связь индивида с конкретной территорией, регионом лежит в основе формирования «региональной» или «территориальной» идентичности. Традиционно «сибирская идентичность» понимается

⁶⁹³ Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 43-52; Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Кн. 1.: Образы российских республик в интернете. М., 2009.

как основанная на общности территории, на которой проживают люди, и, соответственно, определяется как «территориальная» или «региональная».⁶⁹⁴

По определению Дж. Пола, региональная идентичность не существует сама по себе, а конструируется и постоянно реконструируется в результате социальных интеракций.⁶⁹⁵ Современные отечественные исследователи сходятся во мнении, что для изучения «сибирской идентичности» более продуктивной оказывается «конструктивистская перспектива»⁶⁹⁶. В рамках конструктивистского подхода предполагается, что идентичность формируется в ситуации столкновения или соприкосновения с «Другим», в которых собственная принадлежность к социальным группам и сообществам перестает быть «фоновой» и становится социально значимой.⁶⁹⁷

По мнению Э.-М. Столберг, важнейшим фактором, влиявшим на формирование «сибирской идентичности», являлось наличие «подвижной границы» или «фронтира», т.е. специфические географические и культурные условия, а решающую роль в освоении Сибири играл деятельный индивид. По мнению исследовательницы, русские переселенцы в Сибири были не менее свободолюбивы, чем североамериканские колонисты, несмотря на то что с освоением американского Запада связано стереотипное представление о свободолюбивом американском народе, тогда как Россия ассоциируется с самодержавием, крепостным правом, а Сибирь — с каторгой и ссылкой. В

⁶⁹⁴ Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012.

⁶⁹⁵ Зайнутдинов А.Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 6. С. 335-343; Paul J. Regional Identity // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences. London, 2001. P.12917-12922.

⁶⁹⁶ Конструктивистскому подходу соответствует «слабое» значение термина «идентичность», сфокусированное на проблематике интеракции, в противовес «сильному» или эссенциалистскому подходу, согласно которому в формировании идентичности проявляются объективные и устойчивые характеристики реальности. См.: Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами "идентичности" // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С.61-120; Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012; Зайнутдинов А.Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 6. С. 335-343.

⁶⁹⁷ По мнению А.О. Боронова, понятие «сибирской идентичности» применимо уже к историческим реалиям XVII в., когда возникли названия «сибирянин», «сибиряк». В свою очередь, А.В.Ремнев обоснованно утверждал, что несмотря на появление понятия «сибиряк» уже в начальный период сибирской истории, у старожилов долгое время не возникало потребности отделять себя от новоселов, и вплоть до середины XIX в. слово «сибиряк» нельзя было отнести к общеупотребительным. Используя терминологию М. Хроха, А.В. Ремнев пришел к выводу, что «региональная идентичность» конструировалась, прежде всего, местными интеллектуалами на основе стихийно формируемого регионального самосознания и местного патриотизма. По мнению историка, попытка «осуществить идею «сибирского народа», «вообразить» его как влиятельную региональную общность была впервые предпринята в XIX в. представителями областнического движения, сделавшими главным элементом своей концепции идею «общей территории» как некоей качественной сущности, менявшей переселившихся сюда людей. См.: Боронов А.О. Проблемы динамики сибирской идентичности // *Общество, среда, развитие*. 2010. № 3. С.81-85; Ремнев А.В. Национальность "сибиряк": региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // *Полития*. 2011, № 3. С.111; Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск, 2012. С.20.

действительности, по мнению немецкой исследовательницы, американский Запад в не меньшей степени был «царством насилия», но это было насилие индивидов, тогда как в Сибири преобладало насилие государства. В этом заключалось существенное различие между американским и сибирским «фронтиром», хотя в обоих случаях подтверждалось правило, что гражданские добродетели на периферии развиты слабо.

Другое принципиальное различие исследовательница видит в том, что федералистские структуры США и Канады оказались более эффективными в использовании потенциала природных ресурсов и людей, чем на это было способно централизованное устройство царской империи, а затем и Советского Союза. Если в течение трех веков сибирский «фронт» обнаруживал сходство с американским Западом благодаря духу первопроходцев, присущему казакам, охотникам, промышленникам и крестьянам, то не следует удивляться тому, что в советскую эпоху на смену индивиду (как главному действующему лицу в сибирской истории) пришел коллектив.

Несмотря на то, что с конца XIX в. империя (и в целом — русская православная цивилизация), под влиянием процессов индустриализации, растущей глобальной взаимозависимости и империализма, получила импульс к экспансии и, по словам исследовательницы, «институционализировала в своей имперской динамике принципиально асимметричные культурные контакты с азиатскими народами,⁶⁹⁸ самодержавию не удалось с помощью «доктринальных шаблонов» (по духу близких к «теории официальной народности») преодолеть социально-экономическую конфронтацию, возникшую на окраине вследствие непрерывного стремления Центра к «подчинению политического, экономического и этнического регионализма». В результате отчетливо проявилась хрупкость такого рода интеграции на основе «воображаемой общности», и к концу имперского периода стало очевидно, что сибирская «граница заселения» обусловила довольно неустойчивый уклад жизни.

В отличие от Э.-М. Столберг, американский историк Ч. Стейнведел полагает, что в основу политики, проводившейся правительством в отношении Сибири, были положены критерии идентичности, учитывавшие особенности региона⁶⁹⁹. По мнению Ч. Стейнведела, колонизация Азиатской России изменила представления о социальной

⁶⁹⁸ Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart, 2009. S.357.

⁶⁹⁹ Steinwedel Ch. Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861—1917 // Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history. London; New York, 2007. P. 128-147.

иерархии и национальной идентичности, характерные для придворных кругов и консервативной части общества. В Сибири центральная власть отказалась от попыток воспроизвести социальную иерархию Европейской России (где доминировали дворяне), сделав выбор в пользу более инклюзивного общества, социально-экономической основой которого должно было стать частное землевладение. В Азиатской России сословный статус все менее использовался в качестве принципа общественной организации, при этом для характеристики населения все чаще применялся национальный критерий, что стало заметно еще до революции 1905 г.

Изменения в представлениях правящих кругов о целях и задачах освоения восточных окраин зафиксированы, в частности, в «Записке» П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, составленной по итогам их поездки в Сибирь в 1910 г. Ч. Стейнвелл замечает, что авторы «Записки», рассматривавшие колонизацию как средство распространения русского влияния, оперировали двумя определениями нации: одно делало акцент на принадлежности к русскому этносу и православной вере, переселенцы идентифицировались как русские и как реализующие русский государственный интерес путем усиления границы империи с Китаем.

Однако, по словам историка, куда чаще при характеристике сибирских переселений в тексте присутствует иное понимание «национальной/имперской идентичности», которая в большей мере основывалась на географии, подданстве и собственности, нежели на принадлежности к православию и русскому этносу. Образ будущего Сибири, который рисовали себе П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, явно вдохновлял их. Авторы «Записки» утверждали, что переселения помогут Российской империи выполнить ее историческую миссию и защитить территорию, заселенную "европейскими племенами" от "азиатских рас", готовых ее заполнить. Таким образом, люди практически любой национальности могли поучаствовать в строительстве империи, если враг России характеризовался определенной расовой принадлежностью, а не национальной или религиозной.⁷⁰⁰

Проблемам **этнической идентификации и самоидентификации** сибирских этносов посвящены многочисленные работы зарубежных антропологов и этнографов. В начале

⁷⁰⁰ По заключению А.В. Ремнева, процесс «обрусения» Сибири воодушевлял не только русских националистов. Сибирские регионалисты тоже находили в нем свою нишу, но не считали "сибирскость" чем-то переходным или временным на пути к "единой и неделимой русской (российской) нации". "Сибирская идентичность" была ближе к политическому национальному проекту, нежели к жесткому конструкту этнонации, и сибиряк мог стать одним из областных (региональных) вариантов российской ("большой русской") гражданской нации. См.: Ремнев А.В. Национальность "сибиряк": региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011, № 3. С.119.

XX в. изучение этнографии народов Сибири осуществлялось в рамках международных научных проектов – например, Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции 1897-1902 гг. Изданные на Западе труды ее участников (В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона), а также С.М. Широкогорова, М. Чаплицкой, А. Хэллоуэлла и др. составили, по определению П. Джордана, «фонд классических этнографических исследований», опубликованных на английском языке.⁷⁰¹

С конца 1920-х гг. интерес западных ученых к сибирской этнографии оставался ограниченным из-за отсутствия возможностей для полевых исследований и прекращения научных контактов на прежнем уровне. Более активное изучение истории и современного состояния народов Сибири на Западе началось с конца 1980-х гг. В условиях возрождавшегося национализма — мощной политической силы, способствовавшей распаду СССР, возникло влиятельное исследовательское направление, связанное с изучением идентичности — в первую очередь, «этнической идентичности».

Так, М. Балцер в монографии, посвященной прошлому и настоящему остяков-ханты, пришла к выводу, что итогом русской колонизации, христианизации и индустриального развития стало разрушение привычной среды обитания аборигенов. По мнению исследовательницы, во избежание окончательного упадка и гибели коренного населения необходимо активно влиять на процесс формирования его «этнической идентичности», помочь сохранить традиционную культуру и дать повод гордиться своей самобытностью.⁷⁰² В работе канадского антрополога Д. Андерсона рассматривается проблема «этнической идентичности» народов, проживающих в низовьях Енисея (в их числе - ненцы, долганы, энцы, эвенки и др.). В соответствии с принципами конструктивистского подхода, автор показывает, что этнографическая наука часто (в том числе и в дореволюционный период) использовалась в качестве «первичного инструмента социальной власти», результатом применения которого явилось «официальное установление» этнической принадлежности, формирование чувства «сопричастности» к определенной народности, «ранжирование» этносов и т. п.⁷⁰³.

⁷⁰¹ Schweitzer P. Silence and Other Misunderstandings: Russian Anthropology, Western Hunter-Gatherer Debates and Siberian Peoples // *Hunters and Gatherers in the Modern World: Conflict, Resistance and Self-Determination*. New York, 2000. P.29-51; Jordan P. Landscape and Culture in Northern Eurasia: An Introduction // *Landscape and Culture in Northern Eurasia*. Left Coast Press, 2010. P.17-45.

⁷⁰² Balzer M.M. *The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective*. Princeton, 1999.

⁷⁰³ Anderson D.G. *Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade*. Oxford, 2000.

Очевидно, при этом предполагалась ассимиляция русскими представителей самых разных этносов, проживавших в Сибири, хотя процессы ассимиляции и социокультурной адаптации могли происходить и в обратном направлении, когда русские, перенимая методы выживания в экстремальной среде, полностью воспринимали чужую культуру и переставали отличаться от коренного населения.⁷⁰⁴ Как отмечает американский историк В. Сандерланд, в смешанных поселениях пограничных областей русские и нерусские оказывали разностороннее влияние друг на друга, и русское влияние не всегда было сильнее. В некоторых случаях, в противоположность ожиданиям чиновников и интеллектуальной элиты, не столько "инородцы" подвергались "обрусению", сколько русские "обынородчивались". Основываясь на многочисленных свидетельствах современников, В. Сандерланд приводит примеры такой ассимиляции и справедливо замечает, что хотя данное явление и не стало нормой, "обынородчивание" представляло собой такой аспект этнического ландшафта Российской империи, который невозможно игнорировать.⁷⁰⁵

Анализируя причины, позволяющие аборигенам играть более значимую роль в колониальных империях, западные исследователи, как правило, указывают на географическую изолированность и сохранение традиционного самообеспечивающегося хозяйства. В тех регионах, где колониальные силы незначительно нарушили или даже усилили традиционный хозяйственный уклад аборигенов, у последних появлялось гораздо больше возможностей для политического и культурного диалога на равных.

Примером таких равноправных и сбалансированных отношений А. Знаменский называет этноисторию чукчей, рассматривая ее через призму концепции «культурной и политической "срединности"», сформулированной Р. Уайтом в 1991 г. Согласно этой концепции «ситуация срединности» позволяет аборигенным группам создавать и сохранять свое культурное пространство даже в условиях интенсивных контактов с пришлым населением. А. Знаменский показывает, что условия, описанные А. Ройс и Р. Уайтом, существовали в Северо-Восточной Сибири и позволили чукчам сохранить гегемонию и суверенный статус. В числе этих условий: географическая изолированность полуострова, отсутствие значимых ресурсов (из-за чего Россия не стремилась любой

⁷⁰⁴ Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965.

⁷⁰⁵ Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? "Обынородчивание" и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870-1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 199-227.

ценой подчинить эту территорию); самообеспечивающееся оленеводческое хозяйство, за счет которого выживали не только чукчи, но и русские; торговое соперничество между колониальными державами (Россией и США), усиливавшее посредническую роль чукчей.

В начальные века освоения Сибири наряду с «управителями» и чиновниками, возглавлявшими местные органы власти, и служилыми людьми, действовавшими зачастую по собственной инициативе, одним из главных «проводников» русской колонизации и русской культуры в регионе являлась **церковь**, о многогранной деятельности которой упоминали в своих работах Р.Дж. Кернер,⁷⁰⁶ Дж. Ланцев,⁷⁰⁷ Р. Пирс,⁷⁰⁸ В. Колларц,⁷⁰⁹ В. Конноли,⁷¹⁰ С. и Э. Данн⁷¹¹, Гр. Фриз⁷¹² и др. Культурному сближению пришлого и коренного населения способствовала деятельность православных миссий, итоги которой в западной исследовательской литературе оценивали О. Кобцев, Д. Коллинз, А. Знаменский и др.

Для большинства авторов несомненна прочная связь и между светскими и церковными властями в Сибири, но, в отличие от советских историков, они не считали христианское миссионерство орудием европейского колониализма. Исследователи отмечают, что хотя во многих случаях христианизация носила поверхностный и формальный характер, усилия миссионеров оставили глубокий след в культуре аборигенных народов. Наибольшим вниманием западных сибиреведов пользовалась история православных миссий. По наблюдениям исследователей, данное направление в западном сибиреведении начало развиваться на рубеже 1970–1980-х гг. в рамках междисциплинарных исследований, что нашло отражение в работах П. Гаррета, О. Кобцева, Д. Коллинза, С.А. Мусалимаса, Д.С. Уильямса.

По мнению американского историка О. Кобцева (в 1985–1988 гг. возглавлявшего Вениаминовский исследовательский институт в г. Кадьяк, Аляска) обосновал выбор темы

⁷⁰⁶ Kerner R.J. *The Urge to the Sea*. Berkeley, 1942.

⁷⁰⁷ Lantzeff G.V. *Siberia in the Seventeenth Century. A Study of the Colonial Administration*. Berkeley, 1943.

⁷⁰⁸ Lantzeff G.V., Pierce R.A. *Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750*. Montreal; London, 1973.

⁷⁰⁹ Kolarz W. *Russia and Her Colonies*. London, 1953. P. V, 1.

⁷¹⁰ Conolly V. *The Yakuts // Problems of Communism*. 1967. Vol. 16. No. 5.

⁷¹¹ Dunn S., Dunn E. *The Peoples of Siberia and the Far East // Russia and Asia. Essays on the Influence of Russia on the Asian Peoples*. Stanford, 1972. P.291; Корчагин Ю.В. Политика российского самодержавия и традиционные общества народов севера в зарубежной историографии // Доклады межвуз. науч.-теор. конф. Петропавловск-Камчатский, 1995. Ч. 2. С. 3–25.

⁷¹² Freeze Gr. *Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform*. Princeton, 1983.

своего исследования тем, что изучение истории духовных миссий в Сибири должно помочь ответить на вопрос, использовало ли государство церковь в качестве «лаборатории» для выработки политики в отношении коренных народностей Северной Азии и Северной Америки. Историк отверг выводы дореволюционных и советских сибиреведов о слабом влиянии миссий на жизнь коренного населения. В свою очередь, сами миссии были подвержены влиянию различных течений общественной мысли. Так, по наблюдениям О. Кобцева, в XIX в. свою роль сыграло распространение идей романтизма и национализма.

Церковь разделяла присущую идеологам романтизма убежденность в ценности самоопределения; в то же время сторонники «теории официальной народности» стремились обосновать уникальность России, в которой стали видеть единственное православное государство, не утратившее своей независимости. Но империя была многонациональной, и для многих живших в ней народов православие ничего не значило, что делало актуальной задачу христианизации. В XIX в. миссионеры, действовавшие мягко и проявлявшие терпимость, расширили арсенал своих методов: переводили религиозную литературу на языки нехристианских народов (что способствовало развитию письменности у некоторых из них); создавали при миссиях школы, готовившие священников из среды коренного населения⁷¹³.

Изучавший историю Алтайской духовной миссии британский историк Д. Коллинз показал возможности применения метода «case study», проанализировав конкретные, частные аспекты деятельности миссии, а также изучив биографии отдельных священников (М. Глухарева, С. Ландышева, В. Вербицкого) и выявив индивидуальные особенности их работы⁷¹⁴. В отличие от тех, кто говорил о вреде, причиненном христианством культурам аборигенов, Д. Коллинз высоко оценил достижения алтайских миссионеров в культурном развитии края⁷¹⁵. Полагая, что представление о миссионерстве как орудии европейского империализма было присуще прежде всего марксистской историографии⁷¹⁶, Д. Коллинз предпочел поддержать вывод английского историка Дж.

⁷¹³ Kobtzeff O. Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // *Sibirica* II. Lancaster University, 1986. No. 2. P. 13.

⁷¹⁴ Collins D. Colonialism and Siberian Development: a Case Study of the Orthodox Mission to the Altay, 1830–1913 // *The Development of Siberia: People and Resources*. London, 1984; Collins D. The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky // *Church, nation and state in Russia and Ukraine*. London, 1990. P. 96–107.

⁷¹⁵ Collins D. Colonialism and Siberian Development: a Case Study of the Orthodox Mission to the Altay, 1830–1913 // *The Development of Siberia: People and Resources*. London, 1984. P.65.

⁷¹⁶ Необходимо все же заметить, что аналогичные оценки встречаются и в западной историографии. Так, автор

Форсайта о том, что начиная с Древнего Рима все империи осознавали свое предназначение в распространении христианства, и, скорее, империализм служил миссиям, нежели наоборот⁷¹⁷.

Опираясь на дореволюционные и советские публикации,⁷¹⁸ автор уделяет особое внимание деятельности В.И. Вербицкого, в течение трех десятилетий трудившегося над словарем двух алтайских диалектов, а также издавшего ряд материалов, посвященных этнографии алтайских народов и местного русского населения. По выражению Д. Коллинза, если Макарий был «мыслителем, великим стратегом», то Витебский был «верным слугой», но оба были необходимы для успешного решения задач, поставленных перед миссией. Примечательно, что в эпоху, когда научные открытия заставили многих отказаться от религиозных убеждений, оба миссионера использовали научные знания в качестве вспомогательного средства для распространения веры. Их пример также показывает, что далеко не все талантливые люди в России XIX рассматривали участие в революционном движении как единственно возможный путь для самореализации.⁷¹⁹

Авторы указанных работ оценивали итоги деятельности миссий, прежде всего, с позиций представителей русской или европейской цивилизации, носителей христианской системы ценностей. Иной подход продемонстрировал в своих исследованиях профессор Алабамского университета А. Знаменский, стремившийся не только показать степень воздействия миссий на жизнь и культуру аборигенов, но и взглянуть на христианских проповедников глазами «инородцев» и «иноверцев»⁷²⁰. В наиболее известной его монографии «Шаманизм и христианство: контакты аборигенов с русскими

монографии «Русская духовная миссия в Пекине в XVIII в.» Э. Уидмер пришел к выводу, что русская миссия не просто была механизмом, обеспечивавшим постоянный контакт между Россией и Китаем, но и инструментом русского и китайского империализма, объединившихся с целью усмирения воинственных кочевников Центральной Азии. См.: Widmer E. *The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the 18th cent.* Cambridge, 1976.

⁷¹⁷ Ссылаясь на высказывание Н.М. Ядринцева о важности приобщения коренного населения к ценностям христианства, со сходных позиций деятельность православных миссий оценивал О. Кобцев, отмечавший роль христианизации в сближении коренного и пришлого населения и расширения хозяйственной деятельности в русских колониях. См.: Kobtzeff O. *Ruling Siberia: the Imperial Power, the Orthodox Church and the Native People // Sibirica II.* Lancaster University, 1986. P. 13.

⁷¹⁸ Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследования Алтайского миссионера протоиерея В.И. Вербицкого. М., 1893; Ашинин Ф.Д. Первая печатная научная грамматика алтайского языка (проблема авторства) // Тюркологический сборник за 1875 г. М., 1978. С.34-61; Первая печатная научная грамматика Алтайского языка (вопрос о названии) // Тюркологический сборник за 1977 г. М., 1981. С.7-20.

⁷¹⁹ Collins D.N. *The Role of the Orthodox Missionary in the Altai: Archimandrite Makary and V.I. Verbitsky // Church, Nation and State in Russia and Ukraine.* London, 1990. P.96-107.

⁷²⁰ Znamenski A.A. *Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917.* Westport, Connecticut; London, 1999; Znamenski A.A. *Shamanism in Siberia: Russian Records of Indigenous Spirituality.* Dordrecht, 2003; Znamenski A.A. *The Ethic of Empire on the Siberian Borderland: the Peculiar Case of the «Rock People», 1791–1878 // Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history.* London; New York, 2007. P. 106–127.

православными миссиями в Сибири и на Аляске, 1820–1917», опубликованной в 1999 г., предметом исследования стали взаимоотношения православных проповедников с представителями трех различных народов – индейцев-атапасков танаина (денаина), чукчей и алтайцев.

Выбор перечисленных народов в качестве объекта исследования обусловлен тем фактом, что все они, по словам А. Знаменского, относились к одной культурной зоне, обитали в сопоставимых природных условиях, а в сфере духовной культуры у них господствовал шаманизм. Кроме того, все три народа имели в указанный период контакты с православной церковью, которая не делала различий между туземцами Сибири и Аляски. Важно все же учитывать и существенные различия в образе жизни представителей данных этносов: чукчи жили в тундре и занимались кочевым оленеводством, южные алтайцы были в основном степными скотоводами, и лишь северные алтайцы и танаина занимались преимущественно таежной охотой⁷²¹.

Различия были и в итогах взаимодействия аборигенов с русским и православным миром. Так, после ухода русских с Аляски во второй половине XIX в. танаина пережили радикальные изменения в традиционном образе жизни; как следствие, в целях сохранения своей самобытности, они массово обратились в православие. Чукчи же, напротив, до 1917 г. занимались традиционными промыслами и мало нуждались в приобщении к религии русских. Так же вели себя и алтайские народы, жившие в юго-западной части Алтайского региона. До 1860-х гг., пока не началась активная аграрная колонизация региона, они были невосприимчивы к деятельности миссий. Затем, в процессе интенсивных контактов с пришлым населением, у алтайцев возник своеобразный сплав традиционных, христианских и буддистских верований как способ создания новой культуры, помогающей выжить в новых условиях.

А. Знаменский отмечает, что для аборигенов их верования были чем-то большим, нежели просто религией — они были средством выживания⁷²². Для того чтобы быть успешными в социальном и экономическом отношении, инородцы Аляски и Сибири искали целительные силы через диалог с духами природы. Обращаться к духам за помощью мог каждый, но лишь шаманы имели право делать это от имени всего племени.

⁷²¹ Гринев А.В. Рецензия на кн.: Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917 // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 159–164.

⁷²² Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport; London, 1999. P.255.

Несмотря на значительное влияние, которым пользовались шаманы, их статус был неопределенным, как, впрочем, и статус христианских священников. Поиск аборигенами новых источников целительных сил в дальнейшем облегчал их контакты с христианской религией – особенно в периоды кризиса и нестабильности.

Американский исследователь пришел к выводу, что исходными стимулами, побуждавшими к контактам с православием, могли быть, во-первых, соображения политического и идеологического порядка, как это было в случае с охотниками и собирателями, жившими в северо-восточной части Алтайского региона и начавшими торговать с русскими, поскольку те уже составляли большинство населения. Во-вторых, это могли быть и цели религиозного возрождения – как в случае с алтайскими кочевниками, которые объединили некоторые элементы христианства с шаманизмом и ламаизмом, чтобы сформировать новую идеологию. Важно подчеркнуть, что во всех случаях инициатива исходила от самих аборигенов, которым импонировал церемониал православия, равно как литургия (с культом предков), святые места, русское народное целительство, иконы, торжественные религиозные процессии.⁷²³ Вслед за некоторыми исследователями А. Знаменский указывает на определенное сходство между юродивыми и шаманами.

По словам А. Знаменского, столкновение между шаманизмом и православием в Сибири и на Аляске, в сущности, было проявлением диалога двух миров о сути духовной, политической и идеологической власти. В то же время автор оспорил распространенные утверждения о том, что христианские миссионеры всегда действовали как агенты колониального господства в среде аборигенного населения, а также что сами аборигены сохраняли в «девственной чистоте» свою традиционную племенную культуру, несмотря продолжавшиеся в течение многих десятилетий контакты с представителями европейской цивилизации.

Анализу взаимоотношений между православным духовенством и русскими переселенцами в Омской епархии в 1885-1917 гг. посвящены работы канадской исследовательницы, профессора Университета Виннипега Эйлин Фризен.⁷²⁴ Интерес к истории России автор объясняет своим происхождением: ее предки были выходцами из

⁷²³ Kan S. Memory Eternal: Orthodox Christianity and the Tlingit Mortuary Complex // *Arctic Anthropology*. 1987. Vol. 24. No. 1. P. 32–55.

⁷²⁴ Friesen A. Building Orthodox Communities outside Mother Russia: Church and Colonization in Omsk Diocese, 1885-1917. PhD Diss. Edmonton, Alberta, 2013; Friesen A. Colonizing Russia's Promised Land. Orthodoxy and Community on the Siberian Steppe. University of Toronto Press, 2020.

Российской империи, меннонитами, проживавшими на побережье Каспийского моря и Украине. В работе над диссертацией, защищенной в 2013 г. в Университете Эдмонта, Э. Фризен получила финансовую помощь канадского Совета по научным исследованиям в области социальных и гуманитарных наук.

Источниковую базу исследования составили материалы российских архивов и библиотек: РГБ, РНБ, РГИА (прежде всего, ежегодные отчеты губернаторов и Переселенческого управления, документы из фондов канцелярии Святейшего Синода и канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода, Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД), ГАРФ (фонд 9452, содержащий личные документы протоиерея И.И. Восторгова), Исторического архива Омской области и Омского государственного историко-краеведческого музея. Автор также широко использовала материалы дореволюционных периодических изданий («Сельский вестник», «Миссионерское обозрение», «Омские епархиальные ведомости», «Тобольские епархиальные ведомости», «Православный благовестник» и др.) работы зарубежных (В. Сандерленда, Д. Муна, Х. Колман, М. Ходарковского, П. Верта, Р. Джераси, Н. Брейфогла и др.) и отечественных специалистов (А.М. Адаменко, Т.Н.Коголь, Г.Ш. Мавлютовой, В.Л. Липинской, Т.Н. Гусейновой, В.А. Есиповой, Е.Б. Макарчевой, О.В.Ушаковой, Ю.А. Лысенко и др.).⁷²⁵

Объединяя элементы теорий «модернизации» и «фронттира», автор называет приток крестьян-переселенцев в регион одним из наиболее амбициозных мероприятий, инициированных Российским государством. Одним из основных мест назначения для переселенцев послужила территория Омской епархии, образованной в 1895 г. Выбор данной епархии в качестве объекта исследования объясняется тем, что в отличие от Томской и Тобольской, где уже возникла и развилась «связная институциональная культура», Омской епархии приходилось развиваться «с нуля», а трудности переселенческого движения были наиболее заметны. Э. Фризен рассматривает Омскую епархию как «фронттир» или «место взаимодействия», служившего для различных групп населения площадкой сотрудничества и соперничества в процессе восстановления в Сибири религиозной жизни и институтов РПЦ.⁷²⁶

⁷²⁵ Friesen A. Building Orthodox Communities outside Mother Russia: Church and Colonization in Omsk Diocese, 1885-1917. PhD Diss. Edmonton, 2013.

⁷²⁶ Э. Фризен признает, что связность территории империи поднимала вопрос о том, можно ли считать Сибирь фронттиром или колонией или и тем, и другим одновременно. Споры ведутся по вопросу о том, как земли, включенные в состав империи в ходе ее экспансии, соотносились с теми землями, которые исторически считались

Используя понятие «фронтир», автор понимает под ним пространство культурного взаимодействия между переселенцами, коренным населением и природной средой, которая влияла на развитие институтов и формирование «национального характера». По наблюдению Э. Фризен, в современной историографии «фронтир» - понятие более широкое, чем в работах Ф.Дж. Тернера. Оно включает в себя признание неопределенности и сложности культурных контактов; описывается исследователями не как линия, а как зона, и сопряжено с «временными и пространственными ограничениями». Примечательно, что в работе Э. Фризен освещаются не столько контакты между колонизаторами и колонизируемыми, сколько контакты между различными группами русского населения; показано, как эти контакты заставили русских переосмыслить границы православных общин и значение религиозной веры для их идентичности.

По мнению Э. Фризен, русская колонизация Сибири может быть лучше понята в более широком контексте европейского переселенческого движения XIX - XX вв. Перемещения людей, обусловленные прогрессом транспортных технологий, а также желанием получить землю и новые возможности, способствовали распространению европейской культуры по всему миру – не только в Сибири, но и в Северной и Южной Америке, Южной Африке, Австралии. Российские власти изучали политику и организационную структуру стран, принимавших новых иммигрантов точно так же, как в других странах, по выражению исследовательницы, с тревогой и волнением наблюдали за колонизацией Сибири и упрочением позиций России в Азии.⁷²⁷

Исследовательница убеждена, что необходимо более глубокое понимание роли религии и институциональной церкви в переселенческих сообществах в глобальном контексте, поскольку вера и принадлежность к конфессиональному сообществу, как локально, так и глобально, влияли на способ восприятия европейскими переселенцами своей новой

русскими. По наблюдениям исследовательницы, оказавшиеся на территории Омской епархии переселенцы постоянно называли "Россией" те места, откуда они приехали, тем самым демонстрируя, что они воспринимали свои новые поселения как находившиеся за пределами их понятия «родины». И все же государственные чиновники, церковные иерархи и переселенцы не ставили под вопрос право русских утверждать свое постоянное присутствие на новой земле, рассчитывая, что она станет неотъемлемой частью России. Как заявил Марк Бассин, русские рассматривали Сибирь одновременно и как "чужую землю", и как продолжение "русского хартленда". См.: Friesen A. Building Orthodox Communities outside Mother Russia: Church and Colonization in Omsk Diocese, 1885-1917. PhD Diss. Edmonton, 2013. P.13; Siberia: Colony and Frontier // *Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History*. Vol. 14. 2013. No.1. P.1.

⁷²⁷ Э. Фризен замечает, что в новейшей западной историографии проводятся сравнения между средой, политикой, опытом переселенцев и созданием националистических проектов в России и Северной Америке. См.: Sabol St. Comparing American and Russian Internal Colonization: The "Touch of Civilization" on the Sioux and Kazakhs // *Western Historical Quarterly* 43. 2012. No.1. P.29-51; Brown K. Gridded Lives: Why Kazakhstan and Montana are Nearly the Same Place // *American Historical Review* Vol. 106. 2001. No.1. P. 14-48)

родины, а религия связывала переселенцев с метрополией не только культурно, но и институционально. В этой связи история Омской епархии дает богатый материал, показывающий, как функционировала государственная церковь в эпоху европейских миграций.⁷²⁸ Пример Сибири показывает, что церковь и государство вырабатывали общую повестку дня на имперских рубежах; РПЦ исполняла свои обязанности и предпринимала инициативы, которые государство считало необходимыми для переселения. Эти взаимоотношения позволяли обеим сторонам достигнуть уровня успеха, который не был бы возможен без участия другой стороны.

Колонизацию⁷²⁹ Сибири на рубеже XIX – XX вв. канадская исследовательница называет одним из наиболее амбициозных проектов, когда-либо осуществлявшихся Российским государством. П.А. Столыпин справедливо полагал, что масштабные переселения определяют его будущее, а А.Н. Куломзин видел в них способ «репрезентации Российской империи как претендующей на статус одной из ведущих европейских держав». Одним из важнейших инструментов реализации «имперской миссии» он считал РПЦ, оказывая ей всемерное содействие и выделяя средства из благотворительного фонда имени Александра III на строительство церквей и школ по всей Сибири.⁷³⁰

По заключению исследовательницы, условия «фронттира» создавали множество трудностей, связанных с огромными расстояниями, постоянно изменявшейся демографической ситуацией, нехваткой персонала и средств, этническим и религиозным разнообразием. Одновременно эти же условия способствовали формированию пространства, в пределах которого государство, церковь и переселенцы обсуждали и

⁷²⁸ Исследование Э. Фризен показывает, что православные иерархи (как, например, и британские миссионеры, действовавшие за пределами метрополии) рассматривали свою работу в Сибири как исполнение предназначения церкви, связанного с созданием христианской империи, которая преобразует мир. Привлекая верующих к ежегодному сбору средств, направляемых на религиозное развитие Азиатской России, церковь поощряла прихожан к тому, чтобы они выходили за рамки своих локальных идентичностей и думали о судьбах православной веры в общеимперском контексте. Чиновники и представители церкви также развивали тесные связи, поддерживая расширение институциональной церкви и российского имперского пространства. См.: Friesen A. Building Orthodox Communities outside Mother Russia: Church and Colonization in Omsk Diocese, 1885-1917. PhD Diss. Edmonton, 2013. P.11.

⁷²⁹ Вслед за Ч. Стейнвеллом и В. Сандерлендом исследовательница использует термины «колонизация» и «переселения» как синонимы, как это делалось и в официальных документах начала XX в.

⁷³⁰ Во время своей поездки в Сибирь в 1896 г. А.Н. Куломзин выяснил, что переселенцы в большинстве своем были лишены того, что воспринималось ими как существенная часть жизни, а именно возможности отправлять православный культ. Тот факт, что крестьяне находились «за пределами» родных мест, лишь усиливал их чувство сопричастности. В их жизни церковь воплощала собой начало преемственности, сохранения традиций; переселение на новое место было обусловлено прежде всего поиском земли, а не свободы, целью миграций было не начало новой, а продолжение привычной сельской жизни.

изучали «местные и общенациональные ожидания, чаяния и опасения», связанные с процессом создания православных общин в расширяющейся и модернизирующейся империи. Участники дискуссий признавали создание церковных приходов базовой потребностью, удовлетворение которой способствовало бы возникновению действующей православной общины и сохранению «русских культурных ценностей». Вместе с тем, процесс создания приходов и реализация «православных практик» высветили трения, существовавшие между указанными группами и внутри них.

По заключению Э. Фризен, опыт переселенцев в Сибири показал сохранение на рубеже XIX-XX вв. заметных различий, связанных с «локализованными православными практиками», которые оказывали негативное влияние на формирование новых православных общин в условиях «фронта». Э. Фризен подчеркивает, что принадлежность переселенцев к православной вере не означала автоматически установления прочных связей между ними; напротив, общая идентичность должна была выстраиваться медленно, в процессе взаимодействия. Конфликты, возникавшие как в среде переселенцев, так и между переселенцами и духовенством, по мнению исследовательницы, все же нельзя интерпретировать как признак «слабости» православия. Они, скорее, свидетельствовали о действительном значении религиозной веры для простых людей, а также о понимании ими их собственных православных практик.

Противоречия существовали и в среде самого духовенства Омской епархии, где, по выражению историка, служило «пестрое собрание священников», выходцев как из Сибири, так и из других частей империи. Не имея собственной семинарии, епархия была вынуждена полагаться на священников из Томска и Тобольска, а также городов Европейской России. Для решения проблем, связанных с нехваткой подготовленных кадров, Синод разрешил протоиерею И.И. Восторгову разработать программу пастырско-миссионерских курсов, открывшихся в Москве в 1909 г. Как замечает Э. Фризен, в Омской епархии появление «восторговцев» (как неформально называли выпускников курсов) вызвало противоречивую реакцию. При поддержке епископа представители омского духовенства оспорили легитимность такого вмешательства в епархиальную жизнь, выражая несогласие с мнением столичных властей о якобы неспособности местных священников управлять переселенцами из-за своей неопытности и незнания традиций религиозной жизни в Европейской России.

В целом, по мнению Э. Фризен, процессы модернизации и колонизации в дореволюционной Сибири способствовали религиозному плюрализму, изменению социальных идентичностей, конкуренции между органами власти в деревне, спровоцировали споры о профессионализации церковных кадров, а также способствовали бюрократизации и стандартизации церковной жизни. Изменения в религиозной жизни России, происходившие после 1905 г., также способствовали активизации и распространению сектантства (в том числе старообрядческих сект). В глазах православного духовенства, религиозное обращение символизировало нечто большее, чем просто оставление православной церкви: оно представляло собой отрицание русской культуры и национальности и угрожало главной цели колонизации, которая заключалась в интеграции Сибири в общеимперское пространство посредством «русификации».

История старообрядческих общин в Сибири затронута в ряде статей американского исследователя Р.О. Крамми⁷³¹. В частности, историк обратился к изучению наиболее распространенного за Уралом «часовенного» согласия, сочетавшего в себе элементы «поповской» и «беспоповской» традиций. «Часовенное» согласие зародилось как ответвление от керженских общин, которые располагались вблизи Нижнего Новгорода и, подобно часовенным, принимали беглых священников. Со временем многие старообрядцы все чаще выражали сомнение в моральных качествах и искренности намерений очередных кандидатов в священники. Все большее число часовенных полагало, что наилучший способ сохранения истинного русского православия заключался в том, чтобы обходиться вовсе без духовенства⁷³².

К середине XIX в. часовенные сохранили черты «беглопоповщины» лишь в теории, но на практике обходились без священников. Ссылаясь на работы Н.Н. Покровского и Н.Д. Зольниковой⁷³³, Р.О. Крамми отметил, что в действительности образ мыслей и жизни приверженцев данного согласия очень напоминали более радикальные традиции «беспоповцев». В Сибири староверческие общины, не имевшие иерархически организованных структур управления, созывали соборы, на которых решали самый

⁷³¹ По мнению исследователей, публикации Р.О. Крамми наряду с монографиями П. Паскаля и С. Зеньковского вошли в фонд классических работ по истории старообрядчества. См.: Crummey R.O. *The Old Believers and the World of Antichrist: The Vyg community and the Russian State, 1694–1885*. Madison, 1970; Crummey R.O. *Old Believers in a Changing World*. Northern Illinois University Press, 2011; Гурьянова Н.С. Рец. на кн.: Crummey Robert O. *Old Believers in a Changing World*. Northern Illinois University Press, 2011. – 267 p. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 90–92.

⁷³² Crummey R.O. *Old Believers in a Changing World*. Northern Illinois University Press, 2011. P.102;

⁷³³ Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. *Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания*. М., 2002.

широкий круг вопросов в ходе взаимных консультаций, переговоров и дискуссий. Следуя православной церковной традиции, большинство согласий или направлений старообрядчества обращались к местным соборам за решением вопросов об отправлении служб и треб, об исповедании христианской веры, а также для разрешения споров между верующими. Такие соборы, разумеется, состояли не из епископов, а из руководителей монашеских или мирских общин.

Особо следует отметить историографические исследования Р.О. Крамми, в которых затрагиваются различные теоретические и методологические аспекты темы. Историк признает, что в течение многих лет иностранные исследователи, изучавшие старообрядчество, находились в необычной ситуации. Учитывая политическую обстановку в России, западные ученые пользовались фактической монополией на публикацию работ по истории старообрядчества. В то же время, по мнению Р.О. Крамми, не имеет смысла говорить о «западной» или «зарубежной» историографии старообрядчества, поскольку все, кто печатал свои работы за пределами СССР и России, опирались на опыт русской историографической традиции и всецело зависели от публикации источников, а также практической помощи, оказанной советскими и российскими коллегами.

Более того, до недавнего времени число западных исследователей старообрядчества было столь немногочисленно, и все они имели между собой так мало общего, что не могло возникнуть ничего близкого к научной школе.⁷³⁴ Американский историк признает, что в начале 1960-х гг., взявшись по совету В.И. Малышева и Н.С. Демковой за изучение истории старообрядчества, он и не подозревал, что в течение следующих десятилетий произойдет возрождение научного интереса к данной теме. За последние десятилетия новому поколению историков (М. Хильдермайер,⁷³⁵ Р. Робсон⁷³⁶ и др.) удалось очень многое: они применили новые методы и подходы, сумели показать сложность и многомерность старообрядчества, невозможность объяснения его истоков и развития

⁷³⁴ Как пишет Р.О. Крамми, наиболее типичной чертой для зарубежных исследователей была принадлежность к разным культурам: некоторые из них, подобно С.А. Зеньковскому, были русскими и православными; другие, подобно М. Чернявскому являлись носителями русской культуры, но не православными; третьи не были ни теми, ни другими.

⁷³⁵ Hildermeier M. *Alter Glaube und Neue Welt: Zur Sozialgeschichte des russischen Raskol im 18 und 19. Jahrhundert* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1990. N 38. S. 372–398; Hildermeier M. *Alter Glaube und Mobilität: Bemerkungen zur Verbreitung und sozialen Struktur des Raskol im frühindustriellen Russland (1760–1860)* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1991. N 39. S. 321–338.

⁷³⁶ Robson R.R. *An Architecture of Change: Old Believer Liturgical Spaces in Late Imperial Russia* // *Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine and Georgia*. DeKalb, 1991. P. 160–187.

одним фактором или одной причиной. Р.О. Крамми следующим образом охарактеризовал современный этап изучения темы: «Сейчас мы, как никогда, близки к пониманию невероятного разнообразия (хронологического, регионального, социального, культурного и канонического) течений в рамках старообрядчества»⁷³⁷.

Анализ наиболее важных работ, опубликованных в последние десятилетия за пределами России, позволил Р.О. Крамми сделать вывод, что наиболее плодотворно работали те исследователи, кто внимательно изучал как вопросы старообрядческого канона и литургии, так и историю социальных, политических и институциональных конфликтов, подпитывавших и оформлявших данное религиозное течение. Впрочем, при всех заслугах западных исследователей, Р.О. Крамми признает, что наибольший вклад в изучение старообрядчества внесли российские историки, в первую очередь, представители Новосибирской научной школы (под руководством академика Н.Н. Покровского).⁷³⁸

В представлении западных исследователей, одним из важнейших инструментов социокультурной интеграции Сибири в общеимперское пространство являлось **научное изучение региона**. Данной теме посвящена монография современной немецкой исследовательницы Клаудии Вайсс, анализирувавшей особенности процесса «ментальной интеграции» Сибири⁷³⁹. По замечанию К. Вайсс, если в XVIII в. и первой половине XIX в. Сибирь воспринимали как далекую колонию и называли «русским Перу», то уже во второй половине XIX в. в ней видели «ключ к имперскому могуществу» России. Прекрасно осознавая открывающиеся возможности для извлечения прибылей, российская элита сумела интегрировать (или «присвоить») самую отдаленную из окраин империи, поставив бывшую «колонию» на один «ментальный» уровень с метрополией, что позволило называть Сибирь «нашей».

К. Вайсс подчеркивает, что данный процесс совпал по времени с ростом национализма в Европе, при этом новая националистическая идеология несла на себе отпечаток

⁷³⁷ Crummey R.O. *Old Believers in a Changing World*. Northern Illinois University Press, 2011. P.14.

⁷³⁸ Р.О. Крамми дает самую высокую оценку публикациям историков Новосибирской школы, поставив их в один ряд с трудами западных исследователей «народных религий» в римско-католической и протестантской Европе, и сожалеет о том, что русские и зарубежные исследователи «народного христианства» работали в относительной изоляции друг от друга. Следует поддержать призыв историка, адресованный западным коллегам, преодолеть языковой барьер и приобщиться к достижениям сибирских ученых.

⁷³⁹ Weiss C. *Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert*. Goettingen, 2007.

европейских ценностей и норм. «Национальная идентичность» России обнаруживала явный дефицит европейских ценностей и выглядела по западным меркам «неполноценной», однако Сибирь, благодаря своим размерам и потенциалу, помогла России преодолеть данный недостаток, обогатив ее образ «имперской составляющей». Так возникла, по определению К. Вайсс, «имперски-ориентированная идентичность» России, в рамках которой Сибирь мыслится как ее «неотъемлемая часть».

Во всех этих взаимосвязанных процессах, изменивших представления о Сибири в XIX в., большую роль играло Русское географическое общество, которое характеризуется исследовательницей как «место встречи» научной общественности и просвещенной бюрократии, оказывавший заметное влияние на общественное мнение, настроения элиты и первых лиц государства. Благодаря своей научно-исследовательской деятельности, РГО сумело, среди прочего, изменить представления о Сибири, сформировать новый образ региона. При этом К. Вайсс не разделяет распространенного в историографии мнения о том, что РГО было создано как инструмент крепнувшего национализма. По мнению исследовательницы, научная и общественная деятельность РГО с самого начала служила не националистическим настроениям русской элиты, а имперским целям Российского государства, способствуя его территориальной и военной экспансии (с соответствующим научным подкреплением).

В период вице-президентства М.Н. Муравьева Сибирь целенаправленно осваивалась как регион, имевший первостепенное значение для укрепления имперского могущества. Такая «ревалъвация» Сибири была связана с переосмыслением возможностей использования ее потенциала, что продемонстрировал общественности, в частности, А.Ф. Миддендорф. Анализ имперских целей в рамках РГО способствовал развитию «сибирского дискурса», с выявлением специфических черт Сибири, отличавших ее от остальных регионов России. Стремление к дальнейшей интеграции Сибири в общеимперское пространство привело к борьбе за развитие ее инфраструктуры (при активном участии П.П. Семенова-Тян-Шанского), и в итоге – к строительству Транссибирской магистрали. В целом можно присоединиться к мнению Я. Кусбера о том, что исследование К. Вайсс продолжает «имперский дискурс» и развивает многие идеи, высказанные в работах видного сибирского историка А.В. Ремнева⁷⁴⁰. К. Вайсс – не

⁷⁴⁰ Kusber J. Rec. ad op.: Claudia Weiss. *Wie Sibirien unser wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht 2007 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 2009. Bd. 57. 2009. H. 2. S. 277–278.

единственная представительница данного направления в западном сибиреведении.

Немецкая исследовательница, сотрудница Университета им Гумбольдта Сюзанна К. Франк рассматривает освоение Сибири как часть общеевропейского колониационного процесса. Изучив обширный литературный, историографический, этнографический и культурфилософский материал, С. Франк выявила «дискурсивные стратегии», обеспечившие «символическое и функциональное присвоение» русскими Сибири в период между XVII и XX вв. Итогом данного процесса, по оценке исследовательницы, стало символическое превращение Сибири из периферийной пограничной территории в неотъемлемую часть российского «квазиимперского пространства, воспринимаемого как единое целое»⁷⁴¹.

Особое внимание в англо- и немецкоязычной историографии уделяется теме освоения российской Арктики и Северного морского пути («Северно-восточного прохода»), практическое использование которого издавна интересовала европейцев. В истории Арктики западные исследователи особо выделяют XIX - начало XX вв. как период, отмеченный растущей международной политической и экономической конкуренцией в регионе, что, в свою очередь, заставило российского правительства ускорить интеграцию арктических территорий в общеимперское пространство, защитив от возможных притязаний со стороны соседей. В указанный период появились первые государственные программы поддержки коренных народов Крайнего Севера, изучались возможности дальнейшего хозяйственного освоения и развития арктической транспортной системы⁷⁴².

В XIX веке наибольший интерес западных авторов вызывали тема арктического мореплавания и развития транспортной системы. История арктических экспедиций освещалась преимущественно в работах описательного характера: записках и отчетах путешественников, а также исторических очерках, рассчитанных на самую широкую аудиторию. Британские авторы основное внимание уделяли экспедициям Дж. Росса, Дж. Франклина и У. Парри, действовавшим в западном полушарии, но также сообщали об усилиях шведских, норвежских, немецких, австрийских мореплавателей, направленных

⁷⁴¹ Frank S.K. Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur. Habilitationsschrift, University von Konstanz, 2003.

⁷⁴² Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии: XIX - 30-е годы XX вв. Автореф. дисс. ... докт.ист.наук. Якутск, 2004.

на исследование Северного морского пути (далее – СМП)⁷⁴³. В книге Дж. Дж. Шиллинглюу специальная глава посвящена истории русских арктических экспедиций⁷⁴⁴. В начале 1880-х годов шведский мореплаватель А.Э. Норденшельд опубликовал (в т. ч. на английском и немецком языках) отчет о совершенном им на пароходе «Вега» сквозном плавании по СМП из Атлантического океана в Тихий⁷⁴⁵. Историю спасения участников экспедиции Дж. Вашингтона Делонга, отправившейся навстречу «Веге», описал американский журналист У.Г. Гильдер⁷⁴⁶.

Вместе с тем, история освоения русскими северных широт долгое время представлялась западным авторам не самой актуальной темой, уступавшей по своей значимости остальным направлениям «русской восточной экспансии» – прежде всего, освоению Дальнего Востока и Тихоокеанского побережья, которое напрямую затрагивало интересы других колониальных держав. Интерес западных исследователей к достижениям русских в Арктике заметно возрос на рубеже XIX - XX вв.: об этом писали известные американские полярные исследователи Ф. Шватка и Дж. Мелвилль, антрополог А. Грдличка⁷⁴⁷. Отмечая активные действия России на "арктическом направлении", западные авторы дополняли тем самым общую картину имперской экспансии и могущества России – страны, которая, по определению У.Ф. Мейсона Маккарти, «не имела реальных соперников в Азии»⁷⁴⁸. Анализируя перспективы развития России как мировой державы, известный экономист Ч. Конант писал: «С учетом ее потенциала, при сохранении существующих темпов экономического развития, по завершении строительства Транссиба Россия через тридцать лет станет главной соперницей «англо-саксонской расы» в борьбе за экономическое и военное господство»⁷⁴⁹. О грядущей гегемонии России писал Б.Д. Ремедж, подчеркивавший роль

⁷⁴³ Simmonds P.L. *The Arctic Regions and Polar Discoveries During the Nineteenth Century*. London, 1875; Adams W.H. Davenport. *Recent Polar Voyages: A Record of Discovery and Adventure, from the Search After Franklin to the British Polar Expedition, 1875–1876*. London, 1880.

⁷⁴⁴ Shillinglaw J.J. *A Narrative of Arctic Discovery: From the Earliest Period to the Present Time...* London, 1851.

⁷⁴⁵ Nordenskiöld A.E. *The Voyage of the Vega Around Asia and Europe*. London, 1881; Nordenskiöld A.E. *Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega. Mit einem historischen Rückblick auf frühere Reisen längs der Nordküste der Alten Welt*. Leipzig, 1882.

⁷⁴⁶ Gilder W.H. *Ice-Pack and Tundra. An Account of a Search for the Jeannette and a Sledge Journey Through Siberia*. New York, 1883.

⁷⁴⁷ Schwatka F. *The Next Polar Expedition* // *The North American Review*. 1889. Vol.148. No.387. P.151-160; Melville G.W. *The Baltic Fleet and the Northeast Passage* // *The North American Review*. 1904. Vol. 179, No. 573. P. 161-167; Hrdlicka A. *Recent Explorations in Siberia* // *Science, New Series*. 1913. Vol. 37. No. 940. P.13-14.

⁷⁴⁸ Mason M'Carty W.F. *Russia's Plans and Purposes* // *The North American Review*. 1897. Vol. 164. No. 486. P.585-591; Hourwich I.A. *The Economic Condition of Russia* // *Journal of Political Economy*. 1904. Vol. 12, No. 4. P. 555-563; Boulger D.C. *Antagonism of England and Russia* // *The North American Review*. 1900. Vol. 170. No. 523. P. 884-896.

⁷⁴⁹ Conant Ch. C. *Russia as a World Power* // *The North American Review*. 1899. Vol. 168. No. 507. P. 178-190.

транспортных систем и утверждавший, что с их развитием (прежде всего, с сооружением Транссиба), Россия получит «огромные преимущества на Востоке — главной арене для будущих сражений, как экономических, так и военных»⁷⁵⁰.

Повышенный интерес западных авторов вызывал вопрос о возможности практического использования Северного морского пути (в терминологии зарубежных авторов - «Северовосточного прохода»)⁷⁵¹. Начало регулярной эксплуатации СМП и экспедиции второй половины XIX – начала XX в. рассматривались в статьях и монографиях Т. Ллойда, Т. Армстронга, Г. Абеля, Х. Йессена, У. Барра, У. Батлера, Д. Дальмана, Дж. Маккэннона⁷⁵². В большинстве работ подчеркиваются заслуги как русских (М.К. Сидорова, А.М. Сибирякова), так и иностранных мореплавателей (Г. Келлета, Дж. Делонга, Дж. Уггинса, А. Норденшельда, Э. Далльманна, Ф. Нансена) и коммерсантов (Й. Лида, Л. Кнопа) в исследовании российской Арктики. Как замечает современный немецкий историк Д. Дальман, инициативы иностранцев по освоению СМП воспринимались в России «со смешанным чувством», поскольку в них видели, с одной стороны, шанс установить прямые торговые связи Сибири с Западной Европой, с другой – угрозу серьезной экономической конкуренции. С немалыми затратами был связан и военный контроль над арктическими территориями, поэтому «вопрос о Северном морском пути для петербургского правительства не являлся делом первоочередной важности»⁷⁵³.

⁷⁵⁰ Ramage B.J. The Hegemony of Russia // *The Sewanee Review*. 1899. Vol. 7. No. 3. P. 303-322.

⁷⁵¹ Анализируя результаты многочисленных арктических экспедиций, Дж. Мелвилль отвечал на этот вопрос утвердительно, рассматривая, впрочем, сугубо техническую сторону дела и не затрагивая военный или экономический аспекты. Сотрудник географической службы Германии И. Герман был настроен менее оптимистично. Признавая определенные успехи российских исследовательских экспедиций, он отмечал, что участок от Карского моря до Берингова пролива оставался почти не изученным, а в отсутствие регулярной навигации паровых судов и отсутствия развитой инфраструктуры практическое значение Северного морского пути было не велико. См.: *The North East Passage // Bulletin of the American Geographical Society*. 1906. Vol. 38. No. 1. P. 25-27.

⁷⁵² Lloyd T. *The Northern Sea Route // Russian Review*. 1950. Vol. 9. No. 2. P. 98-111; Armstrong T. *Russian Settlement in the North*. Cambridge, 1965.; Abel H., Jessen H. *Kein Weg durch das Packeis: Anfänge der deutschen Polarforschung (1868-1889)*. Bremen, 1954; Abel H. «Commerzielle Pionierfahren» zur westsibirischen Eismeerküste (1876 bis 1884). Bremen, 1978. S. 7-51; Barr W. *The Voyages of Taymyr and Vaygach to Ostrov Vrangelya, 1910-15 // Polar Rec*. 1972. Vol. 16, № 101. P. 213-234; Barr W. *Rusanov, Gerkules and the Northern Sea Route // Canadian Slavonic Paper*. 1974. Vol. 16, № 4. P. 569-611; Barr W. *A Tsarist Attempt at Opening the Northern Sea Route: The Arctic Ocean Hydrographic Expedition, 1910-1915 // Polarforschung*. 1975. No. 1. P. 51-64; Butler W.E. *Northeast Arctic Passage*. Alphen aan den Rijn: Sijthoff & Noordhoff, 1978.; Дальман Д. *Торговое судоходство за Полярным кругом во второй половине XIX века // ОИ*. 2001. № 5. С. 21-32; McCannon J. *A History of the Arctic: Nature, Exploration and Exploitation*. London, 2012.

⁷⁵³ Дальманн Д. *Торговое судоходство за Полярным кругом во второй половине XIX века // ОИ*. 2001. № 5. С. 21-32. В отличие от С. Бэдкок Д. Дальман высоко оценивает вклад политических ссыльных в научное изучение Севера и Сибири и напоминает, что замечательные работы по этнологии, антропологии, геологии и зоологии оставили после себя сосланные за «государственные преступления» поляки А.Л. Чекановский, И.Д. Черский, Б.И. Дыбовский, В.Л. Серошевский, Б.О. Пилсудский. Ссылные народовольцы Л.Я. Штернберг, В.В. Богораз, В.И. Иохельсон участвовали в Северотихоокеанской экспедиции 1897-1902 гг., организованной американским предпринимателем М.К. Джесупом. См. тж статью о Джесуповской экспедиции!!!!

В первые десятилетия XX в. по мере роста активности европейских держав в Арктике все чаще обсуждался вопрос о статусе территорий, которые ранее считались «ничьей землей» (например, Шпицберген или остров Медвежий), и даже тех участков Арктики, которые Россия неизменно считала своими владениями (в частности, предметом таким спором в 1910 г. стала Новая Земля)⁷⁵⁴. По мнению Дж.Б. Скотта, высказанному на страницах «Американского журнала международного права» в 1909 г., все это вело к более серьезным политическим противоречиям и столкновениям интересов различных государств в Арктической зоне⁷⁵⁵. Показательно, что во избежание таких конфликтов канадский сенатор П. Пуарье еще в 1907 г. предлагал разделить Арктику на сектора, прилегающие к северным границам Норвегии, Швеции, России, США и Канады. Одним из способов подтверждения прав на арктические территории являлась организация экспедиционных исследований. Описанию арктических экспедиций конца XIX - начала XX в. были посвящены работы известных полярных исследователей Р. Бартлетта, В. Стефансона, Н.А. Транзе⁷⁵⁶. Во второй половине XX в. данная тема затрагивалась в серии публикаций Х. Абеля и У. Барра⁷⁵⁷, известных монографиях К. Криптона (Г.К. Молодецкого), Т. Армстронга, У. Батлера⁷⁵⁸.

Изменения, происходившие в политике царского правительства на рубеже XIX – XX вв., анализировал Пиер Хоренсма, сотрудник Института Восточной Европы в Университете Амстердама. Характеризуя международную обстановку, сложившуюся в Арктике на рубеже веков, исследователь напомнил, что такие страны как Норвегия, Швеция, Великобритания, США и Германия все чаще направляли экспедиции на север, изучая возможности для рыболовства в Баренцевом море, угледобычи на Шпицбергене и возобновления китобойного промысла. В таких условиях Россия была вынуждена

⁷⁵⁴ Horensma P. The Soviet Arctic. London and New York, 1991. P.12.

⁷⁵⁵ Scott J.B. Arctic Exploration and International Law // The American Journal of International Law. 1909. Vol. 3. No. 4. P. 928-941.

⁷⁵⁶ Bartlett R.A. The Log of Bab Bartlett: the true Story of Forty Years of Seafaring and Exploration. New York, London, 1928; Bartlett, R.A., Hale R.T. The Last Voyage of the Karluk. Boston, 1916; Stefansson V. The Adventure of Wrangel Island. New York, 1925; Transehe N.A. The Siberian Sea Road: the Work of the Russian Hydrographical Expedition to the Arctic, 1910-1915 // Geographical Review. 1925. Vol. 15, No. 3. P. 367-398

⁷⁵⁷ Abel H., Jessen H. Kein Weg durch das Packeis/ Anfänge der deutschen Polarforschung (1868–1889). Bremen, 1954. 18. Abel H. «Commerzielle Pionierfahrten» zur westsibirischen Eismeerküste (1876 bis 1884) // Schriften der Wittheit zu Bremen. Bd. 22. Bremen, 1978; Barr W. The voyages of Taymyr end Vaygach to Ostrov Vrangelya, 1910-1915 // Polar Record. 1972. Vol. 16 (101). P. 213-234; Barr W. Rusanov, Gerkules and the Northern Sea Route // Canadian Slavonic Papers. 1974. Vol. 26 (4). P. 569-611; Barr W. A Tsarist Attempt at Opening the Northern Sea Route: The Arctic Ocean Hydrographie Expedition, 1910-1915 // Polarforschung, 1975. No. 1. P.51-64.

⁷⁵⁸ Armstrong T. The Northern Sea Route. Cambridge, 1952; Krypton C. The Northern Sea Route and the Economy of the Soviet North. London: Methuen, 1956; Butler W.E. Northeast Arctic Passage. Alphen aan den Rijn, 1978.

проводить в регионе более агрессивную политику. В виду растущих масштабов полярных исследований, правительство стояло перед дилеммой - либо предпринять активные действия, либо уступить эти земли другим странам. Таким образом, руководствуясь стратегическими соображениями, Россия оказалась заинтересована в использовании экономического потенциала Крайнего Севера⁷⁵⁹.

Сопоставляя арктическую политику, осуществлявшуюся Россией до и после 1917 года, западные авторы отмечают, что в период, предшествовавший Первой мировой войне, царское правительство предприняло ряд масштабных усилий по освоению Арктики и развитию Северного морского. Наиболее крупным предприятием тех лет стала Гидрографическая экспедиция 1910-1915 гг., планирование которой, при участии специалистов Адмиралтейства и Академии наук, началось вскоре после поражения в войне с Японией. В тот же период на побережье и островах Карского и Баренцева морей активно развивалась сеть радиостанций, средств обеспечения кораблевождения. Однако три экспедиции в 1912-1914 гг. потерпели неудачу (закончившись гибелью их руководителей — В.А Русанова, Г.Л. Брусилова и Г.Я. Седова), что, по замечанию современного американского историка Дж. Маккэннона, на долгие годы подорвало веру в перспективность полярных исследований и впоследствии дало основания Советскому руководству противопоставить собственную арктическую политику неэффективным действиям царского правительства.⁷⁶⁰

Противоположные оценки содержатся в работе Т. Ллойда, который полагал, что не следует недооценивать значение усилий по освоению СМП, предпринятых в дореволюционный период. Признавая достижения советских покорителей Арктики, Т.

⁷⁵⁹ Horensma P. *The Soviet Arctic*. London: Routledge, 1991. Как подчеркивают отечественные исследователи, в годы Русско-японской войны, в условиях перегруженности Транссиба, правительство также в полной мере осознало стратегическое значение СМП. См.: Карпов В.П. Северный морской путь – инструмент освоения Арктики // Уральский исторический вестник. 2014. № 2(43). С. 108–114.

⁷⁶⁰ McCannon J.A. *A History of the Arctic: Nature, Exploration and Exploitation*. London, 2012. В конце 1930-х гг. проблемам освоения арктической зоны СССР посвятил свою монографию выходец из России, профессор Гарвардского университета Т.А. Таракус-Таракузио. Противопоставляя арктическую политику царского и советского правительств, автор заключил, что суть процессов, связанных с освоением региона после 1917 г. определялась не мотивами, а методами, в числе которых важнейшие – долгосрочное планирование, координация разнонаправленных усилий и, как следствие, жесткая централизация. Все это, по заключению автора, позволило вывести масштаб арктических исследований на беспрецедентный уровень, осуществлять их невиданными темпами и обеспечить практически неограниченное финансирование. Вслед за Т.А. Таракузио, Т. Армстронг также полагал, что в отличие от дореволюционного периода, важнейшей особенностью освоения Арктики в 1930-х гг. стало тщательное планирование, а также готовность правительства мобилизовать для достижения поставленных целей огромные финансовые ресурсы, что было невозможно в предыдущее десятилетие. Сосредоточение всех функций управления Арктическим регионом в одном ведомстве должно было обеспечить более жесткий контроль над выполнением плановых заданий пятилетки. См.: Taracuzio T.A. *Soviets in the Arctic*. New York, 1938; Armstrong T. *The Northern Sea Route*. Cambridge, 1952.

Ллойд призвал отдать должное их предшественникам и напомнил, что часть ледоколов, с таким успехом использовавшихся в СССР, были получены из-за границы еще до 1917 г.⁷⁶¹ Современный голландский историк П. Хоренсма, обратившийся к изучению арктической проблематике по совету и при поддержке Р. Воона и Т. Армстронга, определил целью своего исследования выявление преемственности между арктической политикой Российской империи и СССР. По мнению историка, основные принципы этой политики были выработаны уже в 1897-1917 гг., получив логическое развитие в советский период⁷⁶²

Выводы.

Таким образом, англо- и немецкоязычные историки, следовавшие в русле концепции «русской восточной экспансии», теорий «фронттира» и «колонизации», а также «модернизационной» и «имперской» парадигм, осветили широкий круг проблем, связанных с изучением правительственной политики и системы управления Сибирью в позднеимперский период. В целом, по мнению большинства исследователей, созданная за Уралом административная система способствовала успешной интеграции региона в общеимперское пространство. Политические и социально-экономические факторы, обусловившие специфику системы управления Сибирью, изучались прежде всего англо-американскими историками, социокультурные – немецкими. Особое внимание уделялось анализу причин, содержания и итогов Сибирской реформы М.М.Сперанского, которая, по мнению западных авторов, во многом определила развитие региона до конца имперского периода.

Вместе с тем, сопоставляя «инструменты экспансии» и «колониальные практики» Российской империи с историческим опытом других стран, западные авторы критически оценивали итоги «цивилизаторской миссии» России в Северной Азии, подчеркивая, в частности, негативные аспекты аборигенной политики. Многие исследователи склонны были видеть главную причину бедственного положения коренного населения в разнонаправленности действий центральных и местных властей. В новейших

⁷⁶¹ Lloyd T. The Northern Sea Route // *The Russian Review*. 1950. Vol. 9, No. 2. P. 98–111. Выдающийся австралийский полярный исследователь Х. Уилкинс признавал, что ни в одной другой стране научные исследования в Арктике и использование их результатов не достигали таких масштабов, как в СССР, но также не был склонен резко противопоставлять дореволюционный и советский периоды в освоении региона, полагая, что советские исследователи опирались на фундамент научных исследований, созданный их предшественниками до 1917 г. См.: Wilkins H. *Russian Explorations* // *Science*. 1944. Vol. 99. No. 2561. P. 67–69.

⁷⁶² Horensma P. *The Soviet Arctic*. London and New York, 1991.

исследованиях ответственным за выработку политики в отношении "инородцев" предстает, прежде всего, правительство. В ряде работ (А. Знаменский, Дж. Форсайт, Э.-М. Столберг) подчеркивается активная роль самих аборигенных этносов во взаимодействии с русскими.

В современной англо- и германоязычной историографии, посвященной дореволюционной истории Сибири и Дальнего Востока, заметен всевозрастающий интерес к вопросам истории каторги и ссылки; всесторонне исследуется их роль как инструментов карательной и колонизационной политики государства. Признавая ведущую роль в разработке темы за российской историографией, западные специалисты в последние десятилетия вносят заметный вклад в разработку темы, стремясь к пересмотру устоявшихся концепций. Плодотворная работа в российских архивах позволила им существенно расширить источниковую базу своих исследований. Наряду с архивными документами (в основном, делопроизводственными материалами, связанными с деятельностью пенитенциарных учреждений) западные специалисты широко привлекают источники личного происхождения (в первую очередь, воспоминания, дневники, письма ссыльных).

Следуя в парадигме «новой социальной и культурной истории», используя теоретический инструментарий таких научных направлений как «история женщин», «история семьи», «гендерная история», «историческая пенология», современные англо-американские и немецкие историки предлагают собственные оценки государственной политики в сфере исполнения наказаний; прослеживают изменения общественных представлений о каторге и ссылке; характеризуют особенности применения наказаний и положение различных категорий ссыльного населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Многие сближают работы западных авторов с современной российской историографией, в частности, повышенный интерес к историко-правовой проблематике, вопросам истории уголовной ссылки и каторги, а также стремление показать неразрывную связь пенитенциарных институтов с процессами общественно-политического, социокультурного и хозяйственного развития Азиатской России в дореволюционный период

Изучая проблемы общественно-политического развития Азиатской России во второй половине XIX – начале XX вв., западные авторы осветили эволюцию идеологии и деятельность представителей сибирского «областничества»; историю протестного

движения; общественно-политические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Первой русской революции и межреволюционный период. Признавая приоритет в изучении указанной темы за советскими и российскими историками, англо- и германоязычные исследователи стремились уточнить ряд положений и выводов отечественной историографии, в частности — более объективно осветить роль представителей различных общественных движений и политических партий в революционных событиях начала XX в.

Наиболее обстоятельно в западной историографии исследована история сибирского областничества (от зарождения идеологии течения и деятельности сибирских кружков в 1860-х гг. до активного участия областников в революционных событиях начала XX в.). Анализируя эволюцию общественно-политических воззрений областников (от более радикальных («сепаратистских») – в начале, до умеренно-либеральных – в конце рассматриваемого периода), западные исследователи опирались на теории «фронтала» и «регионализма», «колонизации» и «колониализма», а также концепции, связанные с «культурным» и «пространственным поворотом» в исторической науке конца XX – начала XXI вв. Для зарубежных историков характерно представление о выдающейся роли, которую играло сибирское областничество в культурной и общественно-политической жизни региона. Признавая, что не все из поставленных областниками целей были достигнуты, западные исследователи все же убеждены, что изменения, происходившие в Сибири на рубеже XIX- XX вв. и способствовавшие ее вступлению на путь современного развития, были во многом заслугой и результатом деятельности «сибирских патриотов».

В современном западном сибиреведении, испытавшем влияние «лингвистического» и «культурного» поворота в историографии, значительное внимание уделяется проблемам самосознания индивидов и социальных групп, их самовосприятия, изучению духовной культуры сибирского населения (в частности, такой фундаментальной категории культуры как «пространство»). В числе основных факторов, влиявших на восприятие Сибири как историко-географического пространства и определявших способы идентификации и самоидентификации сибирского населения, западные историки называют географические и культурные особенности региона, сложный этнический состав населения, роль местной интеллектуальной элиты, изменения в правительственной политике.

ГЛАВА 3. Социально-экономическое развитие Сибири во второй половине XIX – начале XX в. в освещении англо- и немецкоязычной историографии

3.1. Проблемы аграрного развития Сибири.

В англо- и германоязычной историографии, посвященной вопросам **социально-экономического развития Сибири в XVII – XIX вв.**, основное внимание уделяется аграрной истории региона, истории развития транспортных коммуникаций и промышленности. Сторонники концепции преимущественно мирного присоединения и освоения Сибири указывали на необходимость изучения истории крестьянских переселений, ставших особенно массовыми в конце XIX в.; эволюции крестьянской общины, выяснения роли Транссибирской магистрали в развитии сибирской экономики.

История массовых миграций на востоке России привлекала внимание многих западных авторов — представителей особого исследовательского направления, связанного с изучением аграрной истории России. Как отмечает Д.Мун, начало данному направлению на Западе положили труды А.Маккензи Уоллеса, опубликованные в XIX в.⁷⁶³ В последующие десятилетия ведущая роль в изучении аграрной истории России на Западе сохранялась за немецкими и британскими (а со второй трети XX в. - и американскими) учеными.

В XX в. повышенный интерес западных русистов к истории русского крестьянства объяснялся не только популярностью проблематики «социальной истории», но и тем, что, по определению Т.Шанина, «на протяжении всего XIX в. и значительной части XX в. две трети населения России составляли крестьяне ... Выражаясь количественно, крестьяне и были Россией».⁷⁶⁴ В полной мере сказанное можно отнести и к Сибири. Отмечая доминирующую роль крестьянства в социальной структуре и сходство методов колонизации в европейской и азиатской частях Российской империи, западные историки в то же время призывали уделять пристальное внимание региональным особенностям.

На рубеже XIX-XX вв. в Германии появилось значительное количество работ, посвященных проблемам истории социально-экономического развития России в пореформенный период. Их авторы (Г.Шульце-Геверниц, Г.Крамер, К.фон Цепелин,

⁷⁶³ Moon D. The Russian Peasantry, 1600–1930: The World the Peasants Made. London & New York, 1999; Haxthausen, A. Von, Studies on the Interior of Russia. Chicago, 1972; Wallace, D. Russia. 2 vols. London, 1877.

⁷⁶⁴ Shanin, T. Roots of Otherness. Vol.1. Russia as a developing society. Basingstoke, 1982. P. 102; Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном русистике: основные концепции, подходы и перспективы. Автореф... дис.канд.ист.наук. Москва, 2001.

С.Гельфферих, В.Витчевский, О.Хетцш, В.Д.Прейер и др.)⁷⁶⁵ в большинстве своем не являлись профессиональными историками. Обращение к прошлому представляло для них интерес, прежде всего, с точки зрения поиска ответов на актуальные вопросы современности. Одной из важнейших проблем, вызывавших живой интерес германоязычных исследователей, была оценка итогов и перспектив экономического и политического развития Российской империи в пореформенную эпоху.

Как отмечает А.Г.Дорожкин, большинство авторов писали о позитивных тенденциях в российской экономике, хотя состояние сельского хозяйства России многими оценивалось как кризисное (П.Рорбах, Г.Бернхард, К.Гельфферих, Р.Мартин)⁷⁶⁶. В освещении российских реалий последовательно антирусскую позицию занимали представители «восточного» или «балтийского» направления (П.Рорбах, Г.Бернхард, Р.Мартин), тогда как наиболее объективными отечественный историк считает представителей так называемого «консервативно-реформаторского» направления (В.Витчевский, К.Гельфферих, О.Хетцш), увязывавших прогресс в развитии России с проведением консервативных (т. е. в рамках существующей политической системы) реформ⁷⁶⁷

К данному направлению можно отнести и работы известного немецкого экономиста и дипломата⁷⁶⁸ Курта Виденфельда, который, в частности, подверг обстоятельному анализу ход и итоги крестьянских переселений в Сибирь в специальном разделе своей монографии «Сибирская магистраль в ее экономическом значении».⁷⁶⁹ Автор использовал материалы российской периодической печати конца XIX в., разнообразные данные, содержащиеся в

⁷⁶⁵ Schultze-Gavemitz G. Volkswirtschaftliche Studien aus Russland. Leipzig, 1899. 618 S.; Krahmer G. Sibirien und die grosse sibirische Eisenbahn. Leipzig, 1897; Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung. Berlin, 1900; Zepelin C., von. Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege // Russland in Asien Bd. VIII, IX, XI. Berlin, 1907–1911; Helfferich K. Das Geld im russisch-japanischen Kriege. Berlin, 1906. 240 S; Wittschewsky V. Russlands Handels-, Zoll- und Industriepolitik von Peter dem Grossen bis auf die Gegenwart. Berlin, 1905; Hoetzsch O. Die innere Entwicklung Russlands seit 1905 // Russlands Kultur und Volkswirtschaft. Berlin-Leipzig, 1913. S. 63-88; Hoetzsch O. Russland. Eine Einfuehrung auf Grund seiner Gcschichte vom japanischen bis zum Wcltkrieg. Berlin, Reimer, 1917; Preyer W.D. Die russische Agrarreform. Jena, 1914; Dietze C. Stolypinsche Agrarreform und Feldgemeinschaft. Berlin, 1920.

⁷⁶⁶ Rohrbach P. Das Finanzsystem Witte. Berlin, 1902. S.35-49; Bernhard G. Armes reiches Russland. Ein Mahnwerk an Deutschlands Kapitalisten. Berlin, 1905. S.59-62; Helfferich K. Das Geld im russisch-Japanischen Kriege. Berlin, 1906. S.49-50; Мартин Р. Будущность России. Пер. с нем. М., 1906.

⁷⁶⁷ Дорожкин А.Г. Экономическое и социальное развитие России второй половины XIX - начала XX вв. в германоязычной историографии XX в. Дисс... докт.ист.наук. М., 2005

⁷⁶⁸ В 1920-1921 гг. К. Виденфельд являлся официальным представителем Германского правительства в Москве, способствуя установлению дипломатических контактов между Советской Россией и Веймарской республикой.

⁷⁶⁹ Wiedenfeld, K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirthschaftlichen Bedeutung. Berlin, Heidelberg, 1900.

работах Н.М. Ядринцева, М.И. Венюкова, Дж.Симпсона⁷⁷⁰, В.Г.Симховича,⁷⁷¹ в отчетах о заседаниях Комитета Сибирской железной дороги.

Кроме того, немецкий исследователь активно привлекал материал из статьи А.А. Кауфмана "Внутренняя колонизация и колонизационная политика России после освобождения крестьян", опубликованной на немецком языке в 1898 г.⁷⁷² К. Виденфельд считал А.А. Кауфмана наиболее глубоким знатоком ситуации в Сибири, который своими трезвыми, взвешенными суждениями выделялся на фоне большинства российских авторов, писавших о колонизации региона, хотя и не вполне учитывал трудности, с которыми правительство сталкивалось в условиях изменчивой политической и экономической ситуации в России. Как отмечал немецкий исследователь, несмотря на то что А.А. Кауфман стремился показать влияние колонизационных процессов на русское население в целом, фактически он ограничился рассмотрением только положения крестьянства, но не крупных землевладельцев и промышленников.

В работе К. Виденфельда история сибирских переселений рассматривается с позиций **концепции «колонизации»**, при этом автор (вслед за российскими специалистами) различает «внутреннюю колонизацию» (когда пишет о Западной Сибири, давно обжитой несколькими поколениями русских колонистов), «внешнюю» (имевшую место на Дальнем Востоке); «военную колонизацию» (главной движущей силой которой в Сибири являлось казачество); «штрафную колонизацию» (связанную с использованием каторги и ссылки). Примечательно, что в кратком очерке, посвященном истории освоения Сибири, ведущую роль в общем колонизационном процессе К.Виденфельд отводил русскому крестьянству, а не казакам, промышленникам или государству.

В истории освоения региона автор выделил четыре периода: 1-й продлился до середины XVIII в. и характеризовался сравнительно толерантным отношением правительства к вольнонародной колонизации. Следующий период ознаменовался переходом к политике строгого государственного контроля и ограничений и продлился примерно до середины XIX в. По словам К. Виденфельда, суровые преследования беглых и раскольников лишили

⁷⁷⁰ Симпсон Дж.Я. (1873-1934) — британский натуралист, писатель, богослов. В 1896 г. совершил поездку в Сибирь, по итогам которой опубликовал в книгу «Side-Lights on Siberia: Some Account of the Great Siberian Railroad, the Prisons and Exile System». (Edinburgh & London, 1898).

⁷⁷¹ Симхович В.Г.(1874-1959) — американский экономист, профессор Колумбийского университета, выходец из России, автор монографии: Simkhowitsch W.G. Die Feldgemeinschaft in Russland. Eine Beitrag zur Sozialgeschichte und zur Kenntnis der gegenwärtigen wirtschaftlichen Lage des russischen Bauernstandes. Jena, 1898.

⁷⁷² Kaufmann A.A. Die innere Kolonisation und die Kolonisationspolitik Rußlands nach der Bauernbefreiung // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik // 3. Folge. 1898. Bd 15. S.417-455.

территории, расположенные за Уралом, репутации края, где можно было жить, несмотря на известные трудности, совершенно свободно и мирно. Эффект от действий правительства был столь силен, что только спустя столетие ему вновь удалось привести в движение крестьянские массы и направить их в Сибирь в соответствии с радикально изменившимся политическим курсом.

Планомерная колонизация края возобновилась в 1840-1850-х г., прежде всего, благодаря деятельности П.Д. Киселева, возглавившего Министерство государственных имуществ. В течение почти двух десятилетий такая целенаправленная и энергичная колонизационная политика российских властей оказывала благотворное влияние на Сибирь, однако реформа 1861 г. вновь привела к резкой перемене правительственного курса. В отличие от, например, О.Хеттша, высоко оценивавшего итоги реформы 1861 г., К. Виденфельд полагал, что крестьяне мало выиграли от изменений, произошедших в юридическом оформлении социальных отношений в России, поскольку реформы были обусловлены не столько насущной потребностью, сколько гуманным порывом Александра II, проводились поспешно, а главным их итогом стало социальное расслоение крестьянства⁷⁷³.

К. Виденфельд признал, что преобразования 1860-х гг. пагубно сказались и на переселениях в Сибирь, куда в прежние времена крестьян влекли надежды на обретение свободы и благополучия.⁷⁷⁴ В данный период послабления (по закону от 30 июля 1865 г.) были сделаны лишь для тех, кто переселялся в Алтайский округ, земли которого являлись частной собственностью Романовых, а также в новоприобретенную Амурскую область, о необходимости русификации которой говорил еще гр. Н.Н. Муравьев-Амурский.

⁷⁷³ Примечательно, что, по наблюдениям Г.Н. Ланского, в современной отечественной историографии практически ни одно из основных направлений также не фиксирует существенных положительных изменений в аграрном развитии России второй половины XIX – начала XX вв., а политика правительства воспринимается в долгосрочной перспективе как неэффективная. Г.Н. Ланской объясняет данный парадокс тем, что вслед за публицистами дореволюционной эпохи современные историки воспринимают "реформу" 1860-х гг. как свершившийся факт, и, не видя должных успехов, дают ей негативную оценку. Однако в этой связи историк предлагает уточнить толкование самого понятия "реформа", понять, насколько оно применимо к русской действительности изучаемого периода, ведь, по его мнению, никаких качественных изменений не происходило. См.: Ланской Г.Н. Современные историографические концепции аграрной истории России второй половины XIX - начала XX вв.: традиции и новаторство // Новый исторический вестник, 2006. N 1 (15). С.28-45.

⁷⁷⁴ Если раньше землевладельцы и правительство считали своим долгом обеспечить безземельных крестьян всем необходимым, то теперь видные деятели правительства разделяли точку зрения, что освобожденные крестьяне не нуждались в дальнейшей поддержке; безземельные и малоземельные члены общин должны были сами найти себе работу у крупных землевладельцев в качестве батраков или арендаторов. В то же время положение многих бывших крепостных К. Виденфельд охарактеризовал как «плачевное». Добиться разрешения на выход из своей общины и на переселение в другую местность крестьяне могли лишь после выплаты выкупной суммы, что было под силу далеко не многим. В 1860-1870-е гг. положение помещиков также ухудшилось, и теперь они всеми силами старались не допустить дальнейшего оттока рабочей силы.

Впрочем, как отмечает автор, даже в этот период, отмеченный множеством препятствий для колонизации, масштаб самовольных («незаконных») переселений в Сибирь был столь значителен, что правительство не могло оставить их без внимания. Так, 9 ноября 1876 г. опубликовано положение Главного комитета по устройству сельского состояния, согласно которому крестьяне, находившиеся в Тобольской и Томской губерниях и покинувшие свои общины без соблюдения правовых формальностей, включались в число жителей новых деревень, что давало им право на пользование наделами и освобождало от уплаты долгов и недоимок в местах выхода. Все же, несмотря на указ 1876 г., положение переселенцев оставалось шатким, и уже в 1881 г. правительство сочло необходимым принять новый закон, регулирующий переселенческое движение.

Более того, смена правителя на троне вновь обернулась принципиальное изменением характера колонизационной политики. По сравнению со своим предшественником, новый царь Александр III проявил куда большую активность и распорядился разработать новые законы, регулирующие колонизационный процесс. Министры внутренних дел и государственных имуществ временно наделялись правом в случае необходимости выдавать разрешение на переселение без соблюдения юридических формальностей. Колонисты получали денежные ссуды, освобождались от налогов и повинностей, с учетом платежеспособности каждого конкретного крестьянина.

В том, что касалось исполнения указа, правительство, по мнению К.Виденфельда, старалось не столько оживить и поощрить переселения, сколько удержать их в определенных рамках. Получить разрешение было непросто, а общий размер выданных ссуд ежегодно был небольшим. Власти по-прежнему стремились удержать рабочую силу для сельского хозяйства и промышленного производства в метрополии. Кроме того, «бюрократически-рассудительный» глава МВД Д.А. Толстого не выказывал воодушевления, присущего соратникам Николая I в 1840-1850-х гг., да и сам монарх был далек от бурной деятельности своего деда.

Разработка колонизационного законодательства продвигалась медленно и заняла 8 лет. Авторы закона от 13 июля 1889 г., который послужил основой для всех дальнейших действий правительства, вполне соответствовал основными принципам переселенческой политики 1880-х гг. По мнению К.Виденфельда, стремление властей сохранить существующий порядок организации миграций было еще крайне далеко от признания права подданных на свободу переселений; к тому же управление переселенческим делом

по-прежнему находилось всецело в ведении чиновников, проявлявших в этом вопросе крайнюю осторожность.

Закон разрешал оставлять на месте тех, кто уже нелегально переселился, но предусматривал впредь возвращение на родину всех самовольных мигрантов. Принципиальным новшеством можно считать сам факт признания правительством необходимости переселений, но в реальности больших изменений не произошло. К. Виденфельд приводит мнение А.А. Кауфмана, что виной всему было неблагоприятное отношение к переселенцам со стороны чиновников; но важной причиной (которую отчасти признавал и А.А. Кауфман) была нехватка участков, пригодных для колонистов.

Вслед за А.А. Кауфманом К. Виденфельд использовал данные В.Г. Симховича о том, что в 1882-1894 гг. в Западную Сибирь переселились ок. 575 тыс. чел., вернулись назад - лишь несколько тысяч.⁷⁷⁵ Пиковые значения для 1891-1892 гг. (ок. 180 тыс.чел.) объяснялись последствиями голода. В 1894 г. завершился длительный период "нерешительной", как ее определяет К. Виденфельд, политики правительства в отношении переселений. 1 сентября 1894 г. открылся 1-й участок Транссиба — от Челябинска до Омска, а 1 ноября умер Александр III. Как полагает немецкий исследователь, новый царь, а в еще большей степени - новая железная дорога, способствовали изменению государственной политики, которая отныне определялась необходимостью развития экономики региона.

Строительство железной дороги потребовало заселения безлюдных территорий, соответственно, Николай II потребовал поставить переселенческое дело на «твердые рельсы». 18 (30) марта 1895 г. с высочайшего одобрения принимается решение Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД) о содействии заселению Азиатской России. В 1897 г. фонд так называемых вспомогательных предприятий, направленных на освоение региона, был увеличен с 14 до 21,7 млн руб. Порядок получения разрешений был упрощен, переселенцы получали беспроцентную ссуду сроком на 10 лет, для них были снижены тарифы на железнодорожные перевозки, по пути следования оказывалась медицинская помощь. По заключению К. Виденфельда, железная дорога способствовала дальнейшей интеграции Сибири в общеимперское пространство, позволила сделать ее неотъемлемой частью России.

⁷⁷⁵ Simkhowitsch W.G. Die Feldgemeinschaft in Russland. Eine Beitrag zur Sozialgeschichte und zur Kenntnis der gegenwärtigen wirtschaftlichen Lage des russischen Bauernstandes. Jena, 1898. S.313.

Как отмечает немецкий экономист, вскоре стало ясно, что органы власти оказались не готовы к стремительному росту переселенческого движения, ощущалась нехватка подготовленных участков, поэтому КСЖД уже 20 февраля (4 марта) 1897 г. обязал местные власти по возможности ограничить поток переселенцев; впрочем, речь не шла об отмене правил, действовавших в течение предыдущих 2-х лет; чиновники лишь стали опровергать преувеличенные слухи о благополучной жизни в Сибири.

Как итог, в 1897 г. переселилось только 70 тыс. чел. Тем временем проводились землеустроительные работы, а 1 марта 1898 г. вступил в силу новый железнодорожный тариф, позволивший направить поток переселенцев в малозаселенные районы. В 1898 г. рост переселений возобновился, чему способствовали неурожаи в южных губерниях Европейской России. Количество переселенцев достигло 205 645 чел. в 1898 г., и 218 741 - в 1899 г. Таким образом, отмечает К.Виденфельд, удалось превзойти масштаб переселений в Канаду (в 1883 г. - 133 624 чел.), где были сходные климатические условия, но гораздо более развитая сеть коммуникаций.

В то же время всемерная поддержка оказывалась "ходакам", отправка которых, предусмотренная еще законодательством времен Николая I, была более чем оправданной мерой. К. Виденфельд приводит официальные данные, опубликованные в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1899 г., о том, что в 1897-1898 гг. из Сибири вернулось 73% посланных разведчиков, которые так и не нашли подходящего места, а за 1-ю пол. 1899 г. - 76%.

В целом в рассматриваемой работе К. Виденфельд разделял мнение А.А. Кауфмана, что к исходу XIX в. пик крестьянских переселений в Сибирь уже миновал. Исследователь допускал, что масштабный приток мигрантов мог продолжаться еще какое-то время, но в скором времени ему предстояло если не иссякнуть, то, по крайней мере, сильно уменьшится.

Отсутствие подготовленных участков было не единственным фактором, сдерживавшим переселенцев. Земля не являлась частной собственностью колонистов; она оставалась государственной собственностью, и ее статус мог измениться только гипотетически. Переселенцам предоставлялось право пользования землей на длительный срок, переходившее затем и к наследникам, при этом налог на землю рассматривался как арендная плата. Отсюда следовало предписание, что колонисты, покинувшие свой участок, через 3 года лишались всех прав на него, и правительство снова могло им

распоряжаться по своему усмотрению.

Сложности возникали и во взаимоотношениях между новоселами и старожилами. Переселенцам разрешалось свободно выбирать, «причисляться» ли к уже существующим «обществам» или основывать новые. Если они предпочитали поселиться в старожильческих деревнях, то получали известные преимущества, общаясь с опытными земледельцами, хорошо знавшими местные условия. Однако им при этом нужно было добиться согласия общины и заплатить "входные деньги". Поначалу, когда на местах испытывали нехватку рабочих рук; взнос был небольшой — лишь несколько рублей, однако затем, по мере увеличения потока переселенцев и нехватки земли, сумма достигла 100 руб. и более, и внести ее было под силу лишь немногим, так что новоселам приходилось основывать собственные деревни.⁷⁷⁶

Сохранявшаяся в Западной Сибири общинно-передельная форма землепользования, подушная подать (на момент выхода в свет книги К. Виденфельда — фактически еще не отмененная), круговая порука сильно ограничивали право владельца распоряжаться землей и не способствовали росту заинтересованности в сколько-нибудь существенных затратах труда и капитала.

Как пишет К.Виденфельд, община, которая формально обладала правом распоряжения всей принадлежащей ей землей, пользовалась им, отбирая наделы у одних крестьян и передавая их другим, малоземельным, т. е. переходила к практике земельных переделов, уничтожая тем самым остатки экономической свободы. Разумеется, в сибирских общинах зажиточные крестьяне продолжали еще пользоваться более значительным влиянием, чем в Европейской России. По крайней мере, переделы в густонаселенных деревнях происходили довольно редко, и каждый крестьянин по возможности сохранял за собой участок пашни, который обрабатывался им и ранее.

Тем не менее, все большее число крестьян чувствовали себя стесненными. Прежние владельцы заимок основывали новые хутора за пределами общинной земли. Одновременно в ходе землеустроительных работ производилось отграничение наделов сельских обществ и подготавливались новые участки для переселенцев. К. Виденфельд готов признать, что эти процессы, в конечном счете, шли на пользу освоению наименее

⁷⁷⁶ К. Виденфельд приводит данные из статьи А.А. Кауфмана, согласно которым в Алтайском окр., который и без того был плотно заселен, в период с 1890 по 1892 гг. только 25-35% прибывших были приняты в старые поселения, тогда как в 1884 г. их было 84%, а в 1888/89 гг. - ок. 50%. См.: Kaufmann A.A. Die innere Kolonisation und die Kolonisationspolitik Rußlands nach der Bauernbefreiung // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik // 3. Folge. 1898. Bd 15. S. 441).

пригодных для сельского хозяйства территорий и в целом являлись важным элементом колониационной политики. Впрочем, исследователь призывал не возлагать слишком больших надежд на внутрисибирские переселения, поскольку, с его точки зрения, они не стали массовым явлением. К тому же эффект от них компенсировался ростом населения в старых деревнях.

Однако главным фактором, препятствовавшим успеху крестьянских переселений, исследователь называл низкое качество «человеческого материала» (термин К. Виденфельда). Русские колонисты справлялись с задачами аграрной колонизации в тех местностях, где условия напоминали привычные, похожие на условия в Европейской России⁷⁷⁷, в противном случае русскому крестьянину не доставало, по мнению К. Виденфельда, ни знаний, ни умений, ни желаний, чтобы стать хозяином положения. Отсюда - попытки покинуть выделенный участок (что запрещалось властями), и растущий поток тех, кто решил уехать из Сибири (в 1880-х гг. - начале 1890-х гг. - ок.1000 чел. в год; в 1896-1897 гг. - по 25 тыс. чел.)⁷⁷⁸, за 1-ю пол. 1899 г. - 38268 чел. Нежелание крестьян приспособиваться к новым условиям исследователь объяснял тем, что среднестатистический русский подданный настолько привык к административному "поводку", что нуждался в нем, даже оказавшись в Сибири.

Впрочем, поначалу многих вдохновил сам факт сооружения железной дороги, затраты на которую оправдывалась получением доступа к неслыханным богатствам Сибири. К этому добавились старинные народные предания о Сибири как стране свободы и благоденствия. Все это заставило сотни тысяч человек сорваться с места — лишь затем, чтобы, потеряв значительную часть своего имущества, вернуться в итоге на родину.⁷⁷⁹ В этой связи К. Виденфельд резонно замечал, что наряду с привлечением новых переселенцев, следовало бы найти достойное применение уже имевшимся; отменить круговую поруку, сдерживавшую рост производительности [соответствующее решение будет принято только в 1906 г.- Д.А.]; расширить возможности сбыта произведенной

⁷⁷⁷ Как отмечают В.А. Зверев и А.И. Татарникова, в отечественной исследовательской литературе положение о стремлении переселенцев, прибывших в Сибирь, обосноваться в местностях, сходных по ландшафту и климату с местами их выхода, сформулировал Н.П. Огановский. См.: Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921; Сельское хозяйство России в XX в. Под ред. Н.П. Огановского. М., 1923; Зверев В.А., Татарникова А.И. Развитие сельской поселенческой сети Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX века: историография темы // Современное историческое сибиреведение XVII - начала XX в.: к 60-летию юбилею В.А. Скубневского: Сб. науч. тр. Барнаул, 2005.

⁷⁷⁸ Simkhowitsch W.G. Die Feldgemeinschaft in Russland. Eine Beitrag zur Sozialgeschichte und zur Kenntnis der gegenwärtigen wirtschaftlichen Lage des russischen Bauernstandes. Jena, 1898. S.313.

⁷⁷⁹ Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirthschaftlichen Bedeutung. Berlin, Heidelberg, 1900.S.117.

продукции, в том числе за счет развития местной индустрии и увеличения численности городского населения. Впрочем, это была самостоятельная задача, для решения которой, по мнению К.Виденфельда, российское правительство не предпринимало никаких заметных практических шагов. К тому же, он высказывал сомнения относительно того, что крестьянское население Сибири в состоянии выделить из своей среды достаточное количество промышленных рабочих.⁷⁸⁰ Привлечению же иностранной рабочей силы, прежде всего, китайской, мешали политические соображения.

В итоге немецкий экономист предложил собственное, довольно неожиданное решение — сохранить уголовную ссылку (несмотря на то, что согласно царскому указу от 7(19) мая 1899 г. ее упразднение уже стояло в повестке дня), учитывая, что ссыльные и каторжане играли весьма значительную роль в промышленном производстве Сибири.⁷⁸¹ Решение властей об отказе от штрафной колонизации К.Виденфельд считал поспешным, а освещение положения ссыльных в прессе и литературе — необъективным. По его мнению, Н.М.Ядринцев и Дж.Кеннан в своих трудах руководствовались «исключительно односторонним подходом, в основу которого положена гуманистическая сентиментальность, ни в малой степени не учитывающая государственные нужды». Дж. Симпсон продемонстрировал более взвешенный подход, но он в лишь в малой степени затрагивал вопрос об экономическом значении ссылки и каторги в Сибири.

В восприятии К. Виденфельда, Россия была азиатской империей, в которой «отдельная человеческая жизнь не представляла никакой ценности». Об этом, по его мнению, вполне свидетельствовал «уровень культурного развития большинства населения», равно как «представления о дозволенном и недозволенном», которые разделялись высшими слоями общества, несмотря на весь их внешний «европейский лоск». Исследователь допускал, что в отдаленном будущем, когда в Сибири появится избыток свободной рабочей силы, от принудительного труда можно будет отказаться, однако до тех пор «лучше иметь ссыльных работников, чем не иметь никаких». По его мнению, это стало бы «неоправданной жертвой» и проявлением «гипертрофированной сентиментальности» - «в

⁷⁸⁰ Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung. Berlin, Heidelberg, 1900.S.119.

⁷⁸¹ По мнению современного исследователя А.А. Иванова, ссыльных вполне можно считать основным источником формирования промышленного пролетариата Сибири в XIX в. Тем не менее, по мере развития промышленного и сельскохозяйственного потенциала региона, система организации ссылки и каторжных работ, оставшаяся практически в неизменном виде, выступала сдерживающим фактором при переходе от традиционного аграрного уклада к преимущественно промышленному. См.: Иванов А.А. Уголовная ссылка в Сибири в XVII – XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 1 (27). 2014. С.42-53.

уходу гуманистическим взглядам Западной Европы пожертвовать экономическими интересами региона». К. Виденфельд соглашался, что сооружение железной дороги, безусловно, открывало большие возможности для колонизации региона, однако подчеркивал, что процесс будет развиваться очень медленно и постепенно, и пройдет немало времени, прежде чем сибирская промышленность получит достаточное количество рабочих рук. В целом перспективы социально-экономического развития Сибири немецкий экономист оценивал как далеко не такие блестящие, как их порой рисовали «мечтатели, чуждые критики».

Следующий этап крестьянский переселений в Сибирь и на Дальний Восток, связанный с проведением столыпинской аграрной реформы, анализировал другой немецкий исследователь начала XX в. - Вильгельм Клумберг⁷⁸², защитивший в 1914 г. в Цюрихе диссертацию по теме «Русская колонизация в Сибири».⁷⁸³ В своей работе В. Клумберг широко использовал сравнительный метод, сопоставляя колонизационные процессы на востоке России с колонизацией различных регионов Европы и Северной Америки.⁷⁸⁴ Разнообразные статистические данные были им почерпнуты из публикаций дореволюционных российских экономистов (В.В. Кирьякова, П.П. Маслова, А.И. Чупрова, А.А. Кауфмана). В. Клумберг также привлекал материалы из сборника «Вопросы колонизации» и из работы Г. Крамера, посвященной Транссибу и включенной в 3-й том его известного серийного издания «Россия в Азии».⁷⁸⁵

В представлении В. Клумберга, колонизационные процессы неразрывно связаны с миграциями, которые имеют «общечеловеческое значение, поскольку способствуют

⁷⁸² В.Клумберг - выходец из Российской империи, уроженец Риги, в конце 1930-х- начале 1940х гг. - директор Института восточных исследований Кёнигсбергского университета.

⁷⁸³ Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich 1914. (Diss.). Zürich, 1914.

⁷⁸⁴ В историографии отмечается, что для западных авторов в целом характерно стремление вписать аграрную историю России в общемировой контекст. Развивая мысль Т. Скокпол о том, что социальные революции невозможно объяснить без систематического соотнесения с международными структурами и мировым историческим процессом, Т.Шанин и Б.Эклоф рассматривают черты российского крестьянского быта как региональные вариации глобальной крестьянской культуры и считают необходимым воспринимать историю русского крестьянства рубежа XIX-XX вв. как часть глобального исторического материала, не считая их неким «отклонением» от европейского образца (который сам является одним из «отклонений» в мировой истории). Им вторит С.Хок, утверждающий, что круговая порука, чересполосица, периодические переделы земли представляли собой разновидности приемов «уклонения от рисков», общие для крестьянства многих стран. См.: Scocpol Th. States and Social Revolutions. New York, 1979; Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas, 1988. Bd. 36. H.1. S.57-79; Хок С. Мальтус: Рост населения и уровень жизни России: 1861-1914 годы // ОИ. 1996. № 2. С.28-54.

⁷⁸⁵ Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). М., 1902.; Чупров А.И. Мелкое земледелие в России и его основные нужды. М., 1913; Маслов П.П. Аграрный вопрос в России. СПб., 1908; Вопросы колонизации. Вып. 2. СПб, 1907; Кауфман А.А. Переселения и колонизация. СПб., 1905; Krahrmer G. Sibirien und die grosse sibirische Eisenbahn. Leipzig, 1900.

распространению достижений европейской цивилизации». Автор снабдил свою работу кратким историческим очерком истории колонизации Сибири в XVII-XIX вв., выделяя в ней два направления — вольно-народную и правительственную (государственную), но, в отличие от К. Виденфельда, ведущую роль в XVII-XVIII в. отвел не крестьянам, а служилым людям. По мнению немецкого исследователя, до середины XIX доминирующей силой в освоении региона было государство, активно применявшее методы штрафной колонизации.

Характеризуя политику правительства в отношении Сибири в XIX в., В. Клумберг во многом воспроизводит схемы и оценки, содержащиеся в трудах В.В. Кирьякова и А.А. Кауфмана, автор упоминает о предложениях М.М. Сперанского по возобновлению добровольных переселений в Сибирь, которые нашли отражение в указе от 10 апреля 1822 г. Данным указом позволялось всем государственным крестьянам из губерний, страдавших от малоземелья, после уплаты всех недоимок водвориться на землях Сибирских губерний, вселившись в общины старожилов или основав собственные поселения. Указ не имел серьезных последствий для региона, как и вся Сибирская реформа М.М. Сперанского, который, определению В. Клумберга, не сумел искоренить злоупотребления, но все же «прояснил характер взаимоотношений общества и власти в Сибири».

Значительной вехой в истории сибирских переселений автор называет указы о переселениях, принятые в 1840-1850-х гг. по инициативе гр. П.Д. Киселева (В. Клумберг, в частности, упоминает указ от 8 апреля 1843 г., который предусматривал отведение новоселам 15 дес. земли в степных районах и не менее 8 дес. - в лесных, предоставление льгот и пособий; а также указы 1850-х гг., направленные на заселение Сибири и Дальнего Востока). Однако в 1860-е гг. курс П.Д. Киселева не был продолжен, что В. Клумберг увязывал не столько с общим изменением внутривластного курса в условиях масштабных реформ, сколько с личностью гр. М.Н. Муравьева, возглавившего МГИ в 1857 г.

В отличие от К. Виденфельда, В. Клумберг не склонен давать сугубо негативную оценку последствиям крестьянской реформы 1861 г. Главным ее результатом, по мнению исследователя, стало создание класса свободного крестьянства, что, в свою очередь, способствовало формированию нации, поскольку «ярмо рабства было сброшено». Не создав идеальных условий, реформа все же дала крестьянам землю, пусть и в урезанном

виде. Вместе с тем, вслед за В.В. Кирьяковым, В. Клумберг признал, что правительство в течение следующих двух десятилетий исходило из убеждения, что крестьяне более не нуждались в какой-либо опеке, и игнорировало переселенческий вопрос. В отсутствие государственной поддержки и вопреки сопротивлению помещиков, не желавших лишаться рабочей силы, крестьяне все же решались на самовольные переселения, и делали это все чаще, чему весьма способствовали малоземелье и недоедание.

В. Клумберг обозначил 1880-е — начало 1890-х гг. как особый период, ознаменовавшийся вынужденными возвратом правительства к политике регулирования и регламентирования переселенческого движения, о чем свидетельствовали «Временные правила» 1881 г. и закон 1889 г. Разрешения на переезд выдавались, в первую очередь, тем крестьянам, кого вынуждало к этому экономическое положение, и лишь с учетом наличия готовых участков. Впрочем, и в этот период голод и нужда оказались сильнее любых законов, способствуя неуклонному росту самовольных переселений.

Немецкий исследователь определяет основные факторы, обусловившие рост крестьянских переселений во второй половине XIX – начале XX вв.: 1) малоземелье (вследствие неудовлетворительного распределения наделов в 1861 г., а также роста численности населения); 2) семейные разделы (с передачей наделов по наследству) или разделы земельного имущества при его покупке и продаже; 3) рост цен на землю (зачастую земля приобреталась в рассрочку, и это вело к еще большему росту цен), 4) налоговый гнет, 5) неурожаи и голод 1891-1892 гг. Однако важнейшим фактором являлся аграрный кризис, обострившийся на рубеже XIX-XX вв.⁷⁸⁶

В.Клумберг разделял точку зрения российских либеральных экономистов (в частности, А.А. Кауфмана), что главная причина кризиса заключалась в низком агротехническом уровне крестьянских хозяйств, а выход видел в модернизации и интенсификации сельскохозяйственного производства.⁷⁸⁷ Немецкий экономист подчеркивал, что в некоторых европейских странах среднедушевой надел был меньше, чем в России, но общие показатели аграрного производства — значительно выше. Объяснял он это

⁷⁸⁶ В числе факторов, способствовавших крестьянским переселениям в указанный период, современный отечественный историк Д.Н. Белянин также называет 1) обезземеливание крестьян (чему способствовал рост платежей и повинностей, низкое качество земельных наделов, борьба общин с маломощными хозяевами); 2) измельчение наделов (в ходе реализации реформы 1861 г., вследствие роста численности крестьянского населения и семейных разделов); 3) аграрный кризис, обусловленный относительным малоземельем крестьян, низким уровнем агрикультуры, кризисом трехпольной системы. См.: Белянин Д.Н. Факторы крестьянских переселений в Сибирь во второй половине XIX - начале XX вв.// Вестник Томского государственного университета. 2014. No. 378. С.100-107.

⁷⁸⁷ Подробнее см.: Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890-1920-е гг.: Материалы к монографии. Новосибирск, 2007.

разницей в развитии производительных сил и интенсивности обработки земли. Деньги, которые русские крестьяне расходовали на аренду дополнительных участков земли, по мнению В.Клумберга, следовало бы потратить на более качественные семена и удобрения.

Новый этап переселенческого движения немецкий исследователь связывал с сооружением Транссибирской магистрали (считая решение о ее строительстве безусловной личной заслугой Александра III), но отметил, что во второй половине 1890-х гг. все большее число переселенцев возвращалось на родину: «Им не нужны были тайга и степь, им нужна была свободная земля, целина, на которой можно было заниматься примитивными экстенсивными формами земледелия; земля, приносящая доход без больших затрат капитала».

В числе других важных причин, вынуждавших крестьян уезжать из Сибири, В. Клумберг называет, с одной стороны, недостатки в организации работ по нарезке участков и землеустройству; с другой - минимальные размеры ссуд, выдававшихся государством, которых было недостаточно для покупки инвентаря и эффективного ведения хозяйства. Немаловажное значение имели и непривычные условия жизни, низкое качество почвы, а также неурожай первых лет.

В начале XX в. в правительственных кругах начали распространяться новые настроения, которые позволяли надеяться на развитие и расширение переселенческой политики и появление либеральных идей в законодательстве. Выработке нового взгляда на переселенческий вопрос способствовала инспекционная поездка министра финансов С.Ю. Витте на Дальний Восток, совершенная им в 1902 г. в целях изучения на месте перспектив колонизации региона. Министр возлагал большие надежды на мелиоративные и землеустроительные работы; планировал меры по содействию переселениям, расширение компетенции переселенческих комиссий, финансирование медицинских и санитарных служб, развитие коммуникаций, в том числе строительство железных, гужевых и автомобильных дорог.

Все эти идеи были изложены им в отчете, который лег в основу "Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев на казенные земли", принятых 6 июня 1904 г. Новый закон свидетельствовал об определенном прогрессе в колонизационной политике, поскольку более не предусматривал возможности резких запретов на переселения. Впрочем, документ лишь в самых общих чертах определял порядок переселений, а ответственность за их организацию возлагалась на

местную администрацию.

По прошествии всего лишь двух лет, в условиях резко изменившейся внутривнутриполитической обстановки, указом 10 марта 1906 г. объявлялась свобода переселений при всемерной государственной поддержке. К этому закону примыкал указ от 9 ноября 1906 г., дополнявший положения царского манифеста от 3 ноября 1905 г. о прекращении взимания выкупных сумм за земельный надел с 1 января 1907. По новому указу крестьянам, укрепившим наделы в личную собственность, предоставлялось право свободного выхода из общины, тем самым отменялся закон 1893 г. о ее неприкосновенности. Продав свой надел, крестьянин получал средства на переселение в Сибирь.

В. Клумберг отмечает, что несмотря на возросший поток переселенцев, число возвратившихся в Европейскую Россию также неуклонно возрастало, достигнув пика в 1909 г. (по данным отчета Переселенческого управления, в этом году на родину вернулось до 20% переселенцев). Доводы чиновников, объяснявших отток переселенцев плохими урожаями, не показались исследователю исчерпывающими. По мнению В. Клумберга, неурожаи неизбежны до тех пор, пока крестьяне не перестанут вести хозяйство хищническими способами. Исследователь привел точку зрения, распространенную в литературе того времени, что русский крестьянин не мог оторваться от устаревшей системы обработки земли, направляя все силы исключительно на расширение своего хозяйства и уклоняясь от любой более высокой, интенсивной формы земледелия, и даже выражая готовность переселиться в другую местность⁷⁸⁸. При этом В. Клумберг сравнил аграрное развитие Сибири и канадской Манитобы, где фактор суровых климатических условий компенсировался применением передовых способов хозяйствования и выращиванием твердых сортов яровой пшеницы.⁷⁸⁹

В числе проблем, препятствовавших успешному аграрному развитию края, исследователь называл отсутствие должной агрономической и организационной помощи; недостаточно развитые коммуникации; удаленность от мирового рынка и отсутствие крупных центров потребления сельскохозяйственной продукции в самой Сибири; низкий культурный уровень крестьянства. Немецкий экономист считал ошибкой стремление

⁷⁸⁸ Данную точку зрения разделяют и некоторые современные отечественные историки. См. напр.: Афанасьев Ю.Н. Как России заново обрести свою историю // Судьбы российского крестьянства. М., 1996.

⁷⁸⁹ Источник сведений, приведенных В.Клумбергом: Sering M. Die Landwirtschaftliche Konkurrenz Nord-Amerikas. Leipzig, 1887. S.341.

российских властей расширить в Сибири крупное частное землевладение и призывал привлечь общественность к участию в колонизационной работе, в том числе путем введения земств. В целом В.Клумберг пришел к выводу, что регион «вследствие беспринципной колонизаторской политики находится в печальном состоянии», а предпринятые правительством меры оказались несостоятельными.

В немецкой исследовательской литературе начала XX в. встречались и другие оценки итогов переселенческого движения и правительственных мероприятий периода столыпинских реформ. Так, О.Хетцш и К.Дице поддержали решение правительства об отмене с марта 1906 г. ограничений на переселения, полагая, что в перспективе это благотворно скажется на развитии региона⁷⁹⁰. К.Виденфельд дал в целом позитивную оценку итогов переселенческого движения к началу 1910-х гг.,⁷⁹¹ Ему вторил М. Шлезингер, который, впрочем, указал и на ряд серьезных проблем: нехватку специалистов (в частности, землемеров); недостаточную информированность переселенцев о наличии пригодных земель; трудности обустройства новоселов на новом месте, вследствие чего значительная их часть возвращалась на родину.⁷⁹²

Для немецкой историографии 1920-х-1940-х гг., характерен определенный спад интереса к экономической истории России и Сибири. Среди немногих исследований, посвященных данной теме, следует упомянуть диссертацию Х.-Ю. Серафима⁷⁹³ «Русская аграрная колонизация Западной Сибири», которую автор защитил в 1923 г. в Лейпцигском университете. Опираясь на труды Н.М.Ядринцева, Б.Э. Петри, Н.П. Огановского, А.А. Кауфмана, немецкий историк признал, что несмотря на усилия правительства по колонизации Сибири, предпринимавшиеся с середины 1880-х гг., экономика региона развита крайне слабо. Главную причину такого положения дел автор, как в свое время и К.Виденфельд, усматривал в «человеческом факторе»: «Здесь нет созидającego человека, способного поднять и использовать на благо общества все те богатства, которые ныне

⁷⁹⁰ Dietze C. Stolypinsche Agrarreform und Feldgemeinschaft. Berlin, 1920. S.69-70; Hoetzsch O. Russland. Eine Einfuehrung auf Grund seiner Geschichte vom japanischen bis zum Weltkrieg. Berlin, 1917. S.304-307.

⁷⁹¹ Wiedenfeld K. Russlands Stellung in der Weltwirtschaft // Russlands Kultur und Volkswirtschaft. Berlin-Leipzig, 1913.

⁷⁹² Schlesinger M.L. Russland im XX Jahrhundert. Berlin, 1908. S.199-201. Подробнее см.: Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX - начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. мат. регионал. науч. конф. Новосибирск, 2007. С.41-49.

⁷⁹³ Серафим Х.-Ю. (1899-1962) — немецкий историк, специалист в области экономической истории, выходец из Российской империи (уроженец Риги), в разное время — сотрудник Лейпцигского университета, Института Восточной Европы в Университете Бреслау, Вестфальского университета им. Вильгельма в Мюнстере.

большей частью лежат нетронутыми и ждут освоения».⁷⁹⁴

Сходную оценку итогов крестьянских переселений на рубеже XIX – XX вв. дал американский историк, профессор Колумбийского университет Дж.Т. Робинсон. В своем известном труде «Сельская Россия при старом режиме»⁷⁹⁵, опубликованном в 1932 г., Дж. Робинсон заметил, что колонизация Сибири в пореформенный период мало способствовала решению аграрного кризиса. Впрочем, аграрная история Сибири не являлась для него предметом специального рассмотрения, а данные о Сибири историк почерпнул в основном из работ Н.П. Огановского и А.А. Кауфмана.

По наблюдениям современного исследователя О.В. Ефимова, изучавшего англо-американскую историографию столыпинских реформ, для англоязычных исследований, опубликованных в 1-й половине XX в., характерна слабая аналитичность, склонность к описательности; недостаток источников отчасти компенсировался использованием работ дореволюционных и советских историков (нередко — их простой компиляцией). Примером такого подхода служит статья русского эмигранта А.В. Байкалова⁷⁹⁶ «Завоевание и колонизация Сибири», опубликованная в 1932 г.⁷⁹⁷ Воспроизводя общую схему колонизации Сибири в XIX – XX вв. (примерно в том же виде, в каком она приводится в работах К. Виденфельда и В. Клумберга), автор не ставил под сомнение успехи и перспективы экономического развития региона в дореволюционный период.

А.В. Байкалов писал: «После строительства Транссибирской магистрали экономическое и культурное развитие страны стремительно прогрессировало и будущее Сибири представлялось в радужных тонах. К сожалению, данный процесс был прерван Великой войной и большевистской революцией. Но эти времена пройдут, и Сибирь, которая уже сделала первые шаги на пути экономического и культурного прогресса, сможет быстро возродиться и осуществить пророчества, сделанные многими западными

⁷⁹⁴ Seraphim H.-J. Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland. Jena, 1923. S.3.

⁷⁹⁵ Robinson G.T. Rural Russia Under the Old Regime. Berkeley; Los Angeles, 1972. P.110.

⁷⁹⁶ Байкалов А.В. (1882-1964) — участник революционного движения, с 1918 г. - в эмиграции, писатель, общественный деятель, журналист, редактор газеты «Русский в Англии», сотрудник «Русской мысли» и журнала «Часовой».

⁷⁹⁷ Baikalov, A. V. The Conquest and Colonization of Siberia // The Slavonic and East European Review. 1932. Vol.10. No. 30. P.557-571. В 1955 г. будущий директор Института Кеннана Г. Дж. Эллисон под руководством Х.Сетон-Уотсона защитил в Школе славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета докторскую диссертацию, посвященную истории крестьянской колонизации Сибири в конце XIX – начале XX вв. К сожалению, текст диссертации остался неопубликованным; результаты исследования также не были изложены на страницах печатного органа Школы — журнала The Slavonic and East European Review. См.: Ellison H.J. Peasant colonization of Siberia: a study of the growth of Russian rural society, with special emphasis on the years 1890 to 1918: PhD thesis. London University, 1955.

наблюдателями, которые были способны путешествовать по ее огромным просторам и изучать ее природные условия. С ее практически нетронутым и почти неисчерпаемым природными богатствами, Сибирь действительно является "землей надежды", как ее назвал покойный д-р Фритъоф Нансен, который посетил Сибирь в 1913 г.»⁷⁹⁸

Таким образом, в своей оценке прогрессивного развития Сибири в дореволюционный период А.В. Байкалов предвосхитил концепции многих западных исследователей середины XX в., рассматривавших историю Сибири с позиций теории «модернизации». О.В. Ефимов определяет конец 1950-х-1960-е гг. как переходный период в истории англо-американской историографии, посвященной аграрной истории пореформенной России. Данный период характеризовался использованием «универсальных теорий» (модернизации, стадий экономического роста и стадий экономической отсталости), разработка которых дала исследователям современную терминологию и позволила обозначить ключевые исследовательские проблемы.⁷⁹⁹

В зависимости от оценок итогов и перспектив социально-экономического развития дореволюционной России, О.В. Ефимов условно разделяет британских и американских историков середины XX в. на два направления - «оптимистов» (Л.И. Страховский, Дж. Яни), полагавших, что у России был шанс осуществить модернизацию и избежать революционных потрясений, и «пессимистов» (В. Моссэ, Л. Хэймсон, Т. фон Лауэ), по мнению которых Россия была обречена.⁸⁰⁰

⁷⁹⁸ Baikalov, A. V. The Conquest and Colonization of Siberia // *The Slavonic and East European Review*. 1932. Vol.10. No.30. P.571.

⁷⁹⁹ Strakhovsky L.I. The statemanship of Peter Stolypin: a reappraisal // *The Slavonic and East European Review*. 1959. Vol. XXXVII. №89; Laue T., von. The Chances for Liberal Constitutionalism // *Slavic Review*. 1965. Vol. XXIV. No. 1; Mosse W.E. Stolypin's Villages // *The Slavonic and East European Review*. 1965. Vol. XLIII. №101; Haimson L. The problem of social stability in urban Russia, 1905-1917 // *Slavic Review*. 1964, 1965. Vols. XXIII-XXIV. No. 4; Yaney G.L. The Concept of the Stolypin Land Reform // *Slavic Review*. 1964. Vol. XXIII. No.2; Yaney G.L. Some Aspects of the Imperial Russian Government on the Eve of the First World War // *The Slavonic and East European Review*. 1964. Vol. XLIII. No. 100; Yaney G.L. The Systematization of Russian Government. Social Evolution in the Domestic Administration of Imperial Russia, 1711-1905. Urbana, Chicago, London, 1973; Yaney G.L. The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia 1861-1930. Urbana, Chicago, London, 1982.

⁸⁰⁰ Во многом эти дискуссии по своей остроте и содержанию напоминали споры о содержании и значении Столыпинской аграрной реформы, развернувшиеся в отечественной историографии в постсоветский период. Так, негативно итоги Столыпинской аграрной реформы оценивали В.П. Данилов, А.М. Анфимов, И.Я. Фроянов; позитивную оценку давали А.П. Корелин и К.Ф. Шаццлло, применительно к Сибири — И.В. Островский, П.Н. Зырянов, В.Г. Тюкавкин, В.А. Ильиных и Г.А. Ноздрин. См.: Островский И.В. П.А. Столыпин и его время. Новосибирск, 1992; Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М., 1992; Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001; Корелин А.П., Шаццлло К.Ф. П.А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Судьбы российского крестьянства. М., 1996; Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). СПб., 1997; Ланской Г.Н. Современные историографические концепции аграрной истории России второй половины XIX - начала XX вв.: традиции и новаторство // Новый исторический вестник, 2006. No. 1 (15). С.28-45; Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890-1920-е гг.: Материалы к монографии. Новосибирск, 2007.

Сходные тенденции отмечаются исследователями и в развитии немецкоязычной историографии 1950-х-1970-х гг. По наблюдениям А.Г. Дорожкина, работам, опубликованным в этот период, присуща компилятивность и ограниченный круг использованных историков. В западногерманской историографии также развернулись дискуссии между «оптимистами» и «пессимистами», но в целом преобладал «пессимистический» взгляд на социально-экономическое развитие России в дореволюционный период (Ю. Нецольд, Б. Бонвеч, К. Функен, Д. Гайер, Х. Хауманн, М. Хильдермайер)⁸⁰¹.

Под влиянием народнических и марксистских установок большинство историков оценивали состояние сельского хозяйства в 1861-1905 гг. как затяжной кризис, связанный с низкой урожайностью крестьянских хозяйств, нехваткой средств для улучшения агрикультуры, ростом малоземелья. В равной мере «пессимистичные» оценки давались состоянию аграрного сектора Сибири на рубеже XIX-XX вв. Так, Ю. Нецольд, акцентировал внимание на проблемах организации крестьянских переселений, подчеркивая невозможность разрешить аграрный вопрос такими методами⁸⁰².

Несмотря на широкое применение «модернистских» подходов, западногерманские историки 1950-х-1970-х гг. оценивали их критически, подчеркивая роль идеологических и социально-психологических факторов в процессе перехода к индустриальному обществу, альтернативность и многовариантность путей модернизации (по заключению А.Г. Дорожкина, во многом такие оценки напоминали идеи представителей «нового направления» в СССР).⁸⁰³

⁸⁰¹ Bonwetsch B. Handelspolitik und Industrialisierung. Zur aussenwirtschaftlichen Abhaengigkeit Russlands. 1890-1914. // *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionaeren Russland*. Koeln, 1975. S. 277-299; Bonwetsch B. *Die russische Revolution 1917: eine Sozialgeschichte von Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumstuerz*. Darmstadt, 1991; Noetzold J. *Wirtschaftspolitische Alternative der Entwicklung Russlands in der Aera Witte und Stolypin*. Berlin (W.), 1966; Noetzold J. *Agrarfrage und Industrialisierung in Russland im Vorabend des 1. Weltkrieges* // *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionaeren Russland*. Koeln, 1975. S. 228-251; Funken K. *Die oekonomischen Voraussetzungen der Oktoberrevolution. Zur Entwicklung des Kapitalismus in Russland*. Frankfurt a. Main; Zuerich, 1976; Geyer D. *Der russische Imperialismus. Studien ueber Zusammenhang von innerer und auswaertiger Politik. 1860-1914*. Goettingen, 1977; Haumann H. *Kapitalismus im zaristischen Staat. Organisationsformen, Machtverhaeltnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozess*. Konigstein, 1980; Hildermeier M. *Die russische Revolution 1905-1921*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1989. 350 S.

⁸⁰² Noetzold J. *Wirtschaftliche Alternativen der entwicklung Russlands in der Aera Witte und Stolypin*. Berlin (W.), 1966. S.59-64, 94-97.; Дорожкин А.Г. *Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX - начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы* // *Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. мат. регионал. науч. конф.* Новосибирск, С.41-49.

⁸⁰³ В частности, к прогрессивным тенденциям развития аграрного сектора большинство западногерманских исследователей относили расширение крестьянского землевладения, однако Ю. Нецольд при этом отмечал, что темпы роста сельского населения России опережали темпы роста крестьянского землевладения, к тому же положение разных категорий крестьянства после реформы 1861 г. было неодинаковым — государственные

В американской историографии середины XX в. сторонником концепции «модернизации» являлся М.М. Карпович, идеи которого развивал его ученик Д.Тредголд, опубликовавший в 1957 г. монографию по истории крестьянских переселений в Сибирь в пореформенную эпоху.⁸⁰⁴ В своих теоретических построениях Д. Тредголд объединил элементы «модернизационной» и «колониационной» парадигм с теорией «фронттира». Основные положения теории «фронттира» в конце XIX в. сформулировал американский историк Ф.Дж. Тернер⁸⁰⁵, который полагал, что именно наличие фонда свободных земель, а также постепенный сдвиг границы неосвоенных территорий на запад по мере притока переселенцев служат главным объяснением хода американской истории. Под влиянием «фронттира» формировалась «смешанная национальность», развивался национализм, секционализм, демократия и индивидуализм.

Некоторые критики теории указывали на тот факт, что все вышеперечисленные феномены в определенной степени существовали и до переселения колонистов на Запад, или же сформировались под влиянием других факторов, а не одного лишь процесса колонизации. С точки зрения Д. Тредголда, доказательства такого рода не опровергают выводы Ф.Дж. Тернера, хотя и показывают, что тому следовало быть осторожнее с определением "фронттира" как универсального явления и яснее высказываться о той роли, которую играет культурное наследие, а также из каких истоков формируются те или иные институты.

Не имея возможности работать в архивах СССР, американский историк использовал широкий круг публикаций дореволюционных и советских исследователей, сборники статистических материалов, периодическую печать. По признанию самого Д. Тредголда, в своем исследовании он стремился, в первую очередь, провести сравнение между освоением американского и сибирского «фронттиров». Для Д. Тредголда несомненно, что переселения крестьян в восточные регионы России во многом напоминали покорение американского Запада.

Сибирь заселяли бывшие крепостные, бежавшие от угнетения и нищеты, и даже после

крестьяне оказались в более благоприятном положении, нежели бывшие помещицы, потерявшие часть своих земель и обремененные выкупными платежами. Об этом же писал и советский историк А.М. Анфимов. См.: Анфимов А.М. Некоторые данные об изменениях экономического положения крестьян разных разрядов в конце XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С.218-235.

⁸⁰⁴ Treadgold D. The Great Siberian Migration: Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, 1957.

⁸⁰⁵ Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History. Report of the American Historical Association for 1893. Washington, 1893.

1861 г. освобожденные крестьяне часто уходили от правовых ограничений и бедности. В действительности, у русских было куда больше причин для бегства на восток, чем у европейцев, бежавших на запад, в Америку; при том что на новых землях русские переселенцы приобретали куда меньше, чем жители Америки. Тем не менее, подобно американским пионерам, русские крестьяне добровольно шли на риск и покидали привычное место жительства, отправляясь в неизведанную даль в поисках лучшей доли.

Д. Тредголд признавал, что Сибирь не знала некоторых явлений, характерных для американского «фронта». Взаимоотношения пришлого и коренного населения в Сибири были куда менее проблематичными, чем в Северной Америке, отчасти потому, что русские обращались с инородцами значительно лучше, чем американцы с индейцами, отчасти потому, что сибирские аборигены, как правило, не были слишком воинственными; но во многом и потому, что проживали они преимущественно не в районах аграрного освоения. Проблемы начали возникать по мере заселения русскими степей Центральной Азии, что, в частности, привело к масштабному восстанию в 1916 г.

При всех различиях, в Сибири сложился социум, более похожий на тот, что сформировался в США, нежели в Европейской России. Сибиряки проявляли куда большую самостоятельность, а их социальные связи отличались куда большей гибкостью, чем в остальных регионах Российской империи. На примере сибирского крестьянства российские власти, а также крестьяне из других регионов, могли увидеть, какого уровня благополучия они в принципе могли бы достигнуть.

Вообще, как отмечает Д. Тредголд, миграция населения в Сибирь была частью более широкого процесса, разворачивавшегося в России в течение XIX – начале XX вв., когда, благодаря реформам Александра II, на смену сословному обществу, с законодательно закрепленной социальной стратификацией, постепенно приходило общество, руководствовавшееся принципом равенства граждан перед законом. По мнению американского историка, крестьянство, как и остальные социальные классы России, в рассматриваемый период эволюционировало в сторону юридического и экономического равенства.

В конце XIX – начале XX в. важным аспектом аграрной политики правительства являлось содействие землеустройству крестьян, а одной из целей Столыпинской реформы – формирование слоя юридически свободных фермеров, владевших земельной собственностью. Постепенно царским чиновникам стала очевидна возможная и

фактическая взаимосвязь между землеустройством в Европейской России и переселениями в Сибирь.

Д. Тредголд полагал, что, при всей деспотичности самодержавия, правительство сумело осознать и возглавить прогрессивный общественный процесс, связанный с крестьянскими переселениями. В то же время революционная интеллигенция, идейно приверженная прогрессивным политическим и социальным изменениям, страстно противилась этому процессу, отчасти по той причине, что считала самодержавие своим заклятым врагом, но, прежде всего, потому что опасалась, развития частной собственности, которая станет препятствием на пути утверждения социализма – в той или иной его форме.

Характеризуя итоги сибирских переселений, Д. Тредголд утверждал, что крестьяне смогли получить землю, и свободу в больших масштабах, чем когда-либо ранее. Переселенцы, как правило, называли главной причиной своего решения о переезде «нехватку земли», но, как отмечает американский историк, если именно это было главным мотивом, то крестьяне вполне могли бы взять дополнительный участок земли в аренду. Конечно, арендованная земля требовала больших трудовых и денежных затрат, но перед переселенцами стояли куда более серьезные задачи – кроме всего прочего, они должны были порвать со своим прошлым и прошлым своих предков, со всей привычной жизнью, дававшей ощущение безопасности и предсказуемости.

По мнению американского историка, помимо земли миллионы крестьян искали свободы, и возможность ее обретения являлась тем стимулом, который побуждал их срывать с насиженных мест и рисковать всем, что у них было. Никому в истории так и не удалось отделить свободу «экономическую» от свободы «политической», ни тем, кто пытался разобраться в сокровенных мечтах и надеждах каждого индивида, ни тем, кто хотел создать идеальное государство и общество. Угнетение и несчастья так и не смогли истребить в крестьянине желание обрести «землю и волю».

Стремление крестьян найти в далеком краю землю в определенной степени отражало кризис общинного землепользования с его трехпольным севооборотом в центральных и южных губерниях России. Вслед за А.А. Кауфманом, Д. Тредголд называл главной причиной переселений рост численности населения и низкий агротехнический уровень крестьянских хозяйств. Переселение в Сибирь показало каждой крестьянской семье, какими путями она может достичь своих целей. Для российского крестьянства

переселения имели двоякий эффект: в европейских губерниях они стали катализатором эффективного землеустройства; в Сибири – ярким примером стремительного роста сельскохозяйственного производства, со всеми вытекающими отсюда социальными и экономическими выгодами, при этом американский историк указывал на трудовой характер крестьянских хозяйств в Сибири.

В заключительной части своей работы Д. Тредголд задался вопросом, можно ли говорить о развитии демократии и индивидуализма в Сибири в рассматриваемый исторический период? На уровне сельских миров в Сибири существовала давняя традиция самоуправления, как и в Европейской России. Несмотря на то, что сельская община как инструмент организации аграрного производства практически перестала существовать, сельский сход продолжал функционировать как орган демократии, при этом в Сибири, где не было поместного дворянства, в дела сельских миров власть почти не вмешивалась. Однако историк вынужден признать, что демократия в смысле прямого народного участия в формировании властных органов так и не была в полной мере реализована.

Монография Д. Тредголда получила самую высокую оценку в западной историографии – например, в работах В. Конолли, П. Дибба, Т. Армстронга, Н. Поппе, Дж. Гибсона, Б. Андерсон⁸⁰⁶. В то же время концепцию Д. Тредголда критиковали советские историки, упрекавшие американского исследователя в стремлении «американизировать» Сибирь, доказать «преимущества буржуазных методов хозяйственного освоения», «ненужность» и «невозможность» революционного пути решения аграрного вопроса; отмечали идеализацию Д. Тредголдом переселенческой политики царизма, отрицание им процесса социального расслоения и разложения сибирской деревни и преувеличение значения географического фактора⁸⁰⁷

⁸⁰⁶ Conolly V. Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia. London, 1967; Poppe N. The Economic and Cultural Development of Siberia // Russia Enters the Twentieth Century 1894–1917. London, 1971; Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965; Dibb P. Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects. New York; London, 1972; Gibson J.R. The Significance of Siberia to Tsarist Russia // Canadian Slavonic Papers. 1972. Vol. 14. No. 3. P. 442–449; Anderson B. Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton, 1980.

⁸⁰⁷ Федоров В.А. История заселения Сибири в интерпретации реакционного американского историка // История СССР. 1959. № 4. С. 200–203; Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы сталинской аграрной реформы. Л., 1962; Панкратова М.Г. Проблематика русской революции в американской русистике // Историческая наука и некоторые проблемы современности: статьи и обсуждения. М., 1969; Дубовский Г.Я. Критика буржуазной фальсификации истории сибирской деревни кануна Великой Октябрьской революции // Бахрушинские чтения – 1973: сб. науч. трудов. Новосибирск, 1973. Вып. 1. С.162–168; Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Современные англо-американские буржуазные историки о социально-экономическом развитии Сибири // Революция 1905–1907 гг. на Урале и в Сибири: сб. науч. тр. Тюмень, 1983; Передерий С.В. К вопросу об освещении

Анализу особенностей землепользования в условиях «фронта» посвящена статья американского исследователя Д. Казмера, написанная на основе его докторской диссертации и опубликованная в 1977 г.⁸⁰⁸ Автор использовал модель, предложенную экономистом У.М. Льюисом в 1954 г. для описания экономического развития при неограниченном предложении труда, в том числе для объяснения роста экономики развивающихся стран в условиях перетока труда из традиционного сектора натурального хозяйства в современный промышленный сектор.⁸⁰⁹

По мнению Д. Казмера, эволюция аграрного сектора в условиях «фронта» может рассматриваться аналогичным образом — как развитие при неограниченном предложении земли. Статья представляет собой обстоятельный комментарий автора к нескольким графикам, описывающим взаимодействие основных факторов сельскохозяйственного производства в Сибири на рубеже XIX-XX вв.⁸¹⁰

В работе показано, что до 1896 г., когда была достроен первый участок Транссибирской магистрали в Западной Сибири, расходы, связанные с землепользованием, были меньше для удобно расположенных участков, с высоким качеством почвы. Однако по мере того, как в оборот вводилось все большее количество земли, траты резко увеличивались. Разница была обусловлена стремительно возросшими расходами на транспорт и обустройство на новом месте, т. е. чем дальше от железной дороги располагались земельные участки, тем выше были расходы на их обработку. Если расстояние превышало 100 км, они были слишком высоки, чтобы оправдать затраченный труд. Для сравнения, в Европейской России за этот же период расходы, связанные с землепользованием, выросли не столь сильно.⁸¹¹

Д. Казмер противопоставляет старожилов и новоселов с точки зрения относительного распределения доходов, полученных от использования земельных и неземельных

истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в.: сб. статей. Томск, 1980. С. 164–178.

⁸⁰⁸ Kazmer D. The Agricultural Development of Siberia: 1890-1917. Unpubl. M.I.T. Diss. 1973; Kazmer D.R. Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II // American Economic Review. 1977. Vol. 67. No. 1. P. 429–432.

⁸⁰⁹ Lewis W. A. Development with Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School of Economic and Social Studies. 1954. No. 22. P. 139-191

⁸¹⁰ Д.Казмер защитил диссертацию в Массачусетском технологическом институте в 1973 г., ее текст остался неопубликованным. В статье автор ссылается лишь на монографию Д.Тредголда 1957 г. Можно предположить, что в качестве источников Д.Казмер использовал статистические данные дореволюционных и советских исследователей, которые приводятся в работе Д.Тредголда.

⁸¹¹ Kazmer D.R. Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II // American Economic Review. 1977. Vol. 67. No. 1. P.429.

ресурсов. Новоселы, оказавшиеся в условиях "фронта", зачастую не имели средств, необходимых для обустройства на месте и возмещения расходов, связанных с обработкой малопродуктивной и не арендуемой земли. В итоге имело место относительное распределение факторных доходов в пользу доходов, полученных, прежде всего, от использования трудовых ресурсов. Иными словами, доходы перераспределялись от старожилов, владевших земельными участками, в пользу новоселов, старавшихся аккумулировать денежные средства, необходимые для обзаведения собственным крестьянским хозяйством.

По мнению Д. Казмера, важнейшими чертами, определявшими функционирование сельского рынка труда, был его "фронтальный характер" и та роль, которую в регионе играли мигранты. В статье отмечается, что в условиях Сибири кривая краткосрочного предложения труда могла быть очень неэластичной по двум причинам: 1) связи между локальными рынками были слабыми в силу больших расстояний; 2) в пределах любого локального рынка наличие новых мигрантов делало кривую краткосрочного предложения труда менее эластичной (т.е. при изменении предложения объем спроса существенно не менялся). Новые мигранты были вынуждены наниматься на работу независимо от размера заработной платы - но лишь до тех пор пока им не удавалось накопить средства, необходимые для приобретения орудий труда и самостоятельного ведения хозяйства.

Явный избыток или нехватку рабочей силы в условиях "фронта", с точки зрения Д.Казмера, можно объяснить влиянием разных факторов, отличных от тех, что действуют в давно заселенной местности. Безработица или низкая заработная плата могли свидетельствовать лишь о том, что новоселы прибывали и требовали предоставить им землю чаще, чем могли найти себе работу. С другой стороны, нехватка рабочей силы могла свидетельствовать и о легкости обзаведения собственным хозяйством вскоре после переезда и ухода с рынка труда - а отнюдь не о том, что регион был непривлекателен для переселенцев. В то же время более высокий уровень заработной платы (если это способствовало более быстрому накоплению капитала и обзаведению собственным хозяйством) мог привести к снижению предложения рабочей силы. В долгосрочной перспективе уровень заработной платы имел принципиальное значение для выяснения того, становятся ли домохозяйства самостоятельными или остаются на уровне доходов сельского пролетариата.

В разделе, посвященном аграрному капиталу в Сибири, Д. Казмер напоминает о

необходимости различать факторы, дополняющие труд (к ним можно отнести рабочий скот и инвентарь, дополняющий труд взрослого члена крестьянской семьи — факторы-комплементы), и факторы, заменяющие труд (например, сельскохозяйственная техника, заменяющая рабочую силу целой артели — факторы-субституты). Факторы-комплементы способствовали росту уровня заработной платы и более быстрому становлению самостоятельных крестьянских хозяйств. Заменяющие факторы в долгосрочной перспективе приводили к снижению заработной платы (в пределах данной местности) и повышению расходов на обустройство самостоятельного хозяйства. В то же время они могли (наряду с ростом выработки на единицу затрат труда) иметь нежелательный эффект, связанный с увеличением периода, в течение которого крестьянское хозяйство должно было продавать свою рабочую силу на рынке труда, прежде чем могло обрести самостоятельность. В худшем случае, крестьянское хозяйство могло оказаться зажатым на уровне доходов сельского пролетариата. В этой связи Д. Казмер высказал предположение, что описанный механизм поможет объяснить, почему модель успешного развития "фронта" в XIX в. не была повторена в слаборазвитых странах в XX в.

Американский историк Э. Доннелли также использовал некоторые положения теории «фронта» или «подвижной границы» (*mobile frontier*) для объяснения некоторых особенностей заселения русскими Башкирии и Казахстана. В одной из своих статей Э. Доннелли подробно описал историю освоения территорий на границах Южной Сибири и Центральной Азии, объединенных в конце XIX в. в составе Степного генерал-губернаторства⁸¹². Оказавшись в районах традиционного проживания кочевников, некоторые русские колонисты выучили казахский язык и легко общались с коренным населением. В свою очередь, многие казахи начали вести оседлый образ жизни и занялись земледелием. В целом, как отметил Э. Доннелли, взаимоотношения между пришлым и коренным населением поначалу носили на удивление мирный характер, до тех пор, пока приток русских не стал слишком велик и не вызвал обеспокоенность казахов. Данный вывод контрастирует с позицией многих современных казахстанских историков, пишущих, в частности, о конфликтах между русскими и казахами из-за плодородных земель в «десятиверстной полосе», изначально проведенной российскими властями вдоль

⁸¹² Donnelly A. *The Mobile Steppe Frontier. The Russian Conquest and Colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // Russian Colonial Expansion to 1917*. London; New York, 1988. P. 189–207.

линии пограничных областей⁸¹³.

По мнению Э. Доннелли, до середины XIX в. главной направляющей силой в колонизации степей Южной Сибири и северных регионов Центральной Азии оставалось государство, видевшее своей основной задачей не столько аграрное освоение региона, сколько охрану торговых маршрутов и защиту своих подданных. Последнее стало особенно актуальным после введения кибиточной подати – меры, на которую казахи ответили серией восстаний в 1830–1860-х гг. Колонизация «подвижной степной границы» стала возможной только после того, как удалось обеспечить военную безопасность территорий. После этого тысячи крестьян хлынули на окраины империи в поисках «земли и воли», но, как представляется американскому историку, данный процесс логичнее описывать уже не терминах теории «фронта», а с позиций более традиционной концепции «колонизации».

Негативным последствиям колонизации Южной Сибири и Северного Казахстана посвящена статья другого американского историка – Сеймура Беккера (Университет Нью-Джерси), представляющая собой, по сути, обзор западной историографии по данной теме. При этом С. Беккер почти не использовал документальные материалы (за исключением Полного собрания законов Российской империи), не привлекает работы дореволюционных и советских историков⁸¹⁴. Историк отметил, что, продвигаясь на юг и уходя все дальше от казачьих поселений, русские крестьяне практиковали «сухое земледелие», внедренное в регионе еще казаками, а также разводили крупный рогатый скот и лошадей. Изначально правительство не поддерживало крестьянские переселения из опасений, что это может оказать дестабилизирующий эффект на крестьянство Европейской России. Однако позиция правительства, поддержанная генерал-губернатором Степного края, не ослабила миграционный поток, при этом самовольные переселенцы брали у казахов землю в аренду.

По заключению С. Беккера, принципиальное изменение позиции властей (от запретительного курса к поощрительному) произошло в период между 1889 и 1896 гг., когда в переселениях стали видеть средство решения проблемы избыточного населения в метрополии. Несмотря на то, что по закону 1889 г. для переселения требовалось

⁸¹³ *Ерофеева И.В.* Крестьянские переселения в XIX в. // Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. и др. История Казахстана: народы и культуры : учеб. пособие. Алматы, 2001. С.210.

⁸¹⁴ *Becker S.* Russia's Central Asian Empire, 1885–1917. Russian Colonial Expansion to 1917. London; New York, 1988. P.235-256.

официальное разрешение, более половины мигрантов обходились без него, рассчитывая избежать возможных ограничений и запретов. Тем временем власти постепенно уменьшали площади земель, отведенных казахам, для того чтобы увеличить земельный фонд, предназначенный для русских переселенцев. Учреждение в 1896 г. Переселенческого управления рассматривается как свидетельство намерения правительства всемерно содействовать колонизационному процессу. Тем самым власти пытались одновременно решить проблему перенаселения в европейской части страны и усилить российское присутствие в отдаленных пределах империи, в том числе, вдоль границ с Китаем. По справедливому замечанию С.Бейкера, наличие удобной и доступной сети транспортных коммуникаций является необходимой предпосылкой крупномасштабных миграций, поэтому сооружение Транссиба имело в этой связи решающее значение.

Взаимоотношения пришлого и коренного населения в регионе С. Беккер, подобно Д. Тредголду и Э. Доннелли, описывал в духе теории «фронтара», однако основной упор делал на негативных последствиях русской колонизации для коренных жителей степи. По словам историка, в ходе расширения пахотных земель происходило сокращение пастбищных угодий и кочевий – процесс, продолжавшийся в течение многих десятилетий. С точки зрения С. Беккера, данный процесс по своим последствиям во многом напоминал взаимоотношения между белыми поселенцами и индейцами, жившими на равнинах Дикого Запада. В целом статья С. Беккера вполне вписывалась в рамки традиционной для западной историографии концепции «русской восточной экспансии», сторонники которой уделяли особое внимание негативным сторонам процесса.

Очевидно, что усиление миграционных процессов в Сибири на рубеже XIX – XX вв. в еще большей степени продемонстрировало значение культурных и этнических особенностей различных групп сибирского населения, как коренного, так и пришлого. В статье, посвященной истории формирования украинской диаспоры за пределами собственно малороссийских губерний Российской империи, А. Каппелер показал, что несмотря на суровые условия, украинцы, заселявшие степные районы Южной Сибири и Северного Казахстана, добились в ведении хозяйства больших успехов, нежели русские, селившиеся в лесной местности.

Примечательно, что поначалу украинские крестьяне проживали в закрытых, позднее - в этнически смешанных поселениях вместе с русскими, но никогда не селились вместе с

татарами или казахами. Долгое время обязательным правилом для украинцев были и внутриэтнические браки. Впрочем, исследователь признавал определенное взаимовлияние восточнославянских колонистов и казахов: часть местных кочевников переходила к оседлому образу жизни, тогда как выходцы из западных губерний России переняли у коренного населения Сибири и Северного Казахстана некоторые приемы скотоводства.⁸¹⁵ Представления А. Каппелера об определенной свободе действий русских колонистов в Сибири обусловлены влиянием теории «фронта». В свое время Д. Тредголд также отмечал, что, отправляясь в Сибирь, крестьяне мечтали об обретении «земли и воли», но их многовековая мечта вполне вписывалась в систему традиционных ценностей.

В свою очередь, сторонники модернизационной парадигмы интерпретировали «свободолюбие» крестьян совершенно иначе. Так, известная американская исследовательница Барбара Андерсон в монографии «Внутренние миграции в эпоху модернизации в России XIX века», опубликованной в 1980 г., подвергла проверке собственное предположение о том, что ключом к пониманию причин миграций является регион происхождения мигрантов. Именно там потенциальные переселенцы подвергаются определенному воздействию внешней среды, в результате чего у них формируется представление о новом, более предпочтительном для них месте проживания. Б. Андерсон предположила, что бедность и перенаселение сами по себе не вынуждают людей покидать свои деревни и перебираться в город. Для таких миграций требуется "современное" («модерновое») мировоззрение, желание изменить традиционный образ жизни и рискнуть выйти в открытый мир: только после этого люди захотят переселиться в другой, более развитый регион⁸¹⁶.

Для Российской империи конца XIX в. Б. Андерсон выстроила целую иерархию регионов (мест назначения), привлекавших наибольшее число мигрантов: наиболее отсталой была Азиатская Россия, более развитыми — Урал и Донбасс, далее - некоторые города Европейской России, Санкт-Петербург и Москва. В то же время каждый регион происхождения мигрантов оценивался по определенным критериям: плодородность

⁸¹⁵ Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1997. Bd.45. H.1. P.48-63.

⁸¹⁶ Anderson B. A. *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia*. Princeton, 1980. Психологически подготовиться к переезду на новое место многим помогла многолетняя практика отходничества (об этом писала, в частности, американская исследовательница Б. Энгел. См.: Энгел Б. Бабыя сторона // *Менталитет и аграрное развитие России (XIX - XX вв.)*. М., 1996; Ус Л.Б. Предисловие // *Сибирские переселения*. Вып.2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений. сб. док. Новосибирск: Сова, 2006. С.7-36.

почвы (аналог "устойчивой аграрной традиции"); естественный прирост населения (критерий «демографического давления» или перенаселенности), грамотность (критерий "современности")⁸¹⁷, соотношение доли слуг и наемных рабочих (аналога "оплачиваемого труда" - атрибута "современности"), и наконец - удаленность от конкретного места назначения.

Анализируя миграционные потоки, в том числе, в Азиатскую Россию, Б. Андерсон установила наличие положительной корреляции между уровнем оттока населения и высоким уровнем грамотности, а также высокой долей населения, занятого в промышленности, что подтверждало ее гипотезу о роли фактора «модернизации». Напротив, переселения продемонстрировали устойчивую отрицательную связь с естественным приростом населения, что опровергает аргументацию многих исследователей, полагавших, что отток населения с самого начала был вызван демографическим давлением.

Используя статистику переселений за 1885-1909 гг. и сопоставляя два периода (1890-1894, 1905-1909), Б. Андерсон выявила западный вектор смещения для регионов происхождения тех мигрантов, кто переселился в Азиатскую Россию. Учитывая, что это смещение происходило в сторону регионов с более развитым сельским хозяйством и столкнувшихся с проблемой перенаселения, Б. Андерсон предположила, что с течением времени фактор грамотности утрачивал прежнее значение, тогда как фактор демографического давления становился все более существенным.

Б. Андерсон отмечает, что в 1890-1894 гг. высокий уровень миграций в Сибирь обеспечили те губернии Европейской России, где была выше доля государственных крестьян. К 1905-1909 гг. основной приток мигрантов обеспечивали белорусские и малороссийские губернии, где преобладало подворное землевладение и успешно проводились в жизнь столыпинские реформы. Исследование также показало, что

⁸¹⁷ Наряду с Б. Андерсон историю распространения грамотности в крестьянской среде изучали Дж. Брукс, Дж. Брэдли, Б. Эклоф, которые пришли к выводу, что уровень образования и грамотности на селе заметно вырос, хотя город и забирал из деревни многих грамотных крестьян. По мнению Б. Эклофа, именно крестьяне, а не представители просвещенной элиты в земствах придали первичный импульс распространению школьного образования на селе. (Anderson B.A. *Internal migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia*. New York, 1980; Brooks J. *The zemstvo and education of the people // The zemstvo in Russia. An experiment in local self-government*. Cambridge, 1982. P.243-278; Eklof B. *Russian and Soviet Literacy Campaigns // Literacy Campaigns in History*. New York, 1987. P.123-146; Bradley J. *Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia*. Berkeley, 1985. P.128-133; Bradley J. *Patterns of Peasant Migration to late Nineteenth-Century Moscow. How Much Should We Read into Literacy Rates? // Russian History*. 1979. Vol. 6. No.1. P.22-38; Eklof B. *Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas*, 1988. Bd. 36. H.1. S.57-79.

белорусские и русские крестьяне предпочитали переселяться в лесную зону Сибири, тогда как украинцы, в 1897 г. составлявшие 20% всех переселенцев в Азиатскую Россию, обычно предпочитали селиться в более теплых приморских или степных районах. Впрочем, как заметил в своей рецензии на работу Б. Андерсон американский историк И. Стебелски, этнический состав населения не был одной из «переменных», анализируемых исследовательницей, что не позволило ей сравнить модели миграций, к примеру, русских и украинцев, и объяснить их культурные предпочтения.

В свою очередь, И. Стебелски в ряде работ анализировал культурные и этнические особенности слоя переселенцев – выходцев из малороссийских губерний. В одной из статей И. Стебелски возобновил дискуссию о причинах уменьшения численности тех жителей Сибири, кто идентифицировал себя с украинцами, в период между переписями 1897 и 1926 гг. В более раннем исследовании В. Кубийовича высказывалось предположение, что такая разница была следствием погрешностей, допущенных организаторами переписи 1926 г. И. Стебелски проверил альтернативное предположение о том, что украинские переселенцы понесли непропорционально высокие потери, связанные с болезнями, эпидемиями, долгой и трудной дорогой в Сибирь, враждебностью со стороны русских переселенцев и чиновников. Изучив данные статистики, И. Стебелски отверг собственную гипотезу, объяснив уменьшение доли украинцев лингвистической ассимиляцией или погрешностями переписи.⁸¹⁸

Об успехах немецких колонистов в Сибири писал В. Бруль (выходец из России, в 1996-2000 гг. – сотрудник Института германских и восточноевропейских исследований в Гёттингене). Немецкий исследователь пришел к выводу, что несмотря на различные препятствия, чинимые местными властями, немцы продемонстрировали в Сибири куда большие успехи в своем культурном и экономическом развитии, нежели переселенцы – представители других национальностей. Впрочем, работа В. Бруля, подверглась критике за излишнюю эмоциональность и неточность ряда суждений. В частности, П.П. Вибе отметил, что немцы селились не только в малопригодных для сельского хозяйства районах Кулундинской степи: крупные очаги немецкой колонизации возникли также в районе

⁸¹⁸ (См.: Hagen, M. von. Rec. ad op.: *Ukrainian Past, Ukrainian Present. Selected papers from the Fourth World Congress for soviet and East European Studies*. Harrogate, 1990. New York: St. Martin's Press, 1993 // *Harvard Ukrainian Studies*. 1993. Vol.17. No. 314. P.387-389. Stebelsky I. Rec. ad op.: Barbara A. Anderson. *Internal Migration during Modernization in Late Nineteenth-Century Russia* / Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1980 // *Harvard Ukrainian Studies*. 1982. Vol.6. No 3. P. 421-423 Stebelsky I. *Ukrainian peasant colonization east of the Urals, 1896–1914* // *Soviet Geography*. 1984. Vol. 25, № 9. P. 681–694. Stebelsky I. *Ukrainian Migration to Siberia Before 1917: The Process and Problems of Losses and Survival Rates* // *Ukrainian Past, Ukrainian Present*. London, 1993. P. 55–69.

Омска и в Тарской тайге.⁸¹⁹

По мнению отечественных и зарубежных исследователей (Б. Эклоф, О.В. Ефимов, А.В.Карагодин)⁸²⁰, 1960-е-1990-е гг. стали временем расцвета англо-американской историографии, посвященной русскому крестьянству. Англо-американские историки пытались применить на российском материале подходы, которые ранее успешно использовались исследователями, изучавшими крестьянство в странах Запада и Третьего мира.

Важнейшим фактором в данный период стало развитие социальной истории. В центре внимания исследователей оказалась история не политических структур и элит, а история народа, отдельных социальных групп, которые ранее рассматривались как часть «молчаливого большинства». (в их числе -- рабочие, крестьяне, женщины, различные маргинальные группы и пр.). Изучалось их поведение и сознание, история повседневности, проблемы социальной мобильности и урбанизации, взаимоотношений гражданского общества и государства.⁸²¹ Развивая принципы «новой исторической науки» (школы «Анналов»), социальная история опиралась на методологический инструментарий смежных научных дисциплин — антропологии, этнологии, социальной психологии и т. д.

Представители нового поколения историков привлекли огромный массив данных, собранных еще дореволюционными специалистами (в том числе — земскими статистиками), и в большинстве своем констатировали кризис самодержавного государства и общества в позднеимперский период. Указывая на ведущую роль бюрократии в любых преобразованиях, историки, как правило, приходили к выводу об отсутствии у самодержавия возможностей и способности к эволюции, модернизации и самосохранению. Как замечает Б.Эклоф, работы, опубликованные в последние

⁸¹⁹ Bruhl V. Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjaehrige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung. Nuernberg; Muenchen, Grossburgwedel, 2003. Bd 1; Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007.

⁸²⁰ Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas. 1988. Bd. 36. N.1. S.57-79; Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном россиеведении: основные концепции, подходы и перспективы. Автореф... дис.канд.ист.наук. М., 2001.

⁸²¹ Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном россиеведении: основные концепции, подходы и перспективы. Автореф... дис.канд.ист.наук. М., 2001; Репина Л.Н. Новая историческая наука и социальная история. М., 1998; Селунская Н.Б. Россия на рубеже XIX-XX веков (в трудах западных историков) М., 1992; Селунская Н.Б. Концепция аграрного строя России в пореформенную эпоху; Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв). М., 1996; Burke, P. History and Social Theory. Cambridge, 1992.

десятилетия XX в., взятые в совокупности, существенно изменили и углубили картину, которую в начале 1930-х гг. нарисовал Дж. Робинсон. Прежде всего это заслуга таких исследователей как Т. Шанин, М. Левин и П. Чап.⁸²²

По определению современной исследовательницы О.В. Большаковой, «принципиальным для этих работ, опирающихся на концепцию А.В. Чаянова об особом характере крестьянского экономического и ментального мира, являлся взгляд «снизу», стремление показать, как представители «низших классов» сопротивлялись государству (элите), защищая свой мир от вторжений извне. Вслед за британскими учеными (прежде всего, Т.Шаниным), американские россиеведы также обратились к изучению общины, культурных и социальных практик, верований, семейных норм и обычаев крестьян.⁸²³

Одним из приоритетных направлений стало изучение проблемы крестьянского менталитета. Вслед за современными антропологами и социальными историками, Д. Филд, Б. Эклоф и др. отвергли дихотомии «ребенок-взрослый», «примитивный-современный», утверждая, что традиционный образ мыслей, присущий крестьянам, также имеет свою логику; он столь же полностью и систематически социализирован, как и наш собственный, но применяется "к иным формам опыта" и иным стратегиям. Вслед за А.Чаяновым, западные историки показали, что экология крестьянского мира была закрытой системой, ориентированной на выживание и уменьшение рисков, а не на максимизацию прибылей.⁸²⁴

По мнению западных исследователей, особенности крестьянского самосознания проявились и в политической активности крестьян. В отличие от Х. Алави, Э. Вольфа, Т. Шанина, писавших о сплоченности общины в кризисные времена и традиционном характере крестьянских выступлений, Р. Эдельман показал сходство между требованиями крестьян и рабочих в городах, их стремлением добиться «уважительного и гуманного обращения». Дж. Бушнелл видел в крестьянах умелых манипуляторов политическими

⁸²² Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas. Bd. 36. H.1. S.57-79; Shanin T. The Roots of Otherness. Russia's Turn of the Century. New Haven, 1986; Levin M. Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization. New York, 1975; Levin M. The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia. New York, 1985; Czap P., Jr. Peasant-Class Courts and Peasant Customary Justice in Russia, 1861-1912 // Journal of Social History. 1967-1968. Vol. 1. No.2. P. 149-178.

⁸²³ См.: Большакова О. В. Аграрные реформы П. А. Столыпина в современной англоязычной историографии/О. В. Большакова // РИ. 2012. № 2. С.164-172; См. тж: Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. М.,2008.

⁸²⁴ Field D. Rebels in the name of the tsar. Author, Daniel Field. Edition, illustrated. Publisher, Houghton Mifflin, 1976. P.213; Eklof B. Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861-1914. University of California Press, 1990. P.1-16; Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas. 1988. Bd. 36. H.1. S.57-79.

символами (например, «мифом о царе»), чутко реагиовавших на общую политическую обстановку в стране. Исследователь высказал твердое убеждение, что крестьянские выступления в XX веке были спровоцированы событиями, происходившими за пределами крестьянского сообщества; беспорядки 1906 г. были связаны не с сезонным циклом сельскохозяйственных работ, а с событиями и акторами, проявившимися за пределами крестьянского сообщества".⁸²⁵

По мнению Т.Шанина, работы по истории русского крестьянства, опубликованные в 1980-х гг., вполне соответствовали тому, что Е.Ларусс (E.Labrousse) называл "медленной историей". В фокусе внимания историков были не общественные изменения, а сопротивление этим переменам. Как заметил Б.Эклофф, интерес к "медленной истории" заставил многих отвлечься от выяснения степени проникновения капитализма в деревню или степени разорения русского крестьянства; вместо этого исследователи принялись искать силы, которые задерживали, тормозили и даже препятствовали экономической модернизации России.

Особый интерес исследователей в этой связи вызвала **эволюция крестьянской общины в пореформенный период**. Так, Дж.Пэллот и М.Левин писали об устойчивости институтов «старого режима» и, прежде всего, общины. По наблюдениям Д. Аткинсон, Столыпинская аграрная реформа не оказала фатального влияния на данный социальный институт, а революция 1917 г. стала временем торжества самоуправляющихся общин.⁸²⁶

Иначе интерпретировал эволюцию общины американский историк Д.Мэйси, рассматривавший экономическое развитие пореформенной России с позиций теории

⁸²⁵ Wolf E. Peasant Wars of the Twentieth Century. Harper & Row, 1969; Alavi, H. Peasants and Revolution' // The Socialist Register. Ed. by Miliband R and Saville J. London, 1965; Edelman R.S. Rural Proletarians and Peasant Disturbances. The Right Bank Ukraine in the Revolution of 1905 // Journal of Modern History. 1985. Vol. 57. No.2. P. 248-277; Bushnell J. Mutiny amid Repression. Russian Soldiers in the Revolution of 1905-1906. Bloomington, 1985. P. 34.

⁸²⁶ Данную точку зрения поддержала К.Воробек, по мнению которой община была достаточно жизнеспособна, чтобы успешно адаптироваться к изменениям, вызванным процессами модернизации в конце XIX в. Впрочем, одного фактора индустриализации было бы недостаточно для того, чтобы лишить общину той роли, которую она играла в деревне. Поскольку она была ключевым элементом сложной взаимосвязанной экономической, социальной, культурной и политической системы, для ее разрушения потребовалась бы демографическая революция вкупе с созданием разветвленной инфраструктуры, включающей культурные, социальные и образовательные институты. См.: Atkinson D. The Statistics on the Russian Land Commune // Slavic Review. 1973. Vol. 32. No. 4. P. 713-87; Atkinson D. The End of the Russian Commune. Stanford, 1985; Lewin M. Customary Law and Russian Rural Society in the Post-Reform Era // The Russian Review. 1985. Vol. 44. No.1. P.1-19; Worobec C.D. Peasant Russia: family and community in the post-emancipation period. Princeton, 1991; Pallot J. Khutora and otruba in Stolypin's program of Farm Individualization // Slavic Review. 1984. Vol. 42. No.2. P. 242-256; Pallot J., Shaw D. Landscape and Settlement in Romanov Russia 1613-1917. Oxford, 1990; Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas. 1988. Bd. 36. H.1. S.57-79.

«модернизации».⁸²⁷ По мнению Д.Мэйси, на рубеже XIX – XX вв. правительство было вынуждено одновременно решать проблемы, порожденные четырьмя революциями: демографической, аграрной, индустриальной и политической, тогда как в Европе на переход от феодализму к капитализму и современному обществу занял несколько столетий.

Царская бюрократия пыталась примирить «универсальные» законы экономического развития, принципы индивидуализма и законы капитализма с самодержавием и патриархальностью — т. е. найти «особый русский путь». Споры велись не столько о направлении аграрного развития, сколько о степени административного вмешательства в это развитие. Община, с ее переделами, чересполосицей и принудительной системой севооборота воспринималась, скорее, как препятствие на пути развития института частной собственности и частнопровового сознания крестьян. Власть видела в общине наряду с самодержавием одну из опор социального строя и стабильности (данный институт занял место «крепостного права»), но, с точки зрения Д. Мэйси, во многом такая роль общины была мифом.

В начале XX в. правительство было все более заинтересовано в том, чтобы интегрировать крестьянство в остальное общество, однако, используя в этих целях инструмент бюрократической опеки (в своем полном виде она представляла собой «социальный этатизм» или даже «государственный социализм»), оно, возможно, только усилило эгалитарные и коллективистские черты общины.

Столыпинская реформа разрабатывалась и как решение экономического и политического кризисов в условиях модернизации, и как составная часть общей программы национального экономического развития. Ставка делалась на все крестьянство, в перспективе предполагалось исчезновение дворянства как привилегированного сословия и формирование единого социального класса сельскохозяйственного населения. Непосредственной целью реформы являлась реорганизация крестьянского землевладения и замена крестьянского обычного права

⁸²⁷ Д. Мэйси широко использовал архивные материалы (преимущественно из ЦГИА СССР), законодательные акты, отчеты государственных учреждений Российской империи, периодику и статистические материалы, работы дореволюционных и советских исследователей. При этом историк призывает не слишком доверять усредненным статистическим данным и не одобрял распространенную в научной литературе практику иллюстрирования общих суждений отдельными примерами. По мнению Д. Мэйси, большего внимания заслуживали личные свидетельства людей, непосредственно участвовавших в реализации аграрных реформ. См.: Macey D.A. Government and Peasant in Russia, 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms. De Kalb, 1987; Macey D. A. The Peasant Commune and the Stolypin Reforms: Peasant Attitudes, 1906-1914 // Roger Bartlett, ed. Land Commune and Peasant. Community in Russia. New York, 1990. P.219-236.

концепцией «закона», которой придерживалось образованное общество. Впрочем, крестьяне имели достаточно развитое представление о правах собственности, что особенно ярко проявлялось в ходе земельных переделов.

По мнению американского историка, в период столыпинской реформы община как инструмент разрешения конфликтов стала воплощением не столько крестьянского эгалитаризма, сколько крестьянского эгоизма; все чаще она защищала кулаков и все большее число крестьян превращала в сельских пролетариев. Исследователь признает, что в ходе революционных потрясений 1917 г. произошло усиление общин, но считает это лишь неизбежной реакцией на разрушение экономики и государства.

В свою очередь, англо-американские и немецкие сибиреведы не подвергали сомнению тезис об устойчивости общины и ее способности адаптироваться к любым условиям. Так, сотрудник Школы славянских и восточноевропейских исследований Дж. Чэннон обратился к теме, обозначенной Л.М. Горюшкиным как «вопрос об истоках сибирского варианта русской общины»⁸²⁸. В своей статье «Региональные вариации общины (на примере Сибири)»⁸²⁹. Дж. Чэннон справедливо отметил, что представления западных сибиреведов о таком социальном феномене как русская крестьянская община базируются в основном на выводах и обобщениях, полученных в результате изучения сельских миров Европейской России. Опираясь в основном на выводы, полученные советскими историками В.А. Александровым, Н.Н. Покровским, Л.М. Горюшкиным, М.М. Громыко, Н.А. Миненко⁸³⁰, Дж. Чэннон попытался выявить особенности сибирской крестьянской общины, проследить ее эволюцию в XIX – начале XX в., и, в частности, понять причины возникновения переделной земельной общины.

В сущности, историк использовал теоретическую схему из статьи отечественной исследовательницы М.М. Громыко, установившей «иерархию» крестьянских общин в Сибири.⁸³¹ По мнению Дж. Чэннона, возникновение волости как «поземельной единицы»

⁸²⁸ Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.: сб. ст. Новосибирск, 1977. С.6.

⁸²⁹ Channon J. Regional Variation in the Commune: The Case of Siberia // *Land Commune and Peasant Community in Russia. Communal Forms in Imperial and Early Soviet Society*. London, 1990. P. 66–85.

⁸³⁰ Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // *История СССР*. 1968. № 1. С. 47–68; Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976; Громыко М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX вв.) // *Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.: сб. ст. Новосибирск, 1977. С.23-30; Миненко Н.А. Община и русская крестьянская семья в юго-западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.: сб. ст. Новосибирск, 1977. С.104-125.*

⁸³¹ Как установила М.М. Громыко, однодеревенская община входила в сельскую крестьянскую общину, охватывавшую несколько близких населенных пунктов; последняя включалась в более обширную, административно выделенную, низовую окладную единицу – сельское общество, которое, в свою очередь, входило в состав волости,

было продиктовано стремлением ее членов защитить земельные наделы, которые они считали своей собственностью. В первой половине XIX в. правительство косвенно стимулировало развитие сельских общин в фискальных и административных целях. В этих условиях поземельные функции волостной общины постепенно передавались сельским общинам. К середине столетия именно они стали доминирующей формой общинного землевладения, вытеснив волостные общины, по крайней мере, в Западной Сибири. Впрочем, в северных, наименее населенных и экономически неразвитых районах волостная форма сохранилась.

Дж. Чэннон отметил, что переход от «индивидуально-общинного» землепользования к «общинно-передельному» был связан не только с фискальной политикой и усиливающимся регулированием деятельности общин со стороны государства, но также с относительной нехваткой земли. В конце XIX в. правительство взялось поощрять переселения в Сибирь и создавало институциональные инструменты передачи земли новоселам, в то же время рост объемов производства товарной сельхозпродукции (например, в сфере маслоделия), организованного с помощью сельских общин, приводил к сокращению площади сельскохозяйственных угодий, доступных для остальных крестьян. Относительная неравномерность распределения земельных владений в пределах общины приводила к тому, что на благополучные крестьянские хозяйства оказывалось все большее давление с тем, чтобы вынудить их уступить свою землю. В целом земельные переделы были обусловлены изменениями в соотношении между количеством обрабатываемой земли и численностью населения.

Вопросы, связанные с земельным переделом, решались на сельских сходах, которые также занимались множеством других дел, включая раскладку налогов и прочих обязательств. Изучение деятельности сельских сходов позволило историку сделать вывод, что община играла роль «буфера» между отдельными крестьянами и местным чиновничеством, а значит, и государством. «Миры» также регулировали порядок крестьянского землепользования, хотя степень их вмешательства в процесс сельскохозяйственного производства варьировалась в зависимости от региона. Данный вывод Дж. Чэннона, в сущности, соответствует представлениям советских сибиреведов о «дуализме» общины.

являвшейся одновременно и формой территориальной крестьянской общины (волостной общиной). См.: Громыко М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX вв.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в.: сб. ст. Новосибирск, 1977.

В сравнении с крестьянскими общинами Европейской России, в Сибири сельские «миры» осуществляли земельные переделы значительно реже, а «черные переделы» здесь практически не встречались. Сибирские переделы, скорее, напоминали частные земельные переделы (так называемые скидки-накидки), распространенные в нечерноземных областях Европейской России. По мнению Дж. Чэннона, главным препятствием на пути развития частного крестьянского землевладения оставались сохранявшиеся за государством права собственности и верховного распоряжения землей, хотя в начале XX в., особенно в ходе Столыпинской реформы, предпринимались некоторые шаги, призванные изменить сложившуюся ситуацию.

Инвариантным фактором колонизационных процессов по обе стороны Уральских гор в схеме Дж. Чэннона представлена та всеобъемлющая роль, которую продолжало играть государство. В то же время историк признал, что Сибирь давала переселенцам больше возможностей и больше свободы (что близко к выводам Д. Тредголда), хотя специфика сибирской окраины сочеталась с традициями хозяйствования и землепользования, принесенными из Европейской России.

Историк подчеркнул, что изменения в данной сфере происходили медленно, и сибирские крестьяне все же предпочитали полагаться на общину в деле распределения скудных природных ресурсов, нежели на институт частной собственности и механизмы рыночного перераспределения. Таким образом, Дж. Чэннон основное внимание уделял институтам традиционного общества и «феодално-крепостническим пережиткам», а не успехам «модернизации» и капиталистического развития сибирской деревни в XIX – начале XX в.

В немецкоязычной литературе также отмечалось, что обстановка в Азиатской России в целом способствовала сохранению общины⁸³², хотя, по заключению австрийского историка А. Морича, П.А. Столыпин этого не учитывал и считал необходимым распространить на данный регион сферу действия закона от 14.06.1910 г.⁸³³

⁸³² Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX - начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. мат. регионал. науч. конф. Новосибирск, 2007. С.41-49.

⁸³³ Более обоснованную точку зрения в современной отечественной историографии высказал М.В. Шиловский, указав, что в 1910 г. после поездки в Сибирь П.А. Столыпин в своей «Записке» предложил не только предоставить сибирским крестьянам права собственности, но и сохранить общину. Впрочем, реализовать эти планы не удалось, и не только из-за начавшейся Первой мировой войны. Введение частной земельной собственности в Сибири, скорее всего, встретило бы мощное сопротивление крестьян, особенно в Алтайском округе, т. к. Романовы наверняка заставили бы выкупать кабинетские земли. К тому же крестьяне стремились сохранить общину, о чем писали

Для работ, опубликованных в последние десятилетия XX в., также характерно использование широкого круга источников (периодической печати, статистических материалов, мемуарной литературы, справочных изданий), расширение проблематики исследований. Специальные работы были посвящены вопросам экономического освоения Дальнего Востока (об этом писали Д. Ландграф и Л. Деег, швейцарский историк К. Шписс). Указанные авторы отмечали наличие как экономических и внутривластных, так и геополитических расчетов в дальневосточной политике самодержавия⁸³⁴.

При этом политику П.А. Столыпина на восточных окраинах империи они не считали неуспешной. Так, Л. Деег, указывал на рост жизни сельского населения на Дальнем Востоке, в том числе улучшение жизни переселенцев, сумевших обзавестись собственным хозяйством. Вместе с тем, К. Шписс полагал, что правительству не удалось создать на Дальнем Востоке слой среднего крестьянства, самостоятельного, ориентированного на рыночное производство и лояльного к государству. В целом в 1980-1990-е гг. немецкоязычные историки признавали как достижения, так и проблемы переселенческого дела в Сибири и на Дальнем Востоке.⁸³⁵

По оценке А.Г. Дорожкина, такая компромиссная позиция была характерна для немецкоязычной историографии 1980-х гг., когда наметился синтез различных методологических установок. Изучая материалы земской статистики, справочные сборники, архивные документы, историки отказались от ряда «стереотипных» представлений, подвергли пересмотру «пессимистические» оценки, что С. Плаггенборг обозначил как «ревизионистский» подход.⁸³⁶ В конце 1970-х гг. Э. Мюллер, в общем

П.Ф. Никулин, В.И. Пронин, А.А. Чирков. См.: Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 - июнь 1918 гг.). Бийск, 2004; Никулин П.Ф. Взаимодействие социальной и хозяйственной культур в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. // Исторический опыт хозяйственной и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн.2; Пронин В.И. Землевладение и землепользование сибирских крестьян в начале XX в. в контексте аграрной политики царизма в регион // Опыт природопользования в Сибири в XIX - XX вв. Новосибирск, 2001; Шиловский М.В. А была ли столыпинская аграрная реформа в Сибири? // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1. С.25-28.

⁸³⁴ Spiess K. Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897-1970. Zuerich, 1980. S.27-28; Moritsch A. Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien-Koeln-Graz, 1986. S.178; Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin. 1847-1917. Muenchen, 1989. S.697; Deeg L. Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen osten. 1864-1924. Essen, 1996. S.206. О роли геополитического фактора в переселенческой политике см.тж: Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С.220-231.

⁸³⁵ Подробнее см.: Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX - начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. мат. регионал. науч. конф. Новосибирск, 2007. С.41-49.

⁸³⁶ См.: Mueller E. Der Beitrag der Bauern zur Industrialisierung Russlands, 1885-1930: Bemerkungen zur Korrektur eines Interpretationsmodells // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas, 1979. Bd. 27. H. 2. S. 197-204; Plaggenborg S. Bauernwelt und Modernisierung in der ausgehenden Zarenzeit // Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland

признавая разорение основной массы крестьянства, задался вопросом, каким образом постоянно разорявшееся сословие, тем не менее, смогло нести все возрастающее бремя уплаты прямых налогов.⁸³⁷ Вопрос об уровне жизни русского крестьянства в XIX – начале XX вв. активно обсуждался и в англоязычной историографии.⁸³⁸

В последней четверти XX в. в историографии наметился переход изучения неподвижных социальных структур к анализу культурных практик.⁸³⁹ «Лингвистический поворот», связанный с осознанием роли языка как системы знаков, формирующей историческую реальность, сопровождался применением в исторических

in der Spaetphase des Zarenreiches. Frankfurt a.M., 1994; Merl St. Der Agrarmarkt und die neue ökonomische Politik, Wien, 1981. S. 38-164; Loewe H.-D. Die Lage der Bauern in Russland. 1880-1905. Wirtschaftliche und soziale Veraenderungen in der laendlichen Gesellschaft des Zarenreichs. Heidelberg, 1987. S. 107-108; Карагодин А.В. Аграрный кризис конца XIX - начала XX в. и материальное положение русского пореформенного крестьянства в освещении современного западного россиеведения: новые подходы и текущие дискуссии // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». Итоги 5-летней деятельности. №12. Декабрь 2001 года. М., 2001. С. 65-74; Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном россиеведении: основные концепции, подходы и перспективы. Автореф. дисс... к.и.н. М., 2001.

⁸³⁷ Вслед за Э. Мюллером представление о сельском хозяйстве как источнике и жертве индустриализаторской политики самодержавия подвергли сомнению Х.-Д. Лева, С.Плаггенборг и др. Впрочем, по мнению А.Г. Дорожкина, позиция Х.-Д. Лева оказалась слишком оптимистичной, поскольку он рассматривал тенденцию к росту доходности крестьянских хозяйств как непрерывную и переоценивал возможности интенсификации средних и мелких хозяйств. Во многих работах сохранялся акцент на феодальных пережитках в экономической и социальной структуре страны. По мнению А.Г. Дорожкина, наибольшую объективность и взвешенность в оценках продемонстрировали М. Хильдермайер, Б. Бонвеч, С. Мерль, А. Морич, которые отказались от общих суждений о глубоком аграрном кризисе и призывали учитывать региональные особенности.

⁸³⁸ Обстоятельный анализ дискуссий, развернувшихся в западной историографии по данному вопросу, содержит статья Б.Эклофа. (Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas. 1988. Bd. 36. N.1. S.57-79). Согласно наблюдениям Б.Эклофа, Дж. Симмс не считает правильным увязывать рост недоимок по выкупным платежам с нарастающей бедностью крестьян, поскольку крестьяне в значительной мере обеспечивали прирост денежных поступлений от косвенных налогов (хотя здесь, возможно, не учитываются дифференцированные последствия растущего классового расслоения, когда одни были в состоянии приобретать больше товаров, а другие оставались без самого необходимого). Точка зрения Дж.Симма, по сути, совпала с позицией некоторых советских историков (Б.Н. Миронов, А.Анфимов, С.Нифонтов), которые писали о росте уровня жизни, превышении роста производства над ростом народонаселения, а также о том, что ведущую роль в деревне играл середняк, тогда как кулак и пролетарий были маргинальными фигурами. По мнению Д. Кристиана и Р. Смита, рацион русских крестьян был хорошо сбалансированным, даже по современным меркам, но главным недостатком была его не гарантированность, риск внезапной нехватки продовольствия и устойчивость таких перепадов в уровне потребления. Со своей стороны, С.Уиткрофт, выступил против необоснованных упрощений и обобщений в изучении аграрной истории. По его подсчетам, в период с 1890-х гг. до 1913 г. производство зерна безусловно опережало темпы роста населения, но при этом в ряде регионов хлеб имелся в избытке, а другие страдали от его нехватки, тогда как сводные статистические данные скрывали спад и кризис в отдельных регионах. Районы, где неуклонно росла крестьянская задолженность, чаще всего также демонстрировали низкий прирост поступлений от косвенных налогов. По мнению Б.Эклофа, С.Уиткрофт, по сути, не поддержал Дж.Симма, вернувшись к точке зрения Дж.Робинсона. См.: Simms J.A., Jr. The Crisis in Russian Agriculture at the End of the Nineteenth Century. A Different View // Slavic Review. 1977. Vol. 36. No.3. P. 377-398; Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине. XIX века. М., 1974; Mironov B. The Russian Peasant Commune After the Reforms of the 1860s // Slavic Review. 1985. Vol. 44. No.3. P. 438-467; Smith R.E., Christian D. Bread and Salt. A Social and Economic History of Food and Drink in Russia. Cambridge, 1985; Wheatcroft, S. G. "The Agrarian Crisis and Peasant Living Standards in Late Imperial Russia: a Reconsideration of Trends and Regional Differentiation". The unpublished working paper, History Department, University of Melbourne. 1986. Цит. по: Eklof B. Ways of Seeing: Recent Anglo-American Studies of the Russian Peasant (1861-1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas. 1988. Bd.36. N.1. P.70.

⁸³⁹ Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном россиеведении: основные концепции, подходы и перспективы. Автореф... дисс. к.и.н. М., 2001.

исследованиях методов лингвистики, герменевтики, культурной антропологии, социальной психологии. Анализируя символический аспект исторической реальности, исследователи обратились к изучению народной культуры, истории чтения и образования, повседневных отношений, частной сферы человеческой жизни, досуга и праздника и пр.

На рубеже XX-XXI вв. многие западные историки-сибиреведы также уделяли основное внимание субъекту исторического процесса, изучая духовный мир пришлого и коренного населения Сибири, историю культуры и, в частности, такую ее фундаментальную категорию как «пространство». В работах, посвященных проблематике «воображаемой географии и пространственного мышления», «пространственного конструирования» отмечалось, что восприятие пространства — динамичный процесс, который определяется социальными и культурными условиями, изменяется во времени и оказывает непосредственное воздействие на социальный ландшафт.⁸⁴⁰

Комплексное изучение культурных, социальных и политических оснований российской истории более последовательно осуществляется в рамках «имперской» парадигмы. Специфическим «объектом» исследования в данном случае служит «империя» как некая сложная система, придающая включенным в нее элементам новые качества (своеобразный синергетический эффект). В отличие от теории «фронта», в рамках «имперского подхода» географические характеристики не являются определяющими, соответственно, отдельные регионы, входящие в состав империи, при всей их специфике, мыслятся как неотъемлемые части единого пространства, отражающие в себе его фундаментальные характеристики. Изучение истории имперских окраин позволяет, в свою очередь, глубже понять своеобразие общенациональной культуры, формирующейся в рамках империи.

Современная немецкая исследовательница Э.-М. Столберг, сотрудница Университета Дуйсбург-Эссен, предприняла попытку синтеза теоретических подходов,

⁸⁴⁰ Bassin M. *Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century* // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. No.3. P.763-794; Sunderland W. *The «Colonization Question»: Visions of Colonization in Late Imperial Russia* // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 2000. Bd. 48. H. 2. S. 210–232; Weiss C. *Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert*. Goettingen, 2007; Frank S.K. *Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur*. Muenchen, 2007; Kivelson V. *Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries* // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007. P. 21–40; Kusber J. *Mastering the imperial space: The case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research* // *Ab Imperio*. 2008. Vol. 4. P. 52–74.

применявшихся в западном сибиреведении в конце XX - начале XXI вв.⁸⁴¹ В монографии «Сибирь: «Дикий Восток» России. Мифы и социальная реальность в 19 и 20 вв.» автор пишет о необходимости вписать культурную историю Сибири в политические и социально-экономические рамки, внося тем самым вклад в разработку теории «фронтала», трансрегиональной и транскультурной истории.⁸⁴²

Объединяя методы культурологии и социальной истории, автор стремилась резче обозначить «пограничный ландшафт», «культурную переходную зону» между двумя «культурными пространствами» (Европой и Азией), «протянуть мост» между историей Восточной Европы и историей Восточной Азии.⁸⁴³ По определению Э.-М. Столберг, в рамках трансрегиональной и транскультурной истории изучение пространства осуществляется не с точки зрения подчиняющего его центра⁸⁴⁴, но с точки зрения регионов, граничащих с другими регионами, отличающимися в культурном отношении.

Несмотря на то, что в Новое время Сибирь несла на себе отпечаток Европейской России, ее азиатские компоненты не следует игнорировать. В сущности, Сибирь стала зоной контактов между европейскими и азиатскими культурами, не в последнюю очередь - в результате русской колонизации. До того времени Сибирь была преимущественно "белым пятном" на "ментальной карте" восточноазиатских культур. Теперь же, благодаря освоению Северной Азии, Россия стала референтным внешнеполитическим фактором для Китая, Японии и Кореи, а несколько позже — и для Соединенных Штатов, независимо от характера взаимоотношений (партнерство, конкуренция, угроза и т. д.). Таким образом, Россия перестала быть старой Московией, превратившись в евразийскую и

⁸⁴¹ Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart, 2009.

⁸⁴² Идея написания данной работы возникла у Э.-М. Столберг в ходе работы над диссертацией, посвященной советско-китайским отношениям в 1945-1953 гг. Исследовательница пришла к выводу, что сибирское порубежье (в восприятии русских - «Дикий Восток», в восприятии азиатов - «Дикий Запад») играло решающую роль в развитии отношений между Россией и ее восточноазиатскими соседями.

⁸⁴³ Для решения этой задачи наряду с русскими источниками (из центральных и местных архивов) исследовательница привлекла также китайские и японские документы, справедливо полагая, что взгляд на Сибирь только с русской (читай - европейской) точки зрения был бы односторонним.

⁸⁴⁴ Для определения роли Сибири в культурном пространстве Э.-М. Столберг использует классификацию культурных кодов, предложенную немецким ученым, профессором семиотики Роландом Познером (См.: Pozner R. Kultur als Zeichensystem. Zur semiotischen Explikation kulturwissenschaftlicher Grundbegriffe // Assman A., Harth D. Kultur als Lebewesen und Monument. Frankfurt a.M., 1991. S.37-74). По отношению к Европейской России Сибирь как «внутренняя колония» или «Дикий Восток» в своем «азиатском облике» (представленном в лице сибирских инородцев и восточноазиатских мигрантов) является враждебной «контркультурой», т. е. таким культурным кодом, который не может быть ни уничтожен, ни полностью интегрирован. В своем «европейском облике» (с ссыльными и каторжниками) противостояла Европейской России в качестве субкультуры. Миф о «Диком Востоке» проявлялся в рассказах о непрерывной борьбе (подчинении суб- и контркультуры) с целью колонизовать и цивилизовать азиатское пространство. Для своего длительного существования данный миф нуждался в контр-мифах и контр-кодах, которые представляли восточное пространство «Чужим» и даже «Враждебным».

тихоокеанскую державу.

В конце XIX – первой половине XX вв. Сибирь играла значительную геополитическую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе, превратившись в «форпост» российского влияния. В условиях индустриализации исторически сложившиеся взаимоотношения Центра и Периферии претерпели существенные изменения, вызванные влиянием капитализма и империализма (с этим было связано и новое «империалистическое» представление о пространстве). В свою очередь, капитализм и империализм привели к глубоким социально-экономическим изменениям в самой Сибири.⁸⁴⁵ До строительства Транссиба для многих современников, как в России, так и за ее пределами, регион представлялся «дикой местностью». Как заявлял один столичный чиновник в середине XIX в., "Невский проспект имел в пять раз большую ценность, нежели Сибирь".⁸⁴⁶

Наряду со строительством железной дороги (которая должна была также способствовать развитию экономических связей с Тихоокеанским регионом), свидетельством вступления региона на путь модернизации служили массовые крестьянские переселения — ключевой элемент «внутренней колонизации».⁸⁴⁷ В процессе «индустриально-технологического переустройства» и модернизации «внутренней колонии» возникла сложная система хозяйствования, которая путем объединения больших миграционных потоков увязала производительность сельского хозяйства с освоением промышленных сырьевых ресурсов.⁸⁴⁸ Впрочем, исследовательница не склонна преувеличивать успехи экономического развития региона, замечая, что программа модернизации, осуществлявшаяся царским правительством, имела ограничения, что было обусловлено как раз определяющей и доминирующей ролью самодержавного государства, служившего препятствием на пути прогрессивного

⁸⁴⁵ Э.-М. Столберг выступает против того, чтобы интерпретировать отношение метрополии (Европейской России) к внутренней колонии (Сибири) как "ограбление"; напротив, их отношения были взаимовыгодными и взаимодополняющими. Центр получил доступ к сырью, тогда как Сибирь стала важным рынком сбыта промышленных товаров. При этом невозможно было помыслить развитие и модернизацию внутренней колонии без инвестиций, направлявшихся из Европейской России в транспорт, банки, образование, здравоохранение и технологии (немецкая исследовательница проводит аналогию с американским Диким Западом, который для своего развития также получал субсидии от федерального правительства. (См.тж: Limerick P.N. The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West. New York, 1988. P.87). Кроме того, безопасность и порядок, как предпосылки экономического развития, базировались на структурных элементах, привнесенных из Европейской России (одним из таких элементов Э.-М.Столберг считает сибирское казачество).

⁸⁴⁶ Цит по: Bassin M. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // American Historical Review. Vol. 96. No. 3. 1991. P.771.

⁸⁴⁷ Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart, 2009. S.19.

⁸⁴⁸ Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart, 2009. S.360.

развития.

Развитие железнодорожного и водного транспорта не только способствовало росту переселенческого движения, но и оказало стимулирующее воздействие на обрабатывающую промышленность. В работе Э.-М. Столберг особо отмечается, что переворот на транспорте и переселения способствовали большей интеграции Сибири в общеимперское пространство.

Подобно исследователям начала XX в., Э.-М. Столберг вписывает сибирские переселения в общеевропейский и глобальный контекст, хотя оговаривается, что речь ни в коем случае не идет о некоем едином процессе; напротив, необходимо видеть различия, присущие конкретным странам и регионам, с учетом географических, социальных и экономических, равно как институциональных предпосылок. Спецификой крестьянских переселений в Сибирь исследовательница называет деятельное участие государства в их организации, тогда как на Дикий Запад колонисты переезжали самостоятельно.

Особое значение имел психологический аспект миграций, ментальная разница в восприятии, например, Нового Света или Сибири. Если Дикий Запад с начала своего заселения белыми колонистами воспринимался как «земля свободы», то Сибирь долгое время считалась лишь местом ссылки, каторги и вечного холода. Образ Сибири изменился после освобождения крестьян в 1861 г., когда миллионы переселенцев добровольно двинулись на Восток - в надежде на лучшее будущее. Таким образом, «граница заселения» не в последнюю очередь представляла плодом воображения.

В XIX в. Э.-Г. Равенштейн, известный британский географ немецкого происхождения, утверждал, что в основе любых переселений лежат структурно-экономические причины: «Ни в малейшей степени не сомневаюсь, что важнейшая, если не единственная причина для переселений лежит в перенаселенности той или иной местности, при этом где-то имеются не использованные ресурсы, и многие уповают на их разработку с притоком рабочей силы».⁸⁴⁹

Уже в 1880-х гг. губернаторы и земские деятели в Европейской России требовали, чтобы к востоку от Урала переселялись, прежде всего, безземельные крестьяне. Экономически сильных крестьян, напротив, хотели удержать. Сибирь должна была

⁸⁴⁹ Ravenstein E.G. The Laws of Migration (I) // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48. No. 2. P. 167-235; Ravenstein E.G. Journal of the Royal Statistical Society. 1989. Vol. 52. No. 2. P. 241-305 P.241-305. Цит. по: Stolberg E.-M. Sibirien – Russlands “Wilder Osten” Mythos und soziale Realität im 19. und 20. Jahrhundert. Überarbeitete Fassung der Habilitationsschrift, angenommen von der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. (Wintersemester 2005/2006). 2006. S.168.

впитать, в первую очередь, бедные и беспокойные общественные элементы. При этом не было никакой заинтересованности в усилении сельского хозяйства Сибири, во избежание конкуренции.⁸⁵⁰ Впрочем, министр внутренних дел И.Н. Дурново предостерегал (в отличие от своего позднейшего преемника в должности, П.А. Столыпина), что переселения крестьян в Сибирь принесут с собой политическую нестабильность, к тому же в Европейской России сельское хозяйство лишится ценной рабочей силы.

В начале XX вв. на фоне роста численности населения и малоземелья в Европейской России пришло более глубокое понимание выгод и перспектив, связанных с крестьянской колонизацией и экономическим развитием Сибири. Действительным организатором массовых переселений Э.-М. Столберг называет премьер-министра П.А. Столыпина. Немецкая исследовательница уделяет пристальное внимание думским дебатам вокруг крестьянских переселений и отмечает, насколько, с ее точки зрения, обоснованной была критика сибирских кадетов, полагавших, что колонизационная политика, сочетавшаяся с отказом от учреждения земств, была «колоссом на глиняных ногах».

Переселения стали ключевой темой в демократической культуре дискуссий, при этом участники ориентировались на Северную Америку (как это было и в случае с общественными дискуссиями по поводу строительства трансконтинентальной магистрали). Так, по указанию А.Н. Куломзина обстоятельно штудировалось аграрное законодательство Северной Америки, и в частности - Акт о гомстедах 1862 г.⁸⁵¹ В 1890-х гг. сибирские агрономы Н.Л. Скалозубов (Тобольская губ.) и Н.А. Крюков (Забайкалье) разработали руководства по сельскохозяйственному использованию сибирской земли. С этой целью сибирские агрономы совершили поездки в Северную Америку, по итогам которой Н.А. Крюков опубликовал свое известное исследование о сельском хозяйстве в Канаде. Русские агрономы установили сходства в способах возделывания земли в североамериканских прериях и на западносибирских равнинах.⁸⁵² В целом в российском дискурсе проводились параллели с внутренней колонизацией Американского Запада.⁸⁵³

⁸⁵⁰ Подобно тому как землевладельцы в Европейской России боялись конкуренции со стороны сибирских крестьян, в США конгрессмены от южных штатов, владельцы крупных плантаций, уже в 1850-х гг. противостояли переселенческой и земельной программе федерального правительства.

⁸⁵¹ Канн С.К. Опыт железнодорожного строительства в Америке и проектирование Транссиба // Горюшкин Л.М. Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII-XX вв.). Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1995. С.128.

⁸⁵² Крюков Н.А. Канада. Сельское хозяйство в Канаде в связи с другими отраслями промышленности. СПб., 1896.

⁸⁵³ Семенов П.П. Значение России в колонизационном движении европейских народов // Известия Имп. Рус. Геогр. Общества. № 28. 1882. С.349-369.

По мнению Э.-М.Столберг, П.А.Столыпин выстраивал свою переселенческую политику, во многом заимствуя американский опыт. Укрепление мелких крестьянских хозяйств в общем было ясно выраженным желанием американского федерального правительства, которое при раздаче земель хотело избежать появления крупного землевладения, как это было на европейском континенте, где существовал разрыв между богатыми землевладельцами и безземельными крестьянами.

В монографии Э.-М.Столберг показано, что переселения превратились в своего рода «национальный миф», умело поддерживавшийся правительством средствами пропаганды (в этом российские власти также следовали примеру американцев). В то же время миграционная политика не была свободна от националистических мотивов, поскольку царское правительство полагало, что форсированное заселение Сибири способствует решению задач, связанных с обеспечением безопасности имперских окраин. Власти опасались притока в безлюдную Сибирь мигрантов из сопредельных государств Восточной Азии, прежде всего, Китая.

Вновь обнаружилось, что в русском дискурсе по-прежнему популярно понятие расы, сформулированное в XIX в., при этом часто указывалось на превосходство "белой расы" над "дикарями", жившими в колонии. Сибирский крестьянин стал олицетворением национальных русских добродетелей, таких как усердие и искренность, и этим он отличался от отсталых сибирских инородцев и степных кочевников. Только на Крайнем Севере возник симбиоз образа жизни русских и аборигенов. В районах с плодородными землями все выглядело иначе. Подобно другим пограничным обществам, для сибирского социума было характерно сосуществование двух противоположных форм хозяйствования. Экстенсивная экономика белых колонистов находилась в состоянии конфликта с жизненным укладом кочевников, вызванного борьбой за сырьевые ресурсы. Русский крестьянин, отнимавший земли у кочевников, в конечном счете был представителем колониальной державы.

По мнению Э.-М.Столберг, можно говорить о гомогенном составе переселенцев в Сибирь, что лишний раз подчеркивает аспект русификации в миграционной политике. Большинство колонистов были выходцами из районов Черноземья. Их поток нацеливался, прежде всего, на Западную Сибирь с ее высокоурожайными землями. Немецкая исследовательница подробно описывает сложности и недостатки в организации переселенческого процесса (многое, по ее мнению, напоминало «потемкинские

деревни»), сравнивает состояние транспортных коммуникаций в Сибири и на Диком Западе; отмечает высокий уровень заболеваемости и смертности среди переселенцев (как в Сибири, так и в Северной Америке). Переселенцы, которые ехали дальше на север, оказывались в очень суровых климатических условиях. Здесь уже невозможно было применять приемы агрикультуры, привнесенные из Европейской России. Переселенцы перенимали некоторые способы хозяйствования у аборигенов, живших преимущественно охотой и рыбалкой.

Несмотря на все трудности многим крестьянам, переселившимся в Сибирь, все же удавалось разбогатеть (прежде всего, благодаря усердному труду), хотя нелегальные переселенцы, отправлявшиеся в Сибирь без государственной поддержки, как правило, не могли обзавестись земельной собственностью.⁸⁵⁴ Впрочем, многие из тех, кто переселялся легально, также не дождались обещанных ссуд. А.Н. Куломзин сообщал, что колонисты получали на руки лишь 60-70 руб., а остальные деньги исчезали в карманах местных сибирских чиновников, и эти нарушения не удалось устранить вплоть до начала Первой мировой войны.⁸⁵⁵ Государственный переселенческий комитет в период между Русско-японской войной и Февральской революцией буквально утонул в потоке жалоб от переселенцев, которые чувствовали себя обманутыми государством. Так, за один только 1907 г. поступило 367 заявлений.

Одной из острых проблем оказались столкновения из-за земельных участков между старожилами и новоселами, что, среди прочего, способствовало росту радикальных настроений в 1905 г., и объясняло симпатии новоселов, в большинстве своем бедняков, к партии эсеров.⁸⁵⁶ Это была борьба за ресурсы - в данном случае за плодородную землю.

⁸⁵⁴ Путешественники, побывавшие в Сибири еще до сооружения Транссиба (например, шотландец Александр Мичи (Alexander Michie) в 1860-х гг.) замечали, что дома сибирских крестьян выглядели богаче, чем в Центральной России. Об этом же писала баронесса С.К. Буксгевден, называвшая сибирских крестьян "маленькими землевладельцами". (См.: Baroness Sophie Karlovna Buxhoeveden. *Left Behind. Fourteen Months in Siberia*. London-New York, 1929. P.18). У них было больше скота, дома - лучше и богаче обставлены мебелью, украшены резьбой. В сравнении с ними многие дома фермеров на Американском Западе выглядели безрадостно, напоминая, скорее, бревенчатые хижины. (Bougue A. *An Agricultural Empire* // Miller C.A., O'Connor C.A., Sandweiss M. *The Oxford History of the American West*. New York; Oxford, 1994. S.284, 288). Однако не следует забывать, что Буксгевден писала о домах старожилов, которые, действительно, были очень зажиточными. Экономическое положение новоселов, прибывавших во второй половине XIX в., было значительно хуже. Большинство из них располагали очень небольшими денежными средствами, примерно 200-400 руб. на семью. (400 руб. получали переселенцы на Дальнем Востоке). Большая часть этих средств уходила на то, чтобы покрыть транспортные издержки. (Попов И.И. *Великая реформа*. Т.6. М., 1911. С.252).

⁸⁵⁵ Куломзин А.Н. *Всеподданейший отчет о поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела*. СПб., 1896. С.64-66.

⁸⁵⁶ Как замечает Э.-М. Столберг, данный феномен можно было наблюдать не только на сибирском "фронтире", но и на канадском Западе, где новопоселенцы также были наиболее восприимчивы к революционному социализму.

Именно старожилы захватывали себе лучшую землю, так что новоселы были вынуждены уходить в тайгу и на болота. Их дворы были практически отрезаны от внешнего мира, без какого-либо транспортного сообщения. Такое положение дел сохранялось вплоть до Первой мировой войны.⁸⁵⁷

Во многих районах Сибири крестьяне продолжали использовать залежную систему земледелия⁸⁵⁸, тогда как трехпольная применялась только в районах, прилегающих к Транссибу. Удобрения в Сибири использовались мало, поскольку среди крестьян было распространено суеверие, что удобрения вредны. Как следствие, вовлечение земель в сельскохозяйственный оборот оказывалось слишком длительным процессом, который мог занять 10-12 лет. В итоге многие теряли надежду и пополняли ряды преступников, в некоторых местах новоселы совершали вооруженные нападения на старожилов; другие возвращались в Европейскую Россию.

Из думских дебатов видно, что этот обратный поток (в терминах социологии — "контрпоток") воспринимался как угроза общественной безопасности в Европейской России. В условиях такой внутренней миграции аграрный кризис, сотрясавший Российскую империю, удалось ослабить лишь в малой степени.⁸⁵⁹ Другой серьезной проблемой стало масштабное вторжение переселенцев в экологическую систему региона, что вызывало резкое неприятие со стороны коренного населения, считавшего «кощунственным» подобное отношение к природной среде.

Однако, несмотря на все издержки аграрной колонизации Сибири, Э.-М.Столберг дает в целом положительную оценку ее итогов. Используя в качестве источников архивные материалы и публикации зарубежных и отечественных исследователей (П.М.Данкворта, Л.М.Горюшкина и др.), Э.-М.Столберг приводит статистические данные о росте посевных площадей⁸⁶⁰, быстром развитии некоторых отраслей сельского хозяйства Сибири, росте механизации и импорте сельскохозяйственной техники.⁸⁶¹

⁸⁵⁷ Аналогичные явления имели место в условиях и канадского, и американского Дикого Запада.

⁸⁵⁸ Впрочем, современный отечественный историк М.В.Дорофеев подчеркивает, что в условиях Сибири залежно-переложное земледелие было более оптимальным и менее трудоемким в отличие от интеносивного трехполья. См.: Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. (к вопросу об "отсталости" систем полеводства) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 3 (7). С.81-86.

⁸⁵⁹ В США обратный поток был тоже заметным явлением, т.к. свою новоприобретенную землю покидал каждый пятый колонист. См.: Treibel A. Migration in modernen Gesellschaften. Soziale Folgen von Einwanderung, Gastarbeit und flucht. Muenchen, 1999. S.30.

⁸⁶⁰ Danckwort P.W. Sibirien und seine wirtschaftliche Zukunft. Ein Rückblick und Ausblick auf Handel und Industrie Sibiriens. Leipzig; Berlin, 1921.

⁸⁶¹ Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков, конец XIX - начало XX в. Новосибирск, 1967. С.114.

По мнению автора, подобно Транссибирской магистрали американские и западноевропейские тракторы способствовали вступлению Сибири в «эпоху модерна». Высокий уровень механизации сибирского сельского хозяйства позволял наблюдателям сделать вывод о зажиточности сибирских крестьян. В частности, Филиппс Прайс, который в 1910 г. по заданию Британского королевского географического общества оказался в Сибири, сообщал о процветании крестьян и о присущем им духе первопроходцев: «Я жил в новом обществе, проходившем поразительную фазу в своем развитии. Сибирь сейчас находится там, где Канада была двадцать лет назад. Подобно тому как английский переселенец в Канаде стал канадцем, русский колонист в Сибири стал сибиряком. Сибирь начинает осознавать свои нужды, постепенно формирует собственное общественное мнение и свою собственную политику, которую нередко противопоставляет политике Европейской России».⁸⁶²

Со ссылкой на работу П.Данкворта, Э.-М.Столберг показывает, какое значение имело сибирское сельское хозяйство для экономики военного времени. Об этом свидетельствовал тот факт, что если в 1913 г. в Европейскую Россию вывезли 40 млн пудов, то в первый год войны - ок. 150 млн пудов, т.е. почти в 4 раза больше. Хлеб оставался важной статьей экспорта, а Сибирь превратилась в новый район аграрного освоения. По оценке исследовательницы, столыпинская аграрная колонизация служила моделью для национальной политики, нацеленной на экономическое развитие.

В итоге немецкая исследовательница приходит к выводу, что «подвижная граница заселения» (т.е. «фронтир») являлась для русской истории фактором, формирующим **идентичность**, в не меньшей степени чем для Северной Америки. Русская литература того времени, посвященная Сибири, также знала тему деятельного поселенца, т.е. крестьянина, который сделал "Дикий Восток" пригодным для земледелия.

С тех пор как Сибирь в XVI в. стала частью русской истории, ее колонизация была делом рук отдельных первопроходцев - охотников, казаков, беглых, торговцев, сектантов. Одних влекла в Сибирь жажда приключений, надежда на лучшую жизнь, других гнала нужда, политические и религиозные преследования. Эти русские колонисты были не менее свободолюбивы, чем североамериканские поселенцы несмотря на то, что с освоением Американского Запада связано стереотипное представление о свободолюбивом американском народе, тогда как Россия ассоциируется с самодержавием,

⁸⁶² Price Ph.M. Siberia. London, 1912. P.VII-VIII.

крепостным правом, а Сибирь — с каторгой и ссылкой.

По мнению Э.-М. Столберг, столь же односторонним является взгляд на общественное развитие североамериканского "фронттира" как на историю сплошных успехов. Миф об "американском Западе" создавался прежде всего теми переселенцами, которые успешно справились с теми испытаниями, которые выпадали им на новом месте. Все же немалое число поселенцев - как и в Сибири - приезжали с большими надеждами, но на новой земле терпели экономическую и социальную неудачу, пополняя армию бедняков и страждущих, или возвращаясь на восточное побережье и способствуя созданию скорее негативного образа "свободного" американского Запада.

Тезис Ф.Дж. Тернера о том, что американский Запад сформировал "новый" тип независимого человека, опровергает П. Лимерик, которая утверждает, что регионализм на Западе был не настолько силен, чтобы иметь своим следствием независимость (здесь - в смысле автономии). То же самое можно сказать и о "Диком Востоке" России. В царской империи, как и в Советском Союзе, потенциал Сибири часто сравнивали с потенциалом американского запада (Сибирь как "вторая Америка"). Что в итоге из этой мечты ничего не вышло, объяснялось не тем, что русским было незнакомо стремление к свободе и автономии. Принципиальное различие между североамериканским и сибирским фронттиром заключалось в том, что федералистские структуры США и Канады оказались более эффективными в использовании потенциала природных ресурсов и людей, чем на это было способно централизованное устройство царской империи, а затем и Советского Союза. Если в течение трех веков царской власти сибирский фронттир обнаруживал сходство с Северо-Американскими Штатами за счет духа первопроходцев, присущего казакам, охотникам, промышленникам и крестьянам, то не следует удивляться и тому, что в советскую эпоху на смену индивидуалисту, отправлявшемуся на восток, пришел коллектив.

Царская империя как русская православная цивилизация в конце XIX в. под влиянием процессов индустриализации, растущей глобальной взаимозависимости и империализма получила импульс к экспансии, которая соединяла в себе комбинацию территориальных, демографических, экономических, религиозных и военных интересов и, по словам исследовательницы, «институционализировала в своей имперской динамике

принципиально асимметричные культурные контакты с азиатскими народами.⁸⁶³

"Пространство" (в данном случае, сибирская внутренняя колония) создавало "рамочные условия" для рефлексивных и коммуникативных структур при противопоставлении "своего" и "чужого". Как оказалось, в Сибири граница заселения обусловила довольно неустойчивый уклад жизни. В итоге отчетливо проявилась принципиальная хрупкость такого рода интеграции на основе воображаемой общности. Царской империи не удалось с помощью доктринальных шаблонов в духе «теории официальной народности» преодолеть социально-экономическую конфронтацию, возникшую на окраине вследствие непрерывного стремления Центра к подчинению политического, экономического и этнического регионализма.⁸⁶⁴

В правомерности применения теории «фронтира» к сибирской истории усомнился американский историк С. Маркс (сотрудник Университета Клемсона), называющий такие попытки «тщетными» и призывающий использовать более традиционную концепцию «колонизации», разработанную русскими историками еще в XIX в.⁸⁶⁵ Историк вписал массовые крестьянские переселения за Урал, имевшие место в конце XIX – начале XX в., в общий процесс европейской колонизации. По признанию С.Маркса, западные историки часто не уделяют должного внимания роли России в этом глобальном процессе, хотя среди всех примеров колонизации в новейшей истории немногие страны могут сравниться с успешностью освоения Сибири, куда в течение 1891–1914 гг. прибыло примерно 5 млн крестьян.

По мнению исследователя, европейский империализм, в большинстве случаев, являлся проявлением экономического и военного могущества, тогда как продвижение русских не на запад, а на восток свидетельствовало, скорее, о геополитической слабости России. С самого начала колонизация Сибири характеризовалась «стремлением к однородности, которая противопоставлялась разнообразию элементов, образовавших империю», и лишь усиливала национальные противоречия, требуя перекачки скудных финансовых и интеллектуальных ресурсов на окраины, подальше от центральных территорий. В конечном итоге, столь ошибочная расстановка приоритетов способствовала краху

⁸⁶³ Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart, 2009. S.357.

⁸⁶⁴ В отечественной историографии высказывалось мнение, что для Э.-М. Столберг характерно преувеличенное представление об уровне антимонархизма в Сибири. См.: Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010. С. 27.

⁸⁶⁵ Marks S.G. Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. New York; London, 1995. P. 23–39.

царского режима, а вместе с ним распалась та самая империя, на строительство которой ушло так много сил и средств.

Одну из своих статей С. Маркс посвятил деятельности ближайшего сотрудника С.Ю. Витте, статс-секретаря А.Н. Куломзина⁸⁶⁶, который, по мнению историка, заложил фундамент развития Сибири в течение всего XX в.⁸⁶⁷ Его деятельность фактически во главе КСЖД позволила осуществить массовые переселения людей, а в дальнейшем – перемещение промышленных предприятий в Сибирь. В то же время политика А.Н. Куломзина способствовала дальнейшему захвату земель, принадлежавших коренному населению региона.

Немногие исследователи считали царский режим эффективным или даже просто дееспособным, однако, по определению С. Маркса, колонизация Сибири «делает честь империи Романовых», во многом благодаря усилиям таких ее верных и талантливых слуг, как А.Н. Куломзин, «один из величайших колонизаторов в мировой истории». Если процессами колонизации США и Канады в разные периоды истории руководили сотни человек, то А.Н. Куломзину приходилось выполнять свою миссию в одиночку, решая в самые сжатые сроки множество сложнейших задач одновременно. И все же, если А.Н. Куломзина и можно считать достойным конкурентом западным «колонизаторам», этого не скажешь об империи, интересы которой он защищал. В целом С. Маркс не склонен преувеличивать успехи капиталистического развития Сибири в дореволюционный период, что сближает его концепцию с выводами отечественной (в первую очередь, советской) историографии⁸⁶⁸.

В русле концепции «колонизации» написаны статьи В. Кивелсон, А. Знаменского, Ч. Стейнведеля, опубликованные в сборнике «Заселение российской окраины: колонизация

⁸⁶⁶ А.Н. Куломзин (1838–1902) – управляющий делами Комитета министров (1883–1902), одновременно с 1893 г. управляющий делами Комитета Сибирской железной дороги.

⁸⁶⁷ Marks S.G. *Conquering the Great East: Kulomzin, Peasant Resettlement, and the Creation of Modern Siberia // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York; London, 1995. P.35.

⁸⁶⁸ Так, Л.М. Горюшкин, хотя и писал о преобладании «фермерского» пути развития сельского хозяйства в Сибири, был все же вынужден признать, что регион оставался аграрно-сырьевым придатком, зависимым от промышленности Европейской России, которая по общему уровню развития значительно опережала наиболее далекую из «колонизируемых окраин». (См.: Горюшкин Л.М. *Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.)*. Новосибирск, 1976. С. 368). Более того, ряд советских историков (А.А. Храмков, Л.Г. Сухотина) в 1950–1960-х гг. указывали на значительные масштабы «феодално-крепостнических пережитков», сохранение системы «государственного феодализма» в Сибири на рубеже XIX–XX вв. См.: Храмков А.А. *Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 года*. Томск, 1956; Сухотина Л.Г. *К вопросу о феодальных пережитках в сибирской деревне накануне первой русской революции // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1961.

пограничных территорий в истории Евразии» в 2007 г.⁸⁶⁹ Подобно С. Марксу историки отмечали, что хотя западные исследователи европейской колонизации обычно забывают упомянуть о роли русского народа, последний следует отнести к числу величайших «колонизаторов» в истории Старого Света. Русским удалось заселить огромные пространства Северной Европы и Азии, от побережья Балтики до Тихого океана, от Арктики до Центральной Азии. Перемещение десятков миллионов поселенцев, представителей славянских народов, служило главной составляющей процесса «империостроительства» в России, а также стержнем повседневной жизни многочисленных социальных и этнических групп.

Данный исторический процесс одновременно направлялся государством и получал народную поддержку снизу. Он характеризовался сотрудничеством разных социальных сил и народным энтузиазмом, равно как репрессивными мерами со стороны государства и столкновениями между представителями различных социальных групп и сообществ. Колонизационный процесс приобретал различные формы и в то же время оставался некоей удивительной константой, содержащей в себе, даже по прошествии столетий, устойчивые элементы своеобразной российской географии, социальных и политических структур.

В конце XX в. русская колонизация обернулась «деколонизацией», с неоднозначными и непростыми последствиями. Но причины депопуляции обширных пространств бывшей империи авторы сборника призывают искать в самой истории России: «В действительности, современный постколониальный ландшафт является прямым следствием долгой истории славянских миграций на окраинные земли, что в чистом виде дало смешение и изменение населения и территорий Евразии в подлинно континентальных (а, в действительности, трансконтинентальных) масштабах».

Современный немецкий историк Д. Дальман, автор обобщающего труда по истории Сибири в Новое и Новейшее время⁸⁷⁰, вслед за С.Марксом и Э.-М. Столберг рассматривает крестьянские переселения рубежа XIX-XX вв. в неразрывной связи с сооружением Транссибирской магистрали. Переселения должны были способствовать освоению региона, но в первую очередь поддержать меры, связанные со строительством

⁸⁶⁹ Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history. London; New York, 2007.

⁸⁷⁰ В разделе, посвященном социально-экономическому развитию Сибири в пореформенный период, Д.Дальман приводит данные преимущественно из работ современных западных исследователей - С.Маркса, Э.-М.Столберг, А.Каппелера, Ю.Слезкина, Дж.Форсайта и др. См: Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn, 2009.

и сдачей в эксплуатацию первой линии. Соответственно, планировалось заселить, прежде всего, территории, прилегающие к железной дороге, в целях обеспечения всем необходимым рабочих, персонала и пассажиров, а также для поддержания магистрали в исправном состоянии.⁸⁷¹

Данный процесс «внутренней колонизации», включавший в себя также меры по улучшению водных путей и развитию сибирской промышленности, в официальных документах обозначался как "вспомогательные мероприятия" и находился в ведении Комитета Сибирской железной дороги. Централизованное управление колонизационными процессами, а также их финансирование из средства специального созданного фонда⁸⁷² соответствовало убежденности большинства членов комитета (и, в первую очередь, министра финансов С.Ю. Витте) в необходимости максимальной регламентации миграций, чтобы обеспечить приток переселенцев в нужные регионы.

Летом 1896 г. А.Н. Куломзин совершил поездку в Сибирь, осмотрел новые поселения и расспросил поселенцев о причинах их переезда. По возвращении он составил отчет, который имел большое значение для продолжения миграционного процесса. Итогом стало появление указа от 7 декабря 1896 г., которым особенно поощрялось "ходачество", ставшее после освобождения крестьян в 1861 г., особенно в 1870-е гг. массовым явлением. По указу 1896 г. ходоки должны были не просто подготовить переселения, но и руководить самим процессом. Государственная поддержка ходачества способствовала уменьшению доли самовольных переселенцев из районов Черноземья.

В отчете А.Н. Куломзина также подчеркивалось, что многие крестьяне переселялись нелегально не из-за недоверия к государству, но лишь потому, что все прежние, законные попытки требовали слишком много времени. Нередко случалось, что крестьяне в ожидании разрешения на переселение успевали продать свое движимое имущество до того, как получали официальный ответ, поэтому им не оставалось иного выбора кроме как искать счастья в Сибири нелегальными способами.

Таким образом, к началу XX в. концепция строгой регламентации и регулирования миграционных процессов в Сибири корректировалась с учетом реальных условий. Наконец, ее поколебали плохой урожай 1901 г. и крестьянские волнения, охватившие

⁸⁷¹ Dahlmann D. *Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn, 2009. P. 196.

⁸⁷² Marks S. *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917*. New York, 1991. P.144-148; Сибирские переселения. Вып.2.: Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений. Сб. док. Новосибирск, 2006. С.7-36.

часть регионов страны в следующем году. В целях успокоения весьма напряженной социальной ситуации в деревне переселенческие правила были смягчены. По мнению Д. Дальмана, в сущности новая политика предполагала усиление среднего крестьянства и развитие крестьянской частной собственности. После долгих приготовлений и дискуссий она начала проводиться премьер-министром П.А. Столыпиным, взявшим курс на разрушение крестьянской общины как института, основанного на круговой поруке и переделах. Впрочем, вслед за А.А. Храмовым, немецкий историк отмечает, что с юридической точки зрения с помощью законодательных мер 1910-1911 гг. П.А. Столыпин лишь отменил принудительное членство в общине, поэтому нельзя говорить о полном разрыве с прежними крестьянскими правовыми и экономическими отношениями⁸⁷³.

В целом историк положительно оценивает итоги аграрных преобразований в Сибири. В Сибири почти полностью отсутствовал слой малоземельных и безземельных крестьян, их наделы превышали наделы крестьян Европейской России и вдвое или втрое превышали норму в 15 десятин. деревни (в некоторых было до тысячи домов - больше, чем в деревнях Европейской России) не знали земельных переделов (которые были обычным явлением в других регионах), поэтому большинство крестьян считали себя владельцами земли, даже если де юре это было не так. Как следствие, крестьянская община утратила часть своих важных функций и более не играла той роли, какая у нее была в регионах, расположенных к западу от Урала. Благодаря такой устойчивости права землевладения и землепользования у сибирских крестьян формировалось столь явно выраженное чувство собственного достоинства.⁸⁷⁴

В то же время Сибирь, особенно западная ее часть, превратилась в один из крупных центров кооперации - движения, история которого в Российской империи берет начало в 1870-х гг. Здесь действовали кредитные, потребительские и производственные кооперативы; количество их членов в конце 1914 г. достигало 1 млн чел., а сеть их лавок и магазинов покрывала весь регион. Особенно распространены они были в молочной отрасли, прежде всего, в маслодельной промышленности, поскольку на рубеже XIX-XX вв. крестьяне объединялись для защиты своих интересов перед многонациональными компаниями, пытавшимися захватить рынок.⁸⁷⁵

⁸⁷³ Khramkov A.A. Stolypin's Reform in Sibirien // *The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East*. Frankfurt a.M., 2005. S.99-108.

⁸⁷⁴ См.тж: Hughes J. Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy. Cambridge, 1991. P.7

⁸⁷⁵ См.тж: Hughes J. Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy. Cambridge, 1991. P.16; Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart. 2009. S.411).

Историк приводит сведения об увеличении площади обрабатываемой земли (в 1897 — 1914 гг. - на 122%), увеличении поголовья скота и объемов зернового производства в Сибири. Уровень механизации сельского хозяйства в Сибири был значительно выше, чем в Европейской России, что также вело к расширению производства сельхозтехники в регионе⁸⁷⁶.

Вместе с тем, рынок сбыта сельхозпродукции в Сибири (прежде всего - зерна) был весьма ограничен, поскольку, согласно переписи 1897 г. в городах проживало менее 10% населения региона. Учитывая растущий спрос на сибирское зерно за пределами региона, государство пыталось различными способами регулировать рынок, защищая производителей зерна в центральных и южных районах России от конкурентов из Сибири и развивая инфраструктуру северных регионов для вывоза зерна за границу.

Так, началось сооружение железнодорожной ветки от Омска через Тюмень до Екатеринбурга, для соединения с Пермской железной дорогой и дальнейшим соединением с Санкт-Петербургом и Архангельском. В итоге, сибирское зерно вывозилось преимущественно северными маршрутами - через порты Балтийского моря и Архангельска. Дополнительные стимулы создавались с помощью соответствующих тарифов на грузовые перевозки, которые удешевляли фрахтовые ставки для северных маршрутов и, напротив, повышали стоимость южных. С течением времени П.А. Столыпин намеревался организовать отправку сибирского зерна в Европу через порто-франко в устьях Оби и Енисея, однако его проект потерпел неудачу.⁸⁷⁷ В целом Д. Дальман обозначает все эти меры как «содействие региональной экономике» и «гармонизация экономических интересов».

Вслед за С. Марксом и Э.-М. Столберг, немецкий историк отмечает, что в своей политике усиления «русского элемента» царское правительство ориентировалось на политику "онемечения" (*Germanisierung*), которую проводил Бисмарк в отношении поляков в восточных провинциях Пруссии. Государственный секретарь А.Н. Куломзин специально распорядился изучить и принять во внимание опыт Германской империи в этом вопросе. Кроме того, пристальное внимание уделялось анализу социальных и аграрных отношений в США и Канаде.

Изменения в правительственной политике в отношении крестьянских переселений

⁸⁷⁶ Poppe N. The Economic and Cultural Development of Siberia // Russia Enters the Twentieth Century 1894–1917. London, 1971. P.145.

⁸⁷⁷ Westwood, J. N. Geschichte der russischen Eisenbahnen. Zürich, 1966. S.111.

анализируются в статье Ч. Стейнведела (сотрудника Университета Северо-Восточного Иллинойса).⁸⁷⁸ В сущности, американский историк объединил в своей концепции элементы теорий колонизации и модернизации, довольно высоко оценивая «прогрессивные» начинания правительства эпохи Столыпинских реформ.

По замечанию Ч.Стейнвела, законы, принимавшиеся во второй половине XIX в. и направленные на ограничение миграций и удержание всех процессов в тесных рамках административного регулирования, сменились в период Столыпинской аграрной реформы поощрением крупномасштабных переселений людей⁸⁷⁹, отправлявшихся в путь по собственной воле и получавших для этого государственную поддержку. По мнению Ч.Стейнведела, в Сибири центральная власть отказалась от попыток воспроизвести социальную иерархию Европейской России, в которой доминировали дворяне, сделав выбор в пользу более инклюзивного и гибкого общества, основой которого было частное землевладение.

Меняющийся подход к миграциям свидетельствовал о новом взгляде на подданных, который получал распространение среди влиятельных царских чиновников в позднеимперский период. Ведущие государственные деятели, такие как П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, более не считали интересы населения по определению тождественными интересам государства. Напротив, народное волеизъявление отныне воспринималось как важнейшее условие и фундамент деятельности государственных институтов.

Анализируя «Записку» П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, составленную по итогам их поездки в Сибирь в 1910 г., историк приходит к выводу, что, выступая за свободу переселений, авторы «Записки» выражали поддержку тем подданным, кто действовал, руководствуясь собственными интересами, а не одними лишь указаниями властей. По мнению Ч. Стейнведела, в вопросе развития в Сибири частной земельной собственности премьер-министр и главноуправляющий ГУЗиЗ даже готовы были закрывать глаза на возможные нарушения закона, связанные с тем, что в Сибири уже имела место

⁸⁷⁸ Steinwedel Ch. Resettling People, Unsettling the Empire: Migration and the Challenge of Governance, 1861—1917 // *Peopling the Russian Periphery: Borderland colonization in Eurasian history*. London; New York, 2007. P. 128-147.

⁸⁷⁹ Ч. Стейнвелл использует термины "переселение" и "колонизация", взятые из источников, как взаимозаменяемые (как это и делается в самих источниках). Как показал У. Сандерленд, в позднеимперский период оба понятия были взаимосвязаны и могли употребляться одновременно. Под "переселением" иногда понимался внутренний процесс, преимущественно связанный с передвижениями крестьян, тогда как термин "колонизация" в большей степени ассоциировался с "зарубежными" миграциями и мог использоваться, чтобы подчеркнуть имперское измерение процесса. После 1860-х гг. чиновники начали использовать термин "колонизация" чаще, чем раньше. Тем не менее, связь между двумя терминами осталась не очень ясной. См.: Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca, 2004. P.88,156,158,194.

фактическая купля-продажи земли без соответствующего юридического оформления. Кроме того, частные землеустроительные организации, не имея на то никаких правовых оснований, осуществляли внутреннее размежевание общинных земель в регионе как «прелюдию» к передаче надельной земли в частную собственность. Реакцию П.А. Столыпина и В.А. Кривошеина на такие широко распространенные попытки обойти закон Ч. Стейнведел называет поразительной. Казалось, правительственные чиновники воспринимали правовые нарушения лишь как свидетельство того, что сама жизнь создает новые формы единоличной собственности на землю в соответствии с фактической ситуацией.

Наличие большого числа незарегистрированных переселенцев П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин считали признаком хороших перспектив экономического развития того или иного региона. Местные власти могли решать возможные проблемы, вызванные такой концентрацией мигрантов, регулируя размер субсидий с учетом местных условий, а также разрешая приобретать землю в частную собственность. Соответственно, главным инструментом решения проблем должен был стать рынок — в той же мере, что и государство.⁸⁸⁰ Тот факт, что два влиятельных государственных деятеля более не считали, что чиновникам лучше известно, как колонизовать Сибирь, указывает на их главное отличие от предшественников в XIX в.⁸⁸¹

Представление об экономике как состоящей из отдельных субъектов, проявившееся в "Записке" П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина, существенно повлияло на их представления о сословном статусе и национальности. Сословный статус все менее использовался в качестве принципа общественной организации, при этом для характеристики населения все чаще применялся национальный критерий, что стало заметно еще до революции 1905 г.

Авторы «Записки» рассматривали колонизацию как средство распространения русского влияния. Впрочем, взгляд П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина на национальность отражал часто недооцениваемую сложность этих понятий в имперской

⁸⁸⁰ Слово «рынок» в «Записке» П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина не использовалось, однако, по заключению Ч. Стейнведела, сам перечень факторов, которые должны были облегчить решение проблем незарегистрированных мигрантов - собственность, право продажи, правильная цена - показывает, что авторы «Записки» рассчитывали, прежде всего, на рыночные силы. См.: Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe. Ithaca, 2004. P.137.

⁸⁸¹ Ч. Стейнведел приводит мнение У. Сандерленда о том, что в 1880-х гг. некоторые эксперты также предлагали рассматривать переселения как реализацию прав подданных, а крестьян — как будущих «рациональных акторов», однако в правящих кругах данная точка зрения не получила поддержки. См.: Sunderland W. Taming the Wild Field: Colonization and Empire. Ithaca, 2004. P.192.

России. Описывая заселение Сибири, они оперировали двумя определениями нации: одно делало акцент на русской национальности, принадлежности к русскому этносу и православной вере. В своих отчетах Николаю II П.А. Столыпин подчеркивал «русскость» переселенцев. Он утверждал, что переселенческий "элемент" был "совершенно монархическим, с правильным, чистым, русским мировоззрением". Авторы «Записки» идентифицировали переселенцев как русских и как реализующих русский государственный интерес путем усиления границы империи с Китаем.

Однако куда чаще при характеристике сибирских переселений они подчеркивали ощущение национальной/имперской идентичности, которая в большей мере основывалась на географии, подданстве и собственности, нежели на принадлежности к православию и русскому этносу.⁸⁸² П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин утверждали, что переселения помогут Российской империи выполнить ее историческую миссию и защитить территорию, заселенную "европейскими племенами" от "азиатских рас", готовых ее заполнить. Таким образом, люди практически любой национальности могли поучаствовать в строительстве империи, если враг России характеризовался определенной расовой принадлежностью, а не национальной или религиозной.⁸⁸³

Лишь некоторые предложения П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина в отношении Сибири были оформлены законодательно. Политический центр и правые демонстрировали поддержку программы переселений, но без особого интереса. Владельцы земельной собственности из Европейской России, доминировавшие в 3-й и 4-й Государственных Думах, не проявляли энтузиазма по поводу расходования средства на освоение Сибири.

Сплотить депутатов Думы и правительство удалось по вопросу о запрете нанимать китайских рабочих на казенные предприятия на Дальнем Востоке (соответствующий указ был подписан царем 21 июня 1910 г.). Проявив редкое единодушие, Государственная Дума одобрила данную меру как способ укрепить безопасность России.

Поскольку отказ от услуг китайских рабочих означал необходимость найти им замену, в течение следующих 5 лет правительственное совещание работало над увеличением численности населения на Дальнем Востоке. Только спустя полтора года чиновники

⁸⁸² Уортман Р. противопоставляет "государственный национализм" Столыпина национализму Николая II, который понимался царем как его личная связь с подданными. См.: Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol.2. Princeton, 2000. P. 408-409.

⁸⁸³ Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911. С.125.

заявили о первых успехах в деле привлечения рабочих на восток, в основном путем предоставления различных льгот и субсидий. Примечательно, что рабочие, которых считали подозрительным элементом в населении Европейской России, на Дальнем Востоке превратились в опору Российского государства, готовые защищать родину в случае столкновений с врагом.

В целом идентификация переселенцев по национальному признаку оставалась характерной чертой колониционной политики до и после 1905 г., однако поддержка исключительно русских и православных колонистов более не являлась основным пунктом государственных планов. Представители нерусского и неправославного населения могли служить интересам империи в Сибири, в ряде случаев даже лучше, чем русские.

Образ будущего Сибири, который рисовали себе П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин, явно вдохновлял их, но он также заставил премьер-министра проявить известные колебания. В письме Николаю II по возвращении в 1910 г. П.А. Столыпин пытался убедить царя в необходимости провести реформы, предложенные в его "Записке", и сделать это как можно скорее. Если этого не сделать, писал он, возникнет огромная «грубо-демократическая страна», которая вскоре разрушит Европейскую Россию.

Неспособность властей в полной мере контролировать процессы, имевшие место в Сибири, сделала возможными "спонтанные" изменения в землепользовании, которые, по-видимому, продемонстрировали П.А. Столыпину и А.В. Кривошеину границы возможностей государства в управлении экономической жизни империи. В целом их поездка на восток в 1910 г. показала, что Сибирь давала обширное пространство для выработки новой концепции реформ, равноудаленной от идей радикальных оппозиционеров и консервативных дворян, блокировавших их инициативы в Санкт-Петербурге. Она также показала, как колонизация Азиатской России ослабила интерес к социальной иерархии и национальной идентичности, который превалировал при дворе и в консервативном обществе. П.А. Столыпин и А.В. Кривошеин восприняли возможность изменений. Однако этому восприятию мешала одна пугающая мысль: даже если их предложениям суждено быть облечь форму закона, «грубо-демократическая» Сибирь все равно могла сокрушить Европейскую Россию.

3.2. Проблемы развития транспорта и промышленности в Сибири.

Наряду с проблемами аграрной истории значительное внимание место в англо- и немецкоязычной историографии уделяется проблемам развития транспортной инфраструктуры региона, прежде всего, анализу причин и последствий сооружения трансконтинентальной железнодорожной магистрали (в работах Д. Тредголда, В. Моута, Х. Таппера, Б. Самнера, А. Геденштрёма, Р.Норта, Х. Хукхэм и др.)⁸⁸⁴.

Авторы первых работ, посвященных данной теме и опубликованных на рубеже XIX – XX в., подчеркивали, что строительство магистрали в равной мере должно было способствовать решению экономических и военно-стратегических задач.⁸⁸⁵ Так, немецкий исследователь К. Виденфельд пришел к следующему выводу: «Огромное предприятие, которое русское правительство ведет к завершению, заключается не только в том, чтобы утвердить владычество империи на берегах Тихого океана для решающей битвы за покорение Китая - такое покорение, которое сделало бы власть России неоспоримой,⁸⁸⁶ но и для того, чтобы начать новую эру экономического развития тех территорий, через которые пролегает магистраль... Сибирская железная дорога также служит средством массовых перевозок в те местности, которые ранее были отрезаны от любых коммуникаций или были доступны только по водным путям...».⁸⁸⁷ Важнейшей целью строительства автор называл заселение малолюдных и экономически слаборазвитых районов, которые благодаря магистрали предстояло соединить с «культурным центрами Востока и Запада».

В отличие от последующей историографии, К. Виденфельд большую роль в реализации проекта отводил министру путей сообщения А.Я. Гюббенету, стоявшему у истоков всего мероприятия и определившему окончательный вариант маршрута Великого Сибирского

⁸⁸⁴ Mote V. *Siberia: Worlds Apart*. Boulder, 1998; Treadgold D. *The Great Siberian Migration*. Princeton, 1957; Tupper H. *To the Great Ocean*. Boston, 1965; Sumner B.H. *Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880-1914*. London, 1940; Hedenstroem A., von. *Geschichte Russlands von 1878 bis 1918*. Stuttgart-Berlin, 1924; North, R. *Transport in Western Siberia. Tsarist and Soviet Development*. Vancouver, 1979; Hookham H. *The builders of the Trans-Siberian Railway // History Today*. 1966ю Vol.16. No.8. P.528-37.

⁸⁸⁵ Vladimir (Volpicelli Z. [?]). *Russia on the Pacific, and the Siberian railway* London, 1899; Wiedenfeld K. *Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung*. Berlin: Springer, 1900; Ruge S. *Die transsibirische Eisenbahn: Vortrag gehalten in der Gehe-Stiftung zu Dresden am 12. Oktober 1901*. Dresden, 1901.

⁸⁸⁶ К. Виденфельд был убежден, что строительство участка магистрали, пролежавшего через Маньчжурию, было обусловлено не столько экономическими соображения (желанием уменьшить расходы), но и политическими - стремлением упрочить российское влияние в регионе. См.: Wiedenfeld K. *Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung*. Berlin: Springer, 1900. S.82.

⁸⁸⁷ Wiedenfeld K. *Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung*. Berlin, 1900. S.57.

пути. Однако, как пишет немецкий исследователь, в феврале 1892 г. А.Я. Гюббенет лишился своей должности, а 10 декабря 1892 г. последовал царский указ, по которому во главе всего дела был поставлен Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) во главе с вел. кн. Николаем Александровичем.⁸⁸⁸ С течением времени в КСЖД и в правительстве ключевой фигурой стал министр финансов С.Ю. Витте, руководивший строительством Транссибирской магистрали наряду с министром путей сообщения кн. М.И. Хилковым.

С. Руге, современник и соотечественник К. Виденфельда, также указывал на сочетание экономических и военно-стратегических причин, обусловивших строительство Транссибирской магистрали – «одного из величайших предприятий, которые должны содействовать международным сношениям».⁸⁸⁹ Вполне в традициях немецкой исторической школы, с ее акцентом на роли государства и вопросах военно-дипломатической истории, С. Руге рассматривал магистраль, прежде всего, как один из инструментов российской экспансии. Автор называет Россию «сравнительно молодым государством, завоевавшим независимость от монголов только 400 лет назад». В течение четырех веков происходило непрерывное расширение ее территории, финальным аккордом которой стала аренда Порт-Артура – «владений настолько важных, что туда будет проложена ветка Сибирской магистрали».⁸⁹⁰

По мнению исследователя, без решающей роли государства осуществить такой грандиозный проект, как строительство Великого Сибирского пути, было бы невозможно. Вместе с тем, будущее строительства зависело от способности правительства привлечь новые займы. По данным С. Руге, в 1900 г. на эти цели было определено 150 млн марок (189 млн франков), однако правительство располагало только 22 млн марок, поскольку «китайская война» обошлась в 135 млн марок. Кроме того, много средств было потрачено

⁸⁸⁸ По замечанию К.Виденфельда, формально учреждение КСЖД объяснялось важностью дела и необходимостью всесторонней защиты государственного интереса, но фактически стало следствием межведомственной борьбы Министерства путей сообщения и Министерства финансов, которое возглавлял И.А. Вышнеградский.

⁸⁸⁹ Как пишет С. Руге: «Среди причин строительства магистрали – растущая плотность населения в Европейской России, нехватка земли... Приток населения [в Сибирь] будет способствовать развитию сельского хозяйства в крае, а также более интенсивному использованию природных богатств, полезных ископаемых, а значит - развитию промышленности... Существуют также и международные аспекты. Строительство магистрали превратит Россию в тихоокеанскую державу и будет влиять на все события в [Азиатско-Тихоокеанском регионе] так же, как это делают Япония, Китай, США, Англия. Проникнув в Китай, Россия обеспечит более быструю доставку грузов и людей с Востока на Запад, соревнуясь с Суэцким каналом и железнодорожными магистралями Северной Америки». См.: Ruge S. Die transsibirische Eisenbahn: Vortrag gehalten in der Gehe-Stiftung zu Dresden am 12. Oktober 1901. Dresden, 1901. S. 22.

⁸⁹⁰ Показательно предположение С. Руге о том, Россия не вернет Китаю ни Порт-Артур, ни оккупированную российскими войсками Маньчжурию.

на помощь голодающим в 17 российских губерниях, где ситуация была еще хуже, чем в 1891-1892 гг. По оценке С. Руге, наиболее вероятной датой завершения строительства следовало считать 1907 год. Автор не сомневался, что магистраль в итоге окажет большое влияние на мировой транспортный поток, при этом предполагал, что более других от использования Транссиба выиграет Япония, активность которой Россия, по его мнению, явно недооценивала.

Представление о Транссибе как инструменте российского империализма, по сути, сформулированное исследователями на рубеже XIX – XX в., разделяют и многие современные авторы. В монографии канадского исследователя Р. Норта отмечается, что для строительства железной дороги существовало множество причин, но наибольшую роль, по мнению историка, играли военные и политические соображения, особенно надежды на усиление контроля над Сибирью и расширение российского влияния России на Дальнем Востоке.⁸⁹¹ Безусловно, магистраль также должна была способствовать эксплуатации минеральных ресурсов Сибири и расширению рынков сбыта для товаров, произведенных в Европейской России (при этом, по замечанию Р.Норта, никто не мог предвидеть, что в будущем магистраль обеспечит вывоз, прежде всего, сибирской сельскохозяйственной продукции).

Ссылаясь на дореволюционные и зарубежные издания, автор сообщает, что первые предложения о строительстве железной дороги через всю Сибирь были сделаны в 1850-х гг. В течение следующих тридцати лет последовал целый поток проектов, авторы которых предлагали различные варианты соединения железнодорожного и водного транспорта и указывавших конкретные географические координаты. В одних проектах предусматривалось строительство магистрали от Москвы до Тихого океана, в других - улучшение отрезков пути, соединяющих большие реки. Среди тех, кто поддерживал идею

⁸⁹¹ North R.N. *Transport in Western Siberia: Tsarist and Soviet Development*. Vancouver, 1979. P.68. Странники данного вывода встречаются на Западе и в наши дни. Так, по мнению британского журналиста К.Волмара автора научно-популярной работы о Транссибе, вклад магистрали в геополитику трудно переоценить, поскольку без нее современные карты Европы и Азии выглядели бы совсем иначе. (См.: Волмар, К. Транссибирская магистраль: История создания железнодорожной сети России. М., 2016. С.9). В отечественной историографии также подчеркивается геополитическое и военно-стратегическое значение Транссиба. См.: Ламин В.А. Исторический опыт разработки проблем формирования железнодорожной сети на севере Сибири и Дальнего Востока: дисс. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987; Сигалов М.Р., Ламин В.А. Железнодорожное строительство в практике хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск, 1988; Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах российской империи // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2010. № 3-4 (58-59). С. 150-191; Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью в XVII - начале XX в.: дисс. ... канд.ист.наук. Иркутск, 2004; Канн С.К. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по естественнонаучному изучению Сибири в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.

трансконтинентальной магистрали, было больше выразителей интересов уральской металлургии, чем сторонников более северных вариантов, обеспечивавших доступ к топливным ресурсам и сибирской тайге. Правительство, заинтересованное в содействии переселениям за Урал и торговле с Китаем, склонялось в пользу более южных вариантов маршрута.

По заключению историка, осуществление этих замыслов задержалось на несколько десятилетий вследствие бюрократических проволочек, нехватки средств и череды войн, которые вела Россия в царствование Александра II. Вслед за Д. Тредголдом канадский историк полагает, что главную роль в реализации проекта сыграли Александр III и С.Ю. Витте. В итоге был выбран вариант маршрута с отправной точкой строительства в Миассе, проходивший через наиболее плодородный и населенный регион к востоку от Урала и не требовавший пересечения наиболее труднопроходимой гористой местности к востоку от Оби.⁸⁹²

Тем не менее, стремление построить быстро и дешево обусловило две характерные черты магистрали. Во-первых, необходимость спрямления маршрута заставила проектировщиков провести магистраль мимо таких важных центров того времени как Колывань (где Сибирский тракт пересекал Обь, к северу от Новониколаевска (современного Новосибирска)) и Томск. Кроме того, стремление к экономии привело к отступлению от принятых технических стандартов, что в итоге снизило пропускную способность Транссиба.

Сооружение магистрали началось в 1891 г. сразу с двух концов и в тех промежуточных пунктах, где можно было поставлять материалы по рекам. Несмотря на экономию, затраты на строительство существенно превзошли первоначальные расчеты. Из-за этих ограничений, а также из-за того, что планировщики недооценили масштаб местных перевозок, спрос на железную дорогу вскоре превысил ее мощность.⁸⁹³ Перевозки осуществлялись в соответствии с приоритетами: военные грузы имели первостепенное значение, но их все равно доставляли с большими задержками, что имело самые

⁸⁹² По мнению Р. Норта, сам факт наличия большого количества вариантов маршрута опровергает утверждение К. Криптона о том, что стремление к быстрому и дешевому строительству «привело к такой односторонней концентрации внимания на технических факторах, что экономические соображения были отодвинуты на второй план. Информация о климате, населенных местностях, обычаях населения и землях, пригодных для земледелия, собиралась только после того, как магистраль была проложена и никак не сказались на выборе маршрута». См.: Krypton C. *The Northern Sea Route. Its Place in Russian Economic History before 1917*. New York, 1953. P.77.

⁸⁹³ Кроме того, как замечает Р. Норт, не во всем следует винить Транссиб. Вплоть до 1914 г. единственным узлом, соединявшим железные дороги Урала, Сибири и Средней Азии с железными дорогами, расположенными к западу от Волги, был мост в Сызрани - вечное "узкое место", труднопроходимый участок.

негативные последствия, например, в период Русско-японской войны 1904-1905 гг.

Британский исследователь Д.Коллинз, изучавший историю разработки проектов Великого Сибирского пути, также полагает, что в России политика «нового империализма» (как проявление борьбы европейцев за новые колонии в XIX в.) была обусловлена действием не только экономических, но и политических, военных, религиозных и идеологических факторов. Учитывая закрытость самодержавного государства, трудно оценить, какими соображениями в первую очередь руководствовались в XIX в. сторонники российской экспансии, однако в течение сорока лет в обществе велись дискуссии о необходимости строительства железных дорог в Сибири.

Многие проекты фокусировались на экономических выгодах, которые даст такая железная дорога. Кто-то поддерживал идею строительства коротких линий, соединяющих бассейны рек; другие были более амбициозны, наиболее грандиозные замыслы предусматривали непрерывную магистраль из Европы до Тихого океана. Сторонники строительства часто преувеличивали возможную отдачу от капиталовложений, а также готовность и способность российских и сибирских деловых кругов инвестировать огромные средства, которые были для этого необходимы.

Некоторые ранние проекты были предложены иностранцами, однако русские предпочитали отказываться от таких предложений, воспринимая их с особым подозрением. Убежденными противниками идеи строительства трансконтинентальной магистрали выступали сибирские «областники», полагавшие, как Н.М. Ядринцев, что разговоры о торговле, прогрессе и цивилизации часто маскировали «личные, эгоистичные интересы» и полное безразличие к реальным нуждам жителей Сибири.

В некоторых проектах присутствовали политические мотивы. Иногда они были выражены более явно - теми, кто считал, что Сибирь должна быть более прочно инкорпорирована в состав Сибири. Так, В.П. Безобразов выразил обеспокоенность по поводу того, что Россия фактически разделилась две половины. К этому привело строительство железных дорог в Европейской России, «стянувших» ее более прочно, при этом вся Азиатская Россия оказалась отделена от торговых и административных центров империи. В.П. Безобразов полагал, что в интересах государства следовало реинтегрировать эти владения царя, чтобы продолжить «историческое развитие» России.

Стратегические соображения были связаны с необходимостью развития оборонных

возможностей России, что позволило бы империи противостоять европейским державам на западе и востоке. Поражение в Крымской войне помогло русским осознать взаимосвязь между промышленным производством и военной мощью. Как утверждал инженер В.К. Рашет, русские должны "без усталости трудиться и совершенствовать "техническое ремесло", включая железные дороги, чтобы не уступать мощи любого потенциального противника.

Д. Коллинз приводит данные о том, что между министерствами также велись споры по поводу главной причины строительства железной дороги. Если Министерство финансов указывало на необходимость развития экономики Сибири и Дальнего Востока, то военный министр и глава МИД считали более важным стратегический фактор и просили начать строительство на востоке, чтобы соединить Владивосток с внутренними районами страны. Казалось, что решение начать строительство одновременно с двух сторон было компромиссным, соответствуя тому, о чем Александр III написал в рескрипте на имя великого князя Николая Александровича, а именно о своем желании «гарантировать мирное процветание страны».

Несмотря на ряд критических суждений, многие историки в целом положительно оценивали значение Транссиба для экономики Азиатской России (В. Конолли, П. Дибб, Б. Андерсон, Р. Меллор, Г. Вернадский, Б. Дмитришин, И. Блэнчард).⁸⁹⁴ Английский историк Дж. Вествуд писал о том, что после сооружения Транссиба возросли поставки пшеницы и мяса из Сибири в Европейскую Россию. Кроме того, благодаря созданным вдоль магистрали медицинским, продовольственным и приемным пунктам произошло снижение смертности среди переселенцев.⁸⁹⁵

В статье американского исследователя Р.Е. Лонсдейла, опубликованной в начале 1960-х гг., советская историография подвергается критике за умаление достижений сибирской промышленности в пореформенный период.⁸⁹⁶ Опираясь на работы дореволюционных и

⁸⁹⁴ Tupper H. To the great ocean: Siberia and the Trans-Siberian Railway. Boston, 1965; Dibb P. Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects. New York and London, 1972. P.11; Anderson B. Internal Migration During Modernization in Late Nineteenth Century Russia. Princeton, 1980. P.129; Mellor R. The Soviet Union and its Geographical Problems. London, 1982. P.67, 125; Vernadsky G. A History of Russia. New York, 1961. P.255; Dmytryshyn V. A History of Russia. Englewood Cliffs, 1977. P.434; Blanchard I. Russian railway construction and the Urals charcoal iron and steel industry, 1851-1914 // The Economic History Review. 2000. Vol.53. No. 1. P.107-126; Передерий С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. - февраль 1917 г. дисс.... канд. ист. наук. Томск, 1984.

⁸⁹⁵ Westwood J.N. A History of Russian Railways. London: G. Allen and Unwin, 1964. P.116; Передерий С.В. К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX- начале XX вв. Томск, 1980. С.164-178.

⁸⁹⁶ Lonsdale R.E. Siberian Industry before 1917: The Example of Tomsk Guberniya // Annals of the Association of American Geographers. 1963. Vol. 53. No.4. P.479-493.

советских исследователей, а также статистические материалы, опубликованные в начале XX в. в ведомственных изданиях американских и британских министерств, Р.Е. Лонсдейл рассматривает историю индустриального развития Томской губернии до 1917 г., особо отмечая ту роль, которую сыграло строительство Транссиба.

Автор признает, что уровень развития сибирской индустрии был, безусловно, невысок в сравнении с современным,⁸⁹⁷ но в течение первых полутора десятилетий XX в. количество рабочих в промышленности увеличивалось высокими темпами, а перспективы будущего промышленного роста, по мнению историка, выглядели блестяще. По заключению историка, период, последовавший за отменой крепостного права, был отмечен довольно устойчивым снижением общего уровня промышленной активности. Отмена крепостного права положила начало упадку масштабного горнодобывающего и металлургического производства в Западной Сибири. Уменьшилась добыча серебра, меди, свинца и золота, многие рудники закрылись; к 1889 г. количество рабочих в отрасли сократилось до 4500 чел. Крах индустрии был вызван не только потерей крепостной рабочей силы, но также исчерпанием лучших месторождений полиметаллических руд.

В то же время, по мере притока все большего числа крестьян-переселенцев, расширялся местный рынок промышленных товаров. Для удовлетворения растущего спроса возникло множество ремесленных мастерских и несколько фабричных предприятий. Ориентация на европейский рынок, характерная для периода до 1861 г., сменилась производством товаров, предназначенных для внутреннего рынка, при этом сибирские предприятия по-прежнему использовали местные ресурсы. В регионе активно развивалось фабричное производство; от кустарных предприятий фабрики обычно отличались капитализацией и размещением в специальных помещениях. Как и кустарные мастерские, фабрики перерабатывали местное сырье и поставляли продукцию (водку, пиво, муку, кожу, изделия из древесины, спички, ваксу, кирпичи и др.) почти исключительно на рынок Томской губернии. Несмотря на концентрацию фабрик в нескольких городах губернии (прежде всего, в Томске и Барнауле), промышленный рост не сопровождался резким ростом темпов урбанизации из-за небольшого количества занятых рабочих.

Стоимость перевозок промышленных товаров из Европейской России была столь высока, что местные производители могли устанавливать цены в 2-10 раз выше, чем на

⁸⁹⁷ На слабость сибирской промышленности указывают и современные российские исследователи. См.: Зиновьев В.П. Экономика Сибири в конце XIX – начале XX вв.: промышленность, промыслы, торговля // Вопросы истории Сибири в Новое время. Сб. науч. ст. Вып.3. Новосибирск, 2013. С.115-134.

аналогичные товары к западу от Урала. С открытием в Томской губ. участка Транссиба в 1898 г. прежняя ориентация на местные городские центры и производство товаров для местного потребления сменилась ориентацией на производство товаров на экспорт. Добыча угля для нужд железнодорожного транспорта привела к возрождению горнодобывающей промышленности. Поскольку железная дорога была главным потребителем угля (на её долю приходилось 77% сырья, добытого в Сибири в 1913 г.), в основном использовался уголь, добытый в Анжерке (Анжеро-Судженске) и соседней Лебедянке. Оба населенных пункта находились вблизи железной дороги. После того как в 1916 г. была проложена ветка в Кузнецкий бассейн в 1916 г., производство расширилось в Щегловске (Кемерово) и Кольчугине (Ленинске-Кузнецком).

В отличие от предприятий каменноугольной промышленности, работавших, прежде всего, на внутренний рынок, сибирские маслодельные заводы поставляли свою продукцию на экспорт. Торговля стала возможна благодаря появлению железной дороги и использованию рефрижераторных вагонов. Е.Е. Лонсдейл подчеркивает, что европейские торговые фирмы нередко помогали сибирским производителям капиталом, холодильным оборудованием, сепараторами и упаковочными материалами.

В целом, по заключению американского историка, строительство Транссиба привело к изменениям характера и географии фабричного производства, но не стимулировало сколько-нибудь значительного увеличения его общего объема. Местные фабричные производители, привычные к высоким ценам на закрытом рынке, были вынуждены снижать цены, чтобы конкурировать с импортом.⁸⁹⁸ Количество фабричных рабочих увеличилось только с 5 до 6 тыс., в то время как население губернии выросло более чем вдвое.⁸⁹⁹

Более высокая оценка итогов «модернизации» сибирской экономики содержится в работах других западных исследователей (А.Байкалова, В.Конолли, В.Моута Дж.Стюарта

⁸⁹⁸ Конкуренция вынудила закрыть несколько менее эффективных производств - в их числе мукомольные предприятия в Алаеве и Горохове; шерстеперерабатывающая фабрика в Соколове, мыловарни в Бийске, несколько винокурен в северных пригородах Томска. Другие владельцы фабрик отвечали на эти вызовы, модернизируя существующие мощности или возводя новые, более эффективные предприятия. Несколько фабрик возникли в новом городском центре – Новониколаевске, из которого была проложена железнодорожная ветка на Барнаул, Бийск и Семипалатинск. См.: Lonsdale R.E. *Siberian Industry before 1917: The Example of Tomsk Guberniya* // *Annals of the Association of American Geographers*. 1963. Vol. 53. No.4. P.493.

⁸⁹⁹ Такие показатели в целом соответствовали общесибирским. Так, по данным В.П. Зиновьева, на Сибирь с десятиmillionным населением приходилось всего 230 тыс. индустриальных работников (горная промышленность, фабрично-заводская и транспорт) или 2,3% населения. См.: Зиновьев В.П. *Экономика Сибири в конце XIX – начале XX вв.: промышленность, промыслы, торговля* // *Вопросы истории Сибири в Новое время*. Сб.науч.ст. Вып.3. Новосибирск, 2013. С.124.

и др.⁹⁰⁰), которые хотя и признавали «полукOLONиальный» статус сибирской окраины (по наблюдению С.В.Передерия, представление о Сибири как «российском доминионе» восходит еще к работам А. Летбриджа, Р. Джефферсона, М. Прайса, опубликованным в начале XX в.⁹⁰¹), все же указывали на высокий уровень развития капитализма в Сибири, активное применение сельскохозяйственных машин в сибирской деревне, заметное участие иностранного капитала в экономике региона, отрицали (как, например, С. и Е. Данн, Е. Виноградов⁹⁰²) наличие серьезных противоречий в сибирской деревне.

Даже такая дискриминационная по отношению к Сибири мера как введение в 1896 г. Челябинского тарифного «перелома» обернулась небывалыми успехами сибирских маслодельных предприятий, о чем подробно писал, в частности, В. Моут.⁹⁰³ Впрочем, Р. Норт призывал не преувеличивать негативный эффект от действия Челябинского тарифного «перелома». По мнению канадского исследователя, необходимо учитывать, что тарифный барьер никогда не приводил к полному прекращению вывоза зерна на запад, в т.ч. за границу. В наименее благоприятные годы зерно перевозилось на Урал, а затем в очень небольших объемах - в области Приуралья и на экспортные рынки. В то же время экспорт пшеницы, произведенной в Европейской России, порой достигал таких масштабов (позволявших империи поддерживать благоприятный торговый баланс, обслуживать свои долги и иметь «хороший кредитный рейтинг»), что для внутреннего потребления зерна оставалось слишком мало. В таких условиях непроданные излишки сибирского зерна было бы логичнее объяснять низкой пропускной способностью железной дороги, а не действием тарифного «перелома».⁹⁰⁴

Кроме того, по расчётам Р. Норта, даже без челябинского тарифа, дававшего 10% портовой цены на зерно, транспортные расходы все равно достигали бы 65%, снижая

900 Baikalov A. *Siberia since 1894* // *The Slavonic and East European Review*, 1933. Vol.XI. No.32. P.328-340; 32.

Conolly V. *Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia*. – London, 1967. P.17; Mote V. *The Cheliabinsk Grain Tariff and the Rise of the Siberian Butter Industry* // *Slavic Review*. – 1976. – Vol. 35, № 2. P.304-317; Stewart J. *Siberia's lake Baikal: Aspects of its History, Economy and Ecology* // *Asian Affairs*, 1976. Vol.63. Pt.2; Stewart J. *The British in Siberia: 1581-1978* // *Asian Affairs*, 1979. Vol.10. Pt.2. P.132-143).

901 Lethbride A. *The New Russia. From the White Sea to the Siberian Steppe*. New York, 1915; Jefferson R. *Roughing it in Siberia with the same account of the Transsiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia*. London, 1897; Price M. *Siberia*. London, 1912.; Передерий С.В. *Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. - февраль 1917 г.* Дисс... канд. ист. наук. Томск, 1984. С.45

902 Dunn S., Dunn E. *The Peoples of Siberia and the Far East* // *Russia and Asia. Essays on the influence of Russia on the Asian peoples*. Stanford, 1972. P.308-309; Vinogradoff E. *The Russian Peasantry and the Elections to the Fourth State Duma* // *The Politics of Rural Russia, 1905-1914*. Bloomington; London, 1979.

⁹⁰³ Mote V. *The Cheliabinsk Grain Tariff and the Rise of the Siberian Butter Industry* // *Slavic Review*. 1976. Vol. 35. No. 2. P.304-317.

⁹⁰⁴ См.: North R.N. *Transport in Western Siberia: Tsarist and Soviet Development*. Vancouver, 1979. P.73-75.

конкурентоспособность сибирской пшеницы на европейском рынке. В отличие от авторов, указывавших на значительный рост объемов вывозимой пшеницы после отмены тарифа в 1913 г. и тем самым доказывавших его пагубность, канадский историк замечал, что отмена «перелома» также совпала с внедрением ряда технических усовершенствований на железной дороге, а с началом Первой мировой войны перевозки зерна вообще были взяты под контроль государства. С выводами Р. Норта, по сути, согласна немецкая исследовательница Э.-М. Столберг, полагающая, что «тарифная граница оказалась «дырявой», поскольку в годы неурожаяев Сибирь всегда снабжала Европейскую Россию зерном».⁹⁰⁵

В начале 1990-х гг. вышла в свет монография С. Маркса, посвященная строительству Транссиба и содержащая прямо противоположные суждения о роли и месте магистрали в истории региона⁹⁰⁶. Целью своего исследования С. Маркс полагал определение места Сибири в экономической и политической жизни России, а также выделение характерных черт экономического развития Российского государства. В числе использованных источников – труды комиссии для исследования на месте дела сооружения Сибирской железной дороги (1895-1896), состоящие из 25 томов, Отчет о деятельности Министерства путей сообщения по строительству Сибирской железной дороги (1889-1892), Журналы комитета Сибирской железной дороги (1893, 1895-1902).

С. Маркс анализировал проекты строительства магистрали, предложенные министром путей сообщения К.Н. Посьетом в 1875 и 1884 гг., дал оценку дискуссиям, разгоравшимся в правительственных кругах по данному вопросу, и в итоге пришел к выводу, что различные слои и группы российской бюрократии не смогли объединиться для выработки решений по важнейшим экономическим вопросам. На одно только принятие официального решения о строительстве Транссиба ушло более пятнадцати лет.

Особое внимание в монографии уделяется рассмотрению деятельности С.Ю. Витте, который сыграл ключевую роль в организации строительства Транссиба, но опирался при этом, по определению В.С. Лаврова, на «режим личной власти», возвышаясь и над правительством, и над обществом⁹⁰⁷. С.Ю. Витте исключил любую возможность

⁹⁰⁵ См.: Stolberg E.-M. Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert. Stuttgart, 2009. S.78.

⁹⁰⁶ Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. New York, 1991.

⁹⁰⁷ Marks S. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. New York, 1991. P.222.

дискуссий и выражения несогласия с его действиями, назначая на важные должности в правительстве слабых, уступчивых людей, а также учредив специальный административный орган, Комитет Сибирской железной дороги, решавший все вопросы, связанные со строительством магистрали. Все мероприятия, проводимые С.Ю. Витте, вполне вписывались в систему самодержавного государства, и, по заключению С. Маркса, оказались в значительной мере дискредитированы экономическим спадом начала XX в. В то же время индустриализация «по Витте» предвосхитила проекты позднейшей, советской, эпохи.

Сходную оценку, в основном негативную, историк дал всему проекту Транссибирской магистрали, который, по его мнению, не оправдал себя ни с экономической, ни со стратегической точек зрения. Неудовлетворительные результаты функционирования Транссиба и противоречивые итоги экономической «реконструкции» Сибири, осуществлявшейся под руководством государства, объяснялись тем, что все эти мероприятия преследовали, прежде всего, политические цели. Соображения экономической выгоды имели в глазах правительства куда меньшее значение. В своем стремлении сократить затраты на строительство или ускорить темп работ государство часто закрывало глаза на проблему общей неэффективности проекта и повсеместной коррупции.

Все это позволило С.Марксу прийти к выводам, отличным от умозаключений других специалистов в области экономической истории России. В сущности, американский исследователь попытался опровергнуть распространенное в историографии представление об успешности российской «модернизации», которая лишь в малой степени отклонялась от общей траектории экономического развития европейских стран. Историк показал, что главной движущей силой «модернизации», действительно, было правительство, но слабость российской экономики, по его мнению, как раз и заключалась в полной зависимости от самодержавного государства. При всей спорности отдельных положений работы С. Маркса⁹⁰⁸, необходимо поддержать его фактический призыв к более

⁹⁰⁸ Критика в адрес С. Маркса прозвучала и в российской историографии (см., напр., рецензии Е.Б. Шашиной (Шашина Е. Б.- С. Г. Маркс. Дорога к могуществу: Транссибирская железная дорога и колонизация Азиатской России. 1850-1917 // ОИ. 1993. № 4. С.207-208) и И.В. Поткиной (Поткина И.В. Рец. на: Маркс С.Г. Путь к могуществу. Транссибирская железная дорога и колонизация Азиатской России. 1850–1917 // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 178–180). В работе С. Маркса не анализируется роль Транссиба в процессе дальнейшего индустриального развития региона, (не говоря уже о военно-стратегическом значении магистрали, в том числе в годы Великой Отечественной войны), в то время как эти вопросы обстоятельно освещаются в отечественной историографии и заслуживают более внимательного отношения со стороны зарубежных историков. См.: Борзунов В.Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне Первой русской революции. М., 1965; Залужная Д.В.

объективному и непредвзятому изучению хода и итогов социально-экономического развития Сибири в предреволюционный период.

Точку зрения, изложенную С.Марксом, во многом поддержал А.Вуд. Соглашаясь с тем, что строительство магистрали способствовало «модернизации» российской экономики, британский историк все же указал, что у данного процесса в России были свои особенности: концентрация промышленных предприятий в нескольких крупных городах; преобладающее значение государственной инициативы, когда в реализации тех или иных «модернизационных» проектов большую роль играли сугубо политические, а не экономические факторы (в историографии такая экономическая система получила название «системы Витте»⁹⁰⁹); продолжающаяся эксплуатация и избыточное налогообложение крестьянства; большая зависимость от иностранного капитала и управленческого персонала. Свой отпечаток на процесс российской «модернизации» наложила и личность правителя, Николая II — человека, по своим убеждениям далекого от идей реформаторства, недальновидно игнорировавшего нараставшие социальные и национальные противоречия.

А. Вуд привел аргументы сторонников и противников сооружения Транссиба. Сторонники называли магистраль «мостом между Европой и Азией», который будет способствовать оживлению экономики и развитию торговых связей, поможет вывозить продукцию сельского хозяйства из Сибири и помогать голодающим в губерниях Европейской России. С политической точки зрения проект оправдывался тем, что железная дорога должна была упрочить единство страны. Все это вызывало резкую критику со стороны «областников», которые полагали, что магистраль приведет к еще большей эксплуатации сибирской «колонии» со стороны «метрополии». Кроме того, проект представлялся слишком дорогостоящим. Действительно, строительство магистрали обошлось казне в миллиард рублей, но эффективность ее работы оставалась под вопросом. К тому же, железная дорога не помогла России победить в войне с Японией.

Как представляется, выводы и оценки, сделанные С. Марксом и А.Вудом, значительно

Транссибирская магистраль. М., 1980; Сигалов М.Р., Ламин В.А. Железнодорожное строительство в практике освоения хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск, 1988; Канн С.К. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по естественнонаучному изучению Сибири в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дисс...канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.

⁹⁰⁹ Ведущую роль в осуществлении проекта Великого Сибирского А.Вуд вслед за многими исследователями также отводит С.Ю. Витте, который видел в будущей магистрали инструмент усиления имперского могущества России. См.: Wood A. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991. London; New York, 2011.

ближе к суждениям отечественных историков, утверждающих, что, несмотря на возросшие темпы "капиталистического преобразования Сибири, ее хозяйственная структура принципиально не изменилась"; сам регион продолжал сохранять, как и ранее, "черты аграрно-сырьевого придатка промышленного центра страны"⁹¹⁰, и это, по-видимому, вполне устраивало политическую и экономическую элиту самодержавной России.

Вслед за С. Марксом и А. Вудом сомнения в успешности модернизации сибирской экономики дореволюционного периода высказывает современная немецкая исследовательница Э.-М. Столберг, заметившая, что «контроль государства над процессом распространения инноваций, необходимых в масштабах всей империи, в том числе - в Сибири, одновременно превратился в тормоз». По мнению исследовательницы, проблемы развития Сибири доказывали, что «преобразовательный потенциал» самодержавия перед лицом географических расстояний и климатических условий был ограничен, что признавал также С.Ю. Витте.⁹¹¹

Соединив в своем исследовании подходы «новой культурной и социальной истории», Э.-М. Столберг анализировала «миф Транссиба»⁹¹² в контексте социально-экономических процессов, связанных с колонизацией и модернизацией Азиатской России, а также геополитических реалий в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже XIX – XX вв. Основываясь на изучении архивных материалов из РГИА, ГАРФ, ГАЧО, работ зарубежных и отечественных авторов (Х. Таппера, М. Клоновского, С.В. Саблера, И.В. Сосновского, М.Р. Сигалова, В.А. Ламина и др.) немецкая исследовательница называет трансконтинентальную железную дорогу «двигателем «модерного» империализма», который в России для осуществления своих целей (идеологических, политических, экономических и военных) использовал самые разнообразные технологии.

Безусловно, без развития путей сообщения в Сибири нельзя было говорить о подлинной модернизации империи. Железная дорога также позволила бы повысить

⁹¹⁰ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С.287.

⁹¹¹ Данный взгляд резко контрастирует не только с теми выводами, которые в начале XX в. сделал С.Руге, но и с мнением современного британского исследователя К.Волмара, называющего Транссиб «детисцем государства», которому не довелось пережить унижение «банкротства и безденежья, как это случалось со многими викторианскими дорогами, построенными на средства частных компаний». См.: Wolmar C. To the Edge of the World: The Story of the Trans-Siberian Express, the World's Greatest Railroad. London: Atlantis Books, 2014; Волмар, К. Транссибирская магистраль: История создания железнодорожной сети России. М., 2016. С. 244.

⁹¹² Восприятие, «образы» и «репрезентации» Транссиба анализирует также в своей статье Д. Нейтатц: Neutatz D. Der Traum von der Transsib: Visionen, Wunsche, Praesentationen und Wahrnemungen 1857-1914 // Образы Сибири. Концептуализация русского Северо-Востока в культурологии: Науч. докл. Иркутск, 2005. С.179-203.

эффективность управления Сибирью. В качестве элемента, «скрепляющего империю», железная дорога символизировала имперское подчинение внутренней периферии. Поддержав предложение ИРГО о строительстве магистрали, Александр III надеялся обеспечить более прочную привязку Сибири к Европейской России, превращение региона в неотъемлемую часть империи, символизирующую ее могущество.⁹¹³ Таким образом, «объединение империи» в данном случае следовало понимать как «иерархизацию отношений Центра и периферии».

По заключению немецкой исследовательницы, концепция "объединения империи" проявилась в том, что КСЖД должен был заниматься не только строительством, но и переселениями в Сибирь. В состав Комитета входил министр финансов, путей сообщения и внутренних дел, а также военный министр, что указывало в равной мере на экономическое и военное значение масштабного проекта, который охватывал всю государственную бюрократическую машину как на центральном, так и на региональном уровнях.

Как и в работах Р.Норта и Д.Коллинза,⁹¹⁴ в диссертации Э.-М.Стоберг рассматриваются многочисленные проекты строительства Великого Сибирского пути, предложенные в 1850-1870-х гг. Автор сравнивает их с проектами и дискуссиями, которые велись по поводу трансконтинентальных магистралей в США и Канаде.⁹¹⁵ В отличие от Р.Норта, Э.-М.Стоберг объясняет отсрочку начала строительства, прежде всего, столкновением интересов представителей различных регионов и отраслей экономики, как это было и в США, где на два десятилетия было отложено строительство трансконтинентальной магистрали из-за споров между прибрежными и внутренними штатами. Для Э.-М.Стоберг несомненно, что решающую роль в реализации проекта строительства Транссиба сыграл С.Ю. Витте, который считал, что железная дорога в итоге окупит связанные с ней затраты, обеспечив доступ к азиатским рынкам и облегчив массовые

⁹¹³ По замечанию исследовательницы, точно такие же соображения лежали в основе проектов железнодорожного строительства в США. Американское правительство опасалось, что Калифорния провозгласит свою независимость, и обещало с помощью железных дорог принести на Дикий Запад «закон и порядок». См.: Stolberg E.-M. *Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert.* Stuttgart, 2009. S.73.

⁹¹⁴ Дискуссии, которые велись в России по вопросу об использовании канадского опыта в сфере железнодорожного строительства, анализировал Дж.Л. Блэк. См. также: Black J.L. *The Canadian Pacific Railway as a Model for the Trans-Siberian Railway // Sibirica.* 2004. Vol. 4. No.2. P. 186-200.

⁹¹⁵ Например, подобно тому, как это было в богатых зерном районах Среднего Запада в США, видные специалисты-аграрии (в их числе – А.И. Хвостов) предлагали создать транспортную сеть, объединяющую железные дороги и речные каналы, чтобы повысить конкурентоспособность российской и, прежде всего, сибирской продукции на мировом рынке. См.: Stolberg E.-M. *Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert.* Stuttgart, 2009. S.78.

крестьянские переселения в Сибирь.

Как и Д. Коллинз, немецкая исследовательница замечает, что в Сибири критики идеи железнодорожного строительства выражали опасения, что англо-американские экономические интересы распространятся вплоть до Сибири, и что Амур превратится в «азиатскую Миссисипи», что со временем приведет к отделению дальневосточных и сибирских территорий от России. Такие настроения в правительстве сохранялись вплоть до 1880-1890-х гг., из-за чего российские власти отказались от американских инвестиций и участия американских компаний в строительстве Транссиба.

Э.-М. Столберг соглашается с теми западными авторами, кто писал о железнодорожном строительстве за Уралом как проявлении «империалистических тенденций» в политике России, проводившейся в отношении соседних государств (прежде всего, Китая). Железная дорога обеспечивала не только «объединение империи», но и проникновение за ее пределы – в Монголию и Маньчжурию. Кроме того, необходимо было обеспечить безопасность восточных окраин, уязвимость которых продемонстрировало нападение англо-французских войск на Камчатку во время Крымской войны. В конце XIX в. главная угроза, по мнению сибирских генерал-губернаторов, исходила от Китая. Так, иркутский генерал-губернатор А.П. Игнатьев предостерегал (с точки зрения Э.-М. Столберг – безосновательно), что Китай усиленно вооружается, а его солдаты уже проникают в Забайкалье.⁹¹⁶

Э.-М. Столберг также называет магистраль инструментом «культурного империализма», призванным «доставить христианскую любовь и просвещение в Азию» и связанным с имперским дискурсом XIX в., понятиями «национального престижа», «мировой державы» и «мирового рынка», представлениями о предназначении России, которое заключалось в распространении христианства и цивилизации на Востоке. Автор отмечает символические аспекты «мифа Транссиба», который воплощал собой идею «национального единства» Центра и Периферии, маскируя напряженные отношения между самодержавием и силами, поддерживавшими региональную автономию.

По заключению Э.-М. Столберг, уже ко времени празднования 300-летия присоединения Сибири идея строительства магистрали приобрела статус «национальной идеи», являясь, в сущности, выражением того колониационного процесса, который

⁹¹⁶ Stolberg E.-M. *Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert.* Stuttgart, 2009. S. 81.

В.О. Ключевский считал «основным фактом» русской истории. Празднества, которые устраивались в сибирских городах во время «восточного путешествия» цесаревича Николая Александровича, символизировали, по определению автора, «ритуализацию и иконизацию русской нации на азиатской окраине». ⁹¹⁷

Вместе с тем, немецкая исследовательница приходит к выводу, что с экономической и военно-стратегической точек зрения трансконтинентальная магистраль не оправдала себя в полной мере. Строительство Транссиба обошлось казне значительно дороже, чем предполагалось изначально (для сравнения, благодаря участию частных компаний в США затраты на сооружение магистрали удалось существенно снизить). Во время войны с Японией к числу недостатков Транссиба отнесли низкую пропускную способность,⁹¹⁸ а также близость магистрали к государственной границе. Альтернативой должна была стать Байкало-Амурская магистраль, к сооружению которой предполагалось привлечь американцев, однако Первая мировая война помешала осуществлению этого амбициозного плана, не в последнюю очередь и потому, что правительство отказалось от участия иностранных компаний, поскольку, по мнению Э.-М. Столберг, не желало демонстрировать им экономическую слабость и отсталость тыловых районов империи.

Необходимость привлечения огромных средств и суровость климатических условий заставили правительство также отказаться от проекта Северной железнодорожной магистрали. Идею не поддержали и сибирские промышленники, сомневавшаяся, что новая железная дорога предоставила бы им более удобный выход на европейские рынки, и, вместе с тем, опасавшиеся, что Сибирь в итоге заполонят иностранные товары. В целом, по заключению Э.-М. Столберг, уже Транссиб, по-видимому, вполне ясно показал властям, что широкомасштабный инфраструктурный проект невозможно было осуществить без широкого привлечения частного российского и иностранного инвестиционного капитала.

Ставя под сомнение успехи модернизации сибирской экономики, зарубежные авторы, как правило, не выходят за рамки традиционного взгляда на модернизационный процесс, когда, по словам современного немецкого историка Ф.Б. Шенка (с 2011 г. – сотрудник Базельского университета), историческая трансформация в царской империи описывается на «сравнительном фоне идеально-типического «западного» развития» как относительно

⁹¹⁷ Stolberg E.-M. *Sibirien: Russlands "Wilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert.* Stuttgart, 2009. S. 84.

⁹¹⁸ См. тж: Никадимов Д.А. Железнодорожное обеспечение русских войск в годы русско-японской войны и Первой мировой войны // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 1. С.289-294.

«отсталая» (в противовес «прогрессивной»)⁹¹⁹ В современной историографии такой взгляд на «модернизацию» критикуют исследователи, оперирующие, по определению Ф.Б. Шенка, «открытым и амбивалентным» понятием «модерна» как нейтрального обозначения, относящегося к эпохе с неопределенными временными границами (от середины XIX вплоть до второй половины XX века). В представлении таких исследователей, необходимо говорить о «многообразии модерна/модернов» и разнообразии исторически путей, ведущих в «модерн».

Понятие «модерна» является ключевым и в работе самого Ф.Б. Шенка – монографии «Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог», написанной на основе диссертационного исследования, представленного автором к защите в 2010 г. в Университете Людвиг-Максимилиана (Мюнхен). Автор привлек огромный массив источников, хранящихся в РГИА, ГАРФ, РНБ, ЦГИА СПб., БАН, библиотеке ПГУПС, Баварской библиотеке в Мюнхене и др. В качестве консультантов выступили многие известные зарубежные историки – М. Ауст, М. Бассин, К. Шлегель, У. Сандерленд и др.

В своей работе Ф.Б. Шенк объединил концепции и подходы «новой культурной и социальной истории», «новой имперской истории», «социологии пространства». Аналитические рамки исследования задает модель «социального пространства», аккумулирующая в себе теоретический инструментарий экономики, социологи и городского планирования. Опираясь на работы Дитера Лэппле, Мартины Лёв, Габриэлы Штурм, Ф.Б. Шенк охарактеризовал конструктивистский подход к определению «пространства» следующим образом: «В ходе «пространственного поворота» (spatial turn), в значительной степени определившего в последние годы теоретические дискуссии в науках о культуре, социальных и исторических науках, в них проникло убеждение в том, что пространство следует рассматривать не как до- или а-историческую величину, в которой, подобно тому, как это происходит в некоем «контейнере», развиваются социальные процессы. Если представители классических геополитики и географии еще исходили из того, что «пространство» - прежде всего понимавшееся как территория – существует независимо от людей, или же «пространство» является детерминирующим фактором совершенно определенных процессов, то на сегодняшний день многократно

⁹¹⁹ Schenk F.B. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. No. 82.) Stuttgart, 2014; Шенк, Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С.24.

доказано, что социальное и наряду с этим исторически релевантное пространство следует рассматривать как продукт человеческой деятельности и восприятия, и его структуры должны анализироваться как результат специфических социальных (и исторических) процессов Конституирующим для новых социологических моделей пространства является понятие его относительности. В соответствии с этим подходом социальное пространство возникает лишь из отношений, взаимосвязей между размещенными в одном месте артефактами и живыми существами».⁹²⁰

В центре исследовательского внимания находится вопрос об изменении социально-пространственных структур, происходивших в связи со строительством и использованием железных дорог в крупнейшей континентальной империи мира.⁹²¹ Полагая, что развитие транспортных коммуникаций ведет к радикальному изменению способов организации социума и пространства, Ф.Б. Шенк стремится показать – в самом общем смысле – как технический прогресс меняет культурные практики, политическую власть и социальный порядок.

Соответственно, в отличие от предшествующей историографии, изучавшей историю планирования и строительства железных дорог, а также оценивавшей экономические результаты транспортно-технического развития, Ф.Б. Шенк выясняет, каким образом железные дороги, будучи средством передвижения и коммуникации, изменили социально-пространственные структуры. Главным для автора является вопрос о том, внесло ли транспортно-техническое развитие свой вклад в интеграцию империи или же способствовало, скорее, территориальной дестабилизации и социально-пространственной фрагментации.⁹²²

Не отказываясь полностью от модернизационной парадигмы, немецкий историк приходит к выводам, которые по выражению И.В.Нарского, «далеки от

⁹²⁰ Шенк, Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016; Laepple D. Essay ueber den Raum // Stadt und Raum. Methodologische Annaeherungen an ein Basiskonzept raumbezogener Wissenschaften. Opladen, 2000; Loew M. Raumsoziologie. Frankfurt a.M., 2001.

⁹²¹ Шенк, Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016. С.12.

⁹²² Шенк, Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016. С.14. В рецензии И.В. Нарского выводы, сделанные немецким историком, охарактеризованы как «осторожные». Перемены в когнитивных картах российских подданных оказались, по мнению Ф.Б.Шенка, противоречивыми: восприятие российского пространства колебалось между ощущением целостности и хрупкости империи, между гордостью просторами и страхами столкновения с «чужим» в собственной стране. См.: Нарский И.В. Rec. ad op.: Schenk F.B. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, no. 82.) Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 456 p. // ПИ. 2016. № 5. С.208-212.

европоцентристского пессимизма в отношении российской модернизации».⁹²³ По мнению Ф.Б.Шенка, историю модернизации путей сообщения в Российской империи в пореформенный период можно рассматривать с двух точек зрения. Первая предполагает в качестве ключевого элемента сравнение России с идеальным типом «Запада», служившего «референтной величиной описания и оценки исторического развития собственной страны».⁹²⁴ По словам Ф.Б. Шенка, данная «модель интерпретации вплоть до сегодняшнего дня бытует в западной и российской историографии, по-прежнему подчеркивающей, что Россия – несмотря на все достижения в железнодорожном строительстве в XIX столетии – все же опоздала на свой «поезд в современность» и что страна перед Первой мировой войной не достигла той степени рациональности, эффективности и скорости, которые якобы были характерны для мобильных и «современных» обществ «Запада» в то время»⁹²⁵.

Другая перспектива предполагает не столько сравнение России и Запада, сколько анализ «признаков той общественной, политической и культурной трансформации России, которая стала результатом появления транспорта на паровом двигателе». Свидетельством происходившей трансформации служили представления о пространстве России, изложенные участниками многочисленных дебатов об освоении территории империи посредством железных дорог. Участники этих дискуссий могли представлять царскую империю преимущественно как «интегрированное политически или экономически пространство», как «стратегически уязвимую извне территорию», как «национальное» тело или «имперскую сферу господства». Как пишет Ф.Б. Шенк, «речь в этих дебатах шла не просто о «за» или «против» модернизации путей сообщения». Проявившиеся в ходе этих дебатов «процессы пространственного восприятия и воображения» были теми самыми компонентами, которые в значительной мере влияли на процесс строительства железнодорожной сети, т.е. «конституирования пространства» и оформления «физического субстрата», а также формулирования системы правил и норм для транспортной системы.⁹²⁶

⁹²³ Нарский И.В. *Rec. ad op.: Schenk F.B. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, no. 82.) Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. 456 p. // РИ. 2016. № 5. С.208-212.*

⁹²⁴ Шенк, Ф.Б. *Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016. С.488-492.*

⁹²⁵ Шенк, Ф.Б. *Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016. С.488-492.*

⁹²⁶ Шенк, Ф.Б. *Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М.б 2016. С.19-20.*

По словам историка, если более ранние визионеры железных дорог воображали Россию прежде всего как политическое пространство, способное «сократиться» благодаря ускорению передвижения, то теперь в дебатах о планировании все больше доминировали представления о территории империи как об экономическом пространстве. В свою очередь, ведущие военные стратеги выступали за то, чтобы рассматривать империю прежде всего как пространство власти, находящееся под угрозой как извне, так и изнутри, и, соответственно, планировать развитие железнодорожной сети империи исходя не из экономических, но из военно-стратегических потребностей страны. Несмотря на эти расхождения, конкурирующие образы пространства раннего периода железнодорожной эры были схожи в одном пункте: все они представляли Россию как территорию с относительно статическими социально-пространственными структурами, требовавшими стабилизации с помощью железнодорожной сети. Выстраивание современной инфраструктурной сети не должно было поставить под сомнение ни самодержавно-имперский принцип власти, ни характер России как аграрного государства.

Со временем «планировщики движения» все чаще видели в железной дороге инструмент, способный повлечь за собой трансформацию структур, ранее казавшихся неизменными. С конца 1870-х годов ведущие политэкономы, например министр финансов М.Х. Рейтерн, выступали за индустриализацию империи, то есть за трансформацию страны в *промышленное* пространство. В 1890-е годы министр финансов Витте прилагал все усилия, чтобы ускорить трансформацию России из аграрной страны в промышленную, делая ставку на экспансию имперской железнодорожной сети (в том числе и за границы империи), новое регулирование и стандартизацию железнодорожных тарифов, а также на национализацию частных железнодорожных обществ. Представители вестернизированной элиты воспринимали железные дороги и как инструмент осуществления цивилизаторской миссии России в Азии, рассчитывая с его помощью жестче сплотить многонациональную империю как политическое и культурное пространство, а Россию плотно позиционировать на картах мирового транспортного сообщения как транзитный регион торговли между Европой и Азией.⁹²⁷

Выводы.

⁹²⁷ Шенк, Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. М., 2016. С.488-492.

В англо- и германоязычной историографии, посвященной социально-экономическому развитию Сибири, в числе важнейших факторов, обусловивших прочность позиций России на Азиатском континенте, называются крестьянская колонизация и успехи сельскохозяйственного развития региона. Зарубежные исследователи аграрной истории Сибири XIX – начала XX вв. использовали теоретический инструментарий различных теорий и концепций ("русской восточной экспансии", "фронтيرا", "колониционной", "модернизационной", "имперской" парадигм). Смена их отражала общие тенденции развития англо- и германоязычной историографии Сибири. Если в начале XX в. для западных сибиреведов был характерен "объективистский подход", поиск универсальных схем исторического развития, то многие современные исследователи основное внимание уделяют субъекту исторического процесса, этнокультурным аспектам колонизации, специфике развития имперских окраин, в чем можно усмотреть влияние "новой социальной истории", "культурного" и "лингвистического поворотов". Особенностью историко-сибиреведческих исследований второй половины XX - начала XXI вв. явилось широкое применение теории "фронтيرا", позволявшей, по мнению западных историков, глубже понять экономические, социальные, культурные и этнические аспекты крестьянских переселений в Азиатской России. Сосредоточившись на рассмотрении региональной сибирской специфики, западные авторы порой преувеличивали степень антимонархизма сибирского населения, его этнического своеобразия, недооценивали последствия правительственной политики, направленной на усиление национальной «гомогенности» империи, «слияние» народов азиатской окраины в одном государственном сообществе.

Англо-американские и немецкие исследователи демонстрировали самую широкую палитру мнений относительно хода и итогов массовых крестьянских переселений: от преимущественно критических оценок в литературе начала XX века до преимущественно положительных - в современной историографии. Признавая неудачи в реализации отдельных мероприятий правительства и специфику ситуации в Южной и Восточной Сибири или на Дальнем Востоке, современные исследователи в целом склонны писать о благотворном влиянии переселений на социально-экономическое развитие Азиатской России. В то же время ряд историков (С. Маркс, А. Вуд и др.) призывают не преувеличивать успехи "модернизации" Сибири или специфику сибирского "фронтيرا". Такая позиция, в сочетании с использованием традиционной теории "колонизации",

сближает их выводы с оценками и прогнозами, содержащимися в исследованиях начала XX века.

В англо- и немецкоязычных исследованиях по истории индустриального развития Сибири второй половины XIX – начала XX в. основное внимание уделяется вопросам, связанным со строительством Транссибирской магистрали и тому всеобъемлющему воздействию, которое она оказала на социально-экономические и социокультурные процессы в регионе, а также выяснению ее военно-стратегического и геополитического значения. Наряду с этим западными исследователями крайне слабо освещены проблемы урбанизации региона, развития торговли, промыслов и промышленности, финансово-кредитной сферы в пореформенный период.

Охарактеризовав железнодорожное строительство как инструмент экспансии «российского империализма», расширения его политического, экономического и культурного влияния, англо-американские и немецкие исследователи в XX веке анализировали результаты этой экспансии с позиций теории «колонизации» и «модернизации». Большинство авторов расценивали промышленное развитие Сибири в дореволюционный период как довольно успешное, называя Транссиб важнейшим фактором модернизационного развития региона. Более сдержанные и критические оценки прозвучали в работах конца XX – начала XXI в. Их авторы (С. Маркс, А. Вуд и др.) полагают, что доминирующая и определяющая роль самодержавного государства служила, скорее, сдерживающим фактором, препятствовавшим полноценной и всеобъемлющей модернизации экономики региона.

В новейшей историографии, испытавшей влияние «культурного и пространственного поворотов», основное внимание уделяется не столько сопоставлению количественных показателей, свидетельствовавших о степени «успешности» и «эффективности» социально-экономической модернизации, сколько выяснению особенностей социокультурных процессов, связанных с развитием «российского модерна».

ГЛАВА 4. История Дальнего Востока второй половины XIX – начала XX в. в освещении англо- и немецкоязычной историографии

4.1. Присоединение Приамурья и Приморья.

В середине XIX в. новый подъем интереса западной общественности к итогам и перспективам «русской восточной экспансии» вызвали активные действия России на Дальнем Востоке, обусловленные, в свою очередь, обострением международных противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В числе событий и проблем, пользовавшихся наибольшим вниманием зарубежных исследователей, следует назвать **присоединение к России Приамурья и Приморья**. На Западе авторы первых специальных работы по истории освоения русскими Дальнего Востока не были профессиональными историками. В 1861 г. в Лондоне вышла в свет монография британского исследователя Эрнеста Георга Равенштейна «Русские на Амуре. Его открытие, покорение и колонизация».⁹²⁸ Автор — выходец из Германии, чл.-корр. Франкфуртского географического общества и одновременно сотрудник Топографического отдела британского военного министерства.

По сути, книга Э.Г. Равенштейна явилась откликом на плодотворную деятельность гр. Н.Н. Муравьева-Амурского по укреплению позиций России на Дальнем Востоке. Вместе с тем, как подчеркнул сам Э.Г. Равенштейн, его работа «написана не наспех, с целью удовлетворения запросов публики»; ее появление стало итогом целенаправленного труда на протяжении нескольких лет. Автор не только собрал и изучил все доступные публикации по указанной теме, но и лично общался с теми, кто стал непосредственными свидетелями событий в Приамурье и Приморье. Сведения «из первых уст» ему предоставили как иностранцы, так и русские офицеры, принимавшие участие, по словам автора, в «операциях на Амуре» (впрочем, имена своих информаторов Э.Г. Равенштейн не сообщил).

Освещая широкий круг вопросов, связанных с историей колонизации русскими Дальнего Востока в XVII – середине XIX вв, автор опирался на «Акты исторические», изданные Археографической комиссией; труды участников академических экспедиций; русских и европейских путешественников; материалы периодических изданий

⁹²⁸ Ravenstein E. Russians on the Amur: its Discovery, Conquer and Colonization. London, 1861.

(«Морской сборник», «Сын Отечества», «Московский Телеграф» и др.). Особое значение Э.Г. Равенштейн придавал материалам, опубликованным в «Вестнике» и «Записках» ИРГО, в том числе публикациям Г.М. Пермикина, Н.П. Аносова, Н. Свербеева, Л.И. Шренка, К.И. Максимовича и др.

По мнению Э.Г. Равенштейна, успехи России в Азии, ее быстрое продвижение в сторону Индии и приобретение у Китая провинций, значительно превышающих по площади Британские острова, не могли не вызвать беспокойства Англии — страны, имевшей столь обширные интересы в Китае и в целом на Востоке. В своей книге автор представил политику русского правительства на Дальнем Востоке как последовательную и планомерную, направленную на упрочение русского присутствия. Как заметил исследователь, со времен подписания Нерчинского договора 1689 г. Россия никогда не забывала о Приамурье, о чем свидетельствовали многочисленные проекты и усилия (Г.Ф. Миллера, А.П. Чирикова, В.А. Мятлева, И.Ф. Крузенштерна, Ф.И. Шемелина, А.Ф. Миддендорфа и др.) по его возвращению.

В своей работе Э.Г. Равенштейн обозначил наиболее значимые проблемы, к которым в дальнейшем обращались все исследователи темы: экспансионистские устремления России на Дальнем Востоке, ее соперничество с другими колониальными державами (в первую очередь, Британской империей); проблемы управления дальневосточными территориями России и перспективы их хозяйственного освоения.

Событиям конца 1840-х — начала 1860-х гг., связанным с деятельностью генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского и его соратников, посвящена 11 глава книги. Автор подробно, по годам, рассказывает об истории Амурской экспедиции и ее участниках (Г.И. Невельском, Д.И. Орлове, Н.К. Бошняке и др.); обороне Петропавловска и маневре русской эскадры в заливе Де-Кастри; подписании Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров; изменениях в административно-территориальном делении дальневосточных территорий Российской империи; образовании Амурского казачьего войска; казачьей и крестьянской колонизации Приамурья; мерах, направленных на развитие торговли в регионе и т.д.

Э.Г. Равенштейн убежден, что действия англо-французских войск в Китае чрезвычайно облегчили русским подписание Айгунского договора и избавили от необходимости прибегнуть к силе оружия. Автор называет маловероятными сообщения из неназванных источников о том, что российская сторона во время переговоров требовала едва ли не

уступки всей территории Маньчжурии. По мнению Э.Г. Равенштейна, зайти так далеко русские не могли, тем более что не располагали достаточными силами для возможного военного столкновения с Цинской империей. Впрочем, с его точки зрения, в 1859-1860 гг. война была бы неминуема, если бы союзники не заняли Пекин.

В представлении британского исследователя, присоединение Приамурья и Приморья по своему значению сопоставимо с выходом России в Балтийское море в эпоху Петра Великого. В заключение Э.Г. Равенштейн высказал предположение, что в будущем, когда слабеющий Китай окончательно распадется на части, Россия сможет заполучить и всю Маньчжурию. Тем самым автор довольно точно определил дальневосточной политики Российской империи на несколько десятилетий вперед.

По наблюдениям современного американского историка С. Коткина, англичане превосходили японцев и китайцев по степени выраженности враждебного отношения к усилению России в Азии.⁹²⁹ Противостоя России в борьбе за господство на всем Азиатском континенте, англичане воспринимали возвышение России в Азии как прямую угрозу. На рубеже XIX – XX в. на английском языке издавались публицистические и исторические работы, авторы которых писали о русской экспансии и о «дальневосточном вопросе» (в дополнение к "ближневосточному" или просто "восточному"), предполагая при этом возможность заключения союза между Россией и Китаем, Россией и Японией или даже союза между этими тремя державами и Германией.⁹³⁰

Так, британский журналист А.С. Краузе опубликовал в 1900 г. в Лондоне книгу «Россия в Азии. Хроника и исследование (1588-1899)», где утверждал, что Россия пыталась установить контроль над Северным Китаем подобно тому, что осуществлялся ею в отношении Бухары (при этом аннексию Маньчжурии автор считал маловероятной), и что за строительством Транссиба должна была последовать новая попытка России завоевать мир.⁹³¹

Расценивая расширение Российской империи как одно важнейших явлений Нового времени, британский исследователь не обнаружил в истории российской территориальной экспансии случаев существенного отступления с занятых позиций

⁹²⁹ Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. New York, 1995. P.7.

⁹³⁰ Krausse A. Russia in Asia: A Record and a Study, 1588-1899. London, 1899; Vladimир (Zenone Volpicelli). Russia on the Pacific and the Siberian Railway. London, 1899; Skrine F.H. The Expansion of Russia, 1815-1900. Cambridge, 1903; Ular A. A Russo-Chinese empire. Westminster, 1904. О русско-британском соперничестве см. тж: White A. Transition to Global Rivalry: Alliance Diplomacy and the Quadruple Entente, 1895-1907. Cambridge, 1996.

⁹³¹ Krausse A. Russia in Asia: A Record and a Study, 1588-1899. London, 1899. P. XXIV.

(утрата Приамурья в конце XVII в. - одно из редких исключений). История России состоит из почти непрерывных завоеваний. Одним их главных факторов, побуждавших русских прибегать к силе оружия, являлось отсутствие выхода к морю. Постоянное стремление русских получить выход к морскому побережью сопровождалось присоединением все новых территорий. С этих же позиций автор рассматривал и основные события в истории присоединения Сибири и Дальнего Востока (основываясь на весьма небольшом круге источников, преимущественно нарративных).

Автор напоминает читателям, что, лишившись с подписанием Нерчинского договора выхода к Тихому океану, Россия в течение полутора веков безуспешно пыталась добиться от Китая разрешения на закрепление в устье Амура, до тех пор, пока гр. Н.Н. Муравьев-Амурский «самовольно не вторгся на заветную территорию». А. Краузе не склонен оценивать его действия лишь как нарушение Нерчинского договора, поскольку, по его мнению, генерал-губернатор Восточной Сибири взялся за обустройство региона, в котором уже де факто проживали подданные российского императора. Не видя среди азиатских народов серьезного противника, способного встать на пути русской экспансии, А. Краузе полагал, что вопрос о влиянии в Азии фактически решался между славянами и англосаксами.⁹³² События Крымской войны, во время которой корабли союзников блокировали российские порты на тихоокеанском побережье, в еще большей степени обозначили потребность для России выхода в устье Амура.

Если Э.Г. Равенштейн довольно высоко оценивал итоги миссии Е.В. Путятин, то А. Краузе считал ее неудачной, поскольку китайская сторона отвергла якобы сделанное российским посланником предложение отдать России всю территорию Маньчжурии в обмен на помощь в подавлении восстания тайпинов. Впрочем, действия англо-

⁹³² Очевидно, что суждения А. Краузе во многом созвучны идеям англо-американских исследователей первой половины XX в.: в частности, концепции британского исследователя Х. Макиндера о противостоянии морских и континентальных держав, а также тезису основателя Калифорнийской школы Р.Дж. Кернера о стремлении к морю как важнейшем факторе «русской восточной экспансии». В свою очередь, данное ими объяснение причин "русской восточной экспансии" во многом совпадало с "идеологическим обоснованием дальневосточной политики" в работах российских авторов XIX в. (М.П. Погодина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, П.П. Семенова-Тян-Шанского, М.И. Венюкова, Н.М. Пржевальского, В.С. Соловьева, Э.Э. Ухтомского), где, по наблюдениям А.В. Ремнева, наряду с традиционными утверждениями о стихийном движении русских на восток, «к морю-океану» появились и новые геополитические мотивы, "теории о «естественных границах», о морском или континентальном характере Российской империи, колониальной политике, национальных интересах, стремлении нести европейскую цивилизацию азиатам, пророчества о «желтой опасности» или новом монгольском иге и даже расистские заявления". По словам А.В. Ремнева, "истоки геополитической мысли ощутимы в России задолго до того, как она обособилась в отдельную отрасль человеческого знания". См.: Mackinder, H. J. *The Geographical Pivot of History* // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23, No. 4. P. 421-437; Kerner R.J. *The Urge to the Sea: The Course of Russian History – The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs*. – Berkeley; Los Angeles, 1946; Ремнев А.В. *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков*. Омск, 2004. С.25-26.

французских войск сделали цинское правительство более стоворчивым и заставили дать согласие на урегулирование «амурского вопроса». Подписание Айгунского договора открыло путь русской колонизации Приамурья, но китайские власти, по словам А. Краузе, вскоре «одумались» и начали чинить препятствия русским поселенцам при каждом удобном случае. Россия потребовала объяснений, и «этого окрика оказалось достаточно», чтобы Китай согласился «задобрить» царя новыми территориальными уступками, оформленными Пекинским договором 1860 г.

Таким образом, в отличие от Э.Г. Равенштейна, А. Краузе не считал военную угрозу со стороны англо-французских войск главным фактором, побудившим китайское правительство окончательно уступить России Приамурье и Приморье. Угроза со стороны самой России представлялась не менее значимой. Вместе с тем, британский исследователь не пытался представить русских исключительными агрессорами, но, напротив, довольно высоко ценил их достижения. Приобретения России в Азии сопровождалась не только минимальным применением военной силы, но и полным отсутствием столкновений с какой-либо из великих держав. Ни один шаг русских, по мысли А. Краузе, не был предпринят без учета возможных последствий. Подобная политика не может не заслуживать самой высокой оценки.⁹³³

В своей более ранней работе «Дальний Восток. Его история и его вопрос» А. Краузе писал: «Чем больше я всматриваюсь в государственное управление России, тем сильнее восхищаюсь им, как примером несокрушимого триумфа разума над простой разумностью. Но, восхищаясь ее успехами, я не могу не замечать ужасных последствий для интересов Великобритании, и тем сильнее моя убежденность в том, что исследователь, показывающий способы достижения этого успеха и выявляющий средства, которые можно этому успеху противопоставить, выполняет свой долг в отношении страны, которую он с гордостью называет своей...»⁹³⁴. История триумфа русской экспансии в Азии, изложенная А. Краузе, завершилась в 1905 г. поражением в войне с Японией, но британский журналист умер годом ранее, и ему не пришлось пересматривать свои взгляды.

В отличие от А.С. Краузе, вполне искренне восторжавшегося успехами русских на пути

⁹³³ Krausse A. *Russia in Asia: A Record and a Study, 1588-1899*. London, 1899. P. XXIV. P.19-20.

⁹³⁴ Krausse A. *The Far East. Its History and Its Question*. London, 1899. P. 6. По мнению А. Краузе, место России должна была занять Британская империя, при этом судьбы покоренных народов не имели большого значения, поскольку «цивилизация, благодаря своему превосходству в силе и ресурсах, должна восторжествовать, а мятежное варварство должно сдаться на милость наций, которыми оно пренебрегало».

создания «колониальной империи» в конце XIX в., американский историк Ф.А. Голдер, наблюдавший резкие изменения в мире и в самой Российской империи в первые десятилетия XX в., был достаточно осторожен в своих оценках. В своей известной монографии, опубликованной в 1914 г. и посвященной истории российской экспансии в Тихоокеанском регионе в 1640-х — 1850-х гг., Ф.А. Голдер утверждал, что поначалу русские не осознавали действительного значения Приамурья, поскольку их главный интерес заключался в торговле пушниной. В главе, посвященной присоединению и начальному освоению Приамурья в XVII в., автор, которому изначально был присущ негативистский подход к оценке итогов русской колонизации, уделил основное внимание описанию примеров жесткости казаков, военных столкновений русских с маньчжурами, коряками, чукчами и айнами. В целом Ф.А. Голдер развивал концепцию Г. Бэнкрофта о единстве процесса освоения русскими Дальнего Востока и Северной Америки, в основе которого лежала «алчность» охотников за пушниной.

Особое внимание историк уделил проблеме продовольственного снабжения русского населения, с которой сталкивалась «колониальная» администрация Сибири. По мнению Ф. Голдера, успешность хозяйственного освоения сибирских и дальневосточных владений во многом определялась устойчивым развитием сельского хозяйства, прежде всего – земледелия. Попытку решения данной проблемы Ф.А. Голдер увидел в истории освоения Приамурья второй половины XVII в., но отметил, что в итоге русских постигла неудача, причиной которой явилось истребление туземцев» отрядами В. Пояркова и Е. Хабарова, а также военное столкновение с Китаем, приведшее к потере Приамурья по Нерчинскому договору 1689 г.

Раздел, посвященный событиям 1850-х гг., написан Ф. Голдером на основе сведений, почерпнутых преимущественно из работ И.П. Барсукова и Де Сабира.⁹³⁵ По словам американского историка, «своими успехами в Приамурье Россия в значительной мере обязана великому государственному деятелю Н.Н. Муравьеву-Амурскому».⁹³⁶ Именно он взялся за решение задачи распространения влияния России в Тихоокеанском регионе. Сведения, полученные в ходе экспедиции Г.И. Невельского, держались в строгом секрете,

⁹³⁵ De Sabir C. *Le Fleuve Amour*. Paris, 1861; Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев- Амурский: по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам (материалы для биографии). М., 1891. Кн. 1–2.

⁹³⁶ Golder F. *Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions*. Cleveland, 1914. P. 263.

чтобы не вызывать обеспокоенность Цинской империи и враждебность со стороны других стран, в первую очередь, Англии.

Развивая привычный тезис о российско-британском соперничестве, Ф.А. Голдер подчеркнул, что, в представлении Н.Н. Муравьева, именно Британская империя была наиболее опасным противником, поскольку стремилась стать главной державой в северной части Тихоокеанского региона и лишить Россию ее влияния и власти. Генерал-губернатор Восточной Сибири не сомневался, что у англичан имелись собственные планы относительно Приамурья, и что там уже успели побывать британские корабли. В 1853 г. Н.Н. Муравьев-Амурский предсказал, что России придется уступить американские владения Соединенным Штатам и предположил, что между двумя странами должен быть заключен союз против общего врага - Англии.⁹³⁷

Как заключает американский историк, если до середины XIX в. освоение Дальнего Востока русскими было довольно хаотичным, то после 1850 г. отношение России к экспансии в Тихоокеанском регионе существенно изменилось. Русские более не полагались на одну только силу. Начиная с этого времени дальневосточная политика империи отличалась прозорливостью, а на местах ее проводили в жизнь наиболее способные государственные деятели. Уйдя из Америки, Россия сконцентрировалась на присоединении территорий, расположенных южнее Амура, в поисках незамерзающего порта.

В отличие от Ф.А. Голдера, другой калифорнийский историк Р.Дж. Кернер полагал, что ценность Приамурья с самого начала осознавали как в Пекине, так и в Москве. С подписанием Нерчинского договора в конце XVII в. русские лишились не только продовольственной базы, но и возможности установления прочных торговых связей с Китаем и Японией.⁹³⁸ В последующие века торговля с Китаем хотя и развивалась, но не была очень доходной, поскольку добытую на Аляске пушнину приходилось везти в Кяхту.⁹³⁹

«Триумфом Цинского правительства» называл Нерчинский договор ученик Р.Дж.

⁹³⁷ О дружественных взаимоотношениях России и САСШ в период Крымской войны см.: Golder F.A. Russian-American Relations during the Crimean War // *American Historical Review*. 1925. Vol. XXXI. P. 462–476.

⁹³⁸ Показательно, что под влиянием концепции Р.Дж. Кернера о преимущественно торговых интересах России на Дальнем Востоке некоторые его ученики, историки Калифорнийской школы (Дж. Ланцев, Р. Пирс, Дж. Харрисон) рассматривали Нерчинский договор как дипломатическую победу, позволившую России развивать торговые отношения с Китаем.

⁹³⁹ Kerner R.J. *Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations*. New York, 1931.

Кернера Тун-чи Лин.⁹⁴⁰ В 1932 г. по совету Р.Дж. Кернера Т. Лин приступил к работе над 4-томным историческим исследованием с рабочим названием «Китай и его приграничные территории до и после Опиумной войны 1840 г.».⁹⁴¹ В 1934 г. в процессе работы над исследованием Т. Лин опубликовал статью, в которой рассмотрел историю решения «амурского вопроса» в 1850-х гг.⁹⁴² Автор опирался на работы китайских и японских историков; официальные китайские издания, содержавшие тексты дипломатических документов; труды западных исследователей, в первую очередь, Э.Г. Равенштейна.

По определению Т.Лина, в течение одного-двух десятилетий национализм постнаполеоновской Европы трансформировался в современный империализм, что привело к наступлению Запада на Восток, а европейская политика приобрела глобальный характер. В течение полутора столетий Россия по праву могла гордиться тем, что была единственной европейской нацией, установившей официальные отношения, в том числе торговые, с Китаем. Такое привилегированное положение прекратилось, когда Англия с помощью военных действий и договоров добилась открытия пяти китайских портов для своих торговцев. Увеличение числа русских поселений на Камчатке, развитие торговли пушниной в Русской Америке, частое появление иностранных китобоев в Охотском и Беринговом морях — все это заставило российские власти задуматься об упрочении своего положения в Тихоокеанском регионе и, в частности, искать удобную транспортную артерию, соединяющую Сибирь и Дальний Восток. Амур казался оптимальным водным путем, ведущим из Забайкалья в Тихий океан.

Историк признает, что за время, прошедшее после заключения Нерчинского договора, Китай не колонизовал Приамурье, поскольку считалось, что родовые владения императорской династии должны остаться нетронутыми и незаселенными, к тому же добыча женьшеня и пушнины должна была оставаться монополией императорского дома.

⁹⁴⁰ Историк подчеркивал, что территории, прилегающие к р. Уде севернее устья Амура, были единственным регионом, чей статус не был определен договором, а по Кяхтинскому договору 1727 г. он был объявлен нейтральной территорией, и именно так он воспринимался и Россией, и Китаем вплоть до середины 1850-х гг. Lin T.C. *The Amur Frontier Question Between China and Russia, 1850–1860* // *Pacific Historical Review*. 1934. Vol. 3. № 1. P. 1–27.

⁹⁴¹ Будущий труд должен был включать в себя две части: «Северо-Восток Китая (Маньчжурия и Жэхэ)» и «Северо-Запад Китая (Монголия и Туркестан)». До того, как стать участником организованного Р.Дж. Кернером семинара по истории Северо-Восточной Азии Т. Лин учился на отделении восточных языков в Беркли. В середине 1930-х гг. Т. Лин уехал в Китай, где преподавал в Нанкайском университете (в то время — территория французской концессии в Тяньцзине). В условиях начавшейся войны с Японией продолжение работы над проектом оказалось невозможным, к тому же во время бомбардировки территории университета японцами погибла большая часть архива и библиотеки историка.

⁹⁴² Lin T.C. *The Amur Frontier Question Between China and Russia, 1850–1860* // *Pacific Historical Review*. 1934. Vol. 3, № 1. P. 1–27.

Т. Лин пишет об агрессивной политике Российской империи в Северной Маньчжурии в условиях крайне неблагоприятного для цинского правительства стечения обстоятельств — восстания тайпинов и вторжения англо-французских войск во время Второй Опиумной войны. Исследователь отмечает заслуги Г.И. Невельского, Е.В. Путятина, Н.П. Игнатьева, но главным героем «амурской эпопеи» считает Н.Н. Муравьева, который в течение нескольких лет готовился к тому, чтобы «защищать Камчатку, используя Амур». Начавшаяся Крымская война, по словам Т. Лина, «развязала руки» Н.Н. Муравьеву, который теперь мог не принимать во внимание все, что выходило за рамки «военных нужд».

Успешная оборона Петропавловска доказала, что действия Н.Н. Муравьева были оправданными. После этого он получил полную поддержку правительства в его стремлении приобрести для России весь левый берег Амура и добиться свободы торговли для русских в Северном Китае. Автор описывает отчаянные попытки цинских властей противостоять натиску северного соседа, дезавуировать Айгунский договор или его отдельные положения. Т. Лин подчеркивает, что с самого начала китайское правительство давало свое согласие только на уступку свободных (еще не заселенных) территорий на левом берегу Амура, на участке от устья р. Аргуни до устья р. Сунгари. Из китайского текста Айгунского договора явствует, что совместное владение Китая и России предусматривалось только для правого берега Амура от устья Уссури до моря, тогда как российская сторона распространила действие этого положения на весь Уссурийский край. Когда стало известно, что русские строят дома и дороги по обоим берегам Уссури, Пекин потребовал от местных властей оказывать «жесткое сопротивление». Однако Н.Н. Муравьев, пользуясь явным превосходством в военной силе, продолжал политику одновременной оккупации и переговоров.

В 1920-1940-х гг. проблемы истории присоединения Приамурья и Приморья анализировали в своих публикациях русские исследователи-эмигранты — А.А. Лобанов-Ростовский, В.А. Яхонтов, И.И. Гапанович, Д.Ю. Далин (Д. Даллин). В отличие от А.Краузе и Ф.Голдера, полагавших, что во взаимоотношениях с соседями (в том числе и в Азии) Россия предпочитала полагаться на силу оружия, А.А. Лобанов-Ростовский утверждал, что до конца XIX в. Россия и Китай поддерживали преимущественно

дружественные отношения, основанные на взаимном уважении двух великих империй.⁹⁴³

Исключением можно считать лишь события 1850-х гг., когда царскому правительству пришлось отступить от этих принципов, в результате энергичных действий одного из российских подданных — Г.И. Невельского. Именно его историк называет главным героем "амурской эпопеи", в то время как Н.Н. Муравьев-Амурский, по его мнению, дальновидно поддержал инициативу своего подчиненного, осознавая, какие перспективы открывают перед Россией эти территориальные приобретения. А.А. Лобанов-Ростовский подчеркивал, что, вопреки распространенным в англоязычной историографии представлениям, суверенные права Китая на эти почти не заселенные территории были лишь номинальными.⁹⁴⁴

В свою очередь, В.А. Яхонтов (1881-1978) полагал, что противоречия между Россией и Китаем разрешались отнюдь не на равноправной основе, и что договоры конца 1850-х гг., безусловно, отвечали преимущественно интересам России, а не Китая. В целом для автора несомненен империалистический характер политики, осуществлявшейся царским правительством на Дальнем Востоке.⁹⁴⁵ Схожих, по сути, взглядов придерживался И.И. Гапанович, по мнению которого, Сибирь и Дальний Восток являли собой классический пример «эксплуатационных колоний». Итоги освоения Приамурья в XIX в. историк считал не слишком удачными, поскольку регион так и не удалось превратить в продовольственную базу.⁹⁴⁶

Д. Даллин в своей известной научно-популярной (и изобилующей неточностями) работе «Возвышение России в Азии», опубликованной в 1949 г., в сущности, не согласился с распространенным в западной историографии выводом о преимущественно

⁹⁴³ Аналогичные суждения высказывал М.Н. Павловский, опубликовавший в 1949 г., во время своей длительной эмиграции, монографию по истории русско-китайских отношений. По мнению М.Н. Павловского, русско-китайские отношения представляли собой уникальный феномен в мировой истории; феномен двух империй, осуществлявших полномасштабную экспансию и сумевших разграничить сферы взаимных интересов, избежав серьезных военных конфликтов. Постоянным и доминирующим мотивом в их отношениях была взаимная заинтересованность в безопасности и защищенности приграничных территорий. Обе империи, между которыми находился "океан кочевых народов", имели одинаковую историческую миссию: "умиротворить" и "цивилизовать" этих кочевников в интересах собственной безопасности. См.: Pavlovsky M. Chinese-Russian Relations. New York, 1949.

⁹⁴⁴ Lobanov-Rostovsky A. Russian Imperialism in Asia: its Origin, Evolution and Character // Slavonic and East European Review. 1929–1930. Vol. 8. No.22. P.28-47; Lobanov-Rostovsky A. Russia in Asia. New York, 1933; Lobanov-Rostovsky A. Russia in Asia. 2-nd ed. New York, 1951.

⁹⁴⁵ Yakhontoff V.A. Russia and the Soviet Union in the Far East. New York, 1931.

⁹⁴⁶ Ковалев М. От Петербурга до Канберры: жизнь и научные труды профессора И.И. Гапановича // Acta Slavica Iaponica. Tomus 34. P.69-93; Gapanovich J.J. Russian Expansion on the Amur // China Journal. 1931. Vol. XV. No. 4. P. 173–182; Gapanovich J.J. Sino-Russian Relations in Manchuria, 1892–1906 // Chinese Social and Political Science Review. 1933. Vol. XVII; Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy, 1881–1904, with Special Emphasis on the Causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958.

торговых интересах России в Азии. По мнению Д. Даллина, в отличие от российской экспансии в Европе, движение на Восток не преследовало какой-либо стратегической цели, не содействовало массовым переселениям или расширению торговых связей.⁹⁴⁷

Автор считает аксиоматичным утверждение, что цель российской внешней политики всегда заключалась в расширении границ империи. Для этого не требовалось никакого обоснования, и "идеология" такой политики не поддавалась рациональному объяснению: "Целью было усиление великолетия империи, ее блеска и увеличение славы русского монарха. ... В России преобладало мнение, что этот процесс не был завершен. Безграничная власть самодержца над своими подданными и над судьбой его страны равнялась власти верховного главнокомандующего над солдатами его армии. Долг и обязанность царя заключались в том, чтобы приумножать славу России, способствовать ее непрерывному территориальному расширению и усилению ее могущества в сравнении с другими странами".⁹⁴⁸

Исследователь замечает, что в истории Дальнего Востока резкие повороты политического курса происходили, когда монархи действовали вопреки совету своих министров. Так, присоединение Приамурья стало возможным в результате личного повеления Николая I. Спустя полвека второй Николай сместил некоторых своих министров, проявлявших несогласие с агрессивной политикой в отношении Японии, и эти шаги привели Россию к первой большой войне на Дальнем Востоке.

По мнению автора, в истории присоединения Приамурья и Приморья, безусловно, совершенно выдающуюся роль сыграл Н.Н. Муравьев, сочетавший в себе качества прогрессивного государственного деятеля, почти либерала, и коварного деспота. Как и Ф.А. Голдер, Д. Даллин пишет о враждебном отношении Н.Н. Муравьева к англичанам (совершенно не упоминая при этом о событиях Крымской войны) и его же симпатии к американцам, совместно с которыми он надеялся вытеснить Британию из северной части Тихоокеанского региона. По наблюдениям исследователя, Н.Н. Муравьев умело играл на антибританских настроениях цинского правительства, но при этом с радостью наблюдал за тем, как слабел Китай под ударами союзников. Как замечает автор, такая программа "прокитайской" политики (т.е. политики, противодействовавшей проникновению других стран) сочеталась с одновременными попытками самой России проникнуть вглубь

⁹⁴⁷ Dallin D.J. The Rise of Russia in Asia. New Haven, 1949.

⁹⁴⁸ Dallin D.J. The Rise of Russia in Asia. New Haven, 1949. P.16.

территории Китая. Тем самым закладывалась модель поведения России на Востоке не столетие вперед.

В англоязычных исследованиях, опубликованных в 1940-х - начале 1970-х гг. и посвященных истории международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как правило, воспроизводился традиционный тезис об агрессивной политике, проводившейся Россией на Дальнем Востоке в середине XIX в.⁹⁴⁹ Так, американская исследовательница Паулина Томпкинс писала о том, что в 1850-х гг. Российская империя воспользовалась ослаблением Китая в условиях крестьянских восстаний и вторжения англо-французских войск и захватила Приамурье.⁹⁵⁰ Впоследствии Россия получила и Приморье — в знак признательности цинского правительства за ее посреднические услуги в переговорах с европейскими державами.

Признавая роль искусной дипломатии, П. Томпкинс все же считала решающим фактором, обусловившим территориальные уступки со стороны Китая, безусловно военное превосходство России. На это же указывал в своей монографии «Война между Россией и Китаем» американский журналист Г. Сэлисберри, видевший в продвижении России в Приамурье реванш за вынужденный уход из региона в конце XVII в.⁹⁵¹ Развивая идеи Р. Кернера о преобладании торговых интересов России на Дальнем Востоке, автор считал, что, в первую очередь, ее действия объяснялись нежеланием утратить свое привилегированное положение в торговле с Китаем после того, как Англия добилась от Пекина уступок в результате Первой опиумной войны.

Американский историк Марк Мэнколл также признавал значение торговых интересов России, но полагал, что Нерчинский договор вполне устраивал обе стороны и не должен рассматриваться, как исключительная победа Китая. По его мнению, важно учитывать, что продолжительные и сравнительно мирные по своему характеру русско-китайские отношения, складывавшиеся на протяжении полутора столетий, повлияли на восприятие России в самом Китае. Цинское правительство привыкло считать Россию более слабой страной, и даже в конце 1850-х гг. отношение к ее действиям разительно отличалось от

⁹⁴⁹ Tompkins P. *The American-Russian Relations in the Far East*. New York, 1949; Douglas Jackson W.A. *The Russo-Chinese Borderlands*. Princeton, 1962; Salisbury H. *War Between Russia and China*. New York, 1969; Clubb E. *China & Russia: The "Great Game"*. New York, 1971.

⁹⁵⁰ Tompkins P. *The American-Russian Relations in the Far East*. New York, 1949. P.17-18.

⁹⁵¹ Salisbury H. *War Between Russia and China*. New York, 1969. P.60. Следует учитывать, что публикация книги Г.Сэлисбери в конце 1960-х гг. явилась ответом на резкое ухудшение советско-китайских отношений, что не только придало данной теме особую актуальность, но и повлияло на ракурс рассмотрения автором истории взаимоотношений России и Китая в предыдущие столетия.

восприятия действий англичан и французов.

Вместе с тем, изменения были неизбежны, поскольку традиционная система управления и экономики в Китае начала разрушаться, тогда как в России стремительно развивались капиталистические отношения, а в Сибири рос приток переселенцев, совершенствовались системы коммуникаций.⁹⁵² Примечательно, что указывая на объективные причины, обусловившие резкое изменение ситуации в регионе, Г. Сэлисбери и М. Мэнколл подчеркивали роль субъективного фактора — исключительные заслуги Н.Н. Муравьева-Амурского, сумевшего в итоге повлиять на изменение общего правительственного курса в отношении Дальнего Востока.

«Главным архитектором» оборонной стратегии России на Дальнем Востоке назвал Н.Н. Муравьева-Амурского в одной из своих ранних публикаций известный американский историк Дж. Стефан. В 1969 г. он опубликовал статью, написанную на архивных материалах Адмиралтейства и британского Министерства иностранных дел (Форин-офис) и посвященную событиям на тихоокеанском театре военных действий Крымской войны.⁹⁵³ Историк пришел к выводу, что главная цель Великобритании на Дальнем Востоке заключалась в том, чтобы защитить торговые маршруты в Китай, Юго-Восточную Азию и Австралию от атак российского флота, хотя русские менее всего думали о причинении вреда британским торговым судам. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев считал наиважнейшим делом защиту русских поселений на побережье и сохранение Тихоокеанской флотилии.

Дж. Стефан признает, что первоначально планы Н.Н. Муравьева относительно укрепления в Приамурье были холодно встречены в Санкт-Петербурге. Война доказала правоту Н.Н. Муравьева и продемонстрировала стратегическое значение обладания устьем Амура для коммуникаций с Камчаткой и обороны Восточной Сибири. Дж. Стефан достаточно подробно излагает историю Петропавловской обороны и подчеркивает, что, несмотря на победу русских войск, Н.Н. Муравьев не стал "жертвой ложного оптимизма". Он отдал приказ об эвакуации, понимая, что гарнизон Петропавловска не сможет выдержать еще одну атаку союзников, и что необходимо сосредоточить все силы в Приамурье. Характеризуя дальнейшие действия союзников в заливе Де-Кастри, Дж.

⁹⁵² Mancall M. The Kyakhta Trade // The Economic Development of China and Japan. Studies in Economic History and Political Economy. London, 1964. P. 19-49; Mancall M. Major-General Ignatiev's Mission to Peking, 1859-1860 // Papers on China. 1956. Vol.10. P.55-96.

⁹⁵³ Stephan J.J. The Crimean War in the Far East // Modern Asian Studies. 1969. Vol.3. No.3. P.257-277.

Стефан отмечал "трагикомический характер" тактических операций, описывая их в таких терминах как "трагифарс", "комическая опера" и т.п.

Американский историк заключает, что в тактическом отношении военные действия на Дальнем Востоке явились триумфом русской храбрости и находчивости, показали значение точных географических и картографических данных, быстрых средств сообщения. В стратегическом отношении события периода Крымской войны ускорили изменение направления российской экспансии. Если до конца 1840-х гг. Россия слабо интересовалась приграничными территориями с Китаем и Японией, то теперь она усилила свой натиск на Приамурье и Сахалин. Все это обострило соперничество с Англией и повлияло на развитие международных отношений вплоть до 1914 г.

В своей более поздней работе — монографии по истории российского Дальнего Востока, опубликованной в 1994 г., Дж. Стефан посвятил специальный раздел истории присоединения Приамурья и Приморья, опираясь на многочисленные работы западных (М. Бассин, Дж. Ленсен, Р. Квестид), советских (А.И. Алексеев, А.А. Хисамутдинов, Н.И. Рябов, М.Г. Штейн, О.И. Сергеев и др.), а также китайских и японских исследователей.⁹⁵⁴

В меньшей степени акцентируя внимание на событиях Крымской войны, автор приходит к заключению, что Санкт-Петербург проявил интерес к Дальнему Востоку значительно раньше, в середине 1840-х гг., после Первой Опиумной войны и возросшей активности английских, французских и американских судов в Тихом океане. Царское правительство опасалось, что Приамурье станет объектом "хищнических планов" колониальных держав. Несмотря на осторожную позицию главы внешнеполитического ведомства К.В. Нессельроде, стремившегося избежать обострения отношений с Китаем, было решено исследовать приграничные территории на Дальнем Востоке с целью возможного продвижения и закрепления на них в будущем. Дж. Стефан показывает, что присоединение Приамурья и Приморья стало возможным не только благодаря усилиям генерал-губернатора Восточной Сибири, но целого ряда энергичных и инициативных деятелей, его предшественников и соратников (как об этом писал еще Э. Равенштейн), в их числе — А. фон Миддендорф; Г.И. Невельской и другие участники Амурской экспедиции; Е.В. Путятин и Н.П. Игнатьев и др.

В представлении Дж. Стефана, Н.Н. Муравьев был "убежденным сторонником экспансии" и рассматривал продвижение в Приамурье как путь распространения влияния

⁹⁵⁴ Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994.

и повышения престижа империи в Тихоокеанском регионе, уверяя Николая I, что "тот, кто контролирует Амур, контролирует и Сибирь".⁹⁵⁵ По мнению американского историка, успеху экспансионистских планов Н.Н. Муравьева в равной мере способствовала активность англичан и французов и бездействие Китая. Как и Т. Лин, Дж. Стефан указывает на невнимание китайской стороны к смысловым нюансам в тексте договоров (под не разграниченными территориями цинское правительство подразумевало участки территории, непосредственно прилегавшие к рекам и Татарскому проливу, тогда как в русскоязычном варианте это можно было интерпретировать как всю территорию между Уссури и Японским морем, чем в итоге не преминул воспользоваться Н.Н. Муравьев). Дж. Стефан резюмирует, что процесс "поглощения" Россией Приамурья и Приморья явился сочетанием "захватнических действий, дипломатии и везения". Критически оценивая деятельность Н.Н. Муравьева, американский исследователь напоминает, что в дореволюционной и советской историографии оценки его личности и действий претерпевали резкие изменения и никогда не были однозначными.

В 1968 г. британская исследовательница Розмари Квестид (в то время — преподаватель Университета Малайя в Куала-Лумпур) опубликовала монографию, в которой впервые в англоязычной историографии подробно осветила историю подписания Айгунского и Пекинского договоров и в целом — русско-китайских отношений рубежа 1850-х-1860 - х гг.⁹⁵⁶ В основу монографии положена диссертация, которую автор защитила в 1963 г. в Лондонском университете. Анализируя историю изучения русско-китайских отношений в XIX в., британская исследовательница совершенно оставила без рассмотрения ранние публикации европейских журналистов и публицистов, посвященные российской экспансии на Дальнем Востоке, и отметила лишь некоторые научные труды англоязычных исследователей (напр, М. Мэнколл⁹⁵⁷). В основном Р. Квестид использовала опубликованные русские и китайские источники; работы дореволюционных (И.П. Барсуков, А. Корсак, П.В. Шумахер, А.О. Буксгевден) и советских (П.И. Кабанов, Б.А. Романов, А.Л. Нарочницкий, Е.П. Скачков, М.И. Сладковский) авторов; труды китайских историков.

По признанию Р. Квестид, благодаря более либеральной политике, проводившейся советским правительством с середины 1950-х гг., ей предоставилась возможность

⁹⁵⁵ Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. P.44.

⁹⁵⁶ Quested R.K.I. The Expansion of Russia in East Asia, 1857-1860. Kuala Lumpur, 1968.

⁹⁵⁷ Mancall M. Major-General Ignatiev's Mission to Peking, 1859-60 // Papers on China. 1956. No. 10. P. 55-96.

стажироваться в СССР и получить доступ к фондам советских библиотек, в первую очередь, Библиотеки им. В.И. Ленина, где она изучала нарративные источники — опубликованные записки и воспоминания Н.П. Игнатьева, Г.И. Невельского, архимандрита Палладия и других непосредственных участников описываемых событий. По весьма спорному умозаключению Р. Квестид, сам факт публикации этих материалов до 1917 г. делает их вполне заслуживающими доверия, поскольку авторам не пришлось умалчивать о чем-либо или искажать факты из политических соображений.

Не имея свободного доступа к советским архивным хранилищам, автор активно использовала документы из архивов США, Великобритании, Франции; изучала автобиографии, мемуары, дневники зарубежных дипломатов и торговых представителей, рассматривая повествовательные источники как важное дополнение к официальным российским и китайским документам.

По определению Р. Квестид, среди "белых пятен" в истории русско-китайских отношений ничто не вызывает больший интерес и ничто не зафиксировано в документах лучше, чем период 1857-1860 гг. Присоединение к Российской империи Приамурья и Приморья авторы называет одним из важнейших событий в истории Дальнего Востока и одновременно — одним из наименее изученных в западной историографии.⁹⁵⁸ Своим исследованием Р. Квестид стремилась восполнить данный пробел, выражая надежду на то, что новые архивные материалы не позволят написать более обстоятельное исследование).

Поддерживая позицию большинства китайских историков, Р. Квестид резюмирует, что передача этой обширной территории России, явилась одной из «наиболее серьезных ран», нанесенных Китаю в период его ослабления. Для России следствием этого приобретения стало превращение в тихоокеанскую державу; а дальнейшее ее участие в маньчжурских делах и войне с Японией повлияло на внутривнутриполитическую ситуацию в империи и развитие революционных событий.⁹⁵⁹

В монографии дается общая картина процесса выработки политических решений на дипломатическом уровне, при этом автор старалась по возможности не повторять материал, уже известный исследователям по работам, опубликованным на европейских языках. Р. Квестид максимально подробно описала ранее недостаточно изученную

⁹⁵⁸ Quested R.K.I. The Expansion of Russia in East Asia, 1857-1860. Kuala Lumpur, 1968. P.X.

⁹⁵⁹ Представление о русско-японской войне как «рычаге революции» разделяли и другие западные историки: Д. Гайер, Я. Кусбер и др.

миссию Е.В. Путятина (январь 1857 г. - июль 1858 г.); проследила, как выработывался политический курс в отношении России в правящих кругах Цинской империи, и показала, как эти события отражены в китайских источниках.

Менее подробно освещается период, в течение которого состоялась миссия П.Н. Перовского (июль 1858 — июнь 1859 гг.); в самых общих чертах излагается история миссии Н.П. Игнатьева (июнь 1859 — конец 1860 гг.). Для данного периода Р. Квестид приводит обширный материал по истории русско-китайских контактов в Приамурье и Приморье, который ранее не был переведен с китайского. Наконец, применительно ко всему 4-летнему периоду, с января 1857 по декабрь 1860 гг., Р. Квестид дает собственную оценку политики Великобритании, Франции и США в отношении России и ее действий на Дальнем Востоке, опираясь на соответствующие архивные источники и делая особый акцент на британской политике, как факторе, много способствовавшем успеху России.

По мнению Р. Квестид, в XVIII в. русско-китайские отношения эволюционировали от заметного превосходства Китая над Россией к примерному равенству сил, и далее – к агрессии и конфликтам. К середине XIX в. русские почувствовали свое превосходство и все активнее проникали на китайскую территорию.

Излагая историю дипломатических миссий Е.В. Путятина и Н.П. Игнатьева, подготовку и подписание Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров 1858–1860 гг., исследовательница объяснила успехи российской дипломатии не столько прозорливостью и мудростью Н.Н. Муравьева-Амурского⁹⁶⁰, сколько эффективностью внешней политики, проводимой в тот исторический период канцлером А.М. Горчаковым и главой Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевским. Р. Квестид также отметила большую роль сотрудников Российской духовной миссии в Китае (в частности, архимандрита Палладия и А. Татаринова)⁹⁶¹.

Автор сумела описать запутанный клубок внешнеполитических противоречий, помешавших Цинской империи мобилизовать силы и успешно противостоять натиску

⁹⁶⁰ Р. Квестид характеризует Н.Н. Муравьева-Амурского как "эксцентричную личность, склонную к преувеличенным надеждам и страхам", Е.В. Путятина - как "человека действия, прежде всего", а Н.П. Игнатьева - как "более искусного дипломата по сравнению со всеми, кто вел переговоры с Китаем". См.: Nish I.H. *Rec.ad op.: Quested R.K.I. The Expansion of Russia in East Asia, 1857-1860*. Kuala Lumpur: University of Malaya Press, 1968 // *The Slavonic and East European Review*. 1970. Vol.48. No.113. P.609-611.

⁹⁶¹ По справедливому замечанию одного из рецензентов, известного историка Джона Уайта, данный вывод следовало обосновать более подробным рассмотрением деятельности А.М. Горчакова и Е.П. Ковалевского, что необходимо для соотнесения доступного исследователю источникового материала с «более широким взглядом на исторические события». См.: White J.A. *Rec. ad op.: R.K.I. Quested. The Expansion of Russia in East Asia, 1857–1860*. (New York: Oxford University Press, 1968) // *The Journal of Asian Studies*. 1969. Vol. 29. P. 164–165.

России в Приамурье. В монографии показано, что цинское правительство привычным образом пыталось сталкивать одних «варваров» с другими, испытывая при этом двойное давление. С одной стороны, Дайцинскому государству приходилось отвечать на требования следовавших друг за другом дипломатических миссий; с другой — принимать во внимание военные приготовления Н.Н. Муравьева в долинах рек Амур и Уссури. Китай в итоге отступил под натиском русских, поскольку после многих лет непрерывного давления со стороны России казалось, что вытеснить ее из Приморья будет уже невозможно. К тому же цинское правительство предполагало, что Россия будет слишком занята обустройством на новых территориях, чтобы претендовать на что-либо еще в обозримом будущем.⁹⁶²

Британская исследовательница признала, что Англия и Франция своими действиями невольно помогли России, и хотя европейские державы впоследствии осознали, что именно русским достанется «львиная доля» территориальных приобретений в Китае, оказать противодействие политике Петербурга на Дальнем Востоке не удалось.

В своей более поздней работе Р. Квестид анализирует документы из тайваньских архивов, опубликованные специалистами из Академии Синика (Тайбэй).⁹⁶³ По мнению Р. Квестид, эти источники не меняют картину русско-китайских переговоров радикально, но содержат важную информацию. Так, дипломатическая переписка между российским правительством и Лифаньюанем показывает, что Е.В. Путятин действовал в нарушение инструкций, данных ему в Санкт-Петербурге, когда провел секретные переговоры в Тяньцзине по вопросу об амурской и уссурийской границах, поскольку вся полнота ответственности за переговоры о границе была возложена исключительно на Н.Н. Муравьева.

Особого внимания исследовательницы заслужило послание, переданное в ноябре 1858 г. Н.Н. Муравьевым китайскому императору через амбаня Урги, и содержавшее, в частности, предложение в случае оккупации Китая англичанами "взять под защиту народы Монголии и Маньчжурии и позволить им продолжать жить так, как они жили ранее". Отчасти данный документ подтверждает правоту тех современников описываемых событий, кто предполагал, что Россия намеревалась взять под свой

⁹⁶² См. тж: Nish I.H. *Rec.ad op.: Qusted R.K.I. The Expansion of Russia in East Asia, 1857-1860.* Kuala Lumpur, 1968 // *The Slavonic and East European Review.* 1970. Vol.48. No.113. P.609-611.

⁹⁶³ Qusted R.K.I. *Further Light on the Expansion of Russia in East Asia: 1792-1860* // *The Journal of Asian Studies.* 1970. Vol. 29. N0.2. P.327-345.

контроль всю территорию Маньчжурии.

Р. Квестид не удалось обнаружить признаков существования в Китае «пророссийской партии»; лишь некоторые представители правящих кругов Дайцинского государства периодически высказывались в пользу умиротворения России. Вместе с тем, документы из тайваньских архивов позволили сделать вывод о существовании антироссийской группы, в которую входили маньчжурские аристократы и сановники. Исследовательница цитирует письмо одного из них, где говорилось о "ненасытности русских варваров"; о том, что невозможно описать меру опасности, которую они представляют для Китая; предлагалось "использовать яд против яда" и разрешить китайским крестьянам переселяться в Маньчжурию и предоставить колонистам право самим организовать оборону заселенных ими территорий.

В 1970-х гг. на роль политического фактора в дальневосточной колонизации указывал представитель Калифорнийской школы Р. Пирс. В качестве подтверждения своего вывода историк приводил тот факт, что интенсивное развитие сельского хозяйства в Приамурье началось только в конце XIX в., а не сразу после приобретения Амура Н.Н. Муравьевым – следовательно, проблема была гораздо сложнее и не сводилась только к торговым и экономическим интересам⁹⁶⁴. Вместе с тем, многие американские исследователи, развивавшие традиции Калифорнийской школы, показали, что российскую экспансию в Приамурье обусловили отнюдь не только политические факторы.

Канадский историк Дж. Гибсон использовал концепцию Р. Кернера в качестве теоретической основы своего исследования, посвященного проблемам продовольственного снабжения русских владений на Дальнем Востоке в середине XVII – середине XIX вв.⁹⁶⁵ В статье, опубликованной в 1968 г., Дж. Гибсон поддержал формулу Р. Кернера об «амурском вопросе», как «ключе к объяснению русской экспансии на Дальнем Востоке и в Америке»⁹⁶⁶. По мнению Дж. Гибсона, в XVIII в. Россия все болезненнее переживала потерю Приамурья, рассматривая его как источник получения продовольствия и пушнины. Соответственно, поиск новых регионов, способных поставлять и то, и другое, обусловили дальнейшую активность русских в регионе.

Впрочем, историк признал, что расчет русского правительства на освоение Приамурья

⁹⁶⁴ Lantzeff G.V., Pierce R.A. *Eastward to Empire. Exploration and Conquest of the Russian Open Frontier to 1750*. Montreal, London, 1973. P. 155 – 183.

⁹⁶⁵ Gibson, James R. *Feeding The Russian Fur Trade. Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula 1639–1856*. Madison; London, 1969.

⁹⁶⁶ Gibson J. *Russia on the Pacific: the Role of the Amour* // *Canadian Geographer*. Vol. XVII. No. 1, 1968. P. 22.

был ошибочным, поскольку даже после окончательного присоединения к России Амур не стал оживленным торговым маршрутом, а упадок пушной торговли и переселение многих жителей Охотского побережья и Камчатки в Приамурье уменьшили остроту проблемы продовольственного снабжения тихоокеанских владений России⁹⁶⁷.

Впоследствии Дж. Гибсон отмечал ведущую роль «имперских» целей России в дальневосточной политике. Историк предложил несколько возможных объяснений того, почему метрополия расширяла свои колониальные владения в регионе. В качестве причин названы и «империалистическое упорство», и стремление контролировать арктическое и тихоокеанское побережья, и страх перед вмешательством других держав, который сменялся безразличием к судьбам восточных владений ввиду отсутствия иностранной угрозы⁹⁶⁸. В целом, в середине 1970-х гг. исследователь пришел к выводу о масштабности и планомерности «русской тихоокеанской экспансии», а Российскую империю называл могущественным соперником Великобритании, Испании и США.

С. Коткин согласился с выводами предшественников о том, что Приамурье превратилось в ключевой регион в российской сфере влияния на востоке, благодаря энергичному руководству генерал-губернатора Н.Н. Муравьева. В то время, когда права России на регион были закреплены Айгунским и Пекинским договорами, на этой обширной территории, равной по размерам Франции и Германии вместе взятым, проживало всего 15 тыс. чел., в основном представителей коренного населения. Российское поселение на Амуре имело неясные перспективы, поскольку поездка из Европейской России в Приамурье могла занять около года. Как пишет С. Коткин, «только такие визионеры как Муравьев могли смотреть сквозь устрашающие преграды», особенно учитывая тот факт, что российская экспансия встретила на своем пути сопротивление других держав, стремившихся воспользоваться к своей выгоде слабостью Китая - в первую очередь, так действовала Англия. После отъезда Н.Н. Муравьева в 1861 г. Россия на время утратила инициативу, но начатое им дело продолжилось в новом качестве в 1891 г., со строительством участка Транссибирской магистрали между Хабаровском и Владивостоком.⁹⁶⁹

Выпускник Университета Беркли в Калифорнии Марк Бассин опубликовал в 1980-

⁹⁶⁷ Gibson J. Russia on the Pacific: the Role of the Amour // Canadian Geographer. Vol. XVII. No. 1. 1968. P. 24.

⁹⁶⁸ Gibson J. The Significance of Siberia to Tsarist Russia // Canadian Slavonic Papers. 1972. Vol. 14. No. 3. P. 453.

⁹⁶⁹ Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. New York, 1995. P.17.

1990-х гг. серию статей и монографию⁹⁷⁰, избрав предметом исследования социокультурные процессы, определившие характер и ход дальневосточной колонизации, развития экономики и торговли в крае в середине XIX в.

Исследования М. Бассина были во многом созвучны тенденциям развития исторической науки последней трети XX в., связанным с «культурным» или «антропологическим поворотом», проблематикой «воображаемой географии» и «ментальных карт».⁹⁷¹ Подобно тому как впоследствии другой калифорнийский историк, Ю. Слезкин, реконструировал образ "чужеземцев", существовавший в сознании русских и определявший действия последних, М. Бассин восстанавливал образ "чужой земли"; при этом оба историка полагали, что с помощью таких образов легче анализировать самовосприятие русских в конкретную историческую эпоху. По мнению М.Бассина, исследуя, каким образом тот или иной социум воспринимает, оценивает и обозначает чужое пространство, мы начинаем лучше понимать, как это общество воспринимало и оценивало себя.

Теоретические вопросы, связанные с избранной темой, М.Бассин наиболее обстоятельно рассмотрел в серии статей⁹⁷². Опираясь на работы Э. Смита⁹⁷³, американский исследователь указывает на значение категорий «страна» и «пространство» в качестве структурных элементов «национальной идентичности». Соответственно, «нация» является, прежде всего, пространственным (территориальным) понятием, прочно связанным с определенным географическим пространством или территорией. Эта территория соответствует тому, что обозначается понятием "географическая родина", т. е. регион, к которому представители нации испытывают чувство эмоциональной привязанности. Данное пространство как материальная реальность, по Э. Смигу, подвержено процессу, в ходе которого оно нагружается определенными ценностями и широким спектром смыслов, соответствующих смысловым категориям и максимам

⁹⁷⁰ Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865*. New York and Cambridge, 1999.

⁹⁷¹ В конце 1970-1980-х гг. Университет Калифорнии в Беркли (alma mater М.Бассина) являлся одним из ведущих американских центров, в котором разрабатывались новые исследовательские направления).

⁹⁷² Bassin M. *The Russian Geographical Society, the "Amur Epoch," and the Great Siberian Expedition 1855-1863* // *Annals of the American Geographer*. 1983. No. 73 (2). P.240-256; Bassin M. *Expansion and colonialism in the East: Views of Siberia and Far East in Pre-Petrine Russia* // *Journal of Historical Geography*. 1988. Vol. 14. No. 1. P.3-21; Bassin M. *Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century* // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. P.763-794; Bassin M. *Russia between Europe and Asia: The Ideological Construction of Geographical Space* // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50. No.1. P.1-17; Bassin M. *Imperialier Raum / Nationaler Raum: Sibirien auf der kognitiven Landkarte Russlands im 19. Jahrhundert* // *Gechichte und Gesellschaft*. 2002. 28. Jahrg. H. 3. Mental Maps. S.378-403.

⁹⁷³ Smith A.D. *National Identity*. London, 1991.

национальной группы. Таким образом, в ходе становления нации данный географический регион превращается в чисто «субъективное видение».

Американский историк задается вопросом, разделяется ли это «видение», эта идея «географической родины» всеми членами сообщества? Можно ли утверждать, что в основе идеи «географической родины» лежит географический и картографический консенсус национальной группы; или "национализацию пространства" следует описывать лишь как частный процесс внутри национального сообщества, который осуществляется и несет на себе отпечаток подгрупп и отдельных индивидов⁹⁷⁴. Историк предполагает, что географическое пространство в целом и национально-коннотированная "географическая родина" в частности, должны рассматриваться не как определенные, объективные величины, но в большей степени как дискурсивные "общие места", как предмет дискуссий и объект разнообразных интерпретаций.

М.Бассин утверждает, что "географическую родину" следует описывать не как понятный, чётко обозначаемый физический объект, но, скорее, как эмоционально нагруженный ментальный конструкт ("видение"), который не только меняется исторически, но и в синхронной перспективе может принимать различные выражения. Эти варианты, привязанные к отдельным группам или представителям национального сообщества, иногда различаются по основополагающим элементам представления об «общей родине», как, например, по точному географическому местоположению или точному контуру внешних границ. Их также можно различать по тем вопросам, на которые они дают ответ: например, на какие части разделено национальное пространство, т.е. какое значение и какую оценку несут отдельные регионы и части национального пространства.

По словам историка, образы «географической родины» можно описывать как "геоидеологический" концепт, соответствующий специфическим сложным описательным моделям той или иной нации. Это означает, что «географическое самовосприятие» определенным образом раскрывает «структуру основополагающих

⁹⁷⁴ Автор напоминает, что вопросы такого рода вытекают в большей или меньше степени неизбежно из современных дебатов о сущности наций как сконструированных образов, т.е. о том, являются ли нации частью объективной реальности и должны рассматриваться как результат специфических исторических процессов, или они являются продуктом субъективного и целенаправленного творческого процесса образованной элиты, которая делает возможным "изобретение" собственной нации как сочетания разветвленной мифологии и национального "этоса". Рассматриваемые с данной, последней точки зрения, все основные категории национального существования (анналы "национальной истории", идея этнической однородности, представления о "национальном" языке и т.д.) предстают тем, что Эрик Хобсбаум обозначил своим известным понятием "изобретенные традиции".

ценностей, принципов, желаний и страхов нации». Поскольку эти образы отличаются друг от друга, за них ведется борьба, они подвержены изменениям и одновременно отражают изменения, дискретность, амбивалентность и конфликты, которые осуществляют и выражают «самоописание и самооправдание соответствующей нации».

В не меньшей степени «структуру основополагающих ценностей» той или иной нации помогают раскрыть образы «Другой» земли или региона. Так, представления европейцев о Новом Свете, хотя и не нашли подтверждения в реальности, но отражали духовную жизнь европейской цивилизации. Конструируемые ментальные модели несли в себе типичные элементы европейского сознания. Определение "Другого" мира помогало европейцам, по мнению Э.Саида и Ц.Тодорова, лучше понять самих себя. Одновременно европейцы надеялись на осуществление своих утопических замыслов в этом "Другом" мире.⁹⁷⁵

В России одним из наименее изученных регионов была Сибирь, что во многом предопределило амбивалентность ее образа в общественном восприятии. Сибирь считали и колонией, и неотъемлемой частью России. По мнению М. Бассина, изменения представлений о Сибири и Европейской России отражали различные этапы, кризисы и повороты в эволюции пробуждающегося национального русского самосознания. Исследователь доказывает, что, восприятие Сибири как "альтернативного" пространства позволило русским сформулировать образы коллективного самовосприятия, что было бы невозможно без этой пространственной контр-модели. Именно Сибирь открыла перед русским национальным воображением возможность смоделировать географический образ будущего и представить нацию такой, какой она хотела бы стать.⁹⁷⁶

Историк приходит к выводу, что самый ранний образ Сибири, который разделяли русские, живущие к западу от Урала, можно обозначить как "колониальный". Такое представление было обусловлено экономическим интересом, благодаря которому русские присоединили все пространство вплоть до Северной Америки. При Петре I данный взгляд приобрел идеологическое обоснование: Центральная Россия становилась "европейским центром", а все остальные регионы (включая Сибирь) — колониальной периферией. С помощью Сибири Россия осознавала свою «европейскую идентичность».

⁹⁷⁵ Bassin M. *Inventing Siberia: Views of Russian East in the Beginning of the XIX century* // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. P.763-794.

⁹⁷⁶ Bassin M. *Imperialier Raum / Nationaler Raum: Sibirien auf der kognitiven Landkarte Russlands im 19. Jahrhundert* // *Gechichte und Gesellschaft*. 2002. 28. Jahrg. H. 3. Mental Maps. S.378-383.

До конца XVIII в. на русских картах регион обозначался не старым русским названием "Сибирь", а как "Великая Татария". В исследовательской литературе того времени основное внимание уделялось аборигенам, а не русскому населению Сибири, которую сравнивали с Перу, Мексикой, Бразилией. Одновременно, пока Сибирь приносила хороший доход, авторы воспевали богатство этой колонии.

В XIX в. регион утратил прежнее экономическое значение, и это не замедлило сказаться на образе Сибири в глазах подданных империи. Прежнюю эйфорию сменило циничное отношение к возможным способам использования колонии. Возник пугающий образ азиатской "ничейной земли", с бесплодными заснеженными равнинами и замерзшей тундрой. Отныне «азиатский характер» Сибири в меньшей степени указывал на богатство колонии, а в большей - на крайнюю культурную отсталость ее населения и слабое влияние идей европейского Просвещения. В Европейской России отсталость Сибири все больше воспринимали как препятствие на пути формирования собственной «европейской идентичности». Единственная польза, которую могла принести Сибирь, заключалась в том, что ее можно было использовать как место ссылки.⁹⁷⁷

Одновременно в первой половине XIX в. возникло и более позитивное восприятие региона. В рамках формирующейся идеологии русского национализма критиковался петровский проект "вестернизации", хотя представления русских о пространстве в ходе этого идеологического перелома ни в коем случае не утратили своей значимости. По словам американского исследователя, возникли новые образы Сибири, способствовавшие консолидации, украшению и пропаганде «большого национального проекта». Во-первых, Сибирь начали воспринимать как «наследие русского завоевания», при этом воспевались подвиги казаков, освободивших регион от наследников Золотой Орды. Во-вторых, «дикость» Сибири воспринималась как подтверждение превосходства русской цивилизации. По аналогии с другими европейскими колонизаторами, русские выступали в Сибири в качестве культуртрегеров. Наконец, Сибирь могла рассматриваться как образец, которому должна была следовать Европейская Россия. Так, декабристы сравнивали сибиряков с американцами, более свободными, чем русские крестьяне, а М.В. Петрашевский считал, что Сибирь станет источником обновления и реформирования России.

⁹⁷⁷ Bassin M. Imperialier Raum / Nationaler Raum: Sibirien auf der kognitiven Landkarte Russlands im 19. Jahrhundert // Geschichte und Gesellschaft. 2002. 28. Jahrg. H. 3. Mental Maps. S.388.

В своей монографии М.Бассин связывает с националистическими идеями обновления России и «амурскую эпопею» 1850-х гг. По признанию самого автора, приступая к работе над книгой, он отнюдь не ставил перед собой задачи выяснения конкретных (в том числе – политических) причин, обусловивших присоединение Приамурья к России. Главной целью была реконструкция того образа Дальневосточного региона, который существовал в восприятии русских; изучение их представлений о географии Дальнего Востока в рассматриваемый исторический период. Все это должно способствовать более глубокому пониманию культуры и образа мыслей отдельных людей, социальных групп и целого общества.

В процесс работы над книгой М.Бассин собирал материал в библиотеках США, Германии, Финляндии; дважды совершал поездки в СССР, работал в библиотеках Москвы, Ленинграда, Иркутска; встречался с советскими специалистами — С.А. Ковалевым, А.И. Алексеевым, Б.П. Полевым, А.П. Окладниковым, С.Б. Лавровым и др. В числе своих консультантов историк называет многих западных исследователей — Н. Рязановского, М.Малиа, Дж.Стефана, М.Раева, С.Маркса. Особую признательность М. Бассин выразил Дж.Гибсону, который и посоветовал ему заняться историей Приамурья.

Американский историк опирался в основном на опубликованные материалы: работы дореволюционных исследователей (И.П. Барсуков, И.В. Ефимов, Л. Яковлев, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, Б.А. Милютин, Д.И. Романов, А. Сгибнев, М.И. Венюков); западных⁹⁷⁸ и советских историков (А.И. Алексеев, Е.Л.Беспрозванных, Е.В.Бунаков, К.Кирт, Н.И. Леонов и др.). М.Бассин широко привлекал нарративные источники (воспоминания, записки путешественников (Т.У. Аткинсона, П. Коллинза, Р. Андре и др.), материалы периодических изданий ("Морской сборник", "Русская старина", "Русский вестник", "Иркутские губернские ведомости", "Записки Русского Географического Общества", "Колокол", *Petermanns Mittheilungen* и др.)

В своем исследовании М. Бассин использовал подходы интеллектуальной истории и исторической географии, затрагивая такие темы как русский империализм, реформистская идеология, национализм и мессианизм, геополитика, сибирский регионализм. Анализируя эволюцию представлений о Дальнем Востоке и Приамурье, американский исследователь цитирует многочисленные работы публицистов и ученых

⁹⁷⁸ В частности, М.Бассин активно использовал труды западных специалистов, изучавших различные вопросы истории Сибири. В их числе: Е.Х.Карр, Д.Дальман, Г.Даймент, Ю.Слезкин, Д.Гайер, Р.Дж.Кернер, Дж.Гибсон, Т.Лин, У.Б.Линкольн, А.Малоземов.

XIX в. По заключению П. Верта, в отличие от многих авторов исторических работ, отдающих «взгляду наблюдателя» безусловное предпочтение, М. Бассин честно показывает, что «предел фантазиям полагают материальные условия».⁹⁷⁹ С не меньшим сарказмом высказался в этой связи Д. Брауер: «В большинстве случаев полеты «пространственной фантазии» погружались в забвение так же быстро, как возникали, когда их приверженцы сталкивались с суровой реальностью региона, или когда их надежды на царские реформы таяли...».⁹⁸⁰

М. Бассин выделил две доминирующие тенденции развития общественной мысли и культуры России в середине XIX века. С одной стороны, происходило стремительное укрепление националистических настроений; с другой - еще более мощного и всеохватывающего оппозиционного течения, противостоявшего режиму Николая I.⁹⁸¹ Под воздействием этих факторов формировались и представления русских о Дальнем Востоке.

Историк уделяет особое внимание истории научного изучения Приамурья, полагая связь между политикой и наукой универсальным феноменом. Ведущую роль в этом процессе играло Русское Географическое общество, превратившееся в условиях николаевской России в «убежище» для интеллектуалов, мечтавших о реформах и одновременно сочувствовавших националистическим идеям. Провозглашая Россию уникальной евразийской страной, члены и руководители ИРГО рассматривали Приамурье как окраинный регион, который должен был стать площадкой для колонизации, торговли, распространения цивилизации и имперского правления.⁹⁸² Выход

⁹⁷⁹ Werth P. Rec ad op.: Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865*. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1999 // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 4. P.903-904.

⁹⁸⁰ Brower D. Rec. ad op.: Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865*. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1999 // *The American Historical Review*. 2001. Vol. 106. No. 2. P.681-682.

⁹⁸¹ Впрочем, по мнению П. Верта, М. Бассин слишком карикатурно изобразил николаевский режим, противопоставив национально-реформистское течение и "гиперконсервативную стагнацию". Схематичность такого противопоставления подтверждает пример Н.Н. Муравьева, которого одновременно восхваляли как «динамичного защитника ценности русской нации против позора официальной народности» и критиковали за традиционные для русского чиновничества качества — произвол и безграничное тщеславие. См.: Werth P. Rec ad op.: Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865*. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1999 // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. No. 4. P.903-904.

⁹⁸² Как заметил Д. Брауер, призывы таких интеллектуалов и чиновников были предназначены, в первую очередь, Санкт-Петербургу, поскольку до тех пор пока у власти оставался Николай I, консерватизм блокировал все новые национальные проекты: Brower D. Rec. ad op.: Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865*. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1999 // *The American Historical Review*. 2001. Vol. 106. No. 2. P.681-682.

к Тихому океану, в их восприятии, должен был способствовать возрождению России⁹⁸³.

Воплощению этих замыслов в реальность должны были служить организованные ИРГО научные экспедиции. Впрочем, вскоре стало ясно, что Амур — не самый безопасный и надежный путь к океану. Далее начался поиск на географических картах точного места, которое олицетворяло бы для России ценность территориальных приобретений на дальневосточных рубежах. И вновь поначалу это была сама река Амур, затем взор русских устремился к более южным территориям, к берегам Татарского пролива или же внутренним районам Маньчжурии. В свою очередь, необходимость выбора между этими двумя вариантами спровоцировала споры о будущем России как морской или континентальной державы.

Как отмечает М. Бассин, эйфория, вызванная присоединением Приамурья, вскоре прошла, и вплоть до революции 1917 г. регион оставался не самым привлекательным местом для жизни. С начала XIX века русские стремились продвинуться вниз по Тихоокеанскому побережью, и эта тенденция продолжилась и во второй половине столетия. Таким образом, Приамурье явилось лишь промежуточным рубежом. Основанный в 1860 г. Владивосток быстро сменил Николаевск в качестве главного экономического и торгового центра России на тихоокеанском побережье. Спустя еще три десятилетия русские приняли участие в борьбе европейских держав и Японии за контроль над Корейским полуостровом. В 1897 г. Россия заключила договор об аренде Ляодунского полуострова сроком на 25 лет, что вызвало недовольство Японии, уничтожившей российский Тихоокеанский флот в 1904-1905 гг. В итоге русские вновь вернулись во Владивосток, вплоть до наших дней остающийся главной морской базой России на Тихом океане.

В этих условиях Приамурье оказалось периферийным регионом. Аграрная колонизация края не увенчалась успехом, и в 1881 г. Д.И. Завалишин признавал, что регион по-прежнему не может себя прокормить. Через 10 лет в своем известном труде «Сибирь как колония» об этом же писал Н.М. Ядринцев. В 1890-х "маргинальный" статус Приамурья был подтвержден тем фактом, что восточная линия Транссиба прошла от Забайкалья через Харбин во Владивосток, т.е. минуя Приамурье. Готовность царского

⁹⁸³ По верному замечанию Д. Брауера, одним из главных результатов исследования является вывод М. Бассина о том, что в мировоззрении этих националистов-реформаторов "приобретение Приамурья служило отличной и действительно необходимой основой для реформирования и обновления России". См.: Brower D. *Rec. ad op.*: Bassin M. *Imperial Visions: Nationalist Imagination and Geographical Expansion in the Russian Far East, 1840-1865*. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1999 // *The American Historical Review*. 2001. Vol. 106. No. 2. P.681-682.

правительства проложить железную дорогу через территорию иностранного государства красноречиво свидетельствовала о том месте, какое фактически занимало Приамурье в сознании русской общественности в конце XIX в. По утверждению историка, перелому в этих настроениях способствовало лишь поражение в Русско-японской войне.

В 1990-х гг., наряду с исследованиями М. Бассина, отмеченными во многом новаторским подходом к изучению истории дальневосточной колонизации, англоязычная историография пополнилась рядом работ, в которых воспроизводятся вполне традиционные выводы и оценки. Так, в монографии известного американского историка У.Б. Линкольна "Завоевание континента: Сибирь и русские", изданной в 1994 г., продвижение русских в Приамурье объясняется комплексом политических и экономических причин. Как пишет историк, ослабление Китая создавало вакуум в регионе, который мог быть заполнен одной из европейских держав - соперниц России. В свою очередь, Цинская империя пыталась столкнуть своих противников друг с другом. Одновременно происходило постепенное перемещение центра торговли из Кяхты в Шанхай и Кантон. Со временем царское правительство осознало необходимость принятия более решительных мер для защиты своих интересов в регионе.⁹⁸⁴

Ведущую роль в укреплении позиций России на Дальнем Востоке У.Б. Линкольн отводит Н.Н.Муравьеву-Амурскому, сочетавшему широту и прогрессивность взглядов с диктаторскими методами. Генерал-губернатор Восточной Сибири, убежденный в том, что Амур - главная транспортная артерия, обеспечивающая выход России в Тихий океан, стремился опередить англичан или американцев и не допустить их проникновения в регион. В числе его заслуг – меры по изучению и хозяйственному освоению Приамурья; организация обороны дальневосточных рубежей в период Крымской войны. По мнению американского историка, заключение выгодного для России Айгунского договора стало возможным не только потому, что цинское правительство стремилось избежать военного столкновения с русскими в условиях, когда основные силы были направлены на подавление тайпинского восстания. У.Б. Линкольн признает, что дипломатические успехи России во многом объяснялись тем, что Н.Н. Муравьев умело ориентировался в сложном переплетении интересов других держав и существовавших между ними противоречий.

⁹⁸⁴ Lincoln W.B. The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians. London, 1994. P.190-195.

В монографии американской исследовательницы Сары Пэйн⁹⁸⁵ анализируются политические и дипломатические обстоятельства разграничения китайских и российских владений в Центральной Азии и на Дальнем Востоке в середине XIX – первой четверти XX вв. Автор рассматривает эти вопросы в традиционном ключе, характеризуя происходившие в регионе изменения как результат эволюции «российского империализма и китайской гегемонии».⁹⁸⁶ По заключению Сары Пэйн, дипломатические инструменты, созданные в этот период, фундаментальным образом изменили существовавшие границы и характер межгосударственных отношений, которые сложились со времени заключения Нерчинского и Кяхтинского договоров. Тем самым были определены географические рамки и круг проблем, вокруг которых с тех пор велись споры.

В процессе работы С. Пэйн изучила большой массив источников на русском, китайском и японском языках из архивов Москвы, Нью-Йорка, Пекина, Тайбэя и Токио. В своем исследовании автор сфокусировала внимание на факторах, способствовавших изменениям границы между двумя империями; анализировала характер этих изменений и их последствий. Стремясь поместить двусторонние отношения России и Китая в международный контекст меняющегося баланса сил в Европе и Восточной Азии, автор также сопоставила стратегии безопасности каждой из стран⁹⁸⁷.

Сара Пэйн приходит к выводу, что обе империи изначально неверно оценивали собственные интересы, а также сильные и слабые стороны друг друга. Отчасти это объяснялось мифами, которыми «питались» элиты обеих стран. Царское правительство верило, что Россия двигалась по пути превращения в современную индустриальную державу подобно европейским странам, и что империя всегда имела особые и уважительные взаимоотношения с Китаем, заставляя китайцев обращаться с русскими не так, как с представителями других держав.

Китай, в свою очередь, предпочитал верить в то, что русские были еще одним народом, живущим на континенте и зависимом от Поднебесной, принципиально отличаясь от европейцев, приходивших из-за моря, поэтому с русскими можно было обращаться традиционным образом. Наконец, и Россия, и Китай стремились к мирной жизни и

⁹⁸⁵ Автор — профессор политологии в Военно-Морском колледже в Ньюпорте (шт. Род-Айленд).

⁹⁸⁶ Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. Armonk, 1996.

⁹⁸⁷ Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. Armonk, 1996. P.2.

успешному развитию, но в итоге обе империи не достигли желаемого.⁹⁸⁸ Впрочем, как справедливо заметила в своей рецензии Дж. Уилсон, предсказание С. Пэйн о том, что российско-китайская граница всегда будет предметом столкновений между странами, не сбывается, хотя демографические процессы в России, Китае и Корее со временем могут привести к определенным подвижкам в этом регионе.⁹⁸⁹

В 1999 г. увидела свет монография американского историка Дж.Л. Эванса, написанная на основе материалов к курсу лекций⁹⁹⁰. Как и в работе С. Пэйн, автор фокусирует внимание на дипломатических усилиях России, направленных на изменение российско-китайской границы в соответствии с условиям Айгунского, Тяньцзиньского и Пекинского договоров; определяет роль в этом процессе Н.Н. Муравьева, Е.В. Путятина, Н.П. Игнатъева, Г.И. Невельского. Но в отличие от С. Пэйн, Дж.Л. Эванс не использовал архивные источники и исследования, опубликованные на русском языке. По отзыву одного из рецензентов, работа носит компилятивный характер и, вероятно, была написана еще в 1980-х гг., поскольку не содержит ссылок на более поздние публикации. Примечательно и то, что автор постоянно сравнивает механизм принятия решений в Российской империи и СССР.⁹⁹¹

В контексте событий Крымской войны анализирует дальневосточную политику России современный английский историк Дж. Грейнджер.⁹⁹² Основное внимание автор, изучавший архивы Британского Адмиралтейства, уделяет анализу военных действий на Камчатке и в Татарском проливе, но в предисловии дает общую характеристику политики стран, участвовавших в войне. В представлении Дж. Грейнджера, следует говорить о столкновении на Дальнем Востоке и в Северотихоокеанском регионе интересов нескольких империалистических держав - Британской, Российской, Японской и Цинской империй, а также Франции и США.

По мнению историка, ситуацию, сложившуюся на Дальнем Востоке в рассматриваемый период, следует интерпретировать не как проявление

⁹⁸⁸ Foust C.M. Rec. ad op.: Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. Armonk, N.Y.: M.E Sharpe. 1996. 417 p. // *The American Historical Review*. 1998. Vol.103. No.3. P.942.

⁹⁸⁹ Wilson J.L. Rec. ad op.: Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier*. Armonk, N.Y.: M.E.Sharpe. 1996. 417 p. // *China Review International*. 1999. Vol.6. No.1. P.223-226.

⁹⁹⁰ Evans J.L. *Russian Expansion on the Amur, 1848-1860. The Push to the Pacific*. Studies in Russian History. Vol.1. Lewiston, Queenston, Lampeter, 1999.

⁹⁹¹ Fuchs M. Rec. ad op.: Evans J.L. *Russian Expansion on the Amur, 1848-1860. The Push to the Pacific*. Studies in Russian History. Vol.1. The Edwin Mellen Press, Lewiston, Queenston, Lampeter, 1999. 245 p. // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 2000. Bd. 48. H.4. P.633.

⁹⁹² Grainger J.D. *The First Pacific War: Britain and Russia, 1854– 1856*. Woodbridge, 2008.

"некомпететности" союзников, а как результат острого международного кризиса, последствия которого в дальнейшем ощущались на протяжении многих десятилетий, в первую очередь, для Китая. В одной из глав Дж. Грейнджер, основываясь на работах Р. Квестид и Т. Лина, описывает деятельность Н.Н. Муравьева на посту генерал-губернатора Восточной Сибири, в частности, показывает его роль в организации экспедиций Г.И. Невельского и Н.Х. Агте.⁹⁹³ Историк называет Н.Н. Муравьева-Амурского "империалистом", стремившимся к расширению влияния России любыми методами, а его риторику, обосновывавшую "возвращение" Приамурья как региона, некогда "принадлежавшего" России, сравнивает с риторикой, характерной для его современника - американского президента Дж. Полка, осуществлявшего экспансию в Орегон и Техас.

Схему, изложенную в работе Дж. Грейнджера, в общих чертах повторяет канадский историк А. Рат (Университет Макгилла) в своей монографии, анализирующей ход и итоги Крымской войны в глобальной перспективе⁹⁹⁴. В главах, посвященных событиям в северной части Тихого океана и на Дальнем Востоке, автор показывает, как убежденному и последовательному "англофобу" Н.Н. Муравьеву-Амурскому, умевшему маневрировать в "византийской" политической системе России и извлекать максимальную выгоду из любых обстоятельств, удалось использовать ослабление Китая и возросшую угрозу англо-французского вторжения для реализации своих давних планов по закреплению за Россией Приамурья.

Впрочем, в отличие от многих исследователей (в своей монографии автор ссылается в основном на западных историков - Р. Квестид, М. Бассина, С. Пэйн, Дж. Стефана, Дж. Салливана⁹⁹⁵), А. Рат не склонен ставить решение этой задачи в заслугу одному лишь генерал-губернатору Восточной Сибири. Историк напоминает, что у того были влиятельные сторонники в столице (по определению автора, "лагерь экспансионистов", в который входили, например, Л.А. Перовский, А.С. Меншиков) и энергичные и

⁹⁹³ В современной российской историографии о вкладе в изучение Дальнего Востока Н.Х. Агте и возглавлявшейся им Забайкальской экспедиции, вокруг которой в отечественной историографии «возникла ситуация умолчания», пишет В.П. Зиновьев. См.: В.П. Зиновьев. К истории русско-китайских отношений. Забайкальская экспедиция 1849-1852 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 366. С. 56–60.

⁹⁹⁴ Rath A.C. The Crimean war in imperial context, 1854–1856. New York, 2015.

⁹⁹⁵ Sullivan J.L. Count N. N. Muravyov-Amursky. Doctoral dissertation, Harvard University, 1955. К сожалению, диссертация Дж. Салливана не была опубликована. По отзывам западных исследователей, работа представляет собой добросовестный пересказ книги И.П. Барсукова. См.: Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin: 1847-1917. Neuried, 1989. S.XIII.

деятельные помощники в самой Сибири (в первую очередь, Г.И. Невельской). Кроме того, "амурский" вектор дальневосточной политики был обозначен еще до назначения Н.Н. Муравьева, о чем свидетельствовали соответствующие заявления его предшественника В.Я. Руперта.

К изучению истории присоединения к России Приамурья и Приморья обращались и немецкие исследователи, которые, как замечает С. Коткин, в отличие от своих английских коллег уделяли повышенное внимание азиатским владениям России еще со времен академических экспедиций XVIII в. По наблюдениям американского историка, на рубеже XIX – XX в. немецкие авторы анализировали перспективы российского присутствия в Азии во многом по той же причине, что и британцы, учитывая амбициозные планы Германии в Китае.

В начале XX в. о преобладании политических целей имперской экспансии России на Дальнем Востоке писал К. фон Цеппелин. В своей работе «Дальний Восток, его история, его развитие в Новейшее время» автор описал попытки русских установить контроль над Приамурьем⁹⁹⁶. Вслед за А. Краузе, К. фон Цепеллин разделял взгляд на Нерчинский договор как дипломатическую неудачу России. Соответственно, Айгунский и Пекинский договоры, как и деятельность Н.Н. Муравьева-Амурского в 1850-х гг., обеспечившая установление контроля над Приамурьем, расценивались как безусловный успех дальневосточной политики России.

Свой вклад в развитие немецкой историографии, посвященной теме «русской восточной экспансии», внесли и русские историки-эмигранты. Так, в 1937 г. в Берлине увидела свет научно-популярная работа «Покорение Сибири», выдержавшая несколько переизданий в разных странах, в том числе в англоязычном переводе⁹⁹⁷. Ее автор – выходец из России, выпускник Московского университета Ю.Н. Семенов в своей книге стремился объяснить причины, по которым России удалось сохранить свои территориальные владения в Азии. Историк считал незыблемость русского присутствия в регионе итогом последовательной и продуманной политики государства, объединявшего и направлявшего усилия всех участников и не делавшего ставку исключительно на насилие и принуждение, что было характерно для других

⁹⁹⁶ Zepelin von, C. Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit, seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege. Berlin, 1909. S. 6 – 13.

⁹⁹⁷ Semjonow Y. Die Eroberung Sibiriens, Ein Epos menschlicher Leidenschaften, Der Roman eines Landes. Berlin, 1937; Semjonow Y. The Conquest of Siberia: an Epic of Human Passions. London, 1944.

колониальных держав.

По мнению Ю. Семенова, Россия, нуждавшаяся в выходе к морю, никогда не забывала про Амур, который мог служить транспортной артерией для снабжения всем необходимым российских поселений на Тихоокеанском побережье и в Русской Америке. Присоединение Приамурья позволяло также расширить политическое влияние и торговые связи России на Дальнем Востоке. Вопрос о торговле был одним из центральных, поскольку после Опиумных войн, положивших начало расчленению Поднебесной империи, позиции основных торговых партнеров в регионе заметно изменились.

При написании глав, посвященных истории присоединения Приамурья и Приморья, Ю.Н. Семенов использовал в основном сведения, содержащиеся в дореволюционных изданиях, как российских (работы А.Ф. Миддендорфа, П.В. Шумахера, И.П. Барсукова, М.И. Венюкова и др.), так и зарубежных (Э. Равенштейн и др.).

По определению Ю. Семенова, назначение Н.Н. Муравьева генерал-губернатором Восточной Сибири ознаменовало новую эпоху в истории региона. Историк характеризует Н.Н. Муравьева как честолюбивого и неутомимого деятеля, сочетавшего в себе властность и демократизм, мечтавшего увидеть Сибирь процветающей, но при этом делавшим ставку на административные методы. Пример Н.Н. Муравьева доказывал, что в самодержавной России верховная власть надеялась улучшить работу государственного аппарата путем замены "плохих" чиновников на "хороших", не понимая необходимости радикального переустройства всей системы управления.

Анализируя предпосылки закрепления русских в Приамурье, историк подчеркивает роль экспедиций А.Ф. Миддендорфа и Г.И. Невельского; указывает на растущую убежденность царских сановников (и, прежде всего, самого Н.Н. Муравьева) в неизбежности отказа от владений в Русской Америке и, следовательно, в необходимости сосредоточиться на освоении дальневосточных территорий; усилия Н.Н. Муравьева по реорганизации административно-территориального деления Дальнего Востока, его хозяйственного освоения и укрепления обороноспособности.

Описывая ход переговоров о русско-китайской границе, завершившихся подписанием Айгунского договора, историк приходит к выводу, что дипломатической победе России во многом способствовало ее военное превосходство и отсутствие у Цинской империи, занятой подавлением крестьянских восстаний и борьбой с англо-французской

интервенцией, сил и средств для решения вопроса военным путем. Окончательное решение вопроса о границе между Россией и Китаем обеспечил Пекинский договор, в заключении которого решающую роль историк также отводит Н.Н. Муравьеву, а не Н.П. Игнатьеву. По заключению Ю.Н. Семенова, современники не оценили заслуги Н.Н. Муравьева в полной мере, а правительство считало его слишком самостоятельным и даже подозревало в сепаратистских устремлениях.

Выводы Ю.Н. Семенова во многом разделял западногерманский историк Д. Ландграф, выпускник Мюнхенского университета имени Людвига и Максимилиана, защитивший в 1989 г. диссертацию по истории Приамурья, Приморья и Сахалина второй половины XIX - начала XX вв. Автор пытался получить доступ в советские архивы, но получил отказ, обусловленный, по предположениям Д. Ландграфа, избранной им темой — историей приграничных территорий СССР. Впрочем, в работе нет ссылок и на зарубежные архивные материалы. Круг использованной литературы также довольно ограничен: в нем, в частности, отсутствуют известные работы Т. Лина и Р. Квестид.

В процессе работы Д. Ландграф опирался в основном на публикации западных исследователей (в их числе — Э. Равенштейн, К. фон Цепелин, К. Крупински, Р. Ли, Дж. Ленсен, А. Малоземов), труды дореволюционных (И.П. Барсуков и др.) и советских историков (А.И. Алексеев, П.И. Кабанов, Е.А. Беспрозванных и др.), материалы периодической печати («Амур», «Морской сборник»), а также нарративные источники, в первую очередь, воспоминания современников описываемых событий — А.Е.Баранова, Н.А.Белоголового, А.Ф.Фролова, И.В.Ефимова, Б.В.Струве и многих других.

Несмотря на сравнительно узкую источниковую базу, диссертация Д. Ландграфа представляет определенный интерес, поскольку в ней впервые в немецкой историографии комплексно исследованы многие вопросы, связанные с историей системы управления, общественно-политического и социально-экономического развития Дальневосточного региона в указанный исторический период. Автор достаточно подробно рассматривает деятельность генерал-губернаторов Восточной Сибири (Н.Н. Муравьева-Амурского, М.С. Корсакова, Н.П. Синельникова, П.А. Фредерикса, Г.Д. Анучина) и Приамурья (А.Н. Корфа, С.М. Духовского, Н.И. Гродекова, Д.И. Субботича, Ф.Ф. Унтербергера), наместника Дальнего Востока Е.И. Алексеева.

Основное внимание в диссертации уделяется событиям конца 1840-х - начала 1860-х гг, связанным с территориальными приобретениями России в Приамурье и Приморье.

Западногерманский историк подчеркивает, что в России и Китае эти события оценивались по-разному. Если дореволюционные и советские исследователи, как правило, подчеркивали, что русские "открыли" почти незаселенные и неосвоенные территории, явно недооценивая китайское влияние в Приамурье, то китайские националисты, напротив, это влияние преувеличивали, указывая на спорность ""неравноправных" договоров. Д.Ландграф стремится объективно оценить, в какой мере регион действительно был подконтролен Пекину, и приходит к выводу, что власть цинского правительства здесь ощущалась достаточно слабо, тем более в середине XIX в. - эпоху внутренних потрясений и вторжения иностранных держав.

В продвижении и закреплении русских в Приамурье, по мнению историка, большую роль играли участники многочисленных экспедиций (в первую очередь, А.Ф. Миддендорф и Г.И. Невельской), но "движущей силой" всего "амурского предприятия" автор называет Н.Н. Муравьева, который уже в 1854 г. разработал «план экспансии» России на Дальнем Востоке, направленный на извлечение максимальной выгоды из предполагаемого «падения Маньчжурской династии». Д. Ландграф характеризует генерал-губернатора Восточной Сибири как жесткого администратора, и вместе с тем - идеалиста, не стремившегося к обогащению; либерала, выступавшего за отмену крепостного права и покровительствовавшего ссыльным революционерам; человека, ненавидевшего капиталистическую эксплуатацию и одновременно разделявшего идею "свободы торговли" и с симпатией относившегося к США.

Д.Ландграф согласился с теми, кто критиковал Н.Н.Муравьева за "англофобию" и недостаток уважения к "желтой расе", но заметил, что при всех противоречивых оценках, встречающихся в литературе, личность и деятельность Н.Н.Муравьева в основном удостоились лестных отзывов. В отличие от многих западных исследователей, немецкий историк также достаточно подробно описывает ближний круг Н.Н.Муравьева, в который входили М.С. Корсаков, П.И. Запольский, А.И. Заборинский, В.Н. Зарин, Б.В. Струве, П.В. Казакевич, Н.В. Буссе, К.К. Венцель.

Рассматривая ход и итоги российско-китайских переговоров, закончившихся подписанием Айгунского и Пекинского договоров, историк неизменно подчеркивает значение фактора военной угрозы, вынудившего Цинское правительство пойти на компромисс с Россией. Д. Ландграф указывает и на другие обстоятельства, повлиявшие на подписание невыгодных для Китая соглашений. Так, он подчеркивает, что участники

переговоров в Айгуне, в процессе которых использовались сразу три языка (русский, маньчжурский и китайский), столкнулись с трудностями перевода, что позволило по-разному интерпретировать ключевые положения, зафиксированные в русском и маньчжурском текстах. По заключению Д. Ландграфа, подписавший договор цинский сановник И Шань, в действительности, не намеревался уступать России левый берег Амура и не соглашался на русско-китайский кондоминиум (совместное владение) в Уссурийском крае, рассчитывая, что до ратификации договора Цинское правительство сумеет отразить и натиск России, и наступление англо-французских войск.

Немецкий историк А. Каппелер, основываясь преимущественно на трудах Дж. Гибсона и Б. Дмитришина, усматривал в правительственной политике на Дальнем Востоке сочетание имперских и торговых интересов. По его мнению, утрата Приамурья в конце XVII в. и невозможность решения территориального конфликта путем военного столкновения с Китаем изменили направление дальневосточной колонизации, но главным стимулом продвижения русских на восток оставалась пушнина, главная инициатива принадлежала купцам.⁹⁹⁸

По заключению историка, инициатива присоединения Приамурья в середине XIX в. также исходила не от правительства, а от местной администрации в лице генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, от которого «сначала Петербург...отрекся, а затем прославил ... как героя».⁹⁹⁹ Присоединение Приамурья облегчалось незначительностью сопротивления малочисленных тунгусских и палеоазиатских племен, военной слабостью Китая, а также срывом попыток англо-французских эскадр организовать интервенцию. В целом, А. Каппелер пришел к выводу, что Россия, как и другие европейские державы «использовала в своих целях благоприятную ситуацию. Соответственно, «завоевание и включение в состав России» Дальневосточного региона историк рассматривает в контексте империалистической конкуренции великих европейских держав в Восточной Азии».

Теоретический и методологический инструментарий "новой культурной истории" применяет в своих исследованиях выпускница Гамбургского университета Клаудиа Вайсс, которая в 2006 г. защитила диссертацию (а годом позже - опубликовала монографию), посвященную проблеме "ментальной интеграции" Сибири в

⁹⁹⁸ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 149.

⁹⁹⁹ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С.151.

общеимперское культурное пространство в XIX веке.¹⁰⁰⁰ В процессе работы над диссертацией, К. Вайсс опиралась на материалы из российских архивов (РГИА, ГАИО, Научного архива Русского Географического Общества). Автор учла не только опыт западной историографии (работы Ю.Н. Семенова, Дж. Ланцева, Р. Пирса, У.Б. Линкольна, М. Бассина, Д. Ландграфа), но и результаты, полученные современными российскими исследователями (Н.П. Матхановой, Л.М. Дамешком, М.В. Кузнецовой, Т. Н. Оглезневой, В.П. Шахеровым, Ю.М. Гончаровым и др.)¹⁰⁰¹.

По справедливому суждению Я. Кусбера, исследование К. Вайсс продолжает «имперский дискурс» и развивает многие идеи, высказанные в работах российского историка А.В. Ремнева¹⁰⁰² Немецкая исследовательница показывает, что образ Сибири в восприятии русской общественности претерпел радикальную трансформацию: если в XVIII в. и первой половине XIX в. Сибирь называли далекой колонией, «русским Перу», то уже во второй половине XIX в. в ней видели «ключ к имперскому могуществу» России. Прекрасно осознавая открывающиеся возможности для извлечения прибылей, российская элита сумела интегрировать (или «присвоить») самую отдаленную из окраин империи, поставив бывшую «колонию» на один «ментальный» уровень с метрополией, что позволило называть Сибирь «нашей».¹⁰⁰³

К. Вайсс подчеркивает, что данный процесс совпал по времени с ростом национализма в Европе, при этом новая националистическая идеология несла на себе отпечаток европейских ценностей и норм. «Национальная идентичность» России обнаруживала явный дефицит европейских ценностей и выглядела по западным меркам

¹⁰⁰⁰ Weiss C. Nash: Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica*, 2006. Vol. 5. No. 1. P. 141–155.

¹⁰⁰¹ Гончаров Ю.М. Социально-правовое положение горожан Сибири во второй половине XIX - начале XX в. // *Сибирский город. XVII - начало XX веков. Сб.ст. Вып.4. Иркутск, 2002. С.4-32*; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX - начало XX века. Иркутск, 1986; Кузнецова М.В. Сибирский отдел Русского Географического Общества: первое 10-летие деятельности // *Сибирский Архив. Вып.3. Иркутск, 2003. С.61-66*; Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. В.Я.Руперт, Н.Н.Муравьев-Амурский, М.С.Корсаков. Новосибирск, 1998; Матханова Н.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998; Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002; Оглезнева Т.Н. Русское Географическое Общество. Изучение народов северо-востока Азии, 1845-1917 гг. Новосибирск, 1994; Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX - начала XX веков. Омск, 2004; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX - начала XX веков. Омск, 1997; Ремнев А.В. "Выдвинуть Россию в Сибирь". Империя и Русская колонизация второй половины XIX - начала XX века. // *Новая имперская история постсоветского пространства. Сб.ст. Казань, 2004*; Шахеров В.П. Экономическое развитие Иркутска во второй половине XIX - начале XX вв. // *Сибирский город. XVII-начала XX веков. Вып.4. Иркутск, 2002. С.32-62*.

¹⁰⁰² Kusber J. Rec. ad op.: Claudia Weiss. *Wie Sibirien unser wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und Ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert.* Goettingen: Vandenhoeck und Ruprecht 2007 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas.* 2009. Neue Folge, Bd. 57. H. 2. S. 277–278.

¹⁰⁰³ Weiss C. Nash: Appropriating Siberia for the Russian Empire // *Sibirica*, 2006. Vol. 5. No. 1. P. 141–155.

«неполноценной», однако Сибирь, благодаря своим размерам и потенциалу, помогла России преодолеть данный недостаток, обогатив ее образ «имперской составляющей». Так возникла, по определению К. Вайсс, «имперски-ориентированная идентичность» России, в рамках которой Сибирь мыслилась как ее «неотъемлемая часть».

Значительное внимание в книге уделяется истории присоединения Приамурья. Автор замечает, что со времени заключения Нерчинского договора в 1689 г. Россия никогда не оставляла надежду на возвращение в Приамурье, видя в Амуре важнейшую транспортную артерию, открывающую кратчайший путь из Восточной Сибири к Тихоокеанскому побережью и, следовательно, новые перспективы для развития торговли. Как и многие западные историки, К.Вайсс полагает, что Амур был важен не только с точки зрения расширения торговых связей, но и для решения военно-стратегических задач, связанных с защитой всех дальневосточных территорий. По мере ослабления Китая в Санкт-Петербурге все чаще высказывались опасения относительно возможного проникновения в Приамурье англичан или американцев, особенно после того, как А.Ф. Миддендорф выяснил, что регион фактически не заселен. Осторожную позицию главы МИД К. Нессельроде, стремившегося избежать столкновения с Китаем, не разделял новый генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, который при посредничестве морского министра А.С.Меншикова познакомился с Г.И. Невельским, ставшим одним из главных действующих лиц "амурской эпопеи", возглавившим Амурскую экспедицию и положившим начало закреплению русских в устье Амура.

По словам К. Вайсс, для Н.Н. Муравьева решение этих задач являлось еще и личным вызовом, связанным с реализацией его давних амбициозных планов по установлению контроля над Приамурьем. Но для того, чтобы прочно обосноваться в регионе, необходимо было основательнее его исследовать. Именно по этой причине Н.Н. Муравьев откликнулся на предложение своего дяди, М.Н. Муравьева, ставшего новым вице-президентом РГО, содействовать научному освоению Сибири. Первым и решительным шагом на этом пути К. Вайсс называет учреждение Сибирского отдела РГО, в деятельности которого проявилось плодотворное "сотрудничество политики и науки".

Автор высоко отзывается о руководстве РГО (вице-председателях М.Н. Муравьеве и Ф.П. Литке), отмечает, что всемерную поддержку Сибирскому отделению РГО оказывал преемник Н.Н. Муравьева в должности генерал-губернатора Восточной Сибири — М.С. Корсаков. Благодаря их усилиям, и, прежде всего, М.Н. Муравьева, удалось создать

"успешную модель современного научного общества".¹⁰⁰⁴ Руководители РГО осознавали необходимость целенаправленного освоения Сибири, как региона, имевшего первостепенное значение для укрепления имперского могущества. Такая «ревальвация» Сибири была связана с переосмыслением возможностей использования ее потенциала. Анализ имперских целей в рамках РГО способствовал развитию «сибирского дискурса», с выявлением специфических черт Сибири, отличавших ее от остальных регионов России. Стремление к дальнейшей интеграции Сибири в общеимперское пространство привело к борьбе за развитие ее инфраструктуры (при активном участии П.П. Семенова-Тян-Шанского), и в итоге – к строительству Транссибирской магистрали.

Таким образом, в представлении немецкой исследовательницы, Русское географическое общество играло роль «места встречи» научной общественности и просвещенной бюрократии, оказывавший заметное влияние на общественное мнение, настроения элиты и первых лиц государства. Благодаря своей научно-исследовательской деятельности, РГО сумело, среди прочего, изменить представления о Сибири, сформировать новый образ региона. При этом К. Вайсс не разделяет распространенного в историографии мнения о том, что РГО было создано как инструмент крепнущего национализма. В отличие от М.Бассина, К.Вайсс полагает, что научная и общественная деятельность РГО с самого начала служила не националистическим настроениям русской элиты, а имперским целям Российского государства, способствуя его территориальной и военной экспансии (с соответствующим научным подкреплением).

Выводы, изложенные в работах М. Бассина, К. Вайсс, А.В. Ремнева, Н.П. Матхановой, поддержал современный немецкий историк Д.Дальман, автор известного обобщающего труда по истории Сибири. Автор указал на значение Амура для развития торговли и решения военно-стратегических задач; подчеркнул роль в присоединении Приамурья Н.Н. Муравьева, являвшегося "представителем новых сил", которые пришли в Сибирь в середине XIX в.¹⁰⁰⁵

Таким образом, в своих работах западные исследователи рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с историей присоединения к России Приамурья и Приморья. Выясняя причины продвижения русских на Амур, историки указывали на постоянное стремление России получить выход к морю, в данном случае - найти удобную

¹⁰⁰⁴ Weiss C. Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert. Goettingen, 2007. S. 84.

¹⁰⁰⁵ Дальман Д. Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. М., 2015.

транспортную артерию, соединяющую Сибирь с Тихоокеанским побережьем (А.Краузе, Т.Лин).. Многие авторы писали о преобладании причин политического характера, связанных с процессами имперской экспансии, упрочения позиций России на Дальнем Востоке (Э.Равенштейн, Д.Даллин, С.Пэйн и др.). О необходимости расширения торговых связей и в целом - о причинах экономического характера, связанных с задачами колонизации региона, писали Ф.Голдер, Р.Кернер, Т.Лин, М.Мэнколл, Г.Сэлисбери, Дж. Гибсон. Военно-стратегическими соображениями объясняли присоединение Приамурья Э.Равенштейн, А.Краузе, Дж.Стефан, Дж.Грейнджер, А.Рат.

В англо- и немецкоязычной историографии высоко оценивается роль различных участников «амурской эпопеи»: А.Ф.Миддендорфа (Д. Ландграф), Г.И. Невельского, Н.П. Игнатъева и даже канцлера А.М. Горчакова (Р.Квестид), но для абсолютного большинства западных исследователей очевидно, что наиболее выдающуюся роль, при всех противоречивых личных качествах, играл генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Оценивая последствия закрепления за Россией Приамурья и Приморья, западные авторы полагают, что столь обширные территориальные приобретения окончательно превратили России в тихоокеанскую державу; обусловили смену вектора ее дальневосточной политики - с северо-восточного направления на юго-восточное; способствовали дальнейшему обострению международных противоречий, которое в итоге привело к Русско-японской войне 1904-1905 гг.

* * *

Таким образом, теме присоединения Приамурья и Приморья к России посвящена довольно обширная англо- и германоязычная историография. Во второй половине XIX - начале XX вв. многие авторы, не являвшиеся профессиональными историками, рассматривали данную тему в контексте международного (прежде всего, российско-британского) соперничества (Э.Равенштейн, А.Краузе, К.фон Цепелин). В своих работах они обозначили основные проблемы, к которым обращались исследователи темы в дальнейшем: экспансионистские устремления России и других колониальных держав на Дальнем Востоке; проблемы управления дальневосточными территориями России и перспективы их хозяйственного освоения.

В XX в. западные историки, как правило, не имели доступа к документам, хранившимся в советских архивах, однако они плодотворно работали в архивах США,

Европы, Китая и Японии. Заметный вклад в изучение и обобщение материалов, связанных с данной темой и опубликованных на русском языке, внесли исследователи - выходцы из России (А.А.Лобанов-Ростовский, В.А. Яхонтов, И.И. Гапанович, Д.Ю. Далин, Ю.Н. Семенов, М.Н. Павловский).

В своих работах западные историки использовали различные теоретико-методологические подходы и концепции. Так, влияние концепции "русской восточной экспансии" заметно в работах Ф.Голдера, Р.Кернера, Т.Лина. К теориям «колонизации» и «колониализма» апеллировали Ю.Н. Семенов, Дж.Стефан, Дж.Гибсон. Методы "новой культурной истории" использовали М.Бассин и К.Вайсс, изучавшие проблемы "ментального картографирования", "ментальной интеграции" региона в общеимперское пространство, борьбу националистической и имперской идеологий. Дипломатические аспекты истории продвижения России в Приамурье изучали П.Томпкинс, Р.Квестид, С.Пэйн; военные аспекты анализировали Дж.Стефан, Дж.Грейнджер, А.Рат.

Западные специалисты рассмотрели широкий круг вопросов, связанных с историей присоединения к России Приамурья и Приморья, в частности, анализировали причины, предпосылки и последствия российской экспансии на Дальнем Востоке; оценивали роль различных участников процесса.

Выясняя причины продвижения русских на Амур, историки указывали на постоянное стремление России получить выход к морю, в данном случае - найти удобную транспортную артерию, соединяющую Сибирь с Тихоокеанским побережьем (А. Краузе, Т. Лин). Многие авторы писали о преобладании причин политического характера, связанных с процессами имперской экспансии, упрочения позиций России на Дальнем Востоке (Э.Равенштейн, Д.Даллин, С.Пэйн и др.). О необходимости расширения торговых связей и в целом - о причинах экономического характера, связанных с задачами колонизации региона, писали Ф. Голдер, Р.Дж. Кернер, Т. Лин, М. Мэнколл, Г. Сэлисбери, Дж. Гибсон. Причинами военно-стратегического характера (прежде всего, необходимостью повышения обороноспособности и безопасности дальневосточных владений) объясняли присоединение Приамурья Э.Равенштейн, А.Краузе, Дж.Стефан, Дж.Грейнджер, А.Рат. В числе предпосылок, способствовавших продвижению России в Приамурье, исследователи называют активное научное изучение региона; ослабление Китая, отсутствие сего стороны серьезного сопротивления и военное превосходство России; активизацию европейских колониальных держав в Азиатско-Тихоокеанском

регионе.

Историки высоко оценивают роль различных участников "амурской эпопеи": А.Ф. Миддендорфа (Д. Ландграф), Г.И. Невельского (А.А. Лобанов-Ростовский), Н.П. Игнатъева и даже канцлера А.М. Горчакова (Р. Квестид), но для абсолютного большинства западных исследователей очевидно, что наиболее выдающуюся роль, при всех его противоречивых личных качествах, играл генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Давая общую оценку дальневосточной политики России и российско-китайских отношений в указанный исторический период, некоторые историки исходили из представления о том, что решение "амурского вопроса" отвечало интересам обеих сторон, указывали на добрососедский и взаимовыгодный характер взаимоотношений между Российской и Цинской империями (А.А. Лобанов-Ростовский, М.Н. Павловский, М. Мэнколл). Однако для большинства авторов характерно представление о столкновении империалистических устремлений держав (в том числе - России и Китая) в регионе; об агрессивной политике России, рассчитывавшей установить контроль едва ли не над всей территорией Маньчжурии (А. Краузе, Р. Квестид); о сопротивлении Китая, вынужденного уступить лишь в условиях нарастающей военной угрозы. Оценивая последствия закрепления за Россией Приамурья и Приморья, западные авторы полагают, что столь обширные территориальные приобретения окончательно превратили Россию в тихоокеанскую державу; обусловили смену вектора ее дальневосточной политики - с северо-восточного направления на юго-восточное; способствовали дальнейшему обострению международных противоречий, которое в итоге привело к Русско-японской войне 1904-1905 гг.

4.2. Дальневосточная политика конца XIX – начала XX вв. Пристальное внимание западных авторов вызывала дальневосточная политика, осуществлявшаяся Российской империей на рубеже XIX - XX в. Отличительной чертой данной политики, по мнению исследователей, являлась нерасчлененность внешне- и внутривосточных задач, а ее главным итогом – втягивание России в войну с Японией.¹⁰⁰⁶ Соответственно, любые изменения в системе управления, общественно-политического и социально-

¹⁰⁰⁶ Современный российский историк А.В. Ремнев, характеризовавший дальневосточный правительственный курс в указанный исторический период, также отмечал его непоследовательность, противоречивость, импульсивность, что подогревалось или периодически возникавшей опасностью утраты российских дальневосточных территорий, или желанием играть ведущую роль в Азиатско-Тихоокеанском регионе. См.: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С.522.

экономического развития Дальневосточного региона рассматривались исследователями (как отечественными, так и зарубежными) в контексте международной политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, межгосударственных дипломатических контактов и военных конфликтов.

В конце 1950-х гг. американский историк А. Малоземов выделил две основные концепции, получившие наибольшее распространение в историографии первой половины XX в. и призванные объяснить причины Русско-японской войны 1904-1905 гг. Первую концепцию А. Малоземов назвал «традиционной» и связал ее появление с работами японских историков начала XX в.¹⁰⁰⁷ Приверженцы «традиционной» концепции обвиняли в развязывании войны «ненасытный русский империализм» (таким образом, коллективная ответственность возлагалась на всю правящую верхушку), который, не довольствуясь незаконной оккупацией Маньчжурии, планировал проникновение в Корею под видом частного предприятия (в районе концессии на р. Ялу), во главе которого стоял наиболее влиятельный приближенный царя А.М. Безобразов. В англоязычной историографии влияние данной концепции заметно, например, в трудах американского исследователя Г.Б. Морзе, увидевших свет в первой трети XX в.

На просчеты в дальневосточной политике России в начале XX в. указывала американская исследовательница Э.М. Хикс, по мнению которой, еще в XVII в. «бесчинства» В. Пояркова и Е. Харабова по отношению к коренному населению Дальнего Востока, а также легкость, с которой русские оставили Приамурье после вмешательства Цинской империи, свидетельствовали о том, что они не понимали действительного значения региона для России. Более дальновидная политика проводилась со времени царствования Петра I. Особенно высоко автор оценивала заслуги Н.Н. Муравьева-Амурского, полагая (вслед за Э.М. Равенштейна), что конечной целью его усилий должно было стать присоединение всей Маньчжурии. Дальневосточную политику рубежа XIX-XX вв. Э.М. Хикс расценивала как в целом малоэффективную, хотя и стоившую казне колоссальных расходов. Анализируя историю дипломатических контактов России, Китая и Японии в указанный исторический период, американская исследовательница назвала главной целью России на восточных окраинах поиск незамерзающих портов, что явилось, в частности, одним из важнейших пунктов так называемой «конвенции А.П. Кассини» 1895

¹⁰⁰⁷ См., напр.: Asakawa K. The Russo-Japanese conflict, its causes and issues. Boston, 1904; Malozemoff A. Russian Far Eastern policy: 1881-1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958. P.318.

г., сведения о которой появились в западной прессе в начале XX в.¹⁰⁰⁸

Сторонники противоположной концепции (можно назвать ее «официальной российской» или, в терминологии А. Малоземова, «традиционной российской») указывали на стремление России создать экономическое пространство, соединяющее Европу и Азию, не допуская захвата восточных территорий Англией и США¹⁰⁰⁹, а войну с Японией объясняли агрессивностью японского империализма. Всю ответственность за неудачи России на Дальнем Востоке такие авторы возлагали на членов «безобразовской шайки» и оправдывали царских министров (прежде всего, министра финансов С.Ю. Витте и военного министра А.Н. Куропаткина), которые якобы руководствовались исключительно благими побуждениями, действовали осторожно и поддерживали политический курс, предполагавший ослабление влияния России и даже частичный уход с Дальнего Востока.¹⁰¹⁰

На Западе сторонниками данной концепции выступили некоторые историки-эмигранты. Так, А.А. Лобанов-Ростовский в одной из своих статей, оценивая сложную международную ситуацию на Дальнем Востоке в конце XIX в., настаивал на том, что несмотря на уступку Приамурья и Приморья, между Россией и Китаем сохранялись добрососедские отношения. Последний русско-китайский договор, составленный " в традиционном дружественном духе", был заключен в Москве в 1896 г.¹⁰¹¹ По договору

¹⁰⁰⁸ Примечательно, что, по заключению современного отечественного исследователя А.Е. Королева, данная «конвенция» являлась ничем иным, как попыткой реконструкции возможных статей договора между Россией и Китаем (т.е. Московского договора 1896 г.), о заключении которого подозревали политики и дипломаты иностранных держав. См.: Королев А.Е. Московский договор 1896 г.: тайные страницы русско-китайских отношений // *Метаморфозы истории*. Вып.2. 2002. С.55-78; Hicks E.M. *The Territorial Expansion of Russia*. M.A. Thesis Presented to the Department of Histor. – Los Angeles: University of Southern California, 1916.

Впрочем, В.Г. Дацышен отмечает, что «жесткие оценки, акцент на критике российской политики, обличительный характер формулировок изначально не был присущ западным исследователям, а появился позднее, в силу политических причин». См.: Morse H.B. *The International Relations of the Chinese Empire*. London, 1910–1918. 3 vols.; Morse H.B., Macnair H.F. *Far Eastern International Relations*. Boston, New York, 1931; Дацышен В.Г. *Российско-китайские отношения в 1881-1903 гг.* Дисс.... д.и.н. Иркутск, 2001.

¹⁰⁰⁹ Пименов П.С. *Внешняя политика России на Дальнем Востоке 1895-1905 гг.* Дисс... канд. ист. наук. Тольятти, 2006; Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». *Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.* СПб., 2008. С.42; *Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны*. Т.1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка России и Японии к этой войне в политическом отношении. СПб., 1910. С.1–84.

¹⁰¹⁰ В полной мере данный подход проявился в книге Б.Б. Глинского «Пролог русско-японской войны» (Пг., 1916), представляющей, по словам А. Малоземова, «откровенную апологию С.Ю. Витте». По мнению А. Малоземова, серьезный удар по этой концепции нанесли работы Б.А. Романова, стремившегося возложить всю ответственность за начало войны на С.Ю. Витте и других министров. Отмечая ряд недостатков в исследованиях Б.А. Романова, американский историк считает их все же огромным вкладом в изучение темы. См.: Романов Б.А. *Россия в Маньчжурии (1892-1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма*. Л., 1928; Романов Б.А. *Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907*. М.-Л., 1947.

¹⁰¹¹ Автор ошибочно указывает 1895 г. См.: Lobanov-Rostovsky A. *Russian Imperialism in Asia: its Origin, Evolution and Character* // *Slavonic and East European Review*. 1929–1930. Vol. 8. No. 22. P.28-47; Lobanov-Rostovsky A. *Russia in Asia*. New York, 1933.

Россия получала концессию на строительство железной дороги в Маньчжурии (КВЖД), а взамен гарантировала целостность китайской территории. Проложенная параллельно северной границе Маньчжурии, КВЖД обеспечивала более короткий путь до Владивостока, не проникая при этом вглубь территории Китая.¹⁰¹²

А.А. Лобанов-Ростовский признает, что уже в следующем году в отношениях России и Китая произошел резкий перелом, что объяснялось «возвышением интриганов и авантюристов в Санкт-Петербурге, отсутствием твердой руки, а также растущим страхом перед приближающейся революцией и возможным усилением влияния Японии в Китае после 1894 г.». По определению историка, с этого времени Россия проводила политику "самого авантюристичного и агрессивного империализма". В 1898 г. Китай был вынужден передать России в аренду Ляодунский полуостров на 25 лет [в 1899 г. на этой территории была образована Квантунская область - Д.А.], по примеру аренды Цзяо-Чжоу Германией на 99 лет. Вскоре расположенные на полуострове порты Порт-Артур и Дальний были соединены Южно-Маньчжурской железной дорогой.

Наконец, после подавления "боксерского восстания" русские войска оккупировали Северную Маньчжурию, а их вывод затем неоднократно откладывался под разными предложениями. По словам А.А. Лобанова-Ростовского, «рука России протянулась теперь и в Корею», где ее влияние было как политическим (что выражалось в поддержке консервативно настроенных кругов), так и экономическим. Более того, отправка российских военных инструкторов и финансовых советников, строительство железных дорог по российским стандартам предвещали полное поглощение Кореи Россией. По мнению автора, в этом случае русские явно вставали на пути Японии - поднимающейся азиатской державы, отношения с которой Россия антагонизировала еще в 1875 г., обменяв Курилы на южную часть Сахалина, что было невыгодно Японии.

Было очевидно, что попытка совместного управления Кореей (в соответствии с русско-японскими соглашениями 1896 г.) могла быть лишь временной мерой. Такая политика вызывала неодобрение С.Ю. Витте (по определению историка, «наиболее способного государственного деятеля той поры»), поскольку нарушала подписанный им Московский договор. Все это неизбежно вовлекало Россию в большую войну, поскольку в то время центр международной политики переместился на Дальний Восток. Наконец, резкий

¹⁰¹² В целом историк дает самую высокую оценку договору, который с российской стороны подписал (наряду с С.Ю. Витте) его родственник — министр иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский.

поворот в дальневосточной политике трудно было оправдать какой-либо экономической необходимостью, поскольку экономика Сибири находилась в зачаточном состоянии. По заключению А.А. Лобанова-Ростовского, в качестве порта вполне достаточно было использовать Владивосток, а деньги, потраченные на Порт-Артур и Дальний, разумнее было потратить на развитие Сибири. Логическим итогом нового политического курса историк называет катастрофическую войну с Японией. Война нанесла ужасный удар по престижу России, хотя русские извлекли из своего поражения урок и более не стремились выходить за «естественные пределы своего влияния».

О столкновении японского и российского империализма на Дальнем Востоке писал В.А. Яхонтов, полагавший, что активное железнодорожное строительство, осуществлявшееся Россией, вызвало крайнее неудовольствие Японии, вставшей на путь империалистической агрессии.¹⁰¹³ Близких, по сути, взглядов придерживался английский историк Б. Самнер.¹⁰¹⁴ Дальневосточную политику России рубежа XIX-XX вв. автор характеризовал, опираясь в основном на публикации советских историков. Б. Самнер указывает, что С.Ю. Витте, подписавший Московский договор 1896 г. с Китаем и получивший права на строительство КВЖД, противостоял позиции как Азиатского департамента МИД, так и приамурского генерал-губернатора, и утверждал, что Россия не могла занимать выжидательную позицию и позволить европейским державам разделить между собой «куски пирога», т. е. экономики Китая. В представлении С.Ю. Витте, КВЖД должна была способствовать упрочению позиций России в Маньчжурии и Северном Китае, расширив сферу ее влияния вплоть до Пекина.

По мнению британского историка, свое первое политическое поражение министр финансов потерпел в 1898 г., когда Россия арендовала Ляодунский полуостров (и его южную часть – Квантунский полуостров) вместе с Порт-Артуром. Адмиралтейство всегда стремилось приобрести незамерзающий порт и заручилось в этом вопросе поддержкой царя, заинтересованного в развитии и укреплении российского флота на Дальнем Востоке. Начиная с 1880-х гг. наиболее вероятным казалось получение такого порта на тихоокеанском побережье Кореи, а если бы в 1895 г. Япония сохранила за собой Порт-Артур, то Россия, скорее всего, заняла бы все корейское побережье вплоть до порта Лазарева (Гензан). В 1897 г. (после оккупации Германией Цзяочжоу) министр

¹⁰¹³ Yakhontoff V.A. *Russia and the Soviet Union in the Far East*. New York, 1931.

¹⁰¹⁴ Sumner B.H. *Tsardom and Imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914*. Raleigh Lecture on History, British Academy, 1940. London, 1940.

иностранных дел М.Н. Муравьев при поддержке царя настоял на занятии русскими судами Порт-Артура и Дальнего. С.Ю. Витте возражал против силовых мер, поскольку полагал, что Япония может последовать примеру России в Корее, и что Россия могла бы всего добиться на основе соглашения, учитывавшего сугубо экономические интересы сторон. В интервью голландскому журналисту С.Ю. Витте заявил: "Мой девиз таков: торговля и промышленность всегда на первом месте; армия - всегда на втором".

Не сумев настоять на своем, С.Ю. Витте, по крайней мере, провел переговоры о получении у Китая концессии на строительство железнодорожной ветки от Харбина до Порт-Артура. В свою очередь, Адмиралтейство продолжало настаивать на необходимости приобретения порта в Корее. С 1898 г. началась открытая борьба между конкурирующими правительственными и придворными группировками и их интересами, которая привела к окончательному поражению Министерства финансов и войне с Японией. По мере превращения Порт-Артура в крупный военно-морской порт, С.Ю. Витте уже не мог "хозяйничать" в Маньчжурии в одиночку. В 1900 г. во время "боксерского восстания" Маньчжурия была оккупирована русскими войсками, что привело к усилению позиций военного министра А.Н. Куропаткина. Политика, проводимая С.Ю. Витте, потерпела окончательное поражение с созданием Восточно-Азиатской промышленной компании А.М. Безобразова, лишившего руководство КВЖД исключительных прав на концессии в Маньчжурии. Наряду с "мягким проникновением" в экономику Китая и Кореи, Россия все больше демонстрировала готовность применять военную силу, что вызывало обеспокоенность и в Пекине, и в Токио. Возвышение А.М. Безобразова увенчалось назначением его в 1903 г. на должность статс-секретаря, а также созданием фактически подконтрольных ему Комитета Дальнего Востока и Дальневосточного наместничества.¹⁰¹⁵

Историк признает, что политика С.Ю. Витте была наиболее сдержанной, но задается вопросом, смог ли бы министр финансов сохранять контроль над Маньчжурией без мощной поддержки военного ведомства? А.Н. Куропаткин был готов ограничиться присутствием в Северной и Восточной Маньчжурии, хотя, разумеется, не был готов отказаться от Порт-Артура. Наиболее воинственно настроенной была «клика» А.М.

¹⁰¹⁵ А.В. Ремнев связывает усиление позиций «безобразовской группы» с известным недоверием Николая II к своим министрам (прежде всего, к С.Ю. Витте), его опасениями перед «расхищением монархической власти бюрократией», а также его стремлением играть самостоятельную роль в дальневосточной политике, которая могла сулить ему славу «покорителя Востока». Одновременно исследователь указывает на противоречия, существовавшие внутри группировки «безобразовцев», которые были явно недовольны наместником Е.И. Алексеевым, подозревая, что он всегда будет «соблюдать собственную выгоду». См.: Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. С.392-398.

Безобразова, которую английский исследователь называет группой «авантюристов, придворных интриганов и реакционеров старого образца». По предположению Б. Самнера, если бы С.Ю. Витте, А.Н. Куропаткин и В.Н. Ламсдорф меньше конфликтовали друг с другом, они смогли бы совместно оказать противодействие планам А.М. Безобразова.

Впрочем, на стороне последнего был царь, упрямо веривший в эффективность самых жестких мер и поддерживавший лесные концессии на Ялу, которые, по определению Б. Самнера, были «непростительны с финансовой точки зрения и очень опасны - с военной». А.М. Безобразову удалось убедить Николая II в том, что политика его оппонентов в правительстве не только позволяла японцам использовать Корею в качестве плацдарма для нападения на Россию, но и могла в итоге привести к уступке Южной Маньчжурии. В свою очередь, А.М. Безобразов и его сторонники взяли курс на отказ от вывода русских войск из Маньчжурии; дальнейшее усиление армии и флота на Дальнем Востоке и проникновение в Корею через Ялу. Всемерную поддержку им оказывал министр внутренних дел В.К. Плеве, главный противник С.Ю. Витте. Б. Самнер называет В.К. Плеве человеком, воплощавшим собой одновременно «самые грубые формы реакции внутри страны и агрессивную, захватническую политику - за ее пределами».

Историк не ограничивается анализом субъективных факторов, повлиявших на изменения в дальневосточной политике России. По его мнению, фундаментальная трудность заключалась в том, что «тип империализма», адвокатом которого выступал С.Ю. Витте, предполагал проведение спокойной, рассчитанной на долгий срок политики, подкрепленной чувством уверенности в завтрашнем дне. Однако эту уверенность поколебали действия Японии и других держав, а также назревавшая с 1900 г., в условиях экономического кризиса, революционная ситуация в самой России, способом преодоления которой виделась "маленькая победоносная война".

Другой причиной провала российской экспансии на Дальнем Востоке в начале XX в. Б. Самнер называет исчезновение той прочной поддержки, которую ранее правительственному курсу оказывала значительная часть предпринимательских кругов и в целом российская общественность. Показательно, что в 1880-х гг. в российской прессе звучали призывы к аннексии Северной Маньчжурии, установлению протектората над Кореей, даже захвату Цусимы в противовес экспансии, осуществляемой англичанами и французами из Бирмы и Индокитая.

Интерес к Тихоокеанскому региону подогревался публичным освещением визита цесаревича Николая Александровича во Владивосток в 1890-1891 гг. Большой резонанс вызывала деятельность кн. Э.Э. Ухтомского, сторонника идеи "великой исторической миссии" России на Востоке. После 1900 г., в условиях нараставшего экономического и внутривосточного кризиса, царское правительство все чаще подвергалось критике за политику дальневосточной экспансии, расходование денег на строительство железных дорог и портов в Китае и недостаток внимания к собственным территориям - прежде всего, внутренним районам Сибири и российского Дальнего Востока.

В изобилующей ошибками монографии Д. Даллина «Возвышение России в Азии»¹⁰¹⁶, опубликованной в 1949 г., основные обвинения выдвигаются также в адрес группы А.М. Безобразова. Тем самым, по мнению А. Малоземова, автор восстановил «традиционную российскую» интерпретацию событий и, по сути, проигнорировал результаты исследований Б.А. Романова. Следует, впрочем, заметить, что Д. Даллин в целом характеризовал всю дальневосточную политику царизма как агрессивную, нацеленную на экспансию, а ответственность за возвышение группы А.М. Безобразова возложил, прежде всего, на Николая II.

В 1948 г. сотрудник Колумбийского университета Н. Пеффер опубликовал монографию «Дальний Восток: новейшая история», которая выдержала несколько переизданий в 1940-1960-х гг. Американский историк также фактически вернулся к «традиционной» версии событий, утверждая, что для Японии война носила оборонительный характер.¹⁰¹⁷ По его словам, «было очевидно, что если Россию не остановить, она поглотит всю Маньчжурию и Корею».¹⁰¹⁸ Политическое руководство России единодушно стремилось к осуществлению экспансии на Тихоокеанское побережье - через Маньчжурию, Корею и Северный Китай. Разногласия существовали только по вопросу о методах: одна группа выступала за военное решение, другая - за более мягкое "экономическое проникновение" (С.Ю. Витте). В то же время в Японии многие стремились взять реванш за уступки в Маньчжурии. Таким образом, перспектива мирного сосуществования и взаимного согласия была маловероятной. И все же главную ответственность за начавшуюся войну Н. Пеффер возлагал на правящие верхи России, которые вели себя самонадеянно и явно недооценивали Японию, успевшую многого добиться на пути индустриализации и

¹⁰¹⁶ Dallin D.J. The Rise of Russia in Asia. New Haven, 1949.

¹⁰¹⁷ Peffer N. The Far East, a modern history. Ann Arbor, 1968. P.196.

¹⁰¹⁸ Peffer N. The Far East, a modern history. Ann Arbor, 1968. P.194.

модернизации и создать современную армию и флот. Действия же Японии, по мнению Н. Пеффера, явились ответом на неуклонное продвижение России в ее сторону.

На империалистический характер дальневосточной политики России указывал в своих работах известный гарвардский историк У.Л. Лэнгер (1896-1977),¹⁰¹⁹ полагавший, что политика «мирного проникновения» С.Ю. Витте воспринималась другими державами столь же негативно, как и военная оккупация Россией Маньчжурии. Политика С.Ю. Витте отличалась от политики группы А.М. Безобразова по методам, но не по существу; именно С.Ю. Витте фактически подготовил почву для деятельности группировки «безобразовской клики».¹⁰²⁰

Заметным явлением в англоязычной историографии, посвященной рассматриваемой теме, явилась посмертная публикация в конце 1950-х гг. монографии американского историка А. Малоземова, выходца из России и ученика Р.Дж. Кернера. Монография посвящена анализу дальневосточной политики России в 1881-1904 гг. Автор, не имевший возможности работать в советских архивах, опирался в своем исследовании преимущественно на опубликованные (в первую очередь, внешнеполитическими ведомствами США, Японии и России) дипломатические документы; нарративные источники; труды историков. В процессе поиска и отбора опубликованных материалов А. Малоземов активно пользовался библиографическими исследованиями Р. Кернера, В.И. Межова, П.Е. Скачкова.

Отмечая заслуги Н.Н. Муравьева-Амурского в деле присоединения Приамурья к России, А. Малоземов признавал, что два десятилетия после его отставки в 1861 г., были отмечены слабым интересом правительства к дальневосточной окраине. Ускорению социально-экономического развития дальневосточных территорий способствовала деятельность приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа, а также начавшееся строительство Транссибирском магистрали. В отличие от А.А. Лобанова-Ростовского,

¹⁰¹⁹ Langer W. L. The Diplomacy of Imperialism, 1890–1902. 2 vols. New York, 1935; Langer W.L. The origins of the Russo-Japanese war // Exploration in Crisis: Papers on International History. Cambridge, 1969. P. 43-45.

¹⁰²⁰ Выводы автора подверг критике А. Малоземов, полагавший, что в своем объяснении причин Русско-японской войны У. Лэнгер фактически вернулся к «традиционной» концепции, сформулированной в японской историографии. По заключению А. Малоземова, автор не дает четкой картины российской политики, игнорируя важные дипломатические документы и неверно их интерпретируя (по-видимому, вследствие ошибок перевода). В отличие от А. Малоземова, современный российский историк П.С. Пименов считает У. Лэнгера сторонником концепции Б.А. Романова, поскольку американский исследователь возлагал на С.Ю. Витте такую же ответственность за развитие событий на Дальнем Востоке, как и на военных, и на группу А.М. Безобразова. Более того, П.С. Пименов не видит значительных расхождений во взглядах У.Л. Лэнгера и А. Малоземова, поскольку последний также не считал А.М. Безобразова единственным виновником обострения отношений с Японией. См.: Пименов П.С. Внешняя политика России на Дальнем Востоке 1895-1905 гг. Дисс... канд. ист. наук. Тольятти, 2006.

А. Малоземов не считал российско-китайские отношения неизменно дружественными. По его словам, «грубая» политика России в разрешении Кульджийского кризиса вызвала гнев цинского правительства, и со времени подписания Петербургского договора 14 февраля 1881 г. обе страны неуклонно наращивали силы в приграничных районах. В России многие полагали, что война неизбежна, и наиболее вероятной она казалась на Дальнем Востоке, где русское население было малочисленным, линии коммуникаций - плохо защищенными, а пограничные инциденты происходили наиболее часто. Единственным способом защитить территории в бассейне Амура представлялось упреждающее наступление России на Маньчжурию. Именно эти цели во многом преследовало начавшееся железнодорожное строительство, как внутри России, так и за ее пределами.

По замечанию И.Я. Лукоянова, А. Малоземов первым из историков указал на важные аспекты рассматриваемой темы, в частности, увязал интерес российских правящих кругов к Дальнему Востоку с «агрессивной идеологией «восточников» (Н.М. Пржевальского, Э.Э. Ухтомского); уделил значительное внимание деятельности группы А.М. Безобразова, противостоявшей С.Ю. Витте. По заключению А. Малоземова, несмотря на то, что изменения в дальневосточной политике Российской империи многие объясняют возвышением так называемой "безобразовской группы", образовавшейся вокруг малозначимого предприятия, которое принято обозначать как "концессии на реке Ялу", ни эта группа, ни концессии в действительности не имели определяющего значения для изменений в политическом курсе царского правительства.¹⁰²¹

Вместе с тем, огромное внимание, которое им уделяли в печати, придворных кругах, а затем в историографии, посвященной причинам Русско-японской войны, придали им вес больший, нежели они действительно заслуживали. А. Малоземов полагал, что уже только по этой причине роль «безобразовской клики» заслуживала критического переосмысления в исторических исследованиях. Историк не считал А.М. Безобразова и его сторонников единственными виновниками войны с Японией, хотя и признавал, что они способствовали оформлению политических сил, противодействовавших С.Ю. Витте и его курсу на эвакуацию войск из Маньчжурии. В свою очередь, промедление с выводом войск вызвало раздражение Японии и дало ей повод для начала военных действий в

¹⁰²¹ Malozemoff A. Russian Far Eastern policy: 1881-1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958. P.177.

отношении России. Таким образом, А. Малоземов не был склонен преувеличивать роль той или иной политической силы в формировании общего курса дальневосточной политики России на рубеже XIX – XX вв., и призывал анализировать объективные факторы, способствовавшие активизации деятельности русских в регионе в указанный исторический период; в частности, он отмечал необходимость защиты Россией своих восточных рубежей.

В 1960-1980-х гг. вслед за представителями Калифорнийской школы западные исследователи обратились к изучению объективных социально-экономических причин, обусловивших продвижение России на Восток. Влияние концепции Р.Дж. Кернера о ведущей роли торговых интересов России на Дальнем Востоке заметно в работах известного американского историка Дж.Ленсена¹⁰²², специалиста по истории русско-китайских и русско-японских отношений.¹⁰²³ В своих исследованиях американский историк опирался на широкий круг источников на русском, японском, китайском языках. Дж. Ленсен стажировался в СССР, был хорошо осведомлен о достижениях советской японистики, поддерживал научные контакты с сотрудниками Института народов Азии АН СССР. В своих трудах он активно использовал материалы не только из работ зарубежных исследователей (в их числе — Ф. Голдер, Р. Кернер, У. Эмидон, Г. Уайлдз, Д. Даллин и др.)¹⁰²⁴, но и советских специалистов.¹⁰²⁵

По мнению Дж. Ленсена, главным фактором, обусловившим продвижение русских на Дальний Восток и в северную часть Тихоокеанского региона, была погоня за пушниной и стремление развивать торговые отношения с азиатскими странами. Вместе с тем,

¹⁰²² Дж.А. Ленсен родился в 1923 г. в Берлине в семье русских эмигрантов, его отец был корреспондентом газеты "Последние новости", издававшейся П.Н. Милюковым. В 1939 г. семья эмигрировала в США. После нескольких лет учебы в Колумбийском университете, Дж. Ленсен работал на военную разведку США с 1943 по 1946 гг., с 1949 и до своей гибели в автокатастрофе в 1979 г. преподавал в Университете штата Флорида.

¹⁰²³ Lensen G.A. Early Russo-Japanese Relations // *The Far Eastern Quarterly*. 1950. Vol. X. No. 1. P.2-37; Lensen G.A. The Historicity of "Fregat Pallada" // *Modern Language Notes*. November. 1950. P. 462-466; Lensen G.A. The Russo-Japanese Frontier // *Florida State University Studies*. Vol. XIV. 1954. P. 23-40; Lensen G.A. Report from Hokkaido: The Remains of Russian Culture in the Northern Japan. Hakodate, 1954; Lensen G.A. The Importance of Tsarist Russia to Japan // *Contemporary Japan*. 1957. Vol. XXIV. Nos. 10-12. P. 626-639; Lensen G.A. Russians in Japan, 1858-1859 // *The Journal of Modern History*. 1954. Vol. XXVI. P. 162-173; Lensen G.A. Russia's Japan Expedition of 1852 to 1855. Gainesville, 1955; Lensen G.A. The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1697–1875. Princeton, 1959; Lensen G.A. Japanese Diplomatic and Consular Officials in Russia. (From 1874 to 1968). Tokyo, 1968; Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884-1899. Gainesville, 1982. 2 vols.

¹⁰²⁴ Amidon W. C. The Issue of Sakhalin in Russo-Japanese Relations // *Center of Japanese Studies. Occasional papers*. № 7. Ann Arbor, 1957. P. 60-69; Wildes H.E. Russia meets the Japanese // *The Russian Review*. 1943. Vol. III. No.1. P.55-63; Wildes H.E. Russia Attempts to Open Japan // *The Russian Review*. 1945. Vol. V. No.1. P.71-79.

¹⁰²⁵ Аварин В. Борьба за Тихий океан. Л., 1947; Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М., 1946; Знаменский С.В. В поисках Японии. Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Владивосток, 1929.

правительство проявляло явно недостаточный интерес к самой дальней из восточных окраин, хотя соседи России, в первую очередь, японцы зачастую этот интерес преувеличивали. Историк признал, что Россия не прибегала к инструментам военного давления, добиваясь установления торговых отношений.¹⁰²⁶

Взаимоотношения России и Японии в 1855-1875 гг. американский исследователь охарактеризовал как вполне дружественные¹⁰²⁷ и заметил, что наибольшую инициативу в их развитии проявляла Россия, заинтересованная в поддержании регулярных дипломатических и торговых контактов и добивавшаяся территориального разграничения на Сахалине.¹⁰²⁸ После 1875 г. более активную роль в регионе начала играть Япония, вступившая на путь модернизации и совершившая мощный рывок в своем развитии. Отказавшись от политики самоизоляции, правящие круги Японии вернулись к давним планам экспансии в Азии, тогда как военное и экономическое присутствие России на Дальнем Востоке к концу XIX в. оставалось довольно слабым. Впрочем, как отмечает Дж. Ленсен, царское правительство долгое время продолжало считать своим основным противником Китай, более всего опасаясь его возможного сближения с Японией и не осознавая в полной мере угрозу, исходившую от последней. По мнению историка, именно усиление активности Японии на континенте, в Корее и Маньчжурии в итоге привело к столкновению с Россией.

¹⁰²⁶ Давая высокую оценку деятельности Е.В. Путятина и подписанного им Симодского трактата 1855 г., Дж.Ленсен все же подчеркнул, что дипломатический успех России стал возможен благодаря общей международной ситуации и давлению, оказываемому на Японию, в первую очередь, Соединенными Штатами. См.: Lensen G.A. *The Russian Push Toward Japan. Russo-Japanese Relations, 1697–1875*. Princeton, 1959. P.308-355.

¹⁰²⁷ Современный американский историк М.Ослин не согласился с мнением Дж.Ленсена о том, что именно 1875 год стал переломным в истории русско-японских отношений. В представлении М.Ослина, первая стадия в отношениях двух стран, для которой было характерно стремление сегуната к сохранению статуса кво, завершилась в 1855 г. Затем, в первые годы после заключения Симодского трактата, Россия воспринималась как наиболее значительный партнер Японии, и уже тогда было ясно, что отношения с северным соседом будут носить преимущественно «территориальный» характер, в отличие от отношений с США, Великобританией, Францией и Голландией, где главным фактором была торговля. В итоге, японцы начали воспринимать Россию как наиболее опасного из потенциальных соперников. Действия Н.Н. Муравьева-Амурского, стремившегося добиться признания прав России на весь Сахалин и фактически перешедшего к прямым угрозам, лишь подтвердили эти опасения. Таким образом, по заключению М. Ослина, Россия оказалась единственной страной, открыто посягавшей на территориальную целостность Японии. По мере усиления давления со стороны России, а также после неудачных попыток пересмотреть невыгодные торговые договоры, заключенные в 1858 г. с другими державами, правительство Мэйдзи пришло к твердому убеждению, что только достигнув уровня развития западных держав, оно могло добиться признания Японии равноправным партнером «великих держав». По заключению М. Ослина, в 1870-х гг. стратегическое мышление японской правящей элиты фокусировалось на «пограничном вопросе», как главном камне преткновения во взаимоотношениях с Россией. Старая идея сегуната Токугавы о естественных границах островов, которые должны были изолировать Японию от остального мира, уступила дорогу современной концепции правового обозначения четких границ с другими странами. Кроме того, история взаимоотношений с Россией показывала, что двусмысленность ведет к конфликтам. Такой взгляд весьма способствовал заключению Петербургского договора 1875 г.

¹⁰²⁸ Lensen G.A. *Japan and Tsarist Russia - the Changing Relationships, 1875 - 1917 // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 1962. Bd. 10. H.3. S.337-348.

Принципиальному изменению курса дальневосточной политики России способствовала победа Японии в войне с Китаем в 1895 г. По заключению Дж. Ленсена, решение о том, что Россия должна воспрепятствовать дальнейшей экспансии Японии, после долгих колебаний принял лично император Николай II. Заставив (при поддержке Франции и Германии) японское правительство отказаться от аннексии Ляодунского полуострова, а впоследствии оккупировав Маньчжурию, Россия оказалась на пороге войны с Японией уже в 1901 г. Царское правительство вновь попыталось изменить направление своей политики, но действовало слишком медленно. В итоге, потерявшие терпение японцы заключили в 1902 г. союз с Англией, главной соперницей России, и заручились поддержкой США.

По заключению Дж. Ленсена, промедление России с выводом войск из Маньчжурии было вызвано не стремлением совершить некий дипломатический маневр, а обыкновенной нерешительностью, отсутствием согласованности в действиях различных ведомств, неразвитостью сети коммуникаций. Все это сопровождалось учреждением Дальневосточного наместничества и Комитета Дальнего Востока, которые одним своим появлением обесценили усилия дипломатов и поставили под сомнение искренность их намерений. Непосредственно накануне войны японцы отличались куда большей жесткостью и неуступчивостью, потребовав от России гарантировать территориальную целостность Китая в Маньчжурии и одновременно требуя для себя свободы действий в Корее. Россия надеялась на продолжение переговоров. Справедливо полагая, что время работает против них, японцы решили прервать переговоры и нанести удар первыми. Один из парадоксальных итогов Русско-японской войны, изменившей траектории развития не только двух стран, но и всего мира, историк усматривал в начавшемся сближении России и Японии, осознавших, что впредь они не смогут действовать в регионе, не учитывая взаимные интересы.

Работы Дж. Ленсена вызывали живой отклик у отечественных историков. Так, И.В. Лукоянов наиболее высоко оценил известный двухтомник Дж. Ленсена по истории международного соперничества в Корее и Маньчжурии на рубеже XIX-XX вв.¹⁰²⁹ Отметив колоссальную фактическую базу исследования, включающую данные источников из российских, английских и японских архивов. И.В. Лукоянов подчеркнул, что

¹⁰²⁹ Lensen G.A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea and Manchuria, 1884-1899. Gainesville, 1982. 2 vols.

американский исследователь первым в западной историографии указал на противоречия в политике Петербурга и разногласия между министрами, не сумевшими выработать единый и последовательный курс, но при этом отказался от традиционных представлений об исключительно агрессивной политике России в регионе. Впрочем, как и многие другие западные авторы, Дж.Ленсен не ответил на вопрос о том, была ли война с Японией неизбежна, а ее причины усматривал не в природе общественно-политического строя или базовых принципах проводившейся политики, а в конкретных политических решениях¹⁰³⁰.

По мнению В.Г. Дацышена, работы Дж. Ленсена отразили общественные настроения, преобладавшие на Западе в 1960-х гг., когда Россию вновь начали воспринимать как силу, способную «спасти мир от желтой опасности».¹⁰³¹ В то же время, по замечанию некоторых отечественных исследователей, Дж. Ленсен не избежал влияния японской концепции «угрозы с севера», поскольку полагал, что Япония была «одной из целей российской экспансии»¹⁰³².

В XX в. в США одним из центров изучения истории российского Дальнего Востока стал Гавайский университет. Сотрудник университета, известный историк Дж. Стефан опубликовал в 1971 г. монографию по истории Сахалина, на протяжении многих десятилетий служившего причиной разногласий, а порой — местом вооруженных столкновений между Россией и Японией, переходя «из рук в руки» в условиях меняющегося соотношения сил. По мнению Дж.Стефана, три десятилетия (с 1875 по 1905 гг.), в течение которых Сахалин безраздельно принадлежал царской России, совпали с наиболее «мрачным периодом» его истории.

По признанию автора, интерес к прошлому Сахалина пробудился у него в первой половине 1960-х гг. Американского исследователя привлекла роль острова как «пограничной зоны» между Китаем, Россией и Японией. В своем исследовании Дж.Стефан опирался на источники, опубликованные на китайском, немецком, французском, польском, английском языках; работал в библиотеках и архивах СССР, США, Великобритании, Японии. Консультантами исследователя выступили известные американские историки-сибиреведы Дж. Уайт, Дж. Харрисон, Дж. Ленсен.

¹⁰³⁰ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С.59.

¹⁰³¹ Дацышен В.Г. Российско-китайские отношения в 1881-1903 гг. Дисс... докт. ист. наук. Иркутск, 2001.

¹⁰³² Латышев И.А. Япония, японцы и японоведы. М., 2001; Алепко Н.А. Российско-японские экономические отношения на Дальнем Востоке России: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009.

По мнению Дж. Стефана, решающее значение для упрочения позиций русских на Сахалине в первой половине 1850-х гг. имели энергичные действия Н.Н. Муравьева и Г.И. Невельского, стремившихся не допустить оккупации острова англичанами. Как пишет Дж. Стефан, "эвакуация русских с Сахалина весной 1854 г. означала лишь временную паузу в поглощении острова Российской империей".¹⁰³³ Впрочем, заключение Симодского трактата в 1855 г. Дж. Стефан (как и в свое время Дж. Ленсен) во многом объяснял давлением со стороны иностранных держав и нестабильной внутривосточной обстановкой в Японии.

Петербургский договор 1875 г., по которому весь Сахалин был передан России, историк охарактеризовал как "реалистичное решение с обеих сторон", хотя и заметил, что "шовинистически настроенные японцы и русские" критиковали документ как несправедливый, оскорбительный и даже "мошеннический". К 1875 г. Россия и так фактически владела всем островом, имея более многочисленное население и войска. Уступив Сахалин, Япония не только избавилась от "взрывоопасной проблемы", но и получила два десятилетия хороших отношений с Россией, используя этот временной отрезок для внутренней консолидации и экономического развития. Вместе с тем, как пишет историк, японцы никогда не забывали о своей "экономической и эмоциональной связи" с Сахалином, и через 30 лет остров вновь послужил причиной взаимной вражды.

Атаку японцев на Сахалин в 1905 г. в России, а позже и в СССР воспринимали как пример «циничного и беспринципного территориального захвата». Дж. Стефан не согласился с теми советскими историками, кто утверждал, что к нападению японцев активно подталкивали американские и английские империалисты, в частности, президент США Т. Рузвельт. Историк убежден, что японцы сами стремились отомстить за «унижение 1875 года» и не нуждались в дополнительном побуждении, особенно после того, как российский флот был уничтожен в Японском море. После подписания Портсмутского мира 1905 г.¹⁰³⁴ Сахалин вернулся к своей прежней роли "спорной пограничной

¹⁰³³ Stephan J. Sakhalin. A History. Oxford, 1971. P.51.

¹⁰³⁴ По наблюдениям Я. Кусбера, участие американских политиков в мирных переговорах между Россией и Японией привело к тому, что наибольший вклад в изучение истории заключения Портсмутского мира на Западе внесла американская историография, уделявшая наибольшее внимание фигуре президента США Теодора Рузвельта. См.: Dennett T. Theodore Roosevelt and the Russo-Japanese War. New York, 1925; Thorson W.B. American Public Opinion and the Portsmouth Peace Conference // American Historical Review. 1948. Vol. 53. P.439-464; Esthus R.R. Double Eagle and Rising Sun. The Russians and Japanese at Portsmouth in 1905. Durham, London, 1988; Trani E.P. The Treaty of Portsmouth. An Adventure in American Diplomacy. Lexington, 1969; Kusber J. Der russisch-japanische Krieg 1904-1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg" // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1994. Bd.42. H.2. S.231.

территории", при этом северная и южная части острова развивались по совершенно различным траекториям.

В своей более поздней монографии по истории Дальнего Востока, опубликованной в 1994 г., Дж. Стефан рассматривает 1880-е годы как поворотный момент в истории дальневосточной политики России, чему способствовало не только усиление российско-британского соперничества, кризис в отношениях с Китаем, активизация политики Японии в Азии, но и субъективный фактор - смена монарха на троне, а также назначение в 1882 г. главой МИД Н.К. Гирса. В этот период правительство все больше осознает геостратегическое значение дальневосточных территорий - от границы с Кореей до Берингова пролива. По определению автора, учреждение Приамурского генерал-губернаторства в 1884 г. привело к созданию "институциональных рамок для формирования региональной идентичности, отличной от сибирской".¹⁰³⁵

На Дальнем Востоке власть генерал-губернатора имела "сильный военный оттенок" - из девяти человек, в разное время занимавших эту должность, семеро были военными. Руководствуясь военно-стратегическими соображениями, власти выбрали в качестве административного центра нового генерал-губернаторства Харабаровку. Благодаря своему расположению в месте впадения Уссури в Амур, она была не столь уязвима в случае атаки с моря, как Владивосток, или нападения со стороны Маньчжурии, как Благовещенск. Историк отмечает большие заслуги в развитии региона первых генерал-губернаторов Приамурья - А.Н.Корфа, С.М. Духовского, Н.И. Гродекова. В отличие от многих столичных чиновников, местные власти (в первую очередь Дж. Стефан называет А.Н. Корфа) призывали сосредоточиться на развитии собственных территорий, хорошо осознавая их уязвимость, и противостояли тем министрам, кто (как, например, С.Ю. Витте) считал важнейшей задачей имперскую экспансию в соседние страны. Историк с сожалением констатирует, что в начале 1890-х гг. наследник престола Николай Александрович больше прислушивался к Э.Э. Ухтомскому, рассуждавшему об исторической миссии в Азии, нежели к барону А.Н. Корфу.

Позицию местных властей в значительной мере проигнорировали и в более поздний период, когда Приамурье фактически превратилось в плацдарм для российской экспансии

¹⁰³⁵ Stephan J. The Russian Far East. A History. Stanford, 1994. P.55. Обращение к проблематике «культурной истории» и «ментального картографирования» свидетельствовало о том, что американский историк принял во внимание выводы новейшей западной историографии. Наряду с работами О. Хецша, А. Малоземова, Дж. Ленсена, Д. Гайера, в монографии цитируются труды историков конца XX в. – С. Маркса, М. Бассина и др.

в Маньчжурию. Когда С.Ю. Витте отстаивал идею строительства КВЖД, генерал-губернатор С.Н. Духовской утверждал, что проникновение в Маньчжурию в конечном счете лишь навредит экономике Приамурья, и со своей стороны предлагал провести железную дорогу через Хайлар (Внутренняя Монголия) — от Сретенска до Благовещенска, что должно было способствовать заселению Приамурья и повысить его обороноспособность в случае нападения Японии.¹⁰³⁶ Царь сделал выбор в пользу проекта С.Ю. Витте, заключившего союз с Китаем и создавшего Русско-Китайский банк, председателем правления которого являлся Э.Э. Ухтомский.

Продвигаясь в Маньчжурию, С.Ю. Витте намеревался предоставить свободу действий Японии в Корее, но конкуренты министра финансов в правительственных кругах добились от Китая аренды Ляодунского полуострова с портами Дальний и Порт-Артур - территории, которую в 1895 г. Япония была вынуждена оставить под давлением европейских держав. По заключению Дж. Стефана, дальневосточная политика России на рубеже XIX - XX вв. была принесена в жертву межведомственным разногласиям и распрям. В столице разгорались конфликты между министерствами, на местах - между властями в Хабаровске и Порт-Артуре. Со временем центр власти окончательно переместился в Маньчжурию, что получило институциональное выражение в создании Дальневосточного наместничества под руководством Е.И. Алексеева — человека некомпетентного и надменного, во многом ускорившего приближавшуюся войну с Японией.¹⁰³⁷

В 1974 г. аспирант Гавайского университета Р.Б. Валлиант защитил диссертацию по теме "Транссибирская магистраль и Япония, 1885-1905 гг."¹⁰³⁸ Основываясь на анализе огромного массива японских источников, исследователь стремился показать, как масштабное железнодорожное строительство, начавшееся в конце XIX в. в Азиатской России и вскоре вышедшее за ее пределы, воспринималось в Японии, к каким изменениям в японской внешней и внутренней политике это привело. Автор заметил, что в отличие от Транссибирской магистрали (и КВЖД как ее ответвления) трансконтинентальные

¹⁰³⁶ В данном случае Дж. Стефан ссылается на сведения, сообщенные в известной монографии С. Маркса. Примечательно, что немецкая исследовательница Э.-М. Столберг, опираясь на документальные источники из фондов РГИА, делает совершенно иной вывод относительно позиции генерал-губернатора С.М. Духовского. См.: Stolberg E.-M. "The Unknown Enemy": The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s-1920s // *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-1905*. Folkestone, 2007. P. 46-62.

¹⁰³⁷ Stephan J. *The Russian Far East. A History*. Stanford, 1994. P. 61.

¹⁰³⁸ Valliant R.B. *Japan and the Trans-Siberian Railroad, 1885-1905. A Dissertation Submitted to the Graduate Division of the University of Hawaii in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in History*. Honolulu, University of Hawaii, 1974.

железные дороги в США и Канаде не имели такого стратегического значения, а их строительство не вызывало столь сильного отклика в других странах. По мнению историка, именно масштабное железнодорожное строительство в Азиатской России и Маньчжурии, продиктованное, в первую очередь, военно-стратегической необходимостью (на что ранее указывали В. Яхонтов и А. Малоземов), вызывало наибольшее недовольство японских правящих кругов и, в конечном счете, сделало войну с Россией неизбежной.

Данный вывод поддерживает современный американский историк М.Ослин, в одной из своих статей прослеживающий, как изменялось восприятие российской дальневосточной политики в Японии. М.Ослин подчеркивает, что активное железнодорожное строительство, осуществлявшееся Россией, было фактором, вызывавшим сильное беспокойство японцев, а Транссиб воплощал собой прямую угрозу японским интересам. Водоразделом в истории Азии и всего мира американский историк называет японо-китайскую войну 1894-1895 гг. Нация, сознательно взявшая курс на модернизацию, попыталась разрушить существовавшую веками региональную систему, сменив гегемона. Впрочем, в конце XIX в. попытки японского правительства установить контроль над Ляодунским полуостровом потерпели неудачу, в первую очередь, в результате вмешательства России. В Японии, несмотря на всеобщую усталость от войны, народное недовольство действиями и собственного правительства, и российского было велико. Участие России в Тройственной интервенции показало, что независимо от того, какого уровня развития достигнет Япония, царское правительство никогда не будет воспринимать ее как полноценную державу. Отныне Россия становилась наиболее очевидной стратегической угрозой для японских интересов на континенте.¹⁰³⁹

Строительство железных дорог как фактор, во многом определявший изменения курса дальневосточной политики России и сопредельных держав, послужило предметом исследований многих западных историков — С.Маркса¹⁰⁴⁰, Ф. Патрикеева, Г.Шукмана¹⁰⁴¹,

¹⁰³⁹ Auslin M. Japanese Strategy, Geopolitics and the Origins of the War // The Russo-Japanese war in global perspective: world war zero. Brill, Leiden, Boston, 2005. P.3-21.

¹⁰⁴⁰ Marks, S. G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. London, 1991; Marks, S. G. The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906 – 1916 // Sibirica: the Journal of Siberian Studies. – 1993 / 1994. – № 1. – P. 9–28.

¹⁰⁴¹ Patrikeeff, F., Shukman, H. Railways and the Russo-Japanese war: Transporting war. London\$ New York, 2007.

С.Пэйн¹⁰⁴², Ч.Й.Хсу¹⁰⁴³, Д.Вулфа¹⁰⁴⁴, С.Урбанского¹⁰⁴⁵ и др. Для большинства из них несомненно, что царское правительство осуществляло масштабное железнодорожное строительство за Уралом для решения, прежде всего, военно-стратегических задач.

Так, С. Маркс в одной из своих статей предположил, что курс на «мирное проникновение», проводимый С.Ю. Витте, в любом случае был бы отвергнут царским правительством после завершения строительства железной дороги в Маньчжурии.¹⁰⁴⁶ Американский историк признает, что Россия объективно нуждалась в защите своих дальневосточных рубежей, противодействию «желтой угрозе», однако заключает, что прокладка КВЖД отвлекала потоки финансовых средств, товаров и мигрантов от Приамурья и Приморья, что пагубно сказалось на развитии этих регионов. Более того, захват КВЖД в период войны предполагаемым противником (правительство считало, что главную угрозу российским интересам на Дальнем Востоке представляли Англия и Китай¹⁰⁴⁷) позволял отрезать от России Благовещенск и Хабаровск.¹⁰⁴⁸ После поражения в Русско-японской войне исправлению ситуации отчасти способствовало сооружение Амурской железной дороги, возобновившееся в 1908 г.

Американская исследовательница Чиа Йин Хсу (Университет Портленда) в большей степени фокусирует внимание на экономических целях и итогах строительства КВЖД и Амурской железной дороги, полагая, что первая позволяла превратить Европейскую Россию в настоящую метрополию для азиатских колоний и способствовала обретению «национальной идентичности» - одной из целей политики, проводимой С.Ю. Витте. В свою очередь, строительство Амурской железной дороги ознаменовало собой отказ от

¹⁰⁴² Paine, S. C. M. *Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924*. New York, 1996; Paine S.C.M. *The Chinese Eastern Railway from the First Sino-Japanese War until the Russo-Japanese War // Manchurian Railways and Opening of China. An International History*. New York; London, 2009.

¹⁰⁴³ Hsu, Ch. Y. *A Tale of two railroads: «Yellow Labor», agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s – 1910s // Ab Imperio*. 2006. № 3. P. 217–253.

¹⁰⁴⁴ Wolff D. *To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898–1914*. Stanford, 1999.

¹⁰⁴⁵ Urbansky S. *Kolonialer Wettstreit. Russland, China, Japan und die Ostchinesische Eisenbahn*. New York, 2008.

¹⁰⁴⁶ Marks, S. G. *The Burden of the Far East: the Amur Railroad Question in Russia, 1906 – 1916 // Sibirica: the Journal of Siberian Studies*. 1993 / 1994. No. 1. P. 9–28. По мнению А.К. Дятловой, точка зрения С. Маркса схожа с мнением Б.А. Романова, полагавшего, что политический курс С.Ю. Витте, в сущности, мало чем отличался от курса А.М. Безобразова – оба этих направления носили захватнический характер; разница заключалась лишь в отдельных методах.

¹⁰⁴⁷ Marks, S. G. *Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917*. London, 1991. P.29; Дацышен В.Г. *Российско-китайские отношения в 1881-1903 гг. Дисс... докт. ист. наук*. Иркутск, 2001.

¹⁰⁴⁸ Для более детального разбора указанных работ см. тж: Дятлова А.К. *Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии*. М., 2017.

«колониального» взгляда на территориальную экспансию.¹⁰⁴⁹

Достаточно высокая оценка политики С.Ю. Витте, предполагавшей всемерное содействие экономическому развитию дальневосточного региона по обе стороны российско-китайской границы, дается в монографии британских исследователей Ф. Патрикеева и Г. Шукмана, анализировавших технологический аспект истории Русско-японской войны и, прежде всего, роль железнодорожного транспорта. По мнению авторов, в случае успешной реализации политики «мирного проникновения» причин для войны было бы значительно меньше. Вместе с тем, ускоренное железнодорожное строительство, осуществлявшееся Россией, входило в противоречие с экспансионистскими планами Японии, и в итоге сделало войну неизбежной.

В современной западной историографии нередко встречаются суждения и выводы, близкие к тем, что сформулировали в начале XX века сторонники «традиционной» концепции, объясняющей истоки Русско-японской войны преимущественно или даже исключительно «агрессивностью русского империализма». Так, по наблюдениям И.В. Лукоянова, в своей монографии по истории русско-китайских отношений (третья глава которой посвящена периоду 1895-1905 гг.) американская исследовательница Сара Пэйн «проводит как основную мысль о неизменной агрессивности политики России в Китае, в частности в Маньчжурии». По его мнению, для С. Пэйн «важно предположение, превратившееся в аксиому, что эта агрессивность была значительно выше, чем у других великих держав», при этом исследовательница «сглаживает агрессивность политики Японии, выводя её как неизбежную заботу о собственной безопасности после того как Россия в 1900 г. оккупировала Маньчжурию».¹⁰⁵⁰ В более поздней своей монографии, посвященной истории японско-китайской войны 1894-1895 гг., С. Пэйн утверждает, что действия России воспринимались в Японии как неприемлемые и унижительные. Ответные действия японцев были продиктованы стремлением защитить свою честь и достоинство.¹⁰⁵¹

В 2003 г. С. Пэйн опубликовала статью, посвященную истории строительства КВЖД и написанную на основе изучения широкого круга документальных источников из

¹⁰⁴⁹ Hsu, Ch. Y. A Tale of two railroads: «Yellow Labor», agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern Frontier, 1890s – 1910s // *Ab Imperio*. 2006. № 3. P. 217–253; Дятлова А.К. Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии. М., 2017.

¹⁰⁵⁰ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX СПб., 2008. С.59-60; Paine S.C.M. *Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier, 1858–1924*. New York, 1996. P.225, 224.

¹⁰⁵¹ Paine, S. C. M. *The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power and primacy*. Cambridge, 2003. P.322.

российских и зарубежных архивов. Американская исследовательница вновь доказывает, что российское проникновение в Восточную Азию преследовало не столько политические и экономические цели, сколько военно-стратегические. Царское правительство надеялось, что Транссиб и КВЖД изменят баланс сил в Северо-Восточной Азии в пользу России, позволив быстро перебрасывать войска и осуществить милитаризацию приграничных районов. Такая милитаризация началась после подавления «боксерского» восстания и привела к четырехкратному увеличению численности российских войск в Маньчжурии в период с 1893 по 1903 гг. Правящая верхушка полагала, что все это предотвратит повторение неблагоприятного сценария начала 1880-х гг., когда России пришлось уступить Китаю ранее занятые территории. Как пишет исследовательница, запутанные дипломатические отношения с Японией, непродуманная военная стратегия и столь же непродуманное ее осуществление во время Русско-японской войны вновь стоили России утраты территорий, на этот раз вместе с дорогостоящей железной дорогой. По мнению С.Пэйн, строительство КВЖД оказалось совершенно неоправданной мерой - ни в военном отношении, ни в экономическом, а потраченным средствам следовало найти лучшее применение в пределах самой России.¹⁰⁵²

Сходных взглядов придерживается британский историк Иэн Ниш, утверждающий, что проникновение России на Восток (с 1900 г. - в Маньчжурию, с 1903 г. - в Корею) было обусловлено стремлением к экспансии в масштабах всего Азиатского континента. Независимо от того, какой характер имела эта экспансия — «торговый» (как это мыслил С.Ю.Витте) или «территориальный» (как это воспринимали царь и его ближайшее окружение с 1903 г.), И.Ниш называет этот процесс «экспансионистской войной». Именно так ее воспринимали в Японии, которую царское правительство якобы унизило и обмануло в Порт-Артуре после 1895 г. В вину России ставили и оккупацию Маньчжурии, и проникновение в Корею, усматривая в этом вторжение в сферу японских интересов.¹⁰⁵³

¹⁰⁵² Paine S.C.M. *The Chinese Eastern Railway from the First Sino-Japanese War until the Russo-Japanese War // Manchurian Railways and Opening of China. An International History.* New York, London, 2009. P. 13-36.

¹⁰⁵³ Аналогичный вывод делает американский историк М.Ослин, замечая, что в конце XIX в. японское правительство более всего беспокоила нестабильная ситуация в Корее, которую называли «кинжалом, направленным в сердце Японии». Третья держава, которая сумела бы взять под контроль Корейский полуостров, заняла бы стратегическую командную высоту в отношении Японии. Россия в большей мере нежели Китай воспринималась японцами как держава, чьей экспансии следует противостоять любой ценой, поскольку царское правительство стремилось к заселению дальневосточных территорий и выказывало явный интерес как к китайским, так и корейским делам. В начале XX в. новое поколение японских лидеров пришло к выводу, что война с Россией имела решающее значение для национального выживания. Память о вековой российской угрозе хранили не только политики, но и народ. По заключению М. Ослина, в эпоху, когда границы Восточной Азии перекраивались, дипломатия империализма легитимизировала захват территорий, а Япония и Россия встали на путь модернизации,

Более того, японцы считали, что ведут войну за освобождение Китая от российского присутствия.¹⁰⁵⁴

Существенным фактором, предопределившим военное столкновение между двумя державами, историк также называет активное железнодорожное строительство в Азиатской России и сопредельных территориях, что вызывало сильную тревогу в правящих кругах Японии. В отличие, например, от Дж. Ленсена, И. Ниш убежден, что при дворе японского императора «адвокаты» умеренной политики и мирного решения спорных вопросов пользовались куда большим влиянием, чем «умеренная партия» - при дворе русского царя. Как и Дж. Стефан, И. Ниш приходит к выводу, что Николай II более всего прислушивался к мнению Е.И. Алексеева - сторонника жесткого политического курса. В итоге российское политическое руководство, хотя и надеявшееся избежать войны, не смогло принять необходимые шаги, чтобы гарантировать мир. Британский историк замечает, что в России многие были уверены, что Япония не решится напасть первой несмотря на то, что японская пресса писали о скорой и неизбежной войне еще за полгода до ее начала.

По заключению современной российской исследовательницы А.К. Дятловой, к числу западных авторов, изображающих Россию агрессивной державой с имперскими амбициями, следует также отнести американского историка Д. Маккензи.¹⁰⁵⁵ Несмотря на довольно высокую оценку деятельности С.Ю. Витте, американский историк характеризует дальневосточную политику России накануне Русско-японской войны, как не отвечавшую реальным потребностям страны. По мнению Д. Маккензи, осуществляя экспансию в Корею и Маньчжурии, царское правительство руководствовалось не столько экономическими, сколько стратегическими соображениями, в основе которых лежали идеи «восточников» о великой русской миссии в Азии.

В 1992 г. американский историк Д. Мак Доналд опубликовал обобщающее исследование по истории внешней политики России начала XX в., первые три главы которого посвящены событиям, предшествовавшим Русско-японской войне. Автор

траектория развития русско-японских отношений почти неизбежно вела к Порт-Артуру. См.: Auslin M. Japanese Strategy, Geopolitics and the Origins of the War // *The Russo-Japanese war in global perspective: world war zero*. Brill, Leiden, Boston, 2005. P.3-21.

¹⁰⁵⁴ Nish I. The clash of two continental empires: the land war reconsidered // *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-5: Centennial Perspectives*. Folkestone, 2007. P. 65-77.

¹⁰⁵⁵ Дятлова А.К. Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX-XX вв. в современной англо-американской историографии. Дисс.....к.и.н. Пенза, 2015. С.101; MacKenzie, D. *Imperial Dreams Harsh Realities: Tsarist Russian Foreign Policy, 1815-1917*. New York, 1994.

опирался в основном на опубликованные материалы и, в сущности, воспроизвел давнюю схему, изложенную еще в работе Б.Самнера. По мнению американского исследователя, к войне привел системный кризис власти, выразившийся, в частности, в противостоянии «триумvirата» С.Ю.Витте-В.Н.Ламздорфа-А.Н.Куропаткина и безобразовской «клики».¹⁰⁵⁶

В отличие от Д. Маккензи, писавшего о неизменности империалистического курса России, канадский историк Д. Схиммельпеннинк ван дер Ойе (сотрудник Университета Брока) полагает, что политика Санкт-Петербурга в Восточной Азии отличалась противоречивостью и непостоянством.¹⁰⁵⁷ Вынудив японцев уйти с Ляодунского полуострова, Николай II заключил оборонительный союз с Пекином, обещая защитить Китай от возможной агрессии со стороны Японии. Но в следующем году Россия внезапно изменила свою позицию и захватила южную часть Ляодунского полуострова с Порт-Артуром. Летом 1900 г. казалось, что Россия вновь вернулась к исходному курсу и сумела помочь Китаю в подавлении "боксерского" восстания, но затем оккупировала Маньчжурию. Несмотря на обещания царских дипломатов вывести войска, те оставались на месте, и у российского политического руководства даже появились аналогичные планы в отношении соседней Кореи. Японцы, по крайней мере, четырежды пытались начать переговоры с целью взаимовыгодного раздела сфер влияния, но, по словам канадского историка, все погубила «алчность» царских сановников и их неспособность воспринимать Японию всерьез.

Опираясь на многочисленные документальные источники из российских и зарубежных архивов (АВПРИ, РГИА, ГАРФ, РГВИА, Бахметевский архив и др.), а также работы западных и отечественных историков (Б.А. Романова, А.И. Сорокина, П.Д. Быкова, А. Малоземова, Р. Квестид, Д. Маккензи и др.), канадский исследователь отмечает, что в разных источниках предлагаются различные объяснения причин войны с Японией. В то время как многие авторы искали «козла отпущения» в лице А.М. Безобразова или С.Ю. Витте, канадский историк наибольшую ответственность возложил на адмирала Е.И. Алексеева и самого царя, высказав сожаление о том, что империя Романовых не была достаточно внимательна к рискам, которые влекла за собой война на Дальнем Востоке.

¹⁰⁵⁶ Mac Laren Mc Donald D. United Government and Foreign Policy in Russia, 1900-1914. Cambridge, 1992. P.9-75.

¹⁰⁵⁷ Schimmelpenninck van der Oye D. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. DeKalb, 2001; Schimmelpenninck van der Oye, D. The Immediate Origins of the War // The Russo-Japanese War in Global Perspective. World War Zero Vol. 1. Leiden, Boston, 2005. P. 23-44.

Изменения дипломатического курса канадский исследователь увязывает с влиянием различных концепций развития внешней политики, в их числе — «конквистадорский империализм» Н.М. Пржевальского, «восточничество» Э.Э. Ухтомского, «мирное проникновение» (С.Ю. Витте) и «желтая угроза» (А.Н. Куропаткин).

Вместе с тем, канадский историк признает, что главная причина заключается не в ошибках тех или иных деятелей, а «неутолимых амбициях двух агрессивных государств в эпоху глобального соперничества великих держав». Данный вывод, по сути, близок к позиции У. Лэнгера, рассматривавшего Русско-японскую войну как «классический пример конфликта, начатого по сугубо империалистическим мотивам»¹⁰⁵⁸.

Проблемы дальневосточной политики России дореволюционного периода рассматривались и в **немецкоязычной историографии**, хотя в ней значительно меньше внимания уделялось этой теме. По заключению С. Коткина, в начале XX в. немецкие исследователи проявили повышенный интерес к той роли, которую стала играть в Азии Россия, во многом по той же причине, что и англичане, учитывая собственные амбициозные планы Германии в Китае¹⁰⁵⁹. Для немецкой историографии тех лет отмечают акцент на роли государства, сосредоточенность в основном на военно-дипломатической истории, «которую творили политические лидеры», и одновременно – слабый интерес к социальным, экономическим и культурным факторам.¹⁰⁶⁰ Как показал в своем историографическом исследовании Я. Кусбер, до 1914 г. наиболее обстоятельно немецкими авторами (военными наблюдателями, корреспондентами и др.) освещались события Русско-японской войны 1904-1905 гг.¹⁰⁶¹ В ряде работ причины и итоги войны рассматривались в контексте общей политики, проводившейся российским правительством на Дальнем Востоке со второй половины XIX в.

Так, К. фон Цепелин в своем известном труде пришел к выводу, что во второй половине XIX в. царскому правительству все труднее было осуществлять эффективный контроль за развитием дальневосточных территорий из-за отсутствия развитой транспортной инфраструктуры и незамерзающего порта.¹⁰⁶² Соглашаясь с российскими публицистами

¹⁰⁵⁸ Langer W. L. The Origins of the Russo-Japanese War. Ed. C.E. and E. Schorske // Exploration in Crisis: Papers on International History. Cambridge, 1969. P.3.

¹⁰⁵⁹ Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. New York, 1995.

¹⁰⁶⁰ Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. С.141-150.

¹⁰⁶¹ Kusber J. Der russisch-japanische Krieg 1904-1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg" // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1994. Bd.42. H.2. P.217-234.

¹⁰⁶² Paquet A. Rec. ad op.: Zepelin C., von. Der Ferne Osten. Seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem russisch-japanischen Kriege. I-II. Teile. Russland in Asien. Bd. VIII. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1907-1909 // Geographische Zeitschrift. 1910. 16. Jahrg., H.4. S.236; Paquet A. Rec.ad op.: Zepelin, C. von. Der Ferne

начала XX в., К. фон Цепелин полагал, что России еще очень многое предстояло сделать для упрочения своих позиций на Дальнем Востоке, извлекая уроки из прежних ошибок, допущенных в экономической политике.

К. фон Цепелин анализировал основные тенденции социально-экономического развития Дальнего Востока, рассмотрел историю проникновения русских в Маньчжурию, приобретения Порт-Артура и Дальнего, развития экономических связей Маньчжурии, Приамурья и Приморья с Европой; строительства Амурской железной дороги. Немецкий исследователь показал, что и после войны с Японией размах деятельности русских в регионе, важном с экономической и стратегической точек зрения, не уменьшился.

В работах немецкоязычных исследователей (О. Франке, Г. Цюльке, К. Менерт, Г. Давид, О. Хайнц, П. Минрат и др.)¹⁰⁶³, опубликованных в межвоенный период и посвященных истории международных отношений в регионе на рубеже XIX - XX вв., как правило, подчеркивался агрессивный характер российской дальневосточной политики и, соответственно, вынужденный характер ответных действий Японии)¹⁰⁶⁴. Так, в представлении Курта Крупински, опиравшегося на изданные в англоязычном переводе сборники японских дипломатических документов, а также документальные материалы, опубликованные в журнале «Красный архив», Япония, стремившаяся обеспечить свою независимость, должна была не допустить присутствия русских на Корейском полуострове.¹⁰⁶⁵

По словам К. Крупински, японское правительство достаточно быстро осознало необходимость отказа от политики изоляции и расширения своего влияния на азиатском континенте. Уже в 1872 г. Япония заявила о готовности отказаться от Сахалина, чтобы

Osten. III. Teil. Das Kuestengebiet und Wladiwostok. Russland in Asien. Bd. XI. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1911 // Geographische Zeitschrift. 1911. 17 Jahrg. H.12. S.713-714.

¹⁰⁶³ Franke O. Die Grossmaechte in Ostasien von 1894 bis 1914; ein Beitrag zur Vorgeschichte des Krieges (Hamburgische Forschungen, 10). Braunschweig, Hamburg, 1923; Zuhlke H. Die Rolle des Frnen Ostens in den politischen Beziehungen der Maechte, 1895—1905. Berlin, 1929; David H. Zur Politik der Grossmaechte im Fernen Osten. 1894-1902. Zurich, 1932; Hainz O. Der russisch-japanische Krieg. Berlin, 1939; Minrath P. Das englisch-japanische Buendnis von 1902. Bonn, 1933.

¹⁰⁶⁴ В современной историографии отмечается описательный характер, узость источниковой базы, отсутствие выводов и обобщений и в целом - невысокая научная ценность указанных работ. См.: Сергеев Е.Ю. Англо-германские отношения на Дальнем Востоке в конце XIX - начале XX вв. (конец политики "Блестящей изоляции"): автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 1993.; Kusber J. Der russisch-japanische Krieg 1904-1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg" // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1994. Bd.42. H.2. P.217-234.

¹⁰⁶⁵ Krupinski K. Russland und Japan. Ihre Beziehungen bis zum Frieden von Portsmouth (Osteuropaeische Froschungen. Neue Folge. Bd. 27). Koenigsberg, Osteuropa-Verlag, 1940. S.34; Becker O. Rec. ad op.: Krupinski K. Russland und Japan. Ihre Beziehungen bis zum Frieden von Portsmouth (Osteuropaeische Froschungen. Neue Folge. Bd. 27). Koenigsberg, Osteuropa-Verlag, 1940. 126 s. // Historische Zeitschrift. 1943. Bd. 167. H.1. P.172-174.

Россия, в свою очередь, предоставила японцам свободу действий на континенте. Соответственно, проникновение русских в Китай также воспринималось в Японии как непосредственная угроза ее жизненным интересам, что объяснялось не только стремлением защитить свое население или гарантировать рынки сбыта для японских товаров, но и сугубо «идеалистическими причинами» - верой в превосходство японского народа и претензией на управление всей Азией.

Вместе с тем, после победы в войне с Китаем Япония никоим образом не искала войны с Россией. По заключению немецкого исследователя, в отличие от российской дипломатии она стремилась к заключению договоренности и разделу сферы интересов: «идея о том, что против русской державы нужно вынуть шпагу, очень трудно и медленно находила своих сторонников в Японии»¹⁰⁶⁶.

В послевоенный период об «особой агрессивности» российского империализма писали О. Хаузер и Ф. Хазелмайр¹⁰⁶⁷. Основатель Тюбингенской научной школы Д. Гайер, увязывавший российскую экспансию на Дальнем Востоке с модернизационными процессами, также считал, что предысторией Русско-японской войны следует считать империалистическую экспансию в Маньчжурии и Корее, и в этой экспансии проявилась самая суть «русского империализма»¹⁰⁶⁸. Современный немецкий историк Я. Кусбер, хотя и признает «агрессивность» русской экспансии, не считает ее единственной причиной начавшейся войны. По его мнению, движущим фактором политики Японии, который не следует недооценивать, было присущее японской дипломатии «ощущение досады» на то, что с ней не считались в период тройственной интервенции и «боксерского восстания»¹⁰⁶⁹.

Современный немецкий историк Д. Дальман напоминает о столкновении в регионе

¹⁰⁶⁶ В отличие от К. фон Цепелина, К. Крупински полагал, что после поражения в войне Николай II утратил интерес к Дальнему Востоку, что сказалось на темпах и масштабах освоения региона. С данным выводом справедливо не согласился О. Бекер, доказывавший обратное в своей монографии «Дальний Восток и судьба Европы». См.: Becker O. Der Ferne Osten und das Schicksal Europas. Leipzig, 1940; Becker O. Rec. ad op.: Krupinski K. Russland und Japan. Ihre Beziehungen bis zum Frieden von Portsmouth (Osteuropäische Forschungen. Neue Folge. Bd. 27). Koenigsberg, Osteuropa-Verlag, 1940. 126 s. // Historische Zeitschrift. 1943. Bd. 167. H.1. P.172-174; Krupinski K. Russland und Japan. Ihre Beziehungen bis zum Frieden von Portsmouth (Osteuropäische Forschungen. Neue Folge. Bd. 27). Koenigsberg, Osteuropa-Verlag, 1940. S.91.

¹⁰⁶⁷ Hauser O. Deutschland und der englisch-russische Gegensatz, 1900-1914. Goettingen, 1958; Haselmayr P. Diplomatische Geschichte des zweiten Reichs von 1871-1918. Bd. 4-5. Muenchen, 1960-1964; Сергеев Е.Ю. Англо-германские отношения на Дальнем Востоке в конце XIX - начале XX вв. (конец политики "Блестящей изоляции"): автореферат дис. ... к.и.н. М., 1993.

¹⁰⁶⁸ Geyer D. Der russische Imperialismus. Studien ueber den Zusammenhang von innerer und aeuesserer Politik 1860-1914. Goettingen, 1977.

¹⁰⁶⁹ Kusber J. Der russisch-japanische Krieg 1904-1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg" // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1994. Bd.42. H.2. P. 217-234.

интересов нескольких империалистических держав¹⁰⁷⁰. По его определению, в рассматриваемый период Китай превратился в игрушку европейского империализма, а усиливающаяся Япония, при поддержке Великобритании, стремилась укрепить свои позиции Восточной Азии. Заключение в 1895 г. Симоносекского договора, предусматривавшего установление Японией контроля над Тайванем и Ляодунским полуостровом, воспринималось в России как превентивный удар Японии по Транссибирской магистрали и препятствие на пути любого расширения русской сферы влияния в Азии. В итоге Японии пришлось уступить под давлением трех европейских правительств.

Как и многие представители англо-американской историографии, немецкие исследователи, пытались выяснить, в какой мере окружение Николая II и сам царь несли ответственность за втягивание России в вооруженный конфликт с Японией. Так, в 1931 г. Ф. Штайнманн защитил диссертацию, в которой пытался оправдать действия А.М. Безобразова и доказать дальновидность проводимой им политики. К. Крупински главную ответственность возлагал на царя, полагая, что отставка С.Ю. Витте с его политикой «мирного проникновения» привела к утрате единого руководства. По мнению К. Крупински, среди министров не было никого, кто искренне поддерживал планы царя на Дальнем Востоке, и в итоге Николай II, явно недооценивавший мощь Японии, всецело доверился людям, проявлявшим безусловную готовность исполнить его волю (в их числе был и А.М. Безобразов)¹⁰⁷¹.

Современные немецкоязычные исследователи, как правило, приходят к выводу о коллективной ответственности правящих верхов Российской империи за негативные последствия экспансионистского курса, проводившегося на Дальнем Востоке. Так, Д. Ландграф указывает на недальновидность царских министров, которые даже накануне войны рассматривали перспективы российской экспансии на Дальнем Востоке как блестящие. Когда А.Н. Куропаткин, М.И. Хилков и С.Ю. Витте посещали регион в 1902-1903 гг., ничто, по их мнению, не предвещало скорой войны. Они не обратили внимания на неблагоприятные для России обстоятельства, которыми впоследствии воспользовались японцы: войска и боеприпасы из Европейской России нужно было перевозить на огромные расстояния по Транссибу, а флот был разделен между Порт-Артуром и

¹⁰⁷⁰ Дальман Д. Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. М., 2015. С.279-281.

¹⁰⁷¹ Krupinski K. Russland und Japan. Ihre Beziehungen bis zum Frieden von Portsmouth. Koenigsberg, 1940. S.105.

Владивостоком¹⁰⁷².

Я. Кусбер подчеркивает, что решение о подготовке к войне было принято в Токио только осенью 1903 г., после того как часть царских сановников, задававших тон при дворе и в правительстве, поддержала «безобразовскую клику» и концессию на Ялу – вопреки намерениям С.Ю. Витте, получившего тем временем отставку.¹⁰⁷³ С конца 1903 г. будущее российской политики на Дальнем Востоке выглядело туманно, чему в немалой степени способствовало назначение адмирала Е.И. Алексеева наместником. По замечанию немецкого историка, с тех пор публицисты непрерывно искали главного виновника войны в «конкурирующих лагерях», состав которых никогда не был четко определен. Так, В.К. Плеве поддерживал А.М. Безобразова в борьбе с С.Ю. Витте, но возражал против расширения активности России на Дальнем Востоке; А.Н. Куропаткин выступал за оккупацию Маньчжурии, но был против концессии в Ялу. Примечательно, что Я. Кусбер призывает также не идеализировать политический курс С.Ю. Витте, который «умело рисовал хотя и убедительную, но все же сильно приукрашенную картину»¹⁰⁷⁴.

Более последовательным критиком политики С.Ю. Витте выступил Г. Шрамм, назвавший ошибочной идею, которую отстаивал в своих мемуарах бывший министр финансов, и которая заключалась в том, что реализации сформулированной им концепции успешной экономической экспансии помешала «клика» А.М. Безобразова. По заключению Г. Шрамма, дальневосточная политика, проводившаяся С.Ю. Витте в 1897-1903 гг., поглотила столько же денег, сколько государство израсходовало за этот период на все вооруженные силы империи¹⁰⁷⁵. Объем торговли с Китаем едва ли существенно увеличился, тогда как расходы на строительство КВЖД, гаваней в Дальнем и Порт-Артуре были колоссальны.

Немецкая исследовательница Э.-М. Столберг в одной из статей анализировала дальневосточную политику России в более широком региональном контексте Северо-Восточной Азии, объединив в своих теоретических построениях элементы теорий «модернизации» и «фронта»¹⁰⁷⁶. Опираясь на многочисленные источники из архивов

¹⁰⁷² Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin: 1847-1917. Neuried, 1989. S.702-708.

¹⁰⁷³ Kusber J. Der russisch-japanische Krieg 1904-1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg" // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1994. Bd.42. H.2. P. 217-234.

¹⁰⁷⁴ Kusber J. Der russisch-japanische Krieg 1904-1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg" // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1994. Bd.42. H.2. P. 217-234.

¹⁰⁷⁵ Schramm G. Das Zarenreich - ein Beispielfall fuer den Imperialismus. Folgerungen aus einem Buch von Dietrich Geyer // Geschichte und Gesellschaft. 1981. 7 Jahrg. H.2. S. 297-310.

¹⁰⁷⁶ Исследовательница пишет о «сибирско-маньчжурском фронтире» как арене соперничества между Россией и Японией в их борьбе за гегемонию в Северо-Восточной Азии. Кульминацией этой борьбы явилась война 1904-1905

США, Японии и России (ГАРФ, РГВИА, РГИА ДВ, РГАСПИ и др.), Э.-М. Столберг пришла к выводу, что подъем Российской и Японской империй на рубеже XIX-XX вв. был связан с технологическим и промышленным прогрессом, а строительство Транссиба и КВЖД создало условия для эксплуатации природных ресурсов на сибирском и маньчжурском "фронтах". Кроме того, железные дороги являлись символом имперского величия, а также инструментами военного и экономического контроля над окраинами. Необходимость усиления такого контроля объяснялась возрастающей «желтой угрозой». Так, российский министр путей сообщения К.Н. Посьет предвидел, что набирающая обороты экономическая активность японцев может привести к отделению Сибири и Дальнего Востока от России и превратить их в японскую колонию. Как и приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер, он считал, что приток японских мигрантов и предпринимателей подорвет «русскую культуру и цивилизацию в Сибири»¹⁰⁷⁷.

Соответственно, в планах царского правительства Транссиб должен был не только усилить обороноспособность Сибири¹⁰⁷⁸, но также обеспечить плацдарм для стратегического и экономического проникновения в Северную Монголию и особенно Маньчжурию. Сибирские и дальневосточные губернаторы являлись последовательными сторонниками российской экспансии в Северо-Восточной Азии (во многом и потому, что тем самым стремились упрочить свои политические позиции во взаимоотношениях с Санкт-Петербургом). Так, приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской, поддерживавший идею строительства КВЖД, призывал развивать дальневосточные окраины за счет экспансии в Маньчжурию и снабжения Приамурья маньчжурским зерном, мясом и прочими товарами.

Исследовательница отмечает, что несмотря на масштабные экспансионистские планы

гг. Обе империи, вынашивавшие геополитические планы относительно "сибирско-маньчжурского фронта", руководствовались разными мотивами. Япония, сумевшая благодаря реформам Мэйдзи пройти путь модернизации и одержавшая победу в войне с Китаем, обеспечила себе международное признание в качестве региональной державы и надеялась упрочить свои позиции на Азиатском континенте. Образ Сибири, существовавший в сознании японцев (равно как и образы Маньчжурии и Монголии), во многом сформировал японскую «национальную идентичность» эпохи империализма. Для России же действия в Сибири и Северо-Восточной Азии являлись, прежде всего, компенсацией за унижительное поражение в Крымской войне. См.: Stolberg E.-M. "The Unknown Enemy": The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s-1920s // *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-1905*. Folkestone, 2007. P. 46-62.

¹⁰⁷⁷ Stolberg E.-M. "The Unknown Enemy": The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s-1920s // *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-1905*. Folkestone, 2007. P. 48.

¹⁰⁷⁸ Как замечает автор, после катастрофического поражения в войне с Японией А.Н. Куропаткин признал, что технологическое состояние Транссиба во многом обусловило слабость российской обороны в Северо-Восточной Азии. Напротив, в годы Второй мировой войны трансконтинентальная железная дорога использовалась более эффективно.

царских властей на Дальнем Востоке, в период между 1895 и 1900 гг. малочисленные российские регулярные войска в Сибири не имели четкой военной стратегии.¹⁰⁷⁹ У российской армии не было точных топографических знаний о местности в районе сибирско-маньчжурской границы. До начала войны не проводились картографические работы. Фактически Восточная Сибирь и Дальний Восток не были защищены. В то же время российские железнодорожные проекты привлекали внимание японской военной разведки.¹⁰⁸⁰ Но «Большая игра», которую Россия вела с Британской империей, заставляла российскую разведку сосредоточиться на Центральной Азии, а не на более спокойной сибирско-маньчжурской окраине. Только в 1903 г. сибирская полиция признала проблему японского шпионажа и запретила японским мигрантам селиться вдоль Транссиба.¹⁰⁸¹

В ряде работ англо- и немецкоязычных исследователей анализируются **проблемы социокультурного развития Дальневосточного региона во второй половине XIX — начале XX вв.** Так, в монографии Д. Вулфа, опубликованной в 1999 г., предметом исследования является история формирования российского анклава в Харбине. Автор, с одной стороны, показывает связь этого анклава с русским населением Приамурья

¹⁰⁷⁹ По оценке британского историка А. Маршалла (выпускника Университета Глазго и Школы славянских и восточноевропейских исследований; сотрудника Королевского колледжа в Лондоне) в первые годы XX в. ситуация улучшилась незначительно. Опираясь на сведения из работ А.А. Свечина, А. Маршалл показывает, что несмотря на постоянное наращивание вооруженных сил на Дальнем Востоке, этих мер было недостаточно с учетом быстро ухудшавшейся дипломатической обстановки. Исследователь упрекает военного министра А.Н. Куропаткина за отсутствие ясного стратегического планирования и плохо разработанные графики мобилизации. В самой Сибири не хватало людских ресурсов, необходимых для формирования и развертывания армии в несколько сотен тысяч человек. Но главный просчет А.Н. Куропаткина заключался в его приверженности «континентальной» стратегии, обусловленной влиянием идей Х. фон Мольтке. План войны, разработанный под руководством А.Н. Куропаткина на случай конфликта в Северо-Восточной Азии в период между мартом и июлем 1903 г., не допускал никаких случайностей, и предусматривал сугубо оборонительные мероприятия, наращивание сил в Маньчжурии, а затем решающее сражение в районе южного участка КВЖД, после чего должно было последовать агрессивное наступление, вторжение в Японию, окончательный разгром противника и подписание мира в Токио. В такой схеме практически игнорировалось значение Порт-Артура, а российскому флоту отводилась почти совершенно пассивная роль. См.: Marshall A. Imperial Russian War Planning for the Eurasian Space and the Impact of the War // *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-1905*. Folestone, 2007. P.281-290.

¹⁰⁸⁰ По заключению Э.-М. Столберг, не менее активно японские спецслужбы действовали и в период Первой русской революции, поддерживая социалистов-революционеров, уехавших после завершения войны из Японии во Владивосток. Японцы стремились использовать Владивосток в качестве основной базы, опираясь на которую они рассчитывали парализовать российскую власть в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В период с апреля 1906 г. по март 1907 г. было напечатано 177 тыс. листовок для распространения, что официально признал прокурор Владивостокского окружного суда, утверждавший, что репатрианты из Японии являлись наиболее радикальными элементами в городе. В то же время японские военные заявляли, что если бы война продолжалась, то Япония завоевала бы всю Восточную Сибирь.

¹⁰⁸¹ Об активности японской разведки на территории Российской империи см. тж: Futrell M. Colonel Akashi and Japanese Revolutionaries in 1904-1905 // *St. Anthony Papers*. No. 20: Far Eastern Affairs. Vol. 4. Oxford, 1967. P.7-22; Falt O. Collaboration between the Japanese and the Underground during the Russo-Japanese War // *Asian Profile*. 1976. No. 4. P.205-238; Rakha Ryusai. Colonel Akashis Report on his Secret Cooperation with Russian Revolutionary parties during the Russo-Japanese War. Selected chapters. Helsinki, 1988; Kusber J. Der russisch-japanische Krieg 1904-1905 in *Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg"* // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1994. Bd.42. H.2. P.217-234.

(«амурцами», существенно отличавшимися от населения Европейской России), с другой — подчеркивает уникальность его культуры, сочетавшей в себе азиатские и европейские черты¹⁰⁸²

В условиях «культурного и пространственного поворотов» в западной историографии, Д. Вулф переосмыслил значение таких понятий как «регион», «субрегион» и «макрорегион», «фронтир» и «пограничные области». В одной из своих статей, опубликованной в 1995 г., Д. Вулф обосновывает правомерность изучения истории Русской Маньчжурии в рамках исследований по дореволюционной истории российского Дальнего Востока. Американский историк указывает на тесную связь России и Маньчжурии, которая возникла в 1890-х гг., благодаря строительству КВЖД, потокам инвестиций, мигрантов и тому факту, что после 1917 г. Харбин оказался «единственным русским городом за пределами СССР».¹⁰⁸³ По его мнению, большинство российских историков и зарубежных россиеведов рассматривают как один из многих полиэтничных городов (но с преобладающим русским населением) на Дальнем Востоке. В их числе — Благовещенск, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре, Никольск-Уссурийский и Владивосток. Такой взгляд предполагает включение Русской Маньчжурии в состав российского Дальнего Востока и позволяет показать механизм, благодаря которому внутривластные факторы (в частности, противостояние гражданских и военных властей) способствовали распространению российского влияния за пределами России, на территории соседнего государства.

Второй подход подчеркивает уникальность исторического опыта Маньчжурии и позволяет преодолеть «централизаторский» взгляд на русскую историю. По словам Д. Вулфа, если изучение Сибири и российского Дальнего Востока позволяет отказаться от "монолитного взгляда" на национальную историю и легитимизирует региональный ракурс, то изучение Русской Маньчжурии позволяет сделать еще один шаг в этом направлении. Исследователь подчеркивает, что исторические процессы развиваются не только в направлении от центра к окраинам. Относительная административная и идеологическая свобода "фронтира" часто превращала его в лабораторию для социальных экспериментов, которые не приветствовались в Санкт-Петербурге и Москве. Периферия

¹⁰⁸² Wolff D. To the Harbin Station. The Liberal Alternative in Russian Manchuria, 1898-1914. Stanford, 1999. См.тж: Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб., 2008. С.60.

¹⁰⁸³ Wolff D. Russia Finds Its Limits: Crossing Borders into Manchuria // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East. Armonk, 1995. P.40-64.

также может проявлять инициативу, передавая свой опыт центру.

Наконец, третий подход делает акцент на региональном аспекте Русской Маньчжурии. Такой взгляд дополняет первый подход, подчеркивающий сущностное единство субрегиона, обозначенного как «российский Дальний Восток», и «Русской Маньчжурии», как его части. В свою очередь, российский Дальний Восток вне контекста может рассматриваться либо как часть России, либо как часть Азии, но если признать, что государственные границы являются «социально-сконструированными феноменом» и слабо помогают при анализе транснациональных феноменов, то в рамках «региональной истории» можно объединить элементы «национальных историй» разных стран. Акцент на общих элементах социальной истории различных стран и регионов, образующих транснациональный регион «Северо-Восточная Азия», позволяет увидеть, как соотносятся «регионализм в широком смысле» и «регионализм в узком смысле».

Позиция российских властей в отношении Маньчжурии сочетала в себе элементы различных подходов, отражая, по заключению историка, не только противоречия между военными властями и гражданскими, но также споры о будущем Русской Маньчжурии.¹⁰⁸⁴ Военные выступали за полную аннексию региона и, соответственно, поддерживали такую политику, которая способствовала бы упрочению единства между новым территориальным приобретением с остальной Россией. По замечанию Д. Вулфа, такая политика предполагала, среди прочего, политический консерватизм и антисемитизм, поскольку евреям не разрешалось селиться в пределах арендованного Ляодунского полуострова.

Гражданские власти, прежде всего, в лице Министерства финансов и руководства КВЖД, утверждали, что Маньчжурия — не Россия, и предлагали ограничиться экономическим и демографическим проникновением в регион, по крайней мере, на ближайшее будущее. С.Ю. Витте и его преемники демонстрировали прагматизм и

¹⁰⁸⁴ Выводы Д. Вулфа, подчеркивающего влияние социокультурных процессов, отчасти созвучны идеям, высказанным А. Рибером в статье, посвященной анализу устойчивых факторов, определявших российскую внешнюю политику в различные периоды истории. К числу таких факторов А. Рибер относит, среди прочего, поликультурный характер общества и государства, соседство с зонами «этнических фронтиров» и «маргинальность» русской культуры, «распростертой между Европой и Восточной Азией, а, значит, допускающей выбор любого эталона, любых поведенческих стандартов». По мнению современного историка П.С. Пименова, представление А.Рибера об определяющем значении геополитического положения России в конечном счете укрепляет давнюю идею зарубежной историографии об особом историческом пути России См.: Рибер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытки интерпретации // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Самара, 2001. С.94-100.; Пименов П.С. Внешняя политика России на Дальнем Востоке 1895-1905 гг. Дисс... канд. ист. наук. Тольятти, 2006.

гибкость, проявляя терпимость и приверженность принципу *laissez-faire* как базовому для их экспериментов в области социальной инженерии. По словам Д.Вулфа, «русско-китайская граница заслоняла эту политику от консервативной оппозиции» в столице, и в том, каким образом решались вопросы, связанные с этническим, политическим и религиозным разнообразием, Харбин становился наиболее прогрессивным городом. За пределами империи можно было беспрепятственно обсуждать новые подходы, не сталкиваясь с «имперскими запретами». Многие новшества в сфере миграционной политики, которые либо применялись, либо обсуждались в связи с Маньчжурией, позже были распространены на Сибирь и даже Европейскую Россию.¹⁰⁸⁵

В монографии немецкого историка Серена Урбанского анализируется история формирования и изменения русско-китайской границы (в том числе – в рассматриваемый исторический период), что, по определению автора, было «делом рук не только государств, но и рядовых людей».¹⁰⁸⁶ На основе изучения документальных источников из нескольких десятков архивов, расположенных в семи странах, С.Урбанский показывает, каким образом центральная власть пыталась установить контроль над государственной границей и в зоне «фронтир»а, и в «пограничных областях» (*borderlands*); как местные жители пытались противодействовать этим усилиям, и как порой они сами становились агентами государственной власти или жертвами ее произвола. Объединяя подходы «истории сверху» с «историей снизу», автор анализирует политику, которую проводили метрополии, и показывает гибкость стратегий и практик, благодаря которым местное население адаптировалось к изменениям границы.

В центре внимания американской исследовательницы Шерил Коррадо оказались социокультурные процессы, связанные с изучением и освоением русскими острова Сахалин в 1849-1906 гг.¹⁰⁸⁷ Рассматривая переход России к "модерновому" обществу и роль Сахалина в этом процессе, автор оспаривает преобладающее мнение о том, что колонизация Сахалина свидетельствовала об отсталости России. Ш.Коррадо показывает, что факторы, которые породили Великие Реформы и привели к колонизации Сахалина и

¹⁰⁸⁵ В частности, историк напоминает, что известные деятели «эпохи столыпинских реформ», А.В. Кривошеин и А.А. Риттих, еще до того, как П.А. Столыпин стал премьер-министром, принимали участие в выработке и осуществлении дальневосточной колонизационной политики. См.: Wolff D. *Russia Finds Its Limits: Crossing Borders into Manchuria // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. Armonk, 1995. P.48.

¹⁰⁸⁶ Urbansky, S. *Beyond the Steppe Frontier: A History of the Sino-Russian Border*. Princeton University Press, 2020. P.2.

¹⁰⁸⁷ Corrado Sh.M. *The "End of the Earth": Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849-1906*. Ph.D. diss.... University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010. Urbana, Illinois.

ссылке уголовников на остров, соответствовали европейским ценностям того времени — ценностям науки, гуманности и рационального мышления.

После подписания Симодского трактата 1855 г. царское правительство способствовало более масштабному изучению и эксплуатации ресурсов острова. В этом смысле государство ориентировалось на "европейский модерн" и одновременно воспроизводило "русскость", которая определялась в соответствии с географическими критериями. В 1850-х гг. Сахалин описывали как "обетованную землю", край изобилия, дарованный Богом для избранного русского народа. Парадоксальным образом всего спустя полвека А.П. Чехов называл остров "краем земли". По мнению Ш. Коррадо, такое фундаментальное изменение места Сахалина в русском сознании высветило не только резкие перемены, происходившие на материке, но также трансформацию и переосмысление "русской идентичности" в "эпоху модерна".¹⁰⁸⁸

В России быстрые изменения "эпохи модерна" принесли чувство нестабильности и страх потери, порождая стремление сохранить прошлое и придерживаться традиций (или изобретать их). На самом Сахалине этот конфликт был наиболее заметен в спорах между опытными и авторитарными надзирателями каторжных тюрем и медицинским персоналом, ориентированным на ценности западного гуманизма. По утверждению Ш. Коррадо, споры по поводу судьбы Сахалина свидетельствовали о переосмыслении идентичностей — национальной, имперской и региональной - в дореволюционной России. В европейской части империи велся дискурс, в котором Сахалин занимал место "колониального Другого", показывая борьбу русского общества с его новой «имперской идентичностью» и «европейским модерном», в условиях которого эта идентичность возникла.

В одном из разделов диссертации исследовательница анализирует реакцию самих сахалинцев на меняющиеся представления об их регионе. По словам Ш. Коррадо, несмотря на удаленность от столиц, на исторической судьбе Сахалина отразились "изменения смыслов" и внутриправительственная борьба за власть, присущая позднеимперскому периоду. В то время как небольшая группа представителей местной

¹⁰⁸⁸ Если в 1850-х гг. "русскость" была естественной и органичной категорией, имевшей определенные географические границы и характеризовавшейся «естественной» привязанностью крестьян к «Русской земле», то к концу XIX века ее содержание стало более сложным. Понятие «русскости» включало в себя идеи «былого величия» и сохранявшегося «предназначения» империи, а также разнородные элементы, из которых состояла империя. Процесс колонизации Сахалина отражал особенности переосмысления «русского модерна», который то принимал, то отрицал взгляды Европейского Просвещения.

интеллигенции стремилась сформировать «региональную идентичность», в основе которой лежало представление о природных богатствах острова и его экономическом потенциале, правительство в итоге пришло к выводу, что Сахалин более не заслуживал внимания; средства на его освоение более не выделялись, а административный персонал со временем был вывезен на материк.

Определение статуса Сахалина осложнялось тем фактом, что Россия была не только нацией, но и империей, а заселение Сахалина было частью имперского проекта колониальной экспансии. На рубеже XIX-XX вв. появился «новый империализм», когда европейские державы соревновались за приобретение заморских колоний, оправдывая это доктринами о расовом и культурном превосходстве, согласно которым аборигены были не способны к самоуправлению. Важнейшим аспектом развития «имперской идентичности» было различие метрополии и колонии, при этом для Запада колонии выступали в роли экзотического «Другого», который предстояло изучить, классифицировать и цивилизовать. В России такое различие было проблематичным, поскольку не существовало четких границ между метрополией и колониями, а некоторые нерусские территории в составе империи были в экономическом и культурном отношении более развитыми, чем сама метрополия.

На Сахалине были сведены вместе культуры, идеи, языки и люди в новом месте, чтобы переплавиться в образцовых русских подданных в соответствии с параметрами, которые сочли бы приемлемыми местные, региональные или имперские власти. В ходе этого процесса идеи проверялись и адаптировались к местным условиям, тогда как местные власти оспаривали предположения и инструкции имперского центра.

Поскольку сначала имперская власть, а затем и общество обозначали Сахалин понятиями, чуждыми и даже оскорбительными для жителей острова, ответом сахалинцев явились попытки утвердить «региональную идентичность», отличную от той, что предписывалась имперским центром. Процесс «формирования идентичности» Сахалина, хотя и напоминал процесс зарождения и развития национализма, имел свои отличия, поскольку островитяне не имели общего языка, культуры, национальности или религии. На острове говорили на 25 языках, здесь жили большие группы католиков, лютеран, мусульман и буддистов, в целом его население было одним из наиболее разнообразных по составу среди регионов империи.

Ш. Коррадо отмечает, что, как правило, в историографии, посвященной «региональной

(в противовес национальной) идентичности», «региональная солидарность» обычно воспринимается как нечто само собой разумеющееся, как самоочевидная категория, составляющий элемент окружающего мира, а регионы, подобно нациям, рассматриваются, как нечто развивающееся органически и необратимо с течением времени. В России именно в это время зарождается краеведение, основной идеей которого было восприятие региона как органичного географического компонента, который влияет на исторический процесс на макро- и микроуровнях¹⁰⁸⁹.

Вопреки таким представлениям, на Сахалине утверждение «региональной идентичности» было осознанным и поразительно быстрым процессом, который осуществлялся людьми, имевшими мало общего, если не считать того, что все они были оторваны от родины и оказались на острове, как правило, против своей воли. Исследовательница приходит к выводу о том, что «Великие реформы» и колонизация Сахалина были обусловлены представлениями об «отсталости» России относительно «универсальной траектории развития европейского модерна», хотя современные исследователи не только переосмыслили проблему «соответствия европейскому модерну», но и вообще поставили под вопрос наличие некоего "универсального модерна", отрицая вывод, согласно которому «модерн является европейским изобретением», и доказывая, что ключевые элементы «модерновой» государственности зародились в процессе взаимодействия метрополий с колониями.

Штрафная колония на Сахалине сама по себе должна была быть чем-то большим, чем просто местом для каторжного труда; она должна была способствовать перевоспитанию, осуществлению социального контроля над осужденными и переплавке их в законопослушных граждан. Подобно британцам на Андаманских островах, русские стремились, хотя и безуспешно, создать на Сахалине новое и усовершенствованное российское общество, и подобно Чертову острову (в 13 км от побережья Французской Гвианы), однако Сахалин вскоре стал известен не благодаря успешной практике восстановления социальных норм, но благодаря их полному искажению.

В отличие от упомянутых французской и британской штрафных колоний, неудачная попытка создать на Сахалине российское колониальное поселение, наряду с сопутствовавшим дискурсом "Другого", привела не только к упразднению сахалинской каторги, но и к оставлению самого острова. В целом, по заключению Ш. Коррадо,

¹⁰⁸⁹ Johnson E.D. How St. Petersburg Learned to Study Itself: the Russian idea of kraevedenie. University Park, 2006

колонизация Сахалина свидетельствовала не об отсталости России, а о ее модернизации. В свою очередь, коллапс сахалинской каторги был следствием хаоса и двусмысленности в имперской политике.

Если Д. Вулф и Ш. Коррадо исследовали проблемы формирования «региональной идентичности» у сравнительно небольших и замкнутых сообществ Русской Маньчжурии и Сахалина, то Дж. Стефан в своей монографии анализирует социокультурные процессы в масштабах всего российского Дальнего Востока, указывая на неразрывную связь этих процессов, особенно на начальном этапе, с пробуждением «сибирского регионального сознания» во второй половине XIX в.¹⁰⁹⁰ Устремления сибиряков наиболее полно были выражены представителями «областничества», стремившимися превратить родной регион из места ссылки в край, имеющий все возможности для самостоятельного социального и экономического развития. Данное движение породило как реформаторские, так и революционные импульсы, но его главная идея заключалась скорее в достижении автономии, нежели абсолютной независимости.

По мере того, как сибиряки осознавали свои нужды, они начинали лучше понимать, в чем их главные цели отличались от целей Европейской России и более откровенно начинали высказывать свое недовольство по поводу столичного высокомерия и политики, проводимой правительством. В свою очередь, на рубеже XIX-XX вв. жители Дальнего Востока демонстрировали двойственное отношение к Сибири, все больше осознавая собственные интересы, особенно после того как проявились негативные последствия российского проникновения в Маньчжурию. Дж. Стефан подчеркивает, что во Владивостоке областническое движение отличалось от областничества в Томске, и указывает на своеобразный состав и круг задач дальневосточной интеллигенции, в которой заметную роль играли морские офицеры, а в дискурсе «просматривались» Восточная Азия и Тихоокеанский регион.

Дальневосточные интеллектуалы занимались журналистикой (по замечанию Дж. Стефана, печатные издания, как правило не имевшие выраженной «консервативной» или «либеральной» направленности, занимали центральное место в интеллектуальной жизни региона), этнографическими исследованиями, изучали историю региона и мифологию коренного населения. Некоторые называли себя "амурцами", подчеркивая свое духовное родство с плеядой «муравьевцев». По заключению Дж. Стефана, на

¹⁰⁹⁰ Stephan J.J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994.

Дальнем Востоке интеллектуальная жизнь вращалась вокруг двух организаций, содействовавших изучению географии региона, его истории и этнографии. Одна из них — "Общество изучения Амурского края" (в числе его членов был адмирал С.О. Макаров), основанное во Владивостоке в 1884 г. главой Переселенческого управления Ф.Ф. Буссе. Другая организация - Приамурский отдел ИРГО, созданный в Хабаровске в 1894 г. Обе организации поддерживали деятельность музеев и библиотек (например, Николаевской публичной библиотеки и Краевого музея им. Н.И. Гродекова в Хабаровске) и завоевали международное признание, распространяя знания о Северо-Восточной Азии.

Близость к Японии, Китаю и Корее естественным образом сделала Владивосток центром востоковедческих исследований, что в данном контексте подразумевало изучение Северо-Восточной Азии — территории, имеющей стратегическое и экономическое значение.¹⁰⁹¹ После долгих дискуссий, которые велись в течение трех десятилетий, генерал-губернатор Н.И. Гродеков одобрил учреждение во Владивостоке Восточного института, который открылся 2 ноября 1899 г. Спустя десятилетие в институте трудились выдающиеся востоковеды П.П. Шмидт, А.В. Рудаков, П.В. Шкуркин, Н.В. Кюннер, А.В. Гребенщиков; японисты Д.М. Позднеев и Е.Г. Спальвин; монголовед А.М. Позднеев и тибетолог Г.Ц. Цыбиков, а также основатель корееведения в России Г.В. Подставин.

Дж. Стефан приводит сведения об учебном процессе, социальном составе студентов (больше половины — выходцы из крестьян; от 20 до 30% — из военной среды), многие из которых (при финансовой поддержке Ю.И. Бринера) стажировались в азиатских странах. Представители дальневосточной интеллигенции устанавливали тесные связи с Китаем, Японией, Маньчжурией, по определению историка, постепенно эволюционируя из «амурцев» в «заамурцев», чей «непритязательный космополитизм ... мог бы стать признаком формирующейся дальневосточной идентичности, если бы смог противостоять

¹⁰⁹¹ В 2009 г. увидел свет сборник материалов конференций, организованных в 2007–2008 гг. в Москве при участии Немецкого научно-исследовательского общества (DFG) и Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Авторами статей, включенных в сборник, выступили Х. Духхардт, Я. Кусбер, Д. Ордубади, Е. Массольд, осветившие различные аспекты участия немцев в освоении и изучении российского Дальнего Востока. В рецензии на сборник Э.-М. Столберг указала на недостаточное внимание составителей к теоретическому осмыслению вопроса о роли балтийских немцев в освоении восточных окраин Российской империи. К тому же, по справедливому замечанию исследовательницы, среди немцев, внесших свой вклад о освоение Сибири и Дальнего Востока, были не только ученые и путешественники (которым посвящено большинство статей), но также военные, чиновники, предприниматели, крестьяне. См.: Stolberg E.-M. Rec. ad op.: Heinz Duchhardt (Hg.): *Russland, der Ferne Osten und die "Deutschen"*. 2009 [Электронный ресурс] // *Sehepunkte: Rezensionenjournal fuer die Geschichtswissenschaften*. 2010. Ausgabe 10. Nr. 5. Режим доступа: <http://www.sehepunkte.de/2010/05/17698.html>. (дата обращения 25.07.2013).

примитивному притяжению классов и стран и разъедающей кислоте вражды».

Характеризуя **общественно-политическую ситуацию**, сложившуюся на Дальнем Востоке на рубеже XIX-XX вв., Дж. Стефан высказывает уверенность, что до начала Русско-японской войны развитие революционных процессов представлялось маловероятным, учитывая небольшой удельный вес крестьянской бедноты и малочисленность городского пролетариата, рассеянного по небольшим семейным предприятиям, железнодорожным мастерским и докам. После 1900 г. почву для будущих волнений подготовил приток бедных крестьян, оседавших в больших и малых городах; в итоге доля городского населения на Дальнем Востоке стала самой большой в России. Симптомы нарастающего кризиса также проявились в 1890-х гг., когда бастовали амурские речники и рабочие зейско-бурейских золотых приисков (в период Первой русской революции в Зейском горном округе рабочие даже создали своеобразную «республику», просуществовавшую, впрочем, недолго). Возникая по экономическим причинам, эти протесты приобретали политическую окраску, чему способствовала агитационная работа эсеров и социал-демократов.

Благоприятные условия для политической агитации создала непопулярная война с Японией: ограничения, связанные с введением военного положения; военный призыв, оказавшийся тяжелым бременем для казаков и крестьян; инфляция и нехватка товаров, затронувшие все слои населения, кроме наиболее зажиточных; ухудшающееся моральное состояние населения после сообщений о поражении русской армии и флота.¹⁰⁹²

По мнению Дж. Стефана, наибольшую угрозу общественному порядку представляли резервисты: менее дисциплинированные, чем военнослужащие регулярной армии, и исполненные ожиданий, которые, в случае несовпадения с реальностью, могли превратиться в повод для недовольства. Резервисты рассчитывали на то, что их демобилизуют в первую очередь и отправят в Европейскую Россию, однако

¹⁰⁹² Впрочем, по замечанию немецкой исследовательницы Э.-М. Столберг, в начальный период войны, когда Япония совершила нападение на Порт-Артур, население Владивостока восприняло это достаточно спокойно, полагая, что война закончится через несколько недель. Однако японские мигранты поспешили вернуться на родину. Когда 25 февраля 1904 г. японская эскадра вошла в бухту в Владивостока, город охватила паника из-за слухов, что запасов провизии хватит лишь на 8 месяцев. См.: Stolberg E.-M. "The Unknown Enemy": The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s-1920s // *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-1905*. Folkestone, 2007. P. 46-62. Аналогичная ситуация возникла в Иркутске, где начались грабежи и убийства. Несмотря на то, что война была очень непопулярна среди населения, горожане демонстрировали сильные ксенофобские настроения в отношении мигрантов из Азии, бойкотировали или грабили их магазины и лавки, из-за чего японцам и китайцам пришлось организовать силы самообороны.

логистические препятствия сделали это невозможным.¹⁰⁹³ Агитаторы из РСДРП стремились воспользоваться ситуацией и вызвать восстание, но для реализации столь амбициозной программы у них не было необходимых средств. До того, как социал-демократы или эсеры смогли организовать свои действия, беспорядки распространились спонтанно по всему Приамурью и Забайкалью в течение трех месяцев, последовавших после объявления Октябрьского манифеста. Резервисты захватывали поезда, отправлявшиеся на запад, и устраивали погромы на станциях.

Наиболее масштабные восстания с участием военнослужащих произошли во Владивостоке в конце 1905 — начале 1906 гг. По словам Дж. Стефана, в период войны в городе уже имелись все необходимые компоненты для того, чтобы начались массовые волнения. В порту находилось множество недовольных и политически активных матросов, присланных в составе подкрепления для Тихоокеанского флота командующими других флотов, не преминувших воспользоваться возможностью избавиться от смутьянов. Проблемы со снабжением усилили конфликт между офицерами и рядовым составом. Мирное время уничтожило остатки воинской дисциплины, подогрела надежды на демобилизацию. В это время город наводнили 90 тыс. праздных солдат и матросов, включая политизированных военнопленных, репатриированных из Японии.

Уличные беспорядки, происхождение которых не было прояснено, распространились по всему городу 30-31 октября, когда более 10 тыс. резервистов¹⁰⁹⁴, военнослужащих гарнизона, матросов и портовых грузчиков, к которым присоединились их товарищи, освобожденные из городских тюрем, сожгли частные лавки, здания военно-окружного суда и библиотеки. На следующий день восставшие собрались в центре города и потребовали публичного оглашения пунктов Октябрьского манифеста; немедленной демобилизации всех резервистов; свободы посещения политических митингов, а также вежливого обращения со стороны офицеров. Ответные шаги, предпринятые комендантом Владивостокской крепости генералом Г.Н. Казбеком, «сочетали в себе дипломатию и силу». Он оставил в покое толпы митингующих, убедил войска гарнизона вернуться в свои казармы, а затем призвал отряды уссурийских казаков, сумевших восстановить

¹⁰⁹³ Для транспортировки 900 тыс. чел. с Дальнего Востока в Европейскую Россию, т.е. на расстояние свыше 5 тыс. миль, по одноколейке, потребовалось бы несколько месяцев.

¹⁰⁹⁴ Как уточняет немецкий историк Я. Кусбер, на сторону восставших также частично перешли военнослужащие батальонов 8-й Сибирской резервной пехотной дивизии, поднятые в ночь с 30 на 31 октября. См.: Kusber J. Soldiers' Unrest behind the Front of the End of the War // Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-1905. Folkestone, 2007. P.281-290.

порядок 15 ноября. Всего за время беспорядков погибло 38 чел.

Волнения возобновились в начале декабря, когда забастовку объявили почтовые, телеграфные и железнодорожные служащие, прекратившие всякое сообщение с Хабаровском. Учитывая, что Забайкальский участок Транссиба уже был парализован из-за беспорядков, Владивосток оказался отрезан как от столицы Приамурья, так и от столицы империи. Ситуация подошла к развязке в дни первой годовщины Кровавого воскресенья, в январе 1906 г., когда несколько тысяч вооруженных матросов, военнослужащих гарнизона и железнодорожных бригад, работников железной дороги и порта, детей и любопытствующих собрались на площади перед железнодорожным вокзалом.

После первых выступлений зазвучали призывы требовать от сменившего В.Н. Казбека генерала А.Н. Селиванова немедленного освобождения всех политических заключенных. Выполняя приказ А.Н. Селиванова, лояльно настроенные к властям солдаты 32-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и забайкальские казаки, открыли огонь по участникам процессии. Тридцать человек было убито на месте. Ответная реакция демонстрантов носила взрывной характер. Несмотря на призывы руководителей «Исполкома нижних чинов Владивостокского гарнизона» (образованного 17 декабря 1905 г., после получения новостей об аресте участников Санкт-Петербургского Совета), солдаты и матросы взяли штурмом крепость, тяжело ранив А.Н. Селиванова и нескольких офицеров.

Временным генерал-губернатором крепости Владивосток и крепостного района был назначен генерал П.И. Мищенко, получивший от царя приказ использовать все имеющиеся в его распоряжении средства для восстановления порядка. П.И. Мищенко справился с этим заданием, начав переговоры с Исполкомом и вооруженными группировками восставших, чтобы выяснить, кого именно необходимо нейтрализовать. Прибегая к обещаниям и угрозам, П.И. Мищенко сумел постепенно выманить восставшие части из Владивостока и войти в город без каких-либо столкновений 27 января.¹⁰⁹⁵ Затем он распустил Исполком, арестовал и отдал под суд 1967 военнослужащих и матросов (из

¹⁰⁹⁵ В статье немецкого историка Я. Кусбера подчеркивается, что бунт, поднятый в январе 1906 г. солдатами 2-го артиллерийского полка и 32-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, поддержали военные корабли Тихоокеанского флота (эскадренные миноносцы "Беспощадный" и "Бодрый", крейсера "Россия", "Терек", "Жемчуг" и др.), и такой размах угрожал вовлечением в восстание всей 8-й Сибирской резервной пехотной дивизии, располагавшейся в непосредственной близости от города. Тем не менее, кавалерийскими частями генерал-лейтенанта П.И. Мищенко сравнительно легко удалось восстановить порядок. См.: Kusber J. Soldiers' Unrest behind the Front of the End of the War // Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-1905. Folkestone, 2007. P.281- 290.

них 85 чел. были приговорены к смертной казни; 44 смертных приговора были приведены в исполнение, остальных приговорили к каторге).

Развивая тезис Д. Гайера о Русско-японской войне как «рычаге революции» и замечая, что «история мобилизации изучена значительно лучше, чем история демобилизации, хотя именно она в значительной мере определила исход Первой русской революции»¹⁰⁹⁶, немецкий историк Я. Кусбер опубликовал в 2007 г. статью, в которой анализировал причины и последствия участия солдат из различных подразделений Маньчжурской армии в революционных событиях 1905-1906 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке.¹⁰⁹⁷ Опираясь на работы преимущественно дореволюционных и советских исследователей (П.Н. Перевезенцева, А.Д. Станкевича и др.), Я. Кусбер излагает историю восстаний в Красноярске, Чите и Владивостоке, карательных экспедиций П.К. Ренненкампа и А.Н. Меллер-Закомельского.

Как и Дж. Стефан, немецкий историк усматривает причину забастовок, охвативших после событий «кровавого воскресенья» (9 января 1905 г.) всю Транссибирскую магистраль, в ухудшении условий жизни (в первую очередь, снабжения продовольствием) железнодорожников и резервистов, следовавших на театр военных действий.¹⁰⁹⁸

¹⁰⁹⁶ В одной из своих статей немецкая исследовательница Э.-М. Столберг, в свою очередь, показывает, что не слишком успешная мобилизация во многом предопределила исход войны с Японией. Как пишет исследовательница, приказ о переброске войск из Восточной Сибири для защиты Владивостока был отдан адмиралом Е.И. Алексеевым, ожидавшим высадки японцев в Приморье и полагавшим, что возможная оккупация Дальнего Востока будет означать крах всей российской политики в Северо-Восточной Азии. Вскоре выяснилось, что несмотря на все попытки использования пропагандистской машины, патриотизм не слишком укоренился в сибирском обществе. Сибиряки не хотели участвовать в войне. В ответ власти устроили парады, организовали чтение публичных лекций о подвигах казаков-покорителей Сибири. Отчасти это имело успех, люди начали жертвовать деньги на нужды Тихоокеанской эскадры. В Европейской России даже зазвучали утверждения, что Сибирь - пример успешной ассимиляции к русской культуре, и что край станет "местом будущих сражений между расами", однако большая часть населения Сибири, т.е. крестьяне, реагировал так же, как и русские крестьяне - не понимали ни причин, ни целей войны. В итоге, в Сибири лишь немногие мужчины записались добровольцами на Маньчжурский фронт, что негативно сказалось на обороноспособности российских войск на дальневосточных рубежах империи. По этой причине правительство было вынуждено перебросить большие воинские контингенты из Европейской России по Транссибирской магистрали, что создало еще большие трудности. См.: Stolberg E.-M. "The Unknown Enemy": The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s-1920s // *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-1905*. Folkestone, 2007. P. 46-62.

¹⁰⁹⁷ См.: Kusber J. Soldiers' Unrest behind the Front of the End of the War // *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-1905*. Ed. by R. Kowner. Folkestone, 2007. P.281- 290; В более ранней публикации Я. Кусбер подверг критике предположения Д. Вествуда о том, что новое наступление русских войск летом 1905 г. могло бы переломить ход войны и привести к поражению Японии. По мнению Я. Кусбера, сторонники данной точки зрения (а ее разделяли и многие современники описываемых событий) не учитывают реальный размах революционного движения и его влияние на политику самодержавия в 1905 г. См.: Westwood J.N. *Russia against Japan. A New Look at the Russo-Japanese War*. London, 1986; Kusber J. *Der russisch-japanische Krieg 1904-1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den "kleinen siegreichen Krieg"* // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 1994. Bd.42. H.2. P. 217-234.

¹⁰⁹⁸ Уже в апреле 1905 г. основные продукты выдавались по карточкам в Благовещенске. В виду того, что город заполнили гражданские беженцы из Харбина, местные власти распорядились изъять запасы хлеба у крестьян окрестных деревень. В июле с нехваткой мяса столкнулись в Чите. В середине ноября главком сухопутными и морскими вооруженными, действующими против Японии, Н.П. Линевиц признал невозможность наладить снабжение хлебом войск, расположенных в Северной Маньчжурии.

Выяснилось, что как оказалось, ни военная, ни гражданская администрация к востоку от Урала были не способны решить задачу улучшения продовольственного снабжения, а правительство долгое время не обращало внимания на сообщения о начавшихся в Сибири волнениях. Военный губернатор Забайкальской области И.В. Холщевников получал из МВД циркуляры, в которых не содержалось никаких инструкций.

С октября 1905 г. связь со столицей была прервана (в условиях забастовок и саботажа со стороны работников телеграфа и железной дороги). Таким образом, планы на быстрое возвращение военнотружущих Маньчжурской армии были сорваны. Приказы и директивы Н.П. Линевицу (главкому сухопутными и морскими вооруженными, действующими против Японии) и сибирским губернаторам направлялись в Харбин и Читу через Шанхай или даже Токио. Защита Транссиба на участке от Читы до Иркутска входила в обязанность XIII армейского корпуса под командованием генерал-лейтенанта П.А. Плеве. В действительности, в ноябре и декабре 1905 г. весь XIII армейский корпус бунтовал. Развал в органах гражданского и военного управления был очевидным. Приказы о необходимости поддержания дисциплины и сохранении запрета на посещение политических собраний, ни к чему не привели. В октябре 1905 г. дальневосточным властям точно так же не удалось предотвратить солдатский бунт солдат во Владивостоке, где резервисты потребовали отправить их домой и устроили уличные беспорядки.

3 ноября 1905 г. Н.П. Линевиц объявил, что демобилизованным солдатам будет позволено вернуться домой (партиями, в зависимости от даты призыва) морским путем, так как железная дорога была блокирована, но позже он изменил первоначальный план, отдав приказ о транспортировке войск по Транссибу. Для того, чтобы поезда смогли достичь Европейской России, демобилизованным резервистам 4-го Сибирского корпуса предстояло восстановить контроль над Читой и Красноярском. Для окончательного наведения порядка в Сибирь были направлены карательные экспедиции П.К. Ренненкампа (из Харбина) и А.Н. Меллера-Закомельского (из Москвы), хотя, по мнению Я. Кусбера, особой необходимости в них не было, поскольку волна беспорядков уже пошла на спад.

По заключению немецкого историка, восстания в Сибири и на Дальнем Востоке, хотя и довольно многочисленные, не могли иметь решающего значения для свержения самодержавия, поскольку происходили на периферии, и всегда с задержкой во времени. Примечательно, что восставшие солдаты не позволили превратить в себя в инструмент в

руках революционеров — «партийные заботы были им чужды». Старые структуры власти в армии и на флоте хотя и не проявляли себя в течение осени и зимы 1905-1906 гг., в принципе оказались вполне жизнеспособными, так что действия лояльных царскому режиму воинских подразделений (пусть и небольших) и их офицеров, прибегавших к жестким, авторитарным методам, позволили в короткое время восстановить эти структуры и «активировать их функциональный механизм». Вместе с тем, по справедливому замечанию Я. Кусбера, события 1917 года показали, что солдаты усвоили опыт революционных восстаний 1905 года.

Развитие общественно-политической ситуации на Дальнем Востоке в десятилетие, предшествовавшее Февральской революции 1917 г., подверг анализу Дж. Стефан. Историк отмечает, что под влиянием череды восстаний в городах региона эсеры и социал-демократы «пытались перегруппироваться в условиях фракционной борьбы». В 1907 г. в Никольске-Уссурийском социал-демократы провели конференцию; во Владивостоке — сосредоточились на том, чтобы расширить круг своих сторонников, устраивая "открытые" образовательные программы в Народном Доме и ведя пропагандистскую работу среди матросов и солдат гарнизона, членов местных профсоюзов и студентов Восточного института. Эсеры-«максималисты» планировали акции «прямого действия», направленные против царского режима на окраинах империи. В результате их агитации в октябре 1907 г. восстали матросы на трех миноносцах Тихоокеанской эскадры. После подавления восстания эсеры, по словам Дж. Стефана, «бежали в Нагасаки, обмениваясь взаимными упреками».

В течение нескольких следующих лет агенты царской охраны проникли в организации РСДРП в Хабаровске (1908), Владивостоке (1909), Харбине (1910). Члены этих организаций либо оказались в тюрьме, либо вошли в состав других комитетов, либо эмигрировали. В итоге, к началу Первой мировой войны социал-демократы не располагали собственной организационной базой на Дальнем Востоке.

По оценке американского историка, к 1914 г. ситуация в регионе выглядела относительно стабильной. Большинство местных жителей слабо интересовались событиями в Европе, и после объявления всеобщей мобилизации многие решили, что началась новая война с Японией. По определению Дж. Стефана, «местные обстоятельства поддерживали иллюзию нормальной жизни», хотя уже осенью 1914 г. реальность напоминала о себе списками убитых и раненых, антиалкогольной кампанией и ростом

«шпиономании». Одной из жертв таких настроений оказался директор известной фирмы «Кунст и Альберс» А. Даттан, которого журналист Ф. Оссендовский назвал «немецким агентом», добившись, в итоге, его ареста и высылки в Нарым.

По заключению Дж.Стефана, в долгосрочной перспективе царские власти невольно подготовили Дальний Восток к революции. Финансируемые государством переселения после 1907 г. способствовали появлению в регионе тысяч бедных крестьян и батраков, которые не очень дорожили существующим порядком. В условиях начавшейся войны военная и трудовая мобилизация лишила регион более 500 тыс. жителей, что составляло примерно половину от всего сельского населения. Одновременный приток нескольких сотен тысяч беженцев из Украины и Прибалтийских губерний, вместе с тысячами австро-венгерских и немецких военнопленных еще более ослабили социальный фундамент политической стабильности. Понимая, что все это открывает перед ним определенные возможности, Петроградский комитет РСДРП в 1916 г. принял решение вести антивоенную пропагандистскую работу среди рабочих Владивостокского порта, надеясь тем самым нарушить каналы снабжения царской армии, и события следующего года доказали эффективность усилий местных агитаторов.

* * *

Таким образом, в англо- и немецкоязычной историографии активные действия России на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в. в ряде работ (К. фон Цепелин, А. Малоземов, С. Маркс, Р. Квестид, Дж. Стефан) объяснялись причинами военно-стратегического характера — прежде всего, стремлением России защитить свои рубежи от возможного нападения со стороны Японии, Китая или Британской империи. Политико-идеологические факторы (связанные с представлениями об исторической цивилизаторской миссии России в Азии, необходимости противостояния «желтой угрозе») рассматривали Д. Схиммельпеник ван дер Ойе, Дж. Маккензи, А. Малоземов. Об экономических причинах российской экспансии в регионе писали авторы, анализировавшие «политику мирного проникновения» С.Ю. Витте (Б. Сманер, А.А. Лобанов-Ростовский, Р. Квестид Д. Гайер, Дж. Ленсен, А. Трудов и др.).

Определяя круг лиц, причастных к выработке и реализации правительственного курса на Дальнем Востоке, западные исследователи по-разному оценивали их роль и степень ответственности за провал этой политики и военную катастрофу 1904-1905 гг. Вслед за С.Ю. Витте многие историки называли главными виновниками обострения отношений с

Японией А.М. Безобразова и его окружение, противопоставляя им более сдержанную и эффективную политику министра финансов или военного министра А.Н. Куропаткина (Д. Даллин, А.А. Лобанов-Ростовский, Б. Самнер, А. Трудов, Дж. Маккензи и др.). В свою очередь, «политику мирного проникновения» С.Ю. Витте подвергали критике У. Лэнгер, И. Ниш, Г. Шрамм и др. Отмечая общий кризис системы управления, пагубно сказавшийся на развитии ситуации в регионе, ряд историков увязывают его с действиями Николая II, его наместника на Дальнем Востоке, адмирала Е.И. Алексеева (Дж. Стефан) и военного министра А.Н. Куропаткина (К. Курпински, Дж. Маккензи).

В целом западные исследователи, как правило, характеризовали дальневосточную политику самодержавия в рассматриваемый период как «империалистическую» и «агрессивную» (У. Лэнгер, Д. Даллин, Н. Пеффер, И. Ниш, С. Пэйн, М. Ослин, Д. Гайер и др.), нацеленную на экономическую и территориальную экспансию (одним из важнейших направлений которой было активное железнодорожное строительство). По мнению многих авторов, крупный военный конфликт в регионе являлся логическим и почти неизбежным следствием такой политики, а Япония была лишь «жертвой российской агрессии» (К. Курпински, Р. Валлиант, Ф. Патрикеев, Г. Шукман, С. Пэйн, И. Ниш). Все же более объективной представляется позиция тех историков, кто писал не об особой агрессивности российской политики, а о столкновении в регионе интересов нескольких империалистических держав (В. Яхонтов, У. Лэнгер, С. Коткин, Дж. Ленсен, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе и др.)

Социокультурные процессы, обусловившие формирование «национальной» и «региональной идентичности» изучали Дж. Стефан, Ч.Й. Хсу, Д. Вулф и др. Анализируя общественно-политические процессы в регионе, западные историки (Я.Кусбер, Дж.Стефан) вслед за Д. Гайером называют «главным рычагом» революции неудачную войну с Японией и тяготы военного времени. К предпосылкам революционного взрыва 1905-1907 гг. западные исследователи также относят рост забастовочного движения в рабочей среде; деятельность представителей леворадикальных политических партий; недовольство своим положением солдат и матросов. По наблюдениям западных историков, указанные факторы во многом сохраняли свое значение и в межреволюционный период — вплоть до февраля 1914 г.

4.3. Проблемы социально-экономического развития Дальнего Востока

В трудах западных исследователей, посвященных дореволюционной истории российского Дальнего Востока, заметное внимание уделяется проблемам социально-экономического развития региона. В числе наиболее актуальных проблем — история **аграрной колонизации и миграционные процессы** в Приамурье и Приморье; история **дальневосточной торговли; штрафная колонизация Сахалина**.

На рубеже XIX-XX в. к изучению **проблем аграрной истории** российского Дальнего Востока обратились немецкоязычные исследователи, в частности, известные немецкие экономисты К. Виденфельд и В. Клумберг.¹⁰⁹⁹ Указывая на активные усилия государства, направленные на поддержку переселенцев, К. Виденфельд сообщает, что помимо предоставления возможности бесплатного проезда из Одессы во Владивосток, власти стремились обеспечить приток переселенцев, обладающих необходимыми финансовыми средствами, справедливо полагая, что увеличение «пролетарских элементов» в новоприсоединенном крае станет тяжелым бременем для местной администрации и никоим образом не будет способствовать упрочению русского присутствия; к тому же у бедноты, в силу самых разных обстоятельств, будет мало шансов преуспеть.¹¹⁰⁰ Таким образом, если крестьянская семья изъявляла желание переселиться в Уссурийский край, она должна была предъявить свидетельство о наличии капитала в размере 600 руб.

Землю здесь можно было приобрести и в частную собственность, за исключением участков, находившихся непосредственно вблизи Транссибирской магистрали; их разрешалось только арендовать, что было вызвано стремлением не допустить спекулятивной перепродажи земли. Передавая землю в частную собственность, администрация оговаривала возможность объявить покупателя утратившим права собственника, если он в течение трех лет не вложил в обработку своего земельного владения капитал, равный цене покупки или превышающий ее (в зависимости от размера

¹⁰⁹⁹ Wiedenfeld, K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung. Berlin, Heidelberg, 1900; Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich 1914. (Diss.). Zürich, 1914.

¹¹⁰⁰ Wiedenfeld, K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirtschaftlichen Bedeutung. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 1900. S.100. Данный вывод поддерживают и современные отечественные исследователи. Так, В.М. Редчун замечает, что наделение переселенцев землей путём передачи её в собственность побуждало к переезду, как правило, людей трудоспособных, экономически активных; по словам очевидца, «на Амур шли зажиточные, семьянистые и слывшие у себя на родине толковыми людьми, крестьяне». См.: Редчун В.М. К вопросу об особенностях переселенческой политики Российского правительства на Дальнем Востоке во второй половине XIX века: правовой аспект // Культура и наука дальнего Востока. 2017. № 22 (22). С.82-98.

участка).¹¹⁰¹ Тем самым власти намеревались предотвратить скупку земель при отсутствии достаточных средств для ее обработки. При этом китайцам запрещалось покупать землю вблизи городов, хотя в целом в Сибири не существовало каких-либо ограничений по национальному признаку. Очевидно, здесь решающее значение имели соображения политического свойства. К. Виденфельд считал колонизацию Дальнего Востока, связанную с адаптацией русского населения к новым условиям, сильно отличающимся от привычных, задачей «внешней колонизации» (в противовес «внутренней колонизации», характерной для Западной Сибири), в которой решающую роль играла политическая составляющая.

По мнению немецких исследователей, несмотря на льготы, предусмотренные законодательством 1860-х — начала 1880-х гг., переселенческое движение на Дальнем Востоке не было заметным,¹¹⁰² что отчасти объяснялось различиями в природно-климатических условиях, отчасти — удаленностью региона и значительными финансовыми затратами на переезд и обустройство на новом месте. По наблюдениям В. Клумберга, в начале XX в. в правительственных кругах начали распространяться новые настроения, которые позволяли надеяться на развитие и расширение переселенческой политики и «появление либеральных идей» в законодательстве. Выработке нового взгляда на переселенческий вопрос, по мнению исследователя, способствовала инспекционная поездка министра финансов С.Ю. Витте на Дальний Восток, совершенная им в 1902 г. в целях изучения на месте перспектив колонизации региона.

По словам В. Клумберга, министр финансов возлагал большие надежды на мелиоративные и землеустроительные работы; планировал меры по содействию переселениям, расширение компетенции переселенческих комиссий, финансирование медицинских и санитарных служб, развитие коммуникаций, в том числе строительство

¹¹⁰¹ Свободное переселение и значительный 100-десятинный семейный надел являлись условиями переселения, специфическими для Дальнего Востока. См.: Осипов, Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг. Хабаровск, 2008.

¹¹⁰² Данный вывод фактически оспаривает современный отечественный историк Р.Я. Барбенко, исследовавший историю крестьянских переселений в Приморскую область во второй половине XIX в. По его заключению: «В результате крестьянского расселения и водворения крестьянских хозяйств в Уссурийском крае и на Нижнем Амуре Россия получила на крайнем юго-востоке своих владений оседлое, экономически самостоятельное, а главное – лояльное правительству население. Это явилось существенным фактором экономического и военно-политического закрепления Российской империи на Дальнем Востоке. Учитывая нарастающую международную напряжённость и высокую агрессивность конкурентов России в АТР на рубеже XIX – XX вв., именно заселённость «далёкой окраины» позволила русскому правительству вести активную политику в дальневосточном регионе. См.: Барбенко Я.А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в. Дисс... к.и.н. Владивосток, 2010.

железных, гужевых и автомобильных дорог. Все эти идеи были изложены им в отчете, который лег в основу "Временных правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан-земледельцев на казенные земли", принятых 6 июня 1904 г. и ставших важной вехой на пути к объявлению свободы переселений в период столыпинских реформ.¹¹⁰³ Отмечая известные успехи в колонизации Сибири и Дальнего Востока, В. Клумберг все же давал пессимистичный прогноз.

Немецкий исследователь К. фон Цепелин в своем известном труде, посвященном развитию российского Дальнего Востока после войны с Японией, подчеркивал, что российские власти считали необходимым скорейшее заселение Дальневосточного региона, поскольку людские ресурсы соседнего Китая, при определенных обстоятельствах могли стать фактором куда более весомым, нежели армия и флот. Анализируя данные, содержащиеся в работах российских и зарубежных авторов (О. Гебеля, сотрудников Общеземской комиссии под руководством кн. Г.Е. Львова и др.)¹¹⁰⁴, К. фон Цепелин признавал, что не все начинания местных властей удалось довести до конца, хотя довольно высоко оценил результаты деятельности ряда администраторов, в частности, приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти.¹¹⁰⁵

По заключению А.Г. Дорожкина, преимущественно негативная оценка итогов аграрной колонизации Дальнего Востока в пореформенную эпоху сохранялась в немецкоязычной историографии до начала 1980-х гг.¹¹⁰⁶ Новый взгляд на проблему в последней трети XX

¹¹⁰³ В конце XX в. о Дальнем Востоке как «лаборатории» для выработки и апробации нового миграционного законодательства писал американский историк Д. Вулф. См.: Wolff D. *Russia Finds Its Limits: Crossing Borders into Manchuria // Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York, 1995. P.48.

¹¹⁰⁴ Об этом см. тж.: Goebel O. *Volkswirtschaft des Ostbaikalischen Sibiriens um 1909*, Berlin 1910; Casteel J. *On the civilizing mission of the global economy: German observers of the colonization and development of Siberia, 1900–1918 // Governing Globalization Processes in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. Berlin – Heidelberg, 2013. P. 209–210, 222; Смирнов А.Ю. *История общеземской организации, 1904-1914 гг.*: автореф. дис. ... кандидата исторических наук. СПб, 2001; Зуева Н.С. *Переселенческая политика российского правительства на Дальнем Востоке в период столыпинских реформ*: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М., 2016; Филимонов А.В. *Финансирование переселенческого дела на восточных окраинах Российской империи: государственная политика и практики второй половины XIX - начала XX вв.*: автореф.дис. ... кандидата исторических наук. Омск, 2018.

¹¹⁰⁵ Paquet A. *Rec. ad op.: Zepelin C., von. Der Ferne Osten. Seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem russisch-japanischen Kriege*. I-II. Teile. *Russland in Asien*. Bd. VIII. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1907-1909 // *Geographische Zeitschrift*. 1910. 16. Jahrg. H.4. S.236; Paquet A. *Rec.ad op.: Zepelin, C. von. Der Ferne Osten*. III. Teil. *Das Kuestengebiet und Wladiwostok*. *Russland in Asien*. Bd. XI. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1911 // *Geographische Zeitschrift*. 1911. 17 Jahrg., H.12. S.713-714.

¹¹⁰⁶ Noetzold J. *Wirtschaftspolitische Alternativen der Entwicklung Russlands in der Aera Witte und Stolypin*. Berlin (W.), 1966. S.59-64, 94-97; Raupach H. *Geschichte der Sowjetwirtschaft*, Reinbek bei Hamburg, 1968. S.14; Dorozhkin A.G., Makarova N.N., Bezurkov A.V., Popov M.V., Velikanova S.S., Chernykh O.P. *The Resettlement Movement to the Far East During Stolypin's Reform in the Assessments of German-Speaking Russian Experts of the Second Half of the 20th Century // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication - TOJDAC*. March, 2018. Special Edition. P.404-409; Дорожкин А.Г. *Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германоязычной историографии // ОИ*. 2006. № 4. С. 116-135; Дорожкин А.Г. *Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX - начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы*

в. предложили швейцарский историк К. Шписс, австриец А. Морич и немецкие исследователи Д. Ландграф и Л. Деег, опиравшиеся на широкий круг источников (периодическую печать, статистические материалы, мемуарную литературу, справочные издания)¹¹⁰⁷.

Отмечая наличие не только экономических и внутривластных, но и геополитических расчетов в дальневосточной политике самодержавия, указанные авторы признавали, что строительство Транссибирской магистрали, снятие ограничений для переселений и правительственная помощь действительно усилили приток мигрантов в 1907-1914 гг., хотя довольно быстро выяснилось, что ни один государственный орган, в сущности, не был готов принять такое количество переселенцев. По замечанию Д. Ландграфа, рост переселенческого потока превзошел все ожидания, усугубив жилищную проблему, трудности обеспечения новоселов земельными участками, а также усилив нагрузку на систему здравоохранения несмотря на то, что в общем потоке мигрантов, направившихся в Сибирь в период Столыпинской аграрной реформы, доля тех, кто выбрал Дальний Восток, была ничтожной.¹¹⁰⁸

Вслед за исследователями начала XX в.,¹¹⁰⁹ утверждавшими, что в годы реформ наибольший отток переселенцев происходил из наиболее перенаселенных южных, западных губерний и регионов Черноземья, А. Морич и Д. Ландграф установили, что основными регионами происхождения дальневосточных переселенцев были Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии (в первых трех аграрный вопрос был наиболее острым). Кроме того, часть переселенцев составляли выходцы с Урала. К переезду их вынуждала сложная ситуация, в которой оказались уральские предприятия в условиях постоянно растущей конкуренции со стороны металлургов Юга России. Основной приток мигрантов был из Центрально-Черноземного

// Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. мат. регионал. науч. конф. Новосибирск, 2007. С.41-49.

¹¹⁰⁷ Spiess K. Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897-1970. Zuerich, 1980. S.27-28; Moritsch A. Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien-Koeln-Graz, 1986. S.178; Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin. 1847-1917. Muenchen, 1989. S.697; Deeg L. Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864-1924. Essen, 1996. S.206. О роли геополитического фактора в переселенческой политике см.тж: Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С.220-231.

¹¹⁰⁸ Landgraf D. Amur, Ussuri, Sachalin. 1847-1917. Muenchen, 1989. S.736-737, 812.

¹¹⁰⁹ Dietze C. Stolypinsche Agrarreform und Feldgemeinschaft. Berlin, 1920. S.69-70; Moritsch A. Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution. Wien-Koeln-Graz, 1986. S.153, 181, 184. Dorozhkin A.G., Makarova N.N., Bezurkov A.V., Popov M.V., Velikanova S.S., Chernykh O.P. The Resettlement Movement to the Far East During Stolypin's Reform in the Assessments of German-Speaking Russian Experts of the Second Half of the 20th Century // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication - TOJDAC. March, 2018. Special Edition. P.404-409.

района, хотя и здесь, переселения поглотили только половину естественного прироста населения. Западные исследователи признали, что в целом отток населения в ряде регионов Европейской России улучшил ситуацию, хотя значение этого фактора не следует переоценивать.

Анализируя условия, с которыми сталкивались переселенцы в местах водворения, К. Шписс и Д. Ландграф отмечали, что землеустроительные работы часто проводились небрежно, что приводило к ожесточенным спорам между крестьянами и самовольным захватам необработанных земельных участков. В целях упорядочения выделения земли новоселам в 1907 г. был издан указ, который обязывал семьи потенциальных переселенцев заблаговременно направлять на Дальний Восток ходяков.¹¹¹⁰

В ряде районов Приамурья и Приморья довольно быстро обнаружилась нехватка свободных земель. Как следствие, переселенцам часто выделяли бедные или болотистые земли, малопригодные для земледелия. Крестьяне с трудом адаптировались к дальневосточному климату, страдая от нехватки пресной воды и отсутствия лесных массивов. Кроме того, многие крестьянские хозяйства не располагали достаточным количеством работников и капиталом. Все это предопределило заметную "обратную миграцию" с Дальнего Востока.¹¹¹¹ Одновременно часть переселенцев устремлялась в города, что привело к более высоким темпам урбанизации на Дальнем Востоке в сравнении с остальными регионами империи.¹¹¹²

Тем не менее, как замечает А.Г. Дорожкин, политику П.А. Столыпина на восточных окраинах империи указанные авторы не считали неэффективной. Так, Л. Деег, отмечал рост численности сельского населения на Дальнем Востоке; интенсификацию сельскохозяйственного производства; расширение использования сельскохозяйственной техники; улучшение качества жизни переселенцев, сумевших обзавестись собственным хозяйством; постоянно растущий спрос на различные потребительские товары. Вместе с тем, К. Шписс полагал, что правительству не удалось создать на Дальнем Востоке слой среднего крестьянства, самостоятельного, ориентированного на рыночное производство

¹¹¹⁰ Spiess K. *Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897-1970.* Zuerich, 1980. S.101; Landgraf D. *Amur, Ussuri, Sachalin. 1847-1917.* Muenchen, 1989. S.747-752.

¹¹¹¹ Вернувшись в родные места, крестьяне распространяли сведения, заставлявшие односельчан отказаться от идеи о переселении. Впрочем, по замечанию Д. Ландграфа, доля «вернувшихся» с Дальнего Востока была ничтожна в сравнении с общесибирским показателем, а с 1912 г. поток вернувшихся уменьшился и в относительном выражении. См.: Landgraf D. *Amur, Ussuri, Sachalin. 1847-1917.* Muenchen, 1989. S.753, 811.

¹¹¹² Spiess K. *Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897-1970.* Zuerich, 1980. S.15, 17-19, 34-35; Landgraf D. *Amur, Ussuri, Sachalin. 1847-1917.* Muenchen, 1989. S.737-738, 754.

и лояльного к властям.¹¹¹³ Вместо слоя зажиточных крестьян возник слой пролетариата и усилилось социальное расслоение, что, в свою очередь, способствовало развитию капиталистических отношений в дальневосточной деревне. В целом в 1980-1990-е гг. немецкоязычные историки признавали как достижения, так и проблемы переселенческого дела в Сибири и на Дальнем Востоке, придерживаясь «компромиссной» позиции.¹¹¹⁴

В англоязычной историографии одним из первых о проблемах хозяйственного развития российского Дальнего Востока после присоединения Приамурья и Приморья писал Э.Г. Равенштейн.¹¹¹⁵ Результаты казачьей и крестьянской колонизации Приамурья в 1850-начале 1860-х гг. британский исследователь оценил как не очень значительные, хотя и признал, что окончательные итоги подводить рано.¹¹¹⁶ По словам Э.Г.Равенштейна, царской администрации так и не удалось превратить Приамурье в продовольственную базу для снабжения всего Тихоокеанского побережья, и залив Де-Кастри не превратился в оживленный центр международной торговли. В дальнейшем освоение Приамурья требовало все новых расходов, поскольку колонисты не могли себя прокормить, а необходимые товары приходилось ввозить из Сибири. Британский исследователь также упомянул о планах правительства переселить в Приамурье немцев-меннонитов из южных губерний России, которые, заметим от себя, так и не были реализованы.

Вывод о провале попытки превратить Приамурье в продовольственную базу в XX в. поддержали историки-эмигранты — И.И. Гапанович, Д. Даллин, А. Малоземов¹¹¹⁷. В своей известной монографии А. Малоземов также упоминает о трудностях, связанных с содержанием флота; сложных взаимоотношениях с китайцами, производившими больше

¹¹¹³ Более высокую оценку итогов реализации программы столыпинских реформ на Дальнем Востоке дает Л.И.Галлямова, полагающая, что реформа «дала мощный импульс развитию всех сфер экономики региона и имела весьма глубокие социальные последствия», а также способствовала закреплению Дальнего Востока за Россией. См.: Галлямова Л.И. Особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте реформ П.А. Столыпина // Вестник ДВО РАН. 2013. № 1. С.73-80.

¹¹¹⁴ Подробнее см.: Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX - начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века: Сб. мат. регионал. науч. конф. Новосибирск, 2007. С.41-49.

¹¹¹⁵ Ravenstein E. Russians on the Amur: its Discovery, Conquer and Colonization. London, 1861.

¹¹¹⁶ Современный отечественный историк О.А. Сергеев выделяет три значительных потока в истории переселения казаков на Дальний Восток: первый пришелся на 1855-1862 гг.; второй имело место в 1879 г.; третий этап переселений продолжался с 1895 по 1914 гг. Примечательно, что итоги первого этапа оцениваются им как вполне успешные. По словам историка, к началу 1860-х гг. была реализована основная задача - заселение территорий по Амуру и Уссури и обеспечение их обороны и хозяйственного освоения. См.: Сергеев О.И. Заселение юга Дальнего Востока России донскими казаками (конец XIX - начало XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С.5-9.

¹¹¹⁷ Gapanovich J.J. Russian Expansion on the Amur // China Journal. 1931. Vol. XV. No.4; Gapanovich J.J. Sino-Russian Relations in Manchuria, 1892-1906 // Chinese Social and Political Science Review. 1933. Vol. XVII; Dallin D. The Rise of Russia in Asia. New Haven, 1949.

товаров, чем их северные соседи, и контролировавшими всю торговлю в районе реки Уссури. А. Малоземов пришел к выводу, что в условиях слабой экономической базы и неразвитых коммуникаций у России было мало шансов на улучшение торговых отношений с Китаем.¹¹¹⁸

В конце XX в. западные исследователи, изучавшие историю российского Дальнего Востока, уделяли более пристальное внимание **проблеме миграций** на российский Дальний Восток из сопредельных стран — Китая, Кореи и Японии. Так, американский историк, сотрудник Мичиганского университета Л.Х. Сигельбаум, опираясь на сведения, почерпнутые из работ западных (Дж. Ленсен, А. Малоземов и др.), дореволюционных (И.П. Ювачев, А.В. Елисеев) и советских (П.Ф. Борзунов) исследователей, анализировал роль китайских переселенцев в социально-экономическом развитии российского Дальнего Востока, их взаимоотношения с местным русским населением, а также миграционную политику центральных и местных властей в дореволюционный период.¹¹¹⁹

В статье, опубликованной в 1978 г., Л.Х. Сигельбаум упомянул о слабом интересе предшествующей историографии к данной теме, несмотря на то, что масштабы миграций из Китая в сопредельные регионы России были чрезвычайно велики. Автор приводит в этой связи свидетельство британского журналиста Дж. Фрейзера, который во время посещения Хабаровска (с населением в 15 тыс. чел.) в 1901 г. отмечал, что 5 из 6 встреченных им жителей были китайцами. Такую же картину можно было наблюдать в Чите, Благовещенске, Николаеве-Уссурийском, Владивостоке.¹¹²⁰

Давая краткий очерк колонизации Приамурья и Приморья русскими во второй половине XIX в., американский историк напоминает, что генерал-губернатор Н.Н. Муравьев стремился не только создать оборонительную линию вдоль Амура, но и превратить регион в продовольственную базу для снабжения всей Восточной Сибири, что стимулировало первые попытки заселения территории российскими подданными. Еще до подписания Айгунского договора из Забайкалья в Амурско-Уссурийский бассейн были переселены казаки. В начале 1860-х гг. к ним присоединились крестьяне из Южной России, в основном из числа наемных работников, а не домовладельцев. Впрочем, все

¹¹¹⁸ Malozemoff A. Russian Far Eastern policy: 1881-1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese War. Berkeley, 1958. P.19.

¹¹¹⁹ Siegelbaum L.H. Another "Yellow Peril": Chinese Migration in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // Modern Asian Studies. 1978. Vol. 12. No.2. P.307-330.

¹¹²⁰ Fraser J.F. The Real Siberia. London, 1902. P.91.

закончилось неудачно, поскольку многие колонисты погибли или вернулись на родину.¹¹²¹

Л.Х. Сигельбаум перечисляет факторы, способствовавшие ослаблению правительственного интереса к Дальнему Востоку. В их числе — отставка и отъезд Н.Н. Муравьева в 1861 г.; продажа российских владений в Северной Америке; внешнеполитические задачи России на Балканах и в Центральной Азии; поставки основной массы чая из китайских портов через Суэцкий канал. В 1860-1870-х гг. лишь немногие крестьяне, не получая никакой финансовой помощи, добирались в эти края.

Интерес правительства к Дальнему Востоку возобновился в 1880-х гг., что объяснялось рядом взаимосвязанных причин. Российская интервенция и частичная оккупация китайского Туркестана привела Российскую и Цинскую империи на грань войны в 1880-1881 гг. Спор был разрешен путем заключения Санкт-Петербургского договора 14 февраля 1881 г., но отношения оставались напряженными. Все это, вкуче с открытием Кореи для иностранной торговли; перспективами расширения торговых связей с Маньчжурией и открытием богатых месторождений золота в Амурско-Зейской долине высветили стратегическое и экономическое значение российских дальневосточных территорий, что, в свою очередь, привлекло к ним внимание населения азиатских стран, в первую очередь, китайцев.

Несмотря на то, что маньчжурская династия долгое время запрещала китайским подданным селиться в северных районах империи, считая эти территории своей вотчиной, следить за выполнением этого запрета было трудно. Помимо заключенных, трудившихся на казенных сельскохозяйственных предприятиях, население региона пополняли нелегальные переселенцы, которые начали проникать в Северную Маньчжурию еще в конце XVIII - начале XIX вв.; часть из них продвинулась еще дальше и поселилась в плодородной долине реки Зейя к северо-востоку от Амура. В основном это были крестьяне, бежавшие от голода и долгов. В 1850-х гг., во время восстания тайпинов, миграции на север только усилились.

Наряду с сельскохозяйственными поселениями в Амурско-Зейской долине, которые наблюдал еще Н.Н. Муравьев, другим местом концентрации китайского населения на российской территории были районы, прилегающие к реке Уссури. Таким образом,

¹¹²¹ Siegelbaum L.H. Another "Yellow Peril": Chinese Migration in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. Vol. 12. No.2. P.309; См. тж: Lensen G.A. *Russia's Eastward Expansion*. New York, 1964. P.96-103; Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Амурский. В 2-х тт. М., 1891. Т.2. С.150-151, 168-188; Надеин П. Пятидесятилетие Амурского края, 1854-1904 гг. // *Вестник Европы*. 1905. Т. 3. С.179, 181-184.

миграции китайцев и в Приамурье, и в Уссурийском крае явились продолжением колонизации Северной Маньчжурии, инициированной китайским правительством на рубеже 1870- 1880- х гг. в целях противодействия экспансии России и Японии.

Приток населения из Центрального Китая превратился в масштабную миграцию, которая продолжилась и в XX в. В Приамурье и Приморье китайские крестьяне выращивали овощи для быстро растущего населения городов и строителей железной дороги. Л.Х. Сигельбаум признает, что количество китайцев, пересекавших Амур и Уссури для занятия охотничьим промыслом, сельским хозяйством или торговлей, было невелико, если сравнивать с населением Северной Маньчжурии, но они образовали заметную диаспору в сравнении с русским населением региона, а с учетом незарегистрированных их доля была даже выше. Зачастую китайские мигранты оказывались намного успешнее русских колонистов.

После 1881 г. политика царского правительства заключалась в том, чтобы побудить русских подданных к заселению дальневосточных территорий и в то же время максимально ограничить приток нерусского населения. В 1886 г. Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф организовал «съезд сведущих людей» в Хабаровске, по итогам которого принял решение о выселении китайцев, проживавших на расстоянии более 50 верст от российской границы.¹¹²² В мае 1888 г. Государственный совет, действуя по рекомендации Приамурского генерал-губернатора, ввел, по определению американского историка, «подушный налог» для всех китайских мигрантов с явной целью ограничения их притока в Россию.¹¹²³ В связи с начавшимся строительством Транссибирской магистрали (участка Хабаровск-Владивосток) китайские фермеры были выселены из Уссурийского края.

Последнее десятилетие XIX в. историка называет «вехой» в истории китайской миграции на российский Дальний Восток. В 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткина

¹¹²² См. тж: Ювачев И.П. Борьба с хунхузами на Маньчжурской границе // Исторический вестник, 1900. Т. XXXII. С. 181-183; Елисеев А.В. По Южно-Уссурийскому краю // Исторический вестник. 1891 г. Т. XVIII. С. 449.

¹¹²³ 17 мая 1888 г. Александр III утвердил предложение Государственного мнение наделить Приамурского генерал-губернатора правом ("в виде опыта на 10 лет") устанавливать по своему усмотрению особые сборы с проживавших в крае китайцев и корейцев, не владевших недвижимостью и не занимавшихся торговлей. Подробнее см.: Позняк Т.З. Российская иммиграционная политика в отношении выходцев из Китая на Дальнем Востоке во второй половине XIX - начале XX в. // Известия Восточного Института. 2013. № 22 (2). С. 7-24; Сорокина Т.Н. "Вопрос о сокращении китайской торговли" в Приамурском крае на рубеже XIX - XX вв.: мнения и практика // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. С. 264-287; Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX - начало XX вв.). Владивосток, 2004.

заговорил об угрозе перехода дальневосточных земель в руки представителей «желтой расы», однако численность китайского населения в регионе только увеличивалась, что объяснялось растущим спросом на рабочую силу на строительстве железной дороги¹¹²⁴ и на золотых приисках (первые упоминания о китайских старателях в Приамурье связаны с так называемой Желтухинской республикой 1884-185 гг.).

Как сообщает Л.Х. Сигельбаум, большинство китайских рабочих, нанятых китайскими подрядчиками¹¹²⁵ и прибывавших во Владивосток на пароходах, были неквалифицированными; их заработки были ниже, чем у других категорий рабочих. Формально китайские рабочие нанимались на тех же условиях, что и русские, но на практике находились полностью во власти подрядчиков, жили и работали отдельно от русских рабочих и не участвовали в забастовках.

По заключению автора несмотря на то, что русское население Дальнего Востока зависело от поставок китайского продовольствия, промышленных товаров, а также труда китайских мигрантов, оно едва ли демонстрировало толерантное отношение к азиатам, жившим под постоянной угрозой выселения. Местные власти столкнулись со следующей дилеммой: руководя заселением Приамурья и содействуя российскому доминированию в Маньчжурии, они вынужденно зависели (по крайней мере, временно) от услуг, предоставлявшихся теми, против кого была направлена политика русификации и «империалистической экспансии». Российское общество на Дальнем Востоке, связанное с остальными регионами империи одноколейным Транссибом, не могло выжить без большого количества китайских мигрантов, но в то же время данное требование подчеркивало условный характер российской гегемонии в регионе.

Двусмысленность данной ситуации должна объяснить двойственность российской политики в отношении китайских мигрантов. С одной стороны, ограничения в сфере землевладения и высокие паспортные пошлины применялись лишь выборочно и спорадически. Во время "боксерского восстания" в Маньчжурии почти всё китайское население Благовещенска и окрестностей (около 3 тысяч человек) было уничтожено

¹¹²⁴ Л.Х. Сигельбаум, ссылаясь на работу В.Ф. Борзунова, приводит данные переписи рабочих, согласно которым в 1897 г. на строительстве Транссибирской магистрали трудилось 15 700 иностранных рабочих (27,4% от общего количества), среди которых самую большую группу составляли китайцы (9 500 чел.). См.: Siegelbaum L.H. Another "Yellow Peril": Chinese Migration in the Russian Far East and the Russian Reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. Vol. 12. No.2. P. 311; Борзунов В.Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. М., 1965. С.23.

¹¹²⁵ По предположению историка, схема трудоустройства была та же, что в середине XIX в. позволяла десяткам тысяч китайцев отправляться на золотые прииски в Калифорнии, Канаде, Австралии, Новой Зеландии.

русскими войсками и полицией, но спустя несколько лет не предпринималось никаких мер, чтобы помешать притоку китайцев в Приамурье.

Наконец, в период, непосредственно предшествовавший Первой мировой войне, было принято законодательство, запрещавшее нанимать китайских работников на предприятия в различных отраслях, однако государство продолжало зависеть от «желтого труда» для добычи золота на имперских приисках в Забайкалье. Можно было предположить, что правительство было заинтересовано в сокращении числа китайских старателей на частных приисках, к большому неудовольствию владельцев, но когда стало ясно, какое количество людских ресурсов потребуется для нужд армии во время войны, правительство разрешило нанимать китайских рабочих не только на приисках, но и на строительстве железной дороги, и в сельском хозяйстве.

Выводы, к которым пришел Л.Х. Сигельбаум, в целом поддержал его соотечественник Дж. Стефан, уделивший в своей монографии значительное внимание и другим национальным диаспорам. Американский историк заметил, что несмотря на то, что после 1860 г. китайские поселения в Приамурье и Приморье официально находились под юрисдикцией Цинской империи, фактически они были самоуправляющимися. Гильдии ("землячества", хуэйфан), находившиеся в районе Сихотэ-Алинь, возглавлялись старейшинами, которые решали самый широкий круг вопросов, сами вершили правосудие и организовывали силы самообороны. Их власть также распространялась на аборигенное население, которое зависело от них в разных сферах, от поставок продовольствия до найма на работу.

Несмотря на определенную автономность своего существования, китайские мигранты оказывали существенное влияние на развитие региона и «добавили космополитичный оттенок русской провинциальной жизни».¹¹²⁶ Дж. Стефан приходит к выводу о мирном сосуществовании русского и китайского населения, хотя признает, что отношение русских к выходцам из Китая было неоднозначным. Возникновение своеобразного «гибридного языка», на котором общались русские и китайцы, свидетельствовало о высокой степени их взаимовлияния и взаимодействия.¹¹²⁷ С другой стороны, находясь под впечатлением от

¹¹²⁶ Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. P.71.

¹¹²⁷ Современные отечественные специалисты не склонны преувеличивать степень этого взаимопроникновения, полагая, что «самый серьезный барьер для российского проникновения, который не был преодолен за все 300 лет присутствия России на берегах Тихого – её принадлежность к европейской культуре». Именно этим обусловлен «скорее отрицательный, чем положительный опыт взаимодействия с крупнейшими восточноазиатскими государствами, как и опыт управления небольшими по численности азиатскими народами, расселенными на ее территории». См.: Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-

поражения в войне с Японией и внимая предсказаниям тех, кто заявлял о «желтой угрозе», русские власти относились к азиатским диаспорам с подозрением. Для этого, впрочем, имелись определенные основания, если принять во внимание криминальные аспекты деятельности китайцев, в частности, масштабы производства опиума или контрабанды, процветавшей на всем протяжении русско-китайской границы.¹¹²⁸

Преимущественно мирными и взаимовыгодными представляются автору взаимоотношения русского населения и корейской диаспоры. В 1884 г. после заключения торгового договора между Санкт-Петербургом и Сеулом корейцы, проживавшие в России, приобрели легальный статус и получили участки земли в 15 десятин. Те, кто прибыл после 1884 г., могли стать российскими подданными при условии проживания в регионе не менее пяти лет. В период с 1898 по 1917 гг. примерно четверть всех корейцев в Приамурье были российскими подданными.

Дж. Стефан подчеркивает, что в отличие от китайцев, предпочитавших общаться с соплеменниками, корейцы довольно быстро ассимилировались, учили русский язык и принимали православие. Их дети учились в русских школах и становились коммерсантами, сотрудниками телеграфа и почты, ветеринарами, школьными учителями, формируя ядро русско-корейской буржуазии. В то же время они сохраняли свою национальную идентичность и связь с родиной предков. Во Владивостоке у корейцев была своя администрация, в круг обязанностей которой входил сбор налогов, распределение благотворительной помощи, содействие трудоустройству и проведение праздничных мероприятий.

По наблюдениям американского историка, С.М. Духовской и Н.И. Гродеков продолжили наступление, начатое А.Н. Корфом, и ликвидировали некоторые китайские организации в Хабаровске и Владивостоке, пытаясь русифицировать корейскую молодежь и переселяя корейцев из стратегически важного района бухты Посьета на земли, прилегающие к притокам Уссури в Сихотэ-Алинь. Однако усилия русских властей, направленные на русификацию корейцев, лишь усиливали их привязанность к родному языку и культуре.

Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII – первая половина XX в.). Владивосток, 2013. С.15.

¹¹²⁸ Так, контрабандисты вывозили в Китай от 20 до 60% всего золота, добытого в Приамурье. В контрабанде участвовали и хунхузы, хотя они предпочитали обогащаться более прямыми способами, нападая на приграничные селения и грабя их. Иногда хунхузы проникали вглубь территории и нападали на поселения, расположенные вдоль реки Ханка или залива Петра Великого. Во время войны с манзами в 1868 г. хунхузы разрушили несколько деревень в окрестностях Владивостока. См.: Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. P.71-72.

Понятие "желтой угрозы", возникнув в российском дискурсе в 1890-х гг., наполнилось особым смыслом на Дальнем Востоке во время Русско-японской войны, когда стало известно, что Япония вербовала китайцев и корейцев в качестве агентов. Если в Санкт-Петербурге "желтая угроза" приобрела форму китайско-японского союза против России, то на Дальнем Востоке она приобрела демографический и торговый «облик». Приамурский генерал-губернатор П.Е. Унтербергер (1906-1910) «атаковал» корейцев, забывая, что они были, скорее, жертвами, а не пособниками японской имперской экспансии. По мнению генерал-губернатора, корейцы были опаснее китайцев, поскольку поселялись в России навечно, намереваясь создать «государство внутри государства» и помогая врагам создать «разветвленную шпионскую сеть». Отказавшись от политики русификации, которую проводил Н.И. Гродеков, П.Е. Унтербергер пытался выдвить корейцев из Приморья.

Впрочем, позиция русских властей в этом вопросе могла меняться в зависимости от обстоятельств. После 1905 г., когда Япония все больше подчиняла себе Корею, ссыльные корейцы, проживавшие на юге Приморья, усилили политическую агитацию, тренировали бойцов, нападая на местных японцев, а в 1908 г. совершили вооруженный набег на другой берег реки Туманной. Когда кореец из Владивостока убил японского государственного деятеля Ито Хиробуми в Харбине в 1909 г., Токио потребовал от Санкт-Петербурга принять меры в отношении корейских экспатриантов. Русские власти ответили высылкой нескольких активистов в Иркутск, но не запретили корейским националистам выпускать их газеты.

Среди выходцев из Восточной Азии, наименее многочисленной среди выходцев была японская диаспора. К 1900 г. общее количество японцев, проживавших на территории российского Дальнего Востока, не превышало 4 тыс.чел., из которых около 70% были выходцами из Нагасаки. Свою малочисленность японцы компенсировали организованностью.¹¹²⁹ Ввиду того, что Санкт-Петербург не разрешил открыть консульство во Владивостоке, Токио полагался на своих «торговых агентов» - таких как Севаки Хитоза и Каваками Тошихико.¹¹³⁰

¹¹²⁹ «Общество японцев, проживающих во Владивостоке», созданное в 1876 г. и выступавшее в роли посредника между японским населением и российскими властями, имело свои отделения в Раздольном, Никольске, Имане, Хабаровске, Благовещенске, Николаевске, Александровске (на Сахалине), Зее, Нерчинске, Сретенске, Чите и Иркутске. Все японцы, проживавшие на Дальнем Востоке России, должны были зарегистрироваться и платить налоги.

¹¹³⁰ Как замечает Дж.Стефан, наряду с «торговыми агентами» в Приамурье, а с 1882 г. - во Владивостоке, активно действовала японская военная разведка, чему способствовала открытость границ и благодушие официальных

В отличие от китайцев и корейцев, японцы не занимались сельским хозяйством, предпочитая торговлю и сферу услуг.¹¹³¹ Кроме того, их исключительной «вотчиной» оставалась рыболовная отрасль, поскольку по условиям Санкт-Петербургского договора 1875 г. за японским населением, проживавшим на Сахалине, было сохранено право оставаться на острове и заниматься прежними промыслами с освобождением от портовых пошлин в Корсакове на 10 лет. Произвольно трактуя предусмотренное договором право действовать вблизи берегов, японские рыболовы вошли в устье Амура и возвели склады и перерабатывающие предприятия в Николаевске.

Все это позволило им развивать прибрежное рыболовство и переработку с удивительным размахом, что побудило российские власти уже в 1880-х гг. принять ряд мер, направленных на постепенное выдавливание японских рыбопромышленников с острова. Впрочем, после Русско-японской войны ситуация лишь усугубилась.¹¹³² Портсмутский договор 1905 г. и рыболовная конвенция 1907 г. не только гарантировали японцам доступ в водные артерии Дальнего Востока, но и позволили им нанимать собственных рабочих — привилегию, которой предприниматели пользовались особенно активно на Камчатке.¹¹³³

В целом, по заключению Дж. Стефана, нежелание местных властей проводить более жесткую миграционную политику объяснялось, прежде всего, зависимостью экономики Дальневосточного региона от миграции рабочей силы и деятельности мелких предприятий, созданных выходцами из сопредельных азиатских стран. Историк замечает, что потребовалось еще несколько десятилетий и более жесткая идеология, чтобы

русских властей, притуплявшее их бдительность. Шпионажем также занимались националистические организации "Общество реки Амур" и "Общество черного океана", собиравшие ценную информацию с помощью агентов, говоривших на китайском и корейском языках. См.: Stephan J. *The Russian Far East: a history*. Stanford, 1994. P.71-82.

¹¹³¹ По словам американского историка, растущий международный престиж Стране Восходящего Солнца позволил японцам, проживавшим в Приамурье, отделять себя от китайцев и корейцев. По своему социальному статусу они были ближе к европейцам. Впрочем, это не трансформировалось в дружелюбное отношение к ним со стороны широких слоев населения. Внезапное нападение адмирала Того Хэйхатиро на Порт-Артур в феврале 1904 г. породило стереотипное представление русских о двуличии японцев, аналогично тому, как нападение на Перл-Харбор вызвало стойкое недоверие к японцам у американцев. Сближение Санкт-Петербурга и Токио в 1906 г. хотя и сопровождалось официальными проявлениями дружеского расположения, не развеяло недоверчивого отношения к японцам среди простых людей. См.: Stephan J. *The Russian Far East: a history*. Stanford, 1994. P.71-82.

¹¹³² Немецкая исследовательница Э.-М. Столберг также полагает, что заключение Портсмутского мира в 1905 г., по которому Россия уступила Японии права на рыбную ловлю в Беринговом и Охотском морях, привело к нарушению российского суверенитета и ознаменовало начало экономической гегемонии Японии на Дальнем Востоке. По данным исследовательницы, в 1907-1911 гг. "Мицубиси", "Мицуи" и другие компании импортировали 6,3 млн пудов рыбы, выловленной в тихоокеанских водах России. См.: Stolberg E.-M. "The Unknown Enemy": The Siberian Frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s-1920s // *Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-1905*. Folsom, 2007. P. 46-62.

¹¹³³ Stephan J. *The Russian Far East: a history*. Stanford, 1994. P.71-82.

достигнуть цели, поставленной в свое время Н.Л. Гондатти¹¹³⁴ - обеспечить на Дальнем Востоке подавляющее большинство русского населения в противовес малочисленному "желтому" населению.

В ряде работ англо- и немецкоязычных исследователей рассматриваются проблемы развития **дальневосточной торговли** в дореволюционный период. В 1996 г. немецкий журналист Л. Деег опубликовал монографию, посвященную компании «Kunst und Albers» — первой иностранной торговой фирме, действовавшей на российском Дальнем Востоке с 1864 г. Автор, не владевший русским языком, не использовал документы из российских архивов, опираясь преимущественно на документы из частных коллекций, принадлежавших потомкам немецких предпринимателей Г. Кунста, Г. Альберса и А. Даттана. Книга состоит из восьми глав, в 6 из которых описывается история компании с 1864 по 1924 гг.¹¹³⁵

По мнению Л. Деэга, российская экспансия на Дальнем Востоке в середине XIX в. была обусловлена имперскими амбициями и желанием взять реванш за поражение в Крымской войне, в итоге Россия стала участницей «империалистической гонки». Автор показывает сложную внутривосточную и международную обстановку, в которой приходилось работать сотрудникам фирмы.¹¹³⁶

Внешние потрясения сопровождалась многолетней и непримиримой враждой, которая велась в руководстве фирмы между ее владельцами, однако к катастрофическим последствиям привел не внутренний конфликт, а начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война. Несмотря на то, что владельцы компании к тому времени уже являлись российскими подданными, они были немцами, а значит многими воспринимались как

¹¹³⁴ Дж. Стефан описывает, как попытки генерал-губернатора Н.Л. Гондатти (1910-1917) установить более жесткий контроль над выходцами из Азии (в частности, надеть браслеты на всех легальных китайских мигрантов, и отправить в Китай остальных) натолкнулись на сопротивление в Государственной Думе, где большевики поддержали представителей золотопромышленников, возражавших против любых ограничительных мер в отношении китайских мигрантов. По словам Дж. Стефана, в конечном счете, победили законы спроса и предложения. С началом войны в 1914 г. Н.И. Гондатти был вынужден санкционировать прием китайских рабочих на работу в Харбине, чтобы избежать нехватки рабочих рук. Только в 1916 г. в Приамурье прибыло около 50 тыс. китайцев. См.: Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. P.81.

¹¹³⁵ Первая глава содержит отрывки из дневника Адольфа Даттана с описанием его жизни после завершения ссылки в 1919 г., в условиях польхавшей в Сибири Гражданской войны. В 8-й главе помещены отрывки из воспоминаний одного из сотрудников - Карла Баера, написанных в 1939-м году по случаю 75-летия фирмы. В них, в частности, отражена повседневная жизнь сотрудников компании, работавших в Приамурье. См.: Deeg L. Kunst und Albers, Wladivostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864-1924. Essen, 1996; Deeg L. Kunst and Albers Vladivostok. The history of a German Trading Company in the Russian Far East (1864-1924). Vladivostok, 2012. 384 p.

¹¹³⁶ Так, во время войны с Японией было разрушено отделение компании в Порт-Артуре; в 1905 г. сгорела штаб-квартира во Владивостоке. Однако компания Kunst & Albers выстояла и воздвигла еще более внушительное здание на городском бульваре.

«враги», чем не преминули воспользоваться конкуренты. Кампанию против «Kunst & Albers» возглавил польский журналист Ф.А. Оссендовский, опубликовавший в 1915 г. книгу о «немецких агентах», действовавших в России, и добившийся своего с помощью шантажа и поддельных документов.

Главной жертвой кампании, начатой Ф.А. Оссендовским, стал совладелец фирмы и руководитель отделения во Владивостоке Адольф Даттан, высланный в 1915 г. во внутренние районы Сибири как «немецкий шпион». Младший совладелец Альфред Алберс был призван в царскую армию. Компания продолжала работать в России до середины 1920-х гг., пока не была ликвидирована Советской властью. Управляющие перебрались в Китай, и окончательно свернули свое предприятие в годы Второй Мировой войны.

По мнению автора, успех немецкой фирмы, действовавшей на Дальнем Востоке во второй половине XIX – первой половине XX в. и представлявшей собой «одновременно банк, транспортную компанию, вино-водочный завод, страховое и билетное агентство», свидетельствовал о колоссальном экономическом потенциале региона. Принадлежавшие «Kunst und Albers» здания стали первыми сооружениями за Уралом, в которых было проведено электричество. Компания содержала более трех десятков магазинов и небольших представительств в населенных пунктах российского Дальнего Востока и Маньчжурии, а также имела своих торговых агентов в Европе, Японии и США.

Показав экономические связи, некогда существовавшие между Россией и Германией, Л. Деег признал, что для европейцев Владивосток остается загадочным местом, которое так и не было нанесено на их "ментальную карту". Во многом этому способствовало то обстоятельство, что город был закрыт для иностранцев до начала 1990х гг. Л. Деег задается вопросом, превратится ли Владивосток в мировой промышленный центр или так и останется портом, через который вывозятся природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока.

В одном из разделов монографии Дж. Стефана дается общий взгляд на развитие дальневосточной торговли, связанной, по определению автора, «с нарастающей международной экономической деятельностью в Северо-Восточной Азии».¹¹³⁷ Дж.

¹¹³⁷ Дж. Стефан пишет, что британская торговля, центром которой был Гонконг и бассейн реки Янцзы, распространялась на север, особенно после того как заключение англо-японского союза в 1902 г. и англо-русского в 1907 г. устранило имперское соперничество. Немецкие предприниматели проникали в Приамурье из Европейской России и Северного Китая. Американские торговцы активизировались в Северо-Восточной Азии по мере того, как были построены трансконтинентальные железные дороги и приобретены территории в Тихоокеанском регионе

Стефан полагает, что в середине XIX в. почву для развития международных торговых связей подготовила Крымская война. Американцы, снабжавшие русские поселения на Охотском побережье, в обход британской блокады, увидели коммерческий потенциал Амура, как артерии, соединяющей Китай и Тихоокеанский регион. В свою очередь, Санкт-Петербург искал противовес англичанам в Тихом океане и был готов откликнуться на инициативы американцев. В 1856 г., когда калифорнийские предприниматели Б. Пейтон и П.М. Коллинз обратились к Н.Н. Муравьеву с предложением учредить на Амуре американскую торговую компанию, а также содействовать организации судоходства в Тихом океане, сооружению железной дороги от Байкала до Амура и колонизации Приамурья, первоначальная реакция генерал-губернатора была положительной.

Впрочем, в Санкт-Петербурге большую часть проектов отвергли, позволив американцам лишь вести торговлю на Амуре. В то же время многие жители региона полагали, что местная торговля должна целиком находиться в руках русских купцов. Как указывает Дж. Стефан, со временем Н.Н. Муравьев стал разделять вторую точку зрения, руководствуясь как прагматическими, так и патриотическими соображениями. Приняв участие в создании Амурской компании в 1858 г., он запретил иностранную торговлю везде за исключением низовьев реки. Его преемники выступали за свободу торговли и расширили возможности для иностранцев. Спустя год после создания зоны свободной торговли в 1861 г. прибрежные города российского Дальнего Востока получили статус «порто-франко». Ввозившиеся товары проходили таможенный контроль только в Иркутске.

В монографии сопоставляются данные о крупнейших дальневосточных городах, в разное время занимавших лидирующие позиции в дальневосточной торговле — Николаевске, Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке; описывается деятельность крупнейших предпринимателей, российских (И.Я. Чурин, А.В. Плюснин) и зарубежных, в частности, американца Е. Эмери, немцев Г. Кунста, Г. Альберса, А. Даттана¹¹³⁸,

(Калифорния в 1848 г., Аляска в 1867 г., Гавайи, Гуам и Филиппины - в 1898 г.). Япония поставила торговлю на службу имперской экспансии на островах Рюкю (1879), Тайване (1895), в Маньчжурии, на юге Сахалина (1905) и в Корее (1910). Для того чтобы предотвратить проникновение в Маньчжурию японцев и русских, Пекин устранил барьеры для китайцев ханьской национальности, а также для зарубежных инвестиций. Stephan J. *The Russian Far East: a history*. Stanford, 1994. P.80 – 84.

¹¹³⁸ См. тж: Deeg L. *Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864-1924*. Essen, 1996; Kunst und Albers *Vladivostok. The history of a German Trading Company in the Russian Far East (1864-1924)*. Vladivostok, 2012.

швейцарца Ю.Бринера, шведа О. Линдхолма и шотландца Дж. Денби). Историк замечает, что российские законы, запрещавшие иностранцам вкладывать деньги и приобретать земли в регионе, можно было без труда обойти, но западные «предприниматели обходили запреты, обзаводясь русским подданством, русскими деловыми партнерами или русскими женами».

Наиболее обстоятельно автор освещает деятельность своих соотечественников — американских предпринимателей, впервые появившихся на российском Дальнем Востоке еще в 1819 г., когда китобои из Новой Англии высадились на Чукотке. После заключения российско-американского соглашения 1824 г. количество американских торговцев в российских владениях резко возросло. В середине XIX в. американские товары продавали по всему Северо-Востоку. Поставщиков привычно называли «американцами», хотя капитаны кораблей, в действительности, могли быть англичанами, финнами, шведами, норвежцами, а в команде под их началом могли служить русские, китайцы, японцы, гавайцы и португальцы из Макао.¹¹³⁹ Действовавшая на Чукотке Компания Гудзонова залива была канадской.

По признанию Дж. Стефана, торговая экспансия американцев влекла за собой некоторые последствия, вызывавшие недовольство русских властей. Во-первых, торговцы принесли с собой алкоголь и болезни. Обменивая пушнину на спиртное, американцы, по мнению Дж. Стефана, действовали так же, как в свое время — русские казаки. Во-вторых, в России с неодобрением следили за тем, как английский превращается в «лингва франка» у народов Северо-Востока. В 1879 г. К.П. Победоносцев предупреждал наследника престола, что если к берегам Чукотки и Камчатки не будут направлены военные корабли, местные жители «забудут, что являются подданными России».

По заключению Дж. Стефана, политика царского правительства в отношении американцев колебалась от попыток их полного изгнания до регулирования их деятельности,¹¹⁴⁰ но и то, и другое оказалось недостижимым. С учреждением

¹¹³⁹ Право свободного доступа иностранцев на дальневосточный рынок подвергалось особенно резкой критике в последнее десятилетие царского режима. Столичные власти возражали против появления еврейских предпринимателей, бывших российских подданных, которые стремились обойти запреты, наложенные царским правительством, эмигрировали в США и, получив американское гражданство, появлялись в Приамурье, чтобы заняться торговлей под защитой американского флага. См.: Stephan J. *The Russian Far East: a history*. Stanford, 1994. P. 90.

¹¹⁴⁰ Такая оценка совпадает с выводами отечественных исследователей. Как пишет О.А. Устюгова: «Понимая, что обеспечить население отечественными товарами невозможно, [правительство] приняло решение о необходимости привлечения на Дальний Восток иностранных предпринимателей с их капиталами и товарами и установления экономических контактов со странами АТР. В связи с этим на восточной окраине России постепенно был установлен

Приамурского генерал-губернаторства барон А.Н. Корф и его сотрудники пришли к выводу, что иностранных торговцев можно сдерживать с помощью налогов, правил и конкуренции. Для претворения этой политики в жизнь, а также для демонстрации присутствия официальных властей на Чукотке, был учрежден Анадырский округ в 1889 г.

По определению историка, «правительственная власть на Камчатке вновь стала зримой» в 1909 г., когда Камчатка была отделена от Приморской области и преобразована в самостоятельную административно-территориальную единицу — Камчатскую область. Исследователь высоко оценивает деятельность ряда администраторов (например, начальника Анадырского округа Н.Л. Гондатти и первого губернатора Камчатской области В.В. Перфильев), направленную на развитие северо-восточных территорий. Им противопоставляются многочисленные американские и российские авантюристы, наводнившие регион в поисках «чукотского клондайка».¹¹⁴¹

Дж. Стефан резюмирует, что Дальний Восток не стал "новой Калифорнией" для американского капитала, поскольку «надежды, связанные с богатыми месторождениями минералов, географической близостью и предпринимательской риторикой, неуклонно разбивались о политические и экономические реалии». Руководствуясь геополитическими соображениями и национальными интересами, российские власти в разное время отвергли предложения американцев о прокладке телеграфной линии из Сиэтла в Европу; о строительстве железнодорожной магистрали из Чикаго в Париж через Берингов пролив; о совместном освоении Сахалина и эксплуатации Уссурийской железной дороги.

В то же время в России продолжались споры по вопросу о том, следует ли сохранять зоны свободной торговли, созданные в начале 1860-х гг. вдоль границы с Китаем и в

наиболее привлекательный для иностранцев режим свободной торговли... Однако существовала и другая тенденция: по мере освоения региона, налаживания транспортных связей с метрополией государство стремилось все в большей степени влиять на развитие торговли. Наиболее действенным инструментом такого экономического регулирования было введение таможенных пошлин, которое постепенно осуществлялось, начиная с 1867 г.». См.: Устюгова О.А. Торговые отношения на юге Дальнего Востока во второй половине XIX в. Их правовые основы и административное регулирование // Россия и АТР. 2003. № 5. С.41-46.

¹¹⁴¹ Дж. Стефан упоминает в их числе В.Б. Вандерлипа, калифорнийского предпринимателя, который называл себя сибирским представителем "Российско-Американской торговой компании Нью-Йорка и Гижиги", а также А.В. Вонлярярского, который использовал связи при дворе, чтобы получить право на разведку и добычу полезных ископаемых на Чукотке. В в 1902 г. совместно с предпринимателем из Сиэттла Джоном Розеном он учредил "Северо-Восточное Сибирское Общество", просуществовавшее до 1910 г. См.: Stephan J. The Russian Far East: a history. Stanford, 1994. P.88; Каневская Г.И. Забытый исследователь Сибири и Дальнего Востока // Журнал Известия Восточного института. 2013. № 21. С.33-42.

портах Тихоокеанского побережья.¹¹⁴² В 1913 г. была упразднена зона свободной торговли вдоль русско-китайской границы, но в 1914 г., в условиях начавшейся войны, ее восстановили. Центральные державы блокировали Балтику, и Черное море, поэтому Владивосток остался единственным крупным портом, через который Россия могла получать необходимые товары. По замечанию историка, многим в то время становилось ясно, что слабость России на Дальнем Востоке делает неизбежным появление в регионе американцев или японцев.¹¹⁴³

Экологические аспекты колонизации Приморья изучает современный канадский историк М. Сокольский, защитивший в 2016 г. по данной теме диссертацию в Университете штата Огайо (научный руководитель — Н. Брейфогл).¹¹⁴⁴ В своем исследовании М. Сокольский опирался на документальные материалы из архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Владивостока¹¹⁴⁵; нарративные источники (записки путешественников, мемуарику); труды дореволюционных ученых-натуралистов, исследовавших Дальневосточный регион, а также работы западных и отечественных историков.

М. Сокольский разрабатывает проблематику междисциплинарного научного направления «экологическая история», связанного с изучением исторических взаимосвязей между обществом и окружающей средой (определение Дж.Д.Хьюза).¹¹⁴⁶ В рамках «экологической истории» наибольший интерес для него представляет история природоохранной деятельности, а также проблема «экологических изменений в колониальном контексте». В отличие от многих работ, посвященных теме «империализм и изменения природной среды», в диссертации М. Сокольского акцентируется значение геополитических факторов и соперничества империй. По мнению автора, быстрый

¹¹⁴² В 1900 г. Владивосток и Николаевск были лишены этого статуса, американские товары — вытеснены с рынка, хотя маньчжурский импорт остался. В 1904 г. статус был восстановлен для обоих городов, с расчетом на то, что это побудит нейтральные державы нарушить японскую блокаду. В 1907 г. споры возобновились, через два года удалось достигнуть компромисса: статус утратили только те порты, которые расположены южнее Амура.

¹¹⁴³ Stephan J. *The Russian Far East: a history*. Stanford, 1994. P. 90.

¹¹⁴⁴ Sokolsky M. *Between Predation and Protection: Forests and Forestry in Late-Tsarist Primor'e // Sibirica: Journal of Siberian Studies*. 2014. Vol. 13. Issue 2. P.28-61; Sokolsky M. *Taming Tiger Country: Colonization and Environment in the Russian Far East, 1860-1940*. Ph.D. in History. The Ohio State University, 2016.

¹¹⁴⁵ М. Сокольский изучал делопроизводственные документы из фондов генерал-губернаторов Восточной Сибири и Приамурья, военных губернаторов Приморской области и органов военно-морского управления, участвовавших в управлении Дальневосточным регионом в первые годы после его присоединения к России. Среди использованных источников — прошения крестьян, документы Переселенческого управления, отделение которого в Приморье было создано в 1883 г.; делопроизводственные документы КСЖД, крестьянских и инородческих начальников, добровольных охотничьих обществ Приморья, образованных в 1880-х гг.

¹¹⁴⁶ Hughes J.D. *What is Environmental History?* Cambridge, 2006. P.1,18

переход от экономики, основанной на охоте, собирательстве и территориальной изоляции к экономике, «основанной на сельском хозяйстве, промышленности и колонизации», объясняется конкурентной борьбой за пространство, ресурсы и имперский престиж, усилившейся в Восточной Азии в середине — конце XIX в.

М. Сокольский подчеркивает ведущую роль государства в организации колониационного процесса. По мнению канадского историка, с конца 1850-х гг. царское правительство стремилось приобрести Приморье и колонизовать его с помощью русских и европейских переселенцев (в том числе украинцев, представителей прибалтийских этносов, финнов и др.) для того чтобы воспользоваться временной слабостью Китая и защитить свои восточные территории от других имперских держав. Территория, которую Цинская империя долгое время сохраняла как малонаселенную приграничную зону, русские власти попытались «захватить, демаркировать, заселить и культивировать». Более того, царские чиновники побуждали мигрантов использовать природные ресурсы Приморья для того, чтобы можно было официально претендовать на эту территорию (вместе с ее флорой и фауной) и обеспечить базу для снабжения всего российского Дальнего Востока.

Политические, демографические и экономические трансформации привели к стремительным экологическим изменениям в Приморье, включающим в себя масштабную вырубку лесов, эрозию почвы и сокращение крупных популяций млекопитающих.¹¹⁴⁷ В то же время негативные последствия процессов империостроительства и колонизации региона, ускорили выработку проектов, нацеленных на охрану природы.

Экологические последствия колонизации Приморья почти сразу были истолкованы царскими чиновниками как симптомы более масштабных угроз для русской колонизации. В числе этих угроз — предполагаемый «варварский» и «отсталый» характер мигрантов из Восточной Азии, а также русских и украинских колонистов. Экологические вопросы играли ключевую роль в определении и углублении этнических и социальных различий в пределах означенной территории, в то же время проводившаяся политика была направлена на то, чтобы исключить или контролировать использование природных

¹¹⁴⁷Автор сопоставляет экологические изменения, сопровождавшие заселение Приморья, с процессами, имевшими место на границах зон расселения по всему миру. В частности, в Китае, Северной и Южной Америках, Южной Африке и Австралии земледелие также распространялось на территории с другими способами хозяйствования, при этом происходило вытеснение и поглощение скотоводов и охотников-собирателей.

ресурсов «нецивилизованными» переселенцами.

По наблюдениям М. Сокольского, тесная связь между охраной природы в Приморье и процессом империостроительства напоминает опыт других переселенческих социумов. В позднеимперский период в Приморье имело место то, что Ричард Гроув называл «зеленым империализмом», рассматривая возникновение природоохранных инициатив и экологической науки как отклик на быстрые изменения колониальной среды и как часть критики в отношении империи¹¹⁴⁸

Впрочем, М. Сокольский признает, что термин Р. Гроува не вполне точно описывает ситуацию в Приморье в дореволюционный период, поскольку, во-первых, природоохранная деятельность в регионе началась в то время, когда экологическая мысль уже была хорошо развита.¹¹⁴⁹ Во-вторых, представители российской элиты (в том числе научной) обращались к экологическим вопросам, как правило, не для критики империализма, а для содействия процессу империостроительства в Приморье. По мнению М. Сокольского, взаимосвязь между инициаторами природоохранных мероприятий и проводниками империалистической политики в Приморье более точно описывается термином «зеленая» цивилизаторская миссия», предложенным Дж.К. Уилсоном. Именно так можно охарактеризовать позицию тех, кто разделял убеждение, что Россия, как носительница идей Просвещения и/или европейской цивилизации, была способна лучше распоряжаться природными ресурсами, чем другие народы.

Штрафная колонизация Сахалина. В современной англо- и немецкоязычной историографии, посвященной освоению российского Дальнего Востока в дореволюционный период, особое внимание уделяется истории штрафной колонизации Сахалина — как примера реализации политики, в основе которой лежал «фатально ошибочный расчет на то, что развитие экономики можно обеспечить трудом заключенных».¹¹⁵⁰

В XX в., несмотря на повышенное внимание зарубежных авторов к теме сибирской каторги и ссылки «позднеимперского» периода, лишь немногие профессиональные

¹¹⁴⁸ Grove R. Green Imperialism: Colonial Expansion, Tropical Island Edens and the Origins of the Environmentalism, 1600-1860. Cambridge, New York, 1995.

¹¹⁴⁹ Как пишет М.Сокольский, русские естествоиспытатели начали критиковать китайские практики землепользования почти сразу после присоединения Приморья к России в 1860 г., а значит они были хорошо осведомлены о проблеме антропогенного обезлесения. Некоторые наблюдатели указывали на сходную ситуацию в других регионах Российской империи, а также в Америке, показывая, что им было известно об экологических изменениях, связанных с колонизацией, и что они стремились избежать повторения ошибок.

¹¹⁵⁰ Stephan J. Sakhalin. A History. Oxford, 1971. P.67. См.тж: Галлямова Л.И. Освоение Сахалина в оценке российских исследователей второй половины XIX - начала XX вв. // Вестник ДВО РАН. 2006. № 3. С. 156-162.

историки посвятили данной теме специальные исследования. Одним из первых к изучению истории штрафной колонии на Сахалине обратился сотрудник Гавайского университета Дж. Стефан. автор серии монографий по истории российского Дальнего Востока. По признанию американского историка, интерес к истории острова, игравшего роль «пограничной зоны» между Китаем, Россией и Японией, пробудился у него в первой половине 1960-х гг. Исследователь работал в библиотеках и архивах СССР, США, Великобритании, изучал труды дореволюционных и советских ученых; широко использовал источники, опубликованные на китайском, немецком, французском, польском, английском языках. Консультантами исследователя выступили известные американские историки-сибиреведы Дж. Уайт, Дж. Харрисон, Дж. Ленсен.

Итогом многолетней исследовательской работы явилась публикация в 1971 г. монографии, посвященной истории Сахалина. При написании раздела, посвященного истории освоения острова русскими и создания на нем «штрафной колонии», Дж. Стефан использовал материал, почерпнутый из публикаций зарубежных авторов Дж.У. Маккарти, Дж. Кеннана; известных трудов А.П. Чехова, В.М. Дорошевича, И.П. Миролюбова; работ дореволюционных авторов Н.В. Буссе, М.И. Венюкова, М.С. Мицуля, А.П. Кеппена, Я.Н. Бутковского, А.А. Панова, С.К. Патканова, Н.Я. Новомбергского, Н.С. Лобаса; советских историков Ю.А. Жукова, И.А. Сенченко, А.Н. Рыжкова и др.

В разделе, посвященном штрафной колонизации острова, автор отмечает, что поначалу русские связывали с освоением Сахалина большие надежды. Н.В. Буссе, М.И. Венюков, Я.Н. Бутковский писали о его выгодном географическом положении; перспективах превращения Сахалина в сельскохозяйственный «оазис», населенный вставшими на путь исправления заключенными.¹¹⁵¹ Дж. Стефан напоминает, что впервые заключенных привлекли к разработке открытых угольных пластов в районе Дуэ в 1859 - 1861 гг. Еще несколько человек были высланы на остров в качестве сельскохозяйственных колонистов в 1862 г.

В представлении историка, до конца 1860-х гг. ссылка на Сахалин осуществлялась хаотически, без какого-либо плана. Главной задачей было удовлетворение потребностей угольных рудников в рабочей силе и увеличение численности русского населения, чтобы, по определению Дж. Стефана, «держать в страхе и повиновении проживавших на острове японцев». Историк использует статистические данные из публикаций Дж. Маккарти,

¹¹⁵¹ Stephan J. Sakhalin. A History. Oxford, 1971. P.67.

С. Патканова, Ю.А. Жукова, согласно которым после 1968 г. заселение Сахалина продвигалось более быстрыми темпами: если в 1873 г. численность русского населения на острове не превышала 3 тыс. чел., то к 1897 г. она достигла 28 тыс., а к 1904 г. — 35 тыс. чел.

В 1870 г. правительство, рассматривавшее возможность превращения Сахалина в штрафную колонию, направило на остров комиссию, один из руководителей которой, агроном М.С. Мицунь, назвал местные условия «идеальными» для развития сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности. Закоренелые преступники могли быть перевезены с континента на остров, возможность побегов с которого исключалась.¹¹⁵² Тем самым достигалась двоякая цель: ликвидировались поселения ссыльных в Сибири, что должно было улучшить социальный климат на континенте; и одновременно решались задачи обороны и хозяйственного развития пограничной территории, слишком близко расположенной к Японии, чтобы оставлять её незаселенной. Вторая комиссия, направленная на Сахалин в 1880 г., подтвердила эти рекомендации.

По заключению Дж. Стефана, упорядочение системы управления в первой половине 1880-х гг.¹¹⁵³ усилило приток ссыльных. После 1884 г. на остров ежегодно направлялось по тысяче человек, на переполненных судах, которые в течение 2-х месяцев проделывали путь из Одессы через Суэцкий канал, Индийский океан и Восточно-Китайское море. В Дуэ и Корсакове строились новые тюрьмы. Количество ссыльнопоселенцев на Сахалине выросло с 1-2 тыс. в 1875 г. до более 20 тыс. в 1904 г.¹¹⁵⁴ из них ок. 60% составляли русские, 10% - белорусы, 10% - украинцы, 5% - поляки, 5% - татары, далее шли небольшие группы латышей, эстонцев и немцев.

¹¹⁵² Современная американская исследовательница Ш. Коррадо также подчеркивает, что предпосылками для превращения Сахалина в место каторги и ссылки стали именно его островное положение и изолированность от материка. См.: Коррадо Ш. "Сахалин - остров!": изменение представлений о карте Приамурья (1848-1854) // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С.109-119.

¹¹⁵³ С 1881 г. местная администрация подчинялась одновременно военному губернатору Приморской области (с центром в Хабаровке) и Главному тюремному управлению МВД. В 1884 г. Сахалин приобрел своего собственного начальника, чья резиденция находилась в Александровске. Он сосредоточил в своих руках всю полноту административно-полицейской, военной и гражданской власти. В том же году территория острова была разделена на три административных района: Александровский, Тымовский и Корсаковский.

¹¹⁵⁴ Опираясь на сведения из работ советских исследователей М.В. Теплинского, И.А. Сенченко, А.Н. Рыжкова, Дж. Стефан сообщает, что в период с сер. 1880-х гг. до 1906 г. на острове находилось ок. 50 политических заключенных, в том числе члены польской партии «Пролетариат» (Эдмунд Плосский и др.), Л.А. Волкенштейн, М.Н. Тригопи, Б.И. Еллинский и др. «Политические» вели среди других заключенных разъяснительную работу; некоторые из них осуществляли эту деятельность и за пределами штрафной колонии, как, например, В.П. Бражников, распространявший брошюры среди гиляков. Дж. Стефан упоминает также и о секретной организации «Коммуна политкаторжан», созданной в Александровской тюрьме, но результаты ее деятельности оценивает как незначительные. Stephan J. Sakhalin. A History. Oxford, 1971. P. 66-72]

Ссылные разделялись на три основные класса: 1) каторжники (осужденные к каторжным работам); 2) ссыльнопоселенцы; 3) "крестьяне из ссыльных". По замечанию Дж. Стефана, членов третьей группы можно назвать "полусвободными", поскольку после истечения срока каторги они могли свободно вернуться в Россию, при условии, что не будут посещать ряд городов, в первую очередь, Москву и Санкт-Петербург. Поскольку все, кто мог покинуть остров, делали это при первой же возможности, данная категория была наименее многочисленной. Характеризуя условия жизни различных категорий ссыльного населения; Дж. Стефан, в частности, пишет о тяжелой участи женщин (как осужденных, так и тех, кто прибывал на остров добровольно, вслед за ссыльными членами семей) и детей; о злоупотреблениях администрации.¹¹⁵⁵

В целом, три десятилетия (с 1875 по 1905 гг.), в течение которых Сахалин безраздельно принадлежал царской России, Дж. Стефан называет «мрачным периодом» в его истории, а развитие экономики Сахалина в 1875-1905 гг. характеризует как «эксперимент, закончившийся провалом». Сельское хозяйство развивалось медленно из-за сложных климатических условий и неэффективных действий администрации. Лесозаготовки велись в незначительных масштабах. Систематическая добыча нефти началась только после Русско-японской войны. Единственным заметным экономическим достижением в указанный период историк называет развитие на Сахалине угледобывающей отрасли, хотя в общероссийском масштабе объемы добычи угля были незначительными (в 1890 г. - всего 18 тыс. тонн), а уровня, запланированного в 1870 г., удалось достигнуть только в советский период.¹¹⁵⁶

В новейшей англоязычной историографии к изучению темы обратился соотечественник Дж. Стефана, американский историк Э. Гентес, посвятивший вопросам истории сахалинской каторги серию статей,¹¹⁵⁷ а также специальный раздел диссертации,

¹¹⁵⁵ По словам Дж. Стефана, «полукриминальные», получавшие небольшое жалованье, изнемогавшие от скуки надзиратели «неизбежно скатывались к садизму, который сдерживался одним лишь безразличием». По мнению автора, наиболее точно суть проблемы уловил А.П. Чехов, заметивший, что обращение с заключенными менялось в зависимости от степени их приближенности к высшему начальству. Наиболее лестную оценку историка заслужил начальник Сахалина, генерал В.О. Кононович, о котором в свое время высоко отзывались современники, в том числе А.П. Чехов и Дж. Кеннан. Но, как полагает Дж. Стефан, при всех своих замечательных личных качествах В.О. Кононович не мог изменить человеческую природу и зло, укоренившееся в самой системе наказаний.

¹¹⁵⁶ В 1875-1902 гг. разработкой каменноугольных копий в соответствии с контрактом, заключенным с МВД, занималась акционерная компания "Сахалин" Я.Н. Бутковского, однако небрежное отношение к угольным месторождениям и неправильный дренаж привели к их разрушению. Погрязнув в долгах перед казной, общество "Сахалин" передало права на аренду угольных копий "товариществу" И.О. Маковского.

¹¹⁵⁷ Gentes A.A. No Kind of Liberal: Alexander II and the Sakhalin Penal Colony // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 2008. Bd.54. H.3. P.321-344; Gentes A. The Institution of Russia's Sakhalin Policy, from 1868 to 1875 // *Journal of Asian History*. 2002. Vol.36. No.1. P.1-31; Gentes A. Sakhalin as Cause Celebre: Re-Signification of

которую в 2001 г. защитил в Университете Брауна (шт. Род-Айленд).¹¹⁵⁸ В своих исследованиях Э. Гентес опирается на обширный документальный материал из фондов российских центральных (ГАРФ, ЦГАЛИ) и местных (ГАИО, ГАПК, РГИА ДВ) архивов, публикации отечественных и зарубежных специалистов.

В центре внимания американского историка — система управления сибирской ссылкой и состав ссыльного населения. Для Э. Гентеса ссылка — универсальный феномен, существовавший во все времена и эпохи. Особенность уголовно-исполнительной системы в Российской империи, в отличие от, например, Британской, он усматривает в том, что преступники и различные «нежелательные элементы» ссылались в пределах страны, а не высылались в заморские колонии. Историк подчеркивает, что система ссылки возникла и развивалась в России постольку, поскольку это было необходимо государству. Каторжные работы как вид наказания, возникший в петровскую эпоху, также отражал утилитарное отношение царя-реформатора к подданным, являвшимся инструментом в руках государства. После 1725 г. система исполнения наказаний пережила, по словам американского исследователя, период «хаотизации», сопровождавшийся, возможно, самыми высокими за всю историю показателями смертности среди осужденных.

На рубеже XVIII – XIX в. возникла идея «реабилитации» заключенных, что нашло отражение в учреждении «исправительных домов» или тюрем современного образца. Благодаря деятельности М.М. Сперанского процесс «систематизации» и упорядочения пенитенциарной системы возобновился, однако вновь был прерван после 1863 г., когда в Сибирь сослали тысячи поляков, что привело к коллапсу всей системы наказаний. В 1868 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков писал главе МВД о невозможности задействовать на каторжных работах всех "ссылнорабочих" и просил перевести часть из них (по крайней мере, поляков) в Алтайский горный округ. Из-за тяжелых условий на Нерчинской и Карийской каторге возникали беспорядки, в основном с участием политических заключенных, и местные власти опасались, что это приведет к еще большим волнениям. В итоге Александр II признал положение дел в данной сфере неудовлетворительным.

Tsarist Russia's Penal Colony // *Acta Slavica Iaponica*. 2012. Vol. 32. P.55-72; Gentes A. Sakhalin's Women: The Convergence of Sexuality and penology in Late Imperial Russia // *Ab Imperio*. 2003. No. 2. P.115-37; Gentes A. Katorga: Penal Labor and Tsarist Siberia // *The Siberian Saga: A History of Russia's Wild East*. Frankfurt a.M., 2005. P. 73–85.

¹¹⁵⁸ Gentes A. *Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593-1917*. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, Rhode Island, May, 2002.

Причиной официально признанного "коллапса каторги" Э. Гентес называет нехватку средств, административный хаос, неуважение к существующим законам и "институционализированную жестокость". В 1868 г. по указу царя создается Комитет об устройстве каторжных работ, в работе которого участвовали представители министерств юстиции, внутренних дел и финансов.¹¹⁵⁹ В 1869 г. одним из результатов его деятельности явилась отправка на Сахалин в порядке эксперимента 800 заключенных. Эксперимент закончился неудачей, что не помешало впоследствии членам Комитета продолжать считать Сахалин идеальным местом для создания штрафной колонии. Власти также проигнорировали научно обоснованные данные о непригодности климата и почвы Сахалина для развития производительного сельского хозяйства, которое предполагалось сделать основой экономики острова. [12]

В дальнейшем глава МВД А.Е. Тимашев уверял, что Сахалин был выбран только после тщательного изучения записки В.И. Власова, члена Главного управления Восточной Сибири и одновременно руководителя Департамента полиции исполнительной¹¹⁶⁰. Американский историк подвергает сомнению утверждения А.Е. Тимашева. По заключению Э. Гентеса, решение было вынужденным, а главным мотивом послужило стремление как можно скорее избавиться от ссыльных и проблем, создаваемых ими на материке. Более других в таком решении был заинтересован именно глава МВД,¹¹⁶¹

¹¹⁵⁹ В отечественной историографии официальным началом Сахалинской каторги принято считать утвержденное Александром II «Положение Комитета об устройстве каторжных работ» от 18 апреля 1869 г. См.: Кораблин К.К. Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации // Вестник ДВО РАН. 2005. № 2. С.72-83.

¹¹⁶⁰ В.И. Власов опирался на сведения, предоставленные агрономом С.В. Мицулем не позднее 1871 г. В записке, поданной осенью того же года генерал-губернатору Восточной Сибири Н.П. Синельникову и главе МВД А.Е. Тимашеву, В.И. Власов писал о природных условиях на Сахалине, пригодных для штрафной колонии (с населением не менее 25-30 тыс. чел.) и для развития не только сельского хозяйства, но также лесной отрасли и рыболовства. Документ хранится в Научной библиотеке Иркутского государственного университета. См.: Власов В. Копия с соображений, представленных Коллежским советником Власовым генерал-губернатору Восточной Сибири об устройстве каторжных работ на о.Сахалине // Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского государственного университета. Ч.II: Рукописи на иностранных языках. Материалы документального характера. Рукописи поздней традиции. Новосибирск, 2001. С.12-13.

¹¹⁶¹ Другим примером не вполне продуманных действий главы МВД стало принятое в 1878 г. (незадолго до его отставки) решение о переводе женщин, содержащихся в Александровской центральной каторжной тюрьме, в Приамурье и на Сахалин, где главной целью властей было создание штрафной колонии. По утверждению начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Враского, контролировавшего проведение операции одним из главных препятствий к обустройству ссыльных в качестве колонистов, являлось незначительное количество женщин в сравнении с числом осужденных мужчин. Анализ делопроизводственных материалов показал, что переправка каторжниц на Сахалин осуществлялась с заминками и задержками, и в итоге местные власти оставили большую часть женщин на континенте. Как позже признавался генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, чиновники его ведомства, как правило, испытывали сочувствие и симпатию к таким женщинам и старались уберечь их от столь тяжелой участи. Так, в мае 1880 г. в Благовещенске были оставлены 44 женщины из 66, предназначенных для отправки в Николаевск-на-Амуре. В ноябре 1881 г. Читинское полицейское управление проинформировало Д.Г. Анучина, что с начала января оно направило с Кары на Дальний Восток всего 55 каторжниц. Согласно данным из отчета ГУВС, в 1881 г. в Благовещенск прибыло 54 женщины, из них в Приморье отправились только 16. Впрочем, американский историк признает, что в целом попытки правительства увеличить численность женского населения

которого поддержали генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков и лично император.

По официальной версии, изложенной А.Е. Тимашевым, окончательное решение было принято в конце 1872 г., а фактически — еще в 1871 г. После нескольких лет бездействия в марте 1872 г. в Санкт-Петербурге была образована Комиссия по организации каторжных работ, выработавшая общую политику и определившая систему управления новой штрафной колонией. Кроме того, комиссия должна была передать угольные копи Дуэ акционерной компании "Сахалин", учредителем которой был надворный советник Я.Н. Бутковский.

Поначалу некоторые члены комиссии поставили под сомнение пригодность Сахалина для организации каторжных работ, но генерал-лейтенант Л.А. Соколовский напомнил присутствовавшим, что данный вопрос уже был решен в период между 1869 и 1871 гг. Осенью 1872 г. Комиссия приняла решения о том, что колония будет постоянной, а не временной; о создании административного органа, отвечающего за развитие сельского хозяйства; а также о том, что суд в отношении ссыльного населения на острове должен вершить командующий вооруженными силами. [12, p.23]

В полной мере каторга начала функционировать с середины 1880-х гг., превратившись, по словам историка, "в рукотворный ад", о мрачных реалиях которого писали как в России, так и за рубежом (Ч. Хоуз, У. Чизхолм). Впрочем, по признанию Э. Гентеса, некоторые авторы (Т. Нокс, Дж. Ральф, Дж. Бьюэл, Г. Де Виндт и др.) выступали в поддержку российских властей и утверждали, что сосланные на Сахалин преступники вполне заслужили свою участь. Историк допускает, что за такого рода публикациями, в действительности, могло стоять царское правительство, надеявшееся тем самым опровергнуть заявления американского журналиста Дж. Кеннана, имевшие широкий резонанс во всем мире.

Э. Гентес также указывает на двойственность отношения официальных российских властей к ссыльным, которые рассматривались и как рабочая сила (для выполнения каторжных работ), и как колонисты (для аграрного освоения огромных пространств Азиатской России), что, по определению историка, отражало растущий разрыв между

Сахалина были довольно успешными. К сентябрю 1883 г. женщины составили около четверти всего каторжного населения острова (1546 чел.), хотя основную их массу доставляли пароходами из Одессы, а не из Восточной Сибири, где каторжанок практически не осталось. См.: Gentes A. Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593–1917. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, 2002. P. 444–449.

«анахроничным государством и медленно модернизовавшимся обществом».

Противоречивость правительственной политики проявилась, в частности, в различиях позиций В.А. Соллогуба и К.К. Грота — руководителей комиссии по тюремному преобразованию, существовавшей в 1870-х гг. В 1872 г. В.А. Соллогуб по итогам обследования пенитенциарной системы России рекомендовал построить каторжные тюрьмы в Европейской России и не ссылать людей за Урал. Спустя несколько лет К.К. Грот, напротив, рекомендовал, чтобы каторга "развивалась традиционным образом", и именно его позиция определила пенитенциарную политику правительства до конца существования царского режима. В итоге, самодержавие, использовавшее ссылку в масштабах больших, чем это было действительно необходимо, по словам Э. Гентеса, «вырыло себе могилу».¹¹⁶²

Для Ш. Коррадо история штрафной колонизации Сахалина интересна в той мере, в какой она отражала амбиции и двойственность российской имперской политики предреволюционных десятилетий.¹¹⁶³ Свою главную задачу исследовательница обозначила как определение той роли, которую играл Сахалин в «истории имперской экспансии» и «институционализации исправительных работ».¹¹⁶⁴

Ш. Коррадо работала в архивах России, США, Японии; наряду с документальными источниками (материалами из фондов Совета Министров Российской империи, Главного

¹¹⁶² Американский исследователь предлагает собственное объяснение того, почему правительство, изначально стремившееся к проведению либеральных реформ, создало сахалинскую каторгу — "полицейский институт, предвещавший эксцессы позднейших времен". По его мнению, намерения верховной власти, лежавшие в основе реформ, неверно интерпретируются историками, а priori полагающими, что реформа должна была привести к заключению своего рода либерального договора между государством и обществом, характерного для западных демократий. Соответственно, в научной литературе реформаторской называют ту политику, которая соответствовала западным либеральным представлениям о системе управления, и игнорируют или считают реакционным те меры, которые Э. Гентес называет «одновременными и компенсаторными». По заключению историка, влияние «легалистов» и либеральных реформаторов в правительстве было довольно слабым. Верховная власть всегда имела только одну цель – укрепление самодержавия, и в большей степени было привержено парадигме "регламентированного государства" (Reglementsstaat), нежели "правового" ("Rechtsstaat"), т.е. закон воспринимался, скорее, как бюрократический инструмент, а не как "философская идиллия". Благодаря идее бюрократизации сторонники "полицейского государства" нашли точку соприкосновения со сторонниками "регламентированного государства". Итогом объединения их усилий стал бюрократический полицейский аппарат, который отменял, а не поддерживал юридически закрепленные права. Пример сахалинской штрафной колонии является тому подтверждением. Каторга унижала людей, заставляла ненавидеть собственное государство, способствовала сохранению того самого рабства, отмена которого декларировалась в 1861 г. См.: Gentes A.A. No Kind of Liberal: Alexander II and the Sakhalin Penal Colony // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* Bd.54. H.3. 2008. P.321-344.

¹¹⁶³ Corrado Sh.M. The "End of the Earth": Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849-1906. Ph.D. diss.... University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010. Urbana, Illinois.

¹¹⁶⁴ В своей работе американская исследовательница использовала отдельные публикации отечественных историков (А.И.Костанова, М.И.Ищенко, М.В. Гридаева), но в основном опиралась на труды западных авторов (Д.Хоффмана, Я.Коцониса, Д.Брауера, Э.Лаццерини, Р.Джераси, Э.Джонсон, К.Вайсс, С.Кана, Л.Энгельстайн, Р.Мэннинг, С.К.Моррисей, Л.Хереца, Э.-М.Столберг, Ю.Л.Слезкина, М.Ходарковски, М.Бассина, У.Сандерланда, Дж.Сахадео, Э.Джентеса, Б.Адамса, Дж.Дейли, Э.Шрэддер, Ю.Ульянниковой, Дж.Стефана, Дж.Ленсена).

тюремного управления, канцелярий Приамурского генерал-губернатора и военного губернатора Сахалина и др.), автор широко использовала нарративы тех, кто побывал на Сахалине в изучаемый период (записки путешественников и журналистов, воспоминания ссыльных и т.д.), а также материалы периодической печати.

Следуя парадигме «новой культурной истории», автор помещает историю Сахалина в более широкий исторический контекст «русского империализма» и «модерна». Давая оценку современному состоянию западного россиеведения, Ш. Коррадо полагает, что для него характерен отказ от тезиса об имманентно присущей России культурной и экономической отсталости; внимание к проблемам трансформации подданных российского самодержавия в граждан современного государства, «интернализации» власти как компонента «модерна».¹¹⁶⁵

Ориентируясь на подходы, предложенные в работах М. Бассина по истории освоения Приамурья, а также статьях и монографии Ю. Слезкина о взаимоотношениях русских и коренных народов Крайнего Севера, Ш. Коррадо на примере Сахалина изучает эволюцию представлений русских о собственной идентичности. Анализируя различные представления русских о Сахалине (от идеи «органичной части России» до метафоры «края земли»), автор исследует меняющиеся значения самого понятия «русскость» в эпоху, когда государство пыталось превратить отсталую империю в современную колониальную державу. В итоге, носители самых разных культур, языков и мировоззрений, оказавшиеся на острове, уже не обязательно должны были говорить по-русски и «молиться русскому Богу», но, скорее, эффективно трудиться и приносить прибыль государству.

По заключению Ш. Коррадо, штрафная колония на Сахалине сама по себе должна была быть чем-то большим, чем просто местом для отбывания каторжных работ; она должна

¹¹⁶⁵ По наблюдениям Ш. Коррадо, западные историки указывают на осознание российской властью в рассматриваемый период ценности знаний как инструмента контроля над процессами и явлениями, происходящими в самых разных сферах. В ответ на проявления кризиса и меняющиеся отношения между государством и обществом, характерные для эпохи «русского модерна», самодержавие пыталось усилить контроль над территорией и социумом, что ярко проявилось в истории колонизации Сахалина. В новейших «постколониальных» исследованиях подчеркивается, что политика и «идентичность» многонациональной Российской империи в значительной мере определялись взаимодействием колонизаторов и колонизируемых; анализируется дискурсивная роль восточных окраин как колониального «Другого» для России. Еще один способ постижения «русскости» для западных исследователей заключается в изучении имперской пенитенциарной системы (работы Э. Гентеса, Б. Адамса, Дж. Дэли, Э. Шредер, Ю. Ульяниковой). Ш. Коррадо резюмирует, что в разное время Сахалин воспринимался и как безлюдная российская территория, требующая заселения; и как населенная часть Азии; и как олицетворение «Другого», что повлияло и на создание каторги, и на ее последующее упразднение. См.: Corrado Sh.M. The "End of the Earth": Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849-1906. Ph.D. diss.... University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010. Urbana, Illinois.

была способствовать перевоспитанию, осуществлению социального контроля над осужденными и переплавке их в законопослушных граждан. Впрочем, довольно быстро выяснилось, что развивать на острове сельское хозяйство крайне сложно, а сахалинский уголь так и не принес ожидаемой прибыли, поскольку труд заключенных оказался непроизводительным. Вместо того чтобы перевоспитывать заключенных, условия жизни на острове и режим каторжных работ превращали даже самых покладистых арестантов в угрозу для общества.

Ключевым элементом «модерна», который, по мнению Ш. Коррадо, можно увидеть на примере истории Сахалина, являются попытки умирения природы для удовлетворения потребностей современного государства. Такие попытки часто приводили к катастрофам, как экологическим, так и человеческим, поскольку централизованное государство не могло в полной мере уяснить и контролировать природные и культурные особенности отдаленных окраин. Исследовательница подчеркивает, что колонизация русскими Сахалина в конце XIX в. демонстрирует ту же самую «модерновую» идеологию, которая потерпела крах. Освоение острова так и не принесло существенных выгод империи, а японская оккупация привела к уступке южной части Сахалина и полной ликвидации каторги в 1906 г. В глазах российской и западной общественности, неудачная попытка колонизации Сахалина символизировала отсталость и жестокость Российской империи, хаотичность и неопределенность правительственной политики «переходного периода».

Выпускник Университета Цюриха Маркус Акерет в своей монографии, опубликованной в 2007 г. в издательстве Института Восточной Европы в Мюнхене и посвященной политкаторжанам Восточной Сибири и Сахалина, призывает осторожнее оценивать свидетельства об ужасах сахалинской каторги.¹¹⁶⁶ Так, современники (Ч. Хауз, Г. Де Виндт, В.М. Дорошевич, А.П. Чехов) писали преимущественно об уголовниках, чья жизнь на Сахалине была, безусловно, очень тяжелой. По замечанию М. Акерета, судьбы

¹¹⁶⁶ В качестве источников автор использовал в основном материалы из журнала "Каторга и ссылка" (1921 - 1935 гг.), а также путевые заметки и записки русских и иностранных наблюдателей. В рецензии на работу М. Акерета М. Камиссек справедливо задается вопросом о том, насколько вообще возможно плодотворное изучение "мира каторги" в позднеимперский период, если автор анализирует лишь источники, созданные немногочисленной группой политических заключенных (на рубеже веков их доля среди приговоренных к каторжным работам составляла 1,6%), причем каторжные работы в ту пору играли явно второстепенную роль. См.: Ackeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München: Osteuropa-Institut München, 2007. 166 S; Kamissek Ch. Rec ad op: Ackeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe fuer politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). Muenchen: Osteuropa-Institut Muenchen, 2007. 166 s. [Электронный ресурс] // H-Soz-u-Kult, H-Net Reviews. (February, 2008). Режим доступа: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=22242> (дата обращения: 11.02.2023)

политических заключенных могли сложиться на острове совершенно иначе.¹¹⁶⁷ В их отношениях с администрацией имели место и произвол, и жестокость, но нередко — симпатия и доверие. Так, один из мемуаристов, А. Ермаков, прибывший на остров в начале XX в., не изображал каторжные порядки как совершенно бесчеловечные, поскольку к этому времени они существенно смягчились. Впрочем, попытки местного начальства заставить ссыльнопоселенцев заниматься сельским хозяйством М. Акерет, вслед за другими исследователям, расценивает как малоуспешные.

На работу М. Акерета в своем исследовании ссылается известный немецкий историк, профессор Боннского университета Д. Дальман — автор обобщающего труда по истории Сибири, специальный раздел которого посвящен каторге и ссылке.¹¹⁶⁸ Критически оценивая советскую историографию, Д. Дальман опирался преимущественно на работы современных зарубежных специалистов — Дж. Стефана, Э. Качинской, Э. Гентеса, А. Вуда и др. Наряду с Б. Адамсом и Дж. Дэли автор доказывает, что в царской России условия жизни для ссыльных и каторжан были не хуже, а порой и лучше, чем в других странах.¹¹⁶⁹ По наблюдениям немецкого историка, большинство осужденных ссылались на Сахалин на поселение, а из тех, кто присылался на каторжные работы, в заточении пребывали менее половины.

По заключению Д. Дальмана, печальную славу сибирской ссылке создали, прежде всего, представители оппозиционного лагеря — либералы и социалисты. Во многом их стараниями повсеместно циркулировали сообщения, в которых Сибирь по аналогии с американским Диким Западом представала как «Дикий Восток России», как место, где царило беззаконие. Как и Дж. Стефан, немецкий историк полагает, что наиболее объективно жизнь на острове изобразил А.П.Чехов, посетивший Сахалин летом 1890 г. Описывая «жалкое и скучное» существование островитян (как представителей

¹¹⁶⁷ Как пишет М.Акерет, официально политкаторжан начали ссылать на Сахалин с 1886 г., и в течение первых полутора десятилетий режим их содержания (совместно с уголовными) отличался крайней суровостью. Стремясь не допустить ведения агитационной работы, власти с самого начала распространяли на «политических» те же правила, что и на уголовников, в том числе применяли телесные наказания. Впрочем, по замечанию автора, политические ссыльные не были достаточно сплоченными, большое значение для них имели социальные различия. М.Акерет сообщает, что администрация каторги довольно быстро решила задействовать образованных «политических» в управленческих структурах, но, в отличие от советского историка И.А. Сенченко, не считает, что делалось это, в первую очередь, для усиления контроля над политкаторжанами. М. Акерет объясняет все нехваткой грамотного и квалифицированного персонала. В итоге, как свидетельствуют источники, некоторые каторжане жили не хуже, чем ссыльнопоселенцы, а границы между каторгой и ссылкой постепенно размывались. Приведенные в советской историографии сведения о революционной работе, которую удавалось вести на Сахалине, лишь свидетельствуют о слабости контроля со стороны властей.

¹¹⁶⁸ Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn, 2009.

¹¹⁶⁹ Dahlmann D. Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn, 2009. S.10.

администрации, так и осужденных), писатель также поведал о произволе и беззаконии местных властей, однако, по замечанию Д. Дальмана, в чеховском описании отсутствует моралистический тон и «поднятый кверху палец», характерный для сочинений Дж. Кеннана.

Сахалинской каторге посвящена специальная глава в монографии британского историка Д.Бира.¹¹⁷⁰ Вслед за Э. Гентесом он полагает, что ее истоки лежали в медленном крушении системы каторжного труда на материке. На Сахалине штрафная колония оформлялась по мере роста числа арестантов, ежегодно прибывавших на остров. В 1890 г. на острове находилось ок. 6 тыс. каторжных и 4 тыс. ссыльных, а к 1897 г. общая численность ссыльного населения достигла 22 тыс.¹¹⁷¹

Как и Ш. Коррадо, Д. Бир приходит к выводу, что для правительства Сахалин был *tabula rasa*, поскольку давал возможность применить богатый опыт управления крупными штрафными колониями в Сибири и показать, что наказание может привести к реабилитации ссыльных и их превращению в мелких сельскохозяйственных колонистов. Но и здесь властей постигла трагическая неудача.

После публикации книги А.П. Чехова, вызвавшей большой общественный отклик, был создан секретный комитет для обсуждения будущего сахалинской колонии. Результаты расследования, проведенного комитетом, были представлены царю и министру юстиции Н.В. Муравьеву; одновременно в прессу попали данные из отчета врача Л.В. Поддубского.¹¹⁷²

¹¹⁷⁰ Beer D. *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars*. L.: Penquine Books, 2017. В 2016 г. сотрудник Университета Роял Холлоуэй (Лондон) Дэниэл Бир опубликовал монографию по истории сибирской каторги и ссылки XIX - начала XX вв. Автор присоединяется к выводам тех западных исследователей (Ю. Слезкин, Г. Даймент, В. Кивельсон), кто полагает, что система ссылки во многом обусловила амбивалентность образа Сибири в восприятии современников. Сибирь одновременно считалась и «средоточием тьмы» для России, и краем новых возможностей и процветания. По мнению многих, мрачное настоящее восточных окраин империи должно было уступить дорогу яркому будущему, и ссыльным предстояло сыграть ключевую роль в этой трансформации. Одновременно в зарубежных периодических изданиях печатались карикатуры на тему «цивилизаторской миссии» России в Азии. Британский историк пишет не только о сосланных в Сибирь известных деятелях революционного движения, но и о тысячах обычных уголовников, чьи судьбы запечатлены в полицейских отчетах, апелляциях, судебных протоколах и официальной ведомственной переписке. Делопроизводственные материалы Д. Бир изучал в архивах Москвы (ГАРФ, РГВИА), Санкт-Петербурга (РГИА, ААН СПб, ЦГИА СПб), Тобольска (ГА в г. Тобольске), Иркутска (ГАИО). Наряду с архивными документами исследователь широко привлекал опубликованные источники личного происхождения. Д. Бир демонстрирует хорошее знание литературы по истории сибирской каторги и ссылки, активно используя работы как западных (Э. Гентес, Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, Дж. Дэли, Э. Шредер и др.), так и отечественных авторов (А.А. Иванов, А.Д. Марголис, П.Л. Казарян, В.А. Дьяков, К.К. Кораблин и др.)

¹¹⁷¹ Beer D. *The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars*. London, 2017. P.241-258; Плотников А.А. Этапирование ссыльнокаторжных на остров Сахалин во второй половине XIX в. // *Сибирская ссылка*. Иркутск, 2011. № 6 (18). С. 125-136.

¹¹⁷² См.тж: Латышев В.М. Врач Л.В. Поддубский и его записки о сахалинской каторге (конец XIX в.) // *Вестн. Сахал. обл. краевед. музея*, 2004. № 11. С.141-148.

Как пишет Д. Бир, окончательное решение вопроса по инерции затягивалось. В 1898 г. посетивший Сахалин начальник Главного тюремного управления А.П. Саломон убеждал местные власти, что проект, на который с конца 1870-х гг. было потрачено более 20 млн руб., не мог быть просто закрыт.¹¹⁷³ Спустя несколько лет мрачный правительственный эксперимент на Сахалине был все же прекращен, но не из-за перемен в умонастроениях правительства, а благодаря военному превосходству Японии. После победы в Цусимском сражении в мае 1905 г. японские войска оккупировали южную часть Сахалина, преодолев слабое сопротивление регулярных войск и отрядов дружинников, сформированных из бывших каторжников. Последним русские власти обещали амнистию, если те будут сражаться против захватчиков.

Одновременно происходила хаотичная эвакуация заключенных на континент. Более 7 тыс. чел. (в том числе женщин и детей) бесцеремонно бросили на берегу залива Де-Кастри (ныне - залив Чихачева). Оттуда им пришлось преодолеть путь в 60 км по почти непроходимой тайге до ближайшего поселения в Мариинске. В течение следующего года их содержали в бараках, а затем развезли по территории Забайкальской области. Окончательно штрафная колония была ликвидирована указом от 1 июля 1906 г.¹¹⁷⁴ В целом, по заключению Д. Бира, в глазах общественности Сахалин превратился в «главный позор» самодержавия, в гротескную карикатуру на планы правительства по совмещению аграрной и штрафной колонизации.

Таким образом, англоязычные исследователи акцентировали внимание на социокультурных и экологических аспектах хозяйственной деятельности переселенцев, проблемах взаимодействия представителей различных этносов (Л.Х. Сигельбаум); стремились вписать экономику российского Дальнего Востока в международный контекст, подчеркивая значение геополитического фактора, конкуренции колониальных держав (Дж. Стефан, М. Сокольский).

Особое внимание западные авторы уделяли истории штрафной колонизации Сахалина (Дж.Стефан, Д.Бир, Э.Гентес и др.). Признавая определенный вклад ссыльных в

¹¹⁷³ Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. London, 2017. P.267.

¹¹⁷⁴ См. тж: Ульяновская Ю. Чужие среди чужих, чужие среди своих: Русско-японская война и эвакуация Сахалинской каторги в контексте имперской политики на Дальнем Востоке // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. М, 2012. С.171- 198.

экономическое и культурное развитие Сахалина, они в то же время указывали на противоречивость и двойственность правительственной политики, нацеленной одновременно на изоляцию и наказание преступников и хозяйственное освоение острова. По мнению западных историков, хаотичные и малоэффективные действия властей во многом предопределили неудачу штрафной колонизации Сахалина.

Выводы по главе: В истории российского Дальнего Востока особое место занимает период, охватывающий вторую половину XIX – начало XX в. и отмеченный ускоренным развитием «восточной окраины» империи. Данная тема привлекала повышенный интерес западных исследователей, прежде всего, в Великобритании, США и Германии. Со времени публикации первых работ, посвященных присоединению к России Приамурья и Приморья, в центре внимания англо- и немецкоязычных авторов находились не только внешнеполитические и военные аспекты "русской восточной экспансии", но и географические, демографические, социально-экономические факторы, определившие ход и итоги освоения Дальнего Востока. В последней трети XX в. западные специалисты также сосредоточились на изучении социокультурной проблематики, идеологических аспектов дальневосточной политики, специфики процессов межкультурного и межэтнического взаимодействия, меняющихся представлений о Дальневосточном регионе - как в России, так и за ее пределами. При всем разнообразии концепций, предложенных англо- и немецкоязычными исследователями, можно выделить две основные тенденции в освещении темы. Для большинства работ характерен акцент на геополитическом контексте, экспансионистских устремлениях России как одной из империалистических держав, участвовавших в разделе "сфер влияния" в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем, во многих исследованиях подчеркивается объективная потребность России в упрочении своих позиций на тихоокеанских рубежах, защите дальневосточных территорий, их заселении и хозяйственном освоении.

В фокусе внимания англо- и немецкоязычных специалистов, опиравшихся на теории «колонизации», «колониализма», методологический инструментарий исторической демографии и «экологической истории», оказались проблемы аграрной колонизации региона; миграции населения из других областей империи и сопредельных стран (Китая, Кореи, Японии); развитие дальневосточной торговли. Немецкоязычные авторы начала XX

в. (К. Виденфельд, В. Клумберг), придерживавшиеся «колониционной» парадигмы, давали преимущественно негативную оценку итогов аграрной колонизации Дальнего Востока в пореформенную эпоху. Современные исследователи (К. Шписс, А. Морич, Д. Ландграф и др.) признают как достижения, так и проблемы переселенческого дела на Дальнем Востоке, придерживаясь «компромиссной» позиции.

ГЛАВА 5. История Русской Америки второй половины XIX в. в освещении англоязычной историографии¹¹⁷⁵

В представлении западных историков один из важнейших этапов «русской восточной экспансии» был связан с проникновением русских в Северную Америку, при этом большинство современных историков не усматривали принципиальных различий между североазиатскими и североамериканскими владениями России. Так, А. Вуд в одной из своих работ дал определение сибирской колонии как всей территории от Западной Сибири до Аляски включительно¹¹⁷⁶. Тем самым британский историк поддержал вывод советских исследователей о том, что, во-первых, присоединение Восточной Сибири и Дальнего Востока стало «логическим продолжением процесса», начало которому положило крушение Сибирского ханства и переход в русское подданство западносибирских народов¹¹⁷⁷; а, во-вторых, что Русская Америка возникла как «следствие великих русских географических открытий на востоке Азии и в северной части Тихого океана»¹¹⁷⁸.

Впервые в западной историографии против такого подхода выступил Р. Фишер. В своей рецензии на сборник статей «История Сибири: от русского завоевания до революции», подготовленный к печати А. Вудом, Р. Фишер выразил несогласие с включением в сборник статьи Дж.Гибсона по истории Русской Америки. Возражения Р.Фишера также вызвало

¹¹⁷⁵ По справедливому заключению исследователей, изучение истории Русской Америки не относится к традиционным направлениям немецкоязычной историографии. Данная тема лишь недавно начала привлекать к себе особый интерес. Посвященные ей немногочисленные исследования во многом воспроизводят выводы российских, американских и канадских специалистов. См.: Плате А. Реинтерпретация истории Аляски? // РИ. 2022. № 5. С.206-2011; Kropp H. Russlands Traum von Amerika. Die Alaska-Kolonisten, Russland und die USA, 1773-1867. Goettingen, 2019; Winkler M. Das Imperium und die Seeotter. Die Expansion Russlands in den nordpazifischen Raum, 1700-1867. Goettingen, 2016.

¹¹⁷⁶ Wood A., ed. The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. London, 1991. P. 1.

¹¹⁷⁷ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984.

¹¹⁷⁸ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: до конца XIX в. М., 1982; Чернавская В. Н. «Восточный фронт» России XVII- начала XVIII века: историко-историографические очерки. Владивосток, 2003. С. 15.

данное А.Вудом определение Русской Америки как одной из «сибирских колоний». По мнению Р.Фишера, для Русской Америки были характерны особая система управления, большее число контактов с внешним миром, как и столкновений с аборигенами. «Будь Русская Америка неотъемлемой частью Сибири, - задается вопросом Р.Фишер, - продала бы Россия ее Соединенным Штатам?»¹¹⁷⁹.

Действительно, история Русской Америки – отдельная страница в истории русской колонизации, и ее историческая судьба напрямую не зависела от успешности освоения Сибири, но само проникновение русских на североамериканский континент едва ли было возможно, не создай Россия прочный плацдарм на азиатском побережье Тихого океана. Колонизация американских территорий во многом осуществлялась теми же методами, что и освоение Дальнего Востока и Северотихоокеанского региона¹¹⁸⁰. Следует присоединиться к мнению участников международной научной конференции «Русская Америка и Дальний Восток», состоявшейся во Владивостоке в 1999 г., о взаимообусловленности процессов заселения русскими дальневосточных территорий и освоения тихоокеанского побережья Северной Америки¹¹⁸¹.

История Русской Америки оказалась в сфере пристального внимания зарубежных авторов во второй половине XIX в. – после того, как в 1867 г. царское правительство реализовало свое давнее намерение продать Аляску Североамериканским Штатам. За прошедшие полтора столетия западные историки (прежде всего американские и канадские), в распоряжении которых имелся значительный по объему массив источников, всесторонне изучили тему русского присутствия на Аляске. В числе затронутых ими проблем – выяснение причин проникновения русских в Америку; оценка итогов хозяйственного освоения региона; изучение истории русско-аборигенных отношений; а также поиск ответа на вопрос, почему Россия в итоге отказалась от своих американских владений.

«Пионерами» изучения истории Русской Америки в англо-американской

¹¹⁷⁹ Fisher R. *Rec. ad op.: The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution*. Ed. by A.Wood. London, 1991 // *Russian History=Histoire Russe*. 1991. Vol. 18. Pt. 3. P. 361 – 371.

¹¹⁸⁰ Указание на эту взаимосвязь содержалось уже в работах первого западного историка Русской Америки – Г.Бэнкрофта. Вся последующая историография, посвященная истории освоения русскими Тихоокеанского региона – от дальневосточного побережья до Аляски и Калифорнии – фактически развивала тезис Г.Бэнкрофта.

¹¹⁸¹ Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). Мат-лы междунар. науч. конф. (Владивосток, 11-13 октября 1999 г.). Владивосток, 2001. Составители сборника также отметил, что «несомненная взаимосвязь между активно начавшимся после заключения Айгунского договора 1858 г. и Пекинского трактата 1860 г. заселением русскими людьми Приамурья и Приморья последовавшей в 1867 г. продажей Русской Америки Северо-Американским Соединенным Штатам уже давно признается исследователями». С. 5.

историографии называют таких исследователей как Г.Х. Бэнкрофт, К.Л. Эндрюс и Г. Шевиньи.¹¹⁸² С именами первых двух историков, ратовавших за скорейшую «американизацию» Аляски, были связаны многочисленные «стереотипные» представления о негативных последствиях имперской политики России в Америке; о варварском обращении с коренным населением и истреблении пушного зверя. В конце XIX в. данный взгляд оспорил К.Л. Эндрюс, которого, по выражению Л.Блэк, «очаровал «русский период» в истории Аляски – «один из наиболее ярких и наименее изученных». Выучив русский язык, К.Л. Эндрюс занялся сбором многочисленных источников по истории Русской Америки. Итогом его многолетней работы стала публикация двух монографий: «История Ситки» и «История Аляски»¹¹⁸³. В 1942 г. К.Л. Эндрюс написал биографическое исследование об А.А. Баранове, но эта книга так и не увидела свет.

В конце 1930-х гг. К.Л. Эндрюс познакомился с журналистом и писателем Г. Шевиньи, который заинтересовался историей Русской Америки под влиянием американского историка Э. Мини (E. Meany) и в 1937 г. опубликовал книгу «Утраченная империя», посвященную Н.П. Резанову.¹¹⁸⁴ К 1965 г. вышли ещё две книги Г.Шевиньи – «Властелин Аляски» (об А.А. Баранове) и «Русская Америка»¹¹⁸⁵. В начале 1960-х гг. Г. Шевиньи, занимавшийся сбором документальных материалов для своих книг, обрел единомышленника в лице канадского историка Р. Пирса. В течение нескольких десятилетий Р. Пирс и его коллеги переводили на английский язык и публиковали источники по истории Русской Америки и освоения Северотихоокеанского региона. Заметный вклад в изучение темы в первой половине XX в. внесли и другие американские и канадские авторы: последователь Г. Бэнкрофта и один из основоположников американского исторического «сибиреведения» Ф. Голдер; основатель Калифорнийской исторической школы Р. Кернер; канадский историк С. Томпкинс и др.

Особое внимание в западной историографии уделялось выяснению **причин проникновения русских в Северную Америку**. В начале XX в. преобладало мнение о ведущей роли политических интересов России в регионе. Странниками данной концепции выступили Дж. Кэллаган, Б. Томас, Дж. Хильдт, немецкие историки Г. Пильдер

¹¹⁸² Black L.S. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks, 2004.

¹¹⁸³ Andrews C.L. The Story of Sitka: The Historic Outpost of the Northwest Coast. Seattle, 1922; Andrews C.L. The story of Alaska. Seattle, 1931.

¹¹⁸⁴ Chevigny H. Lost Empire: The Life and Adventures of N.P. Rezanov. New York, 1937.

¹¹⁸⁵ Chevigny H. Lord of Alaska. Baranov and the Russian Adventure. Viking, New York. 1942; Chevigny H. Russian America — The Great Alaskan Venture, 1741 -1867. New York, 1965.

и Г. Хайнц¹¹⁸⁶. Впоследствии наибольшее влияние приобрела концепция Р. Кернера о преимущественно торговых интересах русских промышленников, об их стремлении найти новые источники пушнины и продовольствия и создать «торговую империю» в регионе. В целом Р. Кернер пытался увязать процессы освоения Дальнего Востока и Русской Америки и в качестве основной причины «русской экспансии» в Северной Америке называл потерю Россией Приамурья в конце XVII в. В разное время сторонниками концепции Р. Кернера выступали Э. Эссиг, А. Огден, Л. Блэк, Дж. Гибсон¹¹⁸⁷.

Во второй половине XX в. ряд исследователей указывали на совокупность политических и торговых интересов России в Северной Америке. Так, канадский историк Г. Баррэт писал об излишней осторожности русского правительства в осуществлении политики на Дальнем Востоке и в Северной Америке¹¹⁸⁸. Медлительность правительства вредила развитию колоний, систему снабжения которых следовало наладить еще во второй половине XVIII в. Основное внимание в своей монографии Г. Баррэт уделил роли Адмиралтейства и военного флота, с помощью которого Россия пыталась упрочить свое положение на востоке. Со временем правительству стало ясно, что присутствие военных кораблей не может существенно повлиять на ситуацию, пока не будет создана соответствующая хозяйственная и военная база (в том числе предполагалось создание Тихоокеанского флота). Г. Баррэт подробно описал многочисленные правительственные планы дальнейшей колонизации Тихоокеанского региона, но далеко не все из них расценивал как осуществимые. Наиболее резкой оценки заслужил план руководителя Российско-Американской Компании Н.П. Резанова, в котором Г. Баррэт усмотрел «следы паранойи, патриотического бреда и имперских амбиций»¹¹⁸⁹.

Г. Шевиньи также уделил пристальное внимание планам Н.П. Резанова и А.А. Баранова по созданию колониальной империи в Тихом океане. В отличие от Г. Баррэта, Г. Шевиньи присоединился к мнению Н.П. Резанова об Аляске как плацдарме, позволяющем контролировать весь Тихоокеанский регион. Однако рассмотрение этих планов не

¹¹⁸⁶ Callahan J. M. *American Relations in the Pacific and Far East, 1784-1900*. Baltimore, 1901; Heinz G. H. *Die Beziehungen zwischen Russland, England und Nord-Amerika im Jahre 1823*. Berlin, 1911; Hildt J. C. *Early Diplomatic Negotiations of the U.S. with Russia*. Baltimore, 1906; Pilder H. *Die Russisch-Amerikanische Handels-Kompanie bis 1825*. Berlin, 1914; Thomas B.P. *Russo-American Relations, 1815-1867*. Baltimore, 1930.

¹¹⁸⁷ Gibson J. *Tsarist Russia in Colonial America // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution*. London, 1991.

¹¹⁸⁸ Barrat G. *Russia in the Pacific, 1715-1825*. Vancouver, London, 1981.

¹¹⁸⁹ Barrat G. *Russia in the Pacific, 1715-1825*. Vancouver, London, 1981. P.146.

сопровождалось описанием реальной правительственной политики в отношении североамериканских колоний, без чего невозможно ответить на вопрос об истинных причинах русского проникновения на континент.

Значительное внимание в западной историографии уделялось **проблемам взаимоотношений между пришлым и коренным населением Русской Америки**. Положительные и отрицательные последствия этих взаимоотношений рассматривались историками как факторы, способствовавшие или препятствовавшие сохранению Россией своих позиций на Американском континенте. О позитивных аспектах взаимодействия пришлого и коренного населения Аляски писали Б. Смит и Р. Барнетт, отмечавшие, что «сравнительно с другими колонизаторами Северной Америки русские отличались значительно более гуманным отношением к коренным жителям», предоставляли туземцам возможность получить образование и медицинскую помощь¹¹⁹⁰.

Многие западные исследователи приходили к заключению о негативных последствиях русской колонизации для коренного населения Северной Америки. Так, профессор Орегонского университета Д. Е. Дюмонд, основываясь на работах К. Арндта и Дж. Гибсона, отмечал, что русские врачи, проводившие вакцинацию от оспы в 1830-х гг., невольно содействовали распространению болезни, в результате случайного заражения путем прививок¹¹⁹¹. О сопротивлении коренного населения Аляски писали А. Каппелер, Дж. Гибсон.

Профессор университета Аляски Л. Блэк, основываясь на архивных материалах из коллекций Г. Юдина и Ф. Голдера, а также на источниках и монографиях, опубликованных Р. Пирсом¹¹⁹², рассматривала историю взаимоотношений коренного и пришлого населения на о. Кадьяк как историю военного конфликта, продиктованного стремлением Г. Шелихова «утвердиться в самом заселенном районе Аляски, который тогда был известен России». С точки зрения исследовательницы, «с самого начала Шелихов планировал применить силу и имел намерение использовать ресурсы региона, как природные, так и человеческие, в своих экспансионистских целях». По мнению Л. Блэк, продолжателем политики

¹¹⁹⁰ Russian America: The Forgotten Frontier. Washington, 1990.

¹¹⁹¹ Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). Мат-лы междунар. науч. конф. (Владивосток, 11-13 октября 1999 г.). Владивосток, 2001. С.5.

¹¹⁹² В 1970-80-х гг. Р. Пирс опубликовал серию статей и сборников документов, посвященных различным аспектам взаимоотношений русского и коренного населения Аляски и Алеутских островов. См. напр.: Shelikhov, Grigorii. A Voyage to America, 1783-1786. Kingston, Ontario, 1981.

Г.Шелихова в регионе стал А.Баранов¹¹⁹³.

Вместе с тем, в своем последнем обобщающем исследовании по истории Русской Америки, написанном на основе широкого круга источников, Л.Блэк дала преимущественно положительную оценку политики России в отношении коренных жителей Русской Америки, отмечая усилия русских по развитию системы здравоохранения и образования, распространявшуюся и на аборигенное население; их посредническую миссию в межплеменных переговорах и пр.¹¹⁹⁴ При этом исследовательница признала, что в западной «литературе и политических речах историю Русской Америки описывают с помощью стереотипных утверждений о том, что в регионе имела место эксплуатация или даже порабощение коренного населения, а также ограбление природных ресурсов».

В действительности же в течение всего времени присутствия русских на Аляске их численность не превышала 500 человек, тогда как аборигенов было во много раз больше. К 1830-м гг. русским было запрещено постоянно проживать на Аляске; исключение сделали только для тех, кто женился на представительницах коренного населения. Русские войска появились на Аляске только в 1850-х гг., когда на Ситке был размещен контингент для обороны острова на случай нападения англичан. Динамика отношений между русскими и аборигенами Аляски качественно отличалась от тех процессов, которые имели место в более поздний период, когда на Аляску пришли американцы, применявшие те же методы, что использовались ими в отношении индейцев в западных штатах. Главными инструментами такой политики являлись военная оккупация и контроль в сочетании с полной свободой действий для гражданского населения.

В своей рецензии на монографию Л.Блэк с данным выводом исследовательницы категорически не согласился Б. Дмитришин. По его утверждению, все колонизаторы (в том числе и русские) обращались с покоренным населением сурово, в соответствии с распространенными нравами и обычаями того времени; полагать, что русская экспансия и оккупация Аляски были в каком-то отношении "филантропическими", значит допускать

¹¹⁹³ Блэк Л.С. Покорение русскими Кадьяка // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.). Матлы международной научной конференции (Владивосток, 11-13 октября 1999 г.). Владивосток, 2001. С.104-132.

¹¹⁹⁴ Black L.S. Russians in Alaska, 1732-1867. Fairbanks, 2004. Л. Блэк совместно с Н. И Р. Дауерхауер подготовила к печати сборник «Русские в Америке тлинкитов: Сражения при Ситке 1802 и 1804 гг.», где предпринята попытка взглянуть на историю взаимоотношений пришлого и коренного населения Русской Америки глазами самих индейцев, отнюдь не считавших себя проигравшей стороной. См.: Russians in Tlingit America. The Battles of Sitka 1802 and 1804. Seattle, 2008.

историческую неточность. Приход русских принес аборигенам множество тягот, в том числе рабство и захват заложников, эксплуатацию природных ресурсов. Аборигены периодически восставали против насилия, сопровождавшего появление русских, вынудив последних в итоге ограничить свою деятельность территорией собственных форпостов, находившихся под круглосуточной охраной¹¹⁹⁵.

При всей широте тематического и хронологического охвата работ по истории Русской Америки, западные исследователи наиболее пристальное внимание уделяли вопросам, связанным с **продажей Аляски в 1867 г.** Историки анализировали причины (экономические, политические, военно-стратегические и т.п.), по которым Россия уступила, а США — приобрели Аляску; выявляли факторы, способствовавшие заключению сделки (в частности, оценивали результаты деятельности Российско-Американской компании (далее - РАК), положение дел в колониях накануне продажи, состояние российско-американских отношений, изменения международной обстановки на северо-западе американского континента и т. п.), в том числе подчеркивали значение субъективного фактора (усилий наиболее последовательных сторонников сделки — вел. кн. Константина Николаевича, российского посланника в Вашингтоне Э.А. Стекля, госсекретаря США У. Сьюарда и др.), анализировали реакцию общественности (в США, России и мире) на заключение договора; выясняли, как он повлиял на международные отношения.

Разнообразие концепций и оценок, содержащихся в работах западных историков, столь велико, что они сами послужили предметом многочисленных историографических исследований - статей и разделов в монографиях, опубликованных как в России (Н.Н.Болховитинов, Г.А.Агранат, Е.В.Алексеева, А.В.Гринев и др.), так и за рубежом (С.Хэйкок, Л.Блэк, К.-М. Наске, Г.Е.Слотник, И. Виньковецкий и др.).¹¹⁹⁶

¹¹⁹⁵ Dmytryshyn B. Rec. ad op.: Black L. Russians in Alaska: 1732-1867. Fairbanks, University of Alaska Press, 2004. XXX + 328 p. // Pacific Historical Review. Vol. 74. No. 2 (May, 2005). P.283-284.

¹¹⁹⁶ Агранат Г.А. Новые американские работы о Русской Америке // Летопись Севера. М., 1957. Т.2. С.247-255; Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология. 1985. № 4. С.87-95; Алексеева Е.В. Русская Америка: новые концепции в англоязычной историографии // Известия СО РАН. Серия: История, филология и философия. 1993. Вып. 1. С. 59–63; Гринев А.В. Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии // Клио. 2000. № 2. С.17-26; История Русской Америки (1732-1867): В 3-х тт.: Т. 1. Основание Русской Америки (1732-1799). М., 1997; Hayscox S. Russian America: Studies in the English language // Pacific Historical Review. Berkeley, 1990. Vol. 59. No. 2. P. 231-252; Black L.S. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks, 2004; Naske С.-М., Slotnick Н.Е. Alaska: A History of the 49th State. University of Oklahoma Press, 1994; Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804 - 1867. М., 2015.

Первым американским историком, достаточно подробно осветившим данную тему¹¹⁹⁷, стал Г.Бэнкрофт, который опирался на широкий круг источников, выявленных им самим и его многочисленными помощниками в американских и российских архивах¹¹⁹⁸. В частности, историк использовал материалы из "колониального архива" Ново-Архангельска (переданного после продажи Аляски американской стороне и в то время хранившегося в Государственном департаменте США); документы из архива Адмиралтейств-коллегии (в Санкт-Петербурге); дипломатическую переписку; материалы Конгресса; многочисленные публикации в периодической печати и др.

Особое значение придавалось устным источникам - прежде всего, свидетельствам непосредственных участников событий, имевших отношение к продаже Аляски. Обширный список использованной литературы и источников подчеркивает фундаментальный характер исследования, хотя нельзя не отметить своеобразный стиль изложения материала — скорее, публицистический, нежели научный.

В своей работе Г. Бэнкрофт обозначил тот круг проблем, которым следующие поколения исследователей будут уделять преимущественное внимание. В частности, он определил мотивы, которыми руководствовались российская и американская стороны, заключая договор о продаже Аляски; отметил сложности, возникшие с утверждением договора в Конгрессе; упомянул о скандалах и слухах, связанных с расходованием средств, предназначенных для оплаты сделки.

Свое исследование автор предваряет утверждением, что народу США не пришлось заплатить непомерную цену за ту территорию, на которой он создал свое государство. Американцы использовали широкий арсенал средств - «разнообразные уловки, блеф, подкуп, военные действия», заполучив в итоге обширное пространство, на котором "под звездно-полосатым флагом теперь процветают равенство, гуманизм и священные права", а "дикари в резервациях приобретают навыки и болезни цивилизации". По саркастическому замечанию американского историка, "все, что мы не украли сами, мы

¹¹⁹⁷ Bancroft H.H. History of Alaska. 1730-1885 // The Works of Hubert Howe Bancroft. Vol. XXXVIII. San Francisco, 1886.

¹¹⁹⁸ Впоследствии историки поставили под сомнение достоверность некоторых сведений и подлинность материалов, предоставленных одним из ассистентов (и фактическим соавтором) Г. Бэнкрофта - И.И. Петровым (1842-1896). Выходец из России, И. Петров поначалу сделал в США вполне успешную карьеру журналиста, а затем государственного служащего, но в итоге разрушил собственную репутацию, будучи уличенным в фальсификации официальных документов. См.: Pierce R. A. New Light on Ivan Petroff, Historian of Alaska // The Pacific Northwest Quarterly. 1968. Vol.59. No.1. P.1-10.

купили у тех, кто украл раньше нас, и заплатили за это недорого"¹¹⁹⁹. Впрочем, по его признанию, Аляска была тем редким случаем, когда одного «блефа» было недостаточно. Заполучить территорию военным путем в тот период было невозможно, поэтому оставалось либо заплатить, либо отступить. Историк полагает, что при цене 2 цента за акр сделку по покупке Аляски нельзя не признать выгодной - "это было дешевле, чем кража".

Тем не менее, в 1867 г. лишь немногие американцы придерживались данной точки зрения. Как пишет историк, даже среди тех, кто с самого начала был хорошо осведомлен о существовании дела, единицы полагали, что Аляска стоила уплаченных за нее денег. Г. Бэнкрофт приводит расчеты сотрудника Министерства США, представленные в 1869 г., согласно которым в ближайшие годы и даже десятилетия доходы от различных промыслов не смогут покрыть сумму, потраченную на покупку Аляски, а также компенсировать расходы, связанные с военным присутствием американцев на полуострове, и поэтому, по мнению автора документа, было бы разумнее совсем отказаться от планов освоения и заселения Аляски. Г. Бэнкрофт категорически не согласился с такими оценками, полагая, что в недалеком будущем добыча полезных ископаемых и заготовка древесины полностью оправдают сделку. Вывод Г. Бэнкрофта о неблагоприятной реакции общественного мнения на покупку Аляски получит широкое распространение в американской историографии¹²⁰⁰, хотя ряд исследователей впоследствии его опровергли. Так, в 1930-е гг. Т. Бейли и В.Х. Рейд на основе изучения публикаций в газетах тихоокеанских штатов опровергли миф о враждебном отношении прессы к договору о покупке Аляски. В 1958 г. к аналогичному выводу пришел Р. Уэлч, который изучал материалы газет, издававшихся в городах восточного побережья. По данным Р.Е. Нейнхерца, против договора выступила в основном пресса южных штатов.¹²⁰¹

Спустя десятилетия о действительных богатствах Аляски стало известно гораздо больше, но все же отношение общественности не слишком изменилось, поскольку многие продолжали пребывать в убеждении, что главными ресурсами Аляски являлись рыба и пушной зверь. В своем исследовании американский историк стремился доказать, что

¹¹⁹⁹ Bancroft H.H. History of Alaska. 1730-1885 // The Works of Hubert Howe Bancroft. Vol. XXXVIII. San Francisco, 1886. P. V.

¹²⁰⁰ См., напр.: Shiels A.W. The Purchase of Alaska. University of Alaska Press, 1967.

¹²⁰¹ См.: Bailey Th.A. Why the United States Purchased Alaska // PHR. 1934. Vol. 3. No 1. P.39-49; Reid V.H. The Purchase of Alaska: Contemporary Opinion. Long Beach, 1940; Welch R.E., Jr. American Public Opinion and the Purchase of Russian America // American Slavic and East European Review. 1958. Vol.17. P.481-494; Neunherz R.E. The Purchase of Russian America: Reasons and Reactions. Ph.D. Dissertation. University of Washington, 1975.

Аляске вполне хватало ресурсов, но остро не хватало развития; что она, будучи куда более пригодной для жизни, чем, к примеру, Скандинавия, тем не менее оставалась практически незаселенной.

Историк подробно останавливается на обсуждении мотивов, которыми руководствовались Россия и США при заключении сделки. По мнению Г.Бэнкрофта, решение царского правительства об отказе от североамериканских колоний было обусловлено, прежде всего, политическими соображениями — невозможностью защиты Аляски в случае войны, необходимостью сосредоточиться на противодействии британской экспансии в Азии и упрочении позиций России на Дальнем Востоке.

Как отмечает исследователь, Россия не стремилась сохранить контроль над этой территорией, отделенной от столицы бурным океаном и пространством всей огромной империи. Вопрос о передаче американских владений в непосредственное ведение правительства поднимался задолго до Крымской войны, но в итоге имперские власти пришли к выводу, что затраты, связанные с обеспечением безопасности этой обширной территории и содержанием колониального административного аппарата, не будут покрываться соответствующими доходами. Бомбардировки Петропавловска-Камчатского и другие эпизоды Крымской войны только подтвердили эти опасения, и не слишком далеким казался тот день, когда между Россией и Англией начнется давно назревавшая борьба за влияние в Центральной Азии. В Санкт-Петербурге понимали, что в этом случае России придется мобилизовать все свои ресурсы. В случае новой войны с богатейшей державой мира (к тому же располагавшей самым мощным военно-морским флотом) ни люди, ни корабли, ни деньги не могли быть направлены на защиту Русской Америки.

Г. Бэнкрофт также подчеркивает, что формально Русская Америка не являлась неотъемлемой частью Российской империи¹²⁰², а право на ее освоение царским указом было предоставлено торговой компании. Безусловно, государство стремилось контролировать деятельность РАК, более того, члены царской семьи были в числе ее акционеров.¹²⁰³ Монопольные привилегии компании дважды продлевались (в 1821 и 1844

¹²⁰² Заметим, впрочем, что в 1787 г. в соответствии с «секретными наставлениями», данными иркутским генерал-губернатором И.В. Якоби, на Аляске были зарыты 10 металлических «досок» и изображением медного креста и надписью «Земли Российского владения». См.: Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С. 250-265.

¹²⁰³ В дискуссиях нескольких поколений американских и канадских историков камнем преткновения являлся вопрос о причинах образования Российско-Американской Компании, а точнее – о соотношении государственной и частной инициативы в ее создании. Большинство зарубежных исследователей (А.Мазур, Дж.Харрисон, Б.Дмитришин, Т.Воон и Э.Краунхарт-Воон, Г.Баррэт и др.) усвоили взгляд советского историка С.Б. Окуня на РАК

гг.), но когда руководство РАК отклонило проект четвертого устава, правительству пришлось задуматься о дальнейшей судьбе Русской Америки. Уступив Аляску Соединенным Штатам, Россия укрепила дружеские отношения с республикой, которой, как казалось, суждено было в недалеком будущем контролировать весь континент.

Г. Бэнкрофт ссылается на сведения, сообщенные в 1867 г. сенатором Ч. Самнером, согласно которым переговоры между Россией и США о продаже Аляски начались еще в конце 1850-х гг. С согласия президента Дж. Бьюкенена и при посредничестве калифорнийского сенатора У.М. Гвина российской стороне была названа сумма в 5 млн. долл., что, по мнению Г. Бэнкрофта, существенно превышало совокупный капитал РАК. Вероятность утвердительного ответа со стороны России представлялась высокой, однако переговоры прервались из-за начавшейся гражданской войны в США.

По мнению историка, мотивы, которыми руководствовалось американское правительство при покупке Аляски, объективно изложены в отчете сенатского комитета по иностранным делам, опубликованном 18 мая 1868 г.¹²⁰⁴ Формально покупка Аляски оправдывалась стремлением американского правительства учесть интересы жителей тихоокеанских штатов, требовавших допустить их к участию в рыболовном промысле в заливах и реках, ранее находившихся под контролем русских властей.¹²⁰⁵ Далее говорилось о необходимости предотвращения передачи северо-западных территорий

как креатуру правительства, призванную действовать в его интересах и осуществлять его замыслы. Противоположной точки зрения придерживалась сотрудница Университета Северной Каролины М. Уилер, считавшая, что создание монополии Павлом I было лишь попыткой упорядочения и расширения деятельности промышленников, игравших ведущую роль в освоении региона. Немецкий историк А. Каппелер также полагал, что создание РАК лишь обеспечило частным предпринимателям протекцию со стороны государства, но частная инициатива купечества играла в ее деятельности ведущую роль. См.: Mazour A.G. The Russian-American Company: private or government enterprise // *Pacific Historical Review*. 1944. Vol.13. No.22. P.168-173; Harrison J. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables, Florida, 1971; To Siberia and Russian America: Three Centuries of Russian Eastward Expansion (1558–1867): 3 Vols. Portland, 1985–1989; Wheeler M. The Russian American Company and the Imperial Government: Early Phase // *Russia's American Colony*. Durham, 1987; Алексеева Е.В. Русская Америка: новые концепции в англоязычной историографии // *Известия СО РАН. Серия: История, филология и философия*. 1993. Вып. 1. С. 59–63; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

¹²⁰⁴ Bancroft H.H. History of Alaska. 1730-1885 // *The Works of Hubert Howe Bancroft*. Vol. XXXVIII. San Francisco, 1886. P.595.

¹²⁰⁵ Историк подчеркивает, что особый интерес к российским владениям на американском Северо-Западе проявляли жители Территории Вашингтон, заинтересованные в развитии рыбного и китобойного промыслов и жаловавшиеся на конкуренцию со стороны русских и британцев (несмотря на то, что китобойный промысел в действительности почти полностью находился в руках американцев). В свою очередь, сенатор от штата Калифорния К.Коул предпринимал попытки учредить в Сан-Франциско торговую компанию и добиться для нее разрешения на приобретение пушнины в русских владениях, еще в конце 1830-х гг. переданных в аренду Компании Гудзонова залива (договор аренды, неоднократно пролонгированный, истек 1 июня 1867 г.). В 1945 г. американский историк Е.Л. Кейтан опубликовал статью, посвященную деятельности Американо-русской торговой компании (АРТК) в Сан-Франциско в 1850-1869 гг. Исследователь пришел к выводу, что выгодные контракты по поставкам льда из Русской Америки, заключенные АРТК, также весьма способствовали заинтересованности американцев в покупке Аляски, по крайней мере среди жителей Калифорнии. См.: Keithan E.L. Alaska Ice, Inc. // *Pacific Northwest Quarterly*. 1945. No. 36. P.121-131; *American Foreign Relations since 1600: A Guide to the Literature*. Santa Barbara, 2003. Vol.1. P.439-440.

"недружественной державе" (т.е. Великобритании); о предоставлении возможностей для создания новых "индустриальных компаний" в Тихоокеанском регионе ("необходимых для обеспечения превосходства нашей империи на суше и на море"); а также о получении преимуществ для беспрепятственной торговли американцев с Японией и Китаем. Иными словами, договор, в действительности, служил целям американской экспансии. Кроме того, авторы отчета подчеркивали необходимость упрочения дружественных отношений с Россией.

Подписанный договор подлежал ратификации Конгрессом США, что вызывало определенное беспокойство у участников переговоров, поскольку в то время американские конгрессмены, настроенные оппозиционно в отношении администрации президента Э. Джонсона, отстаивали право на собственную позицию и известную самостоятельность законодательной власти во внешней политике. Как замечает Г. Бэнкрофт, "невиданная быстрота, с которой договор был заключен, и дальнейшее сопротивление, которое оказывал Конгресс, прежде чем его утвердить" показывают обоснованность этих опасений.

Наряду с сомнениями в целесообразности сделки как таковой, конгрессмены высказывали подозрения относительно правильности расходования денежных средств, которые должны были быть выплачены российскому правительству. В ходе расследования, проведенного Конгрессом в 1868-1869 гг., не было доказано получение кем-либо взяток, если не считать таковыми выплату российским посланником Э.А. Стеклем 3 тыс. долл. автору статей, написанных в поддержку договора и опубликованных в "Washington Daily Chronicle".

Г. Бэнкрофт предпочел согласиться с результатами расследования, тем более что, по его словам, "всем гражданам Америки хорошо известно, что президент США и его представители могут распоряжаться бюджетными средствами без одобрения Конгресса не в большей мере, чем английская королева может оплачивать свои завтраки без согласия парламента".¹²⁰⁶

¹²⁰⁶ Bancroft H.H. History of Alaska. 1730-1885 // The Works of Hubert Howe Bancroft. Vol. XXXVIII. San Francisco, 1886. P.598. В 1912 г. У. Даннинг вновь поднял вопрос о взятках как инструменте, обеспечившем заключение сделки по Аляске, основываясь при этом на анализе документов из архива президента Эндрю Джонсона. Согласно записям, сделанным Э. Джонсоном со слов У. Сьюарда, Э.А. Стекль заплатил 50 тыс. долл. журналистам и 18 тыс. долл. - конгрессменам. (См.: Dunning W.A. Paying for Alaska // Political Science Quarterly. 1912. Vol. 27. No.3. P.385-398). Впоследствии Ф. Голдер обнаружил в архивах зашифрованное донесение Э.А. Стекля А.М. Горчакову, в котором упоминались 200 тыс. долл., выданных посланнику для покрытия «секретных расходов», однако американский историк ошибочно увязывал эту сумму с «иском Перкинса». В АВПР (фонд РАК) Н.Н. Болховитинову удалось найти документы за подписями М.Х. Рейтерна и Александра II, где прямо говорилось о 165 тыс. долл., выданных Э.А.

Таким образом, в представлении Г.Бэнкрофта, изначально в Северотихоокеанском регионе и русские, и американцы в равной мере руководствовались экспансионистскими целями. В дальнейшем Россия сосредоточила свои интересы в Азии, а решение о продаже Аляски было обусловлено, прежде всего, политическими соображениями — стремлением избежать конфликта с соседями из-за территории, безопасность и военную защиту которой Российская империя оказалась не в состоянии обеспечить. Г. Бэнкрофт признавал, что жизнь в Русской Америке была сопряжена с множеством трудностей, а существовавшую в ней систему управления назвал "полудикарской", но все же отмечал положительные моменты в деятельности русских колонизаторов, которые, по крайней мере, давали местным жителям защиту, достаточные средства к существованию, строили церкви и школы, тогда как вместе с американцами "пришла спекуляция, нажива и беззаконие".

В начале XX в. политическое и торговое соперничество морских держав в Тихом океане расценивалось в американской историографии как важнейший фактор, обусловивший уход России с Американского континента (Дж. Хильдт, Дж. Кэллаган, Б. Томас).¹²⁰⁷ Тем не менее, американские исследователи по-прежнему полагали, что договор о продаже Аляски был более выгодным для Российской империи, нежели для США. В этой связи особое значение придавалось фактору дружественных отношений между странами, которыми удачно воспользовалась Россия, и которые не позволили американцам отказаться от невыгодной сделки. Так, в статье, опубликованной в 1934 г., Т.Бэйли даже утверждал, что одним из главных факторов, способствовавших заключению договора о покупке Аляски, послужило чувство благодарности американцев России за поддержку в период Гражданской войны.¹²⁰⁸

Особую позицию занимал Ф.А.Голдер, который в 1920 г. опубликовал статью, где

Стекло на «негласные расходы», связанные с договором о продаже Аляски, но и эти документы не внесли полной ясности в обстоятельства заключения сделки. В 1983 г. специальную монографию данной теме посвятил П.С. Холбо, который подробно описал ход расследования, проведенного прессой и Конгрессом в связи со скандалом, возникшим вокруг покупки Аляски. По мнению историка, реакция общественности имела даже большее значение, чем сами нарушения при расходовании средств. Обвинения в коррупции бросили тень на экспансионистов и создали серьезные препятствия на пути империализма. (Holbo P.S. *Tarnished Expansion: The Alaska Scandal, the Press and Congress, 1867-1871*. Knoxville, 1983; *American Foreign Relations since 1600: A Guide to the Literature*. Santa Barbara, 2003. Vol.1. P.439-440; Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834-1867. М., 1990. С.368.).

¹²⁰⁷ Callahan J.M. *American Relations in the Pacific and Far East, 1784–1900*. Baltimore, 1901; Hildt J.C. *Early Diplomatic Negotiations of the U.S. with Russia*. Baltimore, 1906; Thomas B.P. *Russo-American Relations, 1815–1867*. Baltimore, 1930.

¹²⁰⁸ Bailey T.A. *Why the United States Purchased Alaska* // *Pacific Historical Review*. 1934. Vol. 3. P.39-49.

впервые в американской историографии подробно осветил ход переговоров, показал роль различных участников процесса как с американской, так и с российской стороны¹²⁰⁹. В качестве источников Ф.А. Голдер использовал дипломатическую переписку российского посланника Э.А. Стекля (которую американский исследователь изучал, когда составлял указатель материалов по американской истории в российских архивах); документацию российского Министерства иностранных дел; документы из американских архивов, в том числе материалы Конгресса.

Ф.А. Голдер попытался выяснить, когда впервые в официальных кругах России и США впервые начала всерьез обсуждаться возможность продажи Аляски.¹²¹⁰ Историк сообщает, что накануне Крымской войны руководство РАК через своего агента С.П. Костромитинова пыталось оформить фиктивную сделку по продаже Аляски Американско-русской торговой компании (далее - АРТК), штаб-квартира которой находилась в Сан-Франциско. В условиях, когда для защиты своих американских владений от возможного нападения Россия не располагала достаточными военными средствами, такая "продажа" территории должна была послужить отвлекающим маневром, хотя госсекретарь США У.Л. Марси и сенатор У. Гвин, с которыми Э.А. Стекль проводил консультации по данному вопросу, предположили, что Англия вполне способна увидеть истинный смысл сделки и не станет с ней считаться.

Одновременно руководство РАК пыталось договориться с Компанией Гудзонова залива (далее — КГЗ) о взаимных гарантиях нейтралитета в отношении владений обеих стран на северо-западном побережье Американского континента. В то же время слухи о возможной продаже активно обсуждались в американской прессе, которые, по мнению госсекретаря США У. Марси (с чем согласился и Ф.А. Голдер), весьма способствовали тому, что Великобритания в итоге согласилась на нейтрализацию североамериканских владений. В марте 1854 г. КГЗ (по рекомендации Форин-офиса) приняла предложение РАК в той части, в какой оно касалось территориальных владений на суше, но сохранило за британским флотом право захватывать любое российское судно в северной части Тихого

¹²⁰⁹ Golder F.A. The Purchase of Alaska // The American Historical Review. 1920. Vol.25. No. 3. P.411-425.

¹²¹⁰ Так, по свидетельству бывшего министра финансов США Р. Дж. Уокера, еще в период президентства Дж. Полка император Николай I "изъявлял желание уступить американцам Русскую Америку", если Соединенные Штаты передвинут границу своих прибрежных владений до 54° 40' (южной границы Русской Америки). Как замечает американский историк, даже если такое предложение действительно было сделано, в российских дипломатических документах того времени о нем не сохранилось никаких упоминаний. Судя по всему, министры Александра II о нем тоже ничего не знали.

океана, независимо от его принадлежности, и блокировать порты Аляски.¹²¹¹

Начало фактических переговоров о продаже Аляски Ф.А. Голдер справедливо относит к концу 1850-х гг. Главным инициатором и сторонником заключения сделки историк называет вел.кн. Константина Николаевича, который "не был другом РАК и ее своевольных методов", критикуя компанию за монопольные привилегии и безграничную власть над местным населением. В письме от 24 марта 1857 г., адресованном главе МИД А.М. Горчакову, Константин Николаевич перечислил основные причины, по которым американские владения России должны быть переданы США: небольшая ценность колоний для России; острая потребность казны в деньгах; заинтересованность США в приобретении северо-западных территорий для упрочения своего положения в Тихоокеанском регионе. Для оценки стоимости американских владений России вел.кн. Константин предложил обратиться к отставным офицерам РАК (прежде всего, к Ф.П. Врангелю).

Убежденным сторонником идеи продажи Аляски выступал и российский посланник в Вашингтоне Э.А. Стекло, который полагал, что колония является лишь источником проблем во взаимоотношениях России и США.¹²¹² В январе 1860 г. Э.А. Стекло уведомил А.М. Горчакова о том, что еще в декабре минувшего года сенатор У. Гвин обратился к нему по вопросу о продаже Аляски и заверил его в готовности президента Дж. Бьюкенена заключить сделку. В ходе беседы сенатор назвал сумму в 5 млн долл. По мнению Э.А. Стекла, данная сумма превышала доход, который колонии когда-либо смогли бы принести, и, вероятно, США никогда не будут готовы заплатить больше.¹²¹³

¹²¹¹ Как сообщает Н.Н. Болховитинов, после этого "фиктивный контракт" о продаже владений и имущества РАК был немедленно аннулирован, а "колониальное начальство получило выговор за излишнюю самостоятельность". См.: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834-1867. М., 1990. С.104). По сведениям Ф.А. Голдера, для защиты судов Э.А. Стекло все же попросил С.П. Костромитинова отправить суда в Сан-Франциско якобы для продажи АРТК, но глава компании Б. Сандерс ответил отказом, будучи уверенным, что Англия в конечном счете завладеет Аляской, и что в этих условиях компании выгоднее занять сторону наиболее вероятного победителя.

¹²¹² В частности, вопреки положениям конвенции 1824 г., российские подданные — выходцы из Русской Америки свободно переселялись во владения США, тогда как американцы не пользовались аналогичными правами во владениях России. Как пишет Ф.А. Голдер, "американцев это естественным и справедливым образом возмущало, и они угрожали, и не раз, закрыть свои гавани не только для кораблей компании, но и для всех российских судов. С каждым годом их жалобы звучали все громче, и Э.А. Стекло предсказывал, что в недалеком будущем такие односторонние действия создадут напряжение в дипломатических отношениях между двумя странами". Вскоре Э.А. Стекло сообщил в Петербург, что в американской столице активно обсуждались слухи о возможном переселении на Аляску мормонов. Российский посланник подчеркивал, что если такое переселение состоится, Россия должна будет либо оказать сопротивление, либо предоставить земли для заселения. По мнению Ф.А. Голдера, письмо Э. Стекла произвело сильное впечатление на императора. См.: Golder F.A. The Purchase of Alaska // The American Historical Review. 1920. Vol.25. No. 3. P.414-415.

¹²¹³ Не давая прямых рекомендаций, Э.А. Стекло, тем не менее, сумел высказать ряд аргументов, косвенно свидетельствующих в пользу уступки Аляски Соединенным Штатам. Он подчеркнул, что ситуация в

Напоминая, что американские владения России не могли быть защищены в случае нападения другой державы, Э.А. Стекло в итоге привел аргумент, который, по замечанию Ф.А. Голдера, должен был подействовать безотказно. Посланник выразил уверенность в том, что передача Аляски Соединенным Штатам «приведет Англию в крайнее замешательство». Захват Калифорнии американцами, по мнению Э.А. Стекла, был первым серьезным ударом по амбициям Британии на Тихом океане, а приобретение Аляски положило бы им конец. Зажатой между Орегоном и Аляской, Британской Колумбии не суждено было иметь великого будущего.

Переговоры прервались из-за внутривластных проблем как в США, так и в России. Как пишет Ф.А. Голдер: "В течение следующих нескольких лет Россия и США делали все возможное, чтобы удержать те территории, которые у них уже имелись, не ставя перед собой задач по покупке или продаже дополнительных территорий"¹²¹⁴. Тем временем ревизионная комиссия представила отчет о положении дел в Русской Америке, который, по мнению Ф.А. Голдера, содержал выводы не в пользу компании, однако, в любом случае, возможность немедленного заключения сделки на тот момент была упущена. Между тем акции РАК дешевели, и если в 1854 г. Ф.П. Врангель оценивал стоимость одной акции в 500 руб., то в 1866 г. за нее не давали и 75 руб.

Ввиду угрозы банкротства руководство РАК обратилось к министру финансов с просьбой о спасении. Однако правительство не желало брать колонии под свой контроль, хотя и не стремилось передавать их, по выражению Ф.А. Голдера, еще одной "банде грабителей". Вел.кн. Константин вновь обсудил со Э.А. Стеклом возможности продажи Аляски, после чего обратился с этим вопросом напрямую к императору. По поручению Александра II А.М.Горчаков попросил руководителей Морского министерства и Министерства финансов, а также Э.А.Стекла представить свои предложения в письменном виде.

Константин Николаевич вновь повторил доводы, которые неоднократно излагал и ранее, выражая уверенность, что американские владения следует передать Соединенным

Тихоокеанском регионе принципиально изменилась в течение XIX в. Торговля пушниной, которая в свое время играла большую роль, становилась атрибутом прошлого, а вместо нее стремительно развивались сельское хозяйство, торговля, промышленность. Однако в Русской Америке, в силу ее географического расположения, нельзя было надеяться на успешное развитие указанных отраслей, и, следовательно, колония была обречена на отставание. Э.А. Стекло был убежден, что если колония останется под управлением РАК, то ситуация, несомненно, только усугубится. Если же ее передать под управление государства, никто не мог гарантировать, что ситуация улучшится.

¹²¹⁴ Golder F.A. The Purchase of Alaska // The American Historical Review. 1920. Vol.25. No. 3. P.417.

Штатам, и что Россия должна потратить свою энергию на освоение Приамурья.¹²¹⁵ Министр финансов М.Х. Рейтерн заявил, что РАК либо неудачлива, либо неэффективна, но, в чем бы ни заключалась причина ее бедственного положения, не оставалось никаких сомнений в том, что компания исчерпала свои ресурсы. Вместе с тем, для правительства взятие колоний под свой контроль означало бы дополнительные жертвы и бремя, которое оно не могло себе позволить. Таким образом, министр согласился с великим князем, что Аляску следовало продать. Э.А. Стекло вновь указал, что Русская Америка являлась источником проблем во взаимоотношениях России и США, и что от нее следовало избавиться как можно скорее.

Далее Ф.А. Голдер обстоятельно изложил ход переговоров Э. А. Стекла с госсекретарем США У.Сьюардом, которые прошли в обстановке такой секретности, что лишь немногие в американской столице знали об их содержании. Только после подписания договора госсекретарь сообщил новость о покупке Аляски газетам.

Оппозиция проявила себя немедленно. К Э. А. Стекло явилось несколько сенаторов, уведомивших его, что они не будут голосовать за утверждение договора, просто по той причине, что сделка связана с именем У. Сьюарда. Сенатор Ч. Самнер просил Э.А. Стекла отозвать договор, на что российский посланник заявил, что, с точки зрения российского правительства, отзыв документа был бы бесчестным поступком, поскольку инициатором соглашения выступила американская сторона. В дальнейшем многочисленные друзья России как в Конгрессе, так и за его стенами, сумели убедить сенаторов в том, что отказ от ратификации договора обернется позором для США, а в России будет воспринят как оскорбление. В итоге 9 апреля 1867 г. 37 сенаторов проголосовали за утверждение договора и только 2 - против.¹²¹⁶ Несмотря на долгие разбирательства по «иску Перкинса»,

¹²¹⁵ Ф.А. Голдер приводит выдержки из документа, обнаруженного им фонде российского Министерства иностранных дел. Историк ошибочно приписал его авторство контр-адмиралу А.А. Попову. Впоследствии Н.Н. Болховитинов доказал, что действительным автором записки был капитан 1-го ранга И.А. Шестаков, адъютант вел.кн. Константина и тоже последовательный критик РАК. (См.: Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834-1867. М., 1990.С.115]. Автор записки изображает положение дел в Русской Америке в самых мрачных тонах, описывая несчастья, которые РАК обрушила на коренное население Аляски, и тот ущерб, который она причинила российскому торговле. По его мнению, руководство компании думало исключительно о дивидендах, и единственные люди, которым выгодно ее существование — это акционеры. В записке также говорится, что европейцы могут сколько угодно иронизировать над доктриной Монро и идеей "явного предназначения", но все, кто хорошо знаком с американским народом, знают, что эти идеи у него в крови и в самом воздухе, которым он дышит. У России же есть "явное предназначение" на Амуре и даже южнее, в Корее. Экспансия в данном направлении, по мнению автора записки, не ослабит империю в военном отношении. См.: Golder F.A. The Purchase of Alaska // The American Historical Review. 1920. Vol.25. No. 3. P.416.

¹²¹⁶ Golder F.A. The Purchase of Alaska // The American Historical Review. 1920. Vol.25. No. 3. P.421.

14 июня 1868 г. договор был все же утвержден Палатой Представителей.¹²¹⁷

Для Ф.А. Голдера несомненно, что Э.А.Стеклю пришлось подкупить часть конгрессменов. Историк напоминает, что сделка не вызывала сочувствия у многих американских парламентариев, многие считали ее бессмысленной, а цену - слишком высокой. Ф.А.Голдер пишет, что Э.А.Стекло, глубоко разочарованный в американской политической элите, заболел от переживаний, хотя до последнего высокого отзывался об американском народе в целом и выражал надежду, что в недалеком будущем даже конгрессмены станут честными людьми.

В итоге исследователь пришел к выводу, что Россия продала Аляску ни вследствие враждебного отношения к Англии, ни из дружеских чувств к США, но лишь из желания избавиться от территории, ставшей бесполезной и обременительной. Спустя полвека после подписания договора историк пришел к выводу, что для России такой шаг был, без сомнения, мудрым и дальновидным.

По мнению Ф.А. Голдера, намного труднее объяснить, почему США купили Аляску. Очевидно, не для того, чтобы доставить удовольствие России или даже населению тихоокеанских штатов. Историк полагал, что более всего в сделке был заинтересован лично госсекретарь У. Сьюард, который, по-видимому, надеялся тем самым заручиться поддержкой широкой общественности и привлечь ее на сторону непопулярного президента Э. Джонсона. Именно с этой целью У.Сьюард распространял слухи, что Аляска куплена для того, чтобы уязвить и унижить Англию, а также для создания противовеса Канадской Конфедерации.

Таким образом, в отличие от Г.Бэнкрофта, Ф.А. Голдер считал, что Россия руководствовалась, прежде всего, экономическими соображениями, тогда как американская сторона - политическими, но при этом подписание договора менее всего имело отношение к укреплению российско-американской дружбы. Историк подчеркивал огромную роль, которую в заключении сделки сыграл госсекретарь У. Сьюард, что позволило многим современникам расценивать договор с Россией как его личный "каприз" или "прихоть".

Данный вывод историка не позволяет (как это делал Г.Кушнер и др.) в полной мере

¹²¹⁷ Наследники некоего Б. Перкинса утверждали, что еще в 1855 г. тот заключил с Э.А.Стеклом контракт на поставку пороха и боеприпасов в России, но контракт якобы так и не был выполнен. Причитающуюся им сумму (800 тыс. долл.) наследники Б. Перкинса требовали вычесть из тех денег, которые должны были быть перечислены на счета российского правительства по условиям договора о продаже Аляски. Дело принимало такой оборот, что в определенный момент у Э.А. Стекля появились опасения, что деньги за Аляску России вообще выплачены не будут.

отнести его к «консенсусному» или, по определению Н.Н. Болховитинова, «традиционному» направлению в американской историографии, представители которого (В. Фэррар, Д. Миллер, Т. Бэйли, Р. Дженсен, П. Холбо и др.) полагали, что заключение договора о продаже Аляски являлось, в первую очередь, проявлением дружественных отношений между Россией и США (хотя Ф. Голдер, безусловно, признавал, что добрые взаимоотношения между странами послужили благоприятным фоном для переговоров).

По мнению Н.Н. Болховитинова, главный недостаток работ, относящихся к «традиционному» направлению, заключается в недооценке экспансионистских устремлений американских деловых кругов, их заинтересованности в эксплуатации ресурсов Русской Америки.¹²¹⁸ Здесь также следует оговориться, что не все представители данного направления игнорировали проблему экспансии. В частности, В.Дж. Фэррар, не желавший объяснять причины заключения сделки исключительно прихотью У. Сьюарда, полагал, что приобретение Аляски явилось итогом многолетних усилий американцев, направленных на установление контроля над Северотихоокеанским регионом¹²¹⁹.

В своей статье, опубликованной в 1922 г., В.Дж. Фэррар обратил внимание на тот факт, что во время обсуждения в Конгрессе договора об Аляске в 1868 г. американские парламентарии (Н.К. Бэнкс, Л. Майерс, Ч. Самнер и др.) сообщили, что в 1840-1850-х гг. вопрос о покупке российских владений уже неоднократно обсуждался американским правительством (во времена президентства Мартина ван Бюрена, Дж. Полка и Дж. Бьюкенена).

На основе анализа содержания международных договоров и дипломатической документации В.Дж.Фэррар пришел к выводу, что позиция Соединенных Штатов в отношении Аляски менялась в зависимости от направления общей политики американского правительства на американском Северо-Западе. Историк предложил собственную периодизацию, отражающую основные повороты внешнеполитического курса США применительно к данному региону.

По мнению В.Дж. Фэррара, в конце XVIII в. - 1820-х гг. северо-западное побережье интересовало США, прежде всего, с точки зрения возможностей для добычи пушнины. По этой причине русско-американская конвенция 1824 г. представляла собой, по сути,

¹²¹⁸ См.: Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология. 1985. № 4. С.87-95.

¹²¹⁹ Farrar V.J. The Background of the Purchase of Alaska // The Washington Historical Quarterly. 1922. Vol.13. No. 2. P.93-104; Farrar V.J. The Annexation of Russian America to the United States. Washington, 1937.

торговое соглашение.¹²²⁰ В 1840-х гг. борьба за Орегон сделала Аляску в глазах американцев более ценной и важной территорией, однако урегулирование Орегонского вопроса в 1848 г. заставило вновь о ней забыть.¹²²¹ Лишь в период Гражданской войны правительство США в полной мере осознало ценность и значение Аляски как военного плацдарма, позволяющего контролировать весь Северотихоокеанский регион. Таким образом, В.Дж. Фэррар признавал, что на протяжении многих десятилетий американцы осуществляли экспансию в Северотихоокеанском регионе, но в 1860-х гг, при решении вопроса о покупке Аляски решающее значение для США имели политические и даже военно-стратегические соображения. В то же время историк не анализирует причины, по которым Россия уступила Аляску Соединенным Штатам.¹²²²

На военно-стратегическое значение договора 1867 г. также указывал американский исследователь Рейнхард Х. Лютин (1905-1962), автор известных трудов, посвященных А. Линкольну и его эпохе. В 1937 г. Р.Лютин опубликовал специальную статью, посвященную истории покупки Аляски¹²²³. По утверждению автора, установление в 1933 г. дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом заставило его обратить более пристальное внимание на историю американо-русской дипломатии, о чем в самой Америке к тому времени написано было сравнительно мало, если не считать работ "популярного" характера. В представлении Р.Лютина, центральное место в истории дипломатических контактов двух стран, безусловно, занимали переговоры, связанные с продажей Аляски.

Цитируя одну из публикаций в советской прессе 1920-х гг., где продажа владений в Русской Америке названа "непростительной ошибкой" царского правительства, Р.Лютин задался вопросом: что было бы, если бы американская сторона не проявила в свое время

¹²²⁰ Историк категорически не согласился с общепринятой точкой зрения, что, подписав конвенцию 1824 г., американская сторона признала суверенные права России на территории, расположенные севернее 54° 40'. Несмотря на то, что США, действительно, согласились не основывать собственных поселений севернее указанной широты, вопрос о границе не обсуждался, и в тексте договора (в отличие от англо-русской конвенции 1825 г.) ничего об этом не говорилось. В конце 1830-х гг. именно так интерпретировал содержание конвенции посол США в России Дж. М. Даллас, когда его правительство обратилось к Николаю I с просьбой о продлении для американцев права беспрепятственной торговли и рыбной ловли вдоль побережья Русской Америки (после истечения 10-летнего срока, установленного одной из статей конвенции 1824 г.). См.: Farrar V.J. The Background of the Purchase of Alaska // The Washington Historical Quarterly. 1922. Vol.13. No. 2. P.93-104.

¹²²¹ По мнению В.Дж. Фэррара, в 1859 г. сенатор У. Гвин, выступивший с предложением о покупке Аляски, представлял исключительно интересы частных лиц, связанных с Американо-русской торговой компанией. Farrar V.J. The Background of the Purchase of Alaska // The Washington Historical Quarterly. 1922. Vol.13. No. 2. P.93-104.

¹²²² См. тж: Farrar V.J. The Annexation of Russian America to the United States. Washington, DC: W.F. Roberts Co., 1937.

¹²²³ Luthin R.H. The Sale of Alaska // The Slavonic and East European Review. 1937. Vo.16. No. 46. P.168-182.

инициативу и должную настойчивость, и Аляска все это время оставалась российской, а затем советской территорией? Скорее всего, предположил историк, на полуострове уже давно существовала бы советская военная база, и ее близость к США создавала бы совершенно иной дипломатический фон, нежели тот, что был до сих пор, особенно со времени падения монархии Романовых.

Признавая вслед за Ф.А. Голдером исключительные заслуги госсекретаря У. Сьюарда, Р. Лютин счел необходимым воздать должное и другим американским политикам, способствовавшим заключению сделки, в частности, Роберту Дж. Уокеру - бывшему сенатору от штата Миссисипи и министру финансов США в администрации президента Дж.Полка. По мнению некоторых американских историков (Дж.М. Каллагана, Б.П. Томаса)¹²²⁴, именно Р.Дж.Уокер еще в 1840-х гг. явился подлинным инициатором обсуждения вопроса о приобретении российских владений в Северной Америке (впрочем, никаких других доказательств, помимо свидетельств самого Р.Дж. Уокера, в распоряжении исследователей не было).¹²²⁵

Наибольшее значение имела деятельность Р.Дж. Уокера в период после подписания договора с Россией. В конце 1867 г. У. Сьюард и Э.А. Стебль осознали, что могут столкнуться с очень серьезным сопротивлением со стороны конгрессменов - убежденных противников экспансии, а также тех, кто стоял за сомнительной судебной тяжбой, известной как "дело Перкинса"¹²²⁶. В итоге госсекретарь США и российский посланник решили найти влиятельных союзников, наиболее ценным и полезным из которых них оказался Р.Дж. Уокер. По определению Р.Лютина, это был человек, обладавший острым интеллектом и в то же время начисто лишенный каких-либо моральных принципов. Активно действуя в Палате Представителей, Р.Дж.Уокер убеждал конгрессменов поддержать договор, объясняя необходимость заключения сделки тем, что "решающая

¹²²⁴ Callahan J.M. *The Alaska Purchase and Americo-Canadian Relations*. Morgantown, 1908; Thomas B.P. *Russo-American Relations, 1815-1867*. Baltimore, 1930.

¹²²⁵ Убежденный сторонник американской экспансии, Р.Дж. Уокер в 1868 г. сообщил, что, получив министерский портфель в марте 1845 г., писал Дж. Полку о необходимости изгнания англичан из Орегона, "поскольку на Тихоокеанском побережье не останется других европейских держав, за исключением России, чье хорошо известное дружеское расположение по отношению к нам заставит ее уступить североамериканскую территорию". Достоверно известно, что в 1863 г. Р.Дж. Уокер также писал о необходимости добиться от России уступки Аляски (т.е. спустя всего несколько лет после аналогичных призывов сенатора У.М. Гвина).

¹²²⁶ Об этом в американской историографии впервые подробно написали У. Даннинг и Ф. Голдер: Dunning W.A. *Paying for Alaska // Political Science Quarterly*. 1912. Vol.27. No.3. P.385-398. Golder F.A. *The Purchase of Alaska // The American Historical Review*. 1920. Vol.25. No. 3. P.411-425.

битва за контроль над миром будет происходить на Тихом океане".¹²²⁷

Кроме того, по мнению бывшего сенатора, приобретение Аляски наряду с Алеутскими островами приближало Соединенные Штаты к Японии и Китаю, что не только сулило торговые выгоды, но и открывало новые возможности для распространения христианской веры в Азии (по замечанию Р. Лютина, это был традиционный аргумент всех американских экспансионистов). Несмотря на активное противодействие со стороны противников договора (не только в Конгрессе, но и на страницах американской печати)¹²²⁸, усилия Р.Дж. Уокера оказались не напрасными. За свои услуги он получил от У. Сьюарда и Э.Стекла, по разным свидетельствам, вознаграждение в размере от 20 до 30 тыс. долл.

В целом Р. Лютин продемонстрировал значение экспансионистских устремлений определенной части американского политического истеблишмента, как фактора, способствовавшего заключению договора о покупке Аляски, не объясняя успех американской дипломатии усилиями одного лишь госсекретаря У. Сьюарда.¹²²⁹

В начале 1930-х гг. история освоения русскими североамериканских территорий послужила предметом исследований сотрудников Калифорнийского университета и Калифорнийского исторического общества – Р.Дж. Кернера, Э. Эссига, А. Огден, К.Дж. Дюфура, А. Кашеварова и др. Основатель «Калифорнийской школы» Р.Дж. Кернер пытался увязать процессы освоения Дальнего Востока и Русской Америки и в качестве основной причины «русской экспансии» за океан называл потерю Россией Приамурья в конце XVII в.¹²³⁰ Вслед за Р.Дж. Кернером западные исследователи начали делать акцент на торговых интересах России в Тихоокеанском регионе, соответственно, присутствие России в Северной Америке ставилось в прямую зависимость от доходности пушных промыслов, успешности решения проблемы продовольственного снабжения колоний и развития торговых отношений с испанцами, англичанами и американцами.

В 1944 г. Д.Х. Миллер, редактор 8-томного собрания договоров США за 1776-1863 гг.,

¹²²⁷ Одновременно, начиная с января 1868 г., бывший сенатор публиковал статьи в прессе, где излагал аргументы в пользу покупки Аляски. Р.Дж. Уокер указывал на хороший климат и богатство природных ресурсов полуострова: "Край богат пушиной, золотом и серебром..." Как иронично замечает Р. Лютин, под влиянием агитации Р.Дж. Уокера уже в июле 1868 г. многие жители Калифорнии отправились на Аляску в поисках золота. Luthin R.H. The Sale of Alaska // *The Slavonic and East European Review*. 1937. Vo.16. No. 46. P.172.

¹²²⁸ В частности, Р. Лютин подробно описывает противоборство Р.Дж. Уокера и У.Х. Пейнтера, корреспондента газеты "Sun".

¹²²⁹ Сходные оценки экспансионистской политики США содержатся в монографии Ф. Даллеса. См.: Dulles F.R. *America in the Pacific*. Boston, 1938; Агранат Г.А. Новые американские работы о Русской Америке // *Летопись Севера*. М., 1957. Т.2. С.247-255.

¹²³⁰ Kerner R.J. *Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations*. New York, 1931.

подготовил к печати очередной том, посвященный истории подписания договора о покупке Аляски. Из-за нехватки средств исследование удалось опубликовать только в 1981 г.¹²³¹, после смерти автора, хотя американские историки имели доступ к микрофильму рукописи Д.Х.Миллера, хранившемуся в Национальном архиве США. Опираясь на анализ переписки Э.А.Стегля, документов из Азиатского департамента МИД России и др., Д.Х.Миллер существенно дополнил и уточнил данные Ф.Голдера о мотивах сторон, обстоятельствах заключения сделки, непосредственном ходе переговоров. Однако, по замечанию Н.Н. Болховитинова, он не уделил достаточного внимания деятельности РАК и американских компаний в Северотихоокеанском регионе в предшествующий период, реакции общественности двух стран и т.п.¹²³² Официальный характер работы, по-видимому, не позволил Д.Х. Миллеру выйти за рамки традиционного взгляда на договор 1867 г. как проявление дружеских отношений между США и Россией.

В монографии канадского историка С. Томпкинса «Аляска: промышленник и первый поселенец», опубликованной в 1945 г., воспроизводились выводы калифорнийских историков о торговых интересах России на Дальнем Востоке и в Северной Америке, а также о столкновениях интересов колониальных держав в Тихом океане, что фактически обрекало русские колонии на незавидное существование и предопределило поспешный уход из региона¹²³³ Одной из важнейших причин продажи Аляски канадский историк также считал стремление России сосредоточить усилия на освоении Приамурья и Приморья.¹²³⁴

Основной причиной хозяйственного упадка в Русской Америке С. Томпкинс считал безразличие к колонии со стороны правительства и руководства РАК. По мнению

¹²³¹ Miller D. The Alaska Treaty. Kingston, 1981.

¹²³² Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология. 1985. № 4. С.87-95.

¹²³³ Tompkins R.S. Alaska, Promyshlennik and Sourdough. Norman, 1945. P.45-49. Как отмечает Г.А.Агранат, канадский историк умалчивает об американской экспансии, осуждая лишь действия отдельных авантюристов — торговцев-бостонцев или китобоев, которые вели хищнический промысел у берегов но при этом подробно пишет о британской экспансии, инструментом которой служила Компания Гудзонова залива, но Аляски. См.: Агранат Г.А. Новые американские работы о Русской Америке // Летопись Севера. М., 1957. Т.2. С.247-255. Современный исследователь А.В.Гринев, в свою очередь, считает преувеличенными опасения относительно британской экспансии на американском северо-западе, поскольку англичане последовательно отказывались от предложения российского правительства купить земли, арендованные КГЗ. Гринев А.В. Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии // Клио. 2000. № 2. С.17-26.

¹²³⁴ Tompkins R.S. Alaska, Promyshlennik and Sourdough. Norman, 1945. P.84. Mazour A.G. The Prelude to Russia's Departure from America // Pacific Historical Review. 1941. No. 10. P.311-319. В статье, опубликованной в 1941 г., американский историк А. Мазур также объяснял заинтересованность России в продаже Аляски ее все большей вовлеченностью в события на Азиатском континенте. См.: Mazour A.G. The Prelude to Russia's Departure from America // Pacific Historical Review. 1941. No. 10. P.311-319.

канадского исследователя, успешному заселению Русской Америки препятствовал отсталый крепостнический строй, а ее процветанию — грабительский характер колониальной политики и эксплуатация коренного населения. Вместе с тем С.Томпкинс отмечал и определенные успехи русских в деле освоения заморских территорий.¹²³⁵ В короткой главе, посвященной переговорам о продаже Аляски, историк указывал и на взаимные экономические выгоды, которые договор должен был принести обеим странам.

В 1953 г., в условиях начавшейся «холодной войны», проф. Колумбийского университета К.Мэннинг, автор очерка «Русское влияние на раннюю Америку», подчеркивал неизменность экспансионистских целей Российской империи, а затем и Советского Союза на Тихоокеанском Севере, писал о необходимости противодействия «русской экспансии», а значит — о целесообразности и выгодности покупки Аляски Соединенными Штатами. Историк также предупреждал читателей о готовности советского правительства исправить «величайшую и непростительную ошибку царского режима» и вернуть Аляску.¹²³⁶

Однако далеко не все западные авторы рассматривали историю присутствия русских на Североамериканском континенте исключительно в негативном ключе. Г. Шевиньи, отмечая различные отрицательные стороны жизни в Русской Америки, все же полагал, что царское правительство в начале 1860-х гг. готовилось уступить Соединенным Штатам не изолированный форпост, чьи ресурсы были истощены, а процветающую и развитую колонию (несмотря на то, что численность ее населения никогда не превышала нескольких тысяч чел.).¹²³⁷

Главной причиной продажи Аляски, по мнению Г.Шевиньи, являлось не бедственное состояние колоний, а тот факт, что имперское правительство оставалось неизменно

¹²³⁵ К сходным выводам относительно положения дел в Русской Америке пришел американский историк К. Халли См.: Hulley Cl. C. Alaska, 1741-1953. Portland, 1953; Агранат Г.А. Новые американские работы о Русской Америке // Летопись Севера. М., 1957. Т.2. С.247-255.

¹²³⁶ Manning C.A. Russian influence on early America. Library Publishers, New York, 1953. P.202; Агранат Г.А. Новые американские работы о Русской Америке // Летопись Севера. М., 1957. Т.2. С.247-255.

¹²³⁷ Г. Шевиньи, заинтересовавшийся «русским периодом» в истории Аляски под влиянием Э. Мини (E. Meany), рассматривал историю Русской Америки как завершающий этап «русской восточной экспансии». Неудивительно, что первые главы его обобщающей работы по истории Русской Америки, опубликованной в 1965 г., посвящены теме территориального расширения России в Северной Азии — т.е. предыстории проникновения русских в Северотихоокеанский регион. Одновременно исследователь стремился вписать ее в историю европейской колонизации Североамериканского континента и Тихого океана. Действительно, как справедливо заметил У.Л. Блэквелл, многое в истории Русской Америки (жестокое обращение с туземцами, хищническая эксплуатация природных ресурсов, передача прав на управление колонией крупной торговой компании и пр.) сближало ее с колониальными владениями западноевропейских держав. См.: Chevigny H. Russian America: The Great Alaskan Venture, 1741-1867. New York, 1965; Blackwell W.L. Rec.ad.op.: Chevigny H. Russian America: The Great Alaskan Venture, 1741-1867. New York, 1965.// The William and Mary Quarterly. Vol.23. No.2 (April, 1966). P.347-349.

равнодушным к своему предприятию, всегда готовое пожертвовать своей единственной колонией в угоду европейской дипломатии. Русские так и не выработали специальной политики для Северной Америки или Тихоокеанского региона, хотя некоторые из них мечтали не только о русских Гавайях и Калифорнии, но и о русских Гаити и Панаме. Когда Россия все же сформулировала собственную политику в Азии, она основывалась на отказе от Русской Америки.

Как пишет историк, Российско-Американская компания (руководство которой также никогда особенно не заботилось о развитии колонии, коль скоро ему удавалось извлекать из нее максимальную прибыль) была уничтожена в одночасье в результате двусмысленного и безразличного поведения правительства. Что касается самих колонистов, лишь немногие из них протестовали, и никто не оказал сопротивления, когда их земля, на которой были построены их дома, была передана другой стране как простой товар.

В целом можно поддержать вывод У.Л. Блэквелла, что Г. Шевиньи удалось по-новому интерпретировать продажу Аляски - не как избавление от бремени перед лицом неизбежного установления британского или американского господства в регионе, но как трагедию ошибок, в которой каждая из сторон не смогла правильно оценить потенциал и намерения другой, и обе печальным образом недооценивали ту территорию, из-за которой вели торг.¹²³⁸ Следует согласиться и с замечанием И. Виньковецкого, что работа Г.Шевиньи написана под влиянием концепции Г.Бэнкрофта.¹²³⁹

На сочетание торговых интересов и экспансионистских устремлений в политике как России, так и Соединенных Штатов указывал сотрудник Университета Аляски (Фэрбэнкс), профессор географии Г.Х. Раше. В 1967 г. он опубликовал статью, посвященную столетнему юбилею покупки Аляски, где доказывал, что отказ России от заморской колонии был неизбежен¹²⁴⁰. К 1860-м гг. запасы пушнины в Русской Америке истощались, доходы неуклонно падали, а расходы возрастали. Колонии страдали от избытка персонала, патернализма, неповоротливости чиновников Главного правления и пассивности самих колонистов. В то же время в Азии стремительно возрастало влияние западных держав. Китай вновь и вновь демонстрировал свою неспособность

¹²³⁸ Blackwell W.L. Rec.ad.op.: Chevigny H. Russian America: The Great Alaskan Venture, 1741-1867. New York: The Viking Press, 1965 // The William and Mary Quarterly. 1966. Vol. 23. No.2. P.347-349.

¹²³⁹ Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804 - 1867. М., 2015. С.42.

¹²⁴⁰ Rasche H.H. Alaska Purchase Centennial: 1867-1967 // Arctic. 1967. Vol.20. No.2. P.63-76.

противостоять давлению извне, что побудило Россию попытаться установить контроль над Приамурьем¹²⁴¹. В Санкт-Петербурге все больше осознавали, что Россия была ослаблена чрезмерной разбросанностью своих территорий и должна была сосредоточить усилия на защите границ, наращивая силы в пределах своих азиатских и европейских владений. В этих обстоятельствах правительство приняло решение найти дружественную западную державу в качестве покупателя своих американских владений. Стремясь создать буферную зону между британскими владениями в Северной Америке и Сибирью, Россия не желала продавать Аляску ни Англии, ни Канаде.¹²⁴²

Соединенные Штаты не вызывали возражений в качестве потенциального покупателя. К тому же, с начала XIX в. интерес американцев к Тихоокеанскому региону неизменно возрастал, и, по мнению многих, превращение в тихоокеанскую державу было "явно предназначено" Соединенным Штатам самой судьбой. Среди сторонников идеи "явного предназначения" трудно было найти более убежденного человека, чем У.Г.Сьюард. Он выступал за выработку четкой политики в отношении Тихоокеанского региона и развитие дружеских отношений с Россией и Китаем. По его мнению, США должны были установить контроль над Аляской из стратегических соображений, при этом приобретение Аляски было для У. Сьюарда лишь одним из элементов масштабного плана американской экспансии. По свидетельству Г.Х. Раше, данный план включал также аннексию Гавайских и других остров в Тихом океане, покупку Кубы, Виргинских островов, Гренландии и Исландии, а также прокладку канала в Никарагуа. За годы пребывания на государственных должностях У.Сьюард сумел только купить Аляску, преодолевая сопротивление конгрессменов, подвергавших сделку большому сомнению. Впрочем, будущее подтвердило правоту стратегических планов У. Сьюарда.

Взгляды Х. Раше созвучны идеям представителей так называемого «ревизионистского» или «радикального» направления в американской историографии, представители которого (У.Уильямс, У.Лафибер, Ч.Вевиер, Г.Паолино, Г.Кушнер) анализировали экспансионистские планы американского правительства и подчеркивали заинтересованность американских предпринимателей в развитии торговли, рыболовного и китобойного промыслов на американском северо-западе.¹²⁴³

¹²⁴¹ Об этом см. тж: Tompkins S.R. Alaska, Promyshlennik and Sourdough. Norman, 1945. P.170.

¹²⁴² См. тж: Andrews W.C. The story of Alaska. Seattle, 1931. P.111.

¹²⁴³ Williams W. The Roots of the Modern American Empire: A Study of the Growth and Shaping of Social Consciousness in a Marketplace Society. New York, 1969; Vevier Ch. The Collins Overland Line of American Continentalism // Pacific Historical Review. 1959. Vol.27. P.237-253; Siberian Journey Down the Amur to the Pacific, 1856-1857. Madison, 1962;

В русле традиционного подхода написана монография Р.Дж.Дженсена, стремившегося, по его собственному признанию, прояснить «характер той удивительной (вызывающей ироническую улыбку) дружбы, которая связывала американцев и русских в сер. XIX в.».¹²⁴⁴ Монография Р.Дж.Дженсена написана на основе докторской диссертации, которую историк защитил в Университете Индианы. Исследователь рассмотрел историю дипломатических контактов между Россией и США со времени первых попыток обсуждения вопроса о продаже Аляски в 1854 г. до дебатов в Конгрессе в 1868 г. Анализируя мотивы обеих сторон в контексте дипломатии середины XIX в., историк пришел к выводу, что действия участников переговоров определялись, в первую очередь, стратегическими интересами США и России в Северотихоокеанском регионе.

По мнению же оппонентов и критиков Р.Дж. Дженсена, автору следовало бы сосредоточиться на изучении не дружбы, а соперничества двух держав, итогом которого и стала уступка Аляски.¹²⁴⁵ По наблюдениям Х.Кушнера, в своей работе Р.Дж.Дженсен, с одной стороны, пытается обстоятельно проанализировать дебаты, которые велись в российских верхах по вопросу об Аляске¹²⁴⁶, с другой - оставляет без рассмотрения не менее сложные дебаты, которые имел место в американских политических кругах по поводу северо-западной части Тихоокеанского побережья.¹²⁴⁷ В итоге все выглядит так, «как будто умные русские заставили наивных американцев купить Аляску».¹²⁴⁸ По словам

Paolino E. The Foundations of American Empire: William Henry Seward and U.S. Foreign Policy. Ithaca, 1973; Kushner H. Conflict on the Northwest Coast: American Russian Rivalry in the Pacific North West, 1790-1867. Westport, 1975. См. тж: Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология. 1985. № 4. С.87-95.

¹²⁴⁴ Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle, 1975. P. XX.

¹²⁴⁵ Так, по мнению Г. Кушнера, исследователи, указывавшие на «дружественный характер» взаимоотношений России и США, исходили из анализа главным образом европейских проблем, не учитывая международную обстановку и острое соперничество держав на американском северо-западе. В свою очередь, Н.Н.Болховитинов справедливо заметил, что, сосредоточившись на изучении русско-американских отношений только с учетом северо-запада, Г.Кушнер склонен совершенно абстрагироваться от отношений России и США в других частях мира. См.: Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология. 1985. № 4. С.87-95.

¹²⁴⁶ Несмотря на то, что автор привлек обширный материал, критики ставили ему в вину недостаточное использование материалов российской периодики (библиографический список содержит лишь несколько наименований российских газет и журналов, хронологический охват которых – не более года, а ряде случаев - не более месяца). См.: Hinckly T.C. Rec. ad op.: Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. XX + 185 pp. // Pacific Historical Review. 1977. Vol.46. No.2. P.299-300.

¹²⁴⁷ Kushner H.I. Rec. ad op.: Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. XX + 185 pp. // The Journal of American History. 1976. Vol.63. No.1. P.139-140.

¹²⁴⁸ Так, по замечанию Х. Кушнера, часто цитируя фрагменты из переписки Э. Стекла, историк все же упускает из вида объяснение, которое российский посланник дал в письме А.М. Горчакову в июле 1867 г.: "Наши владения, которым угрожают наши американские соседи, втянут нас в серьезные споры с федеральным правительством и все закончится тем, что они станут американской собственностью". В другом письме говорится: "Вопрос стоял так: мы продаем наши североамериканские владения или наблюдаем, как их захватывают Соединенные Штаты". См.: Kushner H.I. Rec. ad op.: Jensen R.J. The Alaska Purchase and Russian-American Relations. Seattle: University of Washington Press, 1975. XX + 185 pp. // The Journal of American History. 1976. Vol.63. No.1. P.139-140.

Х.Кушнера, в поисках ответа на вопрос о причинах сделки Р.Дж.Дженсену следовало бы внимательнее изучить споры и конфликты, разгоравшиеся вокруг северо-западных территорий в течение предыдущих 80 лет.

Другой рецензент, Т.Хинкли, замечает, что исследование Р.Дж.Дженсена представляет собой умелое обобщение того, что и так давно было известно, поэтому неудивительно, что У.Г.Сьюард ни в коей мере не лишился статуса «прозорливого империалиста», ему по-прежнему отводится ведущая роль и главная заслуга в подготовке и подписании договора. Как и его многочисленные предшественники, Р.Дж. Дженсен полагает, что сердечные отношения между «русским Иваном и дядей Сэмом и их общее недоверие к Джону Булю» длились достаточно долго, чтобы позволить заключить крупнейшую для США сделку с недвижимостью на всем северо-западном побережье. В свою очередь, Т.Хинкли убежден, что взаимоотношения между двумя великими державами представляют собой нечто большее, чем просто «дипломатические перетасовки».

Впрочем, Р.Дж.Дженсен не отрицал, что для покупки Аляски куда больше значение имел экспансионизм, связанный с борьбой за рынки сбыта и характерный для янки в XIX в., и даже «старомодный моралистический шовинизм». Исследователь также не сбрасывал со счетов растущие расходы и все большую уязвимость колоний, как факторы, имевшие значение для продажи Аляски в 1867 г. Однако, по замечанию Т.Хинкли, в небольшой по объему книге Р.Дж. Дженсена слишком мало уделяется внимания могучим экономическим силам, повлиявшим на передачу Русской Америки Соединенным Штатам. Вместе с тем, Р.Дж.Дженсен подробно описал коррупционные инструменты, которыми воспользовался посол Э.А.Стекль, доказывая вслед за Ф.А.Голдером, что многие конгрессмены, поддержавшие договор о покупке Аляски, были подкуплены.

В отличие от представителей «радикального» направления, писавших об экспансионистских устремлениях России и США и полагавших, что продажа Аляски свидетельствовала об остром соперничестве обеих держав в борьбе за контроль над ресурсами и рынками американского Северо-Запада, канадский исследователь, профессор географии в Йоркском университете Дж. Гибсон готов признать решающее значение экономических мотивов для США, но не для России.

Следует заметить, что канадский исследователь проделал своеобразную эволюция во взглядах на историю Русской Америки и причины отказа России от американских владений. Вслед за Р.Дж. Кернером и Р. Фишером Дж. Гибсон называл пушнину главным

стимулом движения на восток, в том числе и на Тихоокеанский Север. Смена пушного зверя (с соболя и белки на нерпу и морского котика), типа жилья (от материкового – к приморскому), а также рынка – с европейского на китайский, влекли за собой еще большую эксплуатацию морских охотников-алеутов и более сложные условия торговли, поскольку Россия оказалась в зоне международного соперничества, где столкнулась с имперскими интересами Испании, Великобритании и США. Наряду с трудностями снабжения колоний, основными причинами хозяйственного упадка в Русской Америке Дж. Гибсон называл, во-первых, вовлеченность правительства в европейские дела, что неизбежно препятствовало своевременному решению проблем на окраинах империи, а во-вторых – «континентальный характер» русской колониальной политики. Таким образом, в работах Дж. Гибсона, написанных в 1970-х гг., все большее значение придавалось политической составляющей «русской колониальной экспансии». В конце 1980-х гг. Дж. Гибсон вновь обратился к теме освоения русскими Северной Америки и пришел к выводу об ошибочности царской политики в отношении Русской Америки, ссылаясь на свидетельства иностранцев, посетивших в свое время русские колонии и отметивших неразумность управления, низкий уровень жизни, хозяйственный упадок в русских поселениях. Потерю Русской Америки канадский исследователь считал прямым следствием упадка пушного промысла и жесткой торговой конкуренции с американцами и англичанами. По словам Дж. Гибсона, Россия не являлась сильнейшей морской державой и была обречена на поражение. Данный вывод существенно отличался от прежних представлений исследователя, считавшего Россию могущественным соперником колониальных держав в Тихом океане. Эволюцию взглядов историка отчасти можно объяснить изменением международной ситуации, сложившейся в начале 1990-х гг. В условиях, когда Россия утратила контроль над многими территориями, традиционно входившими в сферу ее влияния, потребовалась переоценка всего исторического прошлого страны, в первую очередь, истории ее территориальной экспансии.¹²⁴⁹

В 1979 г. Дж. Гибсон опубликовал статью «Почему русские продали Аляску» — в преддверии конференции по истории Русской Америки, которая состоялась летом того же

¹²⁴⁹ Gibson J.R. Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856. Madison, 1969; Gibson J.R. Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867. New York, 1976. P.32-34; Gibson J.R. Tsarist Russia in Colonial America // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. London, 1991. P.104-109.

года в Ситке с участием советских, американских и канадских ученых.¹²⁵⁰ Как в свое время Г. Бэнкрофт, Дж.Гибсон пришел к выводу, что мотивы американской стороны объяснить нетрудно: они исчерпывающим образом изложены Ч. Самнером во время его трехчасового выступления перед американским Сенатом. В числе этих мотивов - стремление США расширить свои торговые связи на Дальнем Востоке, распространить республиканские институты на американском континенте, а также предотвратить любую покупку территорий англичанами и, наконец, скрепить российско-американскую дружбу.

Дж. Гибсон также поддержал тех исследователей, кто указывал на амбициозное стремление госсекретаря У. Сьюарда расширить территорию страны и, возможно, завоевать необходимую народную поддержку политике президента Э. Джонсона. Горячий сторонник идеи американской экспансии, У.Г. Сьюард, по определению Дж. Гибсона, воспринимал Аляску как половинку клешни, сжимающей Британскую Колумбию.¹²⁵¹

В отличие от, например, Ф.Голдера, канадскому историку значительно сложнее объяснить мотивы, которыми руководствовалось царское правительство. Для этого Дж. Гибсон дает краткий обзор истории "русской восточной экспансии", описывает успехи и неудачи русских в Северной Америке, характеризует ситуацию в Русской Америке в период, предшествовавший ее продаже. По мнению историка, нельзя утверждать, что в 1850-х гг. колония процветала, особенно в сравнении с другими территориями, расположенными вдоль тихоокеанского побережья (например, Калифорнией, где в 1848 г. началась "золотая лихорадка"). Тем не менее, Русская Америка продолжала приносить прибыль. Численность населения оставалась небольшой, но стабильной (ок. 600 чел.), в то время как численность алеутов постепенно увеличивалась.¹²⁵² Серьезные финансовые трудности возникли на Аляске только в середине 1860-х гг., и, по мнению историка, созданы они были искусственно. В 1861 г., когда истек срок действия 3-го устава РАК, Александр II выразил сомнения относительно целесообразности продления монопольных привилегий компании.

В 1864 г. Комитет об устройстве русских американских колоний издал пространный документ, составители которого отметили, что колония не получила должного развития,

¹²⁵⁰ Конференция была организована при поддержке Института Кеннана (Центр Вильсона). См.: Gibson J.R. *Why the Russians Sold Alaska // The Wilson Quarterly*. 1979. Vol.3. No.3. P. 179-188.

¹²⁵¹ Свое видение внешнеполитических задач США будущий госсекретарь изложил еще в 1860 г. В речи, произнесенной в Сент-Поле (шт. Миннесота) У. Сьюард предсказал, что США будут владеть всей Северной Америкой, а также островами в Атлантическом и Тихом океанах. Не позднее 1960 г. общее количество штатов достигнет 60 (на тот момент их было только 33), а Сент-Пол станет столицей.

¹²⁵² Gibson J.R. *Why the Russians Sold Alaska // The Wilson Quarterly*. 1979. Vol. 3. No. 3. P.182-183.

находясь в ведении РАК, и рекомендовали продлить привилегии компании еще на 20 лет, но ограничить монопольные права только сферой пушной торговли (хотя она уже не была для компании главным источником доходов). Общее собрание акционеров отвергло новые условия, и будущее компании осталось неопределенным. В итоге РАК не смогла выплатить дивиденды в 1862 и 1863 гг., а стоимость ее акций резко упала.

Дж.Гибсон называет ряд причин, по которым, с его точки зрения, царь медлил с изданием 4-го устава РАК: трудности снабжения колоний, их уязвимость перед лицом воинственных тлинкитов или бостонских торговцев, не говоря уже о британском военно-морском флоте. Кроме того, после обнаружения месторождений золота на Аляске российское правительство опасалось начала "золотой лихорадки" (как это уже случилось в Калифорнии или Британской Колумбии), в результате которой весь полуостров заполонят американские старатели, и все это приведет к внезапному и бесславному финалу в истории Русской Америки. В этой связи Э. А. Стекло предупреждал А.М.Горчакова, что, с точки зрения американцев, "весь континент - их вотчина". Именно так они постепенно заселили Техас, позже сделав его одним из штатов. Таким же способом были приобретены Нью-Мехико и другие регионы юга.

Политические перспективы выглядели еще более мрачно. В Петербурге полагали, что Аляска более не выполняла своей главной задачи, а именно — не способствовала дальнейшей экспансии империи. Кроме того, поражение России в Крымской войне повлекло за собой изменение стратегических планов. Россия более не играла доминирующей роли в юго-восточной Европе и уже не предпринимала попыток контролировать навигацию из Черного моря в Средиземное. Принимая во внимание расширение территории Соединенных Штатов в Северной Америке, чему Россия явно не была способна противостоять, у последней оставался только азиатский фронт как единственная территория, открывавшая возможности для имперской экспансии.

По словам историка, "объектом наибольшего вожеления" России в Азии было Приамурье и Приморье. По мнению царских сановников, именно этот регион определял тихоокеанское будущее России. Позднее, во время дебатов в Сенате Ч.Самнер заявил, что Россия хотела "избавиться от всех заморских владений подобному тому, как Наполеон избавился от Луизианы, чтобы сосредоточить все свои силы на борьбе с Англией за контроль над Азией".¹²⁵³

¹²⁵³ Gibson J.R. Why the Russians Sold Alaska // The Wilson Quarterly. 1979. Vol.3. No.3. P.186.

Требовалось лишь найти подходящего покупателя. Выбор был сделан в пользу США, поскольку с этой страной Россия находилась в дружеских отношениях и никогда ранее не имела серьезных трений. Более того, у России и США был общий противник — Британская империя. Американцы симпатизировали России во время Крымской войны, а их отношения с бывшей метрополией еще более ухудшились в годы Гражданской войны, когда Англия оставалась "подозрительно нейтральной" и продолжала торговать с восставшим Югом. Кроме того, в течение длительного времени Британия демонстрировала враждебность по отношению к американской экспансии на Тихоокеанском Севере.

В свою очередь, Россия нуждалась в близком союзнике, который помог бы ей пересмотреть условия Парижского договора 1856 г. К тому же, по мнению царских советников, уступка Аляски Соединенным Штатам должна была подрвать позиции Англии в Северной Америке и даже могла спровоцировать столкновение между англичанами и американцами. Вместе с тем, Дж. Гибсон не преминул заметить, что уход русских из Северной Америки и сосредоточение ими усилий на освоении Дальнего Востока имел своим отдаленным последствием ухудшение отношений России с Китаем.

В статье, опубликованной в 1983 г., историк также назвал в числе причин, побудивших Россию уйти из Северной Америки, стремление царского правительства сосредоточиться на экспансии в Азии, а также страх перед возможным военным конфликтом с Великобританией и особенно с Соединенными Штатами, равно как осознание невозможности защитить американские владения в случае такого конфликта¹²⁵⁴. Таким образом, в представлении Дж. Гибсона, продажа Россией своей единственной заморской колонии Соединенным Штатам была обусловлена, в первую очередь, политическими и стратегическими соображениями, а не экономическими.¹²⁵⁵ Во многом данная концепция близка к взглядам Г. Бэнкрофта и Г. Шевиньи.

В 1970-1980-х гг. о приоритетном характере политических интересов России на Тихоокеанском Севере писали Дж. Харрисон, О. Руденко, Г. Баррэт. Обращаясь к вопросу о транспортных и продовольственных проблемах, с которыми столкнулись русские колонисты в Северной Америке, Дж. Харрисон указал на смену ориентиров в

¹²⁵⁴ Gibson J.R. The Sale of Russian America to the United States // Acta Slavica Japonica. 1983. No.1. P.15-37.

¹²⁵⁵ См.: Harrison J. The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables, 1971. P. 110-128; Rudenko O. Russia in the Pacific Basin // Journal of the West. 1976. Vol. 15. No. 83. P. 53; Barrat G. Russia in the Pacific, 1715–1825. Vancouver; London, 1981.

колониальной политике русского правительства, которое полагало, что главные интересы России лежали на Азиатском континенте. По мнению О. Руденко, столкнувшись со множеством трудностей и заключив в 1824-1825 гг. договоры с Великобританией и США, на основании которых суда обеих держав смогли заходить в российские порты и торговать с русскими колониями в Северной Америке, Россия тем самым признала неизбежность своего скорого ухода из региона и переключила свое основное внимание на Приамурье. Г. Баррэт отнюдь не считал русскую колонизацию Северной Америки заведомо обреченной на неудачу, но указывал на ошибки в правительственной политике как причину упадка в русских колониях.

Выводы Дж. Гибсона поддержал С. Хэйкокс, написавший монографию по истории Аляски и посвятивший ее «русскому периоду» специальный раздел¹²⁵⁶. С. Хэйкокс придерживается периодизации истории Русской Америки, предложенной Дж. Гибсоном¹²⁵⁷, и объясняет причины ухудшения ситуации в колонии к середине XIX в. тем, что Россия, в сущности, никогда не пыталась сделать свои американские территории привлекательными для переселенцев, но лишь заботилась об извлечении прибыли с наименьшими затратами. В годы Крымской войны стали очевидны сложности удержания Аляски в сфере российского влияния, а с присоединением Приамурья (региона, богатого разнообразными ресурсами и расположенного значительно ближе, что облегчало задачу его снабжения) уход русских из Америки стали практически неизбежным. Историк подчеркивает, что к 1867 г. русские были хорошо осведомлены о богатствах Аляски, но при этом осознавали, что не станут расходовать силы и средства на их освоение. В этой ситуации экспансионистские устремления американцев и их готовность купить Аляску оказались очень своевременными.

К аналогичным выводам пришли сотрудники Университета Аляски в Фэрбэнске К.- М. Наске и Г.Е. Слотник — авторы обобщающего труда по истории Аляски, впервые опубликованного в 1979 г. и выдержавшего несколько переизданий.¹²⁵⁸ Авторы призывают не преувеличивать роль имперского центра в истории Русской Америки. Инициатива

¹²⁵⁶ Hayscox S. Alaska: an American Colony. Seattle, 2002.

¹²⁵⁷ Дж. Гибсон выделил в истории Русской Америки четыре основных периода: первый пришелся на 1743–1799 гг., отмеченный деятельностью многочисленных научных экспедиций и освоением региона частными компаниями. Второй период охватывал 1799–1819 гг. и был связан с деятельностью «главного правителя» А.А. Баранова (именно в это время русские наткнулись на противодействие со стороны других колониальных держав). Третий период (1819–1840 гг.) стал временем реорганизаций, уменьшения враждебности со стороны местного населения и более цивилизованной конкуренции; четвертый период – 1840–1867 гг. – обернулся ухудшением ситуации в РАК и колониях и отказом России от своих владений на Аляске.

¹²⁵⁸ Naske C.-M., Slotnick H.E. Alaska: A History of the 49th State. Norman, 1997.

русской экспансии и заселения Нового Света исходила от частных лиц, а не правительства. Русской Америке и ее интересам уделялось мало внимания со стороны имперских властей, которые, прежде всего, интересовались европейскими и азиатскими делами.

Отмечая известные трудности и недостатки, связанные с жизнью в Русской Америке, исследователи тем не менее довольно высоко оценили достижения русских¹²⁵⁹ которые основали первые постоянные поселения на Аляске, способствовали ее хозяйственному развитию, а через пушную торговлю и судоходство вовлекли регион в систему мировой торговли. По словам К.-М. Наске и Г.Е.Слотника, когда Соединенные Штаты приобрели Аляску, они унаследовали нечто большее, чем просто дикую местность. В сравнении с политикой безразличия, которую демонстрировала британская Компания Гудзонова залива, а затем и американский Конгресс в первые годы американского присутствия на Аляске, русские колонисты сумели добиться гораздо большего, располагая куда более скудными средствами и меньшим количеством людей.

Авторы справедливо замечают, что не существовало какой-то одной причины, по которой Россия избавилась от американских колоний. В окружении Александра II звучали различные мнения по данному вопросу. Сторонники идеи продажи Аляски исходили из того, что пушная торговля, которая долгое время составляла основу хозяйственной жизни в колонии, перестала приносить прибыль, а снабжение колоний оставалось одной из главнейших проблем. В то время как РАК подвергалась критике за неэффективность, правительство пребывало в убеждении, что оно не должно тратить свои силы на наведение порядка в колонии и обеспечение ее безопасности. Выбор был сделан в пользу продолжения экспансии в Азии, где лежали подлинные интересы империи.

Большинство из тех, с кем советовался царь перед принятием решения, выражали уверенность, что рано или поздно Соединенные Штаты захватят Аляску, а значит нужно успеть предпринять какие-то шаги, которые были бы в интересах России. Они утверждали, что продажа Аляски имела смысл не только с экономической, но и

¹²⁵⁹ В отличие от Э. Грюнинга (губернатора Аляски в 1935-1953 гг. и сенатора), который в своей монографии уделил лишь несколько страниц "русскому периоду" в истории Аляски, утверждая, что он был малозначимым, К.-М. Наске и Г.Е. Слотник склонны поддержать советских и западных историков, полагавших, что русским колонистам удалось добиться многого. А.А. Баранов и его преемники посеяли семена европейской культуры на Аляске, составили карты побережья, исследовали внутренние территории полуострова, изучали его природу, ресурсы, коренное население, представителей которого сумели обратить в христианство; открыли первые медицинские и образовательные учреждения и стремились прекратить военные столкновения между аборигенами и использование ими рабского труда. См.: Gruening E. The State of Alaska. New York, 1968; Naske C.-M., Slotnick H.E. Alaska: A History of the 49th State. Norman, 1997. P.61-62.

политической точки зрения, и позволила бы упрочить связи между Россией и САСШ (к тому времени переживавшие кризис из-за действий американских торговцев и китобоев), тогда как англо-американским отношениям будет нанесен ощутимый ущерб. Таким образом, уход русских с Североамериканского континента был обусловлен, в первую очередь, политическими причинами.

В 1990-х - начале 2000-х гг. история Русской Америки продолжала привлекать внимание западных исследователей¹²⁶⁰, однако, по наблюдениям И. Виньковецкого, в своей работе они опирались на традиционные методики, почти не учитывая достижения новейших историографических течений, связанных с историей окраин, историей окружающей среды, «новой историей североамериканского Запада», «новой имперской историей» и др.¹²⁶¹

В рамках такого «традиционного» подхода написаны работы Лидии Блэк, профессора Университета Аляски. В своем обобщающем исследовании по истории Русской Америки, опубликованном в 2004 г.,¹²⁶² Л. Блэк дала преимущественно положительную оценку итогов «русского периода» в истории Аляски. Книга Л. Блэк содержит 15 глав, последняя из которых посвящена событиям, обусловившим принятие решения о продаже Аляски Соединенным Штатам в марте 1867 г. В отличие от Дж. Гибсона и С. Хэйкокса, Л. Блэк полагала, что в последнее десятилетие перед продажей Аляски ситуация в Русской Америке была стабильной, дела компании шли совсем неплохо. По мнению исследовательницы, уход русских из Северной Америки был обусловлен, прежде всего, влиянием геополитических интересов и международной ситуации. В период Крымской войны в северной части Тихого океана курсировало много британских военных кораблей, а на острове Ванкувер появилась постоянная военно-морская база англичан. Одновременно в Британской Колумбии было найдено золото. Англичане, опасавшиеся возможного начала «золотой лихорадки», увеличили число военных кораблей в регионе. По словам Л. Блэк, преувеличенный страх русского правительства перед реальными и мнимыми угрозами, убежденность в невозможности защитить американские территории в случае военного конфликта, а также стремление сосредоточить усилия на колонизации Приамурья заставили Александра II и его окружение принять решение о продаже Аляске

¹²⁶⁰ См., напр.: Cohen D. The Alaska Purchase. Brookfield, 1996; Hansen E. The Purchase of Alaska: Folly or Bargain? Hi-Story Compass, 1994.

¹²⁶¹ Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804 - 1867. М., 2015. С.7.

¹²⁶² Black L.S. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks, 2004.

уже в начале 1860-х гг.

Исследовательница полагает очевидным, что после Крымской войны для России предпочтительнее было иметь общую границу с США, а не с британской колонией. В условиях, когда США все больше превращались в континентальную державу, русское правительство и лично Александр II пребывали в убеждении, что рано или поздно Североамериканские Штаты поглотят Канаду.

Представление о ведущей роли политического фактора и международной ситуации, обусловивших, в конечном счете, уход русских из Америки, разделяет и современный американский исследователь, сотрудник Университета Саймона Фрейзера в Ванкувере Илья Виньковецкий (выходец из России, как и Лидия Блэк). И. Виньковецкий попытался применить к истории Русской Америки концепцию европейской колонизации и колониализма, показав специфику системы управления американской колонией, которая сочетала в себе элементы, общие для сибирских (в широком смысле) территорий, с теми, что были заимствованы из соседних колоний европейских держав.

И. Виньковецкий, по сути, поддержал вывод Р. Фишера о принципиальном различии между сибирскими территориями и Русской Америкой, и применительно к последней счел возможным (в отличие от, например, А. Каппелера) использование терминов «колония» и «колониализм». Более того, исследователь пишет об империалистической политике России в Северотихоокеанском регионе (опираясь на исследование Д. Гайера, который определил «империализм» как "прямое (или формальное) либо не прямое (неформальное) правление, которое развитые капиталистические индустриальные государства применяли по отношению к менее развитым регионам и народам).

По мнению И. Виньковецкого, ценным также представляется вывод Ю. Остерхаммеля о том, что "типичная черта империалистических идей состоит в том, что колонии используются в компенсирующих сделках между великими державами...". Соответственно, И. Виньковецкий готов признать, что Аляска была продана Россией Соединенным Штатам отчасти из империалистических соображений, включая желание укрепить континентальную территорию империи: «Эта продажа была встречена с возмущением сторонами, имевшими укоренившиеся колониальные интересы - прежде всего, самой РАК и ее акционерами, но также и РПЦ, к которой принадлежало значительное количество аборигенного и полурусского населения». ¹²⁶³

¹²⁶³ См.: Geyer D. Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860-1914. New Haven, 1987.

По мнению И.Виньковецкого, исходя из специфических условий американской колонии, географически изолированной от остальной части Российской империи, российские чиновники понимали, что их влияние на этой территории и распоряжение ее ресурсами весьма ограничены и требуют инновационного подхода. Единственная заокеанская колония России была превращена в своего рода полигон для испытания новых управленческих стратегий.

Аляска радикально отличалась от остальных частей Российской империи в административном плане. Для управления Русской Америкой правительство использовало механизмы, сходные с колониальной стратегией Британской империи, и создало РАК, которую историк характеризует как "декретную компанию" (действовавшую на основании устава, выданного правительством) и как первое российское предприятие, которое совмещало акционерный строй, декретную легитимность и функцию колониального правления. В восприятии чиновников, такая структура была наиболее рентабельной формой колониализма.¹²⁶⁴

В итоге, по мнению историка, русским удалось превратить Аляску из отдаленного участка «сибирского фронта», населенного преимущественно выходцами из Сибири, в соответствовавшую представлениям того времени заморскую колонию под управлением «русских европейцев». Безусловно, особый отпечаток на жизнь колонии накладывали взаимоотношения с коренным населением, но русские неизменно стремились превратить аборигенов в лояльных подданных империи, сделать их более открытыми для русского политического и культурного влияния с помощью торговли и деятельности православных миссий.¹²⁶⁵

По мнению И.Виньковецкого, основным доводом в пользу продажи Русской Америки

P.2; Osterhammel J. Colonialism: A Theoretical Overview. Princeton, 1997. P.21; Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804 - 1867. М., 2015. С.28-29).

¹²⁶⁴ Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804 - 1867. М., 2015. С.35.

¹²⁶⁵ Впрочем, в отличие от Л.Блэк и некоторых других современных исследователей (напр. С.Муссалимаса, М.Олексы, А. и Е. Энгстромов и др.), И.Виньковецкий не склонен писать о преимущественно положительном влиянии русской колонизации на местное население. Более того, данный подход (который он определяет как «романтический ревизионизм», И.Виньковецкий считает продолжением традиций советской историографии 1940-1950-х гг., когда вместо изучения "эксплуатации во времена царизма" советские ученые писали исключительно о "прогрессивной роли" и последствиях «освоения» русскими своей североамериканской колонии. Moussalimas S.A. The Transition from Shamanism to Russian Orthodoxy in Alaska. Oxford, 1994; Oleksa M. Orthodox Alaska: A Theology of Mission. Crestwood, 1992; Russian America: The Forgotten Frontier. Washington, 1990; Engstrom A., Engstrom E. Alexander Baranov and Pacific Empire. Juneau, 2004; Гринев А.В. Некоторые тенденции в отечественной историографии российской колонизации Аляски//ВИ. 1994. № 11. С.163-167.

являлось осознание крайней степени уязвимости заморской колонии¹²⁶⁶ Кроме того, Россия, избавляясь от потенциального бремени, получала возможность занять более выгодную позицию для укрепления своих владений на Дальнем Востоке. Выбор Соединенных Штатов в качестве потенциального покупателя колониальных владений И.Виньковецкий объясняет дружескими отношениями двух стран, а также их общими интересами и противостоянием с Великобританией. Всему этому сопутствовало крепнувшая убежденность царских сановников, что с течением времени США распространят свою власть на всю территорию Североамериканского континента. Исследователь также признает значение экономических мотивов (упадка пушной торговли и сложного финансового положения РАК) и роль субъективного фактора (деятельность Э.А. Стекла, вел.кн. Константина Николаевича, У.Г. Сьюарда).¹²⁶⁷

С точки зрения И. Виньковецкого, заключая договор с Россией о покупке Аляски, американские власти преследовали множество целей: расширение территориальных владений; значительное продление береговой линии; развитие торговли в Азии и на Тихом океане; приобретение природных ресурсов; продвижение республиканских институтов власти взамен европейской монархической модели.¹²⁶⁸ Таким образом, подчеркиваются экспансионистские устремления американской политической элиты, направленные на приобретение всего западного побережья континента к северу от Мексики.

И.Виньковецкий также указывает на международное значение договора о продаже

¹²⁶⁶ Такому взгляду на положение дел в колонии во многом способствовала пропагандистская кампания, начатая в прессе либеральной общественностью. Вообще, по справедливому замечанию И. Виньковецкого, продажу Аляску необходимо рассматривать в контексте «великих реформ» 1860-х гг. Как пишет историк: «По мнению реформаторов, слабость российской империи заключалась в ее излишней протяженности и недостаточной структурной согласованности. Заморская колония являлась слабым и, главное, анахроничным звеном в цепи российской континентальной империи, которую они надеялись создать». (Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804 - 1867. М., 2015.С.287.)

¹²⁶⁷ Выводы, сделанные И. Виньковецким, в целом созвучны идеям отечественных историков, объяснявших решение царского правительства о продаже Аляски влиянием ряда факторов: природно-географического (суровый климат, отдаленность колоний, как следствие — трудности снабжения, малонаселенность колоний); экономического (упадок пушных ресурсов, тяжелое финансовое положение РАК, ее монополия политика, входившая в противоречие с бурно развивавшимся капитализмом); политического (наличие внешней угрозы, незащищенность колоний ввиду возможного нападения британского флота, восстания индейцев или наплыва старателей во время «золотой лихорадки»; угроза американской экспансии и желание царского правительства устранить очаг возможных противоречий в будущем; стремление России сосредоточиться на освоении Дальнего Востока ввиду ослабления Китая); также подчеркивалось значение субъективного фактора (активные и целенаправленные действия вел.кн. Константина, Э.А. Стекла и др.). В качестве фундаментального фактора, обусловившего неразвитость колоний, историки называли отсталость крепостнического строя (или, в терминологии, А.В. Гринева — политарного строя, для которого характерна верховная частная собственность государства на средства производства и личность производителя). См.: Гринев А.В. Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии // Клио. 2000. № 2. С. 17-26.

¹²⁶⁸ Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804 - 1867. М., 2015. С.17.

Аляске. Реакцией британцев на изменение геополитического баланса на Североамериканском континенте стало образование в 1867 г. Канадской Конфедерации и присоединение к ней в 1871 г. Британской Колумбии (с планами строительства трансконтинентальной железной дороги). Отдаленным следствием передачи Аляски американцам И.Виньковецкий и другие западные исследователи считают даже само основание Британского Содружества.

Современная американская исследовательница Л.Фэрроу, сотрудница департамента истории в Университете Оберна, в научно-популярной работе, посвященной истории покупки Аляски, также обращает внимание на международные последствия договора 1867 г.¹²⁶⁹ Правительства ряда стран опасались возможного российско-американского союза и того, как этот союз может сказаться на европейских делах, особенно на участи Османской империи. Многие были убеждены, что договор о продаже Аляски должен был включать в себя некие секретные пункты о взаимопомощи или, по крайней мере, о невмешательстве в дела другой стороны в остальных регионах мира. Также широко распространенным было мнение, что договор был направлен специально против Британской империи и включал в себя планы аннексии (частичной или полной) территории Канады. Высказывались подозрения относительно американского экспансионизма и идеологии "явного предназначения". В эпоху, когда баланс сил в Европе грозил нарушиться в результате союза Германии и Италии, распада Османской империи поднимающейся волны национализма, продажа Аляски воспринималась как событие куда более серьезное, чем простая уступка территории.¹²⁷⁰

Несмотря на то, что в дипломатических кругах и в прессе часто отмечался фактор российско-американской дружбы, покупка Аляски не была актом благотворительности. Как пишет исследовательница, это была взаимовыгодная сделка, по которой велись тщательно подготовленные переговоры, и у каждой из сторон были совершенно конкретные цели и ожидания. Для России уступка Аляски Соединенным Штатам означала избавление от колонии, содержание которой было невыгодным, а управление сопряжено со множеством трудностей. Избавившись от заморской территории, правительство надеялось высвободить денежные средства и другие ресурсы, необходимые для проведения реформ внутри страны, а также для продолжения экспансии на Дальнем

¹²⁶⁹ Farrow L.A. *Seward's Folly: A New Look at the Alaska Purchase*. Fairbanks, 2016.

¹²⁷⁰ Farrow L.A. *Seward's Folly: A New Look at the Alaska Purchase*. Fairbanks, 2016. P.XXI.

Востоке.

Л.Фэрроу отмечает, что, с точки зрения американского правительства, покупка Аляски позволила бы решить две задачи: содействовать распространению влияния США на континенте и постепенному поглощению Британской Колумбии. К тому же экспансия на северо-западном побережье должна была способствовать развитию торговых связей с Азией, строительству новых портов и прокладке торговых путей в Тихоокеанском регионе. Хотя реальную ценность Аляски в то время мало кто себе представлял, многие понимали, что это будет выгодное приобретение. В целом, в основе действий и России, и США исследовательница усматривает, прежде всего, экспансионистские устремления.

Таким образом, западные исследователи определили широкий круг факторов, обусловивших заключение договора 1867 г.: географических (отдаленность колоний и трудности их снабжения); политических (обоюдное желание сторон скрепить российско-американскую дружбу; не допустить передачи территории общему врагу - Великобритании; стремление царского правительства сосредоточиться на освоении дальневосточных территорий, воспользовавшись ослаблением Цинского Китая; расчет госсекретаря У.Г.Стьюарда на получение широкой общественной поддержки, в которой остро нуждалась непопулярная администрация президента Э.Джонсона и др.); экономических (преимущественно "континентальный" характер русской колониальной политики, ее негативные последствия в Северной Америке, связанные с эксплуатацией коренного населения и истреблением пушного зверя; столкновение интересов колониальных держав; сложное финансовое положение РАК, экспансионистские устремления американских деловых кругов, стремившихся взять под контроль весь северо-запад континента и торговые пути в Северотихоокеанском регионе и др.).

Большое значение придавалось военно-стратегическим факторам, в частности, анализировалась сложная международная обстановка в регионе, отмечалась незащищенность Русской Америки перед лицом возможной военной агрессии, наплыва американских золотоискателей или восстания индейцев; подчеркивалась дальновидность американского правительства, которое рассматривало Аляску как стратегический плацдарм, обеспечивавший контроль над Северотихоокеанским регионом.

Как и в отечественной историографии, в зарубежных исследованиях указывалось на значение субъективного фактора - роль, которую в заключении сделки сыграли госсекретарь США У. Сьюард, ряд американских конгрессменов, российский посланник

Э.А. Стебль, вел. кн. Константин Николаевич и др. В меньшей степени западные историки обращали внимание на особенности социально-политического строя и экономического развития Российской империи в качестве фундаментальных факторов, определивших исторические судьбы Русской Америки.

Выводы.

Подводя итог дискуссиям, разворачивавшимся в западной историографии по вопросу о причинах, обстоятельствах и последствиях подписания договора о продаже Аляски, следует признать, что оценки исследователей, прежде всего, зависели от общего понимания ими характера российско-американских отношений в период, предшествовавший продаже Аляски, от того, как интерпретировались эти отношения — в терминах сотрудничества или соперничества.

В конце XIX в., когда многие американцы продолжали сомневаться в целесообразности покупки Аляски, Г. Бэнкрофт попытался доказать, что сделка отвечала не только краткосрочным политическим, но и долгосрочным экономическим интересам Соединенных Штатов. В работах первой трети XX в. сохранялось представление о том, что договор был выгоден, прежде всего, российской стороне, которая руководствовалась политическими соображениями. В этой связи особое значение приобретал фактор дружественных отношений между странами, которые способствовали благоприятному ходу переговоров и позволили российской стороне добиться поставленной цели (об устойчивости данного тезиса свидетельствуют работы Т. Бейли, С. Томпкинса, Д.Х. Миллера, Р.Дж. Дженсена).

Ф.А. Голдер полагал, что отказ от американских владений отвечал долгосрочным экономическим интересам России, в то время как действия американского правительства определялись сиюминутными политическими соображениями (в первую очередь, госсекретаря США У.Г. Сьюарда), а позицию многих конгрессменов удалось изменить благодаря простому подкупу. В свою очередь, некоторые историки (В.Дж. Фаррар, Р. Лютин) настаивали на том, что решение американского правительства о покупке Аляски также следует признать мудрым и дальновидным. Даже если на тот момент сделка еще не оправдала себя с экономической точки зрения (вопреки надеждам сторонников американской экспансии), она, по крайней мере, отвечала военно-стратегическим целям США.

В 1930-1940-х гг. под влиянием работ Р.Дж. Кернера и его учеников исследователи сосредоточились на изучении экономических интересов России на Тихоокеанском Севере. Вслед за Г.Бэнкрофтом, Р.Дж.Кернер указывал на взаимообусловленность процессов заселения русскими дальневосточных территорий и освоения тихоокеанского побережья Северной Америки. Соответственно, одной из важнейших причин уступки Аляски Соединенным Штатам было стремление царского правительства сосредоточиться на освоении недавно присоединенных территорий Приамурья и Приморья.

В послевоенный период, в условиях начавшейся «холодной войны», в западной (как и в советской) историографии все больше внимания уделялось политике колониальной экспансии, которую в Северотихоокеанском регионе проводили как Россия, так и США (С.Томпкинс, К.Мэннинг, Ф.Даллес, К.Халли и др.). В 1960-1970-х гг. представители так называемого «ревизионистского» направления в историографии (Г.Кушнер, У.Уильямс, У.Лафибер, Ч.Вевиер, Г.Паолино, Г.Кушнер), в равной мере критикуя американский и российский экспансионизм, утверждали, что продажа Аляска стала следствием отнюдь не дружеских отношений, а острой конкуренции и борьбы за сферы влияния (соответственно, уступку территорий можно рассматривать как победу одной из сторон и проигрыш - другой). По их мнению, отказываясь от территорий, из-за которых в будущем мог возникнуть конфликт между двумя странами, российская сторона проявила известную проницательность и дальновидность, хотя в еще большей степени договор 1867 г. был выгоден Соединенным Штатам и свидетельствовал о победе сторонников американского экспансионизма.

Представителям «ревизионистского» направления оппонировали те исследователи, кто полагал, что для России более важными были политические мотивы (Дж.Гибсон, Г.Баррэт, С.Хэйкокс и др.), а договор в той или иной мере был выгоден обеим сторонам. Лишь немногие западные исследователи отмечали положительные аспекты российского присутствия на Аляске и были склонны, вслед за советскими историками, расценивать продажу Аляски как ошибочный или не вполне продуманный шаг царского правительства (К.Л.Эндрюс, Г.Шевиньи, Л.Блэк). В работах, опубликованных в США в последние годы, возрождается тезис о борьбе колониальных держав, отмечаются негативные аспекты американского и российского экспансионизма, а также делается особый акцент на международном значении договора о продаже Аляски (И. Виньковецкий, Л. Фэрроу).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во второй половине XIX – начале XXI в. в исторической науке англо- и немецкоязычных стран развивалось особое направление, связанное с изучением истории присоединения и освоения русскими Северной Азии и Северной Америки. Данное направление прошло в своем развитии несколько закономерных этапов, обусловленных общими тенденциями развития западной историографии. До конца XIX в. обращение англо- и немецкоязычных авторов к проблемам истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки, как правило, было обусловлено актуальными событиями современности, в числе которых: присоединение к России Приамурья и Приморья, продажа Аляски, строительство Транссибирской магистрали, Русско-японская война 1904-1905 гг. и др. В США первоочередное внимание уделялось истории Русской Америки (Г. Бэнкрофт); британские и немецкие исследователи писали об истории и перспективах российского присутствия на Дальнем Востоке и в Тихом океане (Э.Г. Равенштейн, А.Краузе), о проблеме развития транспортных путей (К. фон Цепелин); взаимоотношения русских с соседними азиатскими народами.

На рубеже XIX – XX в. история Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки становится предметом изучения профессиональными историками. Большую роль в развитии историко-сибиреведческих исследований на Западе играли специализированные научные центры (Школа славянских и восточноевропейских исследований в Лондоне, Немецкое общество по изучению Восточной Европы в Берлине, Семинар по Северо-Восточной Азии в Беркли и др.), способствовавшие созданию научных школ и объединению усилий широкого круга специалистов для создания архивных и книжных коллекций, перевода и публикации источников, разработки учебных курсов, проведения международных научных форумов и пр. Содействуя сохранению и передаче накопленного научного опыта новым поколениям исследователей, такие научные центры сделали возможным поступательное развитие западного сибиреведения даже в периоды относительного спада общественного интереса к прошлому и настоящему Сибири и российского Дальнего Востока. На всех этапах развития данного историографического направления разработке сибиреведческой проблематики на Западе активно способствовали историки, связанные своим происхождением с Россией (Ф. Голдер, К. Менерт, М. Раев, А. Лобанов-Ростовский и др.) и способствовавшие взаимовлиянию и взаимному обогащению различных историографических традиций и исследовательских

подходов.

Международное сотрудничество историков активизировалось в конце 1950-х – 1960-х гг. и с конца 1980-х гг., чему способствовали новые организационные структуры (в 1980-х — начале 1990-х гг. - Семинар сибирских исследований британских университетов, действовавший в Великобритании и США; после 1990 г. - Фонд Франке в Германии (Галле)). На рубеже XX – XXI вв. изучением сибирской и дальневосточной проблематики активно занимались сотрудники Гавайского университета, Университета Аляски, Вашингтонского Университета (Сиэтл), Арктического института Северной Америки (Университет Калгари), Карлтонского университета в Оттаве, Института полярных исследований им. Р.Ф. Скотта в Кембридже, Института по социальной антропологии Общества Макса Планка (Галле) и др.

К началу XXI в. зарубежные исследователи истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки проделали значительный путь, ими был накоплен богатый источниковый и историографический материал. Вместе с тем, в англо- и германоязычной историографии не существовало некоей единой, доминирующей концепции присоединения и освоения огромных пространств Северной Азии и Северо-Тихоокеанского региона. Переосмысление накопленного историографического опыта возможно в рамках масштабного обобщающего исследования, комплексно рассматривающего различные аспекты «русской восточной экспансии». Решению данной задачи, предполагающей привлечение большого исследовательского коллектива, должна способствовать деятельность специализированных центров и структур, ориентированных на изучение сибирской проблематики.

В XX в. для зарубежных исследователей-сибиреведов, не имевших свободного доступа к российским и советским архивам, известная ограниченность источниковой базы отчасти компенсировалась привлечением опубликованных источников, переводом исторических документов на английский и немецкий языки. Значительное внимание зарубежные специалисты уделяли формированию архивных и книжных собраний «россики» и «сибирики» в собственных странах. Такие коллекции материалов отложились в фондах архивов и библиотек Канады, Великобритании, Германии, других стран. Наиболее крупные собрания материалов по истории России и Сибири находятся в США: Библиотеке Конгресса США, Гарвардском, Йельском, Колумбийском, Гавайском университетах, Калифорнийском университете в Беркли, Университете штата Аляска в Фэрбэнксе,

Гуверовском институте войны, революции и мира при Стэнфордском университете, Национальном архиве США (Вашингтон) и др. В большинстве случаев появление указанных коллекций также являлось итогом деятельности исследователей – выходцев их России: Ф.А. Голдера, М.З. Винокурова, Б.А. Бахметьева, Дж. Ленсена, А.Я. Гутмана-Гана, В. Ладомоцарского, А.С. Лукашкина и др.

В англо- и немецкоязычном сибиреведении использовался аналитический инструментарий различных теоретико-методологических подходов (напр., «колониционной», «модернизационной», «имперской» парадигм, концепции «русской восточной экспансии», теории «фронта» и др.). Смена этих парадигм и концепций отражала общие тенденции развития западной историографии. Историко-сибиреведческим исследованиям первой половины XX в. присущи объективистские установки, поиск всеобщих законов исторического развития в сочетании с использованием «универсальных теорий» (напр., колонизации, модернизации). В последние десятилетия рассматриваемое историографическое направление испытало на себе влияние «новой социальной истории», «культурного» и «лингвистического поворотов». Особенностью историко-сибиреведческих исследований второй половины XX – начала XXI в. явилось широкое применение теории «фронта», позволяющей, по мнению ее приверженцев, глубже понять специфику освоения Сибири. Вместе с тем, на всех этапах развития для западного сибиреведения был характерен компаративистский подход, позволяющий рассматривать историю восточных окраин России в общеевропейском, евразийском и глобальном контексте.

Историко-сибиреведческие исследования последних десятилетий, как правило, носят междисциплинарный характер, объединяя методы новой социальной истории, культурной антропологии, имагологии и других научных направлений. На вооружение исследователями берутся разнообразные теории и концепции, предложенные специалистами в других научных дисциплинах – политологии, социологии, этнологии; используется широкий арсенал разнообразных методологических подходов, которые подвергаются в их работах творческому переосмыслению и обогащаются новым содержанием. Так, концепты и методы «трансрегиональных и транскультурных исследований» применяют Э.М. Столберг, Д. Вулф и С. Урбанский; теорию регионализма всесторонне анализируют С. Уотрус, В. Фауст, Ст. Штух, Э.-М. Столберг, М. Бассин, Д. Вулф; направление «экологической истории» развивает М. Сокольский, «истории

эмоций» - С. Бэдкок.

В англо- и немецкоязычной историографии, посвященной дореволюционной истории Сибири и Дальнего Востока особое внимание уделяется периоду, охватывающему вторую половину XIX – начало XX в. и отмеченному ускорением демографических, социально-экономических, социокультурных процессов, активизацией общественно-политической жизни на восточных окраинах Российской империи. Зарубежными исследователями неизменно подчеркивается роль государства и его институтов в установлении контроля и закреплении за Россией огромных пространств Северной Азии. Особое внимание исследователями уделялось периоду, охватывающему XIX – начало XX вв., когда политика Российской империи, основанная на принципах регионализма, постепенно уступала место более жесткому централизму, стандартизации и унификации системы управления. Сопоставляя «инструменты экспансии» и «колониальные практики» Российской империи с историческим опытом других стран, западные авторы критически оценивали итоги «цивилизаторской миссии» России в Северной Азии, подчеркивая, в частности, негативные аспекты аборигенной и пенитенциарной политики. Вместе с тем, по мнению большинства исследователей, созданная за Уралом административная система способствовала в целом успешной интеграции региона в общеимперское пространство. Политические и социально-экономические факторы, обусловившие специфику системы управления Сибирью, изучались прежде всего англо-американскими историками (М. Раев, Т. Армстронг), социокультурные – немецкими (К. Вайсс, С. Франк). Особое внимание уделялось анализу причин, содержания и итогов Сибирской реформы М.М. Сперанского, которая, по мнению западных авторов, во многом определила развитие региона до конца имперского периода.

В современном западном сибиреведении, испытавшем влияние «культурного» поворота в историографии, значительное внимание уделяется проблемам самосознания индивидов и социальных групп, их самовосприятия, изучению духовной культуры сибирского населения (в частности, такой фундаментальной категории культуры как «пространство»). В отличие от отечественных исследователей, западные историки-сибиреведы редко используют обобщающий термин «сибирская идентичность», изучая «идентичность» различных групп сибирского населения (пришлого и коренного), развитие «регионального сознания» и «сибирского регионализма» (В.Фауст, С.Штух и др.). В числе основных факторов, влиявших на восприятие Сибири как историко-

географического пространства и определявших способы идентификации и самоидентификации сибирского населения, западные историки называют географические и культурные особенности региона, сложный этнический состав населения, роль местной интеллектуальной элиты, изменения в правительственной политике.

В представлении многих зарубежных авторов, Сибирская реформа М.М.Сперанского (1822 г.) положила начало новому этапу в истории взаимоотношений пришлого и аборигенного населения Сибири. Наибольшее внимание западные исследователи уделяли выяснению причин и последствий принятия "Устава об управлении инородцев" 1822 г.; процессам взаимной адаптации, аккультурации и ассимиляции пришлого и коренного населения Сибири и Дальнего Востока; проблемам идентификации и самоидентификации, «национального» и «регионального сознания» коренного населения, его участию в общественно-политической жизни региона. В современной англоязычной и немецкоязычной исследовательской литературе преобладает вывод о негативном воздействии русской колонизации на жизнь аборигенов Сибири, но если раньше исследователи склонны были видеть главную причину бедственного положения коренного населения в разнонаправленности действий центральных и местных властей (М.Раев, Т.Армстронг), то в новейших исследованиях ответственным за выработку политики в отношении "инородцев" предстает, прежде всего, правительство. В ряде работ (А.Знаменский, Дж.Форсайт, Э.-М.Столберг) подчеркивается активная роль самих аборигенных этносов во взаимодействии с русскими.

В современной англо- и германоязычной историографии, посвященной дореволюционной истории Сибири и Дальнего Востока, заметен всевозрастающий интерес к вопросам истории каторги и ссылки; всесторонне исследуется их роль как инструментов карательной и колонизационной политики государства. Признавая ведущую роль в разработке темы за российской историографией, западные специалисты в последние десятилетия вносят заметный вклад в разработку темы, стремясь к пересмотру устоявшихся концепций. Плодотворная работа в российских архивах позволила им существенно расширить источниковую базу своих исследований. Наряду с архивными документами (в основном, делопроизводственными материалами, связанными с деятельностью пенитенциарных учреждений) англо- и немецкоязычные исследователи широко привлекают источники личного происхождения (в первую очередь, воспоминания, дневники, письма ссыльных).

Следуя в парадигме «новой социальной и культурной истории», используя теоретический инструментарий таких научных направлений как «история женщин», «история семьи», «гендерная история», «историческая пенология», современные англо-американские и немецкие историки предлагают собственные оценки государственной политики в сфере исполнения наказаний; прослеживают изменения общественных представлений о каторге и ссылке; характеризуют особенности применения наказаний и положение различных категорий ссыльного населения в Сибири и на Дальнем Востоке; пристальное внимание уделяют историко-правовой проблематике, вопросам истории уголовной ссылки и каторги, указывая на неразрывную связь пенитенциарных институтов с процессами общественно-политического, социокультурного и хозяйственного развития Азиатской России в дореволюционный период.

В англо- и немецкоязычных исследованиях по истории общественно-политического развития Азиатской России во второй половине XIX – начале XX вв анализируется идеология и деятельность представителей сибирского «областничества» (С. Уотрус, Д. фон Мореншильдт, В. Фауст, Д.Рэйнбоу и др.); история протестного движения (М. Меланкон, Г. Райхман, Д. Вулф); общественно-политические процессы в Сибири и на Дальнем Востоке в годы Первой русской революции и межреволюционный период (Р. Сноу, Э.-М. Столберг, А. Вуд, Д. Дальман). Признавая приоритет в изучении указанной темы за советскими и российскими историками, англо- и германоязычные исследователи стремились уточнить ряд положений и выводов отечественной историографии, в частности — более объективно осветить роль представителей различных общественных движений и политических партий в революционных событиях начала XX в.

Наиболее обстоятельно изучена история сибирского областничества (от зарождения идеологии течения и деятельности сибирских кружков в 1860-х гг. до активного участия областников в революционных событиях начала XX в.). Анализируя эволюцию общественно-политических воззрений областников (от более радикальных («сепаратистских») – в начале, до умеренно-либеральных – в конце рассматриваемого периода), западные исследователи опирались на теории «фронта» и «регионализма», «колонизации» и «колониализма», а также концепции, связанные с «культурным» и «пространственным поворотом» в исторической науке конца XX – начала XXI вв. Для зарубежных историков характерно представление о выдающейся роли, которую играло сибирское областничество в культурной и общественно-политической жизни региона.

Признавая, что не все из поставленных областниками целей были достигнуты, западные исследователи все же убеждены, что изменения, происходившие в Сибири на рубеже XIX-XX вв. и способствовавшие ее вступлению на путь современного развития, были во многом заслугой и результатом деятельности «сибирских патриотов». Вопросы общественно-политического и социокультурного развития региона анализируются многими современными исследователями в контексте проблемы «интеграции» или «инкорпорации» Сибири в общеимперское пространство, в том числе рассматривается «ментальное», «символическое» измерение процесса (В. Фауст, К. Вайсс, У. Сандерленд, С. Франк). Проблеме «интеграции» региона посвящены исследования по истории научного изучения Сибири и Дальнего Востока (Г. Робель, Э. Доннерт, У. Грабош, Д. Дальман, В. Хинцше и др.).

В англо- и германоязычной историографии, посвященной социально-экономическому развитию Сибири, в числе важнейших факторов, обусловивших прочность позиций России на Азиатском континенте, называются крестьянская колонизация и успехи сельскохозяйственного развития региона. Англо-американские и немецкие исследователи демонстрировали самую широкую палитру мнений относительно хода и итогов массовых крестьянских переселений: от преимущественно критических оценок в литературе начала XX века до преимущественно положительных - в современной историографии. Признавая неудачи в реализации отдельных мероприятий правительства и специфику ситуации в Южной и Восточной Сибири или на Дальнем Востоке, современные исследователи в целом склонны писать о благотворном влиянии переселений на социально-экономическое развитие Азиатской России. В то же время ряд историков (С. Маркс, А. Вуд и др.) призывают не преувеличивать успехи "модернизации" Сибири или специфику сибирского "фронта". Такая позиция, в сочетании с использованием традиционной теории "колонизации", сближает их выводы с оценками и прогнозами, содержащимися в исследованиях начала XX века.

В исследованиях по истории индустриального развития Сибири второй половины XIX – начала XX в. основное внимание уделяется вопросам, связанным со строительством Транссибирской магистрали и тому всеобъемлющему воздействию, которое она оказала на социально-экономические и социокультурные процессы в регионе, а также выяснению ее военно-стратегического и геополитического значения. Наряду с этим западными исследователями крайне слабо освещены проблемы урбанизации региона, развития

торговли, промыслов и промышленности, финансово-кредитной сферы в пореформенный период. В новейшей историографии, испытавшей влияние «культурного и пространственного поворотов», основное внимание уделяется не столько сопоставлению количественных показателей, свидетельствовавших о степени «успешности» и «эффективности» социально-экономической модернизации, сколько выяснению особенностей социокультурных процессов, связанных с развитием «русского модерна».

Особое место в западной историографии (в первую очередь, англо-американской) занимает тема освоения русскими Дальнего Востока, Северо-Тихоокеанского региона и Северной Америки. Со времени публикации первых работ, посвященных присоединению к России Приамурья и Приморья, в центре внимания англо- и немецкоязычных авторов находились не только внешнеполитические и военные аспекты "русской восточной экспансии", но и географические, демографические, социально-экономические факторы, определившие ход и итоги освоения Дальнего Востока. Выясняя причины продвижения русских в Приамурье, англо- и немецкоязычные исследователи указывали на постоянное стремление России получить выход к морю, (А. Краузе, Т. Лин); отводили ведущую роль политическим причинам, связанным с процессами имперской экспансии, упрочения позиций России на Дальнем Востоке (Э.Г. Равенштейн, Д. Даллин, С.Пэйн и др.); экономическим – связанным с задачами колонизации региона (Ф.А. Голдер, Р.Дж. Кернер, Т. Лин, М. Мэнколл, Г. Сэлисбери, Дж. Гибсон); военно-стратегическим (Э. Равенштейн, А. Краузе, Дж. Стефан, Дж. Грейнджер, А. Рат).

Активные действия России в Дальневосточном регионе на рубеже XIX – XX в. в ряде работ (К. фон Цепелин, А. Малоземов, С. Маркс, Р. Квестид, Дж. Стефан) также объяснялись причинами военно-стратегического характера — прежде всего, стремлением России защитить свои рубежи от возможного нападения со стороны Японии, Китая или Британской империи. Политико-идеологические факторы (связанные с представлениями об исторической цивилизаторской миссии России в Азии, необходимости противостояния «желтой угрозе») рассматривали Д. Схиммельпеник ван дер Ойе, Дж. Маккензи, А. Малоземов. Об экономических причинах российской экспансии в регионе писали авторы, анализировавшие процессы «модернизации» и «политику мирного проникновения» С.Ю. Витте (Б. Самнер, Р. Квестид, Д. Гайер, Дж. Ленсен и др.). В последней трети XX в. англо- и немецкоязычные специалисты сосредоточились на

изучении социокультурной проблематики, идеологических аспектов дальневосточной политики, специфики процессов межкультурного и межэтнического взаимодействия, меняющихся представлений о Дальневосточном регионе - как в России, так и за ее пределами. При всем разнообразии концепций, предложенных англо- и немецкоязычными исследователями, можно выделить две основные тенденции в освещении темы. Для большинства работ характерен акцент на геополитическом контексте, экспансионистских устремлениях России как одной из империалистических держав, участвовавших в разделе "сфер влияния" в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем, во многих исследованиях подчеркивается объективная потребность России в упрочении своих позиций на тихоокеанских рубежах, защите дальневосточных территорий, их заселении и хозяйственном освоении.

В англоязычной историографии, посвященной заключительному этапу истории Русской Америки, определен широкий круг факторов, обусловивших заключение договора 1867 г.: географических (отдаленность колоний и трудности их снабжения); политических (обоюдное желание сторон скрепить российско-американскую дружбу; не допустить передачи территории общему врагу - Великобритании; стремление царского правительства сосредоточиться на освоении дальневосточных территорий, воспользовавшись ослаблением Цинского Китая; расчет госсекретаря У.Г. Сьюарда на получение широкой общественной поддержки, в которой остро нуждалась непопулярная администрация президента Э. Джонсона и др.); экономических (преимущественно "континентальный" характер русской колониальной политики, ее негативные последствия в Северной Америке, связанные с эксплуатацией коренного населения и истреблением пушного зверя; столкновение интересов колониальных держав; сложное финансовое положение РАК, экспансионистские устремления американских деловых кругов, стремившихся взять под контроль весь северо-запад континента и торговые пути в Северотихоокеанском регионе и др.). Большое значение придавалось военно-стратегическим факторам, в частности, анализировалась сложная международная обстановка в регионе, отмечалась незащищенность Русской Америки перед лицом возможной военной агрессии. В целом оценки западных исследователей, прежде всего, зависели от общего понимания ими характера российско-американских отношений в период, предшествовавший продаже Аляски, от того, как интерпретировались эти отношения — в терминах сотрудничества или соперничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники**1. Историографические источники**

1. Abel H., Jessen H. Kein Weg durch das Packeis: Anfänge der deutschen Polarforschung (1868–1889). Bremen : Schünemann, 1954. 87 S.
2. Abel H. «Commerzielle Pionierfahren» zur westsibirischen Eismeerküste (1876 bis 1884). Bremen, 1978. S. 7–51.
3. Ackeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München : Osteuropa-Institut München, 2007. 166 S.
4. Amidon W.C. The Issue of Sakhalin in Russo-Japanese Relations // Occasional papers / Center of Japanese Studies. Ann Arbor, 1957. № 7. P. 60–69.
5. Anderson B. Internal migration during modernization in late nineteenth century Russia. Princeton : Princeton University Press, 1980. 264 p.
6. Anderson D.G. Identity and ecology in Arctic Siberia: the number one reindeer brigade. Oxford : University Press, 2000. 270 p.
7. Andrews C.L. The story of Sitka: the historic outpost of the Northwest coast. Seattle : Press of Lowman and Henford, 1922. 156 p.
8. Andrews W.C. The story of Alaska. Seattle : Lowman & Hanford Co., 1931. 258 p.
9. Armstrong T. The Northern sea route: soviet exploration of the North East passage. Cambridge : Scott Polar Research Institute, 1952. 162 p.
10. Armstrong T. Russian settlement in the North. Cambridge : University Press, 1965. 258 p.
11. Auslin M. Japanese strategy, geopolitics and the origins of the war // The Russo-Japanese war in global perspective: World War Zero / ed. by W.J. Steinberg [et al.]. Brill [et al.], 2005. P. 3–21.
12. Badcock S. A prison without walls: Eastern Siberian exile in the last years of tsarism. Oxford : Oxford University Press, 2016. 195 p.
13. Baikalov, A.V. The conquest and colonization of Siberia // The Slavonic and East European Review. 1932. Vol. 10, № 30. P. 557–571.
14. Baikalov A. Siberia since 1894 // The Slavonic and East European Review, 1933. Vol. 11, № 32. P. 328–340.

15. Bailey Th.A. Why the United States purchased Alaska // *Pacific Historical Review*. 1934. Vol. 3, № 1. P. 39–49.
16. Balzer M. M. The tenacity of ethnicity: a Siberian saga in global perspective. Princeton : Princeton University Press, 1999. 326 p.
17. Bancroft H.H. History of Alaska. 1730–1885. San Francisco : A.L. Bancroft & Company, 1886. 775 p.
18. Barr W. The voyages of Taymyr and Vaygach to Ostrov Vrangelya, 1910–15 // *Polar Record*. 1972. Vol. 16, № 101. P. 213–234.
19. Barr W. Rusanov, Gerkules and the Northern sea route // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. 16, № 4. P. 569–611.
20. Barr W. A Tsarist attempt at opening the Northern sea route: the Arctic ocean hydrographic expedition, 1910–1915 // *Polarforschung*. 1975. № 1. S. 51–64.
21. Barrat G. Russia in Pacific waters, 1715–1825 : a survey of the origins of Russia's naval presence in the North and South Pacific. Vancouver : University of British Columbia Press, 1981. 340 p.
22. Bassin M. The Russian Geographical Society, the “Amur Epoch,” and the Great Siberian Expedition 1855–1863 // *Annals of the American Geographer*. 1983. № 73. P. 240–256.
23. Bassin M. Expansion and colonialism in the East: views of Siberia and Far East in pre-Petrine Russia // *Journal of Historical Geography*. 1988. Vol. 14, № 1. P. 3–21.
24. Bassin M. Inventing Siberia: views of Russian East in the beginning of the XIX century // *American Historical Review*. 1991. Vol. 96. P. 763–794.
25. Bassin M. Russia between Europe and Asia: the ideological construction of geographical space // *Slavic Review*. 1991. Vol. 50, № 1. P. 1–17.
26. Bassin M. Turner, Solov'ev, and the “Frontier hypothesis”: the nationalist signification of open spaces // *Journal of Modern History*. 1993. Vol. 65, № 3. P. 473–511.
27. Bassin M. Imperial visions: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. New York ; Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 368 p.
28. Bassin M. Imperialier Raum / Nationaler Raum: Sibirien auf der kognitiven Landkarte Russlands im 19. Jahrhundert // *Gechichte und Gesellschaft*. 2002. Bd. 28, № 3. S. 378–403.
29. Becker O. Review // *Historische Zeitschrift*. 1943. Bd. 167, № 1. S. 172–174. Rev. op.: Krupinski K. Russland und Japan. Ihre Beziehungen bis zum Frieden von Portsmouth Koenigsberg, Osteuropa-Verlag, 1940. 126 S. (Osteuropaeische Froschungen. Neue Folge ; Bd. 27).

30. Becker S. Russia's Central Asian empire, 1885–1917 // Russian colonial expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. London ; New York : Mansell Publ., 1988. P. 235–256.
31. Beer D. The house of the dead: Siberian exile under the tsars. London : Penquine Books, 2017. 489 p.
32. Between heaven and hell. Myth of Siberia in Russian culture / ed. by G. Diment, Y. Slezkine. New York, 1993. 278 p.
33. Bishop Gregory (Afonsky). A history of the orthodox church in Alaska, 1794–1917. Kodiak, Alaska : St. Herman's Theological Seminary, 1977. 106 p.
34. Black J.L. The Canadian Pacific Railway as a model for the Trans-Siberian Railway // Sibirica. 2004. Vol. 4, № 2. P. 186–200.
35. Black L.S. Russians in Alaska, 1732–1867. Fairbanks : University of Alaska Press, 2004. 328 p.
36. Blackwell W. L. Review// The William and Mary Quarterly. 1966. Vol. 23, № 2. P. 347–349. Rev. op.: Chevigny H. Russian America: the Great Alaskan venture, 1741–1867. New York : The Viking Press, 1965.
37. Brower D. Review // The American Historical Review. Vol. 106, № 2. P. 681–682. Rev. op.: Bassin M. Imperial visions: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. New York ; Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
38. Butler W. E. Northeast Arctic passage. Alphen aan den Rijn : Sijthoff & Noordhoff, 1978. 199 p.
39. Callahan J.M. The Alaska purchase and Americo-Canadian relations. Morgantown : Dept. of History and Political Science, West Virginia University, 1908. 44 p.
40. Carr E.H. Bakunin's escape from Siberia // The Slavonic Review. 1936-1937. Vol. 15. P. 377–388.
41. Channon J. Regional variation in the commune: the case of Siberia // Land commune and peasant community in Russia. Communal forms in imperial and early Soviet society / ed. by R. Bartlett. London, 1990. P. 66–85.
42. Chevigny H. Lost empire: the life and adventures of Nikolai Petrovich Rezanov. New York : The Macmillan Co., 1937. 356 p.
43. Chevigny H. Lord of Alaska. Baranov and the Russian adventure. New York : The Viking Press, 1942. 332 p.
44. Chevigny H. Russian America: the Great Alaskan venture, 1741–1867. New York : The Viking Press, 1965. 274 p.
45. Clubb E. China & Russia: the “Great game”. New York : Columbia University Press, 1971. 616 p.

46. Cohen D. *The Alaska Purchase*. Brookfield, CT : Millbrook Press, 1996. 70 p.
47. Collins D. *Colonialism and Siberian development: a case study of the Orthodox mission to the Altay, 1830–1913 // The Development of Siberia: people and resources / ed. by A. Wood, R. French*. London, 1984. P. 50–71.
48. Collins D. *The role of the Orthodox missionary in the Altai: archimandrite Makary and V.I. Verbitsky // Church, nation and state in Russia and Ukraine / ed. by G. Hosking*. London, 1990. P. 96–107.
49. Connolly V. *Beyond the Urals. Economic developments in Soviet Asia*. London : Oxford University Press, 1967. 420 p.
50. Connolly V. *Siberia today and tomorrow. A study of economic resources, problems and achievements*. New York : Taplinger Pub. Co., 1975. 268 p.
51. Connolly V. *The Yakuts // Problems of Communism*. 1967. Vol. 16, № 5. P. 81–91.
52. *Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902 / ed. by I. Krupnik, W.W. Fitzhugh*. Washington : Arctic Studies Center [et al.], 2001. 335 p.
53. *Constructing cultures then and now: celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition / ed. by L. Kendall, I. Krupnik*. Washington : Arctic Studies Center [et al.], 2003. 364 p.
54. Corrado Sh. M. *The “end of the earth”: Sakhalin island in the Russian imperial imagination, 1849–1906 : PhD dissertation / University of Illinois at Urbana-Champaign*. Urbana, 2010. 189 p.
55. Crummey R.O. *The old believers and the world of Antichrist: the Vyg community and the Russian State, 1694–1885*. Madison : University of Wisconsin Press, 1970. 296 p.
56. Crummey R.O. *Old Believers in a changing world*. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2011. 298 p.
57. Dahlmann D. *Sibirien: vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart*. Paderborn : Ferdinand Schöningh, 2009. 464 S.
58. Dallin D. J. *The rise of Russia in Asia*. New Haven : Yale University Press, 1949. 316 p.
59. Deeg L. *Kunst und Albers, Wladiwostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten. 1864–1924*. Essen : Klartext, 1996. 320 S.
60. Deeg L. *Kunst und Albers Vladivostok. The history of a German Trading Company in the Russian Far East (1864–1924)*. Vladivostok : Far Eastern Federal University Press, 2012. 384 p.
61. Desind Ph. *Jewish and Russian revolutionaries exiled to Siberia, 1901–1917*. Lewiston : Edward Mellen Press, 1991. 494 p.

62. Dibb P. *Siberia and the Pacific. A study of economic development and trade prospects.* New York ; London : Praeger Publi., 1972. 288 p.
63. Dmytryshyn B. Russian expansion to the Pacific, 1580–1700: a historiographical review // *Siberica. A Journal of the North Pacific Studies Center.* 1990. Vol. 1, № 1. P. 4–37.
64. Dmytryshyn B. Review. // *Pacific Historical Review.* 2005. Vol. 74, № 2. P. 283–284. Rev. op.: Black L. *Russians in Alaska: 1732–1867.* Fairbanks : University of Alaska Press, 2004. XXX, 328 p.
65. Donnelly A. The mobile steppe frontier. The Russian conquest and colonization of Bashkiria and Kazakhstan to 1850 // *Russian Colonial Expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin.* London ; New York : Mansell Publi., 1988. P. 189–207.
66. Jackson W.A.D. *The Russo-Chinese borderlands: zone of peaceful contact or potential conflict?* Princeton : Van Nostrand, 1962. 144 p.
67. Dubie A., Frank A. *Golder: an adventure of a historian in quest of Russian history.* New York : East European Monographs, 1989. 278 p.
68. Dunn S., Dunn E. The peoples of Siberia and the Far East // *Russia and Asia. Essays on the influence of Russia on the Asian peoples.* Stanford, 1972. P. 308–309.
69. Dunning W.A. Paying for Alaska // *Political Science Quarterly.* 1912. Vol. 27. P. 385–398.
70. Engstrom A., Engstrom E. *Alexander Baranov and Pacific empire.* Juneau : Engstrom & Engstrom, 2004. 227 p.
71. Evans J.L. Russian expansion on the Amur, 1848-1860. The push to the Pacific. Lewiston [et al.] : Edwin Mellen Press, 1999. 245 p.
72. Farrar V.J. The Background of the Purchase of Alaska // *The Washington Historical Quarterly.* 1922. Vol.13, № 2. P. 93–104.
73. Farrar V.J. *The annexation of Russian America to the United States.* Washington : W.F. Roberts Company, 1937. 142 p.
74. Farrow L.A. *Seward's folly: a new look at the Alaska purchase.* Fairbanks : University of Alaska Press, 2016. 220 p.
75. Faust W. *Russlands oldener Boden: Der sibirische Regionalismus in der zweiten Haelfte des 19 Jahrhunderts.* Koeln ; Wien : Böhlau [in Komm.], 1980. 683 S.
76. Fisher H.H. Frank Alfred Golder, 1877–1929 // *Journal of Modern History.* 1929. Vol. 1, № 2. P. 253–255.
77. Fisher R.H. *The Russian fur trade, 1550–1700.* Berkeley : University of California, 1943. 275 p.

78. Fisher R. Review // *Russian History = Histoire Russe*. 1991. Vol. 18, pt. 3. P. 361–371. Rev. op.: *The history of Siberia: from Russian conquest to revolution* / ed. by A.Wood. London, 1991.
79. Foust C. M. Review // *The American Historical Review*. 1988. Vol. 103, № 3. P. 942. Rev. op.: *Paine S.C.M. Imperial rivals: China, Russia, and their disputed frontier*. Armonk : M.E. Sharpe. 1996. 417 p.
80. Forsyth J. *The history of the peoples of Siberia: Russia's North Asian colony, 1581–1990*. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 476 p.
81. Frank S.K. *Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur*. Habilitationsschrift : University von Konstanz, 2003.
82. Frank S. *Sibirien: peripherie und anderes der russischen Kultur // "Mein Russland": Literarische Konzeptualisierungen und kulturelle Projektionen*. Beitrage der gleichnamigen Tagung vom 4.–6. Maerz, 1996 in Muenchen. Wien, 1997. S. 357–381.
83. Frank S. *Reisen nach Sibirien: Zwischen Heteropie und Topographie // KEA. Zeitschrift für Kultur- wissenschaften*. 1999. № 12. S.113–136.
84. Frank S.K. *Imperiale Aneignung: Diskursive Strategien der Kolonisation Sibiriens durch die russische Kultur*. Fink Wilhelm GmbH + CompanyKG, 2007.
85. Friesen A. *Building orthodox communities outside Mother Russia: church and colonization in Omsk Diocese, 1885–1917* : PhD Diss. Edmonton, Alberta, 2013. 401 p.
86. Friesen A. *Colonizing Russia's promised land. Orthodoxy and community on the Siberian steppe*. Toronto [et al.] : University of Toronto Press, 2020. 240 p.
87. Fuchs M. Review // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 2000. Bd. 48, № 4. S. 633. Rev. op.: *Evans J.L. Russian expansion on the Amur, 1848–1860. The push to the Pacific*. *Studies in Russian hisory*. Vol. 1. The Edwin Mellen Press Lewiston, Queenston, Lampeter, 1999. 245 p.
88. Gapanovich J.J. *Russian expansion on the Amur // China Journal*. 1931. Vol. 15, № 4. P. 173–182.
89. Gapanovich J.J. *Sino-Russian Relations in Manchuria, 1892–1906 // Chinese Social and Political Science Review*. 1933. Vol. 17 (July and October). P. 283–306, 457–479.
90. Garrett P. *Saint Innocent. Apostle to America*. Saint Vladimir's. Crestwood ; New York : Seminary Press, 1979. 345 p.
91. Gentes A. *Roads to oblivion: Siberian txile and the struggle between state and society in Russia, 1593–1917* : a dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, 2002. 591 p.

92. Gentes A. Siberian exile and the 1863 Polish insurrectionists according to Russian sources // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 2003. Bd. 51, № 2. S. 197–217.
93. Gentes A. Towards a Demography of children in the tsarist Siberian exile system // *Sibirica*. 2006. Vol. 5, № 1. P. 1–23.
94. Gentes A. Exile to Siberia, 1590–1822: corporeal commodification and administrative systematization in Russia. New York : Palgrave Macmillan, 2008. 271 p.
95. Gentes A. A. No kind of liberal: Alexander II and the Sakhalin penal colony // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 2008. Bd. 54, № 3. P. 321–344.
96. Gentes A. The institution of Russia's Sakhalin policy, from 1868 to 1875 // *Journal of Asian History*. 2002. Vol. 36, № 1. P. 1–31.
97. Gentes A. Sakhalin as Cause Celebre: re-signification of tsarist Russia's penal colony // *Acta Slavica Iaponica*. 2012. Vol. 32. P. 55–72.
98. Gentes A. Sakhalin's women: the convergence of sexuality and penology in late imperial Russia // *Ab Imperio*. 2003. № 2. P. 115–137.
99. Gentes A. Katorga: penal labor and tsarist Siberia // *The Siberian saga: a history of Russia's Wild East* / ed. by E.-M. Stolberg. Frankfurt am Main : Peter Lang, 2005. P. 73–85.
100. Gentes A. Exile, murder and madness in Siberia, 1823–61. New York : Palgrave Mcmillan, 2010. 290 p.
101. Geyer D. Der russische Imperialismus. Studien ueber d. Zusammenhang von innerer und auswaertiger Politik. 1860–1914. Goettingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1977. 344 S.
102. Gibson J. Russia on the Pacific: the role of the Amour // *Canadian Geographer*. 1968. Vol. 17, № 1. P. 15–27.
103. Gibson J.R. Feeding the Russian fur trade. Provisionment of the Okhotsk seabord and the Kamchatka peninsula 1639–1856. Madison : University of Wisconsin Press, 1969. 376 p.
104. Gibson J.R. The Significance of Siberia to Tsarist Russia // *Canadian Slavonic Papers*. 1972. Vol. 14, № 3. P. 442–449.
105. Gibson J.R. Imperial Russia in frontier America. The changing geography of supply of Russian America, 1784–1867. New York : Oxford University Press, 1976. 276 p.
106. Gibson J.R. Why the Russians Sold Alaska // *The Wilson Quarterly*. 1979. Vol. 3, № 3. P. 179–188.
107. Gibson J.R. The rush to meet the sun: an essay on Russian eastward expansion // *Sibirica*. 1990. Vol. 1, № 1. P. 68–77.
108. Gibson J.R. Tsarist Russia in Colonial America // *The history of Siberia. From Russian conquest to revolution* / ed. by A. Wood. London, 1991. P. 104–109.

109. Gibson J. Paradoxal views of Siberia: images of “patricians” and “plebeyees” before the mid. of 1800’s // *Between heaven and hell. Myth of Siberia in Russian kulture*. New York, 1993. P. 67–94.
110. Glatfelt E.R. *Russia, the Soviet Union, and the Chinese Eastern Railway // Railway imperialism*. New York : Greenwood Press, 1991. P. 137–154.
111. Golder F. *Russian expansion on the Pacific, 1641–1850: an account of the earliest and later expeditions made by the Russians along the Pacific coast of Asia and North America, including some related expeditions to the Arctic regions*. Cleveland : A.H. Clark Co., 1914. 384 p.
112. Golder F. *A guide to materials for American history in Russian archives*. Washington : Carnegie Institution of Washington, 1917. 261 p.
113. Golder F.A. *The purchase of Alaska // The American Historical Review*. 1920. Vol. 25, № 3. P. 411–425.
114. Golder F. *Bering’s voyages: an account of the efforts of the Russians to determine the relations of Asia and Asia*. New York : American geographical Society. 1922–1925. Vol. 1. 1922. 371 p. ; Vol. 2. 1925. 292 p.
115. Golder F. *A Russian-American relations during the Crimean war // American Historical Review*. 1925. Vol. 31. P. 462–476.
116. Grainger J.D. *The First Pacific War: Britain and Russia, 1854–1856*. Woodbridge : Boydell Press, 2008. 224 p.
117. Grayson B. *Lost opportunity: the Alaska-Siberia tunnel // Asian Affairs*. 1977. Vol. 8, № 1. P. 63–69.
118. Hansen E. *The purchase of Alaska: folly or bargain? Lowell : Discovery Enterprises*, 1994. 48 p.
119. Hanson G. A. *Afanasii Prokofevich Shchapov (1830–1876): Russian historian and social thinker : PhD thesis / University of Wisconsin*. 1971. 358 p.
120. Hanson G.A. *Siberian regionalism in the 1860s // Topic*. 1974. Vol. 27. P. 62–75.
121. Harrison J. *Japan's northern frontier: a preliminary study in colonization and expansion with special reference to the relations of Japan and Russia*. Gainesville : University of Florida Press, 1953. 202 p.
122. Harrison J. *The founding of the Russian empire in Asia and America*. Coral Gables : Univ of Miami Pr., 1971. 168 p.
123. Hartley J. M. *Siberia: a history of the people*. London : Yale University Press, 2014. 289 p.

124. Hauner M. What is Asia to us? Russia's Asian heartland yesterday and today. Boston : Unwin Hyman, 1990. 296 p.
125. Haycox S. Alaska: an American colony. Seattl : University of Washington Press, 2002. 432 p.
126. Hecht D. Review // The Russian Review. 1958.Vol. 17, № 3. P. 223–224. Rev. op.: Kennan G. Siberia and the exile system. Chicago : University of Chicago Press, 1958. 244 p.
127. Hicks E.M. The territorial expansion of Russia : M.A. Thesis presented to the Department of history, University of Southern California. 1916. 65 p.
128. Hinckly T.C. Review // Pacific Historical Review. 1977. Vol. 46, № 2. P. 299–300. Rev. op.: Jensen R.J. The Alaska purchase and Russian-American relations. Seattle : University of Washington Press, 1975. XX, 185 p.
129. Hintzsche W. German scholars and the exploration of Siberia and Alaska // Science under sail: Russian exploration in the North Pacific, 1728–1867 : Cook inlet historical society symposium. Anchorage, Alaska. October 13–14, 2000. Anchorage, 2000.
130. Hoetzsch O. Russland in Asien: Geschichte einer Expansion. Stuttgart, 1966. 176 s.
131. Hölzle E. Das Land der Freiheit. Zur Geschichte der Russischen Freiheitsidee // Saeculum. 1954. Bd. 5, № 4. S. 429–439.
132. Hookham H. The builders of the Trans-Siberian Railway // History Today. 1966. Vol. 16, № 8. P. 528–537.
133. Horensma P. The Soviet Arctic. London ; New York : Routledge, 1991. 228 p.
134. Hsu Ch.Y. A tale of two railroads: “Yellow labor”, agrarian colonization, and the making of Russianness at the Far Eastern frontier, 1890s – 1910s // Ab Imperio. 2006. № 3. P. 217–253.
135. Hulley Cl.C. Alaska, 1741–1953. Portland : Binfords and Mort, 1953. 406 p.
136. Hutchinson L. Frank A. Golder // A.R.A. Association Review. 1929. Vol. 4, № 1. P. 49.
137. Huttenbach H. The origins of Russian imperialism // Russian imperialism from Ivan the Great to the revolution. New Brunswick, New Jersey, 1974. P. 18–44.
138. Jensen R.J. The Alaska purchase and Russian-American relations. Seattle : University of Washington Press, 1975. 185 p.
139. Jordan P. Landscape and culture in Northern Eurasia: an introduction // Landscape and culture in Northern Eurasia. Walnut Creek : Left Coast Press, 2010. P. 17–45.
140. Kan S. Memory eternal: orthodox christianity and the tlingit mortuary complex // Arctic Anthropology. 1987. Vol. 24, № 1. P. 32–55.
141. Kamissek Ch. Review. URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=22242> (accessed 10.05.2022). Rev. op.: Ackeret M. In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitstrafe

- fuer politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). Muenchen : Osteuropa-Institut Muenchen, 2007. 166 S.
142. Kappeler A. Chochly und Kleinrussen: Die ukrainische laendliche und staedtische Diaspora in Russland vor 1917 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge.* 1997. Bd. 45, № 1. P. 48–63.
143. Kappeler A. Russland als Vielvoelkerreich: Entstehung-Geschichte-Zerfall. Munich : Verlag C.H. Beck, 1992. 395 S.
144. Kazmer D.R. Agricultural development on the frontier: the case of Siberia under Nicholas II // *American Economic Review.* 1977. Vol. 67, № 1. P. 429–432.
145. Keithan E.L. Alaska Ice, Inc. // *Pacific Northwest Quarterly.* 1945. Vol. 36, № 2. P. 121–132.
146. Kennan G. Siberia. The exiles' abode // *Journal of the American Geographical Society of New York.* 1882. Vol. 14. P. 13–68.
147. Kerner R. J. Russian expansion to America: its bibliographical foundations // *The Papers of the Bibliographical Society of America.* 1931. Vol. 25, № 1. P. 111–129.
148. Kerner R.J. Northeastern Asia: a selected bibliography/contributions to the bibliography of the relations of China, Russia and Japan, with special reference to Korea, Manchuria, Mongolia and Eastern Siberia, in oriental and European languages. Berkeley : University of California Press, 1939. Vol. 1. XXXIX, 675 p. ; Vol. 2. XXXI, 621 p.
149. Kerner R.J. The urge to the sea : the course of Russian history. Berkeley : University of California Press, 1942. 250 p.
150. Kerner R.J. The urge to the sea: the course of russian history. The role of rivers, portages, ostrogs, monasteries and furs. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1946. 212 p.
151. King A.D. The Siberian studies manifesto // *Sibirica.* 2006. Vol. 5, № 1. P. 5–15.
152. Lutz R.H. Professor Frank Alfred Golder // *Stanford Illustrated Review.* 1929. Vol. 30. P. 249–250.
153. Klumberg W. Die Kolonisation Rußlands in Sibirien, Zürich 1914. (Diss.). Zürich : Gebr. Leemann, 1914. 124 S.
154. Kobtzeff O. Ruling Siberia: the imperial power, the orthodox church and the native people // *Sibirica : report of the third meeting of the British universities Siberian studies seminar, 28–30 Sept., 1984.* Lancaster, 1986. Vol. 2. P. 6–15.
155. Kolarz W. Russia and her colonies. London : George Philip, 1953. 335 p.
156. Kolz A. British economic interests in Siberia during the Russian civil war, 1918–1920 // *Journal of Modern History.* 1976. Vol. 37, № 3. P. 483–491.

157. Kotkin St. Introduction: rediscovering Russia in Asia // *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. New York, 1995. P. 3–17.
158. Kotkin S. Robert Kerner and the Northeast Asia seminar // *Acta Slavica Iaponica*. 1997. Vol. 15. P. 93–113.
159. Kovach M. *The Russian Orthodox Church in Russian America*. [S. l.], 1957. 290 p.
160. Kraemer G. *Sibirien und die grosse sibirische Eisenbahn*. Leipzig : Zuckschwerdt, 1900. 286 S.
161. Krausse A. *Russia in Asia: a record and a study, 1588–1899*. London : G. Richards, 1899. 455 p.
162. Krausse A. *The Far East. Its history and its question*. London : Grant Richard, 1899. 414 p.
163. Krypton C. *The Northern sea route. Its place in Russian economic history before 1917*. New York : Research Program on the U.S.S.R., 1953. 194 p.
164. Krypton C. *The Northern sea route and the economy of the Soviet North*. London : Methuen, 1956. 219 p.
165. Kusber J. *Der russisch-japanische Krieg 1904–1905 in Publizistik und Historiographie: Anmerkungen zur Literatur ueber den “kleinen siegreichen Krieg” // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 1994. Bd. 42, № 2. S. 217–234.
166. Kusber J. *Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // Ab Imperio*. 2008. Vol. 4. P. 52–74.
167. Kusber J. *Soldiers' unrest behind the front of the end of the war // Rethinking the Russo-Japanese war, 1904–1905*. Folkestone, 2007. P. 281–290.
168. Kusber J. *Review // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*, 57. 2009. № 2. S. 277–278. Rev. op.: Weiss C. *Wie Sibirien unser wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und Ihr Einfluss auf die Bilder Und vorstellungen von Sibirien im 19. Jahrhundert*. Goettingen : Vandenhoeck und Ruprecht 2007.
169. Kushner H. *Conflict on the Northwest coast: American-Russian rivalry in the Pacific Northwest, 1790–1867*. Westport : Greenwood Press, 1975. 248 p.
170. Kushner H.I. *Review // The Journal of American History*. 1976. Vol. 63, № 1. P. 139–140. Rev. op.: Jensen R.J. *The Alaska purchase and Russian-American relations*. Seattle : University of Washington Press, 1975. XX, 185 p.
171. Landgraf D. *Amur, Ussuri, Sachalin: 1847–1917*. Neuried : Hieronymus, 1989. 697 S.
172. Langer W.L. *The diplomacy of imperialism, 1890–1902*. 2 vols. New York ; London : Alfred A. Knopf, 1935. XVIII, 797, XXII p.

173. Langer W.L. The origins of the Russo-Japanese war // *Exploration in crisis: papers on international history*. Cambridge ; London : Harvard University Press, 1969. P. 3–45. DOI: <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674493308.c2>.
174. Lantzeff G.V. *Siberia in the Seventeenth century. A study of the colonial administration*. Berkeley ; Los Angeles : University of California, 1943. 235 p.
175. Lantzeff G.V. Russian expansion eastward before the Mongol invasion // *The American Slavic and East European Review*. 1947. Vol. 6, № 18-19. P. 1–10.
176. Lantzeff G.V. *Eastward to empire. Exploration and conquest of the Russian open frontier to 1750*. Montreal ; London : McGill-Queen's University Press, 1973. 276 p.
177. LeDonne J. *The Russian empire and the world, 1700–1917: the geopolitics of expansion and containment*. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1997. 394 p.
178. Lensen G.A. Early Russo-Japanese relations // *The Far Eastern Quarterly*. 1950. Vol. 10, № 1. P. 2–37.
179. Lensen G.A. The historicity of “Fregat Pallada” // *Modern Language Notes*. 1953. Vol. 68. P. 462–466.
180. Lensen G.A. The Russo-Japanese frontier // *Florida State University Studies*. 1954. Vol. 14. P. 23–40.
181. Lensen G.A. Report from Hokkaido: the remains of Russian culture in the northern Japan. Hakodate : Municipal Library of Hakodate, 1954. 216 p.
182. Lensen G.A. The importance of tsarist Russia to Japan // *Contemporary Japan*. 1957. Vol. 24, № 10-12. P. 626–639.
183. Lensen G.A. Russians in Japan, 1858–1859 // *The Journal of Modern History*. 1954. Vol. 24. P. 162–17.
184. Lensen G.A. *Russia's Japan expedition of 1852 to 1855*. Gainesville : University of Florida Press, 1955. 208 p.
185. Lensen G.A. *The Russian push toward Japan. Russo-Japanese relations, 1697–1875*. Princeton : Princeton U.P., 1959. 553 p.
186. Lensen G.A. Japan and tsarist Russia – the changing relationships, 1875– 1917 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 1962. Bd. 10, № 3. S. 337–348.
187. Lensen G.A. *Russia's eastward expansion*. New York : Prentice-Hall, 1964. 184 p.
188. Lensen G.A. *Japanese diplomatic and consular officials in Russia: a handbook of Japanese representatives in Russia from 1874 to 1968*. Tokyo : Sophia University in cooperation with the Diplomatic Press, Tallahassee, Fla, 1968. 230 p.
189. Lensen G.A. *Balance of intrigue: international rivalry in Korea and Manchuria, 1884–1899*. 2 vols. Gainesville : University Presses of Florida, 1982. XVIII, 984 p.

190. Lin T.C. The Amur frontier question between China and Russia, 1850–1860 // *Pacific Historical Review*. 1934. Vol. 3, № 1. P. 1–27.
191. Lincoln W.B. *The conquest of a continent: Siberia and the Russians*. London : Random House, 1994. 500 p.
192. Lloyd T. The Northern sea route // *Russian Review*. 1950. Vol. 9, № 2. P. 98–111.
193. Lobanov-Rostovsky A. Russian imperialism in Asia: its origin, evolution and character // *Slavonic and East European Review*. 1929-1930. Vol. 8, № 22. P. 28–47.
194. Lobanov-Rostovsky A. *Russia in Asia*. New York : McMillan, 1933. 334 p.
195. Lobanov-Rostovsky A. Russian expansion in the Far East in the light of the Turner hypothesis // *The frontier in perspective*. Madison, 1965. P. 79–94.
196. Lonsdale R.E. Siberian industry before 1917: the example of Tomsk guberniya // *Annals of the Association of American Geographies*. 1963. Vol. 53, № 4. P. 479–493.
197. Luthin R.H. The sale of Alaska // *The Slavonic and East European Review*. 1937. Vol. 16, № 46. P. 168–182.
198. Lutz R.H. Professor Frank Alfred Golder // *Stanford Illustrated Review*. 1929. February. P. 249–250.
199. Malozemoff A. *Russian Far Eastern policy: 1881–1904, with special emphasis on the causes of the Russo-Japanese war*. Berkeley : University of California Press, 1958. 358 p.
200. Mancall M. Major-General Ignatiev's mission to Peking, 1859–1860 // *Papers on China*. 1956. Vol. 10. P. 55–96.
201. Mancall M. The Kyakhta trade // *The economic development of China and Japan. Studies in economic history and political economy*. London : George Allen and Unwin, 1964. P. 19–49.
202. Manning C.A. *Russian influence on early America*. New York : Library Publ., 1953. 216 p.
203. March G.P. “Amuria/Ussuria”: the Russian prize // *Sibirica. The Journal of Siberian Studies*. 1993–1994. Vol. 1, № 1. P. 37–46.
204. March G. *Eastern destiny: Russia in Asia and the North Pacific*. Westport, Conn. : Praeger, 1996. 273 p.
205. Marks S.G. *Road to power: The Trans-Siberian Railroad and the colonization of Asian Russia, 1850–1917*. Ithaca : Cornell University Press, 1991. 262 p.
206. Marks S.G. *Conquering the Great East: Kulomzin, peasant resettlement, and the creation of modern Siberia* // *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East* / ed. by S. Kotkin, D.A. Wolff. New York ; London, 1995. P. 23–39.

207. Marks S.G. The burden of the Far East: the Amur railroad question in Russia, 1906–1916 // *Sibirica: the Journal of Siberian Studies*. 1993–1994. № 1. P. 9–28.
208. Marshall A. Imperial Russian war planning for the Eurasian space and the impact of the war // *Rethinking the Russo-Japanese war, 1904–1905*. Folestone, 2007. P. 281–290.
209. Marshall A. *The Russian General Staff and Asia, 1800–1917*. London ; New York : Routledge, 2006. 274 p.
210. Mazour A.G. The prelude to Russia's departure from America // *Pacific Historical Review*. 1941. № 10. P. 311–319.
211. Mazour A.G. The Russian-American company: private or government enterprise // *Pacific Historical Review*. 1944. Vol.13, № 2. P.168–173.
212. McCannon J. *A history of the Arctic: nature, exploration and exploitation*. London : Reaktion Books, 2012. 349 p.
213. Melancon M. *The Lena goldfields massacre and the crisis of the late tsarist state*. College Station : Texas A & M University Press, 2006. 238 p.
214. Mohrenschildt D., von. Shchapov: exponent of regionalism and the federal school in Russian history // *The Russian Review*. 1978. Vol. 37, № 4. P. 387–404.
215. Mohrenschildt D., von. *Towards a United States of Russia: plans and projects of Federal reconstruction of Russia in the nineteenth century*. Rutherford : Fairleigh Dickinson University Press, 1981. 320 p.
216. Moon D. Peasant migration and the settlement of Russia's frontiers, 1550–1897 // *Historical Journal*. 1997. Vol. 40, № 4. P. 859–893.
217. Morrison A. The Russian empire and the steppe. An exchange of views // *Forum for Anthropology and Culture*. 2007. Vol. 4. P. 402–415.
218. Moussalimas S. A. *The Transition from shamanism to Russian Orthodoxy in Alaska*. Oxford : Berghahn Books, 1994. 254 p.
219. Miller D. *The Alaska treaty*. Kingston : Limestone Press, 1981. 221 p.
220. Moritsch A. *Landwirtschaft und Agrarpolitik in Russland vor der Revolution*. Wien-Koeln-Graz : Böhlau, 1986. 257 S.
221. Mote V. The Cheliabinsk grain tariff and the rise of the Siberian butter industry // *Slavic Review*. 1976. Vol. 35, № 2. P. 304–317.
222. Mote V. *Siberia: worlds apart*. Boulder : Westview Press, 1998. 239 p.
223. Naske C.-M., Slotnick H.E. *Alaska: a history of the 49th State*. 2nd ed. Norman : University of Oklahoma Press, 1987. 349 p.
224. Neunherz R.E. *The purchase of. Russian America: reasons and reactions* : PhD dissertation / University of Washington. 1975. 414 p.

225. Neutatz D. Der Traum von der Transsib: Visionen, Wunsche, Praesentationen und Wahrnehmungen 1857–1914 // *Образы Сибири. Концептуализация русского Северо-Востока в культурологии*. Иркутск, 2005. С. 179–203.
226. Nish I.H. Review // *The Slavonic and East European Review*. 1970. Vol. 48, № 113. P. 609–611. Rev. op.: Qvested R.K.I. *The expansion of Russia in East Asia, 1857–1860*. Kuala Lumpur : University of Malaya Press, 1968.
227. Nish I. The clash of two continental empires: the land war reconsidered // *Rethinking the Russo-Japanese war, 1904–5: centennial perspectives*. Folkestone : Global Oriental Ltd, 2007. P. 65–77.
228. Nitsche P. Der Bau einer Grossmacht. Russische Kolonisation in Ostasien // *Staatenbildung in Uebersee-Historische Mitteilungen der Ranke*. Stuttgart, 1992. S. 149–165.
229. North R. *Transport in Western Siberia. Tsarist and soviet dvelopment*. Vancouver : University of British Columbia Press, Centre for Transportation Studies, 1979. 384 p.
230. Oleksa M. *Orthodox Alaska: a theology of mission*. Crestwood : St.Vladimir's Seminary Press, 1992. 262 p.
231. Paine S.C.M. *Imperial rivals: China, Russia and their disputed frontier, 1858–1924*. New York : M.E. Sharpe, 1996. 417 p.
232. Paine S.C.M. *The Chinese eastern railway from the First Sino-Japanese war until the Russo-Japanese war // Manchurian railways and opening of China. An international history* New York ; London : Sharpe, 2009. P. 13–36.
233. Patrikeeff F., Shukman H. *Railways and the Russo-Japanese war: transporting war*. London ; New York : Routledge, 2007. 176 p.
234. Paquet A. Review // *Geographische Zeitschrift*. 1910. Bd. 16, № 4. S. 236. Rev. op.: Zepelin C., von. *Der Ferne Osten. Seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem russisch-japanischen Kriege*. I-II. Teile. *Russland in Asien*. Bd. VIII. Berlin: Zuckschwerdt & Co., 1907–1909.
235. Paquet A. Review // *Geographische Zeitschrift*. 1911. Bd. 17, № 12. S. 713–714. Rev. op.: Zepelin C., von. *Der Ferne Osten*. III. Teil. *Das Kuestengebiet und Wladiwostok*. *Russland in Asien*. Bd. I. Berlin : Zuckschwerdt & Co., 1911.
236. Pavlovsky M. *Chinese-Russian relations*. New York : Philosophical Library, 1949. 194 p.
237. Peffer N. *The Far East: a modern history*. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1958. 489 p.
238. *Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle [et al.]. London ; New York : Routledge, 2007. 316 p.

239. Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988. Vol. 30, № 1. P. 112–133.
240. Pierce R.A. New light on Ivan Petroff, historian of Alaska // The Pacific Northwest Quarterly. 1968. Vol. 59, № 1. P. 1–10.
241. Pierce R.A. M.Z.Vinokoureff: profile of a Russian emigre scholar and bibliophile // Z. Michail. Vinokoureff: a profile and inventory of his papers (Ms 81) and photographs (PSA 243) in the Alaska Historical Library. Juneau, 1986. P. 6–12.
242. Poppe N. The economic and cultural development of Siberia // Russia enters the Twentieth century, 1894–1917 / ed. by G. Katkov, E. Oberländer. London, 1971. P. 138–153.
243. Quested R.K.I. The expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. Kuala Lumpur : University of Malaya Press, 1968. 339 p.
244. Quested R.K.I. Further light on the expansion of Russia in East Asia: 1792–1860 // The Journal of Asian Studies. 1970. Vol. 29, № 2. P. 327–345.
245. Quested R.K. “Matey” imperialists? The tsarist Russians in Manchuria, 1895–1917. Hong Kong : Centre of Asian Studies, University of Hong Kong, 1982. 430 p.
246. Raeff M. Siberia and the reforms of 1822. Seattle : University of Washington Press, 1956. 210 p.
247. Rainbow D. Siberian patriots: participatory autocracy and the cohesion of the Russian imperial state, 1858–1920 : PhD thesis / Department of History, New York University, 2013. 404 p.
248. Rath A.C. The Crimean war in imperial context, 1854–1856. New York : Palgrave MacMillan, 2015. 301 p.
249. Rasche H.H. Alaska purchase centennial: 1867–1967 // Arctic. 1967. Vol. 20, № 2. P. 63–76.
250. Ravenstein E. The Russians on the Amur; its discovery, conquest and colonization, with a description of the country, its inhabitants, productions, and commerical capabilities and personal accounts of Russian travellers London : Truebner and Co., 1861. 500 p.
251. Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East / ed. by S. Kotkin, D. Wolff. New York ; London : M.E. Sharpe, 1995. 412 p.
252. Reichmann H. The 1905 revolution on the Siberian railroad // Russian Review. 1988. Vol. 47, № 1. P. 25–48.
253. Reid V.H. The purchase of Alaska: contemporary opinion. Long Beach, 1940. 134 p.
254. Rudenko O. Russia in the Pacific basin // Journal of the West. 1976. Vol. 15, № 83. P. 49–64.

255. Ruge S. Die transsibirische Eisenbahn: Vortrag gehalten in der Gehe-Stiftung zu Dresden am 12. Oktober 1901. Dresden : Jahn & Jaensch, 1901. 52 S.
256. Russia and Asia: essays on the influence of Russia on the Asian peoples / ed. by W.S. Vicinich. Stanford : Hoover Institution Press, Stanford University, 1972. 544 p.
257. Russian America: the forgotten frontier / ed. by B. S. Smith, R. J. Barnett. Tacoma : Washington State Historical Societ, 1990. 260 p.
258. Russian colonial expansion to 1917 / ed. by M. Rywkin. London [et al.] : Mansell, 1988. 274 p.
259. Russian imperialism from Ivan the Great to the revolution / ed. by T. Hunczak. New Brunswick : Rutgers University Press, 1974. 396 p.
260. Russians in Tlingit America / ed. by N. Dauenhauer [et al.]. Seattle : University of Washington Press, 2008. 491 p.
261. Russland, der Ferne Osten und die "Deutschen" / red. H. Duchhard. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. 121 S.
262. Sabol St. Comparing American and Russian internal colonization: the "touch of civilization" on the Sioux and Kazakhs // *Western Historical Quarterly*. 2012. Vol. 43, № 1. P. 29–51.
263. Salisbury H. War between Russia and China. New York : Norton, 1969. 224 p.
264. Sarkisyantz E. Russian imperialism reconsidered // *Russian imperialism from Ivan the Great to the revolution*. New Brunswick, 1974. P. 67–68.
265. Saul N. An American's Siberian dream // *Russian Review*. 1978. Vol. 37, № 4. P. 405–420.
266. Schenk F.B. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2014. 456 p.
267. Shimkin D.B. Review // *American Anthropologist*. 1958. Vol. 60, № 1. P. 190. Rev. op.: Raeff M. *Siberia and the reforms of 1822* (University of Washington publications on Asia. The Far-Eastern and Russian Institute. Seattle : University of Washington Press, 1956. XVII, 210 pp., appendices).
268. Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the rising sun: Russian ideologies of empire and the path to war with Japan*. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2001. 329 p.
269. Schimmelpenninck van der Oye D. *The immediate origins of the war // The Russo-Japanese war in global perspective*. World war zero. Leiden : Brill, 2005. Vol. 1. P. 23–44.
270. Schraeder A. *Unruly felons and civilizing wives: cultivating marriage in the Siberian exile system, 1822–1860* // *Slavic Review*. 2007. Vol. 66, № 2. P. 230–256.

271. Schweitzer P. Silence and other misunderstandings: Russian anthropology, western hunter-gatherer debates and Siberian peoples // *Hunters and gatherers in the modern world: conflict, resistance and self-determination*. New York, 2000. P. 29–51.
272. Semjonow Y. *Die Eroberung Sibiriens, Ein Epos menschlicher Leidenschaften, Der Roman eines Landes*. Berlin : Ullstein, 1937. 395 S.
273. Semjonow Y. *The conquest of Siberia: an epic of human passions*. London : George Routledge & Sons, 1944. 356 p.
274. Seraphim H.-J. *Die ländliche Besiedlung Westsibiriens durch Russland*. Jena : Fischer, 1923. 204 S.
275. Shiels A. W. *The purchase of Alaska*. College : University of Alaska Press, 1967. 208 p.
276. Shillinglaw J.J. *A narrative of Arctic discovery: from the earliest period to the present time ...* London : W. Shoberl, 1851. 348 p.
277. *Siberia: colony and frontier // Kritika: exploration in Russian and Eurasian history*. 2013. Vol. 14, № 1. P. 1–4.
278. Siegelbaum L.H. Another “yellow peril”: Chinese migration in the Russian Far East and the Russian reaction before 1917 // *Modern Asian Studies*. 1978. Vol. 12, № 2. P. 307–330.
279. Slezkine Y. *Russia and small peoples of the North: Arctic mirrors*. Ithaka ; London : Cornell University Press, 1994. 484 p.
280. Smith A.D. *National identity*. Reno [et al.] : University of Nevada Press, 1991. 244 p.
281. Snow R. E. *The bolsheviks in Siberia, 1917–1918*. Rutherford [et al.] : Fairleigh Dickinson University Press, 1977. 269 p.
282. Sokol A. Russian expansion and exploration in the Pacific // *The American Slavic and East European Review*. 1952. № 2. P. 85–105.
283. Sokolsky M. Between predation and protection: forests and forestry in late-tsarist Primor'e // *Sibirica: Journal of Siberian Studies*. 2014. Vol. 13, № 2. P. 28–61.
284. Sokolsky M. *Taming Tiger country: colonization and environment in the Russian Far East, 1860–1940 : PhD in history / The Ohio State University*. 2016. 408 p.
285. Speak P. Terence Edward Armstrong, 1920–1996 // *Geographers Biobibliographical Studies*. Mansell, 1998. Vol. 18. P. 1–9.
286. Spiess K. *Periphere Sowjetwirtschaft. Das Beispiel Russisch-Fernost 1897–1970*. Zürich [et al.] : Atlantis-Verlag, 1980. 200 S.
287. Steinwedel Ch. *Resettling people, unsettling the empire: migration and the challenge of governance, 1861–1917 // Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history / ed. by N.B. Breyfogle [et al.]*. London ; New York, 2007. P. 128–147.

288. Stephan J.J. The Crimean war in the Far East // *Modern Asian Studies*. 1969. Vol. 3, № 3. P. 257–277.
289. Stephan J. *Sakhalin: a history*. Oxford : Clarendon Press, 1971. 272 p.
290. Stephan J. *The Russian Far East: a history*. Stanford : Stanford University Press, 1994. 481 p.
291. Stewart J.M. Siberia's Lake Baikal: aspects of its history, economy and ecology // *Asian Affairs*. 1976. Vol. 7, № 2. P. 161–167.
292. Stewart J.M. The British in Siberia: 1581–1978 // *Asian Affairs*. 1979. Vol. 10, № 2. P. 132–143.
293. Stolberg E.-V. The Siberian frontier and Russia's position in world history: a reply to Aust and Nolte" // *Review (Fernand Braudel Center)*. 2002. Vol. 27, № 3. P. 243–267.
294. Stolberg E.-M. *Sibirien – Russlands "Wilder Osten" Mythos und soziale Realität im 19. und 20. Jahrhundert : Überarbeitete Fassung der Habilitationsschrift, angenommen von der Philosophischen Fakultät der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn (Wintersemester 2005/2006)*. 2006. 329 S.
295. Stolberg E.-M. "The unknown enemy": the Siberian frontier and the Russo-Japanese Rivalry, 1890s –1920s // *Rethinking the Russo-Japanese war, 1904-1905*. Folkestone, 2007. P. 46–62.
296. Stolberg E.-M. *Sibirien: Russlands "ilder Osten". Mythos und Soziale Realitaet im 19. und 20. Jaahrhundert*. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 2009. 392 S.
297. Stolberg E.-M. Review // *Sehepunkte: Rezensionjournal fuer die Geschichtswissenschaften*. 2010. Bd.10, № 5. Rev. op.: Heinz Duchhardt (Hg.): *Russland, der Ferne Osten und die "Deutschen"*. 2009. URL: <http://www.sehepunkte.de/2010/05/17698.html> (accessed 25.07.2013).
298. Stuch St. *Regionalismus in Sibirien im fruehen 20 Jahrhundert*. Koeln, 2003. 353 S.
299. Stuch St. *Regionalismus in Sibirien im fruehen 20. Jahrhundert // Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 2003. Bd. 51, № 4. S. 549–563.
300. Sullivan J.L., Count N.N. Muravyov-Amursky : doctoral dissertation. Harvard University, 1955. 114 p.
301. Sumner B.H. *Tsardom and imperialism in the Far East and Middle East, 1880–1914 : raleigh lecture on history, British Academy, 1940*. London : Humphrey Milford, 1940. 43 p.
302. Sunderland W. The "Colonization question": visions of colonization // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 2000. № 48. S. 218–220.
303. Sunderland W. *Empire without imperialism? Ambiguities of colonization in Tsarist Russia // Ab Imperio*. 2003. № 2. P. 101–114.

304. Sunderland W. Taming the wild field: colonization and empire on the Russian steppe. Ithaca : Cornell University Press, 2004. 272 p.
305. Sunderland W. The ministry of Asiatic Russia: the Colonial office that never was but might have been // *Slavic Review*. 2010. Vol. 69, № 1. P. 120–150.
306. Taracouzio T.A. Soviets in the Arctic: an historical, economic and political study of the Soviet advance into the Arctic. New York : The Macmillan Company, 1938. 563 p.
307. The Development of Siberia: people and resources / ed. by A. Wood, R. French. New York : St. Martin's Press, 1989. XVIII, 266 p.
308. The history of Siberia. From Russian conquest to revolution / ed. by A. Wood. London, 1991. 216 p.
309. The Russians in California. San Francisco : California Historical Society, 1933. 88 p.
310. Tompkins P. The American-Russian relations in the Far East. New York : The Macmillan Company, 1949. 448 p.
311. Treadgold D. Russian expansion in the light of turner's study of American frontier // *Agricultural History*. 1952. Vol. 26, № 4. P. 147–152.
312. Treadgold D.W. Review // *The Slavonic and East European Journal*. 1959. Vol. 3, № 1. P. 84–85. Rev. op.: Kennan G. Siberia and the exile system. Chicago : University of Chicago Press, 1958. 244 p.
313. Treadgold D. The Great Siberian migration: government and peasant in resettlement from emancipation to the First World war. Princeton : Princeton University Press, 1957. XIII, 278 p.
314. Tupper H. To the Great Ocean: the taming of Siberia and the building of the Trans-Siberian railway. Boston : Little, Brown, 1965. 536 p.
315. Turton K. Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917 // *Canadian Slavonic Papers* // *Revue Canadienne des Slavistes*. 2010. Vol. 52, № 3-4. P. 391–415.
316. Turton K. The revolutionary, his wife, the party, and the sympathizer: the role of family members and party supporters in the release of revolutionary prisoners // *The Russian Review*. 2010. Vol. 69, № 1. P. 73–92.
317. Vladimír (Zenone Volpicelli). Russia on the Pacific and the Siberian railway. London : S. Low, Marston, 1899. XII, 373 p.
318. Urbansky S. Kolonialer Wettstreit. Russland, China, Japan und die Ostchinesische Eisenbahn. New York : Campus Verlag, 2008. 260 p.
319. Urbansky S. Beyond the steppe frontier: a history of the Sino-Russian border. Princeton : Princeton University Press, 2020. 380 p.

320. Valliant R.B. Japan and the Trans-Siberian railroad, 1885–1905 : a dissertation submitted to the graduate division of the University of Hawaii in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in history. Honolulu : University of Hawaii, 1974. 336 p.
321. Vinogradoff E. The Russian peasantry and the elections to the fourth state Duma // The politics of rural Russia, 1905–1914. Bloomington ; London, 1979. P. 219–260.
322. Wachendorf J. Regionalismus, Raskol und Volk als Hauptprobleme der Russischen Geschichte bei A.P. Schchapov : Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universität zu Köln. Köln, 1964. 216 S.
323. Watrous S.D. Russia's land of the future: regionalism and the awakening of Siberia, 1819–1894 : PhD thesis / University of Washington. Seattle, 1970. 774 p.
324. Watrous S.D. Regionalist conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between heaven and hell: the myth of Siberia in Russian culture / ed. by G. Dimant, Y. Slezkine. New York, 1993. P. 113–132.
325. Wheeler M. The Russian American Company and the imperial government: early phase // Russia's American Colony. Durham, 1987. P. 43–62.
326. Weiss C. Nash: appropriating Siberia for the Russian empire // *Sibirica*. 2006. Vol. 5, № 1. P. 141–155.
327. Weiss C. Wie Sibirien «unser» wurde: Die Russische Geographische Gesellschaft und ihr Einfluss auf die Bilder und Vorstellungen von Sibirien im 19 Jahrhundert. Göttingen : V & R Unipress, cop., 2007. 261 S.
328. Weiss C. Representing the empire: the meaning of Siberia for Russian imperial identity // *Nationalities Papers*. 2007. Vol. 35, № 3. P. 439–455.
329. Welch R.E., Jr. American public opinion and the purchase of Russian America // *American Slavic and East European Review*. 1958. Vol. 17, № 4. P. 481–494.
330. Werth P. Review // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59, № 4. P. 903–904. Rev. op.: Bassin M. Imperial visions: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. New York ; Cambridge : Cambridge University Press, 1999.
331. White J.A. Review // *The Journal of Asian Studies*. 1969. Vol. 29, № 6. P. 164–165. Rev. op.: R.K.I. Quested. The expansion of Russia in East Asia, 1857–1860. (New York : Oxford Univ, Press, 1968).
332. White J.A. The Siberian intervention. Princeton : Princeton University Press, 1950. 471 p.
333. White J.A. The diplomacy of the Russo-Japanese war. Princeton : Princeton University Press, 1964. 410 p.

334. White J.A. Transition to global rivalry: alliance diplomacy and the Quadruple Entente, 1895–1907. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1995. 344 p.
335. Whiting A.S. Siberian development and East Asia: threat or promise? Stanford : Stanford University Press, 1981. 276 p.
336. Wiedenfeld K. Die Sibirische Bahn in ihrer wirthschaftlichen Bedeutung. Berlin ; Heidelberg : Springer-Verlag, 1900. 208 p.
337. Wildes H.E. Russia meets the Japanese // *The Russian Review*. 1943. Vol. 3, № 1. P. 55–63.
338. Wildes H.E. Russia attempts to open Japan // *The Russian Review*. 1945. Vol. 5, № 1. P. 71–79.
339. Wilson J.L. Review // *China Review International*. 1999. Vol. 6, № 1. P. 223–226. Rev. op.: Paine S.C.M. Imperial raivals: China, Russia, and their disputed frontier. Armonk : M.E. Sharpe. 1996. 417 p.
340. Wolff D. Between war and revolution: railway brigades in Siberia, 1905–1907 // *Russian History*. 1996. Vol. 23, № 1-4. P. 95–114.
341. Wolff D. Russia finds its limits: crossing borders into Manchuria // *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. Armonk : Sharpe, 1995. P. 40–64.
342. Wolmar C. To the edge of the world: the story of the Trans-Siberian express, the world's greatest railroad. London : Atlantis Books, 2014. 304 p.
343. Wood A. Siberian exile in tsarist Russia // *History today*. 1980. Vol. 30, № 9. P. 19–24.
344. Wood A. Chernyshevskii, Siberian exile and oblastnichestvo // *Russian thought and society, 1800–1917: essays in honour of Eugene Lampert* / ed. by Roger Bartlet. Keele, 1984. P. 42–66.
345. Wood A. The use and abuse of administrative exile to Siberia // *Irish Slavonic Studies*. 1985. № 6. P. 65–81.
346. Wood A. Siberia: problems and prospects for regional development. London : Croom Helm, Cop., 1987. 233 p.
347. Wood A. The Siberian criminals' commune // *Sibirica IV. British universities Siberian studies seminar : report of the 5th meeting held at the University of Glasgow, 8–10 April 1988*. University of Lancaster, 1989. P. 40–44.
348. Wood A. Administrative exile and the criminals' commune in Siberia // *Land commune and peasant community in Russia: communal forms in imperial and early soviet*. New York : St. Martin's Press, 1990. P. 395–414.
349. Wood A. Russian «wild east»: exile, vagrancy, crime in Siberia, XIX c. // *The history of Siberia. From Russian conquest to revolution*. London : Routledge, 1991. P. 117–137.

350. Wood A. Introduction: the role of Siberia in Russian history // *The history of Siberia. From Russian conquest to revolution*. London, 1991. P. 1–17.
351. Wood A. Siberian regionalism resurgent? // *Sibirica. The Journal of Siberian Studies*. 1993/1994. Vol. 1, № 1. P. 71–86.
352. Wood A. *Russia's frozen frontier: a history of Siberia and the Russian Far East, 1581–1991*. London ; New York : Bloomsbury Academic, 2011. 320 p.
353. Yakhontoff V. A. *Russia and the Soviet Union in the Far East*. New York : Coward-McCann, Inc., 1931. 454 p.
354. Yakhontoff V. A. *Russian empire and the Soviet Union in the Far East*. New York, 1936. 30 p.
355. Zepelin C., von. *Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit und seine Lage nach dem Russisch-Japanischen*. Berlin : Zuckschwerdt & Co., 1907. S. 6–13.
356. Znamenski A.A. Siberian history in Russian and native dimensions // *Russian Review*. 1995. Vol. 54, № 2. P. 270–273.
357. Znamenski A.A. *Shamanism and christianity. Native encounters with Russian Orthodox missions in Siberia and Alaska, 1820–1917*. Westport (Conn.) ; London : Greenwood press, cop. 1999. XXII, 306 p.
358. Znamenski A. A. *Shamanism in Siberia: Russian records of indigenous spirituality*. Dordrecht, 2003. 371 p.
359. Znamenski A.A. *The beauty of the primitive: shamanism and the western imagination*. Oxford University Press, 2007. 434 p.
360. Znamenski A.A. The ethic of empire on the Siberian borderland: the peculiar case of the «rock people», 1791–1878 // *Peopling the Russian periphery: borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle [et al.]. London ; New York, 2007. P. 106–127.
361. Znamenski A. “Vague sense” of belonging to the Russian empire: the reindeer Chukchi's status in Nineteenth century northeastern Siberia // *Arctic Anthropology*. 1999. Vol. 36, № 1-2. P. 19–36.
362. Блэк Л.С. *Покорение русскими Кадьяка* // *Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.) : материалы Междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 окт. 1999 г.)*. Владивосток, 2001. С. 104–132.
363. Верт П. «Арктические зеркала» в западной русистике // *Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера* / Ю. Слезкин. Москва, 2008. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/slyozkin-yurij/arkticheskie-zerkala-rossiya-i-malie-narodi-severa/1?ysclid=le4e5a2qiq738842628> (дата обращения: 12.05.2022).

364. Виньковецкий И. Русская Америка: заокеанская колония континентальной империи, 1804–1867. Москва : Новое лит. обозрение, 2015. 320 с.
365. Волмар К. Транссибирская магистраль: история создания железнодорожной сети России. Москва : Кучково поле, 2016. 272 с.
366. Дальман Д. Сибирь с XVI в. и до настоящего времени. Москва : РОССПЭН, 2016. 558 с.
367. Дальманн Д. Торговое судоходство за Полярным кругом во второй половине XIX века // Отечественная история. 2001. № 5. С. 21–32.
368. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад : пер. с нем. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
369. Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Ab Imperio. 2000. № 1. С. 15–32.
370. Коррадо Ш. «Сахалин – остров!»: изменение представлений о карте Приамурья (1848–1854) // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 109–119.
371. Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. (Библиотека журнала “Ab Imperio”). Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 427–459.
372. Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, назначение : [коллективная моногр.] / под ред. Е. Болтуновой, В. Сандерленда. Москва : Новое лит. обозрение, 2011. 304 с.
373. Сандерланд В. Русские превращаются в якутов? «Обынородчивание» и проблемы русской национальной идентичности на Севере Сибири, 1870–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология. Москва : Новое изд-во, 2005. С. 199–227.
374. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. Москва, 2017. 512 с.
375. Слокум Дж.У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология. Москва : Новое изд-во, 2005. С. 502–531.
376. Шенк Ф.Б. Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог. Москва : Новое лит. обозрение, 2016. 584 с.

2. Сборники документов

377. Fisher R. Records of the Russian-American company, 1802, 1817–1867. Washington : National Archives, National Archives and Records Service, General Services Administration, 1971. 195 p.
378. The Russian-American Company. Correspondence of the governors communications sent, 1818. Kingston : Limestone press, 1984. XIV, 194 p.
379. Tebenkov M. Atlas of the northwest coasts of America : from Bering strait to cape corrientes and the Aleutian islands with several sheets on the northeast coast of Asia. Kingston : Limestone Press, 1981. 109 p.
380. The end of Russian America: captain P. Golovin's last report, 1862. Portland : Oregon Historical Society, 1979. XV, 249 p.
381. To Siberia and Russian America: Three centuries of Russian eastward expansion (1558–1867). 3 vol. Portland : Oregon Historical Society, 1985–1989. Vol. 1. Russia's Conquest of Siberia, 1558–1700. 1985. 540 p. ; Vol. 2. Russian Penetration of the North Pacific Ocean, 1700–1797. 1988. 590 p. ; Vol. 3. Russian American Colonies, 1798–1867. 1989. 557 p.

3. Дневники, переписка, воспоминания

382. Adams W.H. Davenport. Recent polar voyages: a record of discovery and adventure, from the search after Franklin to the British polar expedition, 1875–1876. London: T. Nelson, 1880. 663 p.
383. Atkinson T. W. Travels in the regions of the upper and lower Amoor and the Russian acquisitions on the confines of India and China. London : Hurst and Blackett, 1860. 604 p.
384. Buxhoeveden S.K., baroness. Left Behind: fourteen months in Siberia [et al.] : London [et al.] : Longmans, Green and Co., 1929. X, 182 p.
385. Siberian discovery. 12 vols / ed. D.N. Collins. Richmond : Curzon Press, 2000.
386. Colonial Russian America: Kyrill T. Khlebnikov's reports, 1817–1832. Portland : Oregon Historical Society, 1976. VIII, 158 p.
387. Golovnin P. Civil and savage encounters: the worldly travel letters of an Imperial Russian navy officer, 1860–61. Portland : Western Imprints, Oregon Historical Society, 1983. XXV, 175 p.
388. Davydov G. Two voyages to Russian America, 1802–1807. Kingston : Limestone Press, 1977. 257 p.
389. Fraser J.F. The Real Siberia: together with an account of a dash through Manchuria. London ; New York, Cassell, 1902. 417 p.

390. Gilder W.H. Ice-pack and tundra. An account of a search for the Jeannette and a sledge journey through Siberia. London : S. Low, Marston, Searle, & Rivington, 1883. 344 p.
391. Jefferson R. Roughing it in Siberia with the same account of the Transsiberian railway and the gold-mining industry of Asiatic Russia. London : Sampson Low, and Son, Co., 1897. 252 p.
392. Lethbride A. The new Russia. From the White sea to the Siberian steppe. New York : E.P. Dutton & Co., 1915. 499 p.
393. Nordenskiöld A.E. The voyage of the Vega around Asia and Europe. London : Macmillan, 1881. 574 p.
394. Nordenskiöld A.E. Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega. Mit einem historischen Rückblick auf frühere Reisen längs der Nordküste der Alten Welt. Leipzig : F.A. Brockhaus, 1882. 1075 S.
395. Price M. Ph. Siberia. London : Methuen & Co., 1912. 381 p.
396. Collins P. M. Siberian journey down the Amur to the Pacific, 1856–1857. Madison : The University Of Wisconsin Press, 1962. 395 p.
397. Simpson J.Y. Side-lights on Siberia: some account of the Ggreat Siberian railroad, the prisons and exile system. Edinburgh & London : W. Blackwood & Sons, 1898. XVI, 383 p.
398. Stefansson V. The adventure of Wrangel island. New York : The Macmillan co., 1925. 424 p.
399. The journals of Iakov Netsvetov: the Atkha years, 1821–1844. Kingston : Limestone Press, 1980. 340 p.
400. Bartlett R.A. The Log of Bob Bartlett: the true story of forty years of seafaring and exploration. New York ; London : G. P. Putnam's Sons, 1928. 428 p.
401. The wreck of the Sv. Nikolai: two narratives of the First Russian expedition to the Oregon country, 1808–1810 / ed. by K.N. Owens. Portland : Western impr., 1985. XV, 110 p.
402. Tikhmenev P.A. A history of the Russian-American company. Seattle : University of Washington Press, 1978. XIV, 522 p.
403. Vladimír (Zenone Volpicelli). Russia on the Pacific and the Siberian railway. London : S. Low, Marston & Co., 1899. 424 p.
404. War, revolution, and peace in Russia: the passages of Frank Golder, 1914–1927 / ed. by T. Emmons, B.M. Patenaude. Stanford : Hoover Institution Press, 1992. XXVI, 369 p.
405. Wrangell F.P. Russian America: atatistical and ethnographic information. Kingston : Limestone Press, 1980. 204 p.
406. Wright G.F. Asiatic Russia. New York : McClure, Phillipsand Co., 1902. 372 p.

4. Периодические издания

407. *Siberica: a Journal of North Pacific Studies*. Summer 1990. Vol. 1, № 1-2. Portland, 1990.
408. *Sibirica: report of the second meeting of the British universities siberian studies : seminar held at the Scott Polar Research Institute University of Cambridge, 15–16 April 1983*. Lancaster, 1985.
409. *Sibirica II. British universities Siberian studies seminar*. Lancaster University, 1986.
410. *Sibirica III : report of the conference on “The development of Siberia: peoples and human resources”*: school of Slavonic & East European studies, University of London, 7–10 April 1986. British universities Siberian studies seminar, 1987. 67 p.
411. *Sibirica IV. British universities siberian studies seminar : report of the 5th meeting held at the University of Glasgow, 8-10 April 1988*. University of Lancaster, 1989. 69 p.
412. *Sibirica : The Journal of Siberian Studies*. 1993. Vol. 1, № 1. Ryburn Publishing Keele University Press.
413. *Sibirica: The Journal of Siberian Studies*. 1995. Vol. 1, № 2. Ryburn Publishing Keele University.

II. Литература

1. Научно-справочные и библиографические издания

414. *A bibliography of Alaskan literature, 1724-1924 / comp. by J. Wickersham. Cordova : Cordova daily times print, 1927*. 672 p.
415. *Alaska: a bibliography, 1570-1970 / comp. by E. A. Tourville. Boston : G. K. Hall, 1974*. XVII, 738 p.
416. Melvin Ricks' Alaska bibliography: an introductory guide to Alaskan historical literature / comp. by M. B. Ricks. Portland : Binford & Mort, 1977. XVI, 270 p.
417. *American foreign relations since 1600: a guide to the literature / ed. R.L. Beisrter. 2d ed. Santa Barbara : ABC-CLIO, 2003*. Vol. 1. 1104 p. ; Vol. 2. 1981 p.
418. *Arctic bibliography / Arctic Institute of North America. Prepared for and in cooperation with the Department of Defense under the direction of the Arctic Institute of North America. Vol. 1–11. Washington : Department of Defense, 1953–1963 ; Vol. 12–17. Prepared by the*

- Arctic Institute of North America with support of Government Agencies of the United States and Canada. McGill-Queen's University Press, 1965–1976.
419. Collins D. N. *Siberia and the Soviet Far East*. Oxford [et al.] : Clio Press. 1991. 242 p.
420. Collins D.N. *Bibliography. English language publications related to Siberia and the Russian Far East, 1991–1993 // Sibirica*. 2002. Vol. 2, № 1. P. 120–124.
421. Collins D.N. *Bibliography. English language publications related to Siberia and the Russian Far East, 1993–1995 // Sibirica*. 2002. Vol. 2, № 2. P. 222–226.
422. Collins D.N. *Bibliography. English language publications related to Siberia and the Russian Far East, 1996–1999 // Sibirica*. 2003. Vol. 3, № 1. P. 117–128.
423. Collins H.B. *Arctic Bibliography // Science*. 1954. Vol. 119, № 3019. P. 3A.
424. *Der Grosse Brockhaus. Handbuch des Wissens in zwanzig Bänden / Fünfzehnte, völlig neubearbeitete Auflage von Brockhaus' Konversations-Lexikon*. Leipzig : F.A. Brockhaus, 1928–1935.
425. *Documenting Alaskan history: guide to federal archives relating to Alaska / ed. by G.S. Ulibarri*. [S. l.] : University of Alaska Press, 1982. 296 p.
426. *Guide to the collections in the Hoover institute archives relating to imperial Russia, the Russian revolution and Civil war, and first emigration / comp. by C. A. Leadenham*. Stanford : Hoover Institution Press, 1986. 208 p.
427. Hussey J. *Notes toward a bibliography of sources relating to Fort Ross State Historic Park, California*. Sacramento, 1979. 150 p.
428. Shapiro D.M. *A select bibliography of works in English on Russian history: 1801–1917*. Oxford : University Press, 1962. 106 p.
429. *The Encyclopedia Americana*. New York ; Chicago : Americana Corporation, 1943.
430. *The Encyclopedia Americana: the international reference work*. New York : Americana Corporation, 1962.
431. *The Encyclopedia Britannica*. Chicago, 1946.
432. *The Encyclopedia Britannica*, 1994.
433. *The Russian empire and Soviet Union: a guide to manuscripts and archival materials in the United States / S. A. Grant*. Boston : G.K. Hall, 1981. XI, 632 p.
434. *The library of the Hoover Institution on war, revolution, and peace / ed. by P. Duignan*. Stanford : Hoover Institution Press, 1985. 163 p.
435. Петров Е. В. «Русская тема» на Западе : словарь-справочник по американскому руссиеведению. Санкт-Петербург, 1997. 172 с.

2. Исследовательская литература

436. A view of the art of colonization with present reference to the British Empire in letters between the Statesman and a Colonist / ed. by E.G. Wakefield. Kitchener : Batoche Books, 2001. 154 p.
437. Adams B. Alaska. The Big Land. New York, 1959. 213 p.
438. Alavi H. Peasants and revolution' // The Socialist register. London, 1965. P. 292–337.
439. Andreev A. Russian discoveries in the Pacific and in North America in the XVIIIth and XIXth centuries. Ann Arbor : American Council of Learned Societies, 1952. 214 p.
440. Armstrong T. In search of a sea route, 1553–1619 // Arctic. 1984. Vol. 37, № 4. P. 429–440.
441. Armstrong J.A. Tsarist and soviet elite administrators // Slavic Review. 1972. Vol. 31, № 1. P. 1–28.
442. Asakawa K. The Russo-Japanese conflict, its causes and issues. Boston : Houghton Mifflin, 1904. 437 p.
443. Asiatic Russia: partnerships and communities in Eurasia. Kolkata : Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies: Shipra Publications, 2009. 302 p.
444. Asmis R. Als wirtschaftspionier in Russisch-Asien. Berlin : G. Stilke, 1924. 234 S.
445. Atkinson D. The statistics on the Russian land commune // Slavic Review. 1973. Vol. 32, № 4. P. 713–787.
446. Atkinson D. The end of the Russian commune, 1905–1930. Stanford : Stanford University press, 1983. XII, 457 c.
447. Bartlett R.A., Hale R.T. The last voyage of the Karluk. Boston, 1916. 84 p.
448. Bartlett R.P. Human capital: the settlement of foreigners in Russia, 1762–1804. New York : Cambridge University Press, 1979. 358 p.
449. Beazley R.C. The Russian expansion towards Asia and the Arctic in the middle ages (to 1500) // The American Historical Review. 1908. Vol. 13, № 4. P. 731–741.
450. Becker O. Der Ferne Osten und das Schicksal Europas, 1907–1918. Leipzig : Koehler & Amelang, 1940. 125 S.
451. Bekker S. Russia's Protectorates in Central Asia: Bukhara and Khiva, 1865–1924. Cambridge : Harvard University Press, 1968. 416 p.
452. Bering and Chirikov. The American voyages and their impact / ed. by O. W. Frost. Anchorage : Alaskan History Society, 1992. 465 p.
453. Bernhard G. Armes reiches Russland. Ein Mahnwerk an Deutschlands Kapitalisten. Berlin ; Boston : De Gruyter, 1905. 67 S.

454. Black J.L. G.-F. Müller and the imperial Russian Academy, Kingston ; Montreal : McGill-Queen's University Press, 1986. 290 p.
455. Black J.L. J.-G. Gmelin and G.-F. Müller in Siberia 1733 -43: a comparison of their reports // *The development of Siberia. People and resources.* New York, 1989. P. 35–49.
456. Blanchard I. Russian railway construction and the Urals charcoal iron and steel industry, 1851–1914 // *The Economic History Review.* 2000. Vol. 53, № 1. P. 107–126.
457. Bonwetsch B. Handelspolitik und Industrialisierung. Zur aussenwirtschaftlichen Abhängigkeit Russlands. 1890-1914 // *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland.* Koeln, 1975. S. 277–299.
458. Bonwetsch B. Die russische Revolution 1917: eine Sozialgeschichte von Bauernbefreiung 1861 bis zum Oktoberumsturz. Darmstadt : Wiss. Buchges., 1991. 240 S.
459. Borneman W.R. Alaska: saga of a bold land. New York : HarperCollins, 2003. IV, 608 p.
460. Bougue A. An agricultural empire // *The Oxford history of the American West.* New York, 1994. P. 275–314.
461. Boulger D.C. Antagonism of England and Russia // *The North American Review.* 1900. Vol. 170, № 523. P. 884–896.
462. Bowden W., Karpovich M., Usher A. P. An economic history of Europe since 1750. New York : American Book Company, 1937. VIII, 948 p.
463. Bradley J. Muzhik and muscovite: urbanization in late imperial Russia. Berkeley : University of California Press, 1985. 422 p.
464. Bradley J. Patterns of peasant migration to late nineteenth-century Moscow: how much should we read into literacy rates? // *Russian History.* 1979. Vol. 6, № 1. P. 22–38.
465. Brooks J. The zemstvo and education of the people // *The zemstvo in Russia. An experiment in local self-government.* Cambridge, 1982. P. 243–278.
466. Brower D. Turkestan and the fate of the Russian empire. London ; New York : Routledge-Curzon, 2003. XV, 213 p.
467. Brown K. Gridded lives: why Kazakhstan and Montana are nearly the same place // *American Historical Review.* 2001. Vol. 106, № 1. P. 14–48.
468. Bruhl V. Die Deutschen in Sibirien. Eine hundertjährige Geschichte von der Ansiedlung bis zur Auswanderung. Band 1. Nuernberg ; Muenche : Grossburgwedel, 2003. 553 S.
469. Burke P. History and social theory. Cambridge : Cornell University Press, 1992. 198 p.
470. Burke P. Western historical thinking in a global perspective // *Western historical thinking: an intercultural debate.* New York ; Oxford : Berghahn Books, 2001. P. 15–30.

471. Burleigh M. *Germany turns westward: a study of Ostforschung in the Third Reich*. Cambridge, 1988. 351 p.
472. Byrnes R.F. Academic Exchange with the Soviet Union // *Russian Review*. 1962. Vol. 21, № 3. P. 213–225.
473. Byrnes R.F. Archibald Gary Coolidge: a founder of Russian and East European studies in the United States // *Slavic Review*. 1978. Vol. 38. P. 651–657.
474. Byrnes R.F. *Awakening American education to the world: the role of Archibald Gary Coolidge, 1866–1928*. Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1982. 302 p.
475. Byrnes R. Geroid T. Robinson: founder of Columbia University's Russian Institute // *A History of Russian and East European studies in the United States*. New York, 1994. P. 199–216.
476. Byrnes R.F. *A history of Russian and East European studies in the United States: selected essays*. New York : University Press of America, 1994. 271 p.
477. Channon J. From muzhik to kolhoznik: some recent Western and Soviet Studies of peasant in late imperial and early soviet Russia // *Slavic and East Slavonic Review*. 1992. Vol. 70. P. 127–139.
478. Bushnell J. *Mutiny amid repression. Russian soldiers in the revolution of 1905-1906*. Bloomington : Indiana University Press, 1985. 360 p.
479. Callahan J.M. *American relations in the Pacific and Far East, 1784–1900*. Baltimore : Johns Hopkins Press, 1901. 189 p.
480. Casteel J. On the civilizing mission of the global economy: German observers of the colonization and development of Siberia, 1900–1918 // *Governing globalization processes in the nineteenth and early twentieth centuries*. Berlin ; Heidelberg, 2013. P. 209–234.
481. Caswell J.E. Materials for the history of Arctic America // *Pacific Historical Review*. 1951. Vol. 20, № 3. P. 219–226.
482. Cleinow G. *Neu-Sibirien (Sibkrai): eine Studie zum Aufmarsch der Sowjetmacht in Asien*. Berlin, 1928. 426 S.
483. Conant Ch. C. Russia as a world power // *The North American Review*. 1899. Vol. 168, № 507. P. 178–190.
484. Coolidge A.C. A Plea for the Study of the History of Northern Europe // *The American Historical Review*. 1896. Vol. 2, № 1. P. 34–39.
485. Coquin F.-X. *La Sibirie: peuplement et immigration paysanne au xixeme siecle*. Paris : Institut d'études slaves, 1969. 790 p.
486. Curtiss J. Sh. Russian history in the U.S.: vistas and perspectives // *Canadian-Slavonic Papers*. 1970. Vol. 17, № 1. P. 20–29.

487. Curzon G.N. Problems of the Far East. Japan – Korea – China. New York ; London : Longmans, Green, and Co., 1894. 444 p.
488. Czap P., Jr. Peasant-cass courts and peasant customary justice in Russia, 1861–1912 // Journal of Social History. 1967. Vol. 1, № 2. P. 149–178.
489. Danckwort P.W. Sibirien und seine wirtschaftliche Zukunft. Ein Rückblick und Ausblick auf Handel und Industrie Sibiriens. Leipzig ; Berlin : B. G. Teubner, 1921. XII, 271 S.
490. David H. Zur Politik der Grossmaechte im Fernen Osten, 1894–1902. Zurich, 1932.
491. De Sabir C. Le Fleuve Amour histoire, géographie, ethnographie. Paris, 1861. 160 p.
492. Demko G.J. The Russian colonization of Kazakhstan, 1896–1916. Bloomington : Indiana University, 1969. 271 p.
493. Dennett T. Theodore Roosevelt and the Russo-Japanese war: a critical study of American policy in eastern Asia in 1902-5, based primarily upon the private papers of Theodore Roosevelt. New York : Doubleday, Page & Company, 1925. 357 p.
494. Dickins A. Krasnoiarsk, 1917: the making of soviet power in Central Siberia : a thesis submitted to the University of Manchester for the degree of doctor of philosophy. Manchester, 2015. 293 p.
495. Dietze C. Stolypinsche Agrarreform und Feldgemeinschaft. Berlin : B.G. Teubner, 1920. 90 S.
496. Dmytryshyn B. A history of Russia. Englewood Cliffs : Prentice-Hal, 1977. 680 p.
497. Donnelly A.S. The Russian conquest of Bashkiria, 1552–1740: a case study in imperialism. New Haven : Yale University Press, 1968. X, 214 p.
498. Donnert E. Russische Forschungsreisen und Expeditionen im 18. Jahrhundert // Gesellschaft und Kultur in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts. Leipzig, 1900. Teil 2. Literatur, Wissenschaft und Bildung. S. 70–98.
499. Dukes P. Russia in Manchuria: a problem of empire. London : Routledge, 2022. 174 p.
500. Dulles F.R. America in the Pacific. Boston, 1938. XIV, 299 p.
501. Edelman R.S. Rural proletarians and peasant disturbances. The Right Bank Ukraine in the Revolution of 1905 // Journal of Modern History. 1985. Vol. 57. P. 248–277.
502. Eklof B. Russian and Soviet literacy campaigns // Literacy Campaigns in History / ed. by R. Arnove, H. Graff. New York, 1987. P. 123–146.
503. Eklof B. Russian peasant schools: officialdom, village culture, and popular pedagogy, 1861–1914. Berkeley [etc.] : University of California Press, 1990. P. 1–16.
504. Eklof B. Ways of seeing: recent Anglo-American studies of the Russian peasant (1861–1914) // Jahrbuecher fuer Gechichte Osteuropas. 1988. Bd. 36, № 1. S. 57–79.

505. Engelstein L. *The Keys to Happiness. Sex and the Search for modernity in Fin de Siecle Russia*. Ithaca : Cornell University Press, 1992. XIII, 461 p.
506. Esthus R.R. *Double eagle and rising sun. The Russians and Japanese at Portsmouth in 1905*. Durham ; London : Duke University Press, 1988. 275 p.
507. Falt O. *Collaboration between the Japanese and the Underground during the Russo-Japanese war // Asian Profil. 1976. № 4. P. 205–238.*
508. Field D. *Rebels in the name of the tsar*. Boston : Houghton Mifflin, 1976. 220 p.
509. Franke O. *Die Grossmaechte in Ostasien von 1894 bis 1914; ein Beitrag zur Vorgeschichte des Krieges (Hamburgische Forschungen, 10)*. Braunschweig ; Hamburg : G. Westermann, 1923. XXIV, 407 S.
510. Frierson C.A. «I must always answer to the law...»: rules and responses in the reformed volost' court // *Slavonic and East European Review*. 1997. Vol. 75, № 2. P. 308–334.
511. Funken K. *Die oekonomischen Voraussetzungen der Oktoberrevolution. Zur Entwicklung des Kapitalismus in Russland*. Frankfurt am Main ; Zuerich, 1976. 372 S.
512. Futrell M. *Colonel Akashi and Japanese Revolutionaries in 1904–1905 // St. Anthony Papers*. Oxford, 1967. № 20 : *Far Eastern affairs*, 4. P. 7–22.
513. Gehrman U. *Казачество восточных регионов России в освещении немецких источников XVIII века // Australian Slavic and East European Studies*. 1993. Vol. 7, № 1. P. 91–100.
514. Geraci R. *Window on the East: national and imperial identities in late tsarist Russia*. Ithaca : Cornell University Press, 2009. 408 p.
515. Gerhard D. *Regionalismus und staendisches Wesen als ein Grundthema europaeischer Geschichte // Historische Zeitschrift*. 1952. Vol. 174. S. 307–337.
516. Geyer D. *Die Geschichte Russlands in der historischen Forschung der Bundesrepublik Deutschland und Westberlins // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1976. Bd. 27. S. 273–296.
517. Geyer D. *Der russische Imperialismus. Studien ueber den Zusammenhang von innerer und aeusserer Politik 1860–1914 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Band 27)*. Goettingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft ; Bd. 27).
518. Geyer D. *Russian imperialism: the interaction of domestic and foreign policy, 1860–1914*. New Haven : Yale University Press, 1987. 385 p.
519. Goebel O. *Volkswirtschaft des Ostbaikalischen Sibiriens um 1909*. Berlin : Parey, 1910. 206 S.

520. Goehrke C. Die Wuestungen in der Moskauer Rus': Studien zur Siedlungs-, Bevoelkerungs- und Sozialgeschichte. Wiesbaden, 1968. XI, 357 S.
521. Gührke C. Zum Problem des Regionalismus in der russischen Geschichte. Vorueberlegungen fuer eine kuenftige Untersuchung // Forschungen zur osteuropaeischen Geschichte. Berlin, 1978. Bd. 25. S. 75–107.
522. Grabosch U. Studien zur deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Halle : Martin-Luther-University, 1985. 312 S.
523. Grachev I., Rykin P. A European's view of Asiatic history: Willard Sunderland. Taming the wild field: Colonization and empire on the Russian steppe. Ithaca ; London : Cornell University Press, 2004. 239 p.
524. Green W.C. The historic Russian drive for a Warm Water Port: anatomy of a geopolitical myth // Naval War College Review. 1993. Vol. 46, № 2. P. 80–102.
525. Grove R. Green imperialism: colonial expansion, tropical Island Edens and the origins of the environmentalism, 1600–1860. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. 540 p.
526. Gruening E. The State of Alaska. New York : Random House, 1968. 661 p.
527. Gruszczynska B., Kaczynska E. Poles in the Russian penal system and Siberia as a penal colony (1815–1914): a quantitative examination // Historical Social Research. 1990. Vol. 15, № 4. P. 95–120.
528. Hagen M. von. Review // Harvard Ukrainian Studies. 1993. Vol. 17, № 314. P. 387–389. Rev. op.: Ukranian past, Ukranian present. Selected papers from the Fourth World Congress for Soviet and East European studies. Harrogate, 1990 / ed. by B. Krawchenko. Harrogate, 1990 ; New York : St. Martin's Press, 1993.
529. Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // Slavic Review. 1964. Vol. 23, № 4. P. 619–642. DOI: <https://doi.org/10.2307/2492201>.
530. Hainz O. Der Russisch-Japanische Krieg von 1904–1905. Berlin, 1937. 174 S.
531. Haselmayr P. Diplomatische Geschichte des zweiten Reichs von 1871–1918. Bd. 4-5. Muenchen, 1960–1964.
532. Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat. Organisationsformen, Machtverhältnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozess. Königstein : Hain, 1980. 324 S.
533. Hauser O. Deutschland und der englisch-russische Gegensatz, 1900–1914. Goettingen, 1958. 288 S.
534. Haycox S. Russian America: studies in the English language // Pacific Historical Review. 1990. Vol. 59, № 2. P. 231–252.

535. Haxthausen A., von. *Studies on the Interior of Russia*. Chicago : University of Chicago Press, 1972. 328 p.
536. Hedenstroem A., von. *Geschichte Russlands von 1878 bis 1918*. Stuttgart [et al.] : Stuttgart Deutsche Verlags-Anstalt, 1924. 348 S.
537. Helfferich K. *Das Geld im russisch-japanischen Kriege*. Berlin : Mittler, 1906. 240 S.
538. Hildermeier M. *Das Privileg der Rückständigkeit. Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte // Historische Zeitschrift*. 1987. Bd. 244. S. 557–603.
539. Hildermeier M. *Die russische Revolution 1905–1921*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1989. 350 S.
540. Hildermeier M. *Alter Glaube und Neue Welt: Zur Sozialgeschichte des russischen Raskol im 18 und 19. Jahrhundert // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1990. № 38. S. 372–398.
541. Hildermeier M. *Alter Glaube und Mobilität: Bemerkungen zur Verbreitung und sozialen Struktur des Raskol im früindustriellen Russland (1760–1860) // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1991. № 39. S. 321–338.
542. Hildt J.C. *Early Diplomatic negotiations of the U.S. with Russia*. Baltimore, 1906.
543. Hilsher H., Hilsher M. *Alaska, USA*. Boston, 1950.
544. Hoetzsch O. *Die innere Entwicklung Russlands seit 1905 // Russlands Kultur und Volkswirtschaft*. Berlin ; Leipzig, 1913. S. 63–88.
545. Hoetzsch O. *Russland. Eine Einführung auf Grund seiner Geschichte vom japanischen bis zum Weltkrieg*. Berlin : Reimer, 1917. 439 S.
546. Hoffmann P. *Gerhard Friedrich Mueller (1705–1783)*. Frankfurt am Main, 2005. 394 S.
547. Holbo P.S. *Tarnished Expansion: The Alaska Scandal, the Press and Congress, 1867–1871*. Knoxville : University of Tennessee Press, 1983. XIX, 145 p.
548. Holquist P. *In Accord with state interests and the people's wishes: the technocratic ideology of Imperial Russia's resettlement Administration // Slavic Review*. Vol. 69. 2010, № 1 P. 151–179.
549. Hourwich I.A. *The Economic Condition of Russia // Journal of Political Economy*. 1904. Vol. 12, № 4. P. 555–563.
550. Hrdlička A. *Recent explorations in Siberia // Science. New Series*. 1913. Vol. 37, № 940. P. 13–14.
551. Hughes J. *Stalin, Siberia and the crisis of the new economic policy*. Cambridge [et al.] : Cambridge University Press, 1991. XIII, 260 p.
552. Hulley C.C. *Alaska, 1741–1953*. Portland : Binfords & Mort, 1953. 406 p.

553. Hutchings S. Russian studies in UK universities. URL: <https://web-archive.southampton.ac.uk/www.llas.ac.uk/resources/gpg/386.html> (11.07.2022). ссылка не работает
554. Huttenbach H. Muscovy's Conquest of Muslim Kazan and Astrachan, 1552–1556. The conquest of the Volga: prelude to empire // *Russian Colonial Expansion to 1917* / ed. by M. Rywkin. London ; New York : Mansell Publ., 1988.
555. Iggers G.G. The Crisis of the Rankean Paradigm in the Nineteenth Century // *Syracuse Scholar* (1979–1991). 1988. Vol. 9, № 1, art. 7. P. 43–49.
556. Johnson E.D. How St. Petersburg learned to study itself: the Russian idea of kraevedenie. University Park : Penn State Press, 2006. XIII, 303 p.
557. Joyeux F. Der Transitweg von Moskau nach Daurien. Sibirische Transport- und Verkehrsprobleme im 17. Jahrhundert : Phil. Diss. Koeln, 1981. 286 p.
558. Judge E.H. Peasant resettlement and social control in late Imperial Russia // *Modernization and revolution: dilemmas of progress in late Imperial Russia* / eds.: E.H. Judge, J.Y. Simms. New York, 1992. P. 75–93.
559. Judge E.H. Plevhe, Reform and Repression in Imperial Russia. Syracuse : Syracuse University Press, 1983. 299 p.
560. Kan S.A. Lev Shternberg: anthropologist, Russian socialist, Jewish activist. Lincoln : Hardcover, 2009. 554 p.
561. Katkov G., Futrell M. Russische Aussenpolitik 1880–1914 // Oberlaender E. (Hrsg.) *Russlands Aufbruch ins 20. Jahrhundert. Politik-Gesellschaft-Kultur, 1894–1917*. Freiburg, 1970. S.11–37.
562. Kaufmann A.A. Die innere Kolonisation und die Kolonisationspolitik Rußlands nach der Bauernbefreiung // *Jahrbuecher für Nationaloekonomie und Statistik*. 1898. 3. Folge, Bd. 15. S. 417–455.
563. Kerner R. Austro-Hungarian War Aims in the winter of 1915–16 as revealed by secret documents // *Journal of International Relations*. 1920. Bd. 10, № 4. P. 444–470.
564. Kerner R. Austrian plans for a Balkan settlement (1915–1916) // *The New Europe*. 1920. 16, 30 September. P. 280–284.
565. Kerner R. The social beginnings of the Czechoslovak Republic // *The Survey* [Prague]. 1919. November 29, № 43 (6). P. 169–172.
566. Khalid A. Russian history and the debate over orientalism // *Kritika*. 2000. Vol. 1, № 4. P. 691–699.
567. Khodarkovsky M. Russia's steppe frontier: the making of a colonial empire, 1500–1800. Bloomington : Indiana University Press, 2002. 304 p.

568. Khramkov A.A. Stolypin's reform in Sibirien // *The Siberian Saga: a history of Russia's Wild East* / ed. E.-M. Stolberg. Frankfurt : Peter Lang, 2005. P. 99–108.
569. Kivelson V. Claiming Siberia: colonial possession and property holding in the seventeenth and early eighteenth centuries // *Peopling the Russian periphery. Borderland colonization in Eurasian history* / ed. by N.B. Breyfogle [et al.]. London ; New York, 2007. P. 21–40.
570. Krupinski K. *Russland und Japan. Ihre Beziehungen bis zum Frieden von Portsmouth* Koenigsberg. Ost-Europa-Verlag, 1940. 126 S. (Osteuropaeische Froschungen. Neue Folge ; Bd. 27).
571. Krypton C. *The Northern Sea Route. Its place in Russian economic history before 1917*. New York, 1953. 189 p.
572. Laepple D. *Essay ueber den Raum // Stadt und Raum. Methodologische Annaeherungen an ein Basiskonzept raumbezogener Wissenschaften* / H. Haeussermann [et al.]. Pfaffenweiler, 1991. S. 157–207.
573. Lattimore O. *Inner Asian frontiers: Chinese and Russian margins of expansion* // *The Journal of Economic History*. 1947. Vol. 7, № 1. P. 24–52.
574. Laue T., von. *The chances for liberal constitutionalism* // *Slavic Review*. 1965. Vol. 24, № 1. P. 34–35.
575. Levin M. *Russian peasants and Soviet power : a study of collectivization*. New York : W. W. Norton, 1975. 539 p.
576. Levin M. *The making of the Soviet system. Essays in the social history of interwar Russia*. New York, 1985. VIII, 354 c.
577. Lewin M. *Customary law and Russian Rural Society in the post-reform era* // *The Russian Review*. 1985. Vol. 44. P. 1–19.
578. Lewis W. A. *Development with unlimited supplies of labour* // *The Manchester School of Economic and Social Studies*. 1954. Vol. 22. P. 139–191.
579. Lieven D. *The Russian Empire and its rivals*. London, 2001. 486 p.
580. Limerick P.N. *The legacy of conquest. The unbroken past of the American West*. New York : W. W. Norton, 1988. 400 p.
581. Lockwood D. *Europe in the Asia-Pacific: the Russian Far East faces its future* // *Europe in the Asia-Pacific: culture, identity and representations of region*. Routledge Curzon, 2003. P. 15.
582. Loew M. *Raumsoziologie*. Frankfurt am Main, 2001. 309 S.

583. Loewe H.-D. Die Lage der Bauern in Russland, 1880–1905. Wirtschaftliche und soziale Veraenderungen in der laendlichen Gesellschaft des Zarenreichs. Heidelberg : Scripta Mercaturae, 1987. 401 S.
584. Macey D.A. Government and Peasant in Russia, 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms. DeKalb : Northern Illinois University Press, 1987. XVIII, 380 p.
585. Macey D. A. The Peasant commune and the Stolypin Reforms: peasant attitudes, 1906–1914 // Land commune and peasant. Community in Russia / ed. R. Bartlett. New York : St. Martin's Press, 1990. P. 219–236.
586. Mackenzie D. Imperial dreams harsh realities: tsarist Russian foreign policy, 1815–1917. Fort Worth [et al.] : Harcourt Brace College Publ., 1994. 196 p.
587. Mackinder H. J. The Geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23, № 4. P. 421–437.
588. Marshall A. Imperial Russian war planning for the Eurasian space and the impact of the war // Rethinking the Russo-Japanese war, 1904–1905 / ed. by R. Kowner. Folestone, 2007. P. 281–290.
589. Mason M'Carty W.F. Russia's plans and purposes // The North American Review. 1897. Vol. 164, № 486. P. 585–591.
590. Matthes E. Das veränderte Rußland. Studien zum deutschen Rußlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725 und 1762, Frankfurt am Main : Lang, 1980. 565 S.
591. McCracken H. Hunters of the stormy sea. London : Oldbourne, 1957. 312 p.
592. McDonald D.M.-L. United Government and foreign Policy in Russia, 1900–1914. Cambridge ; London : Harvard University Press, 1992. 276, [12] p.
593. Mellor R. The Soviet Union and its geographical problems. London : Macmillan, 1982. 207 p.
594. Melville G.W. The Baltic Fleet and the Northeast Passage // The North American Review. 1904. Vol. 179, № 573. P. 161–167.
595. Merivale H. Lectures on colonization and colonies, delivered before the University of Oxford in 1839, 1840, and 1841. Reprinted in 1861 by H. Merivale. London, 1928. 685 p.
596. Merl St. Der Agrarmarkt und die neue ökonomische Politik. Wien : R. Oldenbourg, 1981. S. 38–164.
597. Minrath P. Das englisch-japanische Buendnis von 1902. Bonn, 1933. 112 S.
598. Mironov B. The Russian peasant commune after the reforms of the 1860s // Slavic Review. 1985. Vol. 44. P. 438–467.
599. Moon D. The Russian peasantry, 1600–1930: The world the peasants made. London ; New York : Longman, 1999. 396 p.

600. Morrison A. The Russian Empire and the Steppe. An exchange of views // *Forum for Anthropology and Culture*. 2007. Vol. 4. P. 402–415.
601. Morse H.B. The International relations of the Chinese empire. 3 vols. London : Longmans, Green and Co., 1910–1918.
602. Mosely P., Malia M., Chamberlin W.H., Mohrenschildt D., von. Michael Karpovich, 1888–1959 // *Russian Review*. 1960. Vol. 19, № 1.
603. Mosse W.E. Stolypin's villages // *The Slavonic and East European Review*. 1965. Vol. 43. № 101.
604. Motojirō Akashi. Rakha Ryusai. Colonel Akashis report on his secret cooperation with Russian Revolutionary parties during the Russo-Japanese war. Selected chapters. Helsinki, 1988. 202 p.
605. Mueller E. Der Beitrag der Bauern zur Industrialisierung Russlands, 1885–1930: Bemerkungen zur Korrektur eines Interpretationsmodells // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. 1979. Bd. 27, № 2. S. 197–204.
606. Mühlpfordt, G. Halle-Leipziger Aufklärung. Kernstück der Mitteldeutsche Aufklärung. Halle (Saale) : Mitteldeutscher, 2011. 392 S.
607. Night N. On Russian orientalism: a response to Adeb Khalid // *Kritika*. 2000. Vol. 1, № 4. P. 701–715.
608. Noetzold J. Wirtschaftspolitische Alternativen der Entwicklung Russlands in der Aera Witte und Stolypin. Berlin : Duncker & Humblot, 1966. 217 p.
609. Noetzold J. Agrarfrage und Industrialisierung in Russland im Vorabend des 1. Weltkrieges // *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland*. Koeln, 1975. S. 228–251.
610. Nolte H.-H. Zur Stellung Osteuropas im internationalen System der frühen Neuzeit. Aussenhandel und Sozialgeschichte bei der Bestimmung der Regionen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1980. Bd. 28. S. 161–197.
611. Osterhammel J. Colonialism: a theoretical overview. Princeton : Markus Wiener and Kingston Ian Randle Publ., 1997. 151 p.
612. Paine S. C. M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: perceptions, power and primacy. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 412 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511550188>.
613. Pallot J. Khutora and otruba in Stolypin's program of Farm Individualization // *Slavic Review*. 1984. Vol. 43, № 2. P. 242–256.
614. Pallot J., Shaw D. J. B. Landscape and settlement in Romanov Russia 1613–1917. Oxford : Clarendon Press, 1990. XIII, 318 c.

615. Paolino E. The Foundations of American Empire: William Henry Seward and U.S. Foreign Policy. Ithaca, 1973. XIII, 318 p.
616. Patenaude B. M. Frank A. Golder: Collector Extraordinaire and Cultural Liaison in Revolutionary Russia // *Literature of the Americas*. 2017. № 3. P. 8–29.
617. Paul J. Regional identity // *International encyclopedia of the social and behavioral sciences* / ed. by N. Smelser. London : Elsevier, 2001. P. 12917–12922.
618. Pearson T. Russian law and rural justice: activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1984. Bd. 32. S. 52–71.
619. Pearson T.S. Russian officialdom in crisis. Autocracy and local self-government, 1861–1900. Cambridge, 1989. 284 p.
620. Pearton M. History of SSEES: the political dimension // *The Slavonic and East European Review*. 1993. Vol. 71, № 2. P. 287–294.
621. Plaggenborg S. Bauernwelt und Modernisierung in der ausgehenden Zarenzeit // *Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland in der Spaetphase des Zarenreiches*. Frankfurt am Main, 1994. S. 138–164.
622. Polansky P. Who created us? Faculty, book dealers and Russian libraries that shaped the UH Russian Collection // *Slavic & East European Information Resources*. 2008. Vol. 9, № 2. P. 174–225.
623. Polansky P. Pacific Rim Librarianship: Collectors of Russian Materials on the Far East // *Indiana Slavic Studies*. 2006. Vol. 16. P. 159–181.
624. Poppe N. The economic and cultural development of Siberia // *Russia enters the twentieth century, 1894–1917* / ed. by E. Oberländer [et al.]. London : Temple Smith, 1971.
625. Pozner R. Kultur als Zeichensystem. Zur semiotischen Explikation kulturwissenschaftlicher Grundbegriffe // *Kultur als Lebewesen und Monument* / A. Assman, D. Harth. Frankfurt am Main, 1991. S. 37–74.
626. Preyer W.D. Anfänge der Die russische Agrarreform : mit 10 lithographischen Planen. Jena : Von Gustav Fischer, 1914. 415 S.
627. Raeff M. The bureaucratic phenomena of Imperial Russia, 1700–1905 // *The American Historical Review*. 1979. Vol. 84, № 2. P. 399–411.
628. Raeff M. Toward a new paradigm? // *Historiography of Imperial Russia: the profession and writing of history in a multinational state*. New York : M.E. Sharpe, 1999. P. 481–486.
629. Ramage B.J. The Hegemony of Russia // *The Sewanee Review*. 1899. Vol. 7, № 3. P. 303–322.
630. Randall F.B. N.G. Chernyshevsky. New York : Twayne, 1967. 178 p.

631. Ravenstein E.G. The Laws of Migration (I) // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, № 2. P. 167–235.
632. Ravenstein E.G. Journal of the Royal Statistical Society. 1889. Vol. 52, № 2. P. 241–305.
633. Reichmann H. Railways and Revolution. Russia, 1905. Berkeley : University of California Press, 1907. XV, 336 p.
634. Remnev A.V. Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power // Russian empire: space, people, power, 1700–1930. / ed. M. Hagen, von [et al.]. Bloomington : Indiana University Press, 2007. P. 425–474.
635. Raupach H. Geschichte der Sowjetwirtschaft : Theorie u. Praxis. Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 1968. 261 S.
636. Robel G. Die Sibirienexpeditionen und das deutsche Rußlandbild im 18. Jahrhundert. Bemerkungen zur Rezeption von Forschungsergebnissen // Wissenschaftspolitik in Mittel- und Osteuropa. (Studien zur Geschichte der Kulturbeziehungen in Mittel- und Osteuropa, 3). Berlin : Camen, 1976. S. 271–294.
637. Robel G. Der Wandel des deutschen Sibirienbildes im 18. Jahrhundert // Canadian-American Slavic Studies. 1980. Vol. 14. P. 406–426.
638. Roberts I.W. The School of Slavonic and East European studies, 1915–1990. London : SSEES, University of London, 1991. XI, 124 p.
639. Robinson G.T. Rural Russia under the old regime a history of the landlord-peasant world and a prologue to the Peasant revolution of 1917. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1960. 342 p.
640. Robson R.R. An architecture of change: old believer liturgical spaces in late imperial Russia // Seeking God. The recovery of religious identity in orthodox Russia, Ukraine and Georgia / ed. by S.K. Batalden. DeKalb : The Northern Illinois University Press, 1991. P. 160–187.
641. Rohrbach P. Das Finanzsystem Witte. Berlin : G. Stike, 1902. 76 S.
642. Rosenberg M. Die Schwerindustrie in Russisch-Asien: eine Studie ueber das Ural-Kuznezker-Kombinat. Berlin : Volk und reich, 1938. 200 S.
643. Russian Modernity. Politics, Knowledge, Practices / ed. by D.L. Hoffmann, Y. Kotsonis. NewYork : Palgrave Macmillan, 2000. 279 p.
644. Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917. Bloomington : Indiana University Press, 1997. XX, 339 p.
645. Sanborn J. Drafting the Russian nation: Military conscription, total war and mass politics, 1905–1925. DeKalb : Northern Illinois University Press, 2003. X, 278 p.

646. Schlesinger M.L. *Russland im XX Jahrhundert : mit einer Übersichtskarte des europäischen und asiatischen Russlands*. Berlin : Dietrich Reimer, 1908. 542 S.
647. Schloegel K. *Jenseits des Grossen Oktober : Das Laboratorium der Moderne, Petersburg, 1909–1921*. Berlin : Siedler, 1988. 541 S.
648. Schramm G. *Das Zarenreich – ein Beispielfall fuer den Imperialismus. Folgerungen aus einem Buch von Dietrich Geyer // Geschichte und Gesellschaft*. 1981. № 7. S. 297–310.
649. Shanin T. *The roots of otherness. Russia's turn of the century*. Vol. 1–2. New Haven : Yale University Press, 1985. Vol. 1 : Russia as a “Developing Society” ; Vol. 2 : Russia, 1905–1907: revolution as a moment of truth.
650. Sherry D.L. *Imperial Alchemy Resettlement, Ethnicity and Governance in the Russian Caucasus, 1828–1865* : PhD diss. University of California, 2007.
651. Schultze-Gavemitz G. *Volkswirtschaftliche Studien aus Russland*. Leipzig : Duncker & Humblot, 1899. 618 S.
652. Schwatka F. *The Next Polar Expedition // The North American Review*. 1889. Vol. 148, № 387. P. 151–160.
653. Scocpol Th. *States and social revolutions*. New York, 1979. XVIII, 407 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511815805>.
654. Scott J.B. *Arctic exploration and International law // The American Journal of International Law*. 1909. Vol. 3, № 4. P. 928–941.
655. Sering M. *Die Landwirtschaftliche Konkurrenz Nordamerikas in Gegenwart und Zukunft. Landwirtschaft, Kolonisation und Verkehrswesen in den Vereinigten Staaten und in Britisch-Nordamerika*. Leipzig : Duncker and Humblot, 1887. 759 S.
656. Simkhowitsch W.G. *Die Feldgemeinschaft in Russland. Eine Beitrag zur Sozialgeschichte und zur Kenntnis der gegenwärtigen wirtschaftlichen Lage des russischen Bauernstandes*. Halle : G. Fischer, 1898. 434 S.
657. Simmonds P.L. *The Arctic regions and polar discoveries during the nineteenth century*. London : G. Routledge, 1875. 447 p.
658. Simms J.A., Jr. *The Crisis in Russian agriculture at the end of the Nineteenth century. A different view // Slavic Review*. 1977. Vol. 36. P. 377–398.
659. Skrine F.H. *The expansion of Russia, 1815–1900*. London : Cambridge University Press, 1903. 600 p.
660. Smith R.E., Christian D. *Bread and salt. A social and economic history of food and drink in Russia*. London [et al.] : Cambridge University Press, 1984. XVI, 391 p.
661. Vaughan T., Holm B. *Soft gold: the fur trade and cultural exchange on the Northwest Coast of America*. Portland : Oregon Historical Society, 1982. 301 p.

662. Some paradoxes of the «new imperial history» : [from the editors] // *Kritika*. Bloomington, 2000. Vol .1, № 4. P. 623–625.
663. Spiru B. Ostforscher, Ostfaelscher, Ostfahrer // *Jahrbuech Fuer Geschichte der UdSSR und der volksdemokraetischen Laender Europas*. 1959. Bd. 3. S. 34–79.
664. Stadtmüller G. *Geschichtliche Ostkunde*. München ; Stuttgart : Bogen, 1963. 158 S.
665. Starr F. *Tsarist government: the imperial dimension // Soviet nationality policies and practices* / ed. by J.R. Azrael. New York, 1978. P. 3–38.
666. Stebelsky I. Review // *Ukrainian Studies*. 1982. Vol. 6, № 3. P. 421–423. Rev. op.: Barbara A. A. *Internal migration during modernization in late Nineteenth-Century Russia*. Princeton : Princeton University Press, 1980.
667. Stebelsky I. *Ukranian peasant colonization east of the Urals, 1896–1914 // Soviet Geography*. 1984. Vol. 25, № 9. P. 681–694.
668. Stebelsky I. *Ukrainian Migration to Siberia Before 1917: the process and problems of losses and survival rates // Ukrainian past, Ukrainian present* / ed. by B. Krawchenko. London : Macmillan, 1993. P. 55–69.
669. Steinmann F., von. *Russlands Politik im Fernen osten und der Staatssekretaer Bezobrazov. Ein Beitrag zur Vorgeschichte des russisch-japanischen Krieges* : Phil. Diss. Leipzig, 1931.
670. Stoeckl G. *Die Entstehung des Kosakentums*. München : Isar, 1953. 191 p.
671. Stone G. *Slavonic studies at Oxford: a brief history // Beitrage zur Geschichte der Slavistik in nichtslavischen Laendern*. Vienna, 1985. S. 361–398.
672. Strakhovsky L.I. *The statemanship of Peter Stolypin: a reappraisal // The Slavonic and East European Review*. 1958–1959. Vol. 37. P. 347–370.
673. Sumner B.H. *A Short History of Russia*. New York ; Harcout : Brace, 1949. 469 p.
674. Thatcher I.D. *Introduction // Late Imperial Russia. Problems and prospects* / ed. by I.D. Thatcher. Manchester ; New York : Manchester University Press, 2005. 208 p.
675. *The North East Passage // Bulletin of the American Geographical Society*. 1906. Vol. 38, № 1. P. 25–27.
676. *The Politics of Rural Russia, 1905–1914* / ed. by L. Haimson. Bloomington ; London, 1979. X, 309 p.
677. *The resettlement movement to the Far East during Stolypin's reform in the assessments of German-Speaking Russian Experts of the second half of the 20th century* / A.G. Dorozhkin, N. N. Makarova, A.V. Bezurkov [et al.] // *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication*. 2018. Spec. ed. P. 404–409.
678. Thomas B.P. *Russo-American relations, 1815–1867*. Baltimore, 1930.

679. Thomas J. The Institute of Pacific Relations, Asian Scholars and American Politics. Seattle : University of Washington Press, 1974. 178 p.
680. Thorson W.B. American public opinion and the Portsmouth Peace conference // American Historical Review. 1948. Vol. 53. P. 439–464.
681. Tillet L. The great friendship. Soviet historians on the non-Russian nationalities. Chapel Hill, 1969. X, 468 p.
682. Trani E.P. The treaty of Portsmouth. An adventure in American diplomacy. Lexington, 1969. 194 p.
683. Transehe N.A. The Siberian Sea Road: the work of the Russian hydrographical expedition to the Arctic, 1910–1915 // Geographical Review. 1925. Vol. 15, №. 3. P. 367–398.
684. Treibel A. Migration in modernen Gesellschaften. Soziale Folgen von Einwanderung, Gastarbeit und Flucht. Muenchen, 1999. 272 S.
685. Ular A. A Russo-Chinese empire. Westminster : A Constable, 1904. 335 p.
686. Vernadsky G. A history of Russia. New Haven : Yale University Press, 1954. XIV, 415 p.
687. Vernadsky G. A History of Russia. New York : Yale University Press, 1961. 520 p.
688. Vevier Ch. The collins overland line of American continentalism // Pacific Historical Review. 1959. Vol. 27. P. 237–253.
689. Wallace D. Russia. 2 vols. London, 1877.
690. Weissman N.B. Reform in Tsarist Russia. The State Bureaucracy and Local Government, 1900–1914. New Brunswick : Rudgers University Press, 1981. 292 p.
691. Western Historical Thinking: an intercultural debate / ed. by J. Rüsen. New York ; Oxford : Berghahn Books, 2001. 222 p.
692. Westwood J.N. A history of Russian railways. London : G. Allen and Unwin, 1964. 328 p.
693. Westwood J.N. Geschichte der russischen Eisenbahnen. Zürich : Orell Füssli, 1966. 308 S.
694. Westwood J.N. Russia against Japan. A New look at the Russo-Japanese War. Basingstoke : Macmillan, 1986. IX, 183 p.
695. White C. Russia and America: the roots of economic divergence. London : Groom Helm, 1987. 268 p.
696. Wieczynski J. The Russian Frontier. The impact of borderlands upon the Course of Early Russian history. University Press of Virginia, 1976. 108 p.
697. Wilkins H. Russian explorations // Science. 1944. Vol. 99, № 2561. P. 67–69.

698. White A. Transition to global rivalry : alliance diplomacy a. the Quadruple Entente, 1895–1907. Cambridge [et al.] : Cambridge University Press, 1995. XXIII, 344 c.
699. Widmer E. The Russian Ecclesiastical Mission in Peking during the Eighteenth century. Cambridge : Harvard University Asia Center, 1976. 262 p.
700. Wiedenfeld K. Russlands Stellung in der Weltwirtschaft // Russlands Kultur und Volkswirtschaft. Berlin, Boston : De Gruyter, 1913. P. 247–284. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783112599907-013>.
701. Williams W. The roots of the modern American empire: a study of the growth and shaping of social consciousness in a marketplace society. New York : Random House, 1969. XXIV, 546 p.
702. Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert : Akademie-Verlag, 1953. VII, 502 p.
703. Wittschewsky V. Russlands Handels,- Zoll und Industriepolitik von Peter dem Grossen bis auf die Gegenwart. Berlin: Mittler, 1905. 392 S.
704. Wolf E. Peasant Wars of the twentieth century. London : Faber and Faber, 1971. XIX, 328 c.
705. Wolff D. To the Harbin station. The liberal alternative in Russian Manchuria, 1898–1914. Stanford : Stanford University Press, 1999. 255 p.
706. Worobec C.D. Peasant Russia: family and community in the post-emancipation period. Princeton : Princeton University Press, 1991. XIV, 257 p.
707. Wortman R. Scenarios of power. Myth and ceremony in Russian monarchy. Vol. 2. Princeton, 2000. 586 p.
708. Yaney G.L. The concept of the Stolypin land reform // Slavic Review. 1964. Vol. 23, № 2. P. 275–293. DOI: <https://doi.org/10.2307/2492936>.
709. Yaney G.L. Some aspects of the Imperial Russian Government on the eve of the First World War // The Slavonic and East European Review. 1964. Vol. 43, № 1. P. 68–90.
710. Yaney G.L. The systematization of Russian Government. Social evolution in the domestic administration of Imperial Russia, 1711–1905. Urbana [et al.], 1973. XVI, 430 p.
711. Yaney G.L. The Urge to mobilize. Agrarian reform in Russia 1861–1930. Urbana [et al.] : University of Illinois Press, 1982. VIII, 599 p.
712. Zuhlke H. Die Rolle des Frnen Ostens in den politischen Beziehungen der Mächte, 1895–1905. Berlin, 1929. 279 S.
713. Аварин В. Борьба за Тихий океан. Ленинград : Гос. изд-во полит. лит., 1947. 467 с.
714. Агеев А.Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. Moscow : Аспект-Пресс, 2005. 330 с.

715. Агеева В.В., Минасян С.П. Современное американское россиеведение: проблематика, концепции, мнения // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 6-1. С.160-162.
716. Агранат Г.А. Новые американские работы о Русской Америке // Летопись Севера. Москва, 1957. Т. 2. С. 247–255.
717. Азиатская Россия в геополитической и цивилизованной динамике, XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков [и др.]. Москва : Наука, 2004. 600 с.
718. Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. 370 с.
719. Алеврас Н.Н. Предмет историографии: версии современной науки // *Imagines mundi*: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. Серия: Интеллектуальная история. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2010. Вып. 4. С. 173–190.
720. Александров В.А., Покровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // История СССР. 1968. № 1. С. 47–68.
721. Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Хабаровское кн. изд-во, 1984. 275 с.
722. Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки: до конца XIX в. Москва : Наука, 1982. 288 с.
723. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте текущей модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–19.
724. Алексеев В.И. Формирование российской пенитенциарной политики и ее источники (1878–1917) // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 92–97.
725. Алексеев В.П. Становление человечества. Москва : Политиздат, 1984. 462 с.
726. Алексеева Е.В. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург : Ин-т истории и археологии, 1998. 253 с.
727. Алексеева Е.В. История Русской Америки в англоязычной историографии 1950–1980 гг. Ин-т истории и археологии Ур О РАН, 1992. 67 с.
728. Алексеева Е.В. Русская Америка: новые концепции в англоязычной историографии // Известия Сибирского отделения Российской академии наук. Серия: История, филология и философия. 1993. № 1. С. 59–63.
729. Алексеева Е.В. Русский Север, Урал и Дальний Восток в трудах британского историка Пола Дьюкса // Осмысляя региональное: российский регион XVI–XXI веков

- в фокусе междисциплинарных исследований : материалы Всерос. науч. конф. (чтений памяти А.В. Камкина). Череповец, 2022. С. 32–37.
730. Алепко Н.А. Российско-японские экономические отношения на Дальнем Востоке России (1855–1903 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2009. 26 с.
731. Алтайские инородцы: сборник этнографических статей и исследований Алтайского миссионера протоиерея В.И. Вербицкого. Москва : Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1893. 237 с.
732. Ананьев Д.А. Проблемы аграрной истории Сибири XIX – начала XX вв. в оценках англо- и германоязычной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 91–98.
733. Ананьев Д.А. Ссылка и каторга в Сибири и на Дальнем Востоке (2-я пол. XIX – начало XX вв.) в освещении англо- и немецкоязычных исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 145–156.
734. Андреев А.И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. Москва, 1948. С. 250–265.
735. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. Москва : Европа, 2007. 612 с.
736. Антощенко А.В. К новому пониманию предмета историографии // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. Москва, 2001. С. 7–27.
737. Анфимов А.М. Некоторые данные об изменениях экономического положения крестьян разных разрядов в конце XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. Москва, 1971. С. 218–235.
738. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2012. 176 с.
739. Антипов В.С. Наследие историка в курсе историографии Нового времени // Метаморфозы истории. 2002. № 2. С. 273–285.
740. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва : Языки славян. культуры, 2004. 355 с.
741. Ауст М. Новая история Российской империи в германской русистике // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. (Б-ка журн. “Ab Imperio”). Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 599–608.
742. Афанасьев Ю.Н. Как России заново обрести свою историю // Судьбы российского крестьянства. Москва : РГГУ, 1995. 52 с.
743. Ашинин Ф.Д. Первая печатная научная грамматика алтайского языка (проблема авторства) // Тюркологический сборник за 1875 г. Москва, 1978. С. 34–61.

744. Бакшт Д.А. «Тюрьма без стен». О методологии в монографии Sarah Badcock (A Prison without walls? Eastern Siberian exile in the last years of tsarism. Oxford University Press, 2017) // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 4. С. 60–63.
745. Барбенко Я.А. Крестьянское расселение в Приморской области как часть русской колонизации Приамурья во второй половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2010. 276 с.
746. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. Москва : Наука, 1984. 342 с.
747. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский: по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам : (материалы для биограф.). Кн. 1–2. Москва : Синодал. тип., 1891. Кн. 1 : [2], IV, 672, XII с. ; Кн. 2 : [4], 322, VI с.
748. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. Москва : М. и С. Сабашниковы, 1927. V, 199 с.
749. Белобородько В.Л. Архив русской церкви на Аляске в Библиотеке конгресса США // Вопросы истории. 1969. № 8. С. 189–192.
750. Белянин Д.Н. Факторы крестьянских переселений в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 100–107.
751. Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 358 с.
752. Бессмертный Ю.Л. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // Вопросы истории. 2000. № 9. С. 152–158.
753. Бирман М.А. М.М. Карпович и «Новый Журнал» // Отечественная история. 1999. № 5-6. С. 124–134.
754. Биск И.Я. Методология истории: курс лекций. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 2007. 235 с.
755. Бичерова Н.С. История России второй половины XIX – начала XX в. в современной американской русистике : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Рязань, 2009. 22 с.
756. Болдырева Н.Д. Документальная «Россика» в архивах Англии // История СССР. 1960. № 5. С. 214–218.
757. Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о С.Дежневе и В.Беринге // Известия Академии наук СССР. Серия географии. 1983. № 4. С. 96–104.
758. Болховитинов Н.Н. Россия и США: архивные материалы и исторические исследования : аналит. обзор. Москва, 1984. 105 с.

759. Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о Русской Америке // США. Экономика, политика, идеология. 1985. № 4. С. 87–95.
760. Болховитинов Н.Н. Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. Москва : Наука, 1990. 367 с.
761. Болховитинов Н.Н. Россия открывает Америку. 1732–1799. Москва : Междунар. отношения, 1991. 303 с.
762. Болховитинов Н.Н. Рецензия // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 254. Рец. на кн.: To Siberia and Russian America. Three centuries of Russian expansion. Vol. 1–2 / ed. by V. Dmytryshyn [et. al]. Portland, 1985–1989.
763. Болховитинов Н.Н. Роль русских историков в становлении русистики в США // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 3–20.
764. Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. Москва : РОССПЭН, 2005. 141 с.
765. Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века. Американская историография. Москва : Наука, 2008. 262 с.
766. Большакова О. В. Аграрные реформы П. А. Столыпина в современной англоязычной историографии // Российская история. 2012. № 2. С. 164–172.
767. Большакова О.В. Российская империя: Система управления. (Современная зарубежная историография) : анализ. обзор. Москва, 2003. 92 с.
768. Большакова О.В. Закон и порядок в дореволюционной России: новые интерпретации американских историков // Российская история. 2016. № 6. С. 145–157.
769. Большакова О.В. Долгое возвращение в Европу: изучение Первой мировой войны и американская русистика // Российская история. 2014. № 5. С. 26–35.
770. Большакова О.В. Кризис Российской империи. 1890–1914 гг. в зарубежной историографии // Российская история. 2019. № 2. С. 158–171.
771. Борзунов В.Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. Москва : Наука, 1965. 198 с.
772. Бороноев А.О. Проблемы динамики сибирской идентичности // Общество, среда, развитие. 2010. № 3. С. 81–85.
773. Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии (XIX – 30-е годы XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Якутск, 2004. 47 с.
774. Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 61–120.
775. Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в отечественную историографию XX века : учеб. пособие. Омск : ОмГУ, 2001. 359 с.

776. Васильев С.А., Эрлихсон И.М. «Новая культурная история» (о перспективах методологии «Интеллектуальная история» и «История социальных практик» в междисциплинарных историко-педагогических исследованиях // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. 2017. № 3. С. 48–56.
777. Вахтин Н.Б. К истории изучения Сибири и Севера в социальном аспекте : материалы к учеб. Санкт-Петербург : АртЭкспресс, 2020. 68 с.
778. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. Ч. 1. Прага : Евразийское кн. изд-во, 1927. 264 с.
779. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск : Наука, 2007. 368 с.
780. Вишняцкий Л.Б. Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры : курс лекций. Кишинев : Высш. антропол. шк., 2005.
781. Власов В. Копия с соображений, представленных Коллежским советником Власовым генерал-губернатору Восточной Сибири об устройстве каторжных работ на о. Сахалине // Русские и иностранные рукописи Научной библиотеки Иркутского государственного университета.. Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2001. Ч. 2 : Рукописи на иностранных языках. Материалы документального характера. Рукописи поздней традиции. С. 12–13, № 248.
782. Вовк О.Б. Терминологические проблемы историографии: историографический факт и историографический источник // Категорiальний апарат iсторичної науки : Харківський історіографічний збірник. Харков : НМЦ «СД», 2000. Вып. 4. С. 48–55.
783. Волин И.С. О разнотипности историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 122–136.
784. Волосова Е.Б. История становления и развития методологии гуманитарного познания (на примере исторического познания) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2019. № 4. С. 85–89.
785. Вопросы колонизации : периодический сб. Вып. 2. Санкт-Петербург, 1907. 492 с.
786. Воробьев Д.В. Рецензия // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 173–176. Рец. на кн.: Акимов Ю.Г. Северная Америка и Сибирь в конце XVI – середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010.
787. Воробьева Т. В. Теория «передовой подвижной границы» (“frontier”) и народы Камчатки и Аляски // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 72–78.

788. Воробьева Т.В. Калифорнийская историческая школа о расширении территории Российского государства. Петропавловск-Камчатский : КамГУ им. В. Беринга, 2012. 223 с.
789. Восленский М. С. Организация «остфоршунга» и его место в системе боннской психологической войны // Критика западногерманского «остфоршунга». Москва, 1966. С. 91–98.
790. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. Москва : Прогресс, 1988. 704 с.
791. Галлямова Л.И. Освоение Сахалина в оценке российских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2006. № 3. С. 156–162.
792. Галлямова Л.И. Особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте реформ П.А. Столыпина // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 1. С. 73–80.
793. Герасимов И.В. Написание истории России как истории империи: опыт Сеймура Беккера // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. (Библиотека журнала “Ab Imperio”). Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 41–46.
794. Герасимов О.В. Феномен исторической памяти // Вестник Университета Российской академии образования. 2013. № 5. С. 133–137.
795. Головнева Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт : журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 43–52.
796. Глинский Б.Б. Пролог русско-японской войны. Петроград : Тип. АО «Брокгауз и Ефрон», 1916. VIII, 352 с.
797. Голдин В.И., Алексеева Е.В. Британский исследователь истории России: научное наследие профессора Пола Дьюкса // Уральский исторический вестник. 2022. № 3. С. 189–198.
798. Гончаров Ю.М. Социально-правовое положение горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирский город. XVII – начало XX веков. Иркутск, 2002. Вып. 4. С. 4–32.
799. Горлова Н.И. Жуай Е.Ф. Транзитный путь из Москвы в Даурию: проблемы транспорта и передвижения в Сибири в XVII в. – Кельн, 1981 // Общественные науки за рубежом. Серия 5, История : реф. журн. 1983. № 2. С. 35–37.

800. Горюшкин Л.М., Дергачев А.Ю. Современные буржуазные англо-американские историки о политической ссылке в Сибири в XIX – начале XX в. // Политическая ссылка в Сибири XIX – начало XX в. Историография и источники. Новосибирск : Наука, 1987. С. 74–86.
801. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск : Наука, 1967. 412 с.
802. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1976. 342 с.
803. Горюшкин Л.М. Областники о хозяйственной самостоятельности Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1991. № 1. С. 37–44.
804. Горюшкин Л.М., Дергачев А.Ю. Современные буржуазные англо-американские историки о политической ссылке в Сибири в XIX – начале XX в. // Политическая ссылка в Сибири XIX – начало XX в. Историография и источники. Новосибирск : Наука, 1987. С. 74–86.
805. Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Англо-американская буржуазная историография о роли иностранного капитала в сельском хозяйстве Сибири (1900–1917 гг.) // Революция 1905–1907 годов на Урале и в Сибири. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1983. С.100–108.
806. Горюшкин Л.М., Сагайдачный А.Н. Современные англо-американские буржуазные историки о социально-экономическом развитии Сибири // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск, 1983. С. 216–234.
807. Гринев А.В. Некоторые тенденции в отечественной историографии российской колонизации Аляски // Вопросы истории. 1994. № 11. С. 163–167.
808. Гринев А.В. Причины продажи Русской Америки США в отечественной историографии // Клио. 2000. № 2. С. 17–26.
809. Гринев А.В. Рецензия // Этнографическое обозрение. 2001. № 5. С. 159–164. Рец. на кн.: Znamenski A.A. Shamanism and Christianity. Native encounters with Russian orthodox missions in Siberia and Alaska, 1820–1917.
810. Громыко М.М. Территориальная крестьянская община Сибири (30-е гг. XVIII в. – 60-е гг. XIX вв.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1977. С. 23–30.
811. Гуревич А.Я. Территория историка // Одиссей: Человек в истории, 1996. Москва, 1996. С. 81–109.

812. Гурьянова Н.С. Рецензия // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 90–92.
Рец. на кн.: Crummeу R.O. Old believers in a changing world. Northern Illinois University Press, 2011. 267 p.
813. Дамешек И.Л. Современная отечественная историография об управлении Сибирью в 1822–1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26. № 3. С. 5–11.
814. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири, XIX – начало XX века. Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1986. 1986. 165 с.
815. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 339 с.
816. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. Москва : Аспект-Пресс, 2004. 370 с.
817. Данилова Л. В. Русское централизованное государство в освещении буржуазных историков США // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. Москва, 1962. С. 234–279.
818. Дацышен В.Г. Российско-китайские отношения в 1881–1903 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2001. 350 с.
819. Дорожкин А.Г. Экономическое и социальное развитие России второй половины XIX – начала XX вв. в германоязычной историографии XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Москва, 2005. 551 с.
820. Дорожкин А.Г. Столыпинская аграрная реформа в оценках современной германоязычной историографии // Отечественная история. 2006. № 4. С. 116–135.
821. Дорожкин А.Г. Переселенческая политика самодержавия и хозяйственное освоение Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. в освещении немецкоязычной историко-экономической литературы // Роль государства в хозяйственном и социокультурном развитии Азиатской России XVII – начала XX века : сб. материалов регион. науч. конф. Новосибирск, 2007. С. 41–49.
822. Дубовский Г.Я. Критика буржуазной фальсификации истории сибирской деревни кануна Великой Октябрьской революции // Бахрушинские чтения – 1973. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1973. Вып. 1. С. 162–168.
823. Дэвид-Фокс М. Введение: Отцы, дети и внуки в американской историографии царской России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара : Самарский ун-т, 2000. С. 5–47.

824. Дятлова А.К. Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии : дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2015. 179 с.
825. Дятлова А.К. Внешняя политика России на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX вв. в современной англо-американской историографии. Москва : Русайнс, 2017. 123 с.
826. Елисеев А.В. По Южно-Уссурийскому краю // Исторический вестник. 1891 г. Т. 43, январь. С. 435–456, 725–745, 86–100.
827. Ерофеева И.В. Крестьянские переселения в XIX в. // История Казахстана: народы и культуры : учеб. пособие / Н.Э. Масанов, Ж.Б. Абылхожин, И.В. Ерофеева [и др.]. Алматы, 2001. С. 210.
828. Ефимов О.В. Англо-американская историография реформ П.А. Столыпина : дис. ... канд. ист. наук. 1995. 184 с.
829. Еще раз о библиотеке Г.В. Юдина (отклики И.А. Половниковой и Д.Х. Биллингтона на статью Э. Штейна «Книги Г.В. Юдина в Библиотеке Конгресса») // Знамя. 1992. № 7. С. 234–240.
830. Жук С.И., Брукс, Дж. Современная американская историография о крестьянстве пореформенной России // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 151–159.
831. Жуков Е.М. Основные проблемы развития исторической науки в свете решений XXI съезда КПСС и задачи изучения истории Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 7–14.
832. Зайнутдинов А.Э. Сибирская идентичность в зеркале цивилизационного анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. № 6. С. 335–343.
833. Зайцева Т.И. Зарубежная историография. Историческая наука в XX – начале XXI века. Москва : Академия, 2011. 144 с.
834. Залужная Д.В. Транссибирская магистраль: ее прошлое и настоящее : ист. очерк. Москва : Мысль, 1980. 287 с.
835. Запрянова А. Типология источников историографического исследования // Харківський історіографічний збірник. Харків, 2010. Вип. 10. С. 41–51.
836. Зарубежные исследования по истории Русской Америки (конец XVIII – XIX в.) : реф. сб. / редкол.: Н. Н. Болховитинов (отв. ред.) [и др.]. Москва : ИНИОН, 1987. 122 с.
837. Зверев В.А., Татарникова А.И. Развитие сельской поселенческой сети Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: историография темы // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в.: к 60-летию юбилею В.А. Скубневского. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2005. С. 92–105.

838. Зевелев А.И., Наумов В.П. Историографический факт: критерии оценки и анализа // Вопросы истории. 1980. № 5. С. 32–41.
839. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. Москва : Высш. шк., 1987. 160 с.
840. Зейде А.М. Карпович и русская историография в Америке // Новый журнал. 2008. Кн. 253. С. 123–139.
841. Зиновьев В.П. К истории русско-китайских отношений. Забайкальская экспедиция 1849–1852 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 366. С. 56–60.
842. Зиновьев В.П. Экономика Сибири в конце XIX – начале XX вв.: промышленность, промыслы, торговля // Вопросы истории Сибири в Новое время. Новосибирск : Параллель, 2013. Вып. 3. С. 115–134.
843. Знаменский С.В. В поисках Японии. Из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Хабаровск : Кн. дело, 1929. 189 с.
844. Зуева Н.С. Переселенческая политика российского правительства на Дальнем Востоке в период столыпинских реформ : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2016. 31 с.
845. Зырянов П.Н. Современная англо-американская историография столыпинской аграрной реформы // История СССР. 1973. № 6. С. 186–195.
846. Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. Москва : Высш. шк., 1992. 159 с.
847. Иванов А.А. Уголовная ссылка в Сибири в XVII – XIX вв.: численность, размещение, использование в экономике региона // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 1. С. 42–53.
848. Иванов А.А. Сорок лет «Сибирской ссылке» // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 101–104.
849. Иванов А.А., Кузнецов С.И. К определению количества сосланных в Сибирь участников Январского восстания 1863 года // Baikal Research Journal. 2016. vol. 7, no. 6. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(6).17.
850. Иванов А.А. Уголовная ссылка и заселение Прибайкалья в XVII–XVIII вв. // Известия Иркутской государственной экономической академии : электронный научный журнал. 2012. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-ssylka-i-zaselenie-pribaykalya-v-xvii-xviii-vv/viewer> (дата обращения: 10.09.2022).
851. Иванов А.А. «Далеко в стране Иркутской...»: очерки истории политической и уголовной ссылки XVI – начала XX века. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. 263 с.

852. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. Москва, 2012. С. 128–153.
853. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Сельское хозяйство Сибири в 1890–1920-е гг. : материалы к моногр. Новосибирск : ИИ СО РАН, 2007. 170 с.
854. Ионов И. Н. Имперский и постколониальный дискурсы в формировании образа России на Западе // История и современность. 2008. № 2. С. 128–153.
855. Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые методологические подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 501–509.
856. Ипполитов Г.М. Историографический факт и историографический источник как категории исторической науки: непростая диалектика // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 1. С. 184–195.
857. Исаев Д.П. «Историографический источник»: проблемы истории и интерпретации понятия // Новое прошлое – The New Past. 2019. № 2. С. 98–114.
858. Историки в поисках новых перспектив [коллективная моногр.] / под общ. ред. З.А.Чеканцевой. Москва : Аквилон, 2019. 416 с.
859. История Русской Америки (1732–1867)/ В 3 т. Т. 1. Основание Русской Америки (1732–1799) / отв. ред. Н. Н. Болховитинов. Москва : Междунар. отношения, 1997. 480 с.
860. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р.Б. Казаков [и др.] ; отв. ред. М.Ф. Румянцева. Москва : Изд. дом ВШЭ, 2015. 685 с.
861. Казаков Р.Б., Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Классификация историографических источников: опыт соотнесения библиографического и источниковедческого подходов // 150 лет на службе науки и просвещения : сб. материалов Юбил. междунар. науч. конф. Москва, 5–6 дек., 2013 г. Москва : Гос. публ. ист. б-ка России, 2014. С. 421–430.
862. Казнина О. А. Русские в Англии: из переписки Е. В. Саблина // Россия в США. Москва, 2001. Вып. 7 : Материалы к истории русской политической эмиграции. С. 161–185.
863. Камынин В.Д. Современные подходы к определению содержания понятия «историографический источник» и идеи А.С. Лаппо-Данилевского // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 120–128.

864. Камынин В.Д. Историографические исследования в эпоху постмодерна // Запад, Восток и Россия: вопросы всеобщей истории. Екатеринбург, 2015. Вып. 17, ч. 2 : История и историк в ситуации интердисциплинарности. С. 68–81.
865. Камынин В.Д., Цыпина Е.А. Проблема историографического источника в отечественной литературе // Запад, Восток и Россия: проблема исторического и историографического источника. Екатеринбург, 2005. Вып. 7 : Проблемы всеобщей истории. С. 28–39.
866. Каневская Г.И. Забытый исследователь Сибири и Дальнего Востока // вестия Восточного института. 2013. № 21. С. 33–42.
867. Канн С.К. Опыт железнодорожного строительства в Америке и проектирование Транссиба // Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII–XX вв.). Новосибирск, 1995. С. 114–136.
868. Канн С.К. Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по естественнонаучному изучению Сибири в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 22 с.
869. Карагодин А.В. Аграрный кризис конца XIX – начала XX в. и материальное положение русского пореформенного крестьянства в освещении современного западного россиеведения: новые подходы и текущие дискуссии // Информационный бюллетень научного семинара «Индустриализация в России». Москва, 2001. Т. 12. С. 65–74.
870. Карагодин А.В. Изучение пореформенного российского крестьянства в современном западном россиеведении: основные концепции, подходы и перспективы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2001. 27 с.
871. Карпачев М.Д. Буржуазные реформы 1860–1880-х гг. в оценке английской и американской буржуазной историографии // Буржуазные реформы в России второй половины XIX в. : межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1998. С. 124–139.
872. Карпов В.П. Северный морской путь – инструмент освоения Арктики // Уральский исторический вестник. 2014. № 2. С. 108–114.
873. Кауфман А.А. Переселения и колонизация. Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1905. IX, 349, 81 с.
874. Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с историей заселения Сибири). Москва : Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1902. 374 с.
875. Ковалев М. От Петербурга до Канберры: жизнь и научные труды профессора И.И. Гапановича // Acta Slavica Iaponica. 2014. Vol. 34. P. 69–93.

876. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б. Американские историки о русском крестьянстве XIX в. // История СССР. 1971. № 5. С. 195–213.
877. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. Москва : Наука, 1987. 440 с.
878. Комаров А.В. Особые органы центрального управления Сибирью в XVII – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 233 с.
879. Конев А.Ю. Коренные народы северо-западной Сибири в административной системе Российской империи (XVII – начало XX вв.). Москва: Координац.-метод. центр прикладной этнографии ИЭИА, 1995. 220 с.
880. Конев А.Ю. «Инородцы» Российской империи: к истории возникновения понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 13. С. 117–120.
881. Кораблин К.К. Каторга на Сахалине как опыт принудительной колонизации // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2005. № 2. С. 72–83.
882. Корелин А.П., Шацилло К.Ф. П.А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Деревня в начале века: революция и реформа. Москва : РГГУ, 1995. С. 6–42.
883. Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв. : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург ; Омск, 2002. 366 с.
884. Корчагин Ю.В. Политика российского самодержавия и традиционные общества народов севера в зарубежной историографии // Доклады межвузовской научно-теоретической конференции / Камчатский педагогический институт. Петропавловск-Камчатский, 1995. Ч. 2. С. 3–25.
885. Кохановский В.П. Философия и методология науки : учеб. для высш. учеб. заведений. Москва : АСТ ; Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 576 с.
886. Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. : сб. ст. / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1977. 289 с.
887. Крестьянское движение в Сибири, 1861–1917 гг. : хроника и историография / отв. ред. Л.М. Горюшкин [и др.]. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1985. 327 с.
888. Кром М.М. Введение в историческую компаративистику. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 248 с.
889. Крюков Н.А. Канада. Сельское хозяйство в Канаде в связи с другими отраслями промышленности. Санкт-Петербург : Тип. В. Киршбаума, 1897. X, 234 с.
890. Кузеванов Л.И. Академизм исторического познания. Москва : Рос. ист. журн., 2010. 100 с.

891. Кузнецова М.В. Сибирский отдел Русского географического общества: первое 10-летие деятельности // Сибирский архив. Иркутск, 2003. Вып. 3. С. 61–66.
892. Кузьмина В.Д., Хорошкевич А.Л. Вопросы истории СССР в «Оксфордских славянских записках» // История СССР. 1958. № 1. С. 202–213.
893. Кукарцева М.Н. Предисловие переводчика // Историческая эпистемология / А. Мегилл. Москва : Канон+, 2007. С. 11–68.
894. Кукарцева М.А., Коломоец Е.Н. Западное и не западное историческое мышление: сходства и отличия : аналит. обзор // Способы постижения прошлого. Москва, 2011. С. 232–349.
895. Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет о поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. Санкт-Петербург : Гос. тип., 1896. 251 с.
896. Кунина А.Е. США: методологические проблемы историографии. Москва : Наука, 1988. 218 с.
897. Ламин В.А. Исторический опыт разработки проблем формирования железнодорожной сети на севере Сибири и Дальнего Востока : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1987. 221 с.
898. Ланской Г.Н. Современные историографические концепции аграрной истории России второй половины XIX – начала XX вв.: традиции и новаторство // Новый исторический вестник. 2006. № 1. С. 28–45.
899. Латышев В.М. Врач Л.В. Поддубский и его записки о сахалинской каторге (конец XIX в.) // Вестник Сахалинского областного краеведческого музея, 2004. № 11. С. 141–148.
900. Латышев И.А. Япония, японцы и японоведы. Москва : ФЭРИ-В, 2001. 521 с.
901. Летопись Севера. Т. 2 / отв. ред. А.В. Ефимов. Москва : Географгиз, 1957. 280 с.
902. Линченко А.А. Историческое познание и целостность исторического знания // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 2. С. 61–78.
903. Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. Москва : Соц.-гуманитар. знания, 2005. 352 с.
904. Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. 668 с.
905. Лукьянов Д.В. Когнитивизм и историческое познание // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 34–43.

906. Любичанковский С.В. Состояние власти позднеимперской России в оценке англо-американской историографии 2-й половины XX – начала XXI в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9, № 2. С. 342–347.
907. Макаров Н.В. Российская империя в Первой мировой войне: современная англо-американская историография // Российская история. 2014. № 5. С. 36–49.
908. Маловичко С.И. Проблема классификации источников в предметном поле источниковедения историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 36–44.
909. Малькова В. К., Тишков В. А. Культура и пространство. Кн. 1. Образы российских республик в интернете. Москва : ИАЭ РАН, 2009. 147 с.
910. Маркс С. «Браво, храбрый тигр Востока!»: русско-японская война и подъем национализма в Британском Египте и Индии // Русский сборник. Исследования по истории России. Москва, 2007. Т. 4. С. 89–107.
911. Мартин Р. Будущность России : пер. с нем. Москва : Тип. А.П. Поплавского, 1906. 286, II с.
912. Маслов П.П. Аграрный вопрос в России. Т. [1]–2. Санкт-Петербург : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1905–1908.
913. Маслов Н. Н. Методология исторического исследования. (Введение в методологию историко-партийной науки). Москва : АОН, 1979. 126 с.
914. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 1998. 424 с.
915. Матханова Н.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1998. 411 с.
916. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Проблемы социальной стратификации. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2002. 258 с.
917. Мегилл А. Историческая эпистемология. Москва : Канон+, 2007. 480 с.
918. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. Москва : РГГУ, 2008. 361 с.
919. Меньковский В.И. Современная британская россика и советика Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Мінск : БДУ, 2006. Вып. 1. С. 243–255.
920. Меньковский В.И., Уль К., Шабасова М. Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013. 222 с.

921. Милова О.Л. Рецензия // Вопросы истории. 1993. № 11-12. С. 167–169. Рец. на кн.: Forsyth J. The history of the peoples of Siberia: Russia's North Asian colony, 1581–1990. Cambridge, 1992.
922. Миненко Н.А. Община и русская крестьянская семья в юго-западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) // Крестьянская община в Сибири XVII – начала XX в. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1977. С. 104–125.
923. Миронов В.В., Иванов А.В. Онтология и теория познания. Москва : Гардарики, 2005. 447 с.
924. Михайлицина Е.А. Основные сюжеты региональной истории Сибири в англо-американской научной периодике // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С. 135–143.
925. Михайлицина Е.А. Историческая педология в изучении сибирской ссылки в современной англо-американской научной периодике // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемое прошлое, неопределенное будущее : сб. материалов XVI Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (Томск, 21–23 апр. 2021 г.). Томск, 2021. Вып. 16. С. 243–249.
926. Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. 31, № 1. С. 157–173.
927. Могильницкий Б.Г. Историческая наука и проблемы гносеологии // Россия в XX веке: историки мира спорят. Москва, 1994. С. 709–718.
928. Мошкина З.В. Применение к ссыльнокаторжным государственным преступникам порядка содержания вне тюрьмы на Нерчинской каторге во второй половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 6. С. 48–55.
929. М.М. Карпович и «Новый Журнал» // Отечественная история. 1999. № 5. С. 124–134 ; № 6. С. 112–116.
930. Надин П. Пятидесятилетие Амурского края, 1854–1904 гг. // Вестник Европы. 1905. Т. 3. С. 166–197.
931. Нарский И.В. Рецензия // Российская история. 2016. № 5. С. 208–212. Рец. на кн.: Schenk F.B. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter. Stuttgart : Franz Steiner, 2014. 456 S. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa, no. 82).

932. Некрасов Г.А. Основные тенденции новейшей английской науки в изучении истории СССР эпохи феодализма // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 7–36.
933. Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. 371 с.
934. Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки // История и историки. Москва : Наука, 1965. С. 6–27.
935. Нечкина М.В. Монография и ее место в науке и в издательских планах // Коммунист. 1965. № 9. С. 77–83.
936. Нечкина М.В. Послесловие // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин : Калининский гос. ун-т, 1980. С. 132–140.
937. Никадимов Д.А. Железнодорожное обеспечение русских войск в годы русско-японской войны и Первой мировой войны // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 1. С. 289–294.
938. Никулин П.Ф. Взаимодействие социальных и хозяйственных типов культур в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. 2 : Четвертые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина (7–8 октября 2003 г.). С. 242–245.
939. Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. По материалам ежегодной статистики урожаев европейской России. Москва : Наука, 1974. 318 с.
940. Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. (Библиотека журнала “Ab Imperio”) / под ред. И. В. Герасимова [и др.]. Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. 652 с.
941. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии / Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Д.Я. Раев [и др.] ; отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск : Сова, 2006. 227 с.
942. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция – память / П. Нора, М. Озуф, Ж. Пюимех, М. Винок. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.
943. Огановский Н.П. Народное хозяйство Сибири. Эпизодический курс лекций, прочитанных на Кооперативных курсах для служащих и рабочих кооперативных

- организаций гор. Омска, в феврале-марте 1920 г. : с 12 диагр. и картогр. Омск : Сиб. отд-ние Всерос. центр. союза потребит. о-в, 1921. [4], 176 с.
944. Оглезнева Т.Н. Русское географическое общество. Изучение народов Северо-Востока Азии, 1845–1917 гг. Новосибирск : Наука, Сиб. изд. фирма, 1994. 175 с.
945. Осипов Ю.Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855–1917 гг. Хабаровск : Хабаровский краев. краевед. музей им. Н.И. Гродекова, 2008. 68 с.
946. Останина О.А. Проблема субъективного в историческом познании : дис. д-ра филос. наук. Москва, 1998. 329 с.
947. Островский И.В. П.А. Столыпин и его время. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1992. 144 с.
948. Очерки историографии Сибири эпохи империи (XVIII – начала XX в.) / Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, В.П. Шахеров [и др.]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 261 с.
949. Очерки истории освоения и изучения Северной Азии. Томск : Изд-во Томского университета, 2019. 340 с.
950. Панкратова М.Г. Проблематика русской революции в американской русистике // Историческая наука и некоторые проблемы современности : статьи и обсуждения. Москва : Наука, 1969. С. 192–205.
951. Парамонова М.Ю., Репина Л.П., Зверева В.В. История исторического знания : учеб. пособие для вузов. Москва : Дрофа, 2006. 288 с.
952. Пашуто В.Т. Профессор Г. Штекль размышляет об уроках истории // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 30–48.
953. Пелипась М.Я. Проблема сохранения «особых» американо-британских отношений в условиях осложнения после окончания Второй мировой войны международной ситуации в восточном Средиземноморье // Американские исследования в Сибири. Томск, 2003. Вып. 7 : Материалы Всероссийской научной конференции «Мир и общество в ситуации фронта: проблемы идентичности», 14–16 апреля 2003 г. С. 19–59.
954. Первая печатная научная грамматика алтайского языка (вопрос о названии) // Тюркологический сборник за 1977 г. Москва, 1981. С. 7–20.
955. Передерий С.В. К вопросу об освещении истории Сибири эпохи капитализма в современной англо-американской буржуазной историографии // Рабочие Сибири в конце XIX – начале XX в. Томск, 1980. С. 164–178.
956. Передерий С.В. Современная американская и английская буржуазная историография истории Сибири конца XIX в. – февраль 1917 г. : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1984. 193 с.

957. Передерий С.В. Политическая ссылка в Сибири в оценке современных англо-американских буржуазных историков // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1985. С. 203–210.
958. Петр Андреевич Зайчковский : сб. ст. и воспоминаний к столетию историка / сост.: Л. Г. Захарова, С. В. Мироненко, Т. Эммонс. Москва : РОСПЭН, 2008. 879 с.
959. Петров Е.В. История американского руссиеведения: курс лекций. Санкт-Петербург, 1998. 214 с.
960. Петров Е. В. Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США (первая половина XX в.): источники и историография. Санкт-Петербург : С.-Петербург. фил. РТА, 2000. 160 с.
961. Петров Е.В. Фонды русско-американских историков в архивах США // Зарубежная архивная россика. Итоги и перспективы возвращения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 16–17 нояб. 2000 г. Москва : Федер. арх. служба России, 2001. С 43–56.
962. Пивоваров Е.Г. У истоков американской архивной «россики» : А.В. Бабин (1866–1930) и Ф.А. Голдер (1877–1929) // Россика в США. Москва : Ин-т полит. и воен. анализа, 2001. Вып. 7 : Материалы к истории русской политической эмиграции. С. 249–268.
963. Пивоваров Е.Г. Формирование коллекции славянских материалов Конгресса США. (К истории русско-американских культурных контактов, 1765 – середина 1950-х гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 2007. 42 с.
964. Пика А.И., Прохоров Б.Б. Неотрадиционализм на Российском Севере. (Этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). Москва : МНЭПУ, 1994. 225 с.
965. Пименов П.С. Внешняя политика России на Дальнем Востоке 1895–1905 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2006. 205 с.
966. Плотников А.А. Этапирование ссыльнокаторжных на остров Сахалин во второй половине XIX в. // Сибирская ссылка. Иркутск, 2011. № 6. С. 125–136.
967. Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обзорение. Москва, 2002. Вып. 8. С. 11–14.
968. Позняк Т.З. Российская иммиграционная политика в отношении выходцев из Китая на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Восточного института. 2013. № 2. С. 7–24.
969. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: проблемы творчества и общественного сознания. Москва : Памятники ист. мысли, 2002. 471 с.

970. Покшишевский В. В. Рецензия // Известия Всесоюзного географического общества. 1947. Т. 79, вып. 2. С. 236. Рец. на кн.: Кернер Р. Дж. «Стремление к морю».
971. Полански П. Библиотекведение на побережье Тихого океана: собиратели русских материалов о Дальнем Востоке // Власть книги: библиотека, издательство, вуз : науч.-информ. альм. 2002. № 3. С. 60–72.
972. Половникова И.А. Молодые годы Юдина. Москва : Эксклюзив, 1996. 68 с.
973. Половникова И.А. Сибирский библиофил и заводчик Юдин. Красноярск, : В. В. Черкашин, 2003. 85 с.
974. Полотовская И.Л. Марк Раев – Bakhmeteff professor emeritus of Russian studies // Россия в США. Москва, 2001. Вып. 7 : Материалы к истории русской политической эмиграции. С. 65–79.
975. Попов И.И. Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. Т. 6. Москва : Т-во И.Д. Сытина, 1911. 356 с.
976. Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии : учеб. пособие. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 380 с.
977. Потемкина М.Н. Теория и методология истории : учеб. пособие. Москва : РИОР ИНФРА М, 2015. 198 с.
978. Поткина И.В. Рецензия // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 178–180. Рец. на кн.: Маркс С.Г. Путь к могуществу. Транссибирская железная дорога и колонизация Азиатской России, 1850–1917.
979. Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. Москва : Ин-т Рос. истории, 1994. 231 с.
980. Преображенский А.А. Из истории библиотеки Г. В. Юдина в Красноярске // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока : тр. конф. по истории Сибири и Дал. Востока. Новосибирск, 1961. С. 221–232.
981. Преображенский А.А. Сибирь в кривом зеркале господина Э. Хельцле // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. С. 293–301.
982. Пронин В.И. Землевладение и землепользование сибирских крестьян в начале XX в. в контексте аграрной политики царизма в регион // Опыт природопользования в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 171–206.
983. Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.

984. Прутченко С.М. Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления Русского государства : ист.-юрид. очерки. Санкт-Петербург : Тип. А. С. Суворина, 1899. 2, VI, 405 с.
985. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. Москва : Наука, 1975. 281 с.
986. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период : [коллективная моногр.] / редкол.: Н.В. Блинов (отв. ред.) [и др.] Новосибирск, 1982. 459 с.
987. Раев М.М. М.М. Карпович и его «Комментарии» в «Новом Журнале» // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7, Литературоведение : реф. журн. Москва, 2001. № 4. С. 8–18.
988. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул : Изд-во АГУ, 2010. 277 с.
989. Разгон И.М. Сибирское областничество в 1917 году : программа и крат. содерж. докл. Объед. науч. сес. по вопр. «Предпосылки революции и установления советской власти в Сибири». Томск : Изд-во Томского ун-та, 1964. С. 55–82.
990. Разгон И.М., Бабикова Е.Н. Об эволюции сибирского областничества в 1917 году // Некоторые вопросы расстановки классовых сил накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1976. С. 55–82.
991. Ракитов А.И. Историческое познание: системно-гносеологический подход. Москва : Политиздат, 1982. 303 с.
992. Редчун В.М. К вопросу об особенностях переселенческой политики Российского правительства на Дальнем Востоке во второй половине XIX века: правовой аспект // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 22. С. 82–98.
993. Резун Д.Я. Колонизация Сибири и ее специфика // Фронт в истории Сибири и Северной Америке в XVII–XX вв. Общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 13–32.
994. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск : Изд-во Омского ун-та, 1997. 253 с.
995. Ремнев А.В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колониционных вопросов XIX – начала XX вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : ОмГУ, 2002. С. 15–28.
996. Ремнев А.В. «Выдвинуть Россию в Сибирь». Империя и Русская колонизация второй половины XIX – начала XX века // Новая имперская история постсоветского

- пространства : сб. ст. (Б-ка журн. "Ab Imperio"). Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 223–242.
997. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск : Изд-во ОмГУ, 2004. 552 с.
998. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управляемая колонизация и стихийные миграционные процессы на азиатских окраинах Российской империи // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. (Журнал политической философии и социологии политики). 2010. № 3-4. С. 150–191.
999. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. 577 с.
1000. Репина Л.Н. Новая историческая наука и социальная история. Москва : ИВИ РАН, 1998. 282 с.
1001. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) : препринт WP6/2003/07. Москва : ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
1002. Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 32 с.
1003. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Москва : ЛКИ, 2009. 320 с.
1004. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. Москва : Кругъ, 2011. 559 с.
1005. Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. (Журнал политической философии и социологии политики). 2011. № 3. С. 109–128.
1006. Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. 2000. № 3. С. 65–104.
1007. Рибер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытки интерпретации // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Самара, 2001. С. 94–100.
1008. Рикер П. Память, история, забвение. Москва : Изд-во гуманитар. лит., 2004. 728 с.
1009. Розов Н.С. Основы методологии социального и исторического познания // Теория и методология истории : учеб. для вузов. Волгоград : Учитель, 2015. С. 358–360.
1010. Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Ленинград : Изд-во Ленинградского Восточного ин-та имени А.С. Енукидзе, 1928. 634 с.

1011. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895–1907. Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 496 с.
1012. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3–39.
1013. Ротштейн А.Ф. Преподавание и изучение истории СССР в британских университетах // Вопросы истории. 1957. № 5. С. 207–214.
1014. Румянцева М.Ф., Маловичко С.И., Казаков Р.Б. Источниковедение историографии в актуальных университетских практиках // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации : материалы всерос. науч. конф. Казань, 2014. С. 377–380.
1015. Румянцев В.П., Хахалкина Е.В. Использование теории фронта в сравнительно-исторических исследованиях: итоги и перспективы // «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2009. С. 106–125.
1016. Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1867 г.) : к 200-летию образования Рос.-Амер. компании : материалы Междунар. науч. конф. (Владивосток, 11–13 окт. 1999 г.) / отв. ред. А.Р. Артемьев. Владивосток, 2001. 337 с.
1017. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 1. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне, и подготовка России и Японии к этой войне в политическом отношении. Санкт-Петербург, 1910. XIII, 13-50, 857 с.
1018. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем : ист. очерк. Санкт-Петербург : Гос. тип., 1903. 511 с.
1019. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания : учеб. пособие. Санкт-Петербург ; Москва : Алетейя, 2021. 522 с.
1020. Салов В.И. Антинаучный характер западногерманского «остфоршунга» // Критика западногерманского «остфоршунга». Москва, 1966. С. 72–90.
1021. Салов В.И. Современная западногерманская буржуазная историография. Москва : Наука, 1968. 381 с.
1022. Самсонова В.А. Михаил Винокуров и его коллекция якутских изданий в США // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2002. № 2. С. 51–57.
1023. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период : учеб. пособие. Москва : Высш. шк., 1978. 256 с.
1024. Сватиков Г.С. Россия и Сибирь. (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага : Изд. О-ва сибиряков в ЧСР, 1929. 119 с.

1025. Сгибнев А.С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сборник. 1869. № 4. С. 65–93 ; № 6. С. 36–69.
1026. Селунская Н.Б. Современная англо-американская буржуазная историография аграрного строя России эпохи капитализма // История СССР. 1979. № 4. С. 229–240.
1027. Селунская Н.Б. Критика буржуазных концепций аграрного строя России накануне Октября. (К проблеме предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции). Москва, 1980. 64 с.
1028. Селунская Н.Б., Шашина Е.Б. Страницы аграрной истории России в прочтении западных ученых // Отечественная история. 1992. № 3. С. 191–194.
1029. Селунская Н.Б. Россия на рубеже XIX–XX веков (в трудах западных историков). Москва : Изд-во Рос. ун-та, 1995. 68 с.
1030. Селунская Н.Б. Концепция аграрного строя России в пореформенную эпоху // Исторические записки. Москва, 1999. № 2. С. 187–192.
1031. Сельское хозяйство России в XX в. стат. сб. / под ред. Н.П. Огановского. Москва : Новая деревня, 1923. 340 с.
1032. Семенов А.М. Англо-американские исследования по истории Российской империи и СССР // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. (Б-ка журн. “Ab Imperio”). Казань : Центр исслед. национализма и империи, 2004. С. 613–628.
1033. Семенов П.П. Значение России в колониационном движении европейских народов // Известия Императорского Русского географического общества. 1882. № 28. С. 349–369.
1034. Сергеев Е.Ю. Англо-германские отношения на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. (конец политики «Блестящей изоляции») : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1993. 24 с.
1035. Сергеев О.И. Заселение юга Дальнего Востока России донскими казаками (конец XIX – начало XX в.) // Россия и АТР. 2011. № 4. С. 5–9.
1036. Сесюнина М.Г. К вопросу о возникновении сибирского областничества // Труды Томского государственного университета. 1965. Т. 158. С. 20–36.
1037. Сибирские переселения. Вып. 2. Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений : сб. док. Новосибирск : Сова, 2006. 36 с.
1038. Сибирь в составе Российской империи / И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, В.П. Зиновьев [и др.] ; отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. Москва : Новое лит. обозрение, 2007. 362 с.
1039. Сигалов М.Р., Ламин В.А. Железнодорожное строительство в практике хозяйственного освоения Сибири. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 136 с.

1040. Сили Ш. Возникновение и источники теории «колонизации» С.М. Соловьева // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 150–154.
1041. Скляр Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.
1042. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1-2. Москва : Тип. А. Семена, при Медико-хирург. акад., 1838–1844.
1043. Смирнов А.Ю. История общеземской организации, 1904–1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2001. 19 с.
1044. Смоленский Н.И. Теория и методология истории : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. Москва, 2008. 271 с.
1045. Согрин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX в. Москва : Наука, 1987. 270 с.
1046. Соколов А.С. Американская тема в научно-литературном наследии М. М. Ковалевского (Topics dealing with America in the scientific and literary heritage of M.M. Kovalevsky) // Американский ежегодник, 1989. Москва, 1990. С. 155–173.
1047. Соколова Л. В. Г.В. Ланцев, Р.А. Пирс. Исследование и освоение земель на русской открытой границе до 1750 г. Монреаль, Лондон, 1973 // Общественные науки за рубежом. Серия 5, История : реф. журн. 1976. № 1. С. 72–77.
1048. Соловьев С.М. О влиянии природы русской государственной области // Отечественные записки. 1850. Т. 69, № 4, отд. II. С. 229–244.
1049. Сорокина Т.Н. «Вопрос о сокращении китайской торговли» в Приамурском крае на рубеже XIX – XX вв.: мнения и практика // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 264–287.
1050. Старостин Е.В. История России в зарубежных архивах. Москва : Высш. шк., 1994. 77 с.
1051. Стризое А.Л. Исторический текст как научный нарратив // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2012. № 2. С. 172–178.
1052. Строецкий В.М. Проблемы становления истории как науки в Античности // Античный мир и археология. Саратов : Саратовский гос. ун-т, 2006. Вып. 12. С. 351–362.
1053. Супоницкая И.М. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.) // Одиссей: человек в истории. 2005. № 1. С. 219–240.
1054. Сухотина Л.Г. К вопросу о феодальных пережитках в сибирской деревне накануне первой русской революции // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока : тр. Конф. по истории Сибири и Дал. Востока : материалы пленар. заседания и Секции истории

- досоветского периода, археологии и этнографии, март 1960. Новосибирск, 1961. С. 129–137.
1055. Сыров В.Н. Коммуникация и историческое познание // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. 2015. № 3. С. 84–91.
1056. Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России, нач. XX в.: советская историография середины 50-х – 60-х гг. Москва : Наука, 1990. С. 7–13.
1057. Теория и методология истории : учебник для вузов / отв. ред.: В.В. Алексеев [и др.]. Волгоград : Учитель, 2014. 504 с.
1058. Теория и методология истории : учеб. и практикум для акад. бакалавриата / под ред. А. И. Филюшкина. Москва : Юрайт, 2016. 323 с.
1059. Тихонов В.В. Методы историографии: современное состояние и перспективы. Депонир. статья. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?ysclid=le2psf72ls936500745&id=20733935> (дата обращения: 10.09. 2022).
1060. Тишков В.А. История и историки в США. Москва : Наука, 1985. 352 с.
1061. Трельч Э. Историзм и его проблемы. Москва : Юрист, 1994. 720 с.
1062. Троякова Т.Г. Американские исследования Дальнего Востока России // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2006. № 2. С. 125–134.
1063. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. Москва : Памятники ист. мысли, 2001. 304 с.
1064. Ульянникова Ю. Чужие среди чужих, чужие среди своих: Русско-японская война и эвакуация Сахалинской каторги в контексте имперской политики на Дальнем Востоке // Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири. Москва : Новое изд-во, 2012. С. 171–198.
1065. Ус Л.Б. Предисловие // Сибирские переселения : сб. док. Новосибирск : Сова, 2006. Вып. 2 : Комитет Сибирской железной дороги как организатор переселений. С. 7–36.
1066. Устюгова О.А. Торговые отношения на юге Дальнего Востока во второй половине XIX в. Их правовые основы и административное регулирование // Россия и АТР. 2003. № 5. С. 41–46.
1067. Федоров В.А. История заселения Сибири в интерпретации реакционного американского историка // История СССР. 1959. № 4. С. 200–203.
1068. Федоров М.М. Правовое положение народов Восточной Сибири (XVII–начало XIX вв.). Якутск, 1978. 287 с.

1069. Филд Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы междунар. конф. Москва, 1996. С. 6–11.
1070. Филимонов А.В. Финансирование переселенческого дела на восточных окраинах Российской империи: государственная политика и практики второй половины XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2018. 18 с.
1071. Фриз Г. «Губительное благочестие». Российская церковь и падение империи : сб. ст. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 351 с.
1072. Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего). Санкт-Петербург, 1997. 160 с.
1073. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Москва : Новое изд-во, 2007. 348 с.
1074. Хок С. Мальтус: Рост населения и уровень жизни России. 1861–1914 годы // Отечественная история. 1996. № 2. С. 28–54.
1075. Храмов А.А. Крестьянство Западной Сибири накануне февраля 1917 года : по материалам Томской губернии : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1956. 311 с.
1076. Чемериская М.И. Дж.Р. Гибсон. Взаимоотношения между русскими и коренными жителями в Русской Америке, Вашингтон, 1980 // Общественные науки за рубежом. Серия 5, История : реф. журн. 1981. № 2. С. 56–57.
1077. Чернавская В.Н. Великие русские географические открытия на Северо-востоке Азии в XVI–XVIII вв. в освещении англо-американской историографии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования. Владивосток, 1994. С. 143–164.
1078. Чернавская В.Н. Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии истории Дальнего Востока России (XVII–XVIII вв.) // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 1994. № 5-6. С. 195–201.
1079. Чернавская В.Н. Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии. К методологии вопроса // Краеведческий бюллетень. Южно-Сахалинск, 1995. № 4 : Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. С. 3–20.
1080. Чернавская В.Н. «Восточный фронт» России XVII – начала XVIII века: ист.-историогр. очерки. Владивосток : Дальнаука, 2003. 176 с.
1081. Чирков А.А. Община и власть на Алтае (1906 – июнь 1918 гг.). Бийск : Бийский пед. ун-т, 2004. 171 с.
1082. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос. 2007. № 1. С. 219–238.

1083. Чупров А.И. Мелкое земледелие в России и его основные нужды. Москва : Изд. Моск. гор. нар. ун-та им. А. Л. Шанявского, 1913. 164 с.
1084. Чуркин М.К. Сибирь в имперской географии власти: паттерн общественно-политического дискурса XVI–XX вв. // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 147–159.
1085. Шапаров А.Е. Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 98–117.
1086. Шахеров В.П. Экономическое развитие Иркутска во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирский город XVII – начала XX веков. Иркутск, 2002. Вып. 4. С. 32–62.
1087. Шашина Е.Б. Основные направления развития россиеведения в США, 1960 – начало 1990-х годов : дис. канд. ист. наук. Москва, 1993. 166 с.
1088. Шашина Е.Б. Рецензия // Отечественная история. 1993. № 4. С. 207–208. Рец. на кн.: Маркс С.Г. Дорога к могуществу: Транссибирская железная дорога и колонизация Азиатской России, 1850–1917. Нью-Йорк, 1991.
1089. Шашков С.С. Исторические этюды. Т. 1. Санкт-Петербург : Изд. Н. А. Шигина : Тип. А. Моригеровского, 1872. [4], 332 с.
1090. Шевцова Н.В. Научный дискурс и его лингвистическая прагматика // Педагогический университетский вестник Алтая. 2003. № 4. С. 113–116.
1091. Шерстова Л.И. Характер вхождения Сибири в состав России: обзор концептуальных подходов // Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX вв.: население, хозяйство, культура : материалы Всерос. науч.-практ. конф. посвящ. 160-летию С.П. Швецова. Горно-Алтайск, 2018. С. 94–107.
1092. Шерстова Л.И. Цивилизационные константы евразийской идентичности // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 191–196.
1093. Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х гг. XIX в. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1989. 145 с.
1094. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Вып. 1. Областники : учеб. пособие. Новосибирск : НГУ, 1995. 136 с.
1095. Шиловский М.В. А была ли столыпинская аграрная реформа в Сибири? // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1. С. 25–28.
1096. Шиловский М.В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века : сб. науч. ст. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2004. С. 165–173.

1097. Шиловский М.В. Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX – первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. 270 с.
1098. Шмидт С.О. О методике выявления и изучения материалов по истории советской исторической науки // Труды Московского государственного историко-архивного института. Москва, 1965. Т. 22. С. 3–49.
1099. Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии: к 75-летию академика М.В. Нечкиной. Москва : Наука, 1976. С. 119–129.
1100. Шмидт С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 109–117.
1101. Шмидт С.О. Архивный документ как историографический источник // Путь историка : избр. труды по источниковедению и историографии. Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т. Москва : РГГУ, 1997. С. 177–203.
1102. Штейн Э. Об утрате книг Г.В. Юдина в Библиотеке Конгресса // Знамя. 1991. № 3. С. 237–240.
1103. Шунков В. И. Разработка вопросов истории Сибири за рубежом // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 35–40.
1104. Энгел Б. Бабыя сторона // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.) : материалы междунар. конф. Москва, 1996. С. 75–91.
1105. Эткинд А. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. 2001. № 3. С. 50–73.
1106. Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII – первая половина XX в.) / В.Л. Ларин, Г.П. Белоглазов, А.Т. Мандрик [и др.]. Владивосток : Рея, 2013. 256 с.
1107. Ювачев И.П. Борьба с хунхузами на Маньчжурской границе // Исторический вестник. 1900. Т. 82. С. 177–206.
1108. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. XII, 471 с.
1109. Яцунский В.К. Развитие исторической науки в США // Исторический журнал. 1944. № 12. С. 52–63.
1110. Яцунский В.К. Изучение истории в Калифорнийском университете в США // Вопросы истории. 1945. № 5-6. С. 186–200.